РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Archaeology

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION
Nosov Magnitogorsk State Technical University

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

2 (44)

Апрель–Май–Июнь

Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2014

Научная подготовка журнала осуществляется в сотрудничестве
с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)
член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *С. П. Карпов*, член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, академик РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *А. А. Масленников,* д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *М. Г. Абрамзон* (главный редактор)

к.и.н. *В. А. Гаибов,*
к.и.н. *Л. И. Киреева* (ответственный секретарь)
д.и.н. *В. Д. Кузнецов* (зам. главного редактора),
к.и.н. *С. В. Мокроусов* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. В. Октябрьская* (зам. главного редактора),
д.и.н. *И. Е. Суриков,* д.филол.н. *С. Г. Шулежкова*

Заведующая редакцией *Ю. А. Федина*

Editorial Board

M. G. Abramzon (*Editor-in-Chief*),

V. A. Gaibov, L. I. Kireyeva, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov

Head of the Editorial Office *Yu. A. Fedina*

© Российская академия наук, 2014
© Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2014
© Редколлегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» (составитель), 2014

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

Древняя Греция и Рим

© 2014

И. В. Востриков

АФИНСКИЙ ПАТРИОТИЗМ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЭФЕБИИ

В статье рассматриваются характер и особенности патриотического воспитания как образовательного компонента афинской эфебии. Делается вывод о том, что, несмотря на изменения в эфебии (появление интеллектуального образования, отсутствия необходимости подготовки армии), патриотическое воспитание сохранило свое значение ко II в. до н.э.

Ключевые слова: Афины, эфебия, патриотическое воспитание

Большую роль в деле военного и гражданского воспитания юношей Афин, их подготовке к роли граждан и исполнению общественных обязанностей играл институт эфебии[1]. Афинская эфебия имеет длительную историю.

В источниках эфебы и этот институт прослеживаются на протяжении восьми столетий (с V в. до н.э. по III в. н.э.), хотя о начальном периоде существования эфебии, до реформы Эпикрата 336/5 г. до н.э., мы встречаем весьма скудные сведения у некоторых авторов[2]. Реформирование эфебии, видимо, было одной из мер Ликурга по укреплению Афин после поражения при Херонее в 338 г. до н.э (Ps.–Plut. Vit. X Or. 841 B, 842 G, 852 C, 841 D, 842 A; Paus. I. 29. 16; Aesh. III. 27–31)[3]. Среди произведений античных авторов следует выделить «Афинскую Политию» Аристотеля, где в 42-й главе автор дает описание современной ему эфебии – в

Востриков Игорь Владимирович — аспирант кафедры всеобщей истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) Федерального университета. E-mail: igor-vostrikov@bk.ru

[1] Афинской эфебии посвящен ряд работ: Видаль-Накэ 2001, 115–181; Никитюк 2001, 57–68; Brenot 1920; Burckhardt 1996, 26–75; Dow 1958, 423–426; 1960, 381–409; Dumont 1875; 1876; Friend 2009; Lofberg 1925, 330–335; Mitchel 1961, 352–371; 1975, 233–243; Ober 1985, 90–95; Marcellus 1994; Pélékidis 1962; Pritchett 1949, 273–278; Reinmuth 1948, 211–231; 1952, 34–50; 1959, 209–233; 1962, 374–378; 1971; 1974, 246–254; Sekunda 1992, 327–340; Tracy 1979, 174–179.

[2] Об Эпикрате нет никаких сведений, кроме сообщения лексикографа Гарпократиона о том, что за реформу эфебии Эпикрату была поставлена медная статуя (Harpocrat. Epikr£thj). Также нет никаких документов, касающихся самой реформы.

[3] Об эпохе Ликурга в Афинах: Маринович 1983, 208–258; Mitchel 1965, 189–204; Sealey 1993, 207–212.

330-е–320-е гг. до н.э (Arist. Ath. Pol. 42. 1–4)[4]. Более того, именно с этого времени начинают регулярно появляться эпиграфические свидетельства, касающиеся эфебов. Эпиграфика является основным источником по истории афинской эфебии эллинистического и римского периодов. Анализ комплекса эфебских надписей, в частности, позволяет выявить изменения и особенности развития данной организации.

Двухгодичная эфебия была призвана сделать из молодых афинян граждан-воинов, умеющих обращаться с оружием и готовых при необходимости к защите страны и отстаиванию ее интересов с оружием в руках. В декретах выносятся решения похвалить и увенчать эфебов венком за благопристойность – ἡ κοσμιότης и дисциплину – ἡ εὐταξία (IG. II^2. 1156. 29–31, 39–40, 56–58), за благочестие – ἡ φιλοτιμία (IG. II^2 . 1189. 7–8), доблесть – ἡ ἀρετή и благоразумие – ἡ σωφροσύνη (IG. II^2 . 487. 10; 700, fr. b 24). Несомненно, перечисленные в надписях достоинства должны были быть нормой поведения для хорошего гражданина, однако они отражали еще одну важную функцию эфебии – патриотическое воспитание молодежи. Именно этому аспекту функционирования афинской эфебии и будет посвящена данная работа.

Ярким примером предназначения эфебии как института патриотического воспитания является клятва эфебов, в которой юноши обязуются не опозорить оружие, не покинуть товарища в строю, защищать храмы и святыни, благоразумно подчиняться руководителям и законам, чтить отеческие святыни (Tod. II. 204. 5–16)[5]. Ликург в своей речи обвиняет некоего Леократа в том, что он покинул Афины после битвы при Херонее, в то время как город готовился к обороне (Lyc. C.Leocr. 16–17). Таким образом, Леократ, по мнению Ликурга, предал свое отечество и нарушил эфебскую клятву (Lyc. C.Leocr. 77–78).

Учитывая важность воспитания молодежи, происходил тщательный отбор наставников, десятерых софронистов. Хороших граждан и патриотов своей страны должны были воспитывать хорошие граждане. Поэтому софронисты выбирались по одному от каждой филы из трех кандидатов старше сорока лет, причем, по словам Аристотеля, таких, которые будут наилучшими и наиболее пригодными для того, чтобы иметь попечение об эфебах – οὓς ἂν ἡγῶνται βελτίστους εἶναι καὶ ἐπιτηδειοτάτους ἐπιμελεῖσθαι τῶν ἐφήβων (Arist. Ath. Pol.42.2). Они должны были на полученные от государства деньги закупать припасы для эфебов (Arist. Ath. Pol.42.3). Возрастной ценз при выборе софронистов свидетельствует о том, что на эту должность требовались лица, имеющие определенный опыт в гражданских и семейных делах и зарекомендовавшие себя добродетельной жизнью. Софронисты могли служить образцом благоразумия, ἡ σωφροσύνη, для эфебов[6]. Показательны следующие примеры, встречающиеся в источниках, значимости данной добродетели для гражданина полиса. В частности, фиванцы во время борьбы с Филиппом, по-видимому, восхитившись поведением афинян, выразили им три прекрасней-

[4] Судя по всему, Аристотель как раз описывает эфебию, уже реформированную по закону Эпикрата.

[5] Клятва эфебов дошла до нас в трех вариантах: на стеле из Ахарны (Tod. II. 204), а также у Поллюкса (Onom. 8. 105–106) и Стобея (Stob. 43. 48). О клятве в целом: Taylor 1918, 495–501; Tod 1948, 303–308; Sievert 1977, 102–111; Rhodes, Osborne 2003, 440–449; Kellog 2008, 355–376.

[6] Friend 2009, 163.

шие похвалы: одну за мужество, другую за справедливость, третью за *благоразумие* – ἓν μὲν ἀνδρείας, ἕτερον δὲ δικαιοσύνης, τρίτον δὲ σωφροσύνης (Dem. XVIII. 215). По мнению Демосфена, *благоразумие*, стыдливость юношества по отношению к родителям и старшим, дисциплина при помощи законов одерживают верх над позорными вещами (Dem. XV. 24). Оратор также разделяет людей, которые при исполнении литургий растратили свое состояние, и тех, которые ревностно выполняют обязанности, а в остальном проявляют *благоразумие* и сохраняют свое состояние (Dem. XXXVIII. 26). В свою очередь Эсхин приводит ряд качеств, присущих человеку, преданному народу. По его мнению, такой человек должен быть свободнорожденным, его предки должны иметь заслуги перед народом, *благоразумным* и умеренным, а также благомыслящим, красноречивым и мужественным духом. (Aesh. III.169–170).

Помимо софронистов, из всех афинян выбирался космет – ὁ κοσμητής, руководитель эфебского корпуса, а также преподаватели военной и физической подготовки (Arist. Ath. Pol. 42. 2–3). Про требования к кандидату в косметы в «Афинской политии» никакой информации не дается. Но несомненно, что при избрании на эту ответственную должность происходил строгий отбор и космету, как и софронистам, необходимо было обладать высокими моральными и нравственными качествами. В надписи II в. до н.э. говорится о том, что космет выбирается из мужчин, ведущих благородную жизнь – κοσμη[τ]ὴν καθίστησ[ιν ἐκ] τῶν ἄριστα βε[βι] ωκότων (IG. II^2. 1006. 56).

Именно под руководством космета и софронистов эфебы обходили храмы богов (Arist. Ath. Pol. 42. 3). Хотя Аристотель больше ничего не сообщает о функциях космета и софронистов, можно с уверенностью говорить, что именно на этих лиц возлагалась ответственность за гражданское, моральное и патриотическое воспитание в эфебии[7]. В связи с вышеизложенным нужно отметить, что патриот не просто должен был любить свой полис и быть умелым воином, но и быть благоразумным, чтобы своими делами и обдуманными поступками приносить пользу полису в общественных делах.

Эфебия как государственный институт была зависима от политической ситуации в Афинах. Поражение в Ламийской войне 323–322 гг. до н.э. привело к установлению македонского контроля над Афинами, который проявился в вводе македонского гарнизона в Мунихии и некоторых изменениях в политической системе Афин, затронувших гражданский коллектив (Diod. XVIII. 18. 3–5, 74.3; Plut. Phoc. XXVIII. 1–4)[8]. Вплоть до свержения ставленника Кассандра Деметрия Фалерского в 307 г. до н.э. нет никаких свидетельств об эфебии, которая в этот период, по-видимому, была отменена[9]. Конечно, военная подготовка и патриотическое воспитание юношей в подконтрольном полисе в присутствии македонского гарнизона представляли определенную опасность и были недопустимы для македонян и промакедонской администрации Афин. Сведения об эфебии появляются вновь после освобождения города от Деметрия Фалерского в 307 г. до н.э. Но

[7] Reinmuth 1971, 79–80; Rhodes 1981, 504–505.

[8] Политическая ситуация в Афинах этого времени подробно рассмотрена в работах: Huges 2008, 92–245; Williams 1982, 97–211.

[9] Friend 2009, 181–182; Marcellus 1994, 172–173; Huges 2008, 113, 172; Pélékidis 1962, 157; Reinmuth 1948, 217.

здесь наблюдаются серьезные изменения в эфебии: сокращение срока службы с двух до одного года, ее добровольный характер, отмена государственного финансирования[10]. Все это повлекло резкое сокращение численности эфебов в конце IV–III вв. до н.э.[11]

По-видимому, в связи с малочисленностью эфебов в III в. до н.э. исчезают софронисты, поэтому заботы по воспитанию эфебов ложатся на плечи косметов. Эти изменения в эфебии свидетельствуют об отказе от четко выстроенной при Ликурге системе военного-патриотического воспитания и утрате ее актуальности в Афинах, несмотря на то, что в дальнейшем вплоть до 229 г. до н.э. афинянам приходилось бороться с переменным успехом против македонян за возвращение контроля над Пиреем. Серьезная подготовка эфебов в этой ситуации была бы как нельзя кстати для афинских граждан. Военное и патриотическое воспитание в рамках эфебии с учетом приведенных обстоятельств было символично и занимало небольшое место в жизни полиса III в. до н.э.

Во II в. до н.э. военное и патриотическое воспитание в эфебии несколько оттесняется интеллектуальным образованием. Как следует из эпиграфических документов, эфебы посещали занятия философов, риторов и грамматиков (IG. II^2. 1006. 19–20, 62–64; 1009. 8; 1029. 21; 1030. 32; 1039. 16–18, 47–48; 1040. 26–28; 1042. fr. a–b. 18–19, fr. c. 7–8; 1043. 19–20, 41–43).

Развитие интеллектуального образования в программе эфебского обучения, по-видимому, было связано с общей политической и социокультурной ситуацией в полисе. Афины во II в. до н.э. отходят от активной внешней политики, исчезает необходимость в сильной армии, но в то же время полис становится одним из крупнейших центров образования и культуры эллинистического мира. Однако, несмотря на это, военное и патриотическое воспитание сохраняют свое значение в эфебии. Эпиграфические свидетельства II в. до н.э. очень хорошо раскрывают аспекты интеллектуального, военного и особенно патриотического воспитания в этот период.

В надписи 122/1 г. до н.э. говорится следующее: «Народ величайшее усердие проявляет об образовании и дисциплине эфебов, желая, чтобы из детей они стали хорошими мужами и преемниками родины и предписал на основании законов стать опытными (в охране) своей страны, крепостей и границ Аттики, и также с оружием в руках совершать подобающим образом военные упражнения» (ὁ δῆμος τὴν πλείστην σπουδ[ὴν ποι]εῖται τῆς τῶν ἐφήβων ἀγωγῆς καὶ εὐταξίας βουλόμενος το[ὺ]ς ἐκ τῶν πα[ί]δων μεταβαίνοντας εἰς **τοὺς ἄνδρας ἀγαθοὺς** γίνεσθαι **τῆς πατρίδος διαδ[ό]χους** καὶ προσέταξεν διὰ τῶν νόμω[ν] τ[ῆ]ς τε χώρας κα[ὶ] τῶν φρουρίων καὶ τῶν ὁρίων τῆς Ἀττικῆς ἐμπείρους γίνεσθαι ἔν τε τοῖς ὅπλοις τὴν εἰς πόλεμον ἀνήκουσαν ἄσκησι[ν ποιεῖ]σθαι (IG. II^2. 1006. 52–55). Причем, как подчеркивается в декрете в честь космета, их (эфебов) дисциплина и мужество являются украшением отечества – κόσμον τῆι πατρίδι τὴ[ν] εὐταξίαν αὐτῶν καὶ ἀνδρείαν (IG. II^2. 1006. 59).

---

[10] В декрете 305/4 г. до н.э. (IG. II2. 478), принятом при архонте Эвксениппе, чествуются эфебы, записанные в предыдущий год, 306/5 г. до н.э. при архонте Коройбе. Кроме того в этом декрете впервые представлены вместе эфебы всех фил.

[11] Так, если в 305/4 г. до н.э. (IG. II2. 478) эфебский корпус, согласно подсчетам Рейнмута (Reinmuth 1971, 106), состоял примерно из 372 человек, то, к примеру, в 282/1г. до н.э. (IG. II2. 665) насчитывается приблизительно 32 эфеба, в 248/7 г. до н.э. (IG. II2. 681) около 29 эфебов.

Упоминается, что однажды эфебы восстановили старую катапульту (IG. II^2. 1006. 82). Кроме того, эфебы начали заниматься морским делом, что, судя по всему, связано с их патриотическим воспитанием, поэтому среди наставников появляются моряки (IG. II^2. 1006. 46–47).

Патриотическое воспитание в эфебии предполагало весьма насыщенную общественно-религиозную деятельность. Юноши совершали походы с оружием к крепостям и границам Аттики (IG. II^2. 1006. 24–25, 66, 90–91; 1011. 15–16; 1028. 85–86). Несомненно, целью таких походов было ознакомление юных патриотов с территорией родного полиса. Эфебы несли охранную службу Афин и Пирея (IG. II^2. 1039. 21–22, 50–51; 1040. 31). Кроме этого эфебы присутствовали на заседаниях экклесии в строю с оружием (IG. II^2. 1006. 20–21; 1008. 20–21; 1011. 22; 1028. 35–36; 1029. 21–22; 1030. 31–32).

Религиозная деятельность, связанная с патриотическим воспитанием, хорошо засвидетельствована в эпиграфических документах. Эфебы совершали жертвоприношения различным богам, участвовали в праздничных процессиях, устраивали состязания. Очень примечательным в рамках патриотического воспитания является обращение к блестящему прошлому греков, к периоду героической борьбы с персами в V в. до н.э., когда афинянами были одержаны знаменательные победы над варварами, в результате чего полис стал крупнейшей военной и морской державой. Поэтому, отдавая дань памяти своим мужественным предкам и согражданам, эфебы посещали марафонское захоронение, где увенчивали могилу и совершали жертвоприношения погибшим в войне за свободу: πα[ρ]αγενόμενοι δὲ [ἐπὶ τὸ ἐμ Μαραθῶνι πολυ]άνδρειον ἐστεφάνωσάν τε καὶ ἐνήγισαν τοῖς κατὰ πόλεμον τελευτήσασιν ὑπ[ὲ]ρ τῆς Ἐλευθερίας (IG. II^2. 1006. 26–27, 69–70). Как сообщает Павсаний (I. 32. 3), на могиле были установлены стелы с именами погибших и указанием их фил.

Также эфебы совершали жертвоприношения в святилище Амфиарая, в котором жертвенник был разделен на пять частей, посвященных разным богам, в том числе Зевсу, Гераклу, Афине (Paus. I. 34. 2), где от отцов храма (жрецов?) слушали дошедшее с древних времен (по всей вероятности, рассказы): παρε[γ]ένο[ντο] δ[ὲ καὶ εἰς τὸ Ἀμφιάραον καὶ ἱ]σ[τόρησαν] τὴν γεγονεῖαν ἐκ παλαιῶν χρόνων ὑπὸ τῶν πατέρων τοῦ ἱεροῦ [κ]υριείαν καὶ θ[ύ]σαντες (IG. II^2. 1006. 27–28, 70–71). Помимо этого, эфебы отплывали к трофею, сооруженному в честь победы Фемистокла (Paus. I. 26. 1), при котором приносили жертвы Зевсу, участвовали в процессии в честь великих богов, а также устраивали состязание на кораблях (IG. II^2. 1006. 28–29, 71; 1008. 17–18; 1028. 27–28).

Приплывали эфебы и в гавань Мунихия, где тоже состязались на кораблях (IG. II^2. 1006. 29–30, 71–72; 1011. 16; 1028. 20–21; 1030. 19–20). Символичным является посещение юношами храма Айанта на Саламине (Paus. I. 35. 3). Эфебы устраивали состязание на кораблях, шествие и принесение жертвы герою Айанту (IG. II$^{2.}$ 1006. 30–31, 73–74; 1008. 22–24, 75–77; 1011. 16–17, 53–55; 1028. 24–25; 1029. 14–15), что, видимо, представляло собой подражание подобным ритуальным действиям, совершенным афинянами накануне Саламинского сражения (по сообщению Геродота, перед битвой афиняне принесли молитвы богам и призвали на помощь Айанта и Теламона – Hdt. VIII. 64).

При рассмотрении эфебского патриотического воспитания II в. до н.э. необходимо обратить внимание на такое любопытное явление, как допуск иностранцев в эфебию. Эфебы неафинского происхождения впервые появляются в надписи 119/18 г. до н.э. (IG. II^2. 1008. col. IV. 111–128). В связи с этим возникает вопрос о месте иностранцев в организации, предназначенной для патриотического воспитания афинян.

По мнению А. Дюмона и К. Форбса, иностранные эфебы не находились отдельно от граждан. Они посещали святыни, участвовали в жертвоприношениях, патрулировали границы и укрепления, слушали те же лекции философов[12]. Однако О. Рейнмут замечает, что эфебия, несмотря на изменения характера обучения, в своих религиозных, военных, гражданских и моральных аспектах предназначалась именно афинским гражданам[13].

Хотя по своему характеру эфебия и предназначалась гражданам, еще в конце IV в. до н.э., с введением принципа добровольности, произошел определенный разрыв с институтом гражданства. Кроме того, Афины принимают иностранцев как для привлечение финансовых средств, так и для получения ими хорошего образования[14]. И если в эту «кузницу граждан» стали допускать иностранцев, то логично, что они проходили с эфебами-гражданами весь курс обучения, включая религиозный и патриотический компонент, что должно было служить для демонстрации института афинского гражданства, его особенностей, традиций, а также полисного патриотизма в целом.

В заключение следует сказать, что в Афинах на государственном уровне сложилась система военного и патриотического воспитания молодых граждан как образовательный компонент афинской эфебии. Патриотическое воспитание было направлено на подготовку к выполнению гражданских обязанностей и выработку у юношей определенных черт характера и норм поведения, присущих хорошему гражданину. Несмотря на потерю эфебией в результате изменения политических условий того значения, какое она имела при Ликурге, патриотическое воспитание сохраняется и ярко проявляется, судя по эпиграфическим документам, во II в. до н.э., когда эфебы обращаются к славному прошлому Афин. Это имело большое моральное значение для полиса, который к этому времени уже не являлся мощной военной державой и находился под контролем Рима.

ЛИТЕРАТУРА

Видаль-Накэ П. 2001: Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.

Маринович Л. П. 1983: Афины при Александре Македонском // Античная Греция. Т. 2. М., 208─258.

Никитюк Е. В. 2001: Афинская эфебия IV─III вв. до н.э. // Война и военное дело в античности (Para bellum). 12, 57─68.

[12] Forbes 1929, 90; Dumont 1875, 159.

[13] Reinmuth 1948, 220.

[14] Среди эфебов встречаются даже такие знатные лица, как царевичи Ариобарзан и Ариарат, сыновья каппадокийского царя Ариарата II (IG. II2. 1039. frg. b1,c1,p.col. II. 3–5). Причем они записаны как афинские граждане дема Спалетты, филы Кекропиды. Это свидетельствует о том, что представителям каппадокийского царского дома в качестве почестей было даровано афинское гражданство.

Brenot A. 1920: Recherches sur l'ephebie attique et en particulier sur la date de l'institution. Bibliotheque de l'Ecole des Hautes Etudes fasc. 229. Paris.

Burckhardt L. A. 1996: Bürger und Soldaten. Stuttgart.

Dow S. 1958: Oi peri to Diogeneion. // Harvard Studies in Classical Philology. 63, 423─426.

Dow S. 1960: The Athenian Epheboi; Other Staffs, and the Staff of Diogeneion // TPAPA. 91, 381─409.

Dumont A. 1875: Essai sur l'ephebie attique. Vol. 1–2. Paris.

Forbes C. A. 1929: Greek Physical Education. New York; London.

Friend J. L. 2009: The Athenian Ephebeia in the Lycurgian Period: 334/3–322/1 B.C.: PhD Diss. Austin.

Huges S. 2008: After the Democracy: Athens under Phokion (322/1–319/8 B.C.): PhD. Diss. University of Western Australia.

Kellog D. 2008: The Ephebic Oath and the Oath of Plataia in Fourth-Century Athens // Mouseion: The Journal of the Classical Association of Canada. 8. 3, 355–376.

Lofberg J .O. 1925: The Date of the Athenian Ephebeia // Classical Philology. 20. 4, 330–335.

Marcellus H. V. 1994: The Origins and Nature of the Attic Ephebeia to 200 B.C.: PhD. Diss. Oxford.

Mitchel F. W. 1961: The Cadet Colonels of the Ephebic Corps // TPAPA. 92, 352–371.

Mitchel F. W. 1965: Athens in the Age of Alexander // Greece & Rome. 12. 2, 189–204.

Mitchel F. W. 1975: The So-Called Earliest Ephebic Inscription // ZPE. 19, 233–243.

Ober J. 1985: Fortress Attica: Defense of the Athenian Land Frontier 404–322 B. C. Leiden.

Pélékidis C. 1962: Histoire de l'éphébie attique des origins à 31 avant Jèsus-Christ. Paris.

Pritchett W. K. 1949: Epheboi of Oineis // Hesperia. 8, 273–278.

Reinmuth O. W. 1948: The Ephebate and Citizenship in Attica // TPAPA. 79, 211–231.

Reinmuth O. W. 1952: The Genesis of the Athenian Ephebeia // TPAPA. 83, 34–50.

Reinmuth O. W. 1959: A «Diogene's College» in Athens? // TPAPA. 90, 209–223.

Reinmuth O. W. 1962: Hoi Peri to Diogeneion Again // TPAPA. 93, 374–378.

Reinmuth O. W. 1971: The Ephebic inscriptions of the Fourth Century B. C. Boston; Leiden; Koln.

Reinmuth O. W. 1974: A New Ephebic Inscription from the Athenian Agora // Hesperia. 43. 2, 246–254.

Rhodes P. J. 1981: A commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxford.

Rhodes P. J., Osborne R. 2003: Greek Historical Inscriptions, 404–323 B. C. Oxford.

Sealey R. 1993: Demosthenes and His Time. Oxford.

Sekunda N. W. 1992: Athenian Demography and Military Streugth 338–322 B.C. // ABSA. 87, 311–355.

Siewert P. 1977: The Ephebic Oath in Fifth-Century Athens // JHS. 97, 102–111.

Taylor J. M. 1918: The Athenian Ephebic Oath // CJ. 13. 7, 495–501.

Tod M. N. 1948: A Selection of Greek Historycal Inscriptions. Vol. 2. Oxford.

Tracy S. V. 1979: Greek Inscriptions from the Athenian Agora // Hesperia. 48. 2, 174–179.

Williams J. M. 1982: Athens without Democracy: the Oligarchy of Phocion and the Tyranny of Demetrius of Phalerum, 322–307 B.C.: PhD. Diss. Yale University.

ATHENIAN PATRIOTISM AND FUNCTIONING OF EPHEBEIA'S INSTITUTION

I. V. Vostrikov

The article deals with the nature and peculiarities of patriotic education as an educational component of the Athenian ephebeia. The conclusion is made that despite changes in ephebeia

(the appearance of intellectual education, lack of necessary training of the army), patriotic education preserved its value up to the 2nd century BC.

Key words: Athens, ephebeia, patriotic education

© 2014

А. В. Васильев

ДЕФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ РИМСКИХ МАГИСТРАТУР В ПЕРИОД ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (218–201 гг. до н. э.)

В статье рассматриваются наиболее значимые изменения в практике функционирования римских магистратур в период войны с Ганнибалом. К ним относятся разрушение традиционной «лестницы магистратур», нарушения, связанные с диктатурами военного времени, экстраординарные испанские командования и некоторые другие. Прослеживая эти деформации, автор приходит к выводу, что ликвидировать некоторых из них в дальнейшем римское государство оказалось неспособно, что стало одним из факторов будущего кризиса республиканской государственности.

Ключевые слова: Рим, республика, магистратуры, Вторая Пуническая война, империй

Вторая Пуническая война оказала огромное влияние на развитие римской государственности в целом и магистратской власти в частности. Политические, социальные и экономические последствия этой войны были столь значительны, что высказывалось предположение о ключевой роли Ганнибаловой войны в истории римской республики, предопределившей ее дальнейшее развитие и даже падение[1]. Так или иначе, представляется особенно важным проанализировать конкретные деформации в системе римских магистратур, связанные с чрезвычайными условиями военного времени. Эти изменения могли быть как формально-правовыми, закрепленными в законодательной практике, так и экстралегальными, то есть не отраженными в правовых установлениях. Изучение таких изменений и причин их возникновения и является целью данной статьи.

Для этого мы располагаем хорошей источниковой базой, главным образом благодаря историческим трудам Полибия и Тита Ливия, в которых содержится связное изложение истории Второй Пунической войны. Вспомогательными источниками служат более поздние, но иногда не менее ценные сочинения Флора и Аппиана, а также некоторые из жизнеописаний Плутарха. В отдельных случаях могут быть привлечены эпиграфические свидетельства, позволяющие проверить достоверность тех или иных сообщений античной традиции.

Переходя к конкретному историческому материалу, следует начать с появления в самом начале войны отдельного испанского командования и вопроса о том, каким правовым статусом был наделен его обладатель. Как известно, в начале

Васильев Андрей Владимирович — преподаватель истории в классической гимназии № 610 г. Санкт-Петербург. E-mail: Ander-Vaas@yandex.ru

[1] Toynbee 1965, 486.

218 г. до н. э. консула Публия Корнелия Сципиона сопровождал в качестве легата его брат Гней, который после вынужденного отбытия консула в Италию для борьбы с Ганнибалом продолжил путь на Иберийский полуостров самостоятельно и руководил там кампанией первого года войны (Polyb. III. 49. 4; 56. 5; 76. 1; Liv. XXI. 32. 3–4; App. Iber. 14). Полибий называет Гнея «начальником морских сил» (στρατηγὸς ἐπὶ τῆς ναυτικῆς δυνάμεως — Polyb. III. 76. 1), Ливий применяет достаточно общий термин «полководец» (imperator — Liv. XXV. 35. 2; 35. 4), а Аппиан обозначает его как легата (πρεσβευτής — App. Iber. 14). Последнее, по всей видимости, ближе всего к действительности: позднее именно в такой роли выступит Сципион Африканский при брате Луции во время войны с Антиохом. В 217 г. до н. э. на помощь брату в Испанию был отправлен Публий Корнелий Сципион, но в этом случае уже с проконсульским империем (Liv. XXII. 22. 1).

Т. Моммзен полагал, что Гнею его братом в 218 г. до н. э. был делегирован империй меньший по отношению к консульскому (imperium minus)[2]. Эта точка зрения получила поддержку и в работе В. Яшемски о промагистратурах[3]. Напротив, Р. Девелин предположил, что, по крайней мере с 217 г. до н. э., Гней обладал отдельным проконсульским командованием, а звание проконсула было дано ему решением плебейского собрания, как это зачастую происходило во время войны[4]. Современная исследовательница Р. Фейг Вишниа утверждает, что источники достаточно четко показывают существование лишь одного испанского командования вплоть до 206 г. до н. э., несмотря на то что на Иберийском полуострове действовали две римские армии под командованием двух разных военачальников (Liv. XXV. 28. 4; XXVI. 27. 3). Поэтому она предполагает, что официальным титулом Гнея Сципиона было звание пропретора[5].

Ситуация с Гнеем напоминает события 295 г. до н. э., в связи с которыми у Ливия впервые появляется термин *pro praetore* (Liv. X. 25–26). Речь, по-видимому, должна идти не о «частном лице, наделенном империем» (privatus cum imperio), как полагает Э. Линтотт[6], а о «легате, наделенном империем» (legatus cum imperio), или «легате пропреторского ранга» (legatus pro praetore). Это нововведение, как нам представляется, впервые возникшее в эпоху Самнитских войн, было использовано Публием Корнелием Сципионом для того, чтобы предоставить своему брату легальный статус, отправляя его в Испанию в 218 г. до н. э. Тем не менее, данная процедура была существенным нарушением важнейшего принципа магистратской власти в Риме: ее выборности.

Битва у Тразименского озера (217 г. до н. э.) и гибель консула Г. Фламиния оказали значительное влияние на суеверных римлян. Гибель Фламиния в Риме объясняли тем, что консул уехал в армию, не приняв участие в ауспициях и не исполнив других своих религиозных обязанностей (Liv. XXI. 63. 5–9; XXII. 9. 7). Как указывает в книге по истории Пунических войн К. А. Ревяко, Фламиний по римским понятиям не имел права на командование войском, поскольку не мог предпринять ауспиций в чужих землях (Liv. XXII. 1. 6–7)[7].

[2] Mommsen 1887, 656.
[3] Jashemski 1950, 22–23.
[4] Develin 1980, 356.
[5] Feig Vischnia 1996, 64.
[6] Lintott 1999, 114.
[7] Ревяко 1988, 148.

В чрезвычайных обстоятельствах римляне решили прибегнуть к назначению диктатора, чего не делали по соображениям военной необходимости уже больше тридцати лет[8]. Однако консул Гней Сервилий находился не в Риме, и к нему невозможно было послать гонца с письмом, а потому «*народ избрал в диктаторы* Кв. Фабия Максима, а в начальники конницы М. Минуция Руфа, чего до того дня никогда не делалось» (quod nunquam ante eam diem factum erat, *dictatorem populus creavit* [Выделено мной — *А.В.*] Q. Fabium Maximum et magistrum equitum M. Minucium Rufum — Liv. XXII. 8. 5).

Однако в другом месте Ливий называет Фабия должностным лицом с диктаторской властью (pro dictatore) на основании того, что правом назначать диктатора обладал только консул (Liv. XXII. 31. 9–10). Эта версия Ливия не получила поддержки у современных историков[9]. По одному из предположений, процедуру «наречения» (dictio) диктатора мог совершить городской претор М. Эмилий Регилл[10].

Если избрание диктатора и начальника конницы на комициях еще можно объяснить критическими условиями, в которых оказалась республика, то внесенное по инициативе народного трибуна Марка Метилия постановление «об уравнении в правах начальника конницы и диктатора» (de aequando magistri equitum et dictatoris iure — Liv. XXII. 25. 10) было нарушением всей предшествующей государственной практики. Этим постановлением, если верить Ливию, империй начальника конницы уравнивался с империем диктатора (Liv. XXII. 26. 7), то есть фактически на поле боя действовало теперь два диктатора.

Полибий подтверждает данное предположение, прямо указывая на наличие вследствие этого постановления «двух диктаторов для ведения одной и той же войны» (δύο δικτάτορες ἐπὶ τὰς αὐτὰς πράξεις — Polyb. III. 103. 4). Другим подтверждением служит посвятительная надпись Геркулесу от имени Минуция, в которой тот именует себя диктатором: *M. Minuci*[us] *C.f.* dictator vovit (CIL. I^2. 2. P. 499). Э. Бэдиан предположил, что в этой надписи Минуций присвоил себе звание, которого он не мог носить[11]. Версию Полибия о диктаторском статусе М. Минуция после принятия предложения М. Метилия отвергает и Дж. Брискоу[12].

Однако в данном случае, по нашему мнению, больше правоты на стороне итальянского исследователя Ф. Кассолы, который на основании уже упомянутого свидетельства Полибия убедительно показывает, что Минуций действительно носил титул диктатора[13]. Впрочем, из повествования Ливия следует, что после своего поражения он отказался от диктаторской власти и вернулся к званию начальника конницы (Liv. XXII. 30. 4). Во всяком случае, вся эта история ярко свидетельствует о ломке традиционной государственной практики в критических условиях Ганнибаловой войны.

Поражение при Тразименском озере вновь обострило политическую борьбу в

---

[8] С 249 г., когда был назначен Авл Атилий Калатин, первым из диктаторов поведший войну за пределы Италии (Liv. Per. XIX; Fast. Cap. Degrassi 42f. 116).

[9] В частности, ее отвергает автор крупного справочного издания по римским магистратурам Т. Р. Броутон на основании однозначного свидетельства Полибия (Polyb. III. 87. 6): Broughton, Patterson 1951, 245–246.

[10] Feig Vischnia 1996, 56, n. 23.

[11] Badian 1961, 496.

[12] Briscoe 2008, 51, n. 37.

[13] Cassola 1962, 265.

Риме. В итоге консулами на 216 г. до н. э. были избраны «новый человек» М. Теренций Варрон, критиковавший действия Фабия, и представитель знати Л. Эмилий Павел (Liv. XXII. 35). Последовавшее сражение при Каннах, в котором полегло больше половины с трудом собранной римлянами армии в 87 тысяч человек, а также две трети командного состава и 80 человек сенаторского сословия, включая консула Л. Эмилия Павла, проконсула Гн. Сервилия Гемина, бывшего начальника конницы М. Минуция, двух квесторов и еще нескольких бывших консулов и преторов (Liv. XXII. 49. 14–17), в корне изменило политическую ситуацию в Риме[14].

А. Тойнби полагал, что катастрофа при Каннах заставила умолкнуть ту оппозицию правлению римского нобилитета, которая лишь отчасти была ослаблена предшествующей катастрофой на Тразименском озере и потерей Г. Фламиния. В результате новый лидер плебса Г. Теренций Варрон был дискредитирован, а нобилитет смог не только удержать власть, но и еще больше укрепить ее[15].

Подобная точка зрения в несколько ином виде представлена и Ю. фон Унгерн-Штернбергом, который указал на невозможность продолжения политики Фламиния после Канн, когда сенат и народ сплотились для отражения внешнего врага, а плебейские трибуны, следуя чаяниям избирателей, стали следовать в русле сенатской политики[16].

В данном контексте нас интересует дальнейшая судьба института магистратской власти. Во-первых, прецедент диктатуры Фабия и Минуция не остался без последствий. Другой случай спорной диктатуры относится как раз ко времени после Каннской катастрофы. По распоряжению сената в городе диктатором был назначен Марк Юний Пера, а начальником конницы при нем стал Тиберий Семпроний Гракх (Liv. XXII. 57. 9). В то же время насущной задачей после череды военных поражений и значительных потерь в рядах сенаторского сословия стал пересмотр списка сенаторов (*lectio senatus*), который не проводился со времени цензуры Л. Эмилия и Г. Фламиния (220 г. до н. э.). Ввиду волнений латинов, вместо избрания цензоров было решено назначить еще одного диктатора «без начальника конницы *для составления списка сенаторов*» (dictator sine magistro equitum *senatus legendi causa* [Выделено мной — *А.В.*] — Fast. Cap. Degrassi 46f. 119)[17].

Марк Фабий Бутеон, уже исполнявший цензуру и ставший теперь этим «странным» диктатором, назначенным для пересмотра списка сенаторов, заявил свое неодобрение трех новшеств, связанных с этим назначением: одновременного наличия двух диктаторов; вручения цензорских полномочий одному человеку во второй раз и на шесть месяцев; отсутствия при таком диктаторе начальника конницы (Liv. XXIII. 23. 1). Не исключив из сената никого, но пополнив его 177 новыми членами, избранными в том числе из лиц, не занимавших до этого курульные должности, Бутеон сразу после этого сложил диктаторские полномочия (Liv. XXIII. 23).

Отсутствие начальника конницы и предоставление полной диктаторской власти при наличии конкретной компетенции могло бы послужить прообразом для

[14] Ревяко 1988, 159.

[15] Toynbee 1965, 486.

[16] von Ungern-Sternberg 1986, 374. Полагаем, что именно в это время был принят плебисцит Атиния (о его точной дате и авторе ничего неизвестно), по которому плебейские трибуны становились членами сената (Gell. N.A. XIV. 8. 2).

[17] Mommsen 1887, 159, Anm. 2.

диктатур Поздней республики. Впрочем, диктатура 216 г. до н. э. все же была традиционной раннереспубликанской диктатурой, лишь претерпевшей серьезные деформации в критических военных условиях[18].

Другим важным изменением в государственной практике в период Второй Пунической войны стал отказ от запрета на «переизбрание» (continuatio) до истечения 10-летнего перерыва. Это правило учитывалось при выборе высших магистратов со времен плебисцита Генуция (342 г. до н. э.)[19]. О том, как эта практика была легитимирована, можно узнать из описания Ливием событий конца 210 г. до н. э., когда при председательстве на выборах консулов диктатора Кв. Фульвия Флакка были избраны он сам в четвертый раз и Кв. Фабий Максим — в пятый (Liv. XXVII. 6). Воспрепятствовать этому попытались народные трибуны Гай и Луций Аррении, указывая на несоответствие частого переизбрания устройству республики и недопустимость избрания на должность того, кто председательствует над выборными комициями (Liv. XXII. 6. 4). В ответ на это диктатор сослался на плебисцит, принятый с одобрения сената в консульство Гн. Сервилия и Г. Фламиния (217 г. до н. э.), согласно которому «пока в Италии идет война, из тех, кто уже был консулами, да будет у народа право переизбирать, *кого и сколько раз он пожелает*» (quoad bellum in Italia esset, ex iis qui consules fuissent *quos et quotiens vellet* [Выделено мной. — *А.В.*] reficiendi consules populo ius esset — Liv. XXVII. 7).

Консульские фасты за период 217–201 гг. до н. э. демонстрируют, что этот плебисцит были применен в отношении консулов в 8 или 9 случаях, и все они относятся к периоду до 208 г. до н. э., после которого все консулы избирались либо впервые, либо с соблюдением 10-летнего перерыва. Более того, как показывает Р. Фейг Вишниа, плебисцит был применен в отношении лишь пяти римских полководцев: четыре раза при переизбрании М. Клавдия Марцелла (215[20], 214, 210, 208 гг. до н. э.), дважды в отношении Кв. Фабия Максима (214, 209 гг. до н. э.), по одному разу при переизбрании Л. Эмилия Павла (216 г. до н. э.), Т. Семпрония Гракха (213 г. до н. э.) и Кв. Фульвия Флакка (209 г. до н. э.)[21].

Однако данная выборка не включает практику пророгации империя, к которой в этот период стали прибегать все чаще. Если обратить внимание на те же фигуры, в отношении которых применялся плебисцит 217 г. до н. э., мы увидим, что пророгация позволила М. Клавдию Марцеллу, прозванному «мечом Италии», обладать консульской и проконсульской властью в течение восьми лет подряд (215–208 гг. до н. э.), а Кв. Фульвию Флакку и Тиб. Семпронию Гракху по четыре года соответственно (Флакк — с 212–209 гг. до н. э.; Гракх — 215–212 гг. до н. э.). Никто из троих все же не мог похвастаться избранием на должность консула два раза подряд (215–214 гг. до н. э.), как это случилось с Кв. Фабием Максимом, прозванным

[18] Об отличиях диктатур поздней республики (сулланской и цезарианской) от раннереспубликанской диктатуры см.: Чеканова 2005, 218–222, 299–302.

[19] Имеется и пример нарушения запрета на совмещение должностей (cumulatio): Т. Семпроний Гракх был эдилом и начальником конницы в один год — Liv. XXIII. 30. 16.

[20] Избрание Марцелла в 215 г. до н. э. было объявлено авгурами недействительным, и он отказался от должности (Liv. XXIII. 31. 13–14; Plut. Marc. 12. 1).

[21] Feig Vischnia 1996, 52, n. 9. Добавим, что карьере Эмилия Павла и Семпрония Гракха положила конец гибель на поле боя. Встречаются и три случая применения этого плебисцита при выборах преторов: М. Помпоний Матон (217, 216 гг. до н. э.), Т. Отацилий Красс (217, 214 гг. до н. э.); Кв. Фульвий Флакк (215, 214 гг. до н. э.) — Broughton, Patterson 1951, 266.

«щитом Италии». Это отступление от законов и традиции не случайно считается самым вопиющим из всех, поскольку оно подразумевало одновременное нарушение обоих принципов проведения выборов, упомянутых выше (запрет на переизбрание и запрет на участие в выборах председательствующего на них).

Итак, в конце 215 г. до н. э. Фабий прибыл в Рим для проведения выборов, назначив их на первый же пригодный для этого день. Затем, как это ясно из изложения Ливия, чтобы не слагать с себя военный империй (imperium militae), он с ходу, «минуя город» (praeter urbem), отправился на Марсово поле (Liv. XXIV. 7. 10). Жребий голосовать первой выпал центурии младших Аниенской трибы, которая отдала свой голос Титу Отацилию и Марку Эмилию (оба — преторы 217 г. до н. э., так что их избрание было вполне законным и логичным). Тогда Фабий приостановил выборы, обратился к гражданам с увещеванием принять во внимание опыт и заслуги кандидатов, а к центурии, голосовавшей первой (centuria prerogativa), с просьбой пересмотреть свой голос, после чего было вновь проведено новое голосование, в ходе которого консулами были избраны сам Кв. Фабий Максим вместе с М. Клавдием Марцеллом (Liv. XXIV. 8–9).

Характерно, что вместе с переизбранием в консулы Кв. Фабия Максима были избраны преторами сын консула Кв. Фабий, бывший до этого курульным эдилом, а также его политический союзник Кв. Фульвий Флакк, который был претором предшествующего года. Более того, как указывает Ливий, специальным постановлением сената Фульвий «вне порядка» (extra ordinem) стал городским претором (Liv. XXIV. 9. 4–5).

Трудно найти другой такой пример в римской истории, когда, несмотря на протесты другого кандидата, председатель выборных комиций сознательно направляет их к избранию консулом самого себя. Похожая ситуация, случившаяся на консульских выборах конца 211 г. до н. э., упоминается Ливием и Флором (Liv. XXVI. 22; Flor. I. 22. 26). Прерогативная центурия младших Вотуриевой трибы проголосовала за Т. Манлия Торквата и Т. Отацилия Красса. Тогда Манлий прервал голосование и попросил центурию переголосовать, ссылаясь на глазную болезнь. По совещанию со старшими центурия отдала свой голос М. Клавдию Марцеллу и М. Валерию Левину. Характерно, что в списке кандидатов снова фигурировал Кв. Фабий Максим.

Х. Скаллард, используя просопографический метод и прослеживая тонкости борьбы между различными римскими кланами, объяснил эти серьезные нарушения традиции политической победой Фабия Максима после Канн и прекращением влияния группы Эмилиев и Корнелиев, а также вмешательства народа в ход политической борьбы между различными группировками римской аристократии[22].

Ф. Кассола отмечал, что других примеров аннулирования уже отданного голоса в римской истории просто не найти, а связь их обоих с фигурой Т. Отацилия вызывает подозрения в редупликации одного и того же случая. Как известно из повествования Ливия, как раз в это время Отацилий умер в Сицилии, а весть о его смерти пришла в Рим вскоре после выборов (Liv. XXVI. 23. 2)[23].

---

[22] Scullard 1973, 53.

[23] Cassola 1962, 319. Характерно замечание Ливия, что Т. Отацилий был бы избран, «если бы не был нарушен порядок комиций» (nisi interpellatus ordo comitiorum esset — Liv. XXVI. 23. 2),

В современной историографии появилась и другая точка зрения на данные прецеденты. Р. Фейг Вишниа полагает, что для переизбрания Фабия в 214 г. до н. э. был принят специальный закон (*l*ex de consulibus reficiendis), о котором Ливий не упоминает, а решающим фактором переизбрания называет личные амбиции Фабия: ведь его власть могла быть продлена при помощи такого традиционного средства, как пророгация. Однако Фабий, как и во время своего пребывания в должности диктатора (Plut. Fab. 4. 1–3), желал большего, чем было позволено другим[24].

Если рассмотреть второй случай под таким углом зрения и принять во внимание свидетельство Ливия о том, что среди трех кандидатов, предложенных старшей центурией на выбор после отказа Манлия от участия, снова был Кв. Фабий Максим, то можно предположить, что и в этом случае его политические амбиции сыграли свою роль, однако на этот раз народ не пожелал допустить избрание одновременно двух кандидатов с нарушением запрета на переизбрание (continuatio).

Одной из наиболее существенных деформаций в функционировании римских магистратур в период Ганнибаловой войны стало длительное сохранение одними и теми же лицами магистратской власти при увеличении числа военачальников и преобладании промагистратов, а также появление долгосрочных провинциальных командований. Практически повсеместные пророгации начались с 217 г. до н. э., когда была продлена консульская власть Марка Атилия и Гнея Сервилия (погиб при Каннах) и преторская власть А. Корнелия Маммулы и Т. Отацилия Красса[25]. Для того же года можно говорить о появлении испанского командования, поскольку П. Корнелий Сципион отправился в Испанию, а его проконсульская власть снова была продлена (Liv. XXII. 22. 1) наряду с властью (как было установлено, пропреторской) его брата.

Если проследить итерации отдельных лиц, мы увидим, что наряду с уже упомянутыми пятью римскими полководцами, в отношении которых применялся плебисцит 217 г. до н. э., шесть лет вплоть до своей гибели проконсульской властью в Испании обладал П. Корнелий Сципион (217–212 гг. до н. э.), шесть лет в Греции — П. Сульпиций Гальба (211–206 гг. до н. э.), по четыре года — выживший в Каннском сражении М. Теренций Варрон (216–213 гг. до н. э.) и реабилитированный в 207 г. до н. э.[26] М. Ливий Салинатор (207–204 гг. до н.э.), не говоря о суммарном десятилетнем обладании проконсульскими полномочиями П. Корнелием Сципионом Африканским (экстраординарный испанский проконсулат 210–206 гг. до н. э., последовавшее за ним консульство 205 г. до н.э. и африканский проконсулат 204–201 гг. до н.э.). Еще в больших масштабах пророгация применялась в отношении преторских командований. Самыми яркими примерами могут служить Т. Отацилий Красс и М. Юний Силан, которые обладали преторскими и пропреторскими полномочиями в общей сложности по семь лет каждый (Красс — 217–211 гг. до н. э., Силан — 212–206 гг. до н. э.).

подтверждающее осознание римлянами данных фактов как серьезных нарушений при проведении выборов.

[24] Feig Vischnia 1996, 53–54.

[25] Broughton, Patterson 1951, 250.

[26] М. Ливий Салинатор после своего консульства 219 г. до н. э. был осужден (Liv. XXII. 35. 3) и вновь появился на политической арене Рима лишь в 207 г. до н. э. Подробности судебного процесса, к сожалению, неизвестны.

Такие долгосрочные командования, как отмечает Э. Грюэн, практически всегда были связаны с теми территориями и задачами, в которых римляне не были вовлечены в непосредственное противостояние с Ганнибалом (Испания, Сицилия, Сардиния, руководство флотом), хотя они встречались и в Италии[27]. Подобная практика сопровождалась регулярным избранием всех обычных магистратов, так что уже в 216 г. до н. э. Рим располагал на разных театрах военных действий девятью военачальниками. В 214 г. до н.э. это число возросло до одиннадцати (Liv. XXIV. 10), а к 212 г. до н. э. до четырнадцати (Liv. XXV. 3).

Необходимо заметить, что частые пророгации империя встречались и раньше, хотя и были гораздо менее многочисленными и продолжительными по времени[28]. Можно найти даже примеры двухлетних консульств, подобных Фабиевому, в эпоху Самнитских войн[29]. Э. Грюэн полагает, что частые пророгации и длительное пребывание должностных лиц у власти вполне можно объяснить неординарными масштабами конфликта, а главное — сопутствующими потерями в высших эшелонах республиканской власти[30].

С другой стороны, как отмечает А. Тойнби, длительные пророгации заморских командований наряду с фактором их отдаленности от Рима создавали в провинциях неподотчетную сенату власть. Это была та же самая магистратская власть, которую в условиях ее функционирования в городе сенат успешно ограничивал и был способен держать под своим контролем. Именно с начала Ганнибаловой войны, по выражению Тойнби, «любое заморское командование предоставляло амбициозному римскому нобилю возможность почувствовать себя в роли одного из наследников Александра Великого, а не выборного должностного лица, ограниченного законами города-государства»[31].

Еще одним заметным явлением этой эпохи стало разрушение традиционной «лестницы магистратур» (квестор, эдил, претор, консул, цензор). Трудно судить о том, насколько общеобязательной было ее соблюдение до 218 г. до н. э., но, даже проведя анализ имен консулов, цензоров и преторов, известных нам за период с 241 по 219 гг. до н. э., можно сделать один точный вывод: как правило, претура предшествовала консулату, а консулат всегда предшествовал цензуре. В подтверждение того, что определенный порядок избрания существовал, можно также указать на характерное замечание Ливия о кандидате в консулы на 211 г. до н. э. П. Сульпиций Гальбе, что тот «прежде ни одной курульной магистратуры не занимал» (nullum antea curulem magistratum gessisset — Liv. XXV. 41. 11). Как замечает Э. Грюэн, этот комментарий Ливия свидетельствует о том, что даже для тяжелого времени Ганнибаловой войны избрание Гальбы было поразительным возвышением[32].

Примеру Гальбы последовали Кв. Цецилий Метелл, избранный на должность консула в 206 г. до н. э. (Liv. XXVIII. 10. 8), занимая до этого лишь должность ку-

[27] Gruen 1984, 215, n. 50.

[28] Егоров, Васильев 2007, 190–191.

[29] Их известно всего два: Л. Папирий Курсор (320–319 гг. до н. э.); М. Валерий Корв — консул 300 г. до н. э. и консул-суффект 299 г. до н. э. См. источники и дискуссию: Broughton, Patterson 1951, 152–154; 172–174.

[30] Gruen 1984, 215.

[31] Toynbee 1965, 490–491.

[32] Gruen 1984, 205–206.

рульного эдила (Liv. XXVII. 36. 8), а также П. Корнелий Сципион Африканский, избранный консулом 205 г. до н. э. (Liv. XXVIII. 38. 12), также не занимая до этого претуры.

С другой стороны, неизбежным явлением стало избрание в цензоры лиц, не занимавших до этого консулата. В 210 г. до н. э. Публий Лициний Красс, как замечает Ливий, «из эдильского звания сделался цензором» (ex aedilitate gradum ad censuram fecit — Liv. XXVII. 6. 17), хотя и вынужден был отказаться от должности после смерти коллеги. Напротив, цензоры 209 г. до н. э. П. Семпроний Тудитан (претор 213 г. до н. э.) и М. Корнелий Цетег (претор 211 г. до н. э.) провели в должности весь положенный срок. Ливий особо отмечает, что оба не были до этого консулами (Liv. XXVII. 11. 7).

Р. Фейг Вишниа указывает, что причиной данного явления было именно неоднократное переизбрание одних и тех же лиц на должности консулов и преторов в предшествующие годы, что создавало нехватку молодых экс-консулов и экс-преторов[33].

Необходимо также снова остановиться на ситуации в Испании, которая стала причиной появления еще одного важного конституционного новшества. После гибели братьев Сципионов в конце 212 г. до н. э. или в начале 211 г. до н. э. молодой всадник Л. Марций с остатками разбитого войска Гнея присоединился к войску Публиева легата Т. Фонтея. Среди солдат он пользовался большим уважением, чем легат, и они решили избрать его своим предводителем, что и сделали, передав ему «всю полноту власти» (cuncti summam imperii — Liv. XXV. 37. 6). Такое избрание не отвечало ни порядкам, ни традициям римлян и, хотя и было одобрено по получении известия в Риме, стало предметом обсуждения и разногласий в сенате (Liv. XXVI. 2. 1–5).

Основной претензией к Л. Марцию было то, что он подписал свое письмо «пропретор сенату» (propraetor senatui — Liv. XXI. 2. 1), хотя не имел на это никакого права. Решено было передать дело на рассмотрение плебейского собрания, а пока не признавать за Марцием присвоенное им звание «пропретора» (Liv. XXVI. 2. 4–5).

Сенат вернулся к обсуждению ситуации в Испании лишь через шесть месяцев и принял решение отправить туда пропретора Г. Клавдия Нерона с войсками, освободившимися после взятия Капуи. Как полагает Р. Фейг Вишниа, уже тогда для сенаторов стало очевидным, что единственным человеком, который сможет принять командование у Марция, не раздражая солдат, являлся Публий Корнелий Сципион, сын консула 218 г. до н. э.[34]

Правда, Сципион был слишком молод и до этого избирался лишь курульным эдилом в 212 г. до н. э., причем уже тогда встретил возражения со стороны народных трибунов, считавших, что он не достиг еще установленного для эдила возраста. В ответ на это Сципион, как сообщает Ливий, заявил: «Если все квириты желают сделать меня эдилом, то лет мне достаточно» (si me omnes Quirites aedilem facere volunt, satis annorum habeo — Liv. XXV. 2. 6–7).

Итак, в 211 г. до н. э. сенат постановил: «Пусть будет созвано народное собрание для *избрания проконсула* в Испанию» (ut *proconsuli creando* (Выделено

[33] Feig Vischnia 1996, 101–102.
[34] Feig Vischnia 1996, 66.

мной — *А.В.*) in Hispaniam comitia haberentur — Liv. XXVI. 18. 4). Такое решение могло быть обусловлено необходимостью в немедленной отправке военачальника проконсульского ранга в провинцию и безальтернативностью кандидатуры Сципиона. По-видимому, из-за осознания ненормальности использованной в итоге процедуры было решено назначить помощником Сципиона законного пропретора М. Юния Силана (Liv. XXVI. 19. 10).

Случаев назначения или тем более избрания частного лица (privatus), не занимающего в этот момент никакой государственной должности, проконсулом в римской истории еще не было. Впрочем, имело место другое новшество, которое могло послужить определенным прецедентом для Сципиона. В 215 г. до н. э. «народ постановил, чтобы М. Марцелл обладал проконсульской властью» (M. Marcello pro consule imperium esse populus iussit — Liv. XXIII. 30. 19), причем еще до того, как он был избран консулом-суффектом вследствие гибели Л. Постумия Альбина.

Т. Моммзен указывал на два конституционных новшества в данной процедуре: избрание проконсулом бывшего претора и передача этого права от сената комициям[35]. Г. де Санктис, пытаясь найти объяснение этому, предположил, что Марцелл был «избран» проконсулом уже после своего отказа от должности консула-суффекта[36]. Данное предположение не представляется обоснованным, а в контексте обозначенных нами деформаций римской государственной системы и вовсе маловероятным.

Избрание Марцелла проконсулом в 215 г. до н. э. создало прецедент, что было чрезвычайно важно для римского права. Исходя из этого, чрезвычайный проконсулат Сципиона не являлся полным «разрывом с конституцией и традицией», как обозначил это явление В. Эренберг[37]. Новшеством в данном случае было то, что проконсульский империй предоставлялся человеку, который ранее не занимал должности с империем. Это в свою очередь не осталось без последствий, так как при отзыве Сципиона из Испании ему на смену явились новые выборные проконсулы (Liv. XXVIII. 38. 1; XXIX. 13. 7), получившие это звание на достаточно длительные сроки: Л. Корнелий Лентул (206–200 гг. до н. э.) и Л. Манлий Ацидин (206–199 гг. до н. э.).

Подводя итоги данной статьи, необходимо указать на те факторы, которые сыграли важнейшую роль в разбалансировании системы римских магистратур в период Второй Пунической войны. Во-первых, это появление независимого испанского командования, требовавшего постоянного присутствия магистрата или промагистрата с империем. Во-вторых, гибель значительного числа участников римского политического процесса во время первых поражений римлян от Ганнибала в Италии, которая диктовала необходимость переизбрания одних и тех же лиц на высшие должности в республике. Наконец, это сами чрезвычайные условия военного времени, которые вызвали применение института диктатуры с нарушением основных его принципов.

Совокупный эффект всех рассмотренных в данной статье деформаций в системе республиканских магистратур имел как краткосрочные, так и долгосрочные последствия. С первыми из них, разрушением традиционной «лестницы маги-

[35] Mommsen 1887, 646–652.
[36] De Sanctis 1916–1917, 328–329.
[37] Ehrenberg 1953, 125.

стратур» и серьезным обострением политической конкуренции среди римского нобилитета, а также ростом самостоятельности магистратов в провинциях и практической трудностью для сената контролировать их деятельность в этой области пришлось считаться уже следующему поколению римских политиков.

Другие были не столь очевидны, но оказали гораздо более существенное воздействие на развитие республиканской государственности. Отказ от диктатуры как чрезвычайного инструмента окончания Ганнибаловой войны, связанный с необычными диктатурами военного времени, сыграл свою негативную роль в эпоху Гракхов, а экстраординарные командования Сципиона стали прообразом чрезвычайных командований поздней республики, в конце концов похоронивших ее.

ЛИТЕРАТУРА

Егоров А. Б., Васильев А. 2007: Римское консульство V–I вв. до н.э. // Мнемон. 7, 173–196.

Ревяко К. А. 1988: Пунические войны. Минск.

Чеканова Н. В. 2005: Римская диктатура последнего века Республики. СПб.

Badian E. 1961: Review of T. R. S. Broughton Supplement to The Magistrates of the Roman Republic // Gnomon. 33, 492–498.

Briscoe J. 2008 (first published in 1989): The Second Punic War // CAH. VIII, 44–80.

Broughton T. R. S. Patterson M. L. 1951: Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. New York.

Cassola F. 1962: I gruppi politici romani nel III secolo A. C. Trieste.

De Sanctis G. 1916–17: Storia dei romani. Vol. III. Parte 1–2. Torino.

Develin R. 1980: The Roman Command Structure and Spain, 218–190 BC // Klio. 62, 355–368.

Ehrenberg V. 1953: Imperium Maius in the Roman Republic // AJPh. Vol. LXXIV, 2. 294, 113–136.

Feig Vischnia R. 1996: State, Society and Popular Leaders in mid-republican Rome 241–167 BC. London.

Gruen E. S. 1984: The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. I. Berlin; London.

Jashemski W. F. 1950: The Origins and History of the Proconsular and the Propraetorian Imperium to 27 B. C. Chicago.

Lintott A. 1999: The Constitution of the Roman Republic. Oxford.

Mommsen Th. 1887: Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Bd. II. Leipzig.

Scullard H. H. 1973 (first published in 1951): Roman Politics, 220–150 B. C. Oxford.

Toynbee A. J. 1965: Hannibal's legacy: the Hannibalic war's effects on Roman life. Vol. I–II. L.; New York; Toronto.

Ungern-Sternberg J. von 1986: The End of the Conflict of the Orders // SSAR / K. A. Raaflaub (ed.). B.; Los Angeles, 77–104.

DEFORMATIONS IN THE SYSTEM OF THE ROMAN MAGISTRACIES IN TIME OF THE SECOND PUNIC WAR (218–201 BC)

A. V. Vasilyev

The paper deals with the most significant changes in the practice of functioning of the roman magistracies in time of the Hannibalic War. Among them there are examined breaking

of the traditional *cursus honorum*, violations connected with the dictatorships of the wartime, extraordinary Spanish commands and several others. Tracing these deformations the author comes to the conclusion that later on the Roman state was unable to eliminate some of them and it became one of the factors of the future crisis of the republican state system.

Key words: Rome, republic, magistracies, the Second Punic war, imperium, empire

---

© 2014

Ю. Б. Циркин

ГАЙ ФЛАМИНИЙ

В статье рассматривается политическая биография Гая Фламиния. На основании ее рассмотрения делается вывод о глобальном противостоянии Фламиния и сената практически на всех этапах его карьеры. Сенат ненавидел Фламиния как выскочку, что отразилось в античной историографии, а тот использовал реальное недовольство широких масс римского гражданства для своего политического возвышения. Сама карьера Фламиния показывает наличие политической значимости римского народа в период после I Пунической войны.

Ключевые слова: трибун, сенат, римский народ, аграрное законодательство, римская экспансия

Победа Рима в I Пунической войне означала начало нового этапа не только внешнеполитической, но и внутриполитической борьбы в Риме. Последняя в огромной степени связана с именем Гая Фламиния.

Гай Фламиний был «новым человеком»[1]. Когда он, будучи народным трибуном, стал проводить свой аграрный закон вопреки единодушной воле сената, против него выступил его собственный отец, который даже увел его с трибуны во время комиций, точнее — совета плебса (Cic. De iuv. II. 17. 52; Val. Max. V. 4, 5). И Цицерон, и Валерий Максим приводят этот рассказ как свидетельство первенства отцовской власти (patria potestas) по отношению к величию плебейского трибуна (maiestas tribune plebis). С некоторым различием в деталях оба автора утверждают, что собравшиеся полностью признали отцовское право. Речь, таким образом, идет о старом архаическом праве, которое выше прав магистратов и народа (Dion. Hal. II. 26, 5)[2]. Это, однако, не означает, что его отец был сенатором. Консервативные взгляды были широко распространены в римском обществе III в. до н. э., а оппозиция сената вполне могла найти отклик в более широких его слоях.

Интереснее другое обстоятельство. Варрон (de l. L. V. 154), говоря о Фламиниевом цирке, утверждает, что он был назван так, потому что был построен на

Циркин Юлий Беркович — профессор, доктор исторических наук, свободный исследователь. E-mail: tsirkin35@mail.ru

[1] Münzer 1909, 2496; Mattingly 1960, 433–434; Nicolet 1977, 371.

[2] Вероятнее всего, Дионисий, говоря об отцах, сводивших с ростр ораторов, угодных простолюдинам (τοῖς δημοτικοῖς), имеет в виду именно Фламиния: Münzer 1909, 2497.

Фламиниевом поле (Flaminium campum). Ливий дважды (III. 54. 15; 63. 7) упоминает Фламиниев луг (prata Flaminia), уточняя в одном случае, что это место теперь (nunc) называется Фламиниевым цирком, а в другом — что там находится святилище Аполлона. Из этого ясно, что название части Марсова поля то ли Фламиниевым полем, то ли Фламиниевым лугом предшествовало постройке цирка. И возникает вопрос: не являлся ли этот участок родовой собственностью Фламиниев?[3] В какой-то степени это подтверждается сообщением Плутарха (Quest. Rom. 66), говорившего, что Фламиниев цирк был назван так в честь Фламиния, некогда (τῶν παλαιῶν) подарившего это место городу (τῇ πόλει χώραν ἐπιδόντος). Следовательно, участок, на котором был построен цирк, принадлежал Фламиниям и затем уже был превращен в общественную собственность для постройки цирка. Если это так, то Фламинии принадлежали к богатой верхушке плебса, хотя и не относились к нобилитету. Но, с другой стороны, известно, что после свержения царей Марсово поле стало общественной собственностью. И когда его часть могла перейти в собственность Фламиниев? Первое упоминание prata Flaminia Ливий относит ко второй сецессии плебеев. Если это не анахронизм, то такое название предшествует середине V в. до н. э. В то же время Ливий при втором упоминании Фламиниева луга отмечает, что это место уже в то время называли Аполлоновым (iam tum Apollinare appellabant). Это означает, что еще до создания святилища территория была посвящена Аполлону. Как это связывается с Фламиниями, непонятно. Единственное, что можно сказать более или менее твердо, что, по рассказам Ливия, Фламиниев луг связан с плебсом.

Первым известным фактом жизни Гая Фламиния является его трибунат. Традиция сохранила две даты трибуната Фламиния: консульство М. Эмилия Лепида, т. е. 232 г. (Polyb. II. 21. 7–8), и 228 г. — консульство Кв. Фабия Максима и Сп. Карвилия Руги (Cic. De sen 11). Были предприняты попытки как-то согласовать эти даты, но они оказались безуспешными. Более внимательное исследование соответствующего пассажа Цицерона показало ошибочность его датировки и ее связь с позицией самого Цицерона в период написания его трактата[4]. Поэтому нужно согласиться с давно принятой датой Полибия[5]. В качестве трибуна Фламиний выдвинул проект закона de Gallico agro viritim dividundo (Val. Max. V. 4. 5)[6]. Этот законопроект сразу же вызвал жесточайшую реакцию сената. Ливий (XX. 63. 2) говорит о спорах Фламиния с отцами. Цицерон (de iuv. II. 17. 52; Lucull. 5. 13) утверждает, что закон был проведен при нежелании сената и полностью против воли всех, как он выражается, оптиматов (invito senatu et omnino contra voluntatem omnium optimatum)[7]. В другом месте (de sen. 11) он даже говорит о законе, прове-

[3] Münzer 1909, 2496; Gundel 1975, Sp. 566.

[4] Feig Vishnia 1996, 138–144.

[5] Münzer 1909, 2497; Gundel 1975, 566; Toynbee 1965, 156; Burckhardt 1990, 97; Capogrossi Colognesi 2009, 474.

[6] Имеются сведения, что законопроект Фламиния относился не только к «Галльскому полю», но и к Пицену: Cic. Brut. 14. 57; de sen. 11. Сравнительное исследование положения в Пицене и ager Gallicus после римского завоевания показывает, что закон Фламиния к Пицену отношения иметь не может, а соединение двух областей в мысли Цицерона связано с долговременной неопределенностью административного их разделения: Delplace 1993, 25–27, 329. Действительно, еще Полибий (II. 21. 7) говоря о законе Фламиния, упоминал область Галлии, называемую Пицентиной.

[7] Говоря об оптиматах, Цицерон, естественно, переносит на 30–20 гг. III в. до н. э. терминологию своего времени. Это не является основанием для отрицания самого его утверждения.

денном contra senatus auctoritate. При всей неопределенности этих высказываний ясно, что рогация Фламиния натолкнулась на резкое сопротивление сената. Речь идет именно обо всем сенате, а не о какой-либо только его фракции. Возникает естественный вопрос о причине такой единодушной сенатской реакции.

Само по себе подушное распределение земли (assignationes viritanae) существовало в Риме издавна. Цицерон (de re p. II, 14, 26) приписывает Нуме Помпилию распределение viritim земли, завоеванной Ромулом[8]. Даже если к этому преданию отнестись предельно критически, ясно, что первые assignationes viritanae относились к очень ранней, и нельзя исключить, что еще к царской, эпохе. Самое известное подушное распределение завоеванной земли — разделение области Вей после их захвата, когда она была разделена между плебеями по 7 югеров на человека, причем не только между главами фамилий, но и всеми свободными членам дома (omnium in domo liberorum) (Liv. V. 30. 8)[9]. Такие мероприятия проводились неоднократно. Полагать, что сенат всегда сопротивлялся таким аграрным нововведениям[10], едва ли можно. То же распределение вейентской земли было проведено решением сената (senatus consultum) по докладу консулов (referentibus consulibus). Поэтому надо искать другие объяснения.

Экономические причины, пожалуй, надо отмести. Еще А. Тойнби отметил, что вблизи Рима было достаточно земли, чтобы нобили не были заинтересованы в захвате участков на столь отдаленной территории. Особенно он обращает внимание на принятое в 200 г. решение сената о раздаче участков из общественной земли (agri publici) в радиусе 50 миль от Города взамен выплаты третьей части государственного долга, срок уплаты которого в этом году истек (Liv. XXXI. 13. 6–8)[11]. С этими доводами надо согласиться. Полибий (II. 21. 8–9) утверждал, что закон Фламиния стал причиной новой войны между галлами и римлянами, т. к. галлы восприняли разделение земли на «Галльском поле» римлянами как стремление последних полностью галлов изгнать и уничтожить. Точку зрения на закон Фламиния как на повод для нового галльского вторжения разделяют и некоторые современные ученые[12]. «Галльский страх», несомненно, укоренился в римском сознании со времени разгрома Рима галлами в 390 г. до н. э.[13] Однако этот «страх» не помешал римлянами почти полностью уничтожить и изгнать остатки галлов-сенонов и создать на их территории, которая и стала именоваться ager Gallicus, две колонии. Поэтому непонятно, почему вывод колонистов не спровоцировал новую войну, а подушное распределение земли могло это сделать. Конечно, объяснение причины вредности закона Фламиния таким образом возникло в римской в части, по крайней мере, римской элиты, что и повлияло на суждение Полибия. Но возникло ли оно в момент дебатов вокруг самого законопроекта или стало

[8] Vančura 1924, 1154; Маяк 1983, 216; Кирюшов 2007, 15; Плутарх (Numa 16, 3) тоже говорит о распределении Нумой земли, но упоминает только бедных граждан (ἀπόροις τῶν πολιτῶν), не уточняя способ распределения.

[9] Диодор (XIV. 102. 4) тоже говорит о наделении римлян вейентской землей погловно (κατ᾽ ἄνδα), но не уточняет, что речь идет о плебеях.

[10] Vančura 1924, 1152.

[11] Toynbee 1956, 311–314.

[12] Напр., Bengtson 1985, 66.

[13] Мы принимаем «круглую» дату из-за ее удобства, хотя, вероятно, правильнее более поздняя дата — 387 г. О «галльском страхе» в римском сознании: Никишин 2007, 77–92; 2012, 119–135.

объяснение post hoc — это вопрос. Подушное распределение земли не стало нововведением Фламиния, и само по себе оно не могло вызвать такую резкую реакцию оставшихся независимыми галлов[14]. Разумеется, не исключено, что, с одной стороны, галлы использовали распределение земли на «Галльском поле» как хорошую возможность объединения всех сил для нового вторжения в Италию, а с другой — что какая-то часть римского нобилитета могла начать эксплуатировать «галльский страх» как предлог для отклонения законопроекта. Но в любом случае сам по себе этот «страх» не мог быть причиной единодушной позиции нобилитета.

В некоторой степени вариантом такого объяснения можно рассматривать предположение, что главной целью Фламиния была военная, а именно создание в «Галльском поле» плацдарма для нападения на Цизальпинскую Галлию[15]. В таком случае глобальное противостояние Фламиния с сенатом становится непонятным. В сенате, несомненно, существовала группа, выступавшая за северную экспансию Рима[16], и она должна была бы поддержать законопроект. Но все, что нам известно, говорит об общем противостоянии. Позже будет рассмотрен вопрос о возможной поддержке Фламиния во время его консульства и цензуры, но для времени трибуната никаких сведений о такой поддержке нет. К тому же для достижения стратегических целей гораздо лучше служило выведение колоний, а не виританская ассигнация, и, действительно, на ager Gallicus уже были выведены две колонии — латинская колония в Аримин в 268 г. (Vel. Pat. I. 14. 7; Eutrop. II. 16) и римская в Сену (Сена Галльская) еще в 283 г. (Polyb. II. 19. 12; Liv. Per. XI). В случае необходимости укрепить военный потенциал этого региона ничто не мешало вывести новые колонии. К тому же сенат никогда не считался с мнением и чувствами ни подчиненных племен, ни соседей, проводя свою политику, так что это соображения безопасности в тот момент едва ли играли какую-либо роль[17].

Было выдвинуто предположение, что поскольку assignatio viritana предполагала отсутствие городского центра, то сенат считал невозможным обеспечить безопасность поселенцев на столь отдаленной от Рима территории и притом вблизи с опасной границы с галлами[18]. Была ли такая мысль высказана в сенате или на комициях, мы не знаем. Во всяком случае, ни один античный автор такую причину сенатского сопротивления не указывает. Полибий говорит об опасности войны с галлами, но не об угрозе поселенцам.

А. Тойнби, отвергая экономический резон, выдвинул идею, что освоение ager Gallicus явилось бы существенным шагом к превращению Рима из города-государства в территориальное государство, что поставило бы под угрозу власть нобилитета[19]. Рассматривая римскую историю из перспективы последующих двух тысячелетий, в законе Фламиния действительно можно видеть некоторый этап трансформации римского города-государства. Но едва ли римские сенаторы третьей четверти III в. до н. э. могли это понимать столь же ясно, как современные

[14] Hackl 1972, 154.
[15] Staveley 2008, 432, 452.
[16] Staveley 2008, 453.
[17] Ungern-Sternberg von 2006, 317.
[18] Brunt 2001, 161–162; Broadhead 2007, 154.
[19] Toynbee 1956, 314–315.

исследователи. Конечно, уже существовало учение Аристотеля об идеальном государстве, имевшем сравнительно небольшой размер, как в территории, так и в гражданстве. Но опять же: знали ли его нобили, а если знали, то прилагали ли его к своему государству? В дальнейшем римляне далеко распространили свою экспансию, и это не помешало сенатской олигархии сохранять свою власть долгое время неприкосновенной.

Наконец, была выдвинута еще одна мысль. В 241 г. было завершено создание новых триб в Италии и римская знать была заинтересована в прекращении образования новых триб. Между тем, ранее расселение римских граждан на новых территориях сопровождалось образованием новых триб, и поэтому сенаторы испугались, что следующим шагом после подушного распределения земли на ager Gallicus станет создание там новой трибы[20]. Каковы бы ни были мотивы прекращения образования в Италии новых триб[21], одно это едва ли стало причиной такой реакции. Сенат и магистраты (особенно цензоры) вполне могли воспрепятствовать объединению римских граждан на «Галльском поле» в новую трибу. В Пицене, например, новые граждане спокойно вошли в уже существующую трибу Поллию. И позже, когда Фламиний сам станет цензором, жители Форума Фламиния, им основанного вдоль его же дороги, были приписаны к трибе Уфентине[22]. Как уже говорилось, в ager Gallicus на побережье Адриатического моря уже существовала римская колония Сена Галльская, и новых поселенцев вполне было можно приписать к той же трибе, что и колонистов Сены[23]. Вероятно, надо все же искать другие причины жесткого сопротивления римской аристократии Фламинию и его законопроекту.

Ряд ученых устанавливают связь между деятельностью Фламиния и Мания Курия Дентата двумя-тремя поколениями раньше[24]. Дентат тоже был «новым человеком»[25]. Именно Дентат разгромил сенонов, завладел их страной и изгнал оттуда выживших (Polyb. II. 19. 9–12). И в бывшей земле сенонов Фламиний предложил наделить землей римских граждан. После одной из своих побед Дентат разделил народу (populo) завоеванную землю подушно (viritim) по 14 югеров на человека (vir. Ill. 33. 6) и в качестве народного трибуна вступил в острый конфликт с Аппием Клавдием Цеком, пытавшимся не допустить избрания плебейского консула, и одержал победу (Cic. Brut. 14. 55). По словам Аппиана (Samn. V), в распоряжении Дентата имелся отряд из 80 юношей, из-за чего сенат испытывал затруднения в народном собрании (παρὰ τὰς ἐκκλησίας). К сожалению, этот фрагмент не имеет контекста, и поэтому трудно сказать, имеет ли он отношение к противостоянию Дентата с Клавдием Цеком или к другому эпизоду из жизни Дентата или же вообще ко всей его деятельности[26]. В любом случае в традиции отложилось воспоминание о противостоянии Дентата, опирающегося на комиции, и сената.

---

[20] Hackl 1972, 155–157.

[21] Это самостоятельная проблема, и она не является темой данной статьи.

[22] Humbert 1993, 225, 237–238.

[23] Правда, триба, в которую вошли колонисты Сены, пока неизвестна (Radke 1975, 104), но это не меняет самого принципа.

[24] Toynbee 1956, 156; Hackl 1972, 151–153; Staveley 2008, 452.

[25] Münzer 1901, 1841.

[26] Münzer 1901, 1841.

Привлекает внимание также деятельность Г. Фундания Фундула на последнем этапе I Пунической войны. В 249 г. он, будучи народным трибуном, вместе со своим коллегой привлек к суду консула П. Клавдия Пульхра за его поражение в морском сражении у Дрепан. Через три года в должности плебейского эдила он снова с коллегой оштрафовал сестру Пульхра, оскорбившую римскую толпу (Gell. NA X. 6. 2–4)[27]. Примечательно, что брат и сестра были детьми Цека[28]. Снова перед нами противостояние трибуна и одного из ведущих членов сенаторской олигархии (точнее, теперь уже его потомков). Поводом для привлечения к суду Пульхра стало не столько само поражение, сколько кощунство, приведшее к нему, а для наказания его сестры — совершенно неприемлемое в условиях войны пожелание нового поражения римского флота. Но это не меняет самой картины: Фунданий использовал приличный повод для политического преследования.

Таким образом, выступление Фламиния вписывается в эту общую линию нового этапа демократического (точнее, может быть, антиаристократического) движения [29].

В римском сенате всегда существовали различные группировки, ожесточенно боровшиеся друг с другом за престиж, влияние, в конечном итоге — за реальную власть. Но они объединялись для общего противостояния «внешним силам», будь то трибуны, вспомнившие о своем первоначальном предназначении, или «новые люди», чьи претензии сенаторы полагали чрезмерными[30]. В этом отношении характерно дело Ман. Ацилия Глабриона, одного из победителей в Сирийской войне, когда он попытался стать цензором. Против него объединились все фракции нобилитета, включая двух народных трибунов, которые привлекли его к суду. Больше всего Глабриона обидело выступление против него Катона, тоже «нового человека», но выступившего на стороне нобилей, бывшего его подчиненного. В конце концов, Глабрион был настолько всем этим оскорблен, что отказался от притязаний на цензуру (Liv. XXXVI. 57. 9–15)[31]. Поэтому в том, что сенат в целом как корпорация выступил против Фламиния, нет ничего удивительного[32].

Фламиний, как и его предшественники во время сословной борьбы, опирался на народное собрание. Полибий (II, 21, 8) говорит о демагогии (δημαγωγία) Фламиния, положившей начало совращению народа (τοῦ δήμου διαστροφῆς). Цицерон (Brut. 14. 57) упоминает красноречие Фламиния перед народом (ad populum valuisse dicendo). Чтобы оценить этот шаг трибуна, надо вспомнить некоторые предшествующие акты подушного наделения землей римского плебса. Уже говорилось о таком наделении на территории захваченных Вей. Ливий (V. 29–30) подробно рассказывает об обстоятельствах этого акта. По его словам, народные трибуны

[27] Münzer 1910, 292

[28] О детях Цека и их роли в политической жизни см., например: Кучеренко 2008, 54–57.

[29] Toynbee 1956, 349.

[30] Против Фламиния объединились все сенаторы без различия их сословной (патрицианской или плебейской) принадлежности, и это ясно говорит о том, что в это время нобилитет уже представлял собой сплоченную аристократическую группу, в которую входили как патрицианские, так и плебейские фамилии: Develin 2006, 304.

[31] О деле Глабриона: Трухина 1986, 112. Там же приведены и другие случаи совместного выступления аристократии против «новичков».

[32] Высказывается мнение, что Фламиний все же мог иметь каких-то своих сторонников в сенате, но о составе этих сторонников сказать ничего невозможно: Develin 1979, 273. Такое предположение, конечно, исключить нельзя, но оно противоречит совершенно недвусмысленным словам Цицерона.

добивались принятия закона вообще о переселении римлян в Вейи, и патрициям, возглавляемым М. Фурием Камиллом с трудом удалось добиться его отклонения большинством всего в одну трибу, и в благодарность за согласие плебса отказаться от переселения сенат по докладу консулов и решил наделить плебеев землей по семь югеров на человека. И в других случаях решающее слово оставалось за сенатом. Именно сенат в конечном итоге считался распорядителем римской земли. Теперь же Фламиний действовал без сената. Поэтому представляется, что ближе всего к истине старое, высказанное почти девять десятилетий назад предположение Т. Франка, что столь резкая оппозиция сената законопроекту была вызвана не самим по себе распределением земли, а процедурой внесения законопроекта, исключившей из решения вопроса сенат, и соответственно страхом этого органа вообще потерять контроль над таким важным вопросом римской жизни, как распоряжение общественной землей[33].

Надо иметь в виду также исторический контекст закона Фламиния и борьбы вокруг него. Победа над Карфагеном и аннексия Сицилии, а через три года Сардинии и Корсики дали много Риму. Римская республика утвердилась как значительная (хотя еще не ведущая) средиземноморская держава, а римская казна получила значительные богатства, прежде всего в виде контрибуций[34]. Но римляне, особенно рядовые римляне, от всего этого не получили ничего. В первую очередь они не получили землю. После войны не было создано ни одной римской либо латинской колонии. Не было произведено и подушного (viritim) наделения землей. Даже через сто с лишним лет во время первого восстания рабов все имена сицилийских рабовладельцев были греческими: Дамофил, Мегаллида, Антиген, Пифон (Diod. XXXIV. 2, 5; 10; 13; 15). Создается впечатление, что за сто с лишним лет ни один римлянин или италик так и не получил ни землю, ни рабов на Сицилии. В созданные в 241 г. и ставшие последними трибы Велина и Квирина, вероятнее всего, были включены люди, получившие землю еще до войны[35]. Это, по-видимому, вызвало напряжение в римском обществе. Граждане, жаждавшие земли, оказались обманутыми в своих ожиданиях. В таких условиях предложение аграрного закона, несмотря на все возражения сената, было обречен на успех. Надо сказать, что римские правящие круги сделали вывод из борьбы вокруг этого законопроекта. Уже в самом начале завоевания Цизальпинской Галлии были созданы две латинские колонии — Кремона и Плаценция, а после II Пунической войны была проведена в жизнь масштабная аграрная программа. Уже сразу после войны ветераны Сципиона получили земли в Апулии и Самнии, а позже и в самой Италии, в Цизальпинской Галлии (по мере ее подчинения), было создано несколько колоний и проведено больше количество виританских ассигнаций[36]. Конечно, этому способствовали и успехи римского оружия, и конфискация части земель италийских общин, выступивших на стороне Ганнибала. Но и после первой войны в Италии имелись земли, на которые можно было поселить римлян, стремившихся получить землю. Это стремление и вызвало поддержку широкими массами плебса Фламиния.

[33] Frank 1928, 807.
[34] Le Glay 2005, 130.
[35] Brunt 2001, 62.
[36] Gabba 2008, 197–243.

Уже в ходе сословной борьбы трибунат начал терять свой революционный характер. После ее окончания он встроился в римскую политическую систему, и различные группировки новой патрицианско-плебейской знати часто использовала трибунов для удовлетворения своих частных интересов. В целом нобилитет не имел ничего против существования народных трибунов, видя в них один из инструментов политической борьбы и в случае необходимости урегулирования конфликтов[37]. Однако воспоминания о «бунтарской» сущности трибуната отложились в народном памяти[38], и время от времени народные трибуны волновали общественность и выступали противниками нобилитета или, по крайней мере, отдельных его представителей, как это было с упомянутым выше выступлением Фундания. По-видимому, таким «афташоком» сословной борьбы можно считать выступление Фламиния.

Фламиний действовал без оглядки на сенат, вынеся свое предложение, по словам Цицерона (de iuv. II. 17. 52), непосредственно народу (ad populum). Сенат, вероятно, вынес свое решение, но оно не оказало никакого влияния ни на самого Фламиния, ни на плебс, собравшийся по трибам. Собранию предшествовали сходки (contiones), на которых выступал сам трибун, агитировавший за свой законопроект[39]. Обсуждение было довольно бурное. Недаром Цицерон (de iuv. II. 17. 52) использует выражение per seditionem. Закон был проведен в concilium plebis, чьи решения после закона Гортензия стали обязательными для всего народа. На этот орган вообще не распространялась auctoritas patrum, а действенность auctoritas senatus была ограниченной[40]. Единственное, что мог сделать сенат, — это установить, что законопроект не отвечает тем или иным сакральным установлениям. Но это, по-видимому, он сделать не смог. Сильным оружием противников того или иного трибуна была интерцессия его коллег. Но и это оружие сенаторы применить не смогли. Видимо, seditio была столь сильной, что коллеги Фламиния, как бы они к его предложению ни относились, запретить его обсуждение и голосование не могли или не решались.

Закон Фламиния был принят. Каким образом проходило его осуществление, неизвестно. Однако его проведение в жизнь несомненно. Исследования ager Gallicus показали существование здесь мелких участков, которые возникли в результате действия этого закона[41]. Учитывая, что жившие ранее здесь галлы-сеноны были полностью уничтожены или изгнаны (Polyb. II. 21. 7), владельцами этих участков могли быть только римляне, получившие их по закону Фламиния.

Следующим этапом карьеры Фламиния была его претура в 227 г. до н. э. В этом году впервые были избраны два дополнительных претора для управления новыми провинциями (Liv. Per. XX; Dig. I. 2. 2. 32)[42], и одним из них стал Фла-

---

[37] Bleicken 1981, 94–95; Rillinger 1989, 487–489; Poma 2007, 54.

[38] Ср.: Rillinger 1989, 488.

[39] С одной из таких сходок он, как рассказывает Валерий Максим, и был уведен отцом.

[40] Magdelain 1990, 339, 390–397.

[41] Chouquer, Clavel-Lévéque, Favori, Vallat 1987, 31–32. Около Пизавра в ager Gallivus обнаружены небольшие камни, то ли посвятительные, то ли пограничные (cippi), которые некоторыми учеными считаются свидетельством виританской ассигнации, проведенной по закону Фламиния. Другие, однако, в этом сомневаются: Harvey 2006, 127.

[42] Считается, что с этого времени слово provincia приобретает значение страны или области, управляемой римским наместником: Astin 2008, 571.

миний, получивший по жребию управление Сицилией (Solin. V, 1). Обращает на себя внимание, что во время преторских выборов консулами были Сп. Карвилий Максим Руга и Кв. Фабий Максим Веррукоз (будущий Кунктатор), и оба вторично. Фабий впервые был консулом в 233 г., когда Фламиний избирался трибуном, а в следующем именно он возглавил сенатскую оппозицию законопроекту Фламиния[43]. Нет никаких оснований считать, что консулы 228 г., и особенно Фабий, поддерживали кандидатуру Фламиния на пост претора[44]. Какова в действительности была позиция консулов, неизвестно. Можно только предположить, что если во время выборов 233 г. позиция будущего трибуна была еще неясна и Фабий, будучи консулом, не имел оснований препятствовать ему[45], то в 228 г. положение было совершенно иным. Позиции обоих выяснились со всей очевидностью, и они были резко противоположны. Со времени трибуната Фламиния прошло всего четыре года, и воспоминания о политическом противостоянии едва ли успели выветриться. Отсутствие подробного рассказа Ливия (а в периохе XX книги о преторах вообще ничего не говорится) не дает возможности восстановить картину борьбы вокруг преторских выборов этого года. Коллегой Фламиния и претором Сардинии был избран М. Валерий Левин (Solin. 5. 1), принадлежавший к сильной и знатной сенаторской группировке Валериев-Фульвиев-Клавдиев[46]. Эта группировка находилась в союзе с Фабиями[47]. Можно предположить, что Фабию удалось провести в преторы своего более молодого соратника, но уступить при избрании Фламиния, чья популярность после проведения закона была, видимо, довольно высокой.

Хотя бóльшая часть Сицилии уже 14 лет находилась под властью Рима, ее административно-политический статус до 227 г. оставался неурегулированным. По поводу управления ею, как и Сардинией, существуют различные гипотезы разной степени вероятности, но одинаково недоказуемые[48]. Во всяком случае, Фламиний стал первым «регулярным» наместником Сицилии. Подробности его деятельности на этом посту неизвестны, но известно, но он оставил у сицилийцев хорошую память. Ливий (XXXIII. 42. 8) пишет, что в 196 г. сицилийцы прислали в Рим миллион мер (видимо, модиев) пшеницы, которую курульный эдил Г. Фламиний, сын трибуна и первого претора Сицилии, должен был распределить среди граждан, и сделали они это в честь его самого и его отца (honoris causa ipsius patrisque). Речь явно идет о чрезвычайной поставке, далеко выходящей за рамки обычного продовольственного налога, каким была обложена Сицилия. Известно, что этот налог собирался по нормам Гиеронова закона, чьи положения были распространены на весь остров[49]. Цицерон (Ver. II. 3. 6. 14) говорит о мудрости предков, которые после присоединения Сицилии не ввели новые подати на их поля, не изменили внос десятины, а нормы определили по Гиернову закону. Если судить по буквальному

[43] Этим в большой мере объясняется ошибка Цицерона, относившего трибунат Фламиния к 228 г.: Feig Vishnia 1996, 138–144.

[44] Develin 1979, 273.

[45] Известно, что в этом году Фабий с успехом воевал с лигурами и получил за это триумф (Plut. Fab. 2. 1; de vir. Ill. 43. 1). Поэтому возможно, что он отсутствовал в Риме во время избирательной кампании Фламиния.

[46] Volkmann 1955, 46.

[47] Трухина 1986, 99, 114.

[48] Crawford 1999, 178–180.

[49] О Гиероновом законе на Сицилии в отечественной литературе: Сизов 1979, 47–64.

прочтению слов Цицерона, то получается, что эта мудрость была проявлена в тот момент, когда Сицилия была присоединена к римскому государству. Но при этом выражение belli atque pacis вполне можно толковать в том смысле, что этот закон был распространен на весь остров не сразу после войны, а в условиях мира. В таком случае можно высказать очень осторожную гипотезу, что honos Фламиния состояла в том, что прежние чрезвычайные сборы он заменил строго определенным законом, распространив на всю Сицилию lex Hieronica, ранее действовавший только в Сиракузском царстве. Не исключена и другая возможность. В отнятой у карфагенян части Сицилии римляне сохранили прежний порядок налогообложения. Карфагеняне могли в случае необходимости произвольно увеличивать налог, как это было в их африканских владениях во время I Пунической войны, доведя его до половины доходов населения (Polyb. I. 72. 1–2). Фламиний мог заменить карфагенскую систему сиракузской, бывшей, видимо, более приемлемой для аборигенов.

Неизвестно, каким образом реагировал (и реагировал ли вообще) сенат на действия Фламиния на Сицилии. Но когда через четыре года, в 223 г., Фламиний стал консулом, отношения между ним и сенатом вновь обострились. В 225 г. цизальпинские галлы, получив помощь от своих трансальпинских соплеменников, вторглись в Италию и с большим трудом были отбиты. Может быть, не столько само галльское войско, сколько неизжитый страх перед галльским вторжением заставил римлян принять чрезвычайные меры, вплоть до человеческих жертвоприношений. Возможно, именно тогда сенаторские противники Фламиния и стали распространять в народе утверждение, что раздел Фламинием ager Gallicus стал причиной галльского вторжения. Галлы были отбиты, и римляне сами перешли в наступление (Polyb. II. 25–31; Oros. IV. 13, 2–11). В этих условиях действия Фламиния в качестве консула в некоторой степени стали продолжением его трибунской деятельности. Теперь его задача состояла не только в защите разделенной им земли, но и в утверждении правоты своего акта. Вместе со своим коллегой П. Фурием Филом Фламиний вторгся в Цизальпинскую Галлию и перешел Пад, обрушившись на инсубров. Сам по себе переход через Пад явился значительным успехом, и можно было вполне ожидать последующей победы.

В этот момент сложилось довольно парадоксальное положение. Сенат оказался озабоченным не столько военными действиями, сколько возможностью победы Фламиния. Ссылаясь на неблагоприятные предзнаменования, сенат принял решение отрешить от должности обоих консулов. Возможно, решающая роль в этом решении принадлежала опять же Флавию Максиму. Некоторый намек на это можно увидеть в сообщении Цицерона (de sen 11). Говоря о Фабии, он упомянул о его борьбе с законопроектом Фламиния, а затем привел слова бывшего консула, который к тому же был еще и авгуром, что все, что предлагается в ущерб государству, предлагается вопреки ауспициям (quae contra rem publicam ferrentur, contra auspicia ferre). Можно было бы это высказывание отнести к борьбе вокруг аграрного закона Фламиния, но в таком случае судьба законопроекта была бы незавидной, и под предлогом отсутствия благоприятных ауспиций всегда было можно отвести предложение. Именно пренебрежение божественными знамениями стали основанием, что Фламинию едва не отказали в триумфе, а затем принудили отказаться от власти (Plut. Marc. 4. 3–4). И это после его грандиозной победы! Ничто не мешало

сенаторам провернуть этот трюк и для предотвращения принятия закона. Поэтому более вероятно, что речь идет о времени консульства Фламиния[50]. Консулам были направлены соответствующие послания сената, но Фламиний отказался вскрыть и прочитать его до сражения. Лишь после победы над инсубрами он прочитал присланное постановление и возвратился в Рим (Plut. Marc. 4. 1–3). Его трофеи были впечатляющи (Polyb. II. 33. 9; Plut. Marc. 4. 3). Когда после битвы при Каннах диктатор М. Юний Пера набрал 6 тысяч добровольцев, он их вооружил галльским оружием, привезенным в качестве трофеев в Рим Фламинием и провезенным в его триумфе (Liv. XXIII. 14. 3–4).

Победы Фламиния, несомненно, давали ему право на триумф, но сенат ему в этом отказал. Ливий (XXI. 63. 2) выразительно пишет, что у него сначала отняли консульство, а затем триумф (prius de consulatu, qui aborogobatur, dein de triumpho). По словам Зонары (VIII, 20), причиной такого решения сената было ὀργή, нрав, ярость, Фламиния. Так что не результаты военной кампании, а чисто субъективные резоны подействовали на решение сената. Возможно, что сенаторы развернули и соответствующую агитацию. Плутарх (Marc. 4, 3) писал, что народ даже не вышел навстречу ему при его возвращении в Рим из-за якобы высокомерия консула. Однако Фламиний, по-видимому, обратился к народу, и тот вопреки воле сената даровал ему триумф. Зонара (VIII. 20) выразительно противопоставляет сенат (γερουσία) и народ (πλῆθος). Плутарх (Marc. 4. 3) пишет, что народ едва не отказал ему в триумфе. Биограф употребляет сказуемое ἀποψηφίσασθαι, что позволяет говорить о постановке этого вопроса на комиции[51]. Далее Плутарх утверждает, что после того как Фламиний отпраздновал триумф, он сделался частным лицом вместе со своим коллегой по власти. По-видимому, ему пришлось пойти на компромисс, утвержденный народным собранием: после явно каких-то дебатов комиции, несмотря на позицию сената, согласились предоставить ему триумф взамен обязательства отказаться от консульства[52].

Позже Фламиний был начальником конницы. Валерий Максим (I. 1. 5) пишет, что свист землеройки, считавшийся дурным знаком, заставил Фабия Максима отказаться от диктатуры, а Фламиния — от magisterium equitum. На этом основании делается вывод, что в 221 г. Фламиний был начальником конницы при диктаторе Максиме[53]. Можно было бы говорить, что по каким-то причинам Максим назначил свои первым помощником своего политического противника, и из этого делать далеко идущие выводы о политической ситуации в Риме в конце 20-х гг. III в. Однако у Плутарха (Marc. 5. 4), рассказывавшего явно об этом же эпизоде, говорится, что Фламиния назначил начальником конницы диктатор Минуций[54]. Внимательный анализ сообщений античных авторов и надписей показывает, что сообщение Плутарха более достоверно[55]. И это вполне соответствует политической ситуации. В традиции Минуций и Максим противопоставляются друг другу: Фабий — уже пожилой, Минуций — относительно молодой (во всяком случае,

[50] Ср.: Ungern-Sternberg von 2006, 328, n. 36.
[51] Зонара также употребляет глагол ψηφίζομαι.
[52] Develin 1979, 274.
[53] Münzer 1909, 2498; Gundel 1975, 566.
[54] Мюнцер полагал, что Плутарх, может быть ошибочно, вместо Μαξίμου написал Μινουκαίου: Münzer 1909a, 1816.
[55] Develin 1979, 270–272.

моложе Фабия), но главное, Фабий — глава ведущего аристократического клана, Минуций — «новый человек»[56]. Ливий (XXII. 25–26) рассказывает о необычном в римской истории уравнении диктатора Фабия и начальника конницы Минуция в 217 г. Фабия народ не любил, и трибун М. Метилий, поддержанный бывшим претором Г. Теренцием Варроном, предложил уравнять полномочия обоих, что и было принято народом. Говоря о Варроне, Ливий подчеркивает, что тот был не просто скромного, но презренного происхождения (non humili solum sed etiam sordido ortus). Таким образом, Минуций не только оказывается противником Максима в стратегических вопросах, но и относящимся к враждебной тому социальной и политической группировке. В таком случае назначение Фламиния его начальником конницы представляется совершенно логичным, как и поведение сената, который, как и в предыдущем случае, воспользовался дурным предзнаменованием (или придумал его), чтобы обоих отрешить от должности.

В 220 г. Фламиний достиг вершины политической карьеры, став цензором вместе с Л. Эмилием Папом. Явился ли такой выбор результатом компромисса и, может быть, даже соглашения между двумя кандидатами, или же Фламиний, как и ранее, бросил вызов нобилитету и победил, неизвестно. Было высказано мнение, что избрание Фламиния и Папа были вынужденными, ибо возникла необходимость укрепления тыла северных завоеваний, а других консуляров, знающих ситуацию в этом регионе, не было[57]. Едва ли такие соображения очень уж сильно довлели над римским обществом, но тесная связь обоих цензоров с войной против галлов несомненна. Пап одержал в 225 г. грандиозную победу над галлами при Теламоне, ликвидировав этим их вторжение в Италию (Polyb. II. 28–31; Flor. I. 20, 1–3; Eutrop. III. 5), а Фламиний, как говорилось выше, разгромил инсубров. Вероятно, авторитет, завоеванный этими победами, и позволил обоим победить на цензорских выборах. Как обычно, новые цензоры составили новый список сенаторов (Liv. XXIII. 22. 3), но ничего подробного об этом акте неизвестно. Думается, что если бы Фламиний использовал эту возможность для сведения счетов с тем или иным своим противником, то, учитывая общее неблагоприятное о нем суждение античной историографии, это было бы тем или иным образом отмечено.

Цензура Фламиния была важным этапом не только его карьеры, но и в какой-то степени римской истории вообще. Может быть, ее сравнение с цензурой Аппия Клавдия[58] не очень корректно, т. к. влияние деятельности Клавдия кажется все же более глубоким[59], но ясно, что Фламиний оказался самым ярким цензором в промежутке между тем же Клавдием и Катоном. В качестве цензора он явно задвинул в тень своего коллегу.

В периохе XX книги Ливия отмечаются два деяния Фламиния: создание Фламиниевой дороги (via Flaminia) и постройка Фламиниева цирка. Фламиниева дорога была проложена между Римом и Аримином и, таким образом, соединяла ager Gallicus с Римом[60]. Конечно, в условиях незакончившейся войны с галлами она имела и военное значение, но гораздо важнее было то, что ее создание продол-

[56] Münzer 1932, 1958.
[57] Develin 1979, 275.
[58] Münzer 1909, 2498.
[59] Кучеренко 2008, 73–111.
[60] Weiss 1909, 2493–2496; Radke 1975a, 562–563.

жило освоение «Галльского поля». Можно говорить, что Фламиний, строя эту дорогу, продолжил свою аграрную программу[61]. Эта программа явно имела успех. Катон (Orig. II. fr. 14)[62] писал, что в ager Gallicus на участках, распределенных viritim, в некоторых местах получали десять куллеев, т. е. 5250 литров, вина с югера. Это очень большая цифра, если учесть, что один куллей с югера считался вполне приемлемым урожаем[63]. Вслед за принятием закона началось его осуществление. Существует предположение, что членом комиссии, созданной для этого осуществления, был Л. Цецилий Метелл[64]. Метелл принадлежал к самой верхушке сенаторской олигархии, и его фигуру даже рассматривают как идеальный тип нобиля[65]. Если это так, то сенат быстро понял, что в его интересах не саботировать новый закон, а передать его осуществление в руки знати. Поселенцы были приписаны к трибе Поллии[66]. Это была одна из самых старых римских триб, расположенная на левом берегу Тибра у самых городских стен[67]. Т. к. явно существовала возможность приписать поселенцев к более близкой трибе, то возникает вопрос: может быть, А. Тойнби был прав, видя в этом месть римской элиты за провал попыток не допустить принятия закона Фламиния?[68] Такая отдаленность не только от самого Рима, но и от центра своей трибы явно уменьшала возможность участия владельцев участков на ager Gallicus в политической жизни государства. Прокладывая свою дорогу, Фламиний не только облегчал движение людей и товаров, но и давал бóльшие возможности жителям «Галльского поля» принимать участие в сходках и комициях. В таком случае надо говорить и о политическом значении создания via Flaminia.

Приблизительно на середине этой дороги Фламиний создал новое поселение — Форум Фламиния[69]. По словам Феста (84 M), это было место деловых встреч путешественников и земледельцев, т. е. практически экономический центр ближайшей округи. Он был населен римскими гражданами[70], но не имел городского статуса, являясь лишь виком. Его граждане, как и граждане соседней Плестии, были включены в трибу Уфентину, центр которой находился в Таррацине на юге Лация. В это же время граждане сравнительно недалеких Фильгин были приписаны к трибе Корнелии. Такое распределение по трибам, никак не связанное с географией, видимо, стало результатом какого-то компромисса между Фламинием и Папом[71]. Возможно, Фламиний был каким-то образом связан с этой трибой, и включение в нее новых римских граждан, поселенных в Форуме Фламиния, укрепляло его позиции.

В самом Городе с именем Фламиния связана постройка цирка. Уже говорилось, что этот цирк был построен на части Марсова поля, каким-то образом свя-

[61] Ungern-Sternberg 2006, 318.
[62] Фрагмент дан по изданию: Cato 1986: Les Origines. Paris.
[63] Chassignet 1986, 73.
[64] Gargala 2006, 150.
[65] Cassola 1999, 171–172.
[66] Toynbee 1965a, 142, 678; Humbert 1993, 238.
[67] Cornell 2008, 254, fig. 43.
[68] Toynbee 1956a, 677–678.
[69] Radke 1958, 2563–2567.
[70] Это были скорее местные жители (умбры), получившие римское гражданство, чем поселенные здесь собственно римляне.
[71] Bradley 2000, 144–145.

занной с Фламиниями и с предыдущими акциями плебса. Для постройки цирка участок был перепланирован и превращен в обширную городскую площадь, в некоторой степени подобную форуму, и позже в районе цирка стали строится храмы, что тоже уподобляло его форуму. Самые старые из них — Юпитера Статора и Геркулеса Стража — были построены, видимо, уже III в. до н. э., т. е. они могли быть (хотя это и не обязательно) современны созданию самого цирка[72]. Цирк Фламиния и его район становились началом триумфальной процессии римских полководцев, а позже императоров[73]. Таким образом, Фламиний фактически создавал второй сакральный центр Рима. Входило ли это в его планы уже при постройке цирка, неизвестно, хотя, исходя из общего направления его политической деятельности, это не исключено. Более определенно можно говорить об апелляции Фламиния к традициям борьбы плебеев и патрициев, к демократической составляющей римской политической жизни. Недаром здесь позже порой происходили комиции и распределялось зерно[74]. По словам Варрона (de l. L. V. 154), во Фламиниевом цирке устраивались конные состязания Таврских игр, а Валерий Максим (I. 7. 4) связывает этот цирк с Плебейскими играми. Существует предположение, что сами эти игры были введены при постройке Фламиниева цирка[75]. Однако традиция о времени их введения столь противоречива[76], что определенно связать их происхождение с Фламинием весьма трудно. Но даже если Плебейские игры ко времени постройки Фламиниева цирка уже существовали, то более поздняя их локализация здесь является еще одним свидетельством связи места с действиями плебса, что вполне могло учитываться Фламинием.

В цензорство Фламиния и Папа народный трибун М. Метилий провел закон о фуллонах, которые стирали и чистили ткани (Plin. NH XXXV. 197–198). Его трактовка неопределенна[77]. Но уже давно было обращено внимание на то, что Метилий был тем же трибуном, который в 217 г. после гибели Фламиния провел закон об уравнении начальника конницы Минуция и диктатора Фабия[78]. Это говорит о его связи с Фламинием и явно антиаристократической направленности его закона. Римское общественное сознание долго считало занятие фуллонов постыдным. Может быть, новый закон уничтожил эту «стыдность», приравняв фуллонов к остальным ремесленникам и дав им возможность образовать свою коллегию.

В периохе XX книги Ливия упоминается зачисление вольноотпущенников, ранее рассеянных по всем трибам, только в четыре городские. К сожалению, нет указаний ни на год проведения этого акта, ни на имена цензоров, его проведших. Только в следующей фразе упоминается цензор Гай Фламиний и его постройки. А до этой фразы говорится о первом переходе римских войск через Пад и войне с инсубрами (без упоминания Фламиния и Фурия), об убийстве консулом М. Кдавдием Марцеллом инсубрского вождя Вирдомара, о победе над истрами и иллирийцами и, наконец, о трех цензорских парах (точнее, трех люстрах), причем первая перепись дала 270213 человек. А далее, между всеми этими сообщениями

[72] Richardson 1994, 399–400; Beard 2007, 97.
[73] Richardson 1994, 400; Patterson 2006, 347.
[74] Patterson 2006, 359; David 2006, 423.
[75] Ungern-Sternberg von 2006, 318.
[76] Orlin 2010, 141–142.
[77] Aubert 2006, 168–169.
[78] Weiss 1925, 2399; Münzer 1932, 1899.

и фразой о включении отпущенников, имеется лакуна. Если отбросить упоминание цензоров, в котором сведения о трех люстрах сконцентрированы в одной фразе, то хронологически объединение (redacti sunt) вольноотпущенников в четыре трибы надо поместить после консульства Марцелла. И в таком случае цензорами, проведшими этот акт, могут быть только Фламиний и Пап[79]. А то, что эпитоматор называет Фламиния только в следующей фразе, объясняется подчеркиванием именно строительной деятельности Фламиния, которая особенно осталась памятной римлянам[80]. Цель этого мероприятия ясна. Включение вольноотпущенников только в четыре городские трибы резко уменьшало их политические возможности. К этому времени сравнительно крупными рабовладельцами были нобили. Соответственно, и большинство вольноотпущенников являлись их клиентами. Сосредоточение всех таких клиентов только в городских трибах значительно сужало возможности нобилитета использовать их политический вес[81].

Став после сложения цензуры «рядовыми сенатором», Фламиний не прекратил политической борьбы. Он оказался единственным членом сената, поддержавшим закон Клавдия о сенаторских кораблях (Liv. XXI. 63. 3–4). Этот закон запрещал сенаторам и их сыновьям иметь морской корабль вместимостью больше 300 амфор (т. е. около 8000 литров), считая такую грузоподъемность судна достаточной для привоза продуктов из имения. Официально мотивом закона была забота о добром имени сенаторов, ибо стяжательство (quaestus) считалось для отцов позорным (indecorus). Сенаторы, однако, не оценили такую «заботу» и почти единогласно выступили против закона, а позиция Фламиния вызвала у нобилитета ненависть (invidiam). Зато у народа (apud plebem) Фламиний вызвал любовь (favorem). Таким образом, Фламиний снова столкнулся с сенаторской знатью, опираясь на народную поддержку. Рассмотрение закона Клавдия не входит в задачу данной статьи[82]. Можно только отметить уже высказанную точку зрения, что Фламиний не был ни инициатором этого закона, ни его вдохновителем[83]. Но он использовал его обсуждение для нанесения нового удара по нобилитету.

Начавшаяся II Пуническая война не принесла славы римскому оружию, и Фламиний снова выходит на первый план. На втором году войны он вторично становится консулом. Согласуя между собой несколько противоречивые сообщения Полибия (III. 75. 5–6) и Ливия (XXI. 63. 1–2), можно сказать, что сразу после избрания, еще не дожидаясь официального вступления в должность, Фламиний и его коллега Гн. Сервилий Гемин приняли ряд мер по организации обороны. Но далее обстановка вокруг Фламиния снова обострилась. Сами выборы прошли вскоре после битвы при Требии (Liv. XXI. 15. 6), т. е. зимой 218 г., а консулы должны были вступить в должность в мартовские иды — 15 марта — следующего года (Luv. XXI. 63. 1). И в этом промежутке стали распространяться слухи о различных

[79] Münzer 1909, 2498. В связи с этим высказано мнение, что решение проблемы вольноотпущенников связано с проведением центуриатной реформы, в рамках которой эта проблема и была решена. Представляется, однако, что центуриатная реформа была проведена ранее и не связана с деятельностью Фламиния. Впрочем, этот вопрос выходи за рамки данной статьи.

[80] Millar 2002, 97–98.

[81] В таком случае инициатором этого акта мог быть только Фламиний, а Папу явно пришлось ему уступить.

[82] Об этом законе и историографических спорах вокруг него: Квашнин 2009, 236–243.

[83] Квашнин 2009, 241.

неблагоприятных знамениях и возникла опасность использования сенатом всех этих слухов, да и других любых предлогов, для задержки вступления консулов в должность, а может быть, и для отмены избрания вообще (Luv. XXI. 63. 5–10; XXII. 1. 8–13; Plut. Fab. 2. 2–3). В этой ситуации Фламиний отказался от обычных процедур, сопровождавших вступление консула в должность, и тайком уехал в Аримин к стоявшему там войску, что вызвало еще большее негодование сенаторов. Они расценили такое поведение консула как войну (bellum gerere) с сенатом и даже с богами. Рассказывая немного ниже о Битве при Тразименском озере, Ливий (XXII. 7. 4) ссылается на Фабия Пиктора как современника войны и очень осведомленного автора. Видимо, и сообщение о реакции сената на поведение Фламиния тоже основано на рассказе Фабия Пиктора, который явно был участников сенатского заседания. Можно полагать, что обстановка в Риме во время консульских выборов была довольно напряженной[84]. Полибий (III. 75. 1–4) рассказывает, что Лонг даже пытался обмануть римлян, скрыв поражение, и реальное понимание случившегося было для них неожиданным. Видимо, состояние παραδόξου, как пишет Полибий, и не позволило сенаторам воспрепятствовать вторичному избранию Фламиния. Но после избрания они делали все, чтобы ему помешать. Недаром Ливий употребляет слово bellum, говоря о сенаторском отношении к Фламинию.

Со своей стороны, Фламиний торопился оправдать народные надежды и больше боялся козней сената и своего отзыва, чем Ганнибала. Характерно, что он уехал именно в Аримин, т. е. в ager Gallicus, намереваясь вступить в должность там. Видимо, там, не только в стоявшей армии, но и в окружении своих сторонников, среди получивших землю по его закону, он чувствовал себя в большей безопасности и уверенности. Но после принятия командования ему все же пришлось покинуть Аримин и через Апеннины двинуться в Этрурию (Liv. XXI. 63. 15). Ливий (XXI. 63. 11) пишет, что сенат решил любым способом вернуть Фламиния в Рим для исполнения всех положенных обрядов, а затем уже дать ему возможность отправиться к войску и в провинцию. Это сообщение предшествует упоминанию принятия им консульства в Аримине. Может быть, сенат, потерпев поражение в попытке не допустить сначала избрания Фламиния, а затем отозвать его, сделал лучшее, что было возможно в данной ситуации: определить его провинцией не район Аримина, защита которого была поручена Гемину, а Этрурию, т. е. область, в которой не существовало никакого влияния Фламиния. Отказавшись повиноваться сенату и возвратиться в Рим, Фламиний все же счел возможным подчиниться в отношении провинции. К тому же именно там оказалась армия Ганнибала, с которой Фламиний жаждал встретиться. В Этрурии около Тразименского озера он потерпел поражение и сам был убит[85]. По преданию, его убил галл, мстя за прежние поражения (Polyb. III. 84. 6; Liv. XXII. 6. 3–4)[86]. Тело Фламиния даже не смогли найти.

Рассматривая политическую карьеру Фламиния, нельзя не видеть, что она вся прошла в столкновениях с сенатом[87]. Конечно, не исключено, что он имел каких-

[84] Кораблев (Шифман) 1976, 100.

[85] Нет смысла рассматривать военную сторону последнего эпизода жизни Фламиния, поскольку это уже подробно проанализировано и изложено в мировой, в том числе и в отечественной, историографии.

[86] Традиция даже сохранила даже имя галла, убившего Фламиния, — Дукарий.

[87] Rosenstein 1993, 320.

то сторонников в сенате, но определить их нет никакой возможности[88]. Косвенные свидетельства, особенно упоминания коллег по разным должностям, не работают, т. к. Фламиний оказывался коллегой людей, принадлежавших к самым разным группам нобилитета[89]. Скорее можно говорить, что он добивался должностей, преодолевая сопротивление сенаторской элиты, и, избранный консулом или цензором, был вынужден иметь вторым консулом или цензором кого-либо из этой элиты. Это отразилось и на историографической оценке деятельности и самой личности Фламиния. Мало было в истории Римской республики деятелей, которых бы столь единодушно осуждали античные авторы.

Уже Полибий (II. 21. 8) говорил, что Фламиний занимался демагогией (δημαγογίαν) и положил начало изменению народа к худшему (ἀρχηγὸν… τῆς ἐπὶ τὸ χεῖρον τοῦ δήμου διαστροφής). Не менее жёстко оценивают Фламиния Ливий (XXII. 3. 4–5) и Плутарх (Fab. 2. 4). Характерно в этом плане описание Полибием (II. 32–33) битвы Фламиния с инсубрами. Сначала он говорит о мудрости римских полководцев, которые, перейдя с армией реку, обезопасили себя от измены союзных галлов, а позже практически этот же переход вменяет в вину Фламинию и утверждает, что римляне победили только благодаря собственной дисциплине и активности военных трибунов. Ливий (XXII. 3–7), рассказывая о сражении у Тразименского озера, фактически обвиняет в поражении консула, но затем все же добавляет, что сам он сражался бесстрашно и что Ганнибал хотел похоронить его тело, но его не нашли. Плутарх (Fab. 3. 3) прибавляет, что похоронами Ганнибал хотел почтить доблесть (ἀρετή) павшего консула. Полибий же ничего о храбрости Фламиния не говорит, но, наоборот, отмечает, что тот думал только о собственном спасении и отчаялся в нем. Ливий же, упоминая желание Ганнибала, умалчивает о его причине. Обычно считается, что пейоративная оценка Фламиния идет от Фабия Пиктора, ибо он всячески обвиняет противника члена своего рода Фабия Максима[90]. По другому мнению, Пиктор обрушивается на Фламиния не из-за родовой солидарности, а потому, что тот был противником правящей олигархии[91]. Привлекает внимание полибиевская оценка Фламиния. Предполагается, что в словах историка содержится намек на Тиберия Гракха[92], но другие исследователи подчеркивают, что вторая книга «Истории» была написана до трибуната Тиберия и потому могла быть боле поздней вставкой[93]. Однако доказательств такого более позднего происхождения этой фразы нет. Да и вообще мы не имеем достаточных оснований, чтобы говорить об искажении текста Полибия. Надо отметить, что Фабий вообще-то был не единственным историком, писавшим о Фламинии. Цицерон (de nat. deor. II. 3. 8), говоря о пренебрежении Фламинием религии как о причине его поражения и гибели, ссылается на Целия Антипатра. Антипатр, родоначальник жанра исторической монографии, посвятил свою монографию именно II Пунической войне. Конечно, не исключено, что он в данном случае тоже ис-

[88] Мнение, что закон Фламиния был если не в деталях, то в принципе инспирирован старшими членами нобилитета (Staveley 2008, 454), представляется совершенно необоснованным, оно полностью противоречит всей традиции.

[89] Develin 1979, 270–277.

[90] Gelzer 1964, 72–77.

[91] Hackl 1972, 153.

[92] Gelzer 1964, 206.

[93] Millar 2002, 121.

пользовал сочинение Фабия, но вполне возможен и другой его источник, ибо они были разнообразны[94]. Но главное, как представляется, все же не в этом. Полибий был близок к Сципиону Эмилиану и входил в его знаменитый кружок. Поэтому скорее взгляды этого кружка и его главы оказали влияние на оценку Полибием фигуры Фламиния[95]. Главное, что объединяло и Фабиев, и Корнелиев, и Эмилиев, — их принадлежность к нобилитету и даже к самой его верхушке. Поэтому думается, что негативная оценка не только конкретных эпизодов жизни Фламиния, но и самой его фигуры вызвана неприязнью к «выскочке», который на всех этапах своей деятельности противопоставлял себя сенату, что, как об этом уже говорилось, объединяло всю римскую политическую элиту независимо от внутренних противоречий.

Едва ли нужно видеть в деятельности Фламиния продолжение борьбы патрициев и плебеев[96]. К этому времени уже сформировалась новая римская знать. Ливий (XXI, 63, 4), говоря о поддержке Фламинием закона Клавдия, противопоставляет noblitas — plebs. Но noblitas в это время уже объединяла как патрицианские, так и плебейские роды. И plebs потерял свое прежнее значение, превратившись в синоним простонародья[97]. Но, как отмечалось выше, намеренная апелляция Фламиния к антиаристократической позиции старинных трибунов прослеживается. Во всех случаях при первой же возможности он принципиально конфликтует с сенатом. Используя в качестве трамплина стремление рядовых римлян к земле, он начал свою блестящую политическую карьеру. В этом плане Фламиния действительно можно рассматривать как предшественника популяров (по крайней мере, многих из них) более позднего времени[98].

С другой стороны, личные устремления Фламиния совпадали со стремлениями широких масс римского гражданства, а в некоторых случаях — и части нобилитета. По мере римских успехов в завоевании Италии возникли две тенденции развития дальнейшей экспансии, которые очень условно можно назвать средиземноморской и континентальной. Первая вела ко все большему вовлечению Рима в дела Средиземноморья, включая Карфаген и эллинистический мир, вторая — к завершению подчинения Центральной и Северной Италии, а потом к завоеваниям сначала Цизальпинской Галлии и позже — заальпийских земель. Это отразилось и в обсуждении возможного мира с Пирром, и в спорах накануне I Пунической войны. В конце IV — начале III в. до н. э. наиболее ярким выразителем средиземноморской тенденции являлся Аппий Клавдий Цек[99]. Выразителем второй можно, по-видимому, считать его современника Мания Курия Дентата[100]. Эту тенденцию после I Пунической войны в большой степени воплощал Фламиний[101]. Символично в этом плане выглядят направления двух ранних римских дорог, построенных

---

[94] Соболевский 1959, 127–129.

[95] Политические взгляды Эмилиана и его кружка — очень серьезная тема, которую рассмотреть походя в данной статье невозможно.

[96] На этом настаивает Ю. фон Унгерн-Штернберг (Ungern-Sternberg von 2006, 316–323), и ему решительно возражает Р. Девелин (Develin 2006, 310–311).

[97] Так, кстати, это слово звучит в соответствующем пассаже русского перевода Ливия.

[98] Meier 1965, 572.

[99] Capogrossi Colognesi 2009, 160–162.

[100] Ziolkowski 2000, 115–116; Capogrossi Colognesi 2009, 168.

[101] Toynbee 1956a, 193; Ziolkowski 2000, 205.

цензорами — Аппиевой и Фламиниевой[102]. Via Appia, построенная Клавдием Цеком, была направлена сначала к Капуе, а затем продолжена до Брундизия, имела целью связать Рим с городами Великой Греции, а позже со средиземноморским миром. Via Flaminia шла в абсолютно противоположном направлении. Римский плебс (в его новом значении) был больше заинтересован во второй тенденции, осуществление которой давало ему в первую очередь землю. Это не значит, что в континентальной экспансии не был заинтересован нобилитет, но средиземноморское направление больше отвечало интересами его большей части. Это также не значит, что плебс был равнодушен к заморским завоеваниям. Та идея, которую много позже выразил Вергилий в своих знаменитых стихах о предназначении Рима, по-видимому, уже тогда имелась в головах широких масс римского гражданства, и она все более укреплялась по мере успехов в подчинении Италии и особенно после победоносного окончания первой войны с Карфагеном. Однако «земные» интересы плебса все же больше были связаны с распространением римской власти в северном направлении. Фламиний прекрасно понял (или почувствовал) эти настроения и, оседлав их, добился осуществления своих честолюбивых планов.

Рассмотрение блестящей политической карьеры Фламиния подводит нас к более широкой проблеме — роли римского народа в решении государственных дел. Как известно, Полибий (VI. 11–18) характеризовал римский государственный строй как смешанный, видя в нем и монархическую, и аристократическую, и демократическую составляющие. В современной историографии это утверждение Полибия обычно подвергается критике и считается, что и монархический, и демократический элементы являются лишь видимостью, в то время как реальностью является лишь аристократический элемент, воплощенный в сенате[103]. Однако история Фламиния заставляет пересмотреть эту точку зрения или, во всяком случае, значительно ее нюансировать. На протяжении всей своей политической деятельности Фламиний конфликтовал с сенатом и добивался своих целей, несмотря на его противодействие. Сенат же не имел никаких легальных возможностей ему эффективно противодействовать. Сенат использовал малейшую возможность нанести Фламинию удар, как, например, попытаться лишить его триумфа и добиться отказа от первого консульства. Он мог зачислить поселенцев на «Галльском поле» в одну уже существующую трибу и этим уменьшить их политический вес. Сенаторы попытались не допустить скорейшего выступления Фламиния против Ганнибала, видимо, боясь его победы больше, чем поражения римской армии. Но по большому счету это наносило Фламинию не очень большой политический урон и не лишало его народного фавора. Кончено, распространять пример Фламиния на всю доГракханскую историю Римской республики невозможно. В разные периоды ее истории роль рядовых граждан и комиций была различной. Но в конкретных условиях, сложившихся после I Пунической войны, эта роль оказалась довольно значительной.

ЛИТЕРАТУРА

Кирюшов Д. А. 2007: История аграрного вопроса в царском и республиканском Риме: автореф. канд. дисс. СПб.

[102] Capogrossi Colognesi 2009, 196.
[103] Напр., Aymard, Auboyer 1995, 106–129; Poma 2002, 88–91.

Квашнин В. А. 2009: Два взгляда на Lex Claudia de nave senatorum // ВДИ. 1, 236–243.

Кораблев (Шифман) И.Ш. 1976: Ганнибал. М.

Кучеренко Л. П. 2008: Аппий Клавдий Цек. Сыктывкар.

Маяк И. Л. 1983: Рим первых царей. М.

Никишин В. О. 2007: Metus Gallicus и его преодоление // Studia Historica. Вып. VII, 77–92.

Никишин В. О. 2012: Metus gallicus и metus punicus: возникновение, эволюция и финал // Studia Historica. Вып. XII, 119–135.

Сизов С. К. 1979: Податной устав Гиерона II // Из истории античного общества. Горький.

Соболевский С. И. 1959: Ранняя латинская проза // История римской литературы. Т. I. М.

Трухина Н. Н. 1986: Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.

Astin A. E. 2008: The Emergency of the Provincial System // CAH. VII, 570–572.

Aubert J.-J. 2006: The Republican Economy and Roman Law // A Companion to the Roman Republic, 160–178.

Aymard A., Auboyer J. 1995: Rome et son Empire. Paris.

Beard M. 2007: The Roman Triumph. Cambridge (Mass.); London.

Bengtson H. 1985: Römische Geschichte. München.

Bleicken J. 1981: Das römische Volkstribunat. Versuch eines Analyse seiner politischen Funktionen in republikanischen Zeit // Chiron. 11, 87–108.

Bradley G. 2000: Ancient Umbria. Oxford.

Broadhead W. 2007: Colonization, Land Distribution, and Veteran Settlement // A Companion to the Roman Army. Oxford

Brunt P. A. 2001: Italian Manpower. Oxford.

Burckhardt L. A. 1990: The Political Elite of the Roman Republic // Historia. 39, 1, 77–99.

Capogrossi Colognesi L. 2009: Storia di Roma tra diritto e potere. Bologna.

Cassola F. 1999: Lo scontro fra patrizi e plebei e la formazione della *nobilitas* // Storia di Roma, 145–175. Torino.

Chassignet M. 1986: Notes complementaires // Cato. Les Origines. Paris.

Chouquer G., Clavel-Lévéque M., Favori F., Vallat J.-P. 1987: Structures agraires en Italie centro-méridionale. Rome.

Cornell T. J. 2008: Rome and Latium // CAH. VII, 2, 243–308.

Crawford M. H. 1999: Origini e sviluppi del sistema provinciale romana // Storia di Roma. Torino.

David J.-M. 2006: Rhetoric and Public Life // A Companion to the Roman Republic. Oxford.

Delplace Ch. 1993: La romanisation du Picenum. Rome.

Develin R. 1979: The Political Position of C. Flaminius // RhM. 122, 3–4, 268–277.

Develin R. 2006: The Integration of the Plebeians into the Political after 366 B.C. // Social Struggles in Archaic Rome. Oxford.

Feig Vishnia R. 1996: Cicero “De senectute” 11 and the date of C. Flaminius’ Tribunate // Phoenix. 50, 138–145.

Frank T. 1928: Rome and the Conquest of Italy // CAH[1].VII, 793–821.

Gabba E. 2008: Rome and Italy in the Second Century B. C. // CAH. VIII, 197–243.

Gargala D. J. 2006: Mediterranean Empire // A Companion to the Roman Republic. Oxford.

Gelzer M. 1964: Kleine Schriften. Wiesbaden.

Gundel H. G. 1975: Flaminius // Kleine Pauly. 2, 566–567.

Hackl U. 1972: Das Ende der römischen Tribusgründungen 241 v. Chr. // Chiron. Bd. 2, 135–170.

Harvey P. V. 2006: Religion and memory at Pisaurum // Religion in Republican Italy. Cambridge.
Humbert M. 1993: Municipium et civitas sine suffragio. Rome.
Le Glay M. 2005: Grandeur et déclin de la Republique. Paris.
Magdelain A. 1990: Ius, inperium, auctoritas. Rome.
Mattingly 1960: Naevius and the Metelli // Historia. Bd. 9, 4, 414- 439.
Meier Ch. 1965: Populares // RE. SupplBd. X, 550–615.
Millar F. 2002: Rome, the Greek World, and the East. Vol. I. Chapel Hills; L.
*Münzer F.*1901: Curius // RE. 8, 1841–1845.
Münzer F. 1909: Flaminius // RE. 12, 2496–2502.
Münzer F. 1909a: Fabius // RE. 12, 1814–1830.
Münzer F. 1910: Fundanius // RE. 13, 291–293.
Münzer F. 1932: Metilius // RE. 30, 1999.
Nicolet C. 1977: Rome et la conquête du Monde méditerranéen. Paris.
Orlin E. M. 2010: Foreign Cults in Rome. Oxford.
Patterson J. R. 2006: The City of Rome // A Companion to the Roman Republic. Oxford.
Poma G. 2007: Le istituzioni politiche del mondo romano. Bologna.
Radke G. 1958: Vicus // RE. 16A, 2090–2094.
Radke G. 1975: Sena // Kleine Pauly. 5, 104.
Radke G. 1975a: Flaminia via // Kleine Pauly. 2, 562–563.
Richardson L. 1994: Urban Development in Ancient Rome and the Impact of Empire // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy. Ann Arbor, 381–402.
Rillinger R. 1989: "Loca intercessions" und Legalismus in die späten Republik // Chiron. 19, 491–498.
Rosenstein N. 1993: Competition and Crisis in Mid-Republican Rome // Phoenix. 47, 4, 313–338.
Staveley E. S. 2008: Rome and Italy in the Early Third Century // CAH. VII, 2,420–455.
Toynbee A. J. 1965: Hannibal's Legacy. T. I. L.
Toynbee A. J. 1965a: Hannibal's Legacy. T. II. L.
Ungern-Sternberg J. von 2006: The End of the Conflict of Orders // Social Struggles in Archaic Rome. Oxford.
Vančura 1924: Leges agrariae // RE. 23, 1150–1185.
Volkmann H. 1955: Valerius Laevinus // RE. 15A, 45–49.
Weiss E. 1909: Flaminia via // RE. 12, 2493–2496.
Weiss E. 1925: Lex Metilia // RE. 24, 2398–2399.
Ziolkowski A. 2000: Storia di Roma. Milano.

GAIUS FLAMINIUS

U. B. Tsirkin

The article deals with political biography of Gaius Flaminius.On its basis the conclusion on global confrontation between Flaminius and the Senate on almost each step of his career is drawn out. The Senate hated Flaminius as a parvenu and this fact found the reflection in ancient historiography, where Flaminius used popular dissatisfaction of Roman citizens in his political career. Flaminius career itself shows the presence of political significance of Roman people after I Punic War period.

Key words: tribune, Senate, Roman people, agrarian law, Roman expansion

© 2014

А. А. Павлов

ПЛЕБЕЙСКИЕ ТРИБУНЫ В «РИМСКИХ ВОПРОСАХ» ПЛУТАРХА

Статья посвящена анализу концепции плебейского трибуната Плутарха, изложенной им в его антикварном сочинении «Римские вопросы». Оценка трибуната у Плутарха – пронародническая. Его позиция сближается с теми латинскими антикварами, которые рассматривают его как плебейскую магистратуру (Веррий Флакк). По его мнению, трибунат кардинально отличается от магистратуры с империем: власть трибунов гетерогенна по отношению к магистратской, главным их назначением является защита, они обладают отличной от магистратов сакральной природой; трибуны обладают как негативными, так и позитивными полномочиями. Функциональные отличия трибуната Плутарх тесно увязывает с их иной социальной природой.

Ключевые слова: «Римские вопросы» Плутарха, плебейский трибунат

Короткий параграф (81) «Римских вопросов»[1] Плутарха, антикварного по своему характеру сочинения, «Почему народный трибун в отличие от остальных магистратов не носит тогу с пурпурной полосой?»[2], несмотря на всю свою краткость, является квинтэссенцией антикварной систематики института, опиравшейся на знание греческой философской и римской риторической, антикварной и юридической традиции. Хотя Плутарх не оперирует понятием «плебейская магистратура», поскольку следует греческой терминологической традиции и использует понятия δῆμος (народ) и δήμαρχος (народные трибуны), тем не менее его трактовка природы трибуната близка, на наш взгляд, пониманию трибуната как

Павлов Андрей Альбертович — доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета. E-mail: aapavlov@rambler.ru

[1] «Римские вопросы» – антикварное сочинение, написанное Плутархом в конце I в. н.э. При его создании он опирался не только на греческую традицию, но и довольно широкий круг латинских авторов, среди которых Катон Старший, Цицерон, Ливий, римские антиквары (Варрон, Веррий Флакк, Валерий Максим), а также юристы (Антистий Лабеон, Атей Капитон и др.). См.: Rose 1929, 30–43.

[2] Plut. RQ. 81: «Быть может, это вообще не должность? Действительно, у трибунов нет ликторов, они не произносят суд с курульного кресла, не вступают в должность в начале года, как все другие, и не слагают с себя обязанностей; когда избирается диктатор, хотя власть всех магистратов передается диктатору, трибуны по-прежнему остаются, так что они, видимо, не обычные магистраты, и звание их совсем другого рода <…> Точно также, думают они (некоторые ораторы. — *А.П.*), и трибуны служат препятствием должностным лицам, и это не должность, а как раз нечто ей противоположное: власть и сила трибунов в том, чтобы препятствовать злоупотреблениям властью и силой магистратов. Или же все эти истолкования чересчур надуманные, а прежде всего надо помнить, что трибунат создан по воле народа и силен волей народа, так что очень важно, чтобы трибун не возвеличивался над прочими гражданами и не отличался от них ни видом, ни одеждой, ни образом жизни. Важность подобает консулу и претору, а народный трибун, как говаривал Гай Курион, должен быть «ногами попираем»; ему нельзя быть высокомерным, недоступным, крутым, а надо быть покладистым и неутомимым, трудясь за других. Самый дом его по закону не имеет запора, днем и ночью он открыт как пристанище и прибежище для всех нуждающихся. Чем униженней трибун с виду, тем больше его могущество. Он считается общим достоянием в нужде, доступным для всех, подобно алтарю, а в почестях, ему приносимых, он свят, чист и неоскверняем; и если с ним что случится в людном месте, то закон предписывает ему очищение и освящение тела, как после скверны» (перевод Н. Брагинской).

плебейской магистратуры[3], выражает пронароднический взгляд на трибунат и заслуживает специального внимания.

Поставив риторический вопрос, созвучный цицероновскому восприятию трибуната, Плутарх приводит наиболее очевидные, на его взгляд, отличия трибунов от обычных магистратов: у трибунов нет ликторов, они не вершат суд с курульного кресла, не имеют тоги-претексты, не вступают в должность в начале года, как все другие, при назначении диктатора не передают ему, как другие, свою власть. Из сопоставления видно, каких должностных лиц Плутарх понимает под «обычными магистратами» и их властью. Это магистраты *cum imperio*, чья власть восходит к всеобъемлющей власти царя. Примечательно, что в описании этой власти он исходит не из ее прав и полномочий, как то делал Цицерон (Leg. III. 6–10), а инсигний, которые являются зримым их выражением, но в то же время — выражением сущностных отличий. Ликторы и курульное кресло всегда служили демонстрацией судебной и коэрцитивной власти магистратов с империем, а тога-претекста — демонстрацией божественного происхождения этой власти, начало которой — через посредство царской власти — восходит к началам самого Рима. Плутарх подчеркивает сакрально-правовое единство этой власти, которая концентрируется во время диктатуры в руках диктатора, чья власть наиболее близко соответствует царской[4], и подчиняется единым правилам должностного года — все магистраты вступают в должность и, соответственно, слагают ее 1 января[5]. В отличие от магистратов, трибуны не имеют ликторов, курульного кресла и тоги-претексты, а соответственно, их власть не восходит к царскому *imperium* — власти, имевшей всеобщий характер во всех сферах государственного управления[6]. Не являясь гомогенной частью царской власти, трибунская власть не сливается с властью диктатора и не находится в иерархическом соподчинении к ней. На ее гетерогенный характер указывает и иной по сравнению с магистратами срок вступления в должность: трибуны, как известно, вступали в должность 10 декабря (Dionys. VI. 89)[7].

---

[3] Впервые трибунат концептуально представлен как плебейская магистратура (magistratus plebis) в глоссографическом сочинении «О значении слов» римского грамматика эпохи Августа Верия Флакка. См.: Павлов 2013, 66–99.

[4] Т.е. фактически на период диктатуры происходит кратковременное квазивосстановление царской власти, как если бы система магистратур, вышедшая из нее, воплощалась в ней вновь.

[5] Единый срок вступления в должность указывает на сущностное единство всей магистратуры, общую систему выборов, сменяемость, иерархический принцип функционирования. Кроме того, с началом года, на которое приходится начало функционирования новых магистратов, связана и важная сакральная функция магистратуры (в значительной мере ею утраченная в силу перехода ряда полномочий царя к rex sacrorum): организация социума, через организацию времени и пространства. См.: Сморчков 2002, 40–55.

[6] Это было отмечено Л. Ланге, создавшим, в противовес античной, собственную систематику римской магистратуры, в которой трибунат был противопоставлен магистратурам, восходящим к царской власти (Lange 1876, 682–701). О всеобъемлющем характере римского imperium см.: Дементьева 2005, 61–73.

[7] Р.Е. Митчелл, рассматривающий трибунат как городскую гражданскую магистратуру в противовес военной магистратуре консулов на основании того, что до 153 г. до н.э. консулы вступали в должность не 1 января, а 1 марта, считает, что дата вступления в должность трибунов не может рассматриваться как дата, связанная с их функцией контроля над магистратурой (Mitchell 1990; см. нашу рецензию: Павлов 2006, 32–49). Для Плутарха же, и это действительно так, гораздо важнее не предшествование, а само несовпадение срока. Хотя сроки избрания консулов в течение Республики

Продемонстрировав отличия, Плутарх пытается дать им объяснение, начав с толкования риторов, юридического по форме, но политического по содержанию. По их мнению, трибунат есть должность, противопоставленная магистратуре, т.е. своего рода «контрмагистратура», созданная, чтобы «препятствовать злоупотреблениям властью и силой магистратов»[8]. Риторы, как замечает Плутарх, уподобляли функциональную роль трибуната роли *exceptio* в формулярном процессе: «Как жалоба вводит дело в суд, так возражение изымает дело из суда и прекращает дело»[9]. В своем объяснении риторы использовали чисто юридическое сравнение, объясняя специфику трибуната его функциональным предназначением, а по сути сводили трибунат к единственной функции препятствования, реализуемой через право *veto*, тем самым рассматривая власть трибунов как чисто «негативную» по отношению к «позитивной» власти магистратов[10]. Однако эти объяснения не удовлетворяют Плутарха; он именует их «чересчур надуманными». По его мнению, корень надо искать не в различиях функций магистратуры и трибуната, а в типологических различиях самой власти; таким образом, Плутарх ставит во главу угла не абстрактно-юридическую функцию препятствования[11], а специфическое отношение трибуната и народа, подчиняя функциональный принцип социальному. Главное отличие, по его мнению, состоит в том, что «трибунат создан по воле народа и силен волей народа»[12], тем самым Плутарх увязывает защитную функцию трибуната со специфической формой его создания и социальным слоем, на который он опирался и чьи интересы выражал, в силу чего «негативные» полномочия в его концепции оказываются тесно связанными с «позитивными», реализуемыми через практику отношений с народом.

Позиция риторов теснее всего смыкается с позицией просенатской аристократии[13], нашедшей свое крайнее выражение в законодательстве Суллы в отношении трибуната, ограничившем трибунские права до права *veto*[14]; напротив, позиция

претерпевали изменения (см., например: Smith 1875, 352–357), срок избрания трибунов, очевидно, оставался всегда неизменным (по крайней мере, с постдецемвиральной эпохи).

[8] Такую трактовку мы, действительно, находим у Цицерона (Resp. II. 58): «… задачей плебейских трибунов было сдерживать консульский империй…».

[9] *Exceptio* (возражение, изъятие) — одна из дополнительных частей т.н. формулы, вносившаяся в ее состав претором по требованию ответчика; служила одним из средств его защиты. О формулярном процессе и роли *exceptio* в нем см., например: Пухан, Поленак-Акимовская 2000, 341–343; Санфилиппо 2000, 103–107; Франчози 2004, 91–107.

[10] Подобную чисто функциональную оценку полномочий у трибунов мы встречаем у Варрона. См.: Павлов 2012, 25–46.

[11] Эта идея также находит свое выражение у Цицерона в его диалоге «О законах» (III. 23), где он говорит, что власть трибуна может быть направлена и на обуздание произвола народа. Но в полной мере абстрактный характер она приобретет в трудах Нового времени, когда и будет выработано понятие «негативной» власти. См.: Catalano 1971.

[12] В этом он фактически солидаризируется с Полибием (VI. 16), отмечавшим, что «трибуны обязаны действовать всегда в угоду народу и прежде всего сообразоваться с его волей», и связывавшим эту обязанность с имеющимися у трибуна инструментальными средствами для ее реализации (intercessio): «Хотя бы один из трибунов высказался против, сенат не только не в силах привести в исполнение свои постановления, он не может устраивать совещания и даже собираться».

[13] На стремление римских оптиматских кругов свести полномочия трибунов к «негативным» впервые обратил внимание Дж. Гроссо, указавший на разночтение трактовок трибуната в зависимости от взглядов античных авторов: Grosso 1977, 157–162.

[14] Реформы Суллы были направлены на восстановление роли сената, с одной стороны, и уменьшение роли народных собраний, а вместе с тем и трибунов, — с другой. Уже в соответствии с

Плутарха солидаризируется с концепцией суверенитета народа[15], наиболее ярко проявившейся в отстранении народом от власти плебейского трибуна Опимия, попытавшегося воспрепятствовать аграрной рогации Тиберия Гракха[16].

Плутарх в своем кратком параграфе не ставил перед собой, разумеется, задачи всеобъемлющего сопоставления магистратуры и трибуната, а лишь давал ответ на поставленный им в названии параграфа вопрос. Сам ответ, являющийся интерпретацией автора, как многие другие в его «Моралиях», является надуманным, несмотря на точное изложение сути проблемы: морализатор Плутарх объясняет отсутствие тоги с пурпурной полосой у трибуна необходимостью быть ближе к народу и не отличаться от иных его представителей (в чем, однако, действительно, видна его представительская роль). Плутарх не останавливается на этом ответе и завершает текст двумя отличиями трибунской власти. Во-первых, он приводит обычай, в соответствии с которым «самый дом его (трибуна. — *А.П.*) по закону не имеет запора, днем и ночью он открыт как пристанище и прибежище для всех нуждающихся», чем подчеркивает специфику деятельности трибуна (защита граждан). Во-вторых, он указывает на специфическую сакральную природу власти трибуна. По его мнению, трибун «свят, чист и неоскверняем», а если с ним что случится в людном месте, то «закон предписывает ему очищение и освящение тела». Таким образом, Плутарх, начав параграф с «негативных» отличий трибуната от магистратуры, заканчивает его «позитивными», которые сводит к двум основным: специфическому типу сакральности и иному чем у магистратов (защитному) характеру власти трибуна. Они и должны были, по его суждению, содержательно наполнить выдвинутый им тезис. Обе особенности Плутарх рассматривает как тесно взаимосвязанные, что хорошо видно через образное соотнесение доступности трибуната с алтарем, всегда служившим у греков и римлян символом защиты и неприкосновенности[17]. Примечательно, что, говоря об обеих особенностях, он исходит из некоего закона (νόμος), установившего существу-

нормой, принятой в 88 г. до н.э., было запрещено вносить в собрание предложения, не одобренные сенатом. Тогда же были запрещены голосования в собраниях по трибам (App. B.C. I. 59; Liv. Per. 77; Cic. Leg. III. 22. 2). В соответствии с реформой 82 г. до н.э. трибуны утратили право вносить законопроекты на голосование (Liv. Per. 89); очевидно, также они утратили право обращения к сенату (App. B.C. II. 29); все это должно было лишить их и уголовной юрисдикции (Niccolini 1932, 149); занимавшие трибунат лица утратили право занимать другие должности (App. B.C. I. 100); власть трибунов перестает быть sacrosancta, дела обидчиков трибунов должны были рассматриваться в специальных судах (quaestio maiestatis), учрежденных Суллой (Cic. Verr. 1. 39; Cluent. 97; Pis. 50; Fam. III. 11. 2; Tac. Ann. I. 72); право intercessio трибунов было сокращено до помощи (ius auxilium) частным лицам (Cic. Leg. III. 22). По мнению Аппиана, Сулла почти совершенно уничтожил должность трибунов, лишив ее всякого значения (App. B.C. I. 100). О реформах Суллы в отношении трибуната см.: Niccolini 1932, 145–155; Fabbrini 1973, 806–807; Margadant 1977, 186–187; Thommen 1989.

[15] См., например: Утченко 1965, 83–106; Behne 2002, 124–136.

[16] Обе тенденции найдут свое отражение в современной историографии. См., например: Lobrano 1983; Mastrocinque 1996, 62–68.

[17] Плутарх, очевидно, имеет здесь в виду греческий институт асилии (ἀσυλία), который мы встречаем и в римской практике (Liv. I. 8; Vell. I. 8; Dionys. II. 15). В отличие от греческого права, в римском он не был закреплен. Римское право эпохи Империи упоминает таковое только по отношению к рабам (Gai. I. 53; D. 21. 1. 17. 12) и запрещает прибегать к таковой защите свободным (D. 48. 19. 28. 7). Практика, которую использовал Ромул для расширения общины (Liv. I. 8; Vell. I. 8; Dionys. II. 15) в эпоху ее складывания, очевидно, в дальнейшем вышла из употребления. В связи с этим трибунат стал аналогичным институту asylum в Риме. Примечательно, что Плутарх говорит, что он служил алтарем «для всех», в том числе для рабов, что подчеркивает не только его свет-

ющий порядок вещей. Упоминая о требовании закона об очищении трибунов в случае необходимости и священном и неприкосновенном (ἱερὸν και ἄσυλον) характере трибуната, Плутарх, несомненно, имеет в виду *sacrosanctitas* (неприкосновенность) трибунов, установленную посредством клятвы плебса (iusiurandum) и т.н. священных законов (leges sacratae), и указывает на иной тип сакрализации их власти, отличающийся от магистратов *cum imperio* (auspicia). Согласно закону Валерия-Горация (Liv. III. 55. 6–7), подтвердившего нормы, введенные при основании трибуната в 494 г. до н.э., лицо, нарушившее неприкосновенность трибунов, обрекалось в жертву Юпитеру, а его имущество — Церере, Либеру и Либере. Двойственность, которую мы наблюдаем у римлян в социальной сфере (patres/plebs) и в систематике магистратуры (magistratus patricii/plebei), нашла свое отражение и в сакральной сфере: магистратура оказалась связанной со сферой богов небесных, тогда как трибунат — со сферой хтонических, что наглядно видно в культе плебейской триады[18], практики сакрации, покоящейся на клятве[19], необходимости очищений, о которых применительно к трибунам говорит Плутарх[20].

Плутарх, как и другие греки, использует в своем рассуждении о римской магистратуре для ее обозначения греческий термин ἀρχή, он не вводит никакого другого понятия ни для «контрмагистратуры» риторов, ни для спецификации своего понимания трибуната, ибо подобной терминологии не было выработано ни в греческой, ни в латинской традиции. Вместе с тем известно, что римские авторы не только систематизировали магистратуру *ex honoribus*, но и структурировали ее на основе ряда других критериев[21]. Именно они использованы современными романистами для классификации магистратуры. Плебейские трибуны (наряду с плебейскими эдилами) в этой систематике рассматриваются как *magistratus plebis* и противопоставляются *magistratus patricii*. Позиция Плутарха ближе всего именно к такой систематике трибуната в латинских источниках, поскольку функциональные и правовые различия у него суть следствия различий социальных.

ЛИТЕРАТУРА

Дементьева В. В. 2005: Магистратская власть римской республики: содержание понятия imperium // ВДИ. 4, 61–73.

Павлов А. А. 2006: Время деконструкций: «патриции и плебеи» Р. Е. Митчелла // Античная история и классическая археология / В. В. Дементьева (ред.). М., 32–49.

ский и гражданский, но и специфически сакральный характер. Об институте асилии см., например: Mossakowski 1996, 5–12; 2004, 53–57.

[18] См.: Bonniec 1958; Штаерман 1987, 31–107.

[19] Здесь стоит вспомнить запрет фламину Юпитера клясться (Fest. s.v. Iurare. P. 92 L; Plut. QR. 44; Gell. X. 15. 5), наряду с массой других запретов, указывающих на запрет всяческих контактов с подземным миром (Fest. s.v. Ederam. P. 72 L; Fabam. P. 77 L; Funebres tibiae. P. 82 L; Plut. QR. 50; 109; 110; 111; 112; Gell. X. 15); в то же время ему были даны, подобно магистратам с империем, ликторы и курульные кресла (Plut. QR. 112; Fest. s.v. Flaminius lector. P. 82 L).

[20] Эта сфера находилась в значительной мере под контролем понтификов. Они контролировали, в числе прочего, ритуалы переходного характера, что связывало трибунов и понтификов. Наиболее явно эта связь прослеживается в ритуале восстановления власти трибунов в 449 г. до н.э. при посредстве *pontifex maximus* (Liv. III. 54. 5–14). Коллизия отношений между понтификами и трибунами на примере этого события рассмотрена в работах К. Ринольфи и А.М. Сморчкова: Ринольфи 2007, 23–54; Сморчков 2012, 293–306.

[21] См.: Павлов 2011, 217, п. 17; 223, п. 35.

Павлов А.А. 2011: Магистратура и плебейский трибунат в римской антикварно-грамматической и юридической историографии // Мнемон. 10, 213–232.

Павлов А. А. 2012: Римские концепции плебейского трибуната: Марк Теренций Варрон // Диалог со временем. 41, 25–46.

Павлов А. А. 2013: Марк Веррий Флакк: трибунат как плебейская магистратура // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 3 (28), 66–99.

Пухан И., Поленак-Акимовская М. 2000: Римское право (базовый учебник). М.

Ринольфи К. 2007: Плебс, великий понтифик, плебейские трибуны: по поводу Liv. 3. 54. 5–14. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (20), 23–54.

Санфилиппо Ч. 2000: Курс римского частного права. М.

Сморчков А. Н. 2002: Regnum et sacrum: о характере царской власти в древнем Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (10), 40–55.

Сморчков А.М. 2012: Религия и власть в римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.

Утченко С. Л. 1965: Кризис и падение римской республики. М.

Франчози Дж. 2004: Институциональный курс римского права. М.

Штаерман Е. М. 1987: Социальные основы религии древнего Рима. М.

Behne F. 2002: Volkssouveränität und verfassungsrechtliche Systematik. Beobachtungen zur Struktur des Römischen Staatsrechtes von Theodor Mommsen // Res publica reperta / J. Spielvogel (hrg.). Stuttgart, 124–136.

Bonniec H. Le 1958: Le culte de Cérès à Rome. Paris.

Catalano P. 1971: Tribunato e resistenza. Torino.

Fabbrini F. 1973: Tribuni plebis // NNDI. Torino, XIX, 778–822.

Grosso G. 1977: Appunti sulla valutazione del tribunato della plebe nella tradizione storiografica conservatrice // Index. 7, 157–162.

Lange L. 1876: Römische Altertümer. I. Berlin.

Lobrano G. 1983: Il potere dei tribuni della plebe. Milano.

Mastrocinque A. 1996: Aspetti del tribunato della plebe alle origini della republica // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1, 62–68.

Margadant G. F. 1977: Tribunado de la plebe un gigante sin descendencia // Index. 7, 169–200.

Mitchell R. E. 1990: Patricians and Plebeians. The Origin of the Roman State. Ithaca; London.

Mossakowski W. 1996: The Problems of the Temple Asylum Genesis in Ancient Rome // Pomoerium. 2, 5–12.

Mossakowski W. 2004: Concept of Asylum (asylum, confugium) in the Ancient Rome // Pomoerium. 5, 53–57.

Niccolini G. 1932: Il Tribunato della plebe. Milano.

Rose H. J. 1929: Introduction // The Roman Quaestions of Plutarch. A New Translation with Introductory Essays and a Running Commentary by H. J. Rose. Oxford.

Smith W. 1875: Consul // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. London, 352–357.

Thommen L. 1989: Das Volkstribunat der späten römischen Republik. Stuttgart.

PLEBEIAN TRIBUNES IN THE “ROMAN QUESTIONS” BY PLUTARCH

A. A. Pavlov

The article is devoted to the analysis of Plutarch’ concept of the plebeian tribunate what he presented in his antiquarian work «Roman questions». Plutarch’ estimation of the

tribunate is populist. His position is relative with those of Latin antiquarians who consider tribunate as a plebeian magistracy (Verrius Flaccus). In his opinion, tribunate cardinally differs from *magistratus cum imperio*: the authority of tribunes has a different nature (in relation to *magistratus*), their main purpose is to protect from magistracy, they possess the sacral nature distinct from *magistratus*; tribunes possess both negative and positive powers. Plutarch closely coordinates functional differences of the tribunate to their other social nature.

Key words: Plutarch, “Roman questions”, tribunes of the plebs

---

© 2014

А. В. Каргальцев

ЖИЗНЬ И ЭККЛЕСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТЕРТУЛЛИАНА

Статья посвящена некоторым дискуссионным обстоятельствам биографии Тертуллиана, а также эволюции его экклесиологических взглядов. Автор приходит к выводу, что разрыв Тертуллиана с церковью и увлечение монтанизмом в небольшой степени скорректировали его экклесилогические взгляды, а «новое пророчество» он рассматривал как модель переустройства всей христианской общины.

Ключевые слова: Северная Африка, экклесиология, ранее христианство, Тертуллиан

Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан по праву считается первым крупным христианским писателем Северной Африки. Несмотря на то, что его жизни и творчеству посвящено колоссальное количество работ, измеряемое сотнями, если не тысячами, тем не менее, биография апологета по-прежнему вызывает самое пристальное внимание исследователей[1]. Хотя литературное наследие Тертуллиана огромно, равно как и велико значение его экклесиологических и теологических взглядов, ведь он был первым писателем Запада, сформулировавшим полноценную доктрину Христианской Церкви, а также явился создателем церковной латыни, тем не менее, о себе он оставил весьма скудные сведения, а современники обходили вниманием фигуру апологета. Как заметила по этому поводу Х. М. Циллинг, похоже, ранняя церковь предала имя Тертуллиана забвению (damnatio memoriae) из-за его участия в движении монтанистов[2]. С этим утверждением вполне можно согласиться. Ведь впервые о жизни Тертуллиана говорит Лактанций: «Также Септимий Тертуллиан был искусен в разного рода писаниях, но в изложении менее лёгок и ещё менее изящен, и весьма неясен. Поэтому он и не приобрёл достаточной известности» (Lact. Div. inst. V. 1. 23)[3]. Столь критическая оценка вряд

Каргальцев Алексей Витальевич — соискатель кафедры истории Древней Греции и Рима СПбГУ. E-mail: kargaltsev@gmail.com

[1] Barnes 1985; Osborn 1997; Dunn 2004; Zilling 2004; Wilhite 2007.

[2] Zilling 2004, 22.

[3] Septimius quoque Tertullianus fuit omni genere litterarum peritus, sed in eloquendo parum facilis et minus comptus et multum obscurus fuit. Ergo ne hic quidem satis celebritatis invenit.

ли до конца справедлива, однако ясно указывает на отношение к Тертуллиану в конце III в. Другой автор, оставивший сообщение об африканском апологете — Иероним — менее категоричен. Он пишет: «Тертуллиан, пресвитер, считающийся сейчас главным латинским автором после Виктора и Аполлония, уроженец города Карфагена в африканской провинции, сын проконсула или центуриона, был человеком с сильным и энергичным характером. Он жил во времена правления императоров Севера и Антонина Каракаллы и создал множество трудов, которые мы не будем упоминать, т.к. они широко известны. Я сам встречал одного Павла, пожилого человека из итальянского города Конкордии, который в молодости был секретарем благословенного Киприана, в то время уже бывшего в почтенном возрасте. Он сам видел, что Киприан не проводил и дня без чтения Тертуллиана и часто говорил: «Дайте мне учителя», имея в виду Тертуллиана. Тертуллиан был пресвитером церкви до середины жизни, а затем, гонимый завистливыми и злобными священниками Римской церкви, обратился к учению Монтана и упоминал новое пророчество во многих своих книгах. Он создал труды, направленные против церкви: «О скромности», «О гонениях», «О постах», «О единобрачии», шесть книг «Об экстазе» и седьмую - против Аполлония. Говорят, что он дожил до глубокой старости и написал множество небольших работ, которые не сохранились до наших дней» (Hier. De vir. ill. 53). Данное свидетельство нередко ставят под сомнение в современной историографии, однако, на наш взгляд здесь нет намеренного искажения действительности. Сам характер трактата «О знаменитых мужах» носит явно апологетический характер, призванный показать, что христианские взгляды разделяли весьма образованные люди, вопреки распространенному среди язычников противоположному суждению. Поэтому вместе с христианами здесь оказались и язычники (Сенека), иудеи (Иосиф Флавий, Юст Тивериадский), а также нашлось место писателям, к сочинениям которых церковь в IV в. относилась настороженно (Тертуллиан, Ориген). Очевидно, критерием для Иеронима служила выдающаяся литературная деятельность, а не ортодоксальность взглядов[4]. Кроме того, забвение ещё не означало осуждения, ведь ни разрыв Тертуллиана с Церковью, ни его критические замечания не были официально осуждены ни одним из африканских соборов III в., ни последующими соборами, а, напротив, взгляды Тертуллиана оказали значительное влияние на развитие африканской церкви. Поэтому сообщение Иеронима в целом и даже замечание, что Киприан проводил время за чтение Тертуллиана и просил его труды со словами «Дайте мне учителя», представляется вполне достоверным (Hier. De vir. ill. 53). Евсевий также положительно оценивает деятельность апологета, сообщая, что «Тертуллиан был превосходным знатоком римских законов, человеком известным и прославленным, а также автором «Апологии христиан» (Euseb. HE. II. 2. 4), с которой он обратился к римскому сенату (Euseb. HE. V. 5. 4). Напротив, более строгий к еретикам Августин не упоминает Тертуллиана в числе выдающихся христианских писателей, в том числе в своём обширном трактате «О христианском учении» (De doctrina Christiana).

Сам о себе африканский апологет сообщает немногое. Так, завершая трактат «О крещении», он делает редкое исключение, прося помянуть «грешного Тер-

[4] Известно, что и сам Иероним в ранний период своей деятельности был поклонником взглядов Оригена, поэтому не мог не включить в трактат своего духовного учителя.

туллиана» (Tert. De bapt. 20)[5]. Некоторые факты биографии он приводит в своём «Апологетике», но в целом в историографии нет единства ни в отношении места рождения Тертуллиана, ни точных дат его жизни, ни относительно его воспитания и образования. Известно, что многие из рода Септимиев жили в окрестностях Большого Лептиса в Триполитании, уроженцем которого был император Септимий Север. Однако ни сам Тертуллиан, ни многие другие известные представители этого рода не указывают на Лептис как на место своего рождения. Исследователи определяют годы его жизни между 170 и 220 гг.[6] Отдельный интерес вызывает имя апологета — Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан. Дело в том, что сам он называет себя или просто Тертуллианом (Tert. De Bapt., 20), или Септимием Тертуллианом (Tert. De Virg. vel. 17), аналогичным образом именует его и Лактанций. Имена же Квинт и Флоренс появляются в издании трудов апологета И. Тритемия и Полициана в XV в. и, возможно, являются позднейшей вставкой[7]. Это обстоятельство в сочетании с молчанием источников не позволяет однозначно говорить о высоком социальном статусе семьи Тертуллиана или даже о наличии у него римского гражданства[8]. Иероним сообщает, что отец Тертуллиана был центурионом, однако в современной историографии это утверждение подверглось критике[9]. В имперский период в крупных городах Северной Африки начали появляться многочисленные школы; особенно много их было в Карфагене, где, возможно, и прошло детство Тертуллиана (Tert. Ad nat. 2, 7;13; Apol. 12. 14. 50). Стиль апологета, его риторические навыки, а также совершенное владение латинским и греческим языками, несомненно, указывают на полученное им прекрасное образование. Кроме того, Тертуллиан был знаком с греческой и римской классической литературой (Ювенал, Тацит, Геродот и Платон), которую он цитируют в полемике с язычниками, а также написал несколько трактатов на греческом языке[10]. Тертуллиана считают создателем церковной латыни, им была выработана латинская богословская терминология, которая получила широкое распространение, ей пользовались Киприан и другие латинские авторы. Одним спорных аспектов биографии Тертуллиана является род его занятий до вступления в церковь. Евсевий сообщает, что Тертуллиан стал юристом в Риме, а потом вернулся в Карфаген (Euseb. H.E. 2. 2.4). А. Гарнак, анализируя развитие Тертуллианом новозаветного учения, соглашается с этим утверждением на том основании, что в произведениях апологета нет платонических идей, характерных для трудов восточных отцов церкви, занимавшихся философией и риторикой[11]. А. Бек утверждал, что карфагенский Тертуллиан — это римский юрист Tertullianus, известный как автор юридического справочника «De castrensis peculio»[12]. Противоположного мнения

---

[5] tantum oro, ut cum petitis etiam Tertulliani peccatoris memineritis.

[6] Albreht 2012, 1211.

[7] Т.Д. Барнс ссылается на некие источники, содержащие полное имя апологета, в статье О. Хиршфельда (Hirschfeld O. Die Namen des Tertullianus // Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1915), однако данная статья отсутствует в библиографии немецкого ученого: Barnes 1985, 242.

[8] Wilhite 2007, 17–18.

[9] Barnes 1985, 242–243.

[10] Chadwick 2001, 118.

[11] Harnack 1897, 256.

[12] Beck 1930.

придерживался Т. Д. Барнс, полагая, что речь идет о двух разных Тертуллианах — юристе и христианине[13]. Тем не менее, можно вполне согласиться с мнением Д. Брея, что обилие юридической терминологии у Тертуллиана ясно указывает на его образование и род занятий[14]. Нет точных данных, когда он стал христианином, лишь в апологии Тертуллиан пишет, что первоначально был язычником (Tert. Apol. 18. 4). Нет полной ясности и в том, являлся ли Тертуллиан пресвитером. Хотя об этом ясно свидетельствует Иероним, ряд ученых полагает, что апологет являлся лишь «пресвитером» монтанистской общины Карфагена[15]. В ряде случаев, как будто, апологет сам утверждает, что был мирянином (Tert. De mon. 12. 1–4). Ещё одним свидетельством в этой связи являются слова Тертуллиана: «Какое безумие полагать, что мирянам дозволяется делать то, что запрещено священникам! Разве мы не все священники? Господь наш Иисус Христос соделал всех нас не только служителями, но и священниками Отца небесного» (Tert. De exhor. cast. 7. 3). На основании этого отрывка многие ученые всерьез сомневаются в принадлежности Тертуллиана к клиру[16]. Так, Т. Д. Барнс задается вопросом, стоило ли ставить под сомнение собственный статус для доказательства столь очевидной истины. Другие ученые также уверены, что, будучи клириком, апологет опирался бы на авторитет своего сана и Священного писания[17]. Наконец, Б. Альтанер приходит к заключению, что священник в принципе не мог бы придерживаться такой линии рассуждения[18]. Однако, на наш взгляд, комментаторы этого отрывка потратили немало сил, чтобы не придать значения пояснению, которое дает сам Тертуллиан: «Власть Церкви поставила границы между священниками и мирянами, но обязанность служить Богу лежит на каждом» (Tert. De exhor. cast. 7. 4). Как справедливо замечает Д. Ранкин, в споре о сане Тертуллиана ученые скорее отстаивают принятую ранее точку зрения, нежели действительно опираются на свидетельства источников[19]. Таким образом, на наш взгляд, приведенных аргументов недостаточно, чтобы опровергнуть авторитетное свидетельство Иеронима. С годами Тертуллиан всё более увлекался монтанизмом, выступив с критикой церкви, а в конце жизни даже основал свою общину «тертуллианистов» (Aug. De haer. 86; Praedestinat. Haer. I. 86)[20]. По мнению А. Гарнака, монтанистом он стал не позднее 207 г.[21] Однако в современных исследованиях принято очень осторожно оценивать само содержание монтанизма в Африке, поскольку знакомство с «фригийской ересью» было, весьма вероятно, поверхностным, а также сами взгляды монтанистов были в значительной мере переосмыслены и в таком виде стали ча-

[13] Barnes 1985, 22–23.
[14] Bray 1979, 158–159.
[15] Waszink 1933, 169.
[16] Bray 1979, 40–41; Barnes 1985, 117; Wilhite 2007, 24.
[17] Teeuwen 1926, 35.
[18] Altaner 1960, 166.
[19] Rankin 1995, 39–40.
[20] Августин и автор анонимного трактата о ересях сообщают, что группа тертуллианистов существовала в Риме и Карфагене в конце IV в., пока полностью не исчезла, воссоединившись с церковью. Наши источники единодушны в том, что Тертуллиан основал собственную секту в результате разрыва с монтанистами, однако в историографии дискутируется вопрос, были ли тертуллианисты часть монтанистской общины Северной Африки или являлись последователями самого Тертуллиана. Подробнее см.: Болотов 1994, 356; Maier 1995, 249; Powell 1975, 33–54.
[21] Harnack 1878, 256–296.

стью учения ортодоксальной африканской церкви[22]. В этой связи справедливо суждение Дж. Данна, что прежнее представление о Тертуллиане как раскольнике нежизнеспособно сегодня[23].

Не касаясь всего обширнейшего наследия Тертуллиана, мы выделим лишь те его суждения, которые касаются организации христианской общины Северной Африки. В одном из современных отечественных исследований П. А. Бутаков пишет следующее: «Сначала Тертуллиан пропагандирует римскую авторитарную монархическую модель, в которой власть в церкви сосредоточена в руках римского епископа и держится на вере в непогрешимость его декретов. Позднее Тертуллиан отдает предпочтение греческой соборной демократической модели, что свидетельствует о переломе в его мировоззрении, а изменение отношения к греческой философии — об отступлении от позиции иррационализма»[24]. Вряд ли такое однозначное суждение справедливо. Формирование монархической модели церковного устройства, о котором ещё подробнее пойдёт речь, — феномен более позднего времени, получивший развитие в Северной Африке. Трудно для этого времени судить и о притязаниях римского епископа. Сомнительно, что к таковым можно отнести увещевания Климента Римского к единоверцам в Коринфе[25]. В этой связи Ф. Шафф замечает: «Первые тридцать пап в первые три столетия были достаточно незаметными, хотя все они — канонизированные святые»[26]. Наконец, не свободен от критики тезис о влиянии на Тертуллиана «соборной демократической модели», поскольку следы её в золотой век Антонинов и тем более в последующие десятилетия сохранились разве что в трудах античных историков. Кроме того, на греческом Востоке монархическая модель церковного устройства получила не меньшее распространение, чем на Западе. Очевидно, что в данном случае речь идёт о некогда укоренившемся в историографии противопоставлении «греческих» и «латинских» регионов Средиземноморья, культуры которых развивались отдельно друг от друга, что проявлялось в различном мировосприятии, ментальности, философии и религии их жителей[27]. Также, на наш взгляд, говорить о влиянии на Тертуллиана укоренившейся христианском мире философской доктрины по меньшей мере преждевременно, а причины его критического отношения к церковной организации и последующего разрыва с церковью следует искать в чем-то другом.

Как уже отмечалось выше, жизнь Тертуллиана можно разделить на две части: до и после его обращения к монтанизму. При этом важно ещё раз подчеркнуть, что мы обладаем лишь косвенными свидетельствами его разрыва с церковью по той причине, что сам Тертуллиан ни в одном из трактатов не отделяет себя от Церкви. Для африканского апологета «новое пророчество» не что иное, как новое откровение внутри христианской общины, следовать которому должны все веру-

---

22 Bray 1993, 10–11; Osborn 1997, 212.

23 Dunn 2004, 6.

24 Бутаков 2007, 11.

25 О притязаниях римской церкви во II в.: Bauer 1971, 109–110.

26 Шафф 2010, 120.

27 В отечественной историографии эту точку зрения отстаивал Ф. Ф. Зелинский: «Одно и то же семя Христова учения сеяли проповедники Евангелия по всей области римской империи; но не одни и те же были всходы, явившиеся с течением столетий в её западной и восточной половине» (Зелинский 1995, 3).

ющие[28]. Важным здесь является то, что критика церковной организации и епископской власти не идёт с позиции «монтанистской церкви», но ограничивается рамками всё того же христианского сообщества. Как справедливо подчеркивает Д. Ранкин, ни в одном из трудов, где Тертуллиан спорит со своими оппонентами, не раздается призыва оставить Церковь и присоединиться к его движению (Tert. De Fug. 1, 1; De Exhorat. Cast. 1)[29]. Единство Церкви не может быть нарушено просто потому, что это сообщество, которое отлично от еретиков и язычников, и критика в этом смысле направлена не против организации как таковой, а для исправления нравов общины в соответствии с пророчеством Монтана. Наилучшим образом этот тезис иллюстрирует тракт Тертуллиан против модалистской ереси Праксея. Здесь апологет утверждает, что «мы (то есть последователи Нового пророчества) были наставлены Параклетом», по всей видимости, лучше остальных христиан в познании Единого Бога (Tert. Adv. Prax. 2. 1). В то время как многие простецы уклонились в ересь, поклоняясь двум или трем богам (Tert. Adv. Prax. 3. 1). Нигде в данном трактате Тертуллиан не отделяет свои монтанисткие взгляды от учения Вселенской церкви, указывая лишь, что их группа является избранной в рамках церкви. Как замечает в этой связи Т. Д. Барнс: «Это действительно парадокс. Тертуллиан помог Церкви победить богословскую ересь именно потому, что был монтанистом»[30]. По мнению П. Монсо, за словами Тертуллиана скрывается «великое уважение к церковной иерархии»[31].

Какова же в этом случае доктрина церкви у Тертуллиана? Чтобы ответить на этот вопрос, следует выделить ряд особенностей церковной организации I-II вв. Очевидно, первые христиане не ставили целью создание какой-либо единой структуры по причине ожидаемой в самое ближайшее время гибели этого мира и наступления Царства Божия. Г. Кампенхаузен с некоторым удивлением замечает, что самым поразительным в деятельности ап. Павла было полное отсутствие установления каких-либо правовых основ и организации системы власти в созданных им общинах[32]. Однако уже в апостольской период в жизни церкви произошли важные изменения: управление церковью, прием новых членов, пастырские назидания стали прерогативой клириков, которые, несомненно, выделялись среди массы верующих. С другой стороны, в Новом завете существовало ясное указание на равенство людей перед Богом. Этот дуализм разрешался таким образом, что все крещеные представляли особую форму гражданского коллектива — экклесию, которая имела двоякую природу. Во-первых, она была вселенским сообществом спасенных, а во-вторых, христианской общиной в городе или провинции[33]. Иными словами, здесь проявились, с одной стороны, иудейский монотеизм и мистицизм, с другой — политические и социальные реалии, в которых

[28] В отечественной историографии можно встретить иные точки зрения: «В монтанистический период своей жизни Тертуллиан является искренним врагом православия. Он составляет несколько сочинений, в которых, с одной стороны, старается представить в смешном виде его принципы и обычаи, а с другой — внушить уважение и придать значение доктринам своей секты» (Реверсов 2002, 136).

[29] Rankin 1995, 28.

[30] Barnes 1985, 142.

[31] Monceaux 1901, 394.

[32] Campenhausen 1969, 70.

[33] Goguel 1964, 21.

существовала церковь. В условиях постоянных нападок со стороны римского общества и государства христианские группы начали мимикрировать под традиционные античные объединения — коллегии. Специфика организации этих объединений, построенных по принципу домовладений, с ярко выраженной вертикалью управления, становится характерной и для ранней церкви. Параллельно с этим христиане стали усваивать греко-римские культурные ценности — литературу и философию. Однако само по себе участие христиан в жизни античного общества ещё не означало отказа от собственно новозаветного учения. На наш взгляд, по мере осмысления Тертуллианом этих двух сторон жизни церкви и сформировалась его экклесиологическая доктрина.

Новый Завет предлагал множество образов церковного устройства, воспринятых африканским апологетом: церковь как Ноев ковчег (1 Petr. 3. 20–21; Tert. 1) De Bapt. 8; 2) De Idolat. 24. 4), как военный лагерь (2 Tim. 2. 3; Apoc. 20. 9; Tert. De Spect. 24. 3), как Небесный Иерусалим, как мать или дева и пр. В этом смысле церковь земная выступает видимым проявлением церкви небесной. Подобно тому как Ной берет в ковчег животных чистых и нечистых, отмечает Ипполит Римский, христианская община должна принимать в свои ряды кающихся грешников (Hipp. Elench. IX. 12. 22). Для Тертуллиана голубь, возвращающийся к Ною и возвещающий об окончании потопа, — пример того, как Святой Дух совершает реальные дела на земле и является объективным участником человеческой истории. В этом смысле и «небесная церковь» — это не философская или идеальная категория, а реально существующее сообщество христиан, в котором зримо действует Бог. Со всех сторон церковь окружена врагами, между противоборствующими лагерями идет настоящая война (Tert. De Spect. 24. 3; De Cor. 11). Трудно однозначно сказать, была ли военная тематика навеяна библейскими образами, поскольку в равной мере она проявлялась и у язычески авторов и была своего рода топосом стоической философии, популярной во II в.[34]. Важнейшим из библейских образов, на наш взгляд, является представление о церкви как о Теле Христа (Corpus Christi) (1 Cor. 12; Rom. 12; Eph. 1). Для Тертуллиана это означало то, что, принимая крещение и произнося клятвы, христианин в буквальном смысле становился новым человеком, участником христианского сообщества как некого живого организма, который и есть Христос (Tert. De Bapt. 6, 2; De Paenit.10). В этом случае верующий получает особые духовные дары, примеры которых представлены в текстах Ветхого и Нового завета.

Тертуллиан поддерживает сложившуюся к концу II в. церковную иерархию, включающую епископов, пресвитеров и диаконов. Апологет упоминает также другие церковные служения, однако критерием для него являются апостольские установления, и в этом он следует за Юстином, Иренеем и Ипполитом Римским. Во-первых, по мысли Тертуллиана, миряне, будучи людьми непросвещенными, требуют руководства и наставлений. Во-вторых, после рукоположения клирики начинают выполнять особое служение (officium), и хотя, как уже отмечалось, миряне и священники равны перед богом, однако выполняют разные функции. В ранних трактатах, особенно в «Апологетике», Тертуллиан оптимистично оценивает христианское сообщество и его перспективы. Бог создал мир из ничего и является

[34] Füllenbach 1980, 19.

его верховным владыкой (Tert. Apol. 17). Мир населен демонами, которые являются источником зла и развращают людей (Tert. Apol. 22). Всесилие их порождено идолопоклонством римлян, их верой в многочисленных и выдуманных богов, под видом которых и являются демоны (Tert. Apol. 23). С другой стороны существует христианская церковь, члены которой являются идеальными гражданами (Tert. Apol. 36), лояльны к императору и молятся за него и за всю Империю (Tert. Apol. 30), исполняют гражданские обязанности (Tert. Apol. 42) и в целом являются опорой общества в преддверие конца времен (Tert. Apol. 39). Очевидно, оптимизм Тертуллиана начинает рассеиваться по мере полемики с ересями. Он сталкивается с той проблемой, что библейские тексты не могут быть надежным источником вероучения без дополнительного авторитетного толкования. Для богословия Тертуллиана это был серьезный вызов, поскольку если церковь является «собранием святых», если церковь — это тело Христа, то, следовательно, она должна обладать всеми необходимыми инструментами для поддержания чистоты своего вероучения. В действительности же церковь-дева постоянно оскверняется ересями (Tert. De Praescr. 44). Она должна очищаться, и в христианском ковчеге нет места идолопоклонникам (Tert. De Idolat.). В трактате «О душе» Тертуллиан приходит к окончательному убеждению, что пророчества не прекращаются в христианскую эру, дар пророчества является одним из «даров Духа». В монтанистских трактатах Тертуллиана понятие служения (officium) все более уступает харизме. Харизма, греческий термин, введенный Тертуллианом в латинское богословие, встречается уже в ранних текстах апологета и означает в самом широком смысле дары Святого Духа, получаемые любым христианином при крещении (Tert. De bapt. 20; ср. 1 Kor. 12). По мере разочарования в церковных делах Тертуллиан приходит к заключению, что лишь небольшая группа христиан является избранной. Здесь в полной мере он находит опору в Новом пророчестве. Таким образом, подлинная христианская община, в представлении Тертуллиана, сужается до небольшой группы верующих, наставленных Параклетом, которая противопоставлена психикам. Нет ничего удивительного в том, что в конце жизни апологет разочаровывается и монтанистах и организует собственную секту.

Продолжением экклесиологической доктрины является и этическая составляющая учения Тертуллиана. Христианин должен не только принимать деятельное участие в жизни церкви, но и доказывать своей деятельностью истинность христианского вероучения. Идеальным завершением жизни становится прямое подражание Христу, то есть мученическая смерть. В трактате «О венце» Тертуллиан рассказывает о солдате, который во время праздника отказался надеть венок и за неподчинение вначале был арестован, а после суда, на котором он открыто свидетельствовал о своей вере, казнен. По мнению многих исследователей, этот воин был монтанистом[35]. В Трактате «О бегстве во время гонений» Тертуллиан дополнительно поясняет, что христианину не следует воздерживаться от мученической смерти.

Таким образом, несмотря на всю противоречивость, экклесиологические карфагенского пресвитера представляют достаточно стройную картину. Два вопроса в этой связи требуют дополнительного уточнения. Во-первых, в какой мере риго-

[35] Пантелеев 2006, 108.

ризм Тертуллиа сказался на его творчестве? На наш взгляд, несмотря на очевидные личностные особенности характера африканского апологета, все же не стоит обходить вниманием религиозную среду, которая традиционно существовала в Африке. Буквализм, самое серьезное отношение к ритуалу, человеческая жертва как высшее проявление религиозности в полной мере проявляются в трактатах Тертуллиана. Будучи горячим патриотом Карфагена, о чем ещё отдельно пойдет речь, он хорошо знал и любил историю своего региона, привнося таким образом в христианский универсализм специфические африканские черты. Во-вторых, каково же значение его трудов? Нам представляется, что, хотя деятельность Тертуллиана и потерпела неудачу, его язык, этические идеи, экклесиология оказали значительное воздействие на последующих христианских писателей и более того — заложили основы развития всего западного богословия.

ЛИТЕРАТУРА

Болотов В. В. 1994: Лекции по истории древней церкви. Т. I. История церкви в период до Константина Великого. М.

Бутаков П. А. 2007: Иррационализм и рационализм в воззрениях Тертуллиана: автореф. дисс… на соиск. уч. ст. канд. философ. наук. Новосибирск.

Зелинский Ф. Ф. 1995: Соперники христианства. Статьи по истории античных религий. СПб.

Реверсов А. П. 2002: Апологеты. Защитники Христианства. СПб.

Пантелеев А. Д. 2006: Жертвы глобализма: эдикт Каракаллы и положение христиан в начале III века // Мнемон. 5, 95–110.

Шафф Ф. 2010: История христианской Церкви. Т. 2. Доникейское христианство (100–325 г. по Р. Х.) / Пер. с англ. А. Ю. Рыбаковой. СПб.

Albreht M. von. 2012: Geschichte der römischen Literatur: Von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken. Berlin.

Altaner B. 1960: Patrology. New York.

Barnes T. D. 1985: Tertullian. A Historical and Literary Study. Oxford.

Bauer W. 1971: Orthodoxy and Heresy in Earliest Christianity. Philadelphia.

Beck A. 1930: Römisches Recht bei Tertullian und Cyprian. Halle.

Bray G. L. 1979: Holiness and the Will of God: Perspectives in the Theology of Tertullian. London.

Bray G. L. 1993: Tertullian and Western Theology // Great Leaders of the Christian Church / J. D. Woodbridge (ed.). Chicago, 49–54.

Campenhausen H. von. 1969: Ecclesiastical authority and spiritual power in the church of the first three centuries. Stanford.

Chadwick H. 2001: The Church in Ancient Society: From Galilee to Gregory the Great. New York.

Dunn G. D. 2004: Tertullian. London; New York.

Füllenbach J. 1980: Ecclesiastical Office and the Primacy of Rome: An Evaluation of Recent Theological Discussion of First Clement. Washington.

Harnack A. 1878: Die Zeit des Ignatius und die Chronologie der antiochenischen Bischöfe bis Tyrannus nach Julius Africanus und den späteren Historikern. Leipzig.

Harnack A. 1897: Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. T. II. Bd 2. Leipzig.

Goguel M. 1964: The Primitive Church. London.

Maier H. O. 1995: The Topography of Heresy and Dissent in Late-Fourth-Century Rome // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 44, 232–249.

Monceaux P. 1901: Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. T. 1. Tertullien et les origines. Paris.

Osborn E. F. 1997: Tertullian. First Theologian of the West. Cambridge.

Powell D. 1975: Tertullianists and Cataphrygians // Vigiliae Christianea. 29, 33–54.

Rankin D. 1995: Tertullian and the Church. Cambridge; New York.

Teeuwen S. W. J. 1926: Sprachlicher Bedeutungswandel bei Tertullian. Paderborn.

Waszink J. H. 1933: Tertullian De Anima, mit Einleitung, Übersetzung und Kommentar. Amsterdam.

Wilhite D. E. 2007: Tertullian the African: A Social Anthropological Reading of Tertullian's Context and Identities. Berlin.

Zilling H. M. 2004: Tertullian. Untertan Gottes und des Kaisers. Paderborn.

THE LIFE OF TERTULLIAN AND HIS ECCLESIOLOGICAL VIEWS

A. V. Kargaltsev

The article studies problematic points in the Tertullian's biography and development of his ecclesiological views. The author concludes that his rupture with the Church and passion to montanism influenced a little his ecclesiological understanding, whereas the "new prophecy" was taken as a general model for reorganization of the Christian community.

Key words: North Africa, ecclesiology, early Christianity, Tertullian

---

© 2014

Е. А. Мехамадиев

ВОЙСКОВОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ANGRIVARII, «ВЕРОНСКИЙ СПИСОК» (LATERCULUS VERONENSIS) И ВТОРЖЕНИЕ АЛАРИХА В ИТАЛИЮ: К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПОЗДНЕРИМСКОЙ ВОЕННОЙ НАДПИСИ ИЗ АУГСБУРГА

Позднеримская надпись из Аугсбурга, упоминающая войсковое подразделение Angrivarii, вплоть до недавнего времени была единственным свидетельством о существовании военного отряда, навербованного из представителей этого германского племени. На основе крайне скудных сведений аугсбургского монумента Р. Шарф настойчиво датировал водружение памятника 430 г. н.э., связав этот торжественный алтарь с победой над племенем ютунгов, одержанной западноримским полководцем Эцием в Реции. Тем не менее, новая латинская эпитафия из римской Салоны (Далмация, хорватский берег Адриатического моря) позволяет поместить монумент из Аугсбурга в совершенно другие временные рамки, и более того — дает возможность восстановить основные этапы истории соединения Angrivarii. Сопоставление текста

Мехамадиев Евгений Александрович — кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mehamadiev@gmail.com

салонской эпитафии с другими источниками (письма Амвросия, поэмы Клавдиана, официальная императорская переписка, ряд других эпиграфических памятников) позволило автору прийти к выводу, что посвятительный монумент из Аугсбурга отражает проблемы западноримской военной политики начала V в. н.э. и, следовательно, может быть датирован концом 401 г. н.э., накануне вторжения готов Алариха в Италию.

Ключевые слова: Аугсбург, Салона, Далмация, Реция, эпитафия, дедикация, Дагалайф, Аларих, ангриварии, франки, готы

1. Надпись из Аугсбурга в трактовке исследователей: позиция Р. Шарфа

В 1958 г. австрийский археолог Фр. Вагнер опубликовал серию новых надписей из римской провинции Реции, находившейся на территории современной Австрии и включавшей в себя также некоторые регионы Швейцарии и Южной Германии. Среди общей совокупности этих эпиграфических документов, в основном относящихся к периоду Принципата (I-III вв. н. э.), можно выделить один, имеющий предельно важное значение для изучения позднеримской военной истории V в., а именно — надпись № 46 по публикации Фр. Вагнера. В данном случае издатель предложил следующее чтение памятника[1]:

VO
VIT HONORE
GAVDIA SEMPER
S CONCORDIA IVC
CEN viVA FECIT
AeMILIAno an IIII
CENSE
S VOTVM
ATNC
PANNONICIAnorum et
AngRIVAR ET HOnorianor
um MERITISSIMis pro avis
et ANIMIS · IVVEnilibus
PRAECLARO

Фр. Вагнер датировал документ 400 г. н.э. по наличию в тексте упоминания о войсковом подразделении Honoriani (строка 11), которое было названо в честь западноримского императора Гонория, правившего с 395 по 423 гг.[2]. При этом автор не высказал никаких дополнительных комментариев, более подробно объясняющих подобный выбор датировки и атрибуции памятника, — по сути мы имеем здесь дело с argumentum ex silentio, что объясняется состоянием самой надписи, поскольку ее текст дошел до нас только во фрагментарном виде и сохранившиеся буквы не позволяют прийти к более точным выводам о хронологической принадлежности документа.

Примечательно, что, несмотря на наличие в памятнике упоминаний сразу о трех подразделениях позднеримской армии (Pannoniciani, Angrivarii и Honoriani, строки 10/11), эта надпись в течение почти 40 лет была прочно обойдена вниманием исследователей, возможно, из-за очевидных сложностей с идентификацией

[1] Wagner 1956–1957, 228, no. 46.
[2] Wagner 1956–1957, 228, no. 46.

названных выше соединений. В Notitia Dignitatum — официальном списке всех гражданских и военных должностей поздней Римской империи, как западной, так и восточной ее половин — содержатся сведения о двух пехотных отрядах с наименованием felices Honoriani seniores (ND.Or. VII. 37) и felices Honoriani iuniores (ND.Or. V. 62) и аналогичном количестве кавалерийских дивизий (вексилляций), обозначенных как Honoriani seniores (ND.Occ. VII. 202) и iuniores (Occ. VII. 196). Более того, и западный, и восточный списки ND упоминают подразделения Pannoniciani seniores (ND.Occ. VII. 7) и iuniores (Or. VIII. 48), различающиеся по своему войсковому рангу, что вносит еще большую путаницу в вопрос о функциях и правовом положении фигурирующих в надписи войсковых частей. И только в случае с соединением Angrivarii «Нотиция» дает нам более или менее точные сведения, поскольку составитель ND, примицерий нотариев (чиновник, возглавлявший делопроизводственную службу при дворе императора), поместил в главу по одной из императорских армий Константинополя т.н. палатинскую («дворцовую») ауксилию Anglevarii (Or. V. 59), которую мы, безусловно, можем отождествить с подразделением Angrivarii — в данном случае чтение Anglevarii следует рассматривать как ошибку переписчика рукописи ND, жившего на рубеже VIII-IX вв., в эпоху Карла Великого[3].

Соответственно, только в 1994 г. появилось исследование, специально посвященное цитированной выше надписи из Аугсбурга — в данном случае гейдельбергский историк Р. Шарф предпринял попытку комплексного обзора всех известных на тот момент сведений, касающихся упомянутых в надписи подразделений, и в результате пришел к выводу, что указанный памятник представляет собой торжественную дедикацию (посвятительный монумент), водруженную на территории современного Аугсбурга в ознаменование военной победы Эция, западноримского полководца и политического деятеля, над германским племенем ютунгов, разгромленных в Реции в 430 г. н.э.[4] В целом мы полагаем, что нет особого смысла подробно повторять или пересказывать всю аргументацию исследователя, подчеркнем лишь одно: на наш взгляд, в свете недавно опубликованных новых эпиграфических материалов, неизвестных Р. Шарфу на момент публикации его статьи, надпись из Аугсбурга еще раз должна стать объектом специального исследования, и именно поэтому наша статья будет посвящена анализу сведений аугсбургского монумента в контексте нескольких новых эпиграфических, нарративных и публицистических памятников. Сопоставление этих источников, как мы полагаем, позволит прийти к более точным выводам относительно хронологии представленной выше надписи и даст возможность по-новому взглянуть на проблемы ее содержания и значения для позднеримской военной истории IV-V вв.

2. Laterculus Veronensis и новая надпись из Салоны: проблемы датировки

В 1986 г. в III томе сборника Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia inter annos MCMII et MCMXL repertae et editae sunt А. и Я. Шашель ЕСЛИ ОНИ ОБА МУЖИКИ, ТО ШАШЕЛИ опубликовали новую латинскую надпись из Салоны (совр. Со-

[3] Более подробно об истории рукописной традиции Notitia и ее связи с идеологией «возрождения империи» в эпоху Карла Великого см.: Brennan 1996, 169; Mann 1991, 215–219.

[4] Scharf 1994, 144–145.

лин к северу от города Сплит в Хорватии), которая в 2010 г. была дополнена и восстановлена издателями коллекции эпиграфических памятников из этого римского муниципия. Данная надпись представляет собой предельно важный источник для нашей темы, поскольку она упоминает войсковое подразделение Angrivarii, находившееся под командованием препозита (одна из командных должностей позднеримской армии) Флавия Дагалайфа. Цитируем текст монумента (скорее всего, эпитафии) в первоначальном варианте и в версии, предложенной в 2010 г.:

1986 г[5]	2010 г[6].
?—] D AR Fl(avi) D[ag]alaifi ex p[. .]m. l. t. angr[. . . . .]orva —?]	D(is) M(anibus) Fl(avi) Da[ga]laifi ex p[raep(osito)?] m(i)l(i)t(um) Angr[iuari]orum

Как видим, более позднее чтение памятника предполагает наличие в тексте упоминания о «воинах-Ангривариях» — военной части этнического характера, размещенной на территории римской провинции Далмации. В связи с этим возникает настоятельная необходимость рассмотреть вопрос об истории этого войскового соединения и о специфике его этнического состава. Ответ на поставленные вопросы не только даст возможность проследить динамику территориальных передвижений отряда Angrivarii, но и позволит более точно определить хронологические границы эпиграфического памятника из Аугсбурга, представленного в начале нашей статьи.

В целом следует заметить, что сам этноним Angrivarii (Ангриварии) восходит к названию германского племени, не столь часто попадавшего в поле зрения римских писателей и историков эпохи империи — по сути, единственный подробный рассказ о жизни и военной деятельности этого племени мы можем найти в «Анналах» Тацита, сообщающего, что ангриварии принимали активное участие в войнах римского полководца Германика с хаттами в 15–16 гг. на стороне первого, более того, по утверждению историка, ангриварии и в дальнейшем продолжали оставаться союзниками римлян. Из сведений Тацита мы в равной мере узнаем, что за линией римско-германского фронта не утихало ожесточенное противостояние ангривариев с соседним племенем бруктеров, живших в бассейне р. Эмс на северо-западе современной Германии, итогом же непрерывной борьбы стала внушительная победа ангривариев, которым в 97 г. удалось захватить часть исконных земель их противников. Ареал обитания самих ангривариев простирался по среднему течению р. Везер к востоку от бруктеров[7].

Но помимо историков раннего Принципата следует указать на еще один источник, содержащий дополнительные сведения об ангривариях уже ближе к интересующему нас периоду. Дальнейшую судьбу этого племени позволяет выяснить

[5] Šašel 1986, 214, no. 2164.

[6] Gauthier, Marin, Prévot 2010, 720–721, no. 400.

[7] Подробный обзор источников и изложение основных этапов истории этого племени см.: Wenskus 1973, 333.

т.н. «Веронский список» (Laterculus Veronensis) — официальный документ, подробно перечисляющий в каждой главе все провинции Римской империи и народы, которые жили на территории того или иного региона. Текст названного списка дошел до нас в единственной рукописи VII в., хранящейся в Biblioteca Capitolare в Вероне, и в рамках XIII главы данного документа, озаглавленной в манускрипте как Gentes barbarae, quae pullulaverunt sub imperatoribus («Варварские племена, которые распространились при императорах»), мы можем найти упоминание ангривариев, причисленных к этим народам:

Laterculus Veronensis, XIII (ed. O. Seeck, p. 251; подчеркивание наше — *Е.М.*)

2. Scoti / 3. Picti / 4. Calidoni / 5. Rugi / 6. Heruli / 7. Saxones / 8. = 20 / 9. = 21
10. Camari / 11. Crinsiani / 12. Amsivari / 13. Angri Angrivari / 14. Flevi / 15. Bructeri / 16. Cati / 17. Burgunziones
18. Alamanni / 19. Suevi / 20. Franci / 21. Gallovari / 22. Iotungi / 23. Armilavsini / 24. Marcomanni / 25. Quadi / 26. Taifruli

На основании цитированного фрагмента (по изданию О. Зеека), на наш взгляд, следует вполне логично поставить вопросы о цели и характере указанной главы — какой смысл скрывался за названиями, перечисленными в списке, в каких отношениях с Римской империей находились названные народы и, наконец, в связи с какими событиями упомянутые этносы послужили объектом внимания составителя нашего документа.

В данном случае, как видно из таблицы, племена ангривариев обозначены в XIII главе под номером 13 (следуя разбивке текста, предложенной О. Зееком в 1876 г.), соответственно, ответ на поставленные выше вопросы можно получить, если мы выясним, какой период отражают сведения, сохранившиеся в XIII главе «Веронского списка». К проблеме датировки Laterculus Veronensis неоднократно обращались многие исследователи, и в научной литературе можно выделить несколько этапов изучения этого памятника: 1) в 1862 г. Т. Моммзен, первоиздатель «Веронского списка», отнес документ к 297 г., полагая, что он отражает административные и территориальные реформы Диоклетиана; 2) в начале XX в. К. У. Кейс и Дж. Бьюри последовательно датировали составление нашего источника 308–314 гг. или 308–315 гг., подвергнув существенной ревизии точку зрения Т. Моммзена; 3) в 1954 г. А.Х.М. Джоунс выдвинул предположение, что в своей основе текст был написан между 312 и 320 гг., но в некоторые главы вплоть до 50-х гг. IV в. продолжали вноситься различные дополнения; 4) в 1975–1982 гг. Т. Барнс выдвинул тезис, что «Веронский список» в хронологическом плане нельзя считать единым документом: сведения по западным провинциям отражают период между 303 и 324 гг., в то время как восточная половина списка воспроизводит территориальное устройство империи в 314/15–324 гг.[8] Наконец, в 2002 г. К. Цукерман решительно отверг хронологическую привязку документа к широким временным промежуткам, предложив идею, что Laterculus Veronensis был составлен

[8] Mommsen 1862, 517 = Mommsen 1908, 587; Keyes 1916, 201; Bury 1923, 146; Barnes 1975, 278; Barnes 1982, 205.

в 314 г., через два года после блестящей победы Константина Великого над своим политическим противником Максенцием[9].

В данном случае мы солидарны именно с позицией К. Цукермана, поскольку пассажи «Веронского списка» об армянских провинциях, приведенные исследователем в доказательство своей гипотезы, вполне убедительно позволяют рассматривать наш документ как памятник императорского двоевластия, когда территория империи была разделена между двумя правителями-Августами — Константином I Великим (западные провинции) и его восточным коллегой Лицинием. Соответственно, как мы полагаем, цитированный выше отрывок XIII главы Laterculus Veronensis, равно как и последующее перечисление, включает в себя подробный перечень нескольких категорий варварских племен: 1) народы, с которыми Константин вел ожесточенные войны на рейнском фронте в 306–312 гг. (франки и аламанны). Впоследствии многие представители этих племен приняли участие в походе Константина против Максенция в 312 г.; 2) племенные союзы, беспокоившие западные границы империи в предшествующую эпоху, от императора Галлиена до т.н. первой Тетрархии (между 260–268 гг. и 284–305 гг.) (маркоманны, квады, тайфалы, ютунги, герулы, саксы, пикты, скотты, калидонцы). В строгом смысле слова франки и аламанны с переменным успехом могут быть отнесены к обеим категориям, поскольку именно при Галлиене они начали свой неослабевающий натиск на галльские провинции империи. В этом контексте необходимо установить, к какому периоду следует приписать известие об ангривариях, фигурирующих в XIII главе под обозначением Angri Angrivari, как сохранила эти сведения рукописная традиция.

Оба представленных выше варианта надписи из Салоны единогласно упоминают Флавия Дагалайфа, препозита воинов-ангривариев, и имя этого офицера, как нам кажется, подсказывает примерную дату, когда было создано подразделение ангривариев. Гентилиций (родовое имя) Flavius был неотъемлемой принадлежностью семьи и династии Константина Великого — в целом семейная политика римских императоров предполагала, что все члены их правящего дома должны были включить в состав своих имен гентилиций императора. Более того, уже применительно к эпохе Константина следует отметить, что имя Flavius активно присваивали себе чиновники всех уровней, признавшие Константина единоличным правителем империи в 324 г., и военные, присягнувшие ему на верность и воевавшие вместе с ним против Максенция и Лициния. Среди представителей военного сословия было множество германцев, активно привлекавшихся Константином на службу в римскую армию, поэтому не удивительно, что гентилиций Flavius получали как рядовые германские воины, так и командный состав армии, с 312 г. все более пополняемый слоями германской знати[10].

В данном случае местонахождение эпитафии — Салона на адриатическом побережье Далмации — подсказывает нам даже более раннюю дату, чем 324 г., а именно — 316 г., когда Константин одержал первую решительную победу над Лицинием, правившим в восточных провинциях империи, поскольку по мирному договору, заключенному в том же году, Лициний вынужден был уступить Константину Далмацию с близлежащими территориями, где победоносный Констан-

[9] Zuckerman 2002, 630.

[10] Более подробно об этих процессах см.: Keenan 1973, 37–40.

тин теперь разместил войска своей армии. Следовательно, мы можем предположить, что отряд ангривариев, которых Константин, очевидно, навербовал как наемников в рамках похода против Лициния, а возможно, даже и в более ранний период, во время подготовки к войне с Максенцием в 312 г[11]., принимал активное участие в боевых действиях и, следовательно, после завершения кампании был оставлен в Далмации на правах постоянного гарнизона.

3. Франки и иллирийская префектура в контексте военной истории IV в. н.э.

Таким образом, имя Flavius, безусловно, дает нам terminus post quem для датировки составления надписи — 316 г., который можно признать верхней хронологической границей монумента из Салоны; более того, становится вполне понятным, почему довольно рядовое германское племя, не оставившее о себе ярких свидетельств в источниках по событиям III в., тем не менее попало в поле зрения автора «Веронского списка» — составленный в 314 г., этот документ в содержании XIII главы отразил совсем недавние события, связанные с гражданскими войнами в империи. Ангриварии, участвовавшие в италийской экспедиции Константина на правах наемной ауксилии, были занесены в список как обособленное войсковое подразделение регулярного характера, и тот же вывод мы можем распространить и на франков с аламаннами — вполне возможно, что в их лице XIII глава «Веронского списка» перечисляет полноценные войсковые соединения, укомплектованные из представителей этих германских племен.

В свою очередь, нижняя хронологическая граница (terminus ante quem) эпитафии из Салоны может быть определена по наличию второго элемента в имени ее персонажа — когномен «Дагалайф» (Dagalaifus) определенно свидетельствует о франкском происхождении его носителя. Несмотря на достаточно нейтральное замечание М. Шенфельда, что имя Dagalaifus имеет один общий корень с именем Dago-bertus («само по себе оно отлично подходит для образования таких имен, как Dago-bertus»)[12], которое было распространено именно среди франкских королей из династии Меровингов, мы можем подчеркнуть, что погребенный Дагалайф из салонского монумента принадлежал к одной из многочисленных ветвей франкского этнического комплекса. Об этом неопровержимо свидетельствует источник, хронологический выходящий за пределы римской поздней античности, а именно т.н. «малая версия» (по классификации Б. Круша) завещания св. Ремигия, епископа г. Реймса и крестителя франков (именно он крестил основателя франкского государства, короля Хлодвига, в 496 г.). В 1896 г. Б. Круш, автор лучшего и наиболее критически выверенного издания Vita S. Remigii, попытался доказать подложность сведений завещания, как большой, так и малой его версий, объявив эти документы фальшивкой, подготовленной в IX в. Гинкмаром Реймским или столетие спустя одним из авторов XI в., но мы солидарны с позицией А. Х. Джонс,

[11] В этом смысле нам кажется малоубедительной позиция В. Кюгоффа, отождествившего германцев, участвовавших в экспедиции против Максенция, исключительно с франками и аламаннами — эпизод с ангриариями вполне убедительно показывает, что, помимо представителей двух этих племен, Константин навербовал или привлек на свою сторону и другие германские племена, из которых были созданы этнические войсковые соединения нового типа — ауксилии. См. Kuhoff 1991, 143.

[12] Schönfeld 1911, 69.

П. Грирсона и Дж.А. Крока, представивших решительные аргументы не только в пользу аутентичности завещания, но и большой исторической ценности этого документа, позволяющего выявить интересные детали и нюансы как правового развития меровингской Галлии, так и структуры церковного землевладения в начале VI в.[13]

В данном случае в одном из красноречивых пассажей завещания Ремигия (краткая версия), написанного в 533 г., епископ отмечает, что «беднякам, которые занесены в ведомость и перед входом в церковь ожидают милостыню, пусть будут даны два солида, откуда они себе пусть восстановят силы. Я рекомендую детей из Ваккулиака: Фрунимия, Дагалейфа, Дагареда, Дуктиона, Бавдовика, Уддульфа, Винофейфа» (Pauperibus in matricola positis, ante fores aecclessie exspectantibus stipem, duo solidi, unde se reficiant, inferentur. De Vacculiaco Frunimium, Dagaleifum, Dagaredum, Ductionem, Baudovicum, Uddulfum, Vinofeifam liberos esse precipio — Vita S. Remigii, 32, MGH. Scr. rer. Merov. III, ed. B. Krusch, p. 337, линии 17–20). В старом издании Ж.-М. Пардессу было предложено чтение Dagalaiphum[14], но в целом два варианта ни в коей мере не противоречат друг другу: в частности, магистр пехоты в Галлии и консул 366 г. Дагалайф, один из влиятельных персонажей позднеримской военно-политической элиты, в нескольких надписях был обозначен как Dacalaifus или даже Dalacaifus: 1) d(ie) X Kal(endas) Dec[embres] / Gratiano et Daca[laifo conss(ulibus)] (CIL XIV 1945 = ILCV 4343); 2) pri(die) Kal(endas) Se[pt(embres) Gratia]/[n]o et Dalac[aifo co(n)s(ulibus)] (CIL V 8606 = ILCV 3632a); 3) dep(ositus) II Non(as) Sept(embres) / Fl(avio) Gratiano / et Dagalaifo co(n)s(ulibus) (CIL X 4487 = ILCV 1490); 4)]ae quae defuncta est XIIII Kal(endas) [- - -] / [- - -] cons(ulibus) Gratiano et Da[ga]l[ai]fo [(CIL XI 4328).

Мы совершенно сознательно опирались на сведения надписей, поскольку эпиграфический материал по определению содержит более точные данные по сравнению с литературными источниками — в отличие от последних, эпитафии (надгробные камни) не становятся объектом бесчисленных переписываний и интерполяций, что прежде всего характеризует рукописную традицию дошедшего до нас нарратива. Ни в одной из надписей консул и военный магистр франкского происхождения Дагалайф не фигурирует с родовым именем Flavius, которое в эпитафии под номером 3 (CIL X 4487) оставлено только за юным Грацианом, сыном и наследником Валентиниана I. Подобная ситуация повторяется и в папирусах, предельно удаленных от Италии, откуда происходят все перечисленные выше надписи — в одном документе из египетского Гермополиса Дагалайф вновь указан без дополнительного наименования Flavius: ὑπατείας Γρατιαν[οῦ [/ καὶ Δαγαλαίφου ̣τ̣ο̣[ῦ λαμπροτάτου [(P.Flor. I. 84, r. 1–2) Это значит, что мы вряд ли можем отождествить Флавия Дагалайфа из салонского монумента с консулом Дагалайфом, следы которого в источниках теряются именно в 366 г. — после этой даты ни один автор более консула Дагалайфа не упоминает (PRLE I. Dagalaifus, p. 239)[15].

---

[13] Jones, Grierson, Crok 1957, 360, 364–365, 369, 371.

[14] Pardessus 1848, 82.

[15] Интересно, что уже первоиздатель надписи, Фр. Булич, в 1907 г. лишь осторожно подчеркнул, что «Дагалайф без прономена Flavius был консулом 366 г.», что, очевидно, отражает общую неуверенность автора в вопросе об идентификации двух персонажей: Bulić 1907, 41.

Скорее всего, персонаж салонской эпитафии, в силу наличия у него имени Flavius, поступил на военную службу (и совершенно необязательно в отряд ангривариев) либо в эпоху самого Константина, либо унаследовал этот гентилиций от своего отца, также завербованного во времена Константина или его династии[16], но в лице препозита воинов-ангривариев мы имеем перед собой уникальный пример: представитель одного германского племени (в данном случае франков) командовал войсковым подразделением, сформированным из членов другого племени — ангривариев. На наш взгляд, столь необычное сочетание можно объяснить только одним фактом: эпитафия из Салоны вполне органично отражает тот период западноримской истории, когда ведущую роль в командном составе армии стали играть выходцы из франкских племен, не только занимавшие военные должности, но и получавшие почетные римские титулы наподобие консула или патриция.

К.-Ф. Штроекер в свое время отметил, что в основном эпоха доминирования франков в составе военной знати падает на два десятилетия после смерти Валентиниана I (375–395 гг.), при этом, по его мнению, влияние франкских офицеров на внутреннюю и внешнюю политику западноримских Августов достигло своего апогея при императоре Грациане (375–384 гг.)[17] В целом сведения источников не позволяют нам с точностью определить, когда именно произошло возвышение солдат франкского происхождения на уровне среднего офицерского состава, т.е. командующих отдельными подразделениями — «Эпитома о Цезарях» только один раз прямо указывает на пренебрежение, которое Грациан своим поведением демонстрировал по отношению к местной римской армии, но этот пассаж имеет в виду только небольшую гвардию телохранителей молодого Августа, сформированную из алан — представителей ираноязычного комплекса племен, расселенных в Паннонии на правах федератов еще в 380 г. (Nam dum exercitum negligeret et paucos ex Alanis, quos ingenti auro ad se transtulerat, anteferret veteri ac Romano militi, adeoque barbarorum comitatu et prope amicitia capi*, ut nonnumquam eodem habitu iter faceret — «Действительно, в то время как он пренебрегал войском, он перевел к себе благодаря неисчислимому золоту нескольких алан и предпочел их старому и римскому воину, и настолько взял варваров в свою свиту и почти в дружбу, что иногда тем же обычаем совершал прогулку» — Epit. De Caes. 47. 6).

Применительно к узурпации Магна Максима, в 383 г. свергнувшего с престола и казнившего Грациана на волне всеобщего недовольства его политикой в армейских кругах, мы можем сказать, что, скорее всего, процесс вовлечения варваров-германцев затронул только военные силы, размещавшиеся в самой Галлии, куда Максим вторгся из Британии. Меробавд, западноримский магистр пехоты франкского происхождения, служивший Грациану, вряд ли мог продвигать своих соплеменников на командные должности в армии, так как сам он, дезертировав к Магну Максиму, рассматривался узурпатором как ставленник «старого» режима: Э. Феттер и Б. С. Роджерс на основе двух надписей из Трира и Рима вполне убедительно доказали, что Меробавд, к которому Максим испытывал стойкое недоверие, был обвинен в измене в июле 387 г., за месяц до вторжения узурпатора в Ита-

[16] О наследовании имени Flavius от отца к сыну и его превращении из родового обозначения в почетный титул см.: Mócsy 1964, 259–260.

[17] Stroheker 1955, 315, 329.

лию, и в итоге принужден к самоубийству[18]. При этом подчеркнем, что надпись из Трира, исправленная и прочитанная заново Э. Феттером, ясно указывает на регион, где преимущественно пребывал Меробавд в 383–387 гг.: рейнский лимес, т.е. пограничные с Рейном галльские провинции. Совершенно не случайно могила Меробавда была установлена именно в Августе Тревиров (Трир), т.к. Максим явно не питал особого доверия к перебежчику из лагеря Грациана:

[Flavius Mero]baudes Trever · hoc re-
latus est, ut i]udicibus placuit, pari-
[terq(ue) inlata hui]c tomolo coiux Nono-
[sa die XIIII k]alendas Augosta[s][19]

В этом смысле совершенно не удивительно, что в надгробной надписи из Рима, водруженной в январе 388 г. н.э., Флавий Меробавд, к тому времени уже несколько месяцев пребывавший в мире ином, был обозначен как консул вместе с восточноримским императором Феодосием I: d(e)p(osita) in pace IIII Id(us) Ian(uarias) cons(ulibu)s d(omino) n(ostro) T(h)eodosio Aug(usto) II / et Merobaude v(iro) c(larissimo) III — ILCV 4623. Дж.Б. Де Росси, первый издатель надписи, справедливо подчеркнул, что Меробавд получил консульское звание не от Магна Максима, а от Валентиниана II — младшего брата убитого Грациана, при этом назначение франкского полководца произошло, естественно, до его смерти, в то время как в Риме сведения о самоубийстве Меробавда к январю 388 г. еще не были известны[20].

Все это еще раз подтверждает, что Меробавд не мог назначить своего соплеменника, Флавия Дагалайфа, препозитом отряда воинов-ангривариев, дислоцировавшихся в Далмации: у него не только не было реальных возможностей для проведения в жизнь подобной политики (судя по всему, в этот период, в 383–387 гг., Меробавд уже не выполнял полномочия военного командования в силу все более усиливающихся подозрений Магна Максима), но ему мог существенно помешать и территориальный фактор, поскольку ставка ангривариев была значительно удалена от резиденции опального магистра, находившегося в Верхней Германии. Трудно поверить, что в довольно напряженной ситуации, обостренной противостоянием Магна Максима и Феодосия, Меробавд мог направить свои интересы на решение вопросов кадровой политики в рядовом составе западноримской армии.

В свое время Ж.-Р. Паланк уверенно заявил, что Магн Максим был выразителем т.н. «национальной реакции», т.е. в своей политике он опирался на местные римские войска, преследовал цель устранить влияние франков, засилье которых в военных делах и в государственном аппарате наблюдалось со времен Грациана, и тем самым стремился вернуть Галлии роль главной провинции империи, которую она играла в эпоху Валентиниана I (364–375 гг.)[21]. Этой несколько идеализирован-

[18] Vetter 1960, 370; Rodgers 1981, 101, 105. Возможно, Б.С. Роджерс была права, отмечая, что Максим опасался перехода Меробавда на сторону восточноримского императора Феодосия, с которым у узурпатора назревал открытый вооруженный конфликт уже с лета 387 г.

[19] Vetter 1960, 367.

[20] de Rossi 1861, 163.

[21] Palanque 1965, 256. По сути, позиция 1965 г. — не более чем простое повторение тезиса, высказанного еще в 1929 г.: Palanque 1929, 36.

ной точке зрения прямо противоречит письмо Амвросия Медиоланского, датированное 387 г., в котором епископ описывает свое посольство ко двору Максима в Трир, предпринятое в 384 г[22].

В данном случае в 24 (по нумерации в «Латинской патрологии») письме Амвросий обвиняет Максима в том, что тот привел в Галлию неких «варваров» и «заграничные турмы», необходимость содержания которых легла тяжелым бременем на плечи налогоплательщиков — жителей этой провинции: cum tu miniteris imperio Romano barbarorum auxilia, et turmas translimitanas, quibus commeatus provincialium tributa solvebant? («когда ты создал угрозу Римской власти с помощью варваров, и заграничные турмы, продовольствие для которых выполняли подати жителей провинции?» — Ambr. Ep. 24. 8 = PL. 16. 1038A). Безусловно, под отрядами варваров и турмами епископ имеет в виду подразделения, навербованные Максимом из франков и аламаннов[23], живших по ту сторону римской границы, т.е. за Рейном, за чертой рейнского лимеса, и эти наемники были размещены узурпатором именно в Галлии, поскольку с 384 и вплоть до 387 г. пределы его власти ограничивались только Галлией, тогда как Италия продолжала оставаться в руках юного Валентиниана II.

И вновь мы видим, что данные по периоду 383–387 гг. не согласуются со сведениями и, самое главное, — местонахождением эпитафии из Салоны, упоминающей франка Флавия Дагалайфа в качестве командующего подразделением ангривариев. Максим не мог ни назначить Дагалайфа препозитом этого отряда, ни отправить корпус ангривариев в Далмацию, поскольку территориально балканские провинции полностью выходили за рамки его владений и даже вторжение в Италию в августе 387 г. не изменило сложившуюся ситуацию. Остается только один временной промежуток — пребывание восточноримского императора Феодосия в Италии и его прямой военно-политический контроль над балканскими и италийскими регионами в 388–391 гг. В этом смысле мы вновь находим ценные сведения в письмах Амвросия — в 40 письме (согласно нумерации, предложенной в патрологии), написанном в 388 г. и обращенном к императору Феодосию, епископ сообщает (в несколько иносказательной форме), что восточноримский Август, совершивший в 388 г. карательную экспедицию против Максима в Италию, прибыл на Апеннинский полуостров в сопровождении т.н. nationes barbaras,

[22] В целом следует отметить, что В. Грумель в 1951 г. представил вполне весомые аргументы в пользу идеи, что посольство Амвросия к Максиму состоялось в самой середине или во второй половине октября 384 г.: Grumel 1951(b), 160.

[23] С определенными оговорками можно согласиться с мнением Э. Хрисоса, предположившего, что Максим, поднявший восстание в Британии, где он проходил службу и занимал командный пост в армии, привлек на свою сторону и бриттов — местное кельтское население туманного острова, без какой-либо опоры (!) на регулярные войсковые части, располагавшиеся в Британии: Chrysos 1991, 259. Подобная оценка, несомненно, выглядит откровенным преувеличением, поскольку Максим был провозглашен императором именно регулярными войсками, поддержавшими его личные неудовлетворенные амбиции. Более того, фрагментарная латинская надпись CIL XI 6327, блестяще восстановленная Л. Браччези, четко свидетельствует о проведении Максимом крупной военной кампании против пиктов и скоттов в Британии: [DD(omini) n(ostri?) - - - Ma]gnus M[aximus] / [- - - Brita]nnicus m[aximus - - -] / [- - - Pi]us Felix [Invictus] / [et Flavius Victor - - -]ssimi e[t - - -] / [- - -] II[. Л. Браччези вполне аргументированно поместил эту кампанию в период после провозглашения Максима императором, но до его вторжения в Галлию, т.е. между началом и осенью 383 г.: Braccesi 1968, 285–286. Совершенно ясно, что узурпатор отразил набеги пиктов и скоттов только с помощью сил регулярной армии, т.е. размещавшихся в Британии легионов, и с ними проследовал в Галлию.

которым отец Церкви предписал «сохранить веру, мир и согласие»: Ego tibi subjeci nationes barbaras, ego tibi pacem dedi… Ego exercitum tuum ex multis indomitis convenam nationibus, quasi unius gentis fidem et tranquillitatem et concordiam servare praecepi («Я подчинил тебе варварские народы, я дал тебе мир… Я собираю твое войско из многих диких народов, предписав, чтобы они хранили веру, мир и согласие как одно племя» — Ambr. Ep. 40. 22 = PL. 16. 1109A-B).

И далее, в том же письме, Амвросий, не снижающий своей патетики, отмечает, что Максим был побежден в морском сражении у берегов Сицилии, а также в битвах при Сисции и Петовио на территории Паннонии силами франков и саксов: Ille igitur statim a Francis, a Saxonum gente, in Sicilia, Sisciae, Petavione: ubique denique terrarum victus est («Итак, тот (т.е. Максим — *Е.М.*) был побежден франками (и) народом саксов на Сицилии, при Сисции и Петовио, одним словом, везде, где есть земля» — Ambr. Ep. 40. 23 = PL. 16. 1110A). Мы принципиально уверены, что епископ имеет в виду именно Магна Максима, поскольку несколькими строками ранее отец Церкви задается вопросом, почему Максим проиграл битву за Италию[24]: Nonne propterea Maximus destitutus est, qui ante ipsos expeditionis dies, cum audisset Romae synagogam incensam, edictum Romam miserat, quasi vindex disciplinae publicae? Unde populus christianus ait: Nihil boni huic imminet («Не потому ли Максим был оставлен, что он сам за несколько дней до похода, когда услышал, что в Риме сожгли синагогу, отправил в Рим указ, словно защитник общественного порядка? Отсюда народ христианский сказал: “Ничего хорошего этого человека не ждет”» — Ambr. Ep. 40. 23. = PL. 16. 1109C).

Итак, перед нами — прямое и непосредственное свидетельство современника, очевидца событий, об участии франков в военном походе Феодосия в Италию против Магна Максима, более того — епископ дает нам очевидные указания, что франки вместе с регулярными войсками восточноримского Августа проследовали через территорию Иллирика (паннонские провинции) вплоть до Аквилеи, где узурпатор был схвачен и обезглавлен[25]. Несомненно, М. Паван правильно отметил, что в этом письме Амвросий оценивает варваров исключительно положительно вопреки предшествующим эпизодам своей корреспонденции, более того, традиционное для отца Церкви противопоставление варваров-язычников/ариан и Римской империи, стоящей на страже ортодоксальной никейской веры, в 40 письме начисто отсутствует — варвары вполне органично превратились из врагов в союзников империи[26]. Тем не менее, в цитированном выше пассаже риторика ни в коей мере не затмевает действительность — мы полагаем, что франки и подразделения, навербованные из этих племен, были действительно расквартированы

[24] Тем не менее, В. Энсслин, с очевидностью игнорируя данный пассаж, полагает, что франки и саксы разгромили сына Максима, Виктора, которому узурпатор передал власть в Галлии на время своего пребывания в Италии: Enßlin 1930, 2554.

[25] На наш взгляд, в пользу 388–391 гг. говорит еще один важный факт: в число военных магистров, отправленных Феодосием в Италию против Магна Максима, входил и франк Рихомер (см. PRLE. Vol. I. Flavius Richomeres, p. 765–766), которого Г. Кастрициус даже причислил к одному из бывших франкских королей, наподобие Маллобавда, перешедшему на службу в римскую армию. Castritius 1984, 15. Не исключено, что все франкские наемные отряды в войске Феодосия находились под командованием именно Рихомера, и он, скорее всего, привел в Паннонию многих соплеменников королевской крови, которые, безусловно, получили от своего лидера различные командные должности.

[26] Pavan 1978, 172, 177, 179, 184–185.

Феодосием не только в Италии и Паннонии, где развернулись основные боевые действия, но и в Далмации, которую таким способом было легче контролировать. Одним из последствий этого размещения можно считать эпитафию из Салоны, в которой франк Флавий Дагалайф, очевидно, и ранее служивший на стороне Феодосия, указан в качестве командующего отрядом воинов-агривариев.

Судя по всему, корпус Angrivarii в период 388–391 гг., равно как и в последующие годы, продолжал оставаться в Далмации, т.к. у восточноримского правительства просто не было необходимости переводить эту войсковую часть в Рецию, где ее пребывание фиксирует надпись из Аугсбурга, представленная в самом начале нашей статьи. Как справедливо еще в 1948 г. доказала Э. Демужо, монетный материал из Сирмия, Фессалоник, Милана и Аквилеи безусловно подтверждает, что в период 386–395 гг. отдельная в прошлом иллирийская префектура вошла в состав центральной западной префектуры Италия-Иллирик-Африка, но балканский полуостров всецело находился под влиянием или прямым военным контролем Феодосия — в этой ситуации сложно говорить о каких-либо перемещениях войск из Иллирика, поскольку вся империя была объединена под реальной властью Феодосия, и даже новые западноримские узурпаторы Евгений и Арбогаст в 392–393 гг. продолжали чеканить на монетах изображение Аркадия, старшего сына восточноримского Августа[27].

Впервые о полноценном перемещении многих войсковых подразделений из Далмации и Паннонии в регионы, пограничные с Италией, можно говорить применительно к 397 г. Латинский придворный поэт Клавдиан, панегирист эпохи Стилихона — западноримского военного магистра и регента при малолетнем императоре Гонории — в 399 г. подчеркнул, что «грабитель ахейского народа (т.е. Греции — *Е.М.*), недавно разрушивший неотомщенный Эпир, управляет Иллириком» (vastator Achivae / gentis et Epirum nuper populatus inultam / praesidet Illyrico — In Eutr. II. v. 214–216). В этом пассаже поэт имеет в виду Алариха — знаменитого лидера готов, в течение нескольких лет грабившего земли Фессалии и Македонии и поставленного в центр сложных перипетий и конфликтов Западной и Восточной половин империи. В данном случае в 397 г. Аларих получил в качестве уступки должность военного магистра Иллирика, что подтверждается и сведениями другой поэмы Клавдиана — «Война при Полленции», в которой Клавдиан описывает события и предысторию вторжения готов Алариха в Италию (эта кампания произошла в 402 г.). В названном произведении панегирист отмечает, что между Стилихоном и Аларихом был заключен некий договор, который был нарушен вероломным вторжением последнего в италийские земли: saepe quidem frustra monui, servator ut icti / foederis — De Bell. Pollent. v. 496–7 («При этом я часто напоминал напрасно, что он — хранитель заключенного договора»; здесь Клавдиан вкладывает в уста Стилихона порицание действий Алариха). И с другой стороны, сам лидер готов в повествовании Клавдиана оправдывается следующими словами (De Bell. Poll. v. 535–539): at nunc Illyrici postquam mihi tradita iura / meque suum fecere ducem, tot tela, tot enses, / tot galeas multo Thracum sudore paravi / inque meos usus vectigal vertere ferri / oppida legitimo iussu Romana coegi («Но сейчас, после того как мне передана власть над Иллириком и меня своим сделали дуксом, (и) все

[27] Demougeot 1950, 90–91.

копья, все мечи, все шлемы я подготовил большим тяжелым трудом фракийцев, скажи, что я собрал по законному повелению для своего употребления дань, которую несут и направляют римские города»).

В 1904 г. Т. Моммзен выразил однозначную уверенность, что титул военного магистра Иллирика Алариху предоставил Стилихон и именно он был инициатором договора с лидером готов, но со времен блестящей работы С. Мадзарино, вышедшей в 1942 г., в исследовательской литературе преобладает мнение, что Аларих командовал войсками не западного, а восточного Иллирика, в состав которого входили Македония, Греция и Фракия[28]. Соответственно, вождь готов получил в управление области восточного Иллирика от императора Аркадия, правившего в Константинополе, и это предположение полностью подтверждается географией владений Алариха — под его юрисдикцию, как признает цитированный выше Клавдиан, подпала Фракия, изготовлявшая для лидера готов оружие, а эта провинция в административном плане принадлежала только к восточноиллирийской префектуре. С другой стороны, восточный Иллирик, территориально отошедший к Константинополю в 396 г. по соглашению Стилихона и восточноримского евнуха Евтропия, всесильного придворного временщика[29], рассматривался миланским двором как тяжелейшая потеря для Западной половины империи.

Уступка восточноиллирийских областей привела к тому, что на границе с паннонскими диоцезами были сосредоточены войсковые подразделения, навербованные из готов, и эти отряды были вооружены римским оружием. Обеспокоенность положением в восточном Иллирике и явное нежелание западноримской администрации мириться с потерей этих земель четко выражены в письме Гонория к Аркадию, отправленному в Константинополь в 404 г. по поводу событий, связанных с преследованиями Иоанна Златоуста, епископа восточноримской столицы: quamvis etiam super excidio pareuntis Illyrici pio apud vos prodiderimus affectu esse nobis dolori («Сколько бы мы также не были отягощены скорбью по поводу богоугодного разрушения подвластного Иллирика, который ранее мы Вам передали» — Collectio Avellana I, no. 38, p. 85, линии 10–11). Как верно предположил С. Мадзарино, в этом пассаже западноримский Август имеет в виду опустошение, которому подверглась восточноиллирийская префектура во время отступления готов Алариха из Италии, где они были разбиты войском Стилихона[30]; соответственно, когда в 397 г. Евтропий предоставил Алариху титул военного магистра, можно заключить, что реакция миланского двора была еще более незамедлительной.

Судя по всему, Стилихон принял решение срочно перебросить некоторые войска, ранее дислоцировавшиеся в Далмации и Паннонии, в Северную Италию либо

---

[28] Mommsen 1903, 109 и Anm. 1 на той же странице; Mazzarino 1942, 66, 72, 254. Для примера сошлемся на ряд выводов Г. Альберта в его статье 1979 г.: «Назначение Алариха magister militum per Illyricum скрепило печатью крушение надежд Стилихона» (Die Ernennung Alarichs zum magister militum per Illyricum besiegelte das Scheitern von Stilichos Hoffnungen); «назначение Алариха восточноримским полководцем» (der Ernennung Alarichs zum oströmischen Feldherrn); «Назначение Алариха magister militum… диктовалось положением, в котором сам Евтропий находился в 397 г.» (Die Ernennung Alarichs zum magister militum war… von der Notlage diktiert, in der sich Eutropius 397 befand). См.: Albert 1979, 637, 638, 640.

[29] Более подробно см. об этом: Demougeot 1950, 31; Grumel 1951(a), 32. В. Грумель полагал, что к декабрю 396 г. договор был уже заключен.

[30] Mazzarino 1942, 71.

в регионы, соседние с ней, т.е. в Рецию и Норик. В этом смысле вновь обратимся к поэме Клавдиана «Война при Полленции», в которой панегирист сообщает, что специально для отражения натиска Алариха в Италию из Реции был переведен военный отряд, незадолго до этого разбивший в тяжелом сражении вандалов, пытавшихся прорваться в Рецию: adcurrit vicina manus, quam Raetia nuper / Vandalicis auctam spoliis defensa probavit — «Поспешил соседний отряд, которому защищенная Реция дала похвалу, так как он недавно усилился благодаря вандальской добыче» (Claud. De Bell. Poll. v. 414–415). В другом пассаже поэт во второй раз отмечает, что готы прорвались в Италию «в то время, когда наших мужей останавливает Реция и другой войной заняты когорты» (nostras dum Raetia vires / occupat atque alio desudant Marte cohortes — Claud. De Bell. Poll. v. 279–280).

В 1988 г. Б. Хэлл предположил, что битва при Полленции, после которой Аларих вынужден был прекратить дальнейшее продвижение в Италию и повернуть обратно на восток, состоялась между декабрем 402 и мартом 403 гг. (в большей степени исследователь склоняется к последней дате), соответственно, само вторжение готов в Италию автор отнес к концу 402 г.[31] Вопреки этой гипотезе, через два года Х. Сиван и М. Чеза убедительно доказали, что традиционно принятая в историографии хронология событий все еще сохраняет свое значение и не может быть отброшена: по их мнению, Аларих и его полчища пересекли Альпы в конце 401 г., в то время как битва при Полленции, ключевой пункт кампании, произошла на Пасху (апрель) 402 г.[32] Мы полагаем, что идея, высказанная Б. Хэллом, действительно не может быть принята, поскольку, уделив преимущественное внимание подписям к императорским рескриптам, изданным зимой 402/3 гг., он, как нам кажется, искусственно связал перемещения Августа Гонория в указанный период с продвижением готов в Италии.

Следовательно, принимая реконструкцию событий, предложенную М. Чезой и Х. Сиван, мы можем прийти к заключению, что на момент вторжения Алариха в Италию, т.е. к концу 401 г., отряд, о котором упоминал Клавдиан, еще размещался в Реции, где он противостоял атакам вандалов, в то время как уже весной 402 г. этот корпус был переведен Стилихоном в Северную Италию для борьбы с готами Алариха. На наш взгляд, тот manus, о котором столь красноречиво говорит Клавдиан, на деле можно идентифицировать именно с тремя войсковыми подразделениями, фигурирующими в надписи из Аугсбурга: Pannoniciani, Angrivarii и Honoriani. Слова латинского поэта о высокой похвале, которую Реция дала воинам, победившим вандалов (manus, quam Raetia… probavit)[33], следует связать с контекстом торжественной дедикации из Аугсбурга: она действительно была триумфальным памятником, призванным увековечить в памяти потомков побе-

[31] Hall 1988, 249–250.

[32] Cesa, Sivan 1990, 373–374. В данном случае нет смысла повторять всю аргументацию исследователей, укажем только на итоговые выводы, предложенные в виде хронологического списка в конце статьи.

[33] См. перечень значений глагола probo в «Оксфордском латинском словаре» — крупнейшем на сегодняшний день академическом издании, ориентированном на задачи повседневного перевода: 1) to regard as good or right, approve of, to give official approval to; 2) to approve of, think well of; 3) to give official approval after examination/scrutiny, certify as satisfactory; 4) to give assent to, to give one's approval to (a person); 5) to examine (with a view to approval); 6) to cause to be favourably regarded, win approval for — Glar 1968, 1465, sv. probo.

ду, одержанную римлянами над варварами-вандалами. Другими словами, на наш взгляд, победный алтарь из Аугсбурга и был той самой похвалой, которую Реция дала своим воинам в награду за проявленную ими смелость.

Исходя из представленного выше материала, мы уверены, что одним из подразделений, принимавших участие в битве с вандалами в Реции в конце 401 г., были Angrivarii — отряд, переведенный Стилихоном из Далмации в 397 г. в связи с передачей восточного Иллирика под власть мятежного Алариха. Разместив в Македонии и Фракии свои военные базы и подчиненных ему готов, Аларих теперь мог беспрепятственно продвинуться к Италии с целью захвата ее плодородных земель. Скорее всего, в этой ситуации Стилихон счел нужным сконцентрировать разбросанные по западному Иллирику военные силы ближе к Италии, чтобы более оперативно отразить нашествие вероятного противника. Очевидно, в связи с внезапным появлением вандалов у границ Реции Стилихон был вынужден временно перебросить из Италии несколько войсковых корпусов, среди которых были и Angrivarii, Pannoniciani и Honoriani, цитированные в надписи из Аугсбурга. Все предложенные выше критерии для новой датировки победного монумента из Аугсбурга позволяют поместить его именно в конец 401 г. — мы считаем, что, вопреки сведениям Клавдиана, ко времени вторжения Алариха в Италию победа над вандалами уже была одержана и поэтому в начале следующего года силы Реции были переброшены на италийский фронт.

ЛИТЕРАТУРА

Albert G. 1979: Stilicho und der Hunnenfeldzug des Eutropius // Chiron. 9, 621–645.

Barnes T. D. 1975: The Unity of the Verona List // ZPE. 16, 275–278.

Barnes T. D. 1982: The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge.

Braccesi L. 1968: Una nuova testimonianza su Magno Massimo // La Parola del Passato. Rivista di studi antichi. 121, 279–286.

Brennan P. 1996: Notitia Dignitatum // Les littératures techniques dans l'Antiquité Romaine: statut, public et destination, tradition. Vanduvre-Genève, 147–178.

Bulić Fr. 1907: Scavi nell'antico cemetero cristiano di Manastirine a Salona (coemeterium legis Sanctae Christianae) durante gli a. 1905 e 1906 // Bullettino di Archeologia e Storia Dalmata. 30, 3–90.

Bury J. B. 1923: The Provincial List of Verona // JRS. 13, 127–151.

Castritius H. 1984: Zur Sozialgeschichte der Heermeister des Westreichs. Einheitliches Rekrutierungsmuster und Rivalitäten im spätrömischen Militäradel // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. 92. Hft. 1–2, 1–34.

Cesa M., Sivan H. 1990: Alarico in Italia: Pollenza e Verona // Historia. 39. Hft. 3, 361–374.

Chrysos E. 1991: Die Romerherrschaft in Britannien und ihr Ende // BJ. 191, 247–277.

de Rossi. I. B. 1861: Inscriptiones Christianae Urbis Romae septimo saeculo antiquiores I. B. de Rossi (ed.). Vol. I. Romae.

Demougeot E. 1950: A propos des partages de l'Illyricum en 386–395 // Actes du VIe Congrès International d'Études Byzantines. Paris, 27 Juillet-2 Aout 1948. T. I. Paris, 87–92.

Demougeot E. 1950: Note sur la politique orientale de Stilicon // Byzantion. 20, 27–37.

Enßlin W. 1930: Maximus (Usurpator) // RE. Bd. XIV. Stuttgart, 2546–2555.

Gauthier N., Marin E., Prévot F. 2010: Salona 4. Inscriptions de Salone chrétienne, IVe-VIIe siècles / N. Gauthier, E. Marin, F. Prévot (eds.). Vol. II. Rome; Split.

Glar P. G. W. 1968: Oxford Latin Dictionary / P.G. W. Glar (eds.). Oxford.

Grumel V. 1951a: L'Illyricum de la mort de Valentinien Ier (375) à la mort de Stilicon (408) // REByz. IX, 5–46.

Grumel V. 1951b: La deuxième mission de saint Ambroise auprès de Maxime // REByz. IX, 154–160.

Hall B. J. 1988: Pollentia, Verona and the Chronology of Alaric's First Invasion of Italy // Philologus. 132. Hft. 2, 245–257.

Jones A. H., Grierson P., Crok J. A. 1957: The Authenticity of the «Testamentum S. Remigii» // Revue belge de philologie et d'histoire. 35. Fasc. 2, 356–373.

Keenan J. G. 1973: The Names Flavius and Aurelius as Status Designations in Later Roman Egypt // ZPE. 11, 33–63.

Keyes C. W. 1916: The Date of the Laterculus Veronensis // CPh. 11. 2, 196–201.

Kuhoff W. 1991: Ein Mythos in der römischen Geschichte: der Sieg Konstantins des Großen über Maxentius vor den Toren Roms am 28. Oktober 312 n. Chr // Chiron. 21, 127–174.

Mann J. C. 1991: Notitia Dignitatum — Dating and Survival // Britannia. 22, 215–219.

Mazzarino S. 1942: Stilicone. La crisi imperial dopo Teodosio. Roma.

Mócsy A. 1964: Der Name Flavius als Rangbezeichnung in der Spätantike // Akte des IV. Internationalen kongresses für Griechische und Lateinische Epigraphik (Wien, 17 bis 22. September 1962). Wien, 257–264.

Mommsen Th. 1862: Verzeichniss der Römischen provinzen aufgesetzt um 297 // Abhandlungen der philosophisch-historischen Klasse der Königlichen Akademie der Wissenschaften, 489–538.

Mommsen Th. 1903: Stilicho und Alarich // Hermes. 38. Hft. 1, 101–115.

Mommsen Th. 1908: Gesammelte Schriften. Bd. V. Berlin, 561–588.

Palanque J.-R. 1929: Sur l'usurpation de Maxime // REA. 31, 33–36.

Palanque J.-R. 1965: L'empereur Maxime // Les empereurs romaines d'Espagne. Paris, 255–268.

Pardessu J. M. 1848: Diplomata, chartae, epistolae, leges… ad res gallo-francicas spectantia / J. M. Pardessus (ed.). Vol. I. Paris.

Pavan M. 1978: Sant'Ambrogio e il problema dei barbari // Romanobarbarica. 3, 167–188.

Rodgers B. S. 1981: Merobaudes and Maximus in Gaul // Historia. 30. Hft. 1, 82–105.

Šašel A. et Šašel J. 1986: Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia inter annos MCMII et MCMXL repertae et editae sunt. / A. Šašel, J. Šašel (eds.). Vol. III. Ljubljana.

Scharf R. 1994: Der Iuthungenfeldzug des Aëtius. Eine neue interpretation einer christlichen Grabinschrift aus Augsburg // Tyche: Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 9, 131–145.

Schönfeld M. 1911: Wörterbuch der Altgermanischen personen- und Völkernamen. Heidelberg.

Stroheker K. Fr. 1955: Zur Rolle der Heermeister fränkischer Abstammung im spaten vierten Jahrhundert // Historia. 4. Hft. 2/3, 314–330.

Vetter E. 1960: Das Grab des Flavius Merobaudes in Trier // Rheinisches Museum für Philologie. N. F. 103. Hft. 4, 366–372.

Wagner Fr. 1956–57: Neue Inschriften aus Raetien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 37–38, 215–265.

Wenskus R. 1973: Angriwarier // RGA^2. Bd. I. Berlin; New York, 333.

Zuckerman C. 2002: Sur la liste de Vérone et la province de Grande Arménie, la division de l'Empire et la date de création de diocèses // Travaux et memoires. 14, 617–637.

MILITARY UNIT OF THE ANGRIVARII, THE "VERONESE MANUSCRIPT" (LATERCULUS VERONENSIS) AND THE INVASION OF ALARIC IN ITALY: ON THE QUESTION OF THE DATE OF THE LATE ROMAN INSCRIPTION FROM AUGSBURG

E. A. Mekhamadiev

Late Roman inscription from Augsburg mentioning military unit of the Angrivarii until recently was the only evidence of the existence of the military unit, recruited from the members of this Germanic tribe. Basing on a very little information about Augsburg monument, R. Sharf dated its erection to the AD 430, linking this solemn altar with a victory over the tribe of the Yutungi by West Roman commander Aecius in Rhaetia. Nevertheless, the new Latin epitaph of Roman Salonae (Dalmatia, Croatian shore of Adriatic) allows us to date the Augsburg monument to a completely different time gap and, moreover, gives us the opportunity to restore the main stages of the history of the military unit of the Angrivarii. Comparison of the text of Salonae epitaph with other sources (letters by Ambrosius, poems by Claudianus, the official imperial correspondence, a number of other epigraphic monuments) allowed the author to conclude that the dedicatory monument from Augsburg reflects the problems of West Roman military policy in the beginning of the 5th century AD, and, therefore, can be dated to the end AD 401, on the eve of the invasion of the Alaric's Goths to Italy.

Key words: Augsburg, Salonae, Dalmatia, Rhaetia, epitaph, dedication, Alaric, the Angrivarii, the Franks, the Goths

Круглый стол «Христианство в античности и раннем средневековье: проблемы изучения источников»

© 2014

А.Д. Пантелеев

ХРИСТИАНСКОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ РИМСКИХ ЗРЕЛИЩ*

В статье рассмотрены казни христиан во II–III вв. в контексте культуры римских зрелищ. Современные исследователи по-разному подходят к изучению и интерпретации происходившего на арене, но все они солидарны в том, что эти кровавые игры обладали большим значением как институт социальной интеграции, формирующий и поддерживающий римскую идентичность. Осужденный на смерть преступник становился частью «мира арены», а его унизительная казнь означала восстановление порядка и справедливости. Эти механизмы должны были действовать и в отношении христиан, но в реальности римские власти сталкивались с тем, что установившиеся модели наказания преступников «выворачивались наизнанку» христианами и превращались в средство разрушения римского порядка. Это привело к тому, что начиная с середины III в. магистраты стремились к максимально кратким судам и быстрой казни христиан, чтобы воспрепятствовать стечению большого числа зрителей.

Ключевые слова: Древний Рим, Римская империя, зрелища, суд, казнь, мученичество

Римские зрелища императорской эпохи — гладиаторские игры, травля животных, многотысячные сражения осужденных на смерть рабов и военнопленных, публичные казни — с давних пор привлекают внимание историков, но в последние годы можно отметить взрывной рост интереса к этой теме. Эти явления изучаются с самых разных позиций, и если одни ученые рассматривают мир арены при помощи культурной антропологии или психоанализа, то другие предпочитают исследовать, казалось бы, совершенно практические вопросы, например, охоту на животных, предназначенных для травли, и условия их содержания. Можно сказать, что на сегодняшний день, благодаря этим исследованиям и новым археологическим находкам, мы значительно продвинулись в изучении происходившего в амфитеатре и понимании важности этих представлений для римского общества первых веков новой эры.

Пантелеев Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета СПбГУ. E-mail: a.panteleev@spbu.ru

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-31-01013-а1 «Маска в античном театре: происхождение, семантика, основные контексты функционирования».

Обращение к этим зрелищам важно для изучения не только истории и идеологии Римской империи, но и раннего христианства. До нашего времени сохранились рассказы о публичных казнях христиан, отказавшихся отречься от своей религии и принести жертвы языческим богам, часто сделанные по горячим следам очевидцами, — мученичества, страсти и акты святых. Изучение ранней агиографической литературы, сохранившей описания этих событий, насчитывает несколько веков, но лишь в последние два десятилетия исследователи начали рассматривать эти данные не в традиционном контексте борьбы язычества и новой религии Христа, а с точки зрения римской системы зрелищ. Эта перспектива необходима для того, чтобы понимать, что именно видели римляне на арене, как они воспринимали происходящее, о каких деталях, важных для адекватного представления о мученичествах, не упоминали агиографы, наконец, это во многом способно прояснить реакцию зрителей на происходящее и психологическое воздействие эффекта мученичества на язычников.

«Мир арены» в современных исследованиях

Еще в первой половине XX века происходившее в римских амфитеатрах рассматривалось как развлечение для не слишком взыскательной и по большей части кровожадной публики. Однако уже в середине века, когда стали понятны роль и важность пропаганды при тоталитарных режимах, эти явления вызвали более пристальное внимание. В настоящее время общепризнанно, что римская арена была публичным пространством, где конституировались и выражались в действиях религиозные и политические представления общества. Человек, выйдя на арену, пересекал символическую линию, его статус радикально менялся, и он больше не являлся членом общества. Люди на арене — римские пленники, приговоренные к смерти преступники, рабы — были заклеймены infamia и находились вне рамок социума. Арена забирала их умение сражаться, смелость, жизнь и кровь, превращая их в часть большого идеологического представления, где укреплялись, восстанавливались и обновлялись государственная власть и социальные отношения[1]. В последнее время для анализа мира арены применяются современные социологические, антропологические, психоаналитические и культурологические методы.

М. Клавель-Левек предположила, что римские игры не были исключительно игровым явлением, имевшим только религиозное или культурное значение, но являлись сложным комплексом религиозных, социальных и «технико-экономических» элементов; она рассматривала их в связи с остальными социальными институтами — семьей и другими общностями (гражданская, юридическая, имперская), чтобы показать, что игры действовали как важный институт поддержки единства римского общества[2].

П. Пласс рассматривал арену как место создания и сохранения социального порядка. Он, вслед за Р. Жираром[3], обратился к идее насилия при жертвоприношении: контролируемое социальное насилие служит способом сохранения поряд-

[1] Castelli 2005, 108–109.
[2] Clavel-Lévêque 1986, 2405–2563.
[3] Girar 1972.

ка и чувства единства коллектива. Оно имеет благотворный эффект: если общество — это тело, то насилие — иммунитет; насилие на арене, как и политическое самоубийство, — ответ общества на болезнь социальной неустойчивости. В этой перспективе смерть гладиаторов и преступников — вариант человеческого жертвоприношения для восстановления баланса в социуме. Насилие необходимо, оно предотвращает социальные кризисы[4].

Э. Гундерсон полагает, что «арена играла важную роль в морализации и сохранении римских социальных ролей и иерархических отношений». На основании философских работ М. Фуко, Л. Алтузера и Ф. Дюпонт Гундерсон анализирует отдельные аспекты культуры арены. Материальное воплощение арены, например места зрителей, ясно отображали социальную иерархию. Появление императора на представлениях делало его власть видимой и доступной для народа. Арена подчеркивала гендерную иерархию. Пленники и звери из разных уголков империи подчеркивали ее мировое господство. В зрелищах были отражены все основные темы римской власти: социальная стратификация, политический театр, преступление и наказание, демонстрация цивилизации и империи, принижение женщины и возвеличивание мужчины[5].

Э. Фатрелл, опираясь на определение Э. Дюркгеймом и М. Вебером религии как социальной силы, доказывала, что арена, особенно в провинции, в первую очередь подчеркивала римское политическое господство. Гладиаторские бои и казни преступников были «упражнениями в терроре» и, в конечном счете, формой человеческого жертвоприношения. Она сопоставила их с шумерскими, карфагенскими, ацтекскими, инкскими, китайскими и дагомейскими обычаями и пришла к следующему выводу: «Амфитеатр был храмом политики, в нем происходило восстановление римской государственности, выраженное в мифе… Смерть (на арене — *А.П.*) служила жертвой при основании, она отвечала на кризисы империи, обосновывая борьбу римлян за власть и предлагая модель осознания римской власти»[6].

Работы Д. Поттера[7], Л. Томпсона[8] и Э. Кастелли[9] специально посвящены изучению публичных казней христиан. Д. Поттер обращается к суду и казни мученика и показывает, что если в I — начале III в. в глазах римских магистратов не существовало принципиальных отличий между «безбожниками»-христианами и другими преступниками и их казнь проходила по одному и тому же сценарию, то уже к середине III столетия ситуация изменяется, и даже на фоне общего ужесточения системы наказаний римляне стремились как можно быстрее и незаметнее осудить и казнить христиан, не дав превратить им процесс в многолюдное зрелище. Л. Томпсон анализирует в духе Ю. Перкинс «Мученичество Поликарпа» — первый известный нам христианский агиографический текст. Он полагает, что в таких ситуациях «стравливались» римский социальный опыт и христианские культурные истины, и это взаимодействие оказывало влияние не только на судеб-

[4] Plass 1995.
[5] Gunderson 1996, 131–151.
[6] Futrell 1997.
[7] Potter 1993, 53–88; 1996, 129–159.
[8] Thompson 2002.
[9] Castelli 2005.

ную и административную машину империи, но и на учение и административные институты Церкви. Мученичество формировало христианскую идентичность и создавало представление об искупительной ценности страдания и телесной смерти. Наконец, Э. Кастелли исследует мученичество как зрелище не только для римлян, но и для самих христиан — в виде рассказа о прошедших событиях, проповедях и днях поминовения святых и его значение для культурной памяти, уделяя особое внимание слому гендерных границ в ситуации мученичества.

Стирание границ между играми, которые принадлежали к явлениям религиозной и общественной жизни, и казнью, относящейся к сфере права и политики, перемешало и обрушило в кровавый театр арены религиозные, социальные, юридические и политические элементы. Игры на арене устраивались как ритуальные представления и как публичные зрелища, но в то же время они были проявлением грубого насилия, деянием, ведущим к коллективному катарсису, и воплощением государственной власти. Насилие на арене, нечасто критикуемое римской элитой[10], вызывало излишества, устройство все более и более дорогих зрелищ для демонстрации собственного статуса и стремление к еще большей экстравагантности — и все это для упрочения римского порядка[11].

Публичные суды и казни в императорским Риме

Публичные казни появляются в Риме еще в V в. до н.э., причем в законах XII Таблиц степень их жестокости была напрямую связана с тяжестью совершенного злодеяния (8. 10; Gaius. Inst. I. 9; D. 47. 9)[12]; они изначально проводились в публичных местах — на форуме или в цирке во время игр (Strabo VI. 273; Val. Max. I. 7. 4). В III–II вв. до н.э. самые жестокие наказания присуждались за дезертирство из армии и другие воинские преступления (например, восстание войск союзников против римской власти). Можно вспомнить обычай децимации или то, как Эмилий Павел в 167 г. до н.э. приказал растоптать слонами бежавших из его войска не-граждан (Val. Max. II. 7. 14). Постепенно такого рода наказания стали проникать из военной и в гражданскую сферу, причем здесь особую роль сыграл сын Эмилия Павла Сципион Эмилиан, отдавший во время своего триумфа в 144 г. до н.э. на растерзание зверям дезертиров и беглых рабов (Liv. Per. LI; Val. Max. II. 7. 13). Обычными видами казней в Риме стали распятие, растерзание зверьми и сожжение; первые два вида, скорее всего, были заимствованы у карфагенян (Polyb. I. 85)[13]. Во время поздней республики и ранней империи таким казням подвергались лица низкого социального статуса — рабы[14], вольноотпущенники и военнопленные; римские граждане имели право на почетную смерть от меча[15].

[10] Mammel 2014, 603–616.

[11] Castelli 2005, 112.

[12] Wiedemann 1992, 70; Epplett 2014, 522. Отметим, что казнью дело не ограничивалось: магистраты могли изувечить тела казненных и запретить их погребение (Kyle 1998, 131–133), иногда тела осужденных с табличкой, на которой были записаны их преступления, выставлялись на всеобщее обозрение.

[13] Hengel 1977, 33; Wiedemann 1992, 69.

[14] Казнь рабов долгое время оставалась делом их хозяев, но постепенно перешла в ведение магистратов (Wiedemann 1992, 73–77).

[15] Garnsey 1970, 221–276; MacMullen 1990, 204; Fagan 2011, 174–175.

Впрочем, в провинциях наместники обращали мало внимания на эти различия и, как показывают примере Верреса или Гальбы, они могли приговорить кого угодно к какой угодно казни[16]. К концу республиканского периода римский плебс пристрастился к гладиаторским играм и травле зверей, толпа требовала все новых и новых развлечений, их стоимость возрастала, и магистраты нашли выход в том, что преступники, которые раньше могли рассчитывать на быструю казнь или, в худшем случае, на распятие, стали приговариваться к участию в травле зверей или гладиаторских играх. Это положение дел могло показаться взаимовыгодным: преступники получали пусть небольшой, но все же шанс на спасение жизни; позиция римских властей была тоже понятна: пусть казнь станет зрелищем, а возможность использовать на арене приговоренных позволяла сэкономить деньги[17].

Нужно особо отметить масштабные инсценировки морских и сухопутных битв. Впервые они были представлены Цезарем (App. BC II. 102; ср. Suet. Caes. 95), а апогея достигли при Клавдии, устроившем перед спуском Фуцинского озера битву между «сицилийцами» и «родосцами», в которой приняли участие 19 000 осужденных преступников, и представление, имитировавшее его британский поход (Suet. Claud. 21; Tac. Ann. XII. 56). Нерон устроил битву между «персами» и «афинянами» (Dio Cass. LXI. 9. 5), а Тит, обратившись к Пелопоннесской войне, — между «коркирянами» и «коринфянами» и «афинянами» и «сицилийцами» (Dio Cass. LXVI. 25). Подобные зрелища прославляли величие римского государства и императора и играли важную роль в имперской пропаганде, однако такие баталии не могли проводиться регулярно: они обходились очень дорого и требовали большого числа рабов, военнопленных или приговоренных к смерти.

Отдельный вид казней составляли театрализованные представления. Впервые с этим мы встречаемся в конце 30-х гг. I в. до н.э., когда знаменитый сицилийский разбойник Селур был помещен на высокий помост, под которым находились хищные звери, и этот помост внезапно разрушился (Strabo VI, 273). Этот эпизод очень хорошо отражает связь между римским судом и театром. Со времени Нерона распространяются представления, где смерть осужденного была едва ли не самой зрелищной частью спектакля. Это такие мимы, как «Геркулес», где преступник, подменявший актера, сжигался на костре (Anth. Pal. II. 184; Tert. Ad. nat. I. 10; Apol. 15), «Лавреол», который заканчивался распятием беглого раба-разбойника (Jos. Fl. AJ. XIX, 94; Juv. VIII. 187–188; Mart. Spect. 7; Suet. Cal. 56), «Орфей», в котором главного героя дикие звери рвали на части (Mart. Spect. 21), «Дедал», когда Икар упал на камни прямо у ног императора и забрызгал его кровью (Mart. Spect. 8; Suet. Nero, 12)[18]. Отметим, что некоторые из них давали возможность преступнику выжить ценой увечья — это «Сцевола» (Mart. VIII. 30; X. 25) или «Аттис» (Tert. Ad. nat. I. 10; Apol. 15)[19].

Зрелищем была не только расправа с преступником, но и предшествоваший ей суд. Еще во время республики римляне охотно посещали громкие судебные процессы. С установлением империи суд, как и казнь преступников, стал зримым

[16] Wiedemann 1992, 68.
[17] Hopkins 1983, 10–24.
[18] Подробнее о них см.: Coleman 1990, 44-73; Wiedemann 1992, 83–89; Пантелеев 2008, 345–356.
[19] Coleman 1990, 61; Пантелеев 2008, 348.

воплощением римской власти, могущества и справедливости[20]. Иногда из-за многочисленности собравшихся зрителей суд мог быть перенесен в театр (Apul. Met. III. 2) или другое сооружение для зрелищ; так, Поликарпа судили на стадионе (Mart. Pol. 8–9). В случае серьезного процесса обвиняемый, как правило, стремился вызвать сочувствие у судьи и зрителей — отпускал бороду и приходил в черных одеждах. В день суда ответчик находился на особом возвышении (gradus), где его могли видеть все присутствующие. Этот gradus всегда был ниже места, где восседал магистрат (bēma), что подчеркивало превосходство судьи. Магистрат обычно начинал процесс зачитыванием обвинения, затем он мог задать несколько стандартных вопросов вроде «Как твое имя?», «Откуда ты родом?», «Кто ты по званию?». После этого следовали уже вопросы по существу, например, «Сколько людей ты убил?», «Ты знаешь, что приказали императоры?» или «Будешь ли ты упорствовать в христианском безумии?». Иногда разрешалось произнести речь адвокату. С. Либерман в связи с этим приводит интересный отрывок из комментариев на Второзаконие: «Писание показывает, что Моисей начал (благословление) не с нужд Израиля, но с восхваления Бога. Это можно сравнить с адвокатом, нанятым для защиты. Адвокат, стоя на подиуме, начинает не с нужд клиента, а с восхваления царя. Мир счастлив оттого, что он царь. Мир счастлив оттого, что он судья. Солнце светит нам (ради него). Луна светит нам (ради него). Публика присоединяется к нему в восхвалениях (царя). Только после этого он переходит к нуждам своего клиента и заканчивает свою речь повторным восхвалением царя» (Sifre. Pis. 343)[21]. Если наместник был не удовлетворен тем, что он услышал, то мог начать пытку (при условии того, что это позволял социальный статус обвиняемого).

После того как магистрат услышал, увидел и узнал все необходимое для вынесения приговора, вокруг его места устанавливали занавес. Теоретически, в момент принятия решения на него не должно было оказываться никакого воздействия, но иногда наместник прислушивался к пожеланиям местной элиты и присутствующих зрителей и его действия определялись в большей степени не правом, а целесообразностью. Бывало так, что толпа зрителей подталкивала магистрата к большей жестокости или расширению числа обвиняемых (Eus. HE V. 1. 9)[22]. Д. Поттер специально рассматривает деятельность римских «клакеров», которых можно было нанять для создания эффекта единодушия зрителей[23]. Крики собравшихся ясно показывали их настроение, и пойти против воли народа означало вызвать гнев или даже ярость нескольких сотен или тысяч человек.

Кроме того, часто необходимо было учитывать и настроение местной элиты и общую ситуацию в городе. Это могло повлиять на суровость приговора или его выполнение; о таких случаях рассказывает Плиний Младший: приговоренные преступники внезапно оказывались на городской службе и даже получали жалование (X. 31–32). Представители центральной власти — наместники — часто были никак не связаны с провинцией, которой управляли, и часто менялись в связи с общим положением дел в III в. Местные власти, наоборот, принадлежали к го-

[20] Potter 1996, 147–151.
[21] Lieberman 1944, 27–28.
[22] Пантелеев 2012
[23] Potter 1996, 142–144.

родской аристократии, были в курсе местных дел и часто ставили благополучие и порядок в своем города выше интересов империи. Особенно хорошо это заметно в ситуации, когда наказанию должны были подвергнуться представители местной аристократии — булевты или декурионы. Для наместника их публичная казнь — восстановление римского закона, в то время как для местной власти это означало бы разрушение установленного порядка. Так было и с христианами: например, иринарх с его отцом уговаривают Поликарпа отречься (Mart. Pol. 8), во время процесса над Пионием в Смирне местные власти явно не хотят публичной пытки и казни престарелого пресвитера, человека, пользующегося известностью в городе и образованного, а в «Актах Филеаса» наместник пытается образумить мученика только из-за того, что Филеас богат и может поддержать всю область (Acta Phil. 5).

Наместник записывал приговор или диктовал его секретарю, иногда туда включались причины для вынесения именно такого решения; приговор зачитывался вслух. В случае необходимости преступник мог быть подвергнут дальнейшей пытке до тех пор, пока магистрат не счел бы его показания достаточными для приговора (periculum). Затем, по крайней мере в восточной части Империи, в рот обвиненному вставляли особый крюк (chamos)[24] или надевали на него намордник (kēmos) для того, чтобы он не оскорблял императора и судью, и его уводили для последующей казни: «Сначала questionarius читает его elogium, затем он подвергает разбойника бичеванию, затем он вставляет ему крюк, затем дает periculum, а потом разбойника уводят на казнь»[25].

Необходимо отметить важное отличие между положением обвиняемого на суде и обвиненного на арене. До вынесения приговора человек оставался субъектом права, он мог защищаться и разговаривать с обвинителями или магистратом почти на равных. До тех пор, пока его вина не была доказана и не признана, он отстаивал свою правоту и до последнего момента добивался оправдания. Обвинение и амфитеатр полностью меняли его статус[26]. Тело осужденного переставало быть его собственностью и превращалось в вещь, которая вскоре станет зримым подтверждением незыблемости римской власти. Если на суде обе стороны хотя бы потенциально обладали равным статусом, то приговоренный к смерти становился кем-то вроде раба. Как уже было сказано, публичная казнь была важным элементом поддержания римского порядка, это был настоящий политический и юридический ритуал.

Казнь была рассчитана на то, чтобы унизить жертву настолько, насколько это возможно. Она происходила по достаточно четкому и разработанному сценарию. Как правило, день делился на три части: травля зверей с утра, казнь преступников днем, гладиаторские бои вечером[27]. Впрочем, бывали и исключения: мы знаем о четырехдневных играх в Италии, где три дня было отведено боям гладиаторов, а один — казни преступников (CIL 9. 3437 = ILS 5063). Когда наступало время казни, осужденные выводились на арену солдатами или бестиариями. Унизительным был сам способ доставки преступников: судя по рельефу из Сард, их связывали

[24] Подробнее об этом крюке см.: Lieberman 1944, 44–48.

[25] Lieberman 1944, 29.

[26] Иногда на арене происходила «гражданская казнь»; так было с доносчиками при Траяне (Plin. Pan. 34 sqq.) и расточителями при Адриане (SHA. Hadr. 34).

[27] Wiedemann 1992, 90; Potter 1993, 66–67; Dunkel 2008, 90.

попарно или по трое, мозаика из Злитеня изображает, как их привозят связанными на колеснице. Мужчины изображаются полностью обнаженными или только в набедренных повязках, женщины — нагими или в прозрачных туниках; отличить их от закованных в доспехи служителей не составляет труда. Иногда для выхода на арену использовалась специальная одежда. В «Мученичестве Перпетуи» обвиненных вывели в нарядах, посвященных Юпитеру и Церере (Mart. Perp. 18), а Плутарх говорит о приговоренных к смерти преступниках в золотистых туниках и пурпурных плащах (De ser. num. vindic. 9). Опасные преступники могли быть представлены отдельно, казнили их тоже не со всеми, а особо. После того как приговоренных выводили на арену, их помещали на платформу, где иногда могли располагаться инструменты для публичной пытки, как это было в Лионе (Eus. HE V. 1. 51). В этот момент преступники узнавали о том, что им предназначено. Как правило, это было распятие, сожжение или хищные звери — львы, пантеры, леопарды или медведи, но иногда встречались и исключения вроде коровы (Mart. Perp. 20), тюленя (Acta Pauli et Thecl. 34) или страусов[28]. Зверей специально злили — били, кололи, прижигали и т.п. В том случае, если звери только калечили преступника, но не убивали его, то жертву забирали и казнили уже вне арены (Pass. Perp. 21)[29]. Хищники были дорогим удовольствием, их доставкой занимались особые ассоциации[30], а иногда зверей могло и не хватать. В «Мученичестве Поликарпа» азиарх Филипп отказывается отдать мученика льву, так как травля закончилась и зверей больше нет (Mart. Pol. 12. 2), а Тертуллиан замечает: «Кричат: христиан ко льву. Столь многих к одному?» (Apol. 50). Отметим, что если гладиаторы — venatores, сражающиеся со зверями, считались образцами смелости и ловкости, то преступники, осужденные, по сути, на то же, на эти добродетели в общественном мнении претендовать не могли[31]. Этот вид казни получил отражение в многочисленных памятниках изобразительного искусства — статуях, мозаиках, рельефах, керамике[32]. Практиковались и традиционные виды казней — обезглавливание, сожжение, распятие на кресте.

Во II–III вв. эти тенденции сохраняются, однако из-за общего ухудшения экономической ситуации появились некоторые новшества, ярким образцом которых является знаменитый эдикт Марка Аврелия о ценах на гладиаторов, изданный в 177 г.[33] В нем разрешалось продавать для арены устроителям игр преступников, осужденных на смерть. Выгода была очевидной: преступники продавались за 6 ауреусов, в то время как гладиаторы стоили от 30 до 150. Для Галлии это было разрешено впервые (другие провинции пользовались этой привилегией и раньше), до того, судя по всему, римские власти опасались рецидивов человеческих жертво-

[28] Подробнее об используемых животных см.: Robert 1940, 246–253. В античности верили в плотоядность тюленей (Dagron 1978, 250); применялись ли страусы именно при казнях, сказать сложно, но они были популярны на арене из-за скорости, агрессивности и, конечно, комичности (Van den Hoek 2013, 81–82).

[29] Robert 1949, 238–246. Однако иногда таких преступников бросали зверям еще раз через несколько дней (Eus. HE V. 41; 53).

[30] Van den Hoek 2013, 75.

[31] MacLean 2014, 580.

[32] Специальные подборки: Salomonson 1979; Robert 1940; Van den Hoek 2013, 88–100; Tuck 2014, 422–437.

[33] Oliver, Palmer 1955, 320–349; Kyle 1998, 250–251; Carter 2003, 83–114; Пантелеев 2005, 311–316.

приношений, связанных с религией кельтов. Гладиаторские игры превращаются во все большую роскошь, и казни становятся все популярнее. В III в. мы встречаемся с особыми указаниями наместникам провинций, чтобы они отправляли в Рим всех заключенных, обладавших большой силой и борцовскими умениями для потехи императора и народа (D 48, 19, 31)[34]. Особого недостатка в них, скорее всего, не ощущалось, ведь число проступков, за которые наказывали смертью, постоянно возрастало: Р. МакМаллен отмечает, что если при ранней Империи смертью каралось всего 17 видов преступлений, то ко времени Константина их число достигало 60[35]. Такой рост объясним несколькими причинами. Прежде всего это появление на троне вереницы «солдатских императоров», которые привнесли в гражданское законодательство армейскую суровость наказаний. Затем, с постепенным превращением римской системы власти в автократию, император все больше возвышался над массой подданных и разница между наказаниями для *humiliores* и *honestiores* стала стираться. Наконец, со второй половины II в. н.э. все чаще используется *cognitio*, экстраординарное расследование, при котором магистрат единолично рассматривал дело и выносил приговор, не подлежавший обжалованию. В таких случаях жестокость решения могла быть обусловлена угрозой порядку, которую судья видел в обвиняемом, или требованиями народа наказать преступника как можно суровее[36]. Это обстоятельство особенно важно для понимания антихристианских процессов II–III вв.

Христиане на арене

Таким же образом проводились и казни христиан. Можно спорить с мнением Д. Боярина, что для «римлян» не имело никакого значения, будет ли брошен львам разбойник или епископ, как это не имело значения для самих львов[37], но по крайней мере для служителей арены дело обстояло именно так. Судя по сообщению Тацита, при преследовании христиан Нероном никакой разницы между ними и обычными преступниками толпа не заметила, и если бы не дурная слава императора, то вряд ли бы проявилось и сочувствие, о котором вскользь упоминает историк (Ann. XV, 44). Но христиане отличались от обычных убийц и грабителей, так как у них был свой взгляд на происходящее и желание переосмыслить и переписать сценарий казни. При чтении ранних мученичеств мы постоянно сталкиваемся с попытками перехватить контроль над происходящим и передать его от организаторов либо мученикам, либо, в крайнем случае, рассказчику[38]. Осужденный христианин нарушал привычное течение событий тем, что совершал неожиданные действия, отступал от стандартных моделей, а иногда даже начинал руководить процессом собственной казни; следствием такого зрелища оказывалось не удовольствие зрителей, а фрустрация[39]. Приведем несколько примеров такого «выворачивания наизнанку» происходящего.

---

[34] Hopkins 1983, 10.
[35] MacMullen 1990, 207–211; Wiedemann 1992, 68–69.
[36] Epplett 2014, 530.
[37] Boyarin 1999, 94–95.
[38] Castelli 2005, 124.
[39] Kyle 1998, 248.

Игнатий Антиохийский в начале II в. превращает свой путь в Рим на казнь в аналог религиозной процессии для поклонения императору, рассылая послов и письма в малоазийские города[40]. «Мученичество Поликарпа» рассказывает, как юноша Германик сам натравил на себя зверей (Mart. Pol. 3. 1), сам Поликарп при аресте угощает пришедших его арестовывать (7. 2–3), а когда проконсул потребовал проклясть безбожников, тот адресовал это проклятие зрителям (9. 2). Более того, Поликарп указывал проконсулу на допускаемые им нарушения процессуальной процедуры и, в конце концов, прекратил допрос в тот момент, когда сам счел нужным (10–11). В «Актах Карпа, Папила и Агатоники» (160-е гг.) мученики радовались тому, что покидают этот мир, и благословляли казнивших их солдат (Acta Carp. gr. 36–41). Перпетуя и ее товарищи (203 г.) отказались выходить на арену в одеждах, посвященных Сатурну и Церере (Pass. Perp. 18. 4); их вывели обнаженными, но по требованию толпы они были одеты (20. 3). Смерть Перпетуи подобна гладиаторской, она направила кинжал служителя себе в горло, и автор мученичества замечает: «Такая женщина не могла бы быть убита, если бы сама этого не захотела» (21. 9). Пионий (250 г.) — еще более интересный пример: он мученик-ритор[41]. Он отвечает на обвинения речью и меткими замечаниями; его противникам нечем парировать, и они опускаются до оскорблений, пыток и насилия (Mart. Pionii 5. 3–6; 15–17). Риторика Пиония ограничивает возможности преследователей, именно он формирует пространство действия и определяет ход представления. Эти примеры можно многократно умножить. Мученики не могли и не хотели спастись от неизбежных суда и казни, но они делали все возможное, чтобы эта казнь стала не свидетельством прочности империи и торжества римского закона, а местом торжества Христа и доказательством стойкости и смелости его последователей. Естественно, что римские магистраты не могли этого не заметить и никак на это не отреагировать. Уже в «Мученичестве Пиония» стратег посылает к неокору Полемону гонцов, которые говорят: «Не позволяй ему говорить, чтобы они не пришли в театр и не начались беспорядок и расспросы об этом человеке» (7. 1).

Хорошей иллюстрацией тенденции к минимизации публичности суда и казни христиан оказываются три североафриканских текста, рассказывающих о мученичествах Киприана (258 г.), Мариана и Иакова (259 г.) и Монтана и Луция (259 г.) во время гонений Валериана[42]. Киприан был арестован 30 августа 257 г., предстал перед судом наместника Аспазия Патерна и был отправлен в ссылку в Курубис (Acta Cypr. 1). Это было самое мягкое наказание из возможных. Состоявшийся тогда диалог был вполне откровенным, пытки не применялись, и никто не собирался превращать происходящее в зрелище. Во время изгнания появился новый рескрипт Валериана, предписывавший казнить священнослужителей, отказавшихся совершить жертвоприношения. Киприан понял, что его ожидает, и как можно быстрее отправился в Карфаген, чтобы оказаться перед судом наместника именно там, а не в небольшой Утике. Он сообщает собратьям о своем прибытии, призывает их не волноваться и не бунтовать из-за его ареста (Cypr. Ep. 81. 4) и 13

[40] Брент 2012, 58–60.

[41] Pernot 1997, 111–123.

[42] Мы воспользовались изданием: Musurillo 1972; русский перевод «Актов Мариана и Иакова» см.: Каргальцев 2013.

сентября 258 г. прибывает в Карфаген. Как Киприан и рассчитывал, его встречает большая толпа и христиан, и язычников (Acta Cypr. 2. 5; Pont. V. Cypr. 15, 4: concurrebant undique versum omnes ad spectaculum). На следующий день в имении Секста состоялся суд, на котором председательствовал новый наместник, Галерий Максим. В ходе краткого допроса Киприан подтвердил, что он христианин и не принесет жертвы языческим богам. Он был приговорен к смертной казни, причем прямо на месте (Acta Cypr. 3–4). Никто не воспрепятствовал зрителям присутствовать при суде, но немедленная казнь предотвратила еще большее скопление народа. Нет сомнений, что Киприан был против процесса при закрытых дверях, однако большая публичность ему была не нужна — он продемонстрировал свою веру при въезде в город и тем, что принял смерть так, как подобает человеку его положения[43]. Что касается наместника, то он, увидев волнение собравшегося народа и услышав крики «Тогда и нас казни вместе с ним!» (Acta Cypr. 5), принял единственно верное решение для недопущения более серьезных выступлений.

В «Актах Мариана и Иакова» наместник Нумидии также стремится свести зрелище к минимуму. Мариан и Иаков были арестованы в Мугах (пригород Цирты) и отконвоированы в Цирту, где их допросили представители местных властей (Pass. Mar. et Iac. 2–6). Эти магистраты спросили задержанных о их вере и, когда христиане отказались отрекаться, отправили их обратно в тюрьму. Там мученики получали видения, а Мариана гарнизонные солдаты подвергли пытке. После этого их отправили в Ламбезий, где священников и мирян отделили друг от друга, надеясь таким образом сломить волю последних (10). Спустя некоторое время их допросил презид, после чего они были обезглавлены. Магистрат не хотел исполнения смертного приговора перед большой местной аудиторией: он мог бы просто отправить их для казни в Цирту, но предпочел этого не делать, а наоборот, предпринял все возможное для того, чтобы происходящее не стало зрелищем, привлекающим массу народа. Наместник, стремясь добиться как можно менее эмоционального зрелища, лишил мучеников возможности самовыразиться[44].

Луций и Монтан были арестованы местными властями в Карфагене вместе с другими священниками и заключены в тюрьму. Наместник Галерий Максим не допрашивал и не пытал их, надеясь, что условия содержания заставят их отречься. После нескольких месяцев заключения Луций, Монтан и остальные христиане были приведены на суд уже нового наместника, который и осудил их на смерть (тоже без пытки). Приговор был приведен в исполнение немедленно (Pass. Mont. et Luc. 15. 1). Через три дня там же был казнен еще один христианин, Флавиан. Толпа требовала, чтобы его публично пытали, но наместник отказал народу и приказал отрубить ему голову (19–21).

Римские наместники не желали казнить христиан при большом скоплении народа, хотя эдикт Валериана давал им все основания для этого. Скорее всего, дело было в том, что он был направлен против высшей части клира. Из имеющихся текстов ясно, что осужденные были людьми определенного социального статуса: они могли читать и писать, в тюрьме они принимали посетителей и, наконец, их казнили мечом. Некий Эмилиан, который был арестован вместе с Марианом и Иаковом, был всадником (Pass. Mar. et Iac. 8). Наместник мог приговорить христи-

[43] Potter 1993, 60.
[44] Potter 1993, 61.

анина к любой казни, но предпочитал делать это в соответствии с их рангом. Магистраты категорически не хотели давать возможность арестованным выступить перед толпой. Так как этого требовала процедура, судьи позволяли христианам выступить на суде, но кратко, и стремились казнить их как можно быстрее. Основная черта всех этих случаев — нежелание наместников использовать все свои возможности в полной мере. По замечанию Д. Поттера, при достаточно зверской сущности римского правосудия в то время, этот феномен интересен сам по себе[45]. В этих процессах практически не используются пытки, единственное исключение — Мариан в Цирте, и то, кажется, это было сделано по инициативе скучающих гарнизонных солдат, а не магистратов, хотя в других случаях преследования христиан они активно применялись. Но Мариан и Иаков проводят большую часть времени не на допросах, а созерцая видения; им не позволили отправиться на арену, повторяя подвиг мучеников II в., они могли только грезить об этом (Pass. Mar. et Iac. 11). В какой-то степени эта ситуация напоминает анекдот о мазохисте и садисте, который в связи с похожими обстоятельствами вспомнил Г. Бауэрсок: «Ударь меня!» — «Не ударю»[46].

Можно было бы предположить, что причиной таких быстрых расправ с христианами было опасение эффекта, который мученичество окажет на зрителей, но, похоже, это было не так. Часто приводят слова Юстина о впечатлении, которое на него произвели мученики: «Видя, как они бесстрашно встречают смерть и все, что считается страшным, я счел невозможным, чтобы они были преданы пороку и распутству» (Apol. II. 12), и замечание Тертуллиана: «Кровь христиан есть семя… Упорство, за которое вы нас укоряете, является учителем. Ибо кто, видя его, не пожелает выяснить, что за этим кроется?» (Apol. 50. 13-15), — но это был их личный опыт. Сами христиане не рассматривали мученичество как средство для обращения язычников, и во время суда на вопрос о христианском Боге скорее можно было услышать ответ в стиле «Будешь достоин — узнаешь» (HE. V. 1. 31), чем развернутое изложение учения. Христиане не обращались к распространенному представлению о том, что в смерти проявляется истинная природа человека, о котором говорит, например, Сенека: «Смерть покажет, чего я достиг… Смерть вынесет тебе приговор… Ничто не докажет силы твоего духа. Ведь на словах и самый робкий храбр. Подоспеет конец — тогда и станет ясно, что ты успел» (Sen. Ep. 26). Дело в том, что для христиан мученичество связывалось прежде всего со спасением, а не проповедью. Чувство чуждости этому миру и готовность войти в Царство Небесное лишь усиливались во время гонений, мученик ощущал себя Божьим избранником, и при таком взгляде на себя и на мир язычники-зрители рассматривались как средство для приближения к Богу, а не потенциальная аудитория. В глазах мученика совершающееся было индивидуальным актом, имевшим ценность только для него, даже не для общины, не говоря уже о язычниках[47]. Христиане и язычники в происходящем на арене амфитеатра видели принципиально разные вещи: если для первых мученик был бесстрашным воином или славным атлетом, то вторые считали происходящее безумием, следствием грубого и невежественного христианского суеверия (superstitio).

[45] Potter 1993, 62.
[46] Bowersock 1995, 61.
[47] Ivanovici 2013, 234–239.

Сами христиане отдавали себе отчет в театральности мученичества. Уже Павел писал: «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем (зрелищем — theatron) для мира, для ангелов и человеков» (1 Кор. 4:9). Ориген говорит: «Собирается вокруг нас многочисленная толпа (mega theatron), она хочет быть свидетельницей нашего подвига, когда нас призывают к мученичеству. Подобное происходит лишь при состязании весьма знаменитых атлетов, потому что на зрелище борьбы их собирается множество народа» (Exh. ad mart. 18). О чем-то подобном с осуждением писал Марк Аврелий: «И чтобы готовность умереть шла от собственного суждения, а не из голой воинственности, как у христиан, — нет, обдуманно, строго, убедительно и для других, без театральности (atragōdos)» (XI. 3). Однако этот «спектакль» христиане играли не для зрителей, а для самих себя, одновременно празднуя уход из этого мира и повергая сатану, который смог добиться победы над их телом, но не душой. Авторы и редакторы агиографических сочинений усиливали этот «постановочный» элемент, подчеркивая и акцентируя театральную природу мученичества, и позже воспоминания об этих событиях займут свое место в христианской литургии, заместив языческие зрелища (Aug. Serm. 51).

ЛИТЕРАТУРА

Брент А. 2012: Игнатий Антиохийский. Епископ-мученик и происхождение епископата. М.

Каргальцев А.В. 2013: Мученичество Св. Мариана и Иакова: Вступительная статья, перевод и комментарий // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. 2, 208–239.

Пантелеев А.Д. 2005: Христиане в правление Марка Аврелия // Мнемон. 4, 305–316.

Пантелеев А.Д. 2008: Римские мифологические мимы и христиане // Мнемон. 7, 345–356.

Пантелеев А.Д. 2012: Толпа и мученик: христиане и язычники в мученичествах II-III вв. (по данным христианских авторов) // Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. Нижний Новгород, 58–63.

Bowersock G. W. 1995: Martyrdom and Rome. Cambridge.

Boyarin D. 1999: Dying for God. Martyrdom and the Making of Christianity and Judaism. Stanford.

Carter M. 2003: Gladiatorial Ranking and the SC de Pretiis Gladiatorum Minuendis (CIL II 6278 = ILS 5163) // Phoenix. 57, 83–114.

Castelli E. A. 2005: Persecution and Spectacle. Cultural Appropriation in the Christian Commemoration of Martyrdom // ARG. 7, 102–136.

Clavel-Lévêque M. 1986: L'espace des jeux dans le monde romain: hégémonie, symbolique et pratique sociale // ANRW. II.16.3, 2405–2563.

Coleman K. M. 1990: Fatal Charades: Roman Execucutions Staged as Myhological Enactments // JRS. 80, 44–73.

Dagron G. 1978: Vie et miracles de Sainte Thècle: Texte grec, traduction et commentaire. Brussels.

Dunkel R. 2008: Gladiators: Violence and Spectacle in Ancient Rome. Harlow.

Epplett C. 2014: Spectacular Executions in the Roman World // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World / P. Christesen, D. G. Kyle (eds). Chichester, 520–532.

Fagan G. 2011: The Lure of the Arena: Social Psychology and the Crowd at the Roman Games. Cambridge.

Futrell A. 1997: Blood in the Arena: The Spectacle of Roman Power. Austin.

Garnsey P. 1970: Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxford.

Girar R. 1972: La violence et le sacré. Paris.

Gunderson E. 1996: The Ideology of the Arena // CA. 15, 113–151.

Hengel M. 1977: Crucifixion in the ancient world and the folly of the message of the cross. Philadelphia.

Hopkins K. 1983: Death and Renewal. Cambridge.

Ivanovici V. 2013: Competing Paradoxes: Martyrs and the Spread of Christianity Revisited // SP. 62, 231–244.

Kyle D. 1998: Spectacles of Death in Ancient Rome. London.

Lieberman S. 1944: Roman Legal Institutions in Early Rabbinics and in the Acta Martyrum // JQR. 35, 1–57

MacLean R. 2014: People on the Margins of Roman Spectacle // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World / P. Christesen, D.G. Kyle (eds). Chichester, 578–589.

MacMullen R. 1990: Changes in the Roman Empire. Essays in the Ordinary. Princetown.

Mammel K. 2014: Ancient Critics of Roman Spectacle and Sport // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World / P. Christesen, D. G. Kyle (eds). Chichester, 603–616.

Oliver J., Palmer R. 1955: Minutes of an Act of the Roman Senate // Hesperia. 24, 320–349.

Pernot L. 1997: Saint Pionios, martyr et orateur // Du héros païen au saint chrétien / G. Freyburger, L. Pernot (eds). Paris, 111-123.

Plass P. 1995: The Game of Death in Ancient Rome: Arena Sport and Political Suicide. Madison.

Potter D. 1993: Martyrdom as Spectacle // Theater and Society in the Classical World / R. Scodel (ed.). Ann Arbor, 53–88.

Potter D. 1996: Performance, Power and Justice in the High Empire // Roman Theater and Society / W.J. Slater (ed). Ann Arbor, 129–159.

Robert L. 1940: Les gladiateurs dans l'Orient grec. Paris.

Salomonson J. W. 1993: Voluptatem spectandi non perdat sed mutet. Observations sur l'iconographie du martyre en Afrique Romaine. Amsterdam; Oxford; New York.

Thompson L. 2002: The Martyrdom of Polycarp: Death in the Roman Games // JR. 82, 27–52.

Tuck S. L. 2014: Representations of Spectacle and Sport in Roman Art // A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman World / P. Christesen, D. G. Kyle (eds). Chichester, 422–437.

Van den Hoek A. 2013: Execution as Entertainment: The Roman Context of Martyrdom // SP. 60, 73–100.

Wiedemann T. 1992: Emperors and Gladiators. London.

CHRISTIAN MARTYRDOM IN THE CONTEXT OF THE ROMAN SPECTACLES

A. D. Panteleev

The aim of the article is the analysis of the Christian Martyrdom in the context of the Roman games. Modern researchers have taken different approaches to the study and interpretation of the world of amphitheatres and arena, but they are in agreement that these bloody games had

a great value as an institution of social integration which formed and supported the Roman identity. Criminal, who was condemned to death, became a part of the arena and his humiliating punishment meant the restoration of order and justice. These mechanisms had to act against Christians, but in reality the Roman authorities met with the fact that the model established punishment of offenders «turned out» by Christians and turned into a means of destroying the Roman order. This led to the fact that since the middle of the 3rd century AD Roman magistrates sought to short courts and fast execution of Christians to prevent concourse of spectators.

Key words: Ancient Rome, Roman Empire, Christianity, spectacles, trial, execution, martyrdom

---

© 2014

А. В. Карасева

ОТРАВЛЕННЫЙ ИСТОЧНИК, ИЛИ О СТАРОМ И «НОВОМ» ПЕРЕВОДЕ АРНОБИЯ

В статье рассматриваются некоторые вопросы перевода на русский язык позднеантичного писателя Арнобия. Фрагмент его сочинения «Семь книг против язычников» (II. 14–32) был недавно переведён профессором Ивановского государственного университета, д.и.н. В. М. Тюленевым. На деле это не новый, а лишь несколько переработанный перевод этого текста Н. М. Дроздовым (издан в 1917 г.). Целые пассажи перевода Дроздова безо всяких оговорок перекочевали в текст Тюленева, который лишь в нескольких случаях улучшил его, но в других случаях (куда более многочисленных) допустил серьёзные смысловые искажения, не говоря уже о грубых стилистических ошибках. По тому же пути пошла в своей диссертации и ученица Тюленева В. Н. Солнцева.

Ключевые слова: перевод, Арнобий, В. М. Тюленев

В научных журналах и сборниках последних лет регулярно появляются переводы античных текстов, как новых, так и ранее переведенных, нуждающихся в современном прочтении. Введение в оборот источников для широкой аудитории, интересующейся историей древнего мира, можно только приветствовать. Однако зачастую переводы публикуются без параллельного текста на языке оригинала, что ставит читателя-неспециалиста в зависимость от уровня профессионализма переводчика. Если переводчик не имеет достаточных познаний в древних языках и/или чувства русского языка, то на свет появляется интерпретация переводчика, искажающая текст оригинала и не соответствующая нормам литературного русского языка.

С 2011 г. и до настоящего времени при поисковом запросе в электронной библиотеке журнальных статей elib.ru первым по списку по запросу «Арнобий»

Карасева Александра Викторовна — кандидат исторических наук, доцент НОУ ВПО «Международный юридический институт». E-mail: vysokii@mail.ru

появляется ссылка на перевод, выполненный в 2009 г. д.и.н., проф. В. М. Тюленевым, на тот момент заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков Ивановского государственного университета и ученым секретарем диссертационного совета Д 212.062.02, — «Арнобий. Из трактата «Семь книг против язычников» книга II. Фрагмент».

Перевод опубликован во втором выпуске альманаха Cursor Mundi, подготовленном на кафедре истории древнего мира и средних веков, и адресуется «специалистам-историкам, филологам, философам и культурологам, а также всем, кто интересуется проблемами истории сознания, исторической биографии, истории культуры»[1].

В предисловии редколлегия сборника особо обращает внимание читателей на раздел «Тексты и комментарии», в котором представлены переводы отрывков из сочинений «позднеантичных, средневековых и ренессансных». Редколлегия сообщает также, что подавляющее большинство этих сочинений (за исключением Арнобия) на русский язык переведено впервые[2]. Однако читатели так и остаются в неведении относительно того, когда и кем был осуществлен впервые перевод сочинения Арнобия «Против язычников». Ничего не сообщает об этом в предваряющем предисловии (189–190) и переводчик Арнобия, автор вступительной статьи и комментариев — ответственный редактор альманаха «Cursor Mundi» д.и.н., проф. В. М. Тюленев. Указано лишь, что перевод выполнен по изданию Arnobius. Adversus nationes // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. T. 4. Vien, 1875[3].

Как выясняется при знакомстве с текстом опубликованного фрагмента перевода Арнобия, это умолчание не было случайным: в действительности за подписью Тюленева опубликован фрагмент перевода, выполненного Николаем Михайловичем Дроздовым в 1917 г. и переизданного в 2008 г. издательством Санкт-Петербургского университета (Arnob. II. 14.15.16.17).

Результаты анализа мы представляем Вашему вниманию в сравнительной таблице, представленной ниже. Текстовых заимствований много, большинство — практически дословно, с заменой одного или нескольких слов, близких по смыслу (например, «мнение» на «суждение», «и» на «а», «ибо» на «так как», «прежде» на «до того», «понять» на «познать» и т.д.). К опубликованному в альманахе отрывку В. М. Тюленев дает 8 комментариев, из которых 5 комментариев повторяют или дословно, или в урезанном, или перефразированном виде комментарии Н. М. Дроздова[4].

Из всего множества заимствований приведем лишь некоторые, наиболее показательные (отличающиеся места перевода выделены курсивом):

---

[1] Тюленев 2009, 189–203.
[2] Cursor Mundi 2009, 7.
[3] Тюленев 2009, 190.
[4] Тюленев 2009, 191, 192, 198.

Фрагменты текста перевода Тюленева В. М.:	**Фрагменты текста перевода Дроздова Н. М.:**
14.1. Вы осмеливаетесь смеяться над нами, когда мы говорим о геннах *[gehennas]* и *о неких* неугасимых огнях, в которые, как мы знаем, ввергаются души их врагами и *недругами*[5]*?*	14.1. Вы осмеливаетесь смеяться над нами, когда мы говорим о геннах и *особых* неугасимых огнях, в которые, как мы знаем, ввергаются души их врагами и *противникам*[8]?
2. Что же? *Славный* ваш Платон в том *томе,* который он написал о бессмертии души, не упоминает *разве* о реках Ахеронте, Стиксе, Коците и Пирифлегетонте, *в которых, как он* утверждает, тонут и сгорают *сброшенные в них* души[6]? Но этот человек, отличающийся *немалой образованностью* и осторожностью в исследованиях и суждениях, допускает нечто необъяснимое, когда, признавая души бессмертными, вечными и чуждыми телесной *твердости*, говорит *все же,* что они наказываются, и приписывает им чувство боли[7].	2. Что же? *Тот же* ваш Платон в той *книге*, которую он написал о бессмертии души[9] не упоминает *ли* о реках Ахеронте, Стиксе, Коките и Пирифлегетонте[10], *и* не *утверждает ли, что в них падают,* тонут и сгорают души? Но [этот] человек, отличающийся *великой мудростью* и осторожностью в исследованиях и суждениях, допускает нечто необъяснимое, когда, признавая души бессмертными, вечными и чуждыми телесной *плотности, однако,* говорит, что они наказываются, и приписывает им чувство боли (Arnob. II. 14).
16.5. Хотите ли вы беспристрастно, путем спокойного размышления *познать,* что мы — животные: или подобные прочим, или не *слишком* отличающиеся от них? 6. *Ведь* что есть такого, что указывало бы на наше отличие от них[11]?	16.5. Хотите ли вы беспристрастно, путем спокойного размышления *понять,* что мы — животные: или подобные прочим, или не *очень значительно* отличающиеся от них? 6. *Ибо* что есть такого, что указывало бы на наше отличие от них? (Arnob. II. 16).
16.12. Они подвергаются болезням, истощению и наконец дряхлеют от старости; что же, а мы разве свободны от этих зол и не обессиливаемся таким же образом *тяготами болезней* и *не* разрушаемся от изнуряющей старости?[12]	16.12. Они подвергаются болезням, истощению и, наконец, дряхлеют от старости: что же? А мы разве свободны от этих зол, и не таким же ли образом *мы* обессиливаемся *тягостными болезнями* и разрушаемся изнуряющей старостью? (Arnob. II. 16).

[5] Арнобий имеет в виду демонов.
[6] Платон. Федон. 113 a-d.
[7] Тюленев 2009, 191.
[8] *злыми духами, по действию которых люди грешат и навлекают на себя осуждение на загробные мучения.*
[9] В диалоге «Федон».
[10] *Ахеронт, Стикс, Кокит и Пирифлегетонт – реки в Аиде.*
[11] Тюленев 2009, 192.
[12] Тюленев 2009, 193.

19. 6. Если был бы несомненен *тот факт,* что то, чему мы учимся, *является воспоминанием,* как это *закреплено в древних преставлениях,* то все мы, как происходящие от одной истины, должны были бы одно и то же знать и одно и то же вспоминать и не могли бы иметь различных, многочисленных и несогласных между собой *суждений.* Но *поскольку* теперь один из нас утверждает одно, а другой другое, то ясно и очевидно, что мы ничего не принесли с неба, но изучаем возникшее здесь и защищаем то, что утвердилось *на основании* догадок[13].

21.3. *Сама* приносимая пища всегда должна быть одна и та же, не *различаясь* по составу и не *разнясь* по вкусу, *а* именно каша из пшена или хлеб из полбы, или, *подражая* древним временам, желуди, поджаренные на горячем пепле, или ягоды с диких деревьев. 4. Употребление же вина должно быть совершенно *неведомо, а* для утоления жажды ничего не следует *предлагать* кроме чистой воды из источников, не согретой на огне и, если это возможно, *подносимой в голых руках*[14].

22.3. Не будет ли он в этом случае стоять тупее и *глупее* всякого скота, дерева, камня и не будет ли он среди новых предметов, *до этого неведомых ему*, не знать прежде всего себя самого? Сможет ли он, если его спросят, объяснить, что такое солнце, земля, *море,* звезды, облака, туман, дожди, громы, снег, град? *Сможет ли* он знать, что такое деревья, травы или злаки, вол, лошадь или баран, верблюд, слон или коршун? [15]

19. 6. Если же было бы несомненно, что то, чему мы учимся, *есть воспоминание*, как это *признается древними мнениями,* то все мы, как происходящие от одной истины, должны были бы одно и то же знать и одно и то же вспоминать и не могли бы иметь различных, многочисленных и несогласных между собой *мнений*. Но *так как* теперь один из нас утверждает одно, а другой — другое, то ясно и очевидно, что мы ничего не принесли с неба, но изучаем возникшее здесь и защищаем то, что утвердилось *вследствие* догадок (Arnob. II. 19).

21.3. Приносимая же пища всегда должна быть одна и та же, не *различная* по составу и не *разнообразная* по вкусу, *но [*именно*]* или каша из пшена или хлеб из полбы, или, *в подражание* древним временам, желуди, поджаренные на горячем пепле, или ягоды с диких деревьев. 4. Употребление же вина совершенно должно быть *неизвестным, и* для утоления жажды ничего не *должно быть предлагаемо* кроме чистой воды из источников, не согретой на огне, и, если возможно, *подаваемой пустыми руками.* (Arnob. II. 21).

22.3. Не будет ли он в этом случае стоять тупее и *бесчувственнее* всякого скота, дерева, камня и не будет ли он среди новых предметов, *которые прежде никогда не были ему известны,* не знать прежде всего себя самого? Сможет ли он, если спросят его, объяснить, что такое солнце, земля, *моря*, звезды, облака, туман, дожди, громы, снег, град? *Будет ли* он *в состоянии* знать, что такое деревья, травы или злаки, вол, лошадь или баран, верблюд, слон или коршун? (Arnob. II. 22).

[13] Тюленев 2009, 195.
[14] Тюленев 2009, 196.
[15] Тюленев 2009, 197

24.1. *О* Платон! Почему ты в *Меноне*[16] предлагаешь мальчику *разные* математические вопросы и на основании его ответов стараешься доказать, что мы не *учим* тому, что изучаем, а вспоминаем то, что знали прежде? Если он правильно отвечает тебе *(ведь* нам не следует отвергать достоверность того, что ты говоришь*)*, то это происходит не из знания вещей, а из его разумности. И *поскольку* он знает некоторые числа *благодаря каждо*дневному употреблению *их*, то он вникает в вопросы и таким образом постоянно дополняет и увеличивает [свои математические *по*знания]. 2. Но если ты действительно уверен в том, что души снизошли сюда [на землю] бессмертными и исполненными знаний, то перестань *рас*спрашивать этого мальчика, который, как ты видишь, знает вещи и находится в *обществе людей*, но призови к себе *того* сорокалетнего человека и расспроси его не о чем-то темном *и* загадочном, не о треугольниках и *квадратах*, не о том, что такое *кубическое или квадратное число*, девять восьмых или, наконец, четыре третьих, но спроси его о том, что общеизвестно: *чему равно* дважды два или дважды три. 3. Мы хотим видеть, хотим знать, что он ответит на вопрос, *решит* ли он предложенную ему задачу[17].

26.2. «*Она теряет память о прежнем из-за противления тела»*[19]. Но *откуда берется* это утверждение, что души не имеют телесной субстанции? Ибо что чуждо всякой телесности, то не встречает *сопротивления* от другого и не может *утрачивать* что-либо из своей силы, *[утрачивать]* то, что не может подвергаться соприкосновению

24.1. Почему ты, Платон, в *Меноне*[18] предлагаешь мальчику *некоторые* математические вопросы и на основании его ответов стараешься доказать, что мы не учимся тому, что изучаем, *но снова* вспоминаем то, что прежде знали? Если он правильно отвечает тебе — *ибо* нам не следует отвергать достоверность того, что ты говоришь, — то это происходит не из знания вещей, а из его разумности, и *так как* он знает некоторые числа *из еже*дневного употребления, то он вникает в вопросы и таким образом постоянно дополняет и увеличивает [свои математические знания]. 2. Но если ты действительно уверен в том, что души снизошли сюда [на землю] бессмертными и исполненными знания, то перестань спрашивать этого мальчика, который, как ты видишь, знает вещи и находится в *свойственных людям условиях*, но призови к себе этого сорокалетнего человека и расспроси его не о чем-то темном *или* загадочном, не о треугольниках и четырехугольниках, не о том, что такое *куб, квадрат,* девять восьмых или, наконец, четыре третьих, но спроси его о том, что общеизвестно: *какую сумму составляют* дважды два или дважды три. 3. Мы хотим видеть, хотим знать, что он ответит на вопрос, *разрешит* ли он предложенную ему задачу. (Arnob. II. 24).

26.2. «*Она утрачивает воспоминание о прежнем вследствие противоположения тела».* Но *на чем основывается* утверждение, что души не имеют телесной субстанции? Ибо что чуждо всякой телесности, то не встречает *препятствия* от другого, *противоположного ему*, и не может *утратить* что-либо из своей силы, то, что не может подвергаться соприкосновению

[16] Платон. Менон. 82-83.
[17] Тюленев 2009, 198.
[18] Plat. Menon. 82-83.
[19] Платон. Федр. 248 a-c.

с *чем-то* противоположным. Ибо как число, установленное вне тел, остается неприкосновенным и незыблемым, хотя бы оно загромождалось *тысячами* тел, *также* и душам, если они, как утверждают, бестелесны, необходимо не испытывать забвения *прошлого*, хотя бы они *и* были *обременены* крепкими телесными узами. 3. Мало того, *это* же самое *доказательство* показывает, что *души не только не бестелесны*, но и всё лишает их бессмертия и приводит к пределам, которыми обыкновенно ограничивается жизнь. Ибо все то, что по *разным неожиданным причинам* настолько *меняется и преображается*, что не *в состоянии сохранить* своей целостности, *необходимо признать* по природе способным к страданию. Что *же* склонно и доступно страданию, самой *своей* способностью к страданию *свидетельствует* о своей *тленности*[20].

28.2. *Ведь* если тело служит препятствием к тому, чтобы помнить то, *что душа знала уже давно, прежде чем стать человеком, то души* должны были бы *еще* более забывать то, что *они* делали по заключении в тела, нежели то, что [*они* делали], находясь вне их и до соединения с телами. *То*, что при вступлении в новое состояние уничтожает воспоминание о прежнем, это *же* должно совершенно уничтожать и *память* о происходившем в продолжении этого состояния[21].

28.3. Если же, как вы говорите, *души оказываются лишены возможности помнить* свои *занятия* и прежнее состояние *из-за препятствий, [чинимых] членами [тела],* то каким образом они, пребывая в телах, помнят и

с *чем-либо* противоположным. Ибо как число, установленное вне тел, остается неприкосновенным и *ненарушимым,* хотя бы оно загромождалось *тысячью* тел, *таким же образом* и душам, если они, как утверждают, бестелесны, необходимо не испытывать забвения *относительно прежнего*, хотя бы они были *связаны* крепкими телесными узами. 3. Мало того. *То* же самое *основание не только* показывает, что *они не безгласны*, но и лишает *все* их бессмертия и приводит к пределам, которыми обыкновенно ограничивается жизнь. Ибо все то, что *вследствие какой-либо причины* настолько *изменяется и преобразуется*, что не *может удержать* своей целостности, *должно быть признано* по природе способным к страданию. Но что склонно и доступно страданию, *это* самой способностью к страданию *дает знать* о своей *разрушимости* (Arnob. II. 26).

28.2. *Ибо* если тело служит препятствием к тому, чтобы помнить то, *что они знали уже давно, прежде чем они сделались людьми, то они* более должны были бы забывать то, что делали по заключении в тела, нежели то, что [делали], находясь вне их и до соединения с телами. Что при вступлении в новое состояние[22] уничтожает воспоминание о прежнем, это должно совершенно уничтожать и *воспоминание* о происходившем в продолжении этого состояния(Arnob. II. 28).

28.3. Если же *члены препятствуют*, как вы говорите, *душам вспоминать свои знания* и прежнее состояние, то каким образом они, *находясь* в телах, помнят и знают, что они — *души* и *что* не имеют телесной субстанции, что они одарены состоянием

[20] Тюленев 2009, 199-200.
[21] Тюленев 2009, 201.
[22] *При соединении души с телом.*

знают, что они *являются* душами и не имеют телесной субстанции, что они одарены состоянием бессмертия, какую ступень они занимают в мире, в какой степени они отличаются от Бога Отца, каким образом они *пришли* в эти нижние части мира, какие свойства и из каких кругов они получили, нисходя в эти места? 4. Каким образом, говорю я, они знают, что они *были весьма сведущи* и из-за *преграды тел* утратили то, что знали? Ведь также и этого они не должны были бы знать, если соединение с телом *приносит им некоторую пагубу*. Ибо знать то, чем ты был и чем перестал быть теперь, служит не знаком утраты памяти, а доказательством и признаком ее сохранения[23].

30.3. Ибо если справедливо то, что души не имеют никакого конца и продолжают существовать беспрерывно в *продолжении* всех веков и времен, то *какая опасность в том, чтобы*, презрев и оставив добродетели, которые ограничивают жизнь и делают ее более суровой, отдаться наслаждениям и с необузданным пылом и неограниченной *страстностью* броситься во все виды распущенности[24]?

30.4. Но как может *осквернить* себя то, что не имеет телесной субстанции, и каким образом осквернение может иметь место там, где нет никакого места, на котором могло бы остаться пятно *этой скверны*? Но, с другой стороны, если души, *как определяется положением* Эпикура, проходят через врата смер¬ти, то и в таком случае нет достаточного основания стремиться к философии, пусть даже справедливо было бы то, что через нее души очищаются и освобождаются от всякой *скверны*. 5. Ибо, если они вообще

бессмертия, какую ступень они занимают в мире, в какой степени они отличаются от Бога Отца, каким образом они *прибыли* в эти нижние части мира, какие свойства и из каких кругов они получили, нисходя в эти места? 4. Каким образом, говорю я, они знают, что они *обладали обширными знаниями* и из-за заключения в тела утратили то, что знали? Ведь также и этого они не должны были бы знать, если соединение с телом *причинило им ослабление*. Ибо знать то, чем ты был и чем теперь перестал быть, служит не знаком утраты памяти, а доказательством и признаком сохранения ее (Arnob. II. 28).

30.3. Ибо если справедливо то, что души не имеют никакого конца и беспрерывно продолжают существовать в *течение* всех веков и времен, то *какую опасность представляет*, презрев и оставив добродетели, которые ограничивают жизнь и делают ее более суровой, отдаться наслаждениям и с необузданным пылом неограниченной *страстности* броситься во все виды распущенности? (Arnob. II. 30).

30.4. Но как может *оскверняться* то, что не имеет телесной субстанции, и каким образом осквернение может иметь место там, где нет никакого места, на котором могло бы остаться пятно *от самого осквернения*? Но, с другой стороны, если души, *согласно с мнением* Эпикура, проходят через врата смерти, то и в таком случае нет достаточного основания стремиться к философии, хотя бы даже справедливо было то, что через нее души очищаются и освобождаются от всякой *пороч ности.* 5. Ибо, если они вообще умирают и вместе с телами *исчезают и уничтожаются*

[23] Тюленев 2009, 201.
[24] Тюленев 2009, 202.

умирают и вместе с *самими* телами *исчезает и уничтожается* жизнь и *чувство*, то *является* не только *величайшим заблуждением*, но и *безрассудным ослеплением* обуздывать природные влечения, стеснять жизнь, ни в чем не уступать природе, не *совершать* того, чего требуют и к чему побуждают страсти, коль скоро никакие на¬грады за такой подвиг не ожидают тебя, когда наступит день смерти и когда ты освободишься от телесных уз[25].	жизнь и *способность чувствования*, то *служит признаком не только величайшего заблуждения*, но и *безрассудного ослепления* обуздывать природные влечения, стеснять жизнь, ни в чем не уступать природе, не *исполнять* того, чего требуют и к чему побуждают страсти, коль скоро никакие награды за такой подвиг не ожидают тебя, когда наступит день смерти и когда ты освободишься от телесных уз (Arnob. II. 30).

Перечисление можно продолжать и далее. Впрочем, приведенного в сравнительной таблице достаточно, чтобы можно было констатировать факт наличия некорректного заимствования В. М. Тюленевым, которое, учитывая масштабы, вполне может быть определено как плагиат перевода Н. М. Дроздова.

При этом В. М. Тюленев не ограничивается практикуемой им заменой одного или нескольких слов предложения, он в ряде мест, как и следует доктору наук, предлагает свои *emendationes et correctiones* перевода Дроздова. В отдельных местах предложенные им варианты являются удачной заменой устаревших слов и даже ошибок[26]. Но этим ограничивается то положительное, что можно сказать о публикации В. М. Тюленева. Фантазия переводчика, порождённая незнанием языка и контекста, довершает дело.

Анализ перевода фрагмента II. 14.1 — 32.1 убеждает, что опубликованный за подписью В. М. Тюленева перевод «Арнобий. Из трактата «Семь книг против язычников», книга II. Фрагмент» — значительно ухудшенный перевод Дроздова. Главная причина этого, по нашему мнению, слабое знание Тюленевым латинской грамматики (*passim*), а также фигур и неправильностей латинского красноречия (с. 192, 195, 197, 203); незнание языка Библии и языка церковной латыни (с. 192, 199, 203); языка греко-римской культуры, в том числе философии (с. 192, 196, 202).

Явно обнаруживающееся стремление во что бы то ни стало представить опубликованный текст как новое прочтение источника, к сожалению, по нашему мнению, не имеет под собой базы — профессиональной подготовки для перевода такого сложного текста, что приводит к зачастую к затемнению и даже существенному искажению смысла текста Арнобия.

В подтверждение сказанного из множества имеющихся на с. 192–203 ухудшений перевода Дроздова приведем наиболее показательные примеры[27].

---

[25] Тюленев 2009, 203.

[26] 14.3. «Грязными водоворотами» вместо «грязными пучинами», 19.2. «сошники» вместо «плужников», 20.3 «подобие света во мгле» вместо «подобие света с присоединением тьмы», 26.2 Дроздов переводит *incorporeae* ошибочно как «безгласны», в переводе Тюленева — бестелесны.

[27] В скобках приводится соответствующий текст на латинском языке.

25.2. ...хотя бы и жил он [человек — А.К.] бесчисленное количество лет и никогда не избавлялся бы от телесного покрова (quamvis annis vivat innumeris et numquam nodis corporeis eximatur?.

Складывается впечатление, что В. М. Тюленев, видимо, убежденный Арнобием в схожести людей и животных, уподобляет человека змее, которая время от времени сбрасывает «телесный покров», избавляясь от старой кожи. У Арнобия же речь идет о телесных узах [души][28], сохраняющихся бесчисленные годы[29], т.е. о долгой жизни (*annis vivat innumeris*).

Перевод Дроздова: …хотя бы он жил бесчисленные годы и никогда не освобождался от телесных уз?

16.13. Ибо ведь и мы, и они обладаем одним общим свойством [res una], благодаря которому мы именуемся животными и имеющими движение и жизнь (Siquidem res eadem nobis et illis est una, per quam esse animantia dicimur et motum agitare vitalem).

«Общим свойством» — фантазия переводчика: на самом деле этим предложением Арнобий подводит итог рассуждениям о том, почему люди могут быть причислены к животным или, во всяком случае, не очень значительно от животных отличаются. Сообщенное в этих рассуждениях и является основанием[30] для причисления и людей, и животных к одной категории — категории одушевленных существ[31].

Перевод Дроздова: Так как они на том же основании, как и мы, называются одушевленными существами и имеющими движение и жизнь.

21.4. Употребление же вина должно быть совершенно неведомо[32], а для утоления жажды ничего не следует предлагать кроме чистой воды из источников, не согретой на огне и, если это возможно, подносимой в голых руках[33]. Ибо привычка сформирует у него обыкновение, которое обратится в природу, и аппетит[34] его не будет простираться далее, поскольку он не будет знать, что существует большее, чего можно желать (Potio autem vini sit prorsus incognita nec sedandae aliud admoveatur siti quam liquor purus e fontibus caldore ignis intactus et, si fieri potis est, manibus subministratus cavis. Fiet enim familiaris e more consuetudo in naturam versa nec adpetitio porrigetur ulterius, esse amplius nesciens quod petatur).

---

[28] *nodus, i m* — узел, пояс; связь, узы; *eximo, 3* — вынимать; устранять, удалять, освобождать

[29] «Бесчисленное количество» — в тексте не имеется соответствия слову «количество»; *annis innumeris* — неисчислимые (бесчисленные) годы.

[30] *res, rei f.* значения «свойство» не имеет, здесь — причина, основание; *per + Acc.* — через посредство, посредством; из-за, по причине, вследствие. Буквально: Так как одно и то же основание есть для нас и для них, по приине которого мы называемся…

[31] *Animans, -ntis* — живое существо, живой организм, животное (в противоположность растению); одушевленное существо, иное, чем человек.

[32] *incognitus, a, um* — нерасследованный; неизвестный (словарь Льюиса и Шорта дает значения со ссылкой на употребление Цицерона I. *Not examined, untried:* II. *Not known, unknown* (Cic. Off. 1. 6, 18: *"ne incognita pro cognitis habeamus"*) — при переводе не следует, как это сделал Тюленев, переводить прилагательное как наречие («неведомо» вместо «неведомым»)

[33] *manibus cavis* — пустыми руками, т.е. в сложенных горстью ладонях — *cf. Tib.: cava manus* — сложенная горстью ладонь; *cavus, a, um* — пустой, выдолбленный, полый.

[34] «Аппетит» — фантазия переводчика: *adpetitio, onis f* - желание, стремление, наклонность, склонность.

Голыми руками (т.е. руками без оружия) можно сражаться, видом голых (обнаженных) рук можно соблазнить, но подносить воду «голыми руками» — буквализм, ибо воду, если не оговорено иное, только голыми руками и носят. *Fiet consuetudo familiaris* — не привычка «сформирует обыкновение» *(mos, moris m)*, как «перевел» Тюленев, а, напротив, употребление/обыкновение *(e more)* — обычную (постоянную) привычку[35].

Перевод Дроздова: Употребление же вина совершенно должно быть неизвестным, и для утоления жажды ничего не должно быть предлагаемо кроме чистой воды из источников, не согретой на огне и, если возможно, подаваемой пустыми руками. Ибо вследствие употребления [у него] образуется постоянная привычка, обратившаяся в природу, и желание не будет простираться далее вследствие незнания о том, что есть еще большее, чего можно желать.

26.3. Мало того, это же самое доказательство[36] показывает… но и всё лишает их [души — А.К.] бессмертия… (Quid quod eadem ratio… indicat… verum etiam privat immortalitate has omnis).

«Всё лишает» — не «всё лишает их [души] бессмертия», как передал Тюленев, а «лишает все [души] их бессмертия»: *privat has [=animas] immortalitate omnis*[37]. Перевод Дроздова: Мало того. То же самое основание не только показывает… но и лишает все их бессмертия…

25. 2. Но если он познакомится со школой и будет научен и наставлен учителями, то станет сведущим, образованным и оставит бывшее у него прежде невежест во (Sed cum scholas attigerit et magistrorum fuerit institutionibus eruditus, efficitur prudens, doctus et quam nuper habuerat imperitiam ponit).

Арнобий, разъясняя мысль о том, что душа человека и сам человек не обладают знаниями изначально, а могут получить знания только в процессе обучения, говорит не о некоем «знакомстве» со школой, а о поступлении в школу для учебы[38].

Перевод Дроздова: Но если он поступит в школу и будет обучен и наставлен учителями, то делается сведующим, образованным и оставляет свое прежнее незнание.

28.4. Каким образом, говорю я, они знают, что они были весьма сведущи и из-за преграды тел[39] утратили то, что знали? Ведь также и этого они не должны

---

[35] *e (ex) + Abl.* — из; по причине, вследствие, из-за. *in naturam versa (versus, a, um — part. perf.)*, переводится причастным оборотом, а не придаточным предложением.

[36] «Доказательство» — переводчик использовал значение из словаря Дворецкого, не проверив его на соответствие контексту предложения: доказательство не может лишить бессмертия кого-либо. Здесь *ratio, onis* — основание (душа после попадания в тело человека лишается части своей силы, в том числе забывает все, что знала, находясь в идеальном мире).

[37] *has Acc. Pl.; omnis, e* — весь, всякий, *omnis — Gen.*; всё — *omnia, ium n. Pl.*

[38] *attingo, tigi, tactum, 3* — прикасаться; доходить, достигать (см. словарь Льюиса и Шорта дает значения: II. *Trop. A. In gen., to touch, affect, reach B. To come near to in quality, to be similar; or to belong to, appertain to, to concern, relate to*)

[39] «Из-за преграды тел» — буквальный перевод, который требует уточнения — «из-за заключения в тела». Словарь Льюиса и Шорта дает ссылку на Арнобия как пример употребления слова *obstructio* в этом значении — закрывание, запирание, затруднение прохода или продвижения I. *a building before or against, a closing up by building, a blocking up. I. Lit. (post-class.): "corporum,"* Arn. 2. 63.

были бы знать, если соединение с телом приносит им некоторую[40] *пагубу (Quemadmodum, inquam, sciunt doctissimas se fuisse et obstructione corporum amisisse quae noverant? Et hoc ipsum enim nescire debuerant, si aliquid eis labis corporalis invexi esset adiunctio).*

«Пагубу» — также пример неоправданной вне контекста предложения архаизации языка перевода. Тюленев опирается на словарь Дворецкого, который в статье *labes, is f* дает третьим значением «порча, пагуба, гибель»[41]. Значение устаревшего слова «пагуба» — погибель, беда, несчастье. Однако первые значения в словаре Дворецкого, как и в Оксфордском словаре латинского языка, — падение, порча, недуг. Трудно представить, как можно «приносить некоторую погибель», но как «причинить порчу» — вполне понятно.

Перевод Дроздова: Каким образом, говорю я, они знают, что они обладали обширными познаниями и из-за заключения в тела утратили то, что знали? Ведь также и этого они не должны были бы знать, если соединение с телом причинило им ослабление.

Как видно, огрехи перевода, на первый взгляд кажущиеся незначительными, на самом деле свидетельствуют не только о незнании латинской грамматики и лексики, языка церковной латыни, но и о незнании доктором исторических наук азов античной мифологии. В отличие от современного «переводчика», Н. М. Дроздов к этому месту дал обширный комментарий (примечания 53–54)[42].

Воспроизводя в основе своей текст перевода Н. М. Дроздова дословно, В. М. Тюленев не считает нужным воспроизвести сопровождающие перевод комментарии к тексту. К опубликованному в альманахе отрывку Тюленев дает 8 примечаний, из которых 4 — указания на конкретные места у Платона и Вергилия, сведения из которых приводит Арнобий, 3 комментария состоят из одного короткого предложения.

Между тем Н. М. Дроздов дал 28 примечаний к фрагменту Арнобия II. 14–32, многие из них — развёрнутые. Комментарии Дроздова, как мы уже видели, позволяют современному читателю понять содержание текста Арнобия, оценить взгляды Арнобия-апологета. Так, Н. М. Дроздов не только указывает на то, что представления Арнобия (II.14.6) о природе и происхождении человеческих душ расходятся с христианским учением, но и в комментарии объемом ¾ страницы приводит взгляды Арнобия на телесность души, обнаруживает влияние взглядов Платона, сравнивает взгляды Арнобия и Тертуллиана, Арнобия и Лактанция, приводит мнение отцов церкви (Arnob. II. 14, 15).

Все вышеизложенное даже при желании нельзя назвать мелочными придирками: редколлегия альманаха Cursor mundi сама отмечает, что рассуждения Арно-

---

[40] «Некоторую» — Тюленев принимает винительный падеж местоимения среднего рода *aliquid* (кто-либо, что-либо), часть оборота *Acc. cum inf. aliquid… invexi*, за наречие *aliquid* (кое-как, до некоторой степени).

[41] Дворецкий 1986, 435.

[42] Прим. 53: Арнобий имеет в виду те виды наказаний, которым подвергались в аду, по представлениям древних, преступники, в частности, сказания об Иксионе, по которым он в аду был прикреплён к огненному, быстро и беспрерывно вращающемуся колесу. Прим. 54: Здесь имеются в виду сказания о загробных мучениях Тантала, который должен был трепетать ежеминутно, видя над головой у себя нависшую, готовую обрушиться скалу. Такое же наказание некоторыми сказаниями приписывается Иксиону.

бия, приведенные в книге II, «составляют важнейшую часть его антропологии»[43], а Тюленев считает, что представленный им отрывок сочинения Арнобия «позволит дать читателю общее представление об отношении этого латинского христианского апологета к человеку в целом и о его трактовке души в частности»[44]. Изучение представлений предусматривает анализ содержания, терминологический анализ, изучение контекста. Искажения, ошибки и неточности опубликованного Тюленевым «перевода» позволят изучить скорее не представления Арнобия, а представления профессора Тюленева о взглядах Арнобия на человека. Перед нами не только пример научной недобросовестности (некорректное заимствование, вполне подходящее под определение «плагиат»), но и пример того, как можно превратить добротный перевод — источник знаний — в отравленный источник.

К сожалению, этот пример заразителен. В 2013 г. ученица Тюленева в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук[45] представила как собственный перевод Арнобия Adversus nationes. I. 32 («перевод наш. — *В.С.*») всего лишь уточненный ею перевод Дроздова[46], в который также, как и у Тюленева, внесены правки непринципиального стилистического характера, не меняющие смысла, но ухудшающие перевод Дроздова[47]. Диссертационный совет Д 212.062.02 при Ивановском государственном университете такую практику одобрил, присвоив своим решением от 31 мая 2013 г. В. Н. Солнцевой искомую степень.

---

[43] Cursor Mundi 2009, 7.

[44] Тюленев 2009, 190.

[45] Солнцева 2013, 117.

[46] Отличающиеся места перевода выделены курсивом:

Перевод Солнцевой	Перевод Дроздова
Ибо такую же *опасность* представляет попытка путем аргументации доказать, что Бог есть верховное существо, как и желание доказательствами подобного рода убедиться в том, что Он существует. *Нет никакой разницы* и не важно, отрицаешь ли ты Его или доказываешь и признаешь бытие Его, потому что одинаковую погрешность *имеет* и доказывание такой истины, и отрицание неверующего опровергателя.	Ибо такую же *смелость* представляет попытка путем аргументации доказать, что Бог есть верховное существо, как и желание доказательствами подобного рода убедиться в том, что Он существует. Не важно также и *безразлично*, отрицаешь ли ты Его или доказываешь и признаешь бытие Его, потому что одинаковую погрешность *составляет* и доказывание такой истины, и отрицание неверующего опровергателя.

[47] Arnobius. Adversus nationes. I.32: Tam est enim periculosum argumentis adgredi deum principem conprobare quam ratione huiusmodi esse illum velle cognoscere. Nec quicquam refert aut discrepat, utrumne neges illum an asseras atque existere fatearis, cum in eadem culpa sit et adsertio talis rei et abnegatio refutatoris increduli.

Глагол *sit* не может быть переведен как *«имеет»*, так как *«…in eadem culpa sit et adsertio… et abnegate»* буквально переводится: «*находится в той же ошибке/погрешности и доказывание… и отрицание*». С точки зрения грамматики латинского языка (союзы с безличными глаголами *Nec refert… aut discrepant*) и для передачи ораторского мастерства Арнобия лучше вариант, предложенный Дроздовым: «*не важно и безразлично*».Если уж приводить текст перевода Дроздова в соответствие с современным русским языком, то возможен вариант «…потому что одинаковой погрешностью *является* и доказывание такой истины, и отрицание неверующего опровергателя». Но и в этом случае речь идет лишь *о приведении перевода Дроздова в соответствие с нормами современного русского языка*, но никак не об авторстве перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Дворецкий И. Х. 1986: Латинско-русский словарь. М.

Солнцева В. Н. 2013: Проблема человека в сочинениях христианских апологетов III — начала IV вв. Арнобия и Лактанция: дисс. … канд. ист. наук.

Тюленев В. М. 2009: Арнобий. Из трактата «семь книг против язычников. Книга II. Фрагмент, пер. с лат, вступ. ст. и прим. В. М. Тюленева // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 2, 189–203.

Cursor Mundi 2009: Человек Античности, Средневековья и Возрождения. Вып. 2, 3–8.

McCracken G. E. 1949: Critical Notes to Arnobius' "Adversus nations" // Vigiliae Christianae. Vol. 3. 1 (Jan.).

POISONED SPRING OR ON EARLIER AND "NEW" TRANSLATION OF ARNOBIUS

A. V. Karaseva

The article discusses some problems of the translation of classical authors of the Late Antiquity into modern Russian. While aims of translation are to produce new improved variant in conformity with modern classical studies just as much to give the opportunity for those who are interested in ancient history but have no linguistic training, the translator ought to answer exacting demands. Some translations of Latin classical texts made by Russian scientists in the 19th–20th centuries can be used even now after some correcting including the use of modern Russian. However some modern translations of old Latin texts are wide open to criticism. Thus V. M. Tjulenev (professor of Ivanovo State University) published the translation of the Book II. 14-32 of Arnobius' *Adversus Nationes* as his own new one. In reality, it is based on the translation by N. M. Drosdov made in 1917, and more than that V. M. Tjulenev worsened it because of misunderstandings and even mistakes in Latin. So in the case of "translation" by V. M. Tjulenev we have not only worsened variant of the text of Latin author in Russian but the example to imitate: Tjulenev's post-graduate student and follower V. N. Solntzeva also declared the fragment of N. M. Drosdov's translation as her own

Key words: translation, Arnobius, V. M. Tjulenev

А. М. Болгова

ПРОКОПИЙ ГАЗСКИЙ: РИТОР И БОГОСЛОВ

В работе исследуется наследие видного деятеля Газской школы VI века Прокопия Газского. В нем достаточно резко выделяется две части — античная и христианская. Первая представляет собой риторические упражнения, панегирики, письма, вторая — комментарии (катены) к Библии. Отмечается бурный всплеск интереса к

Болгова Анна Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета. E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

наследию Прокопия в зарубежной науке с начала нынешнего столетия. В России специальных работ о Прокопии нет, переводов его сочинений также нет.

Ключевые слова: Прокопий, Газа, наследие, историография

Прокопий Газский (ок. 475–528 гг. н. э.) — один из наиболее ярких представителей Газской христианской риторической школы V–VI вв., феномена в истории ранневизантийской культуры, где синтез классического и христианского наследия достиг наиболее плодотворного выражения. В этой школе будущие епископы и священники учились красноречию на примерах из неопасной уже для них классической античной мифологии.

Среди многочисленных авторов Газской школы, сочинения которых сохранились до наших дней, одно из центральных мест занимает Прокопий Газский. Его наследие четко делится на две группы — христианскую и античную.

Среди христианских сочинений — комментарии к различным книгам Ветхого Завета, а также отрывок «Опровержение Прокла» (изданы в «Греческой патрологии», т. 87). Важно отметить, что именно Прокопию принадлежит первенство в жанре катен («цепей») — комментариев в виде маргиналий на полях[1].

Античная часть наследия Прокопия более разнообразна: это 7 речей (3 декламации — о весне I–II и о розе и 4 этопеи — о пастухе, о морской торговле, об Афродите, о Фениксе), 2 экфрасиса (описание часов на рынке Газы и картины «Федра и Ипполит»), 2 панегирика (императору Анастасию и стратигу Азиатику)[2], а также 2 монодии (на храм св. Софии и на обрушение его купола; их принадлежность сомнительна).

Наиболее важное значение исторического источника имеет корпус писем Прокопия, в которое включают 166[3], а в последнее издание Э. Амато — 174 письма (в «Греческой патрологии» — 104). В письмах Прокопий предстает как меценат и любезный учитель, который поддерживал хорошие отношения со своими учениками. Его переписка также содержит много сведений об отношениях с коллегами-профессорами и дает представление об академической среде в Газе и других интеллектуальных центрах, таких как Антиохия и Александрия.

Прокопий обращается в своих письмах к широкому кругу людей — родственникам, друзьям, коллегам, риторам, учащимся и т.д. — и выражает мнение относительно самых разнообразных ситуаций. Часто ученый в нем как бы оттесняет человека на второй план, однако за сложностью литературного стиля Прокопия мы можем увидеть и определенные черты его внутреннего мира. Вместе с дружбой и семейными связями наибольшее значение имеют для него отношения с учениками. Аудитория Прокопия предстает как сообщество, которое разделяет те же нравственные ценности и культурные вкусы, что и он. В рамках этого сообщества искусство Прокопия находит свое оправдание: он является «софистом», то есть арбитром красноречия, и в то же время высокоморальным человеком, христианином, который может вести своих современников в нужном направлении, напоминая им о добродетельных примерах. Картина образов адресатов Прокопия, предстающая в его письмах, совпадает с описанием Газы и аудитории ритора как

[1] Seid s.a.
[2] Rose di Gaza 2010.
[3] Garzya-Loenertz 1963.

«роя мудрых пчел», который колеблется между языческим наследием и христианской духовностью.

Его сложный и весьма риторический язык вторит его обширной культуре. Язык Прокопия постоянно колеблется между буквальным и метафорическим. Смесь древних и современных терминов, языческих и христианских выражений, а также очень частые ссылки и аллюзии на древние тексты несут ответственность за безвестность Прокопия, но, конечно, ему давалась высокая оценка получателями писем.

Современная наука до сих пор уделяла мало внимания своду писем Прокопия Газского, их искусственный и часто неясный стиль, по сути, представляет собой вызов для читателей и переводчиков. В самом деле, эти письма передают важную информацию о самом авторе и его культурной среде. Эти письма передают важную информацию об отношении автора к своему искусству, в то же время, они повышают картину роли Газы и ее окружения в результате работ других авторов из Газы V–VI вв. Превращение писем Прокопия в доступные для современных читателей будет способствовать дальнейшему изучению так наз. Третьей софистики.

Издание сочинений Прокопия имело своеобразную историю. После опубликования христианских трудов в 1863 г. (включая монодии) в нем наступил длительный перерыв. Недостающие части христианского корпуса были изданы в Бельгии лишь в 1978 г.[4].

Переписка Прокопия впервые была опубликована в 1873 г. в корпусе греческих эпистолографов. Новое издание вышло в 1963 г. вместе с впервые опубликованными декламациями.

Спустя полвека, в 2009 г., вышло здание риторически-софистических сочинений под редакцией Эудженио Амато в тейбнеровской коллекции (Берлин — Нью-Йорк)[5]. Наконец, в 2010 г. в Италии выходит еще одно издание писем вместе с итальянским переводом, подготовленное почти тем же научным коллективом во главе с Э. Амато, включающее все риторическо-софистические сочинения Прокопия,.

Панегирик императору Анастасию (в прозе) — весьма важный исторический источник — после издания в PG 1863 г. неоднократно переиздавался: в 1986 г. в Бонне (А. Шово)[6], в 2005 г. в Неаполе (Дж. Матино)[7], и, наконец, в обоих изданиях Э. Амато (2009, 2010).

Риторические сочинения, как уже отмечалось, впервые были изданы в Эттале в 1963 г.; в 2006 г. во Фрибуре была издана «Орология» (К. Перне)[8], а в 2009 и 2010 г. — уже упомянутый полный корпус античных сочинений.

Завершением кропотливой работы над античной частью наследия Прокопия Газского стал выход в 2011 г. в Бельгии тезауруса к его сочинениям (Э. Амато)[9].

Исследование собственно текстов и содержащихся в них идей насчитывает в Европе полтора столетия. Однако интерес к наследию Прокопия был волнообразен и переживал времена подъема и спада.

[4] Leanza 1978.
[5] Amato-Ventrella 2009.
[6] Chauvot 1986.
[7] Matino 2005.
[8] Pernet 2008.
[9] Thesaurus 2011.

В конце XIX — начале XX в. Прокопию Газскому уделялось немного внимания, причем преимущественно в Германии. Здесь следует назвать единственную специальную монографию Л. Айзенхофера (1897)[10], а также диссертацию К. Кемпена о Панегирике Анастасию (1918)[11] и книгу о катенах на Октатевх Э. Линдля (1902)[12].

Если христианская сторона наследия Прокопия привлекала в последние десятилетия внимание совсем немногих исследователей (можно назвать лишь статью Т. Зейда о зарождении катен в Газской школе и издание катен на Элллезиаст С. Леанца), то в самые последние годы бурное развитие получили исследования в области классических трудов Прокопия, преимущественно в Италии и Франции.

На первое место среди исследователей такого рода нужно поставить профессора университета в Нанте Эудженио Амато. Именно он предпринял основные издания античных сочинений Прокопия (2009, 2010), сопровождающихся аналитическими статьями. Среди основных рассматриваемых им тем, начиная с 2005 г., можно назвать «Античное и христианское у Прокопия Газского: аллегория евхаристического вина»[13], «Неизвестное сочинение Прокопия: о браке Мелетия и Антонины»[14], «Прокопий и День роз: Платонический Эрос, христианская Агапэ и мимические спектакли в позднеантичной Газе»[15], «Утраченные prolalia Прокопия (фр. 31) и эпидейктический контекст Прокопиевых описаний»[16], «Аллюзии на Эсхила и Пиндара у Прокопия и Иоанна Лида»[17], «Некоторые неопубликованные письма Прокопия и ритор Мегеций»[18], «Прокопий как образец для Экфрасиса Палатинской капеллы в Палермо Филагата»[19] и др.

Заметный вклад в издание сочинений Прокопия 2010 г. внес Джанлука Вентрелла. Ему принадлежат разделы об этопеях, структуре и топосах Панегирика Анастасию, имперской идеологии Прокопия. Среди его работ — рецензии на отдельные издания Панегирика Анастасию[20], элогия к винценналиям Анастасия как гипотетическое уточнение датировки Панегирика[21] и др.

Итало-американский антиковед Федерика Чикколелла в итальянском издании 2010 г. подготовила вводную статью к корпусу писем Прокопия Газского.

Итальянский исследователь из Университета Базиликата Альдо Корселла издал погребальную речь Хорикия на смерть Прокопия, а также статью о принадлежности Прокопию или Хорикию трех точно не атрибутированных монодий[22].

К текстологии Прокопия в последние годы также обращался Ч. Лукарини[23].

---

[10] Eisenhofer 1897.
[11] Kempen 1918.
[12] Lindl 1902.
[13] Amato 2010.
[14] Amato 2011–2012.
[15] Amato 2010a.
[16] Amato 2011.
[17] Amato 2005.
[18] Amato 2005a.
[19] Amato 2012.
[20] Ventrella 2010.
[21] Ventrella 2013.
[22] Corcella 2011–2012.
[23] Lucarini 2011–2012.

Ряд работ о Прокопии подготовила Дж. Матино (о письмах, о Панегирике, о театре)[24].

Англоязычная историография обращалась к наследию Прокопия значительно меньше. Австралийский византолог Брайан Кроук проанализировал идеологию Панегирика Анастасию в плане сравнения данного императора с Помпеем Великим[25]. Кристофер Джонс на основании 18 главы Панегирика подготовил статью о водоснабжении ранневизантийского Иерусалима («священного города»)[26].

В других странах в последнее время также появились отдельные исследователи Прокопия, внесшие определенный вклад в разработку его наследия. Дэвид Вестберг из Швеции рассмотрел эротические и сезонные празднества у Прокопия[27]. В. тер Хаар Ромни из Голландии обратился к «библиотеке» Прокопия Газского, т.е. к его источникам[28]. Исследователь из Израиля Рина Тальгам в статье об экфрасисе картины у Прокопия подняла темы распространенности мифологических сюжетов в ранневизантийской Палестине[29].

В отечественной науке Прокопий Газский и его труды не привлекали совершенно никакого внимания исследователей. До 2014 г. о нем не было выпущено ни одной специальной работы. Лишь в монографии В. Е. Вальденберга, подготовленной к печати в 1931 г., но опубликованной только в 2008 г.[30], был проанализирован Панегирик Анастасию с точки зрения истории политических идей Ранней Византии. Однако эта публикация оказалась весьма своевременной и актуальной в контексте тренда европейской науки на фоне резкого увеличения интереса к Прокопию в европейской историографии в течение последнего десятилетия.

Таким образом, одна из ключевых фигур ранневизантийской культуры — Прокопий Газский — постепенно выходит на одно из ведущих мест в плане изучения культурного континуитета, постепенного «переформатирования» классического наследия, облеченного в христианскую оболочку, в Ранней Византии[31].

Прокопиево время — эпоха императоров Анастасия и Юстина I — приобретает ныне еще большее значение в плане анализа истоков «византинизма», достигшего полного раскрытия своего потенциала уже при Юстиниане Великом.

ЛИТЕРАТУРА

Болгова А. М. 2014. Прокопий Газский и его наследие в европейской историографии // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Воронеж (в печати).

Вальденберг В. Е. 2008: История византийской политической литературы. СПб.

Amato E.-Ventrella G. 2009: Procopius Gazaeus. Opuscula rhetorica et oratoria / omnia primum collegit, edidit, apparatu critico instruxti E. Amato, adiuvante G. Ventrella. Berlin; New York.

Amato E. 2005: Due problematiche allusioni ad Eschilo e Pindaro in Procopio di Gaza e Giovanni Lido // Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge, 148. 3–4, 418–422.

[24] Matino 2001.
[25] Croke 2008.
[26] Jones 2007.
[27] Westberg 2009.
[28] ter Haar Romeny 2007.
[29] Talgam 2004.
[30] Вальденберг 2008, 150–165.
[31] Болгова 2014.

Amato E. 2005a: Sei epistole mutuae inedite di Procopio di Gaza ed il retore Megezio // BZ. 98, 367–382.

Amato E. 2010: Paganesimo e cristianesimo in Procopio di Gaza: su un'incompresa allegoria del vino eucaristico // Athenaeum. 98, 503–513.

Amato E. 2010a: Procopio di Gaza e Il Dies rosarvm: Eros platonico, agape cristiana e spettacoli pantomimici nella Gaza tardoantica // Eruditio Antiqua. 2, 17–46.

Amato E. 2011: Una perduta prolalia di Procopio di Gaza (fr. 31 Amato) ed alcune considerazioni sul contesto epidittico delle Descriptiones procopiane (con un'appendice su Tzetze lettore di Procopio) // Medioevo Greco. 11, 7–12.

Amato E. 2011–2012: Un discorso inedito di Procopio di Gaza: in Meletis et Antoninae nuptias // Revue des Études Tardo-antiques. 1, 15–69.

Amato E. 2012: Procopio di Gaza modello dell'ekphrasis di Filagato da Cerami sulla Cappella Palatina di Palermo // Byzantion. 82, 1–16.

Chauvot A. 1986: Procope de Gaza, Priscien de Cesaree. Panegyriques de l'empereur Anastase 1er. Bonn.

Corcella A. 2011–2012: Tre nuovi testi di Procopio di Gaza: una dialexis inedita e due monodie gia attribuite a Coricio // Revue des Études Tardo-antiques. 1, 1–14.

Croke B. 2008: Poetry and Propaganda: Anastasius I as Pompey // GRBS. 48, 447–466.

Eisenhofer L. 1897: Procopius von Gaza. Freiburg.

Garzya A.-Loenertz R. L. 1963: Procopii Gazaei epistolae et declamationes // Studia patristica et Byzantina. Ettal.

Jones Chr. 2007: Procopius of Gaza and the Water of the Holy City // GRBS. 47, 455–467.

Kempen C. 1918: Procopii Gazaei In Imperatorem Anastasium Panegyricus, diss. Bonn.

Leanza S. 1978: Procopii Gazaei Catena in Ecclesiasten // Corpus Christianorum. Series Graeca 4. Turnhout; Brepols.

Lindl E. 1902: Die Oktateuchcatene des Prokop von Gaza. Munich.

Lucarini C. M. 2011–2012: Sul testo del nuovo Procopio // Revue des études tardo-antiques. 1, 129–136.

Matino G. 2001: Considerazioni linguistiche e testuali sul Panegirico per l'Imperatore Anastasio I di Procopio di Gaza // Mnemosynon. Studi di letteratura e di umanità in memoria di Donato Gagliardi. Napoli. 375–386.

Matino G. 2005: Procopio di Gaza. Panegirico per l'Imperatore Anastasio. Napoli.

Pernet Chr. 2006: Procope de Gaza La Description de l'Horloge. Traduction, commentaire, mémoire. Fribourg.

Romeny B. ter Haar. 2007: Procopius of Gaza and His Library // From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron / H. Amirav, B. ter Haar Romeny (eds.). Leiden, 173–190.

Rose di Gaza 2010: Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. Alessandria.

Seid T. W. s.a.: Origins of Catena in Gaza. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.earlham.edu/ ~seidti/iam/catena.html

Talgam R. 2004: The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia During the Fifth and Sixth Centuries // Christian Gaza in Late Antiquity / B. Bitton-Ashkelony, A. Kofskym (ed.). Brill; Leiden; Boston, 209–234.

Thesaurus 2011: Thesaurus Procopii Gazaei opuscula, epistulae et fragmenta: / curantibus E. Amato, B. Kindt et Cental. Turnhout.

Ventrella G. 2010: A proposito di una recente edizione del Panegirico dell'Imperatore Anastasio I di Procopio di Gaza // Byzantion. 25, 456–479.

Ventrella G. 2013: Un éloge pour les Vicennalia d'Anastase Ier Nouvelles hypothèses sur le contexte et la datation du Panégyrique de Procope de Gaza // L'École de Gaza. Espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité Tardive. Paris, 21–22.

Westberg D. 2009: The Rite of Spring: Erotic Celebration in the Dialexeis and Ethopoiiai of Procopius of Gaza // Plotting with Eros: Essays on the Poetics of Love and the Erotics of Reading / I. Nilsson (ed.). Copenhagen, 187–211.

Приложение 1.

Античные (риторические и софистические) сочинения Прокопия

Декламации	Этопеи	Экфрасисы	Панегирики	Монодии	Эпистолография
На весну I	О пастухе	Орологий (описание часов на рынке Газы)	Панегирик стратигу Азиатику (неполн.)	Описание храма св. Софии (сомнит.)	Письма
На весну II	О морских торговцах	Описание картин («Федра и Ипполит»)	Панегирик императору Анастасию	Монодия на обрушение купола храма св. Софии (сомнит.)	
На розу	Об Афродите				
	О Фениксе				

Богословские сочинения Прокопия

1	Ответ Проклу.
2	Комментарии на Бытие.
3	Комментарии на Октатевх (Исход, Левит, Числа, Второзаконие, Иисуса Навина, Судей, Царств, Паралипоменон).
4	Комментарии на Притчи Соломона (сомнит.?).
5	Катена на Песнь Песней (сомнит.?).
6	Фрагменты из Комментариев из других кодексов.
7	Комментарии на книгу пророка Исайи.
8	Катена на книгу Экклезиаста.

PROCOPIUS OF GAZA: RHETORICIAN AND THEOLOGIAN

A. M. Bolgova

The paper deals with the heritage of great Gaza scholar of the 6th century AD, Procopius. It stands out two different parts: Antique and Christian. The first part is a rhetorical exercise, eulogies, letters. Second one is his comments (*catenae*) to the Bible. We note the rapid surge of interest in Procopius' heritage in foreign science since the beginning of this century. In Russia there are no special works on Procopius or translations of his work.

Key words: Procopius of Gaza, heritage, historiography

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2014 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

Северное Причерноморье

© 2014

И. Н. Шейко

ПЕРГАМСКИЕ И ЭФЕССКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ ИЗ ОЛЬВИИ (ИМПОРТ И МЕСТНЫЕ ИМИТАЦИИ)

В статье проанализирована серия светильников и их фрагментов III в. до н.э. — I в. н.э. с элементами различных орнаментов из раскопок в Ольвии. Изделия представлены серо-, светло- и красноглиняными экземплярами с различным покрытием. Форма тулова светильников типична для эллинистического времени — биконическая и округлая, на невысоком поддоне. Большинство фрагментов представляют привозные типы, в основном из Эфеса и Пергама. Также в коллекции присутствуют местные ольвийские реплики светильников, которые отличаются составом глины и отсутствием какого-либо покрытия. Кроме того, на примере отдельных форм рассмотрен вопрос о технологии производства данных изделий.

Ключевые слова: светильники, Ольвия, эллинизм

Интерес к материальной культуре античных городов Северного Причерноморья вызван прежде всего системным недостатком обобщающих работ по подобной проблематике. Такое утверждение вполне относится и к светильникам, несмотря на то что в последние годы осветительные приборы античного времени привлекают внимание исследователей все чаще. Тем не менее, работа, направленная на изучения коллекций светильников из разных центров региона, еще далека от завершения. И в этом плане большая и разнообразная в типологическом плане коллекция светильников Ольвии представляет значительный интерес. В ней выделяется компактная группа изделий эллинистического времени, которая составляет 65 изделий с различными орнаментами и заслуживает отдельного рассмотрения. Они позволяют проследить динамику импорта светильников из нескольких средиземноморских центров и попытаться выявить их имитации.

Различные орнаменты, которые применялись в декорировании светильников, характерны для керамической продукции именно эпохи эллинизма. Светильники этого времени имеют вариантную (в сравнении с предыдущим архаико-классическим временем) морфологию формы, определенную форму рожка и, как правило, вертикально посаженную ручку. Прослеживается четкая тенденция к изменению

Шейко Ирина Николаевна — аспирантка Национального университета «Киево-Могилянская академия», лаборант отдела античной археологии Института археологии НАН Украины. E-mail: ira.sheiko@gmail.com

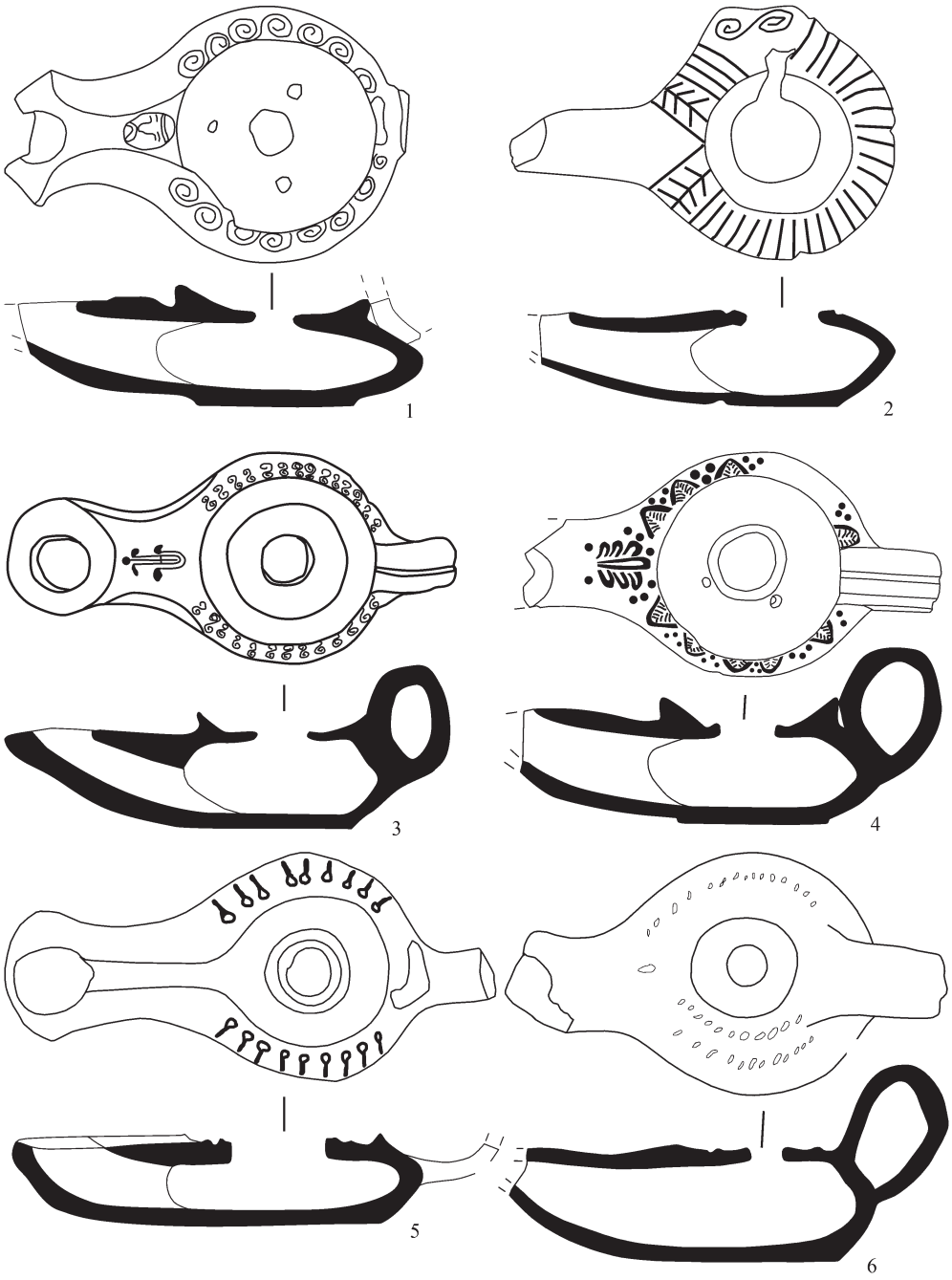


Рис. 1

1 - О-80/ЮЗА/463; 2 - БУ/1659; 3 - Б1-68/1052; 4 - О-61/А-2386; 5 - О-20/А-1171; 6 - О-61/206

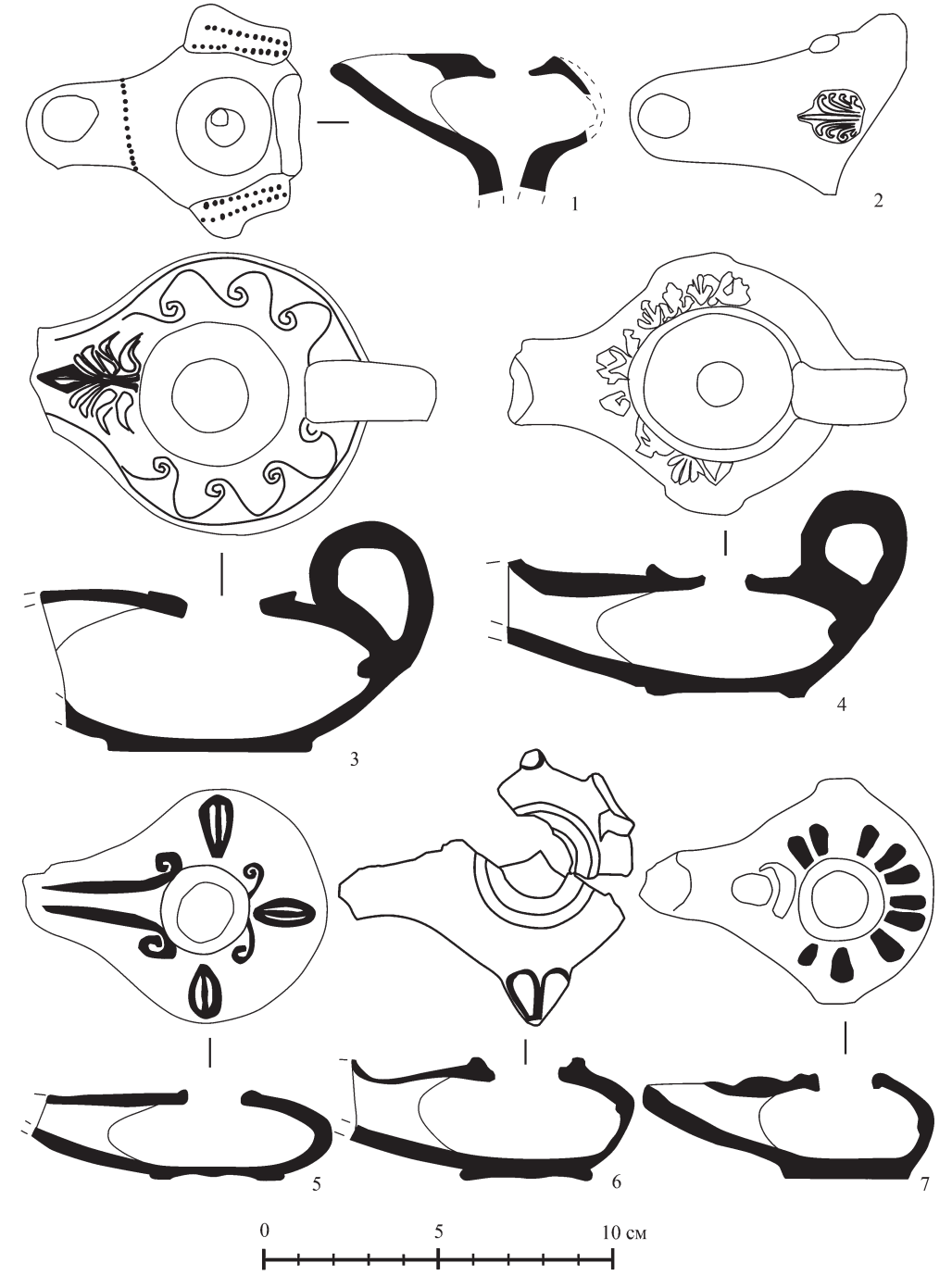


Рис. 2

1 - О-98/НГС/122; 2 - О-96/Р-25/826; 3 - О-?/22304; 4 - О-?/22306; 5 - О-93/НГС/28; 6 - О-2005/НГС/979; 7 - О-98/НГС/225

формы — от полностью открытой до полузакрытой и, до конца эллинистического времени, уже полностью закрытой. Высота туловища и длина рожка также претерпевают изменения, прежде всего в сторону удлинения. К тому же сам размер изделий стал вдвое меньшим, в отличие от светильников предыдущих хронологических периодов.

Среди светильников с орнаментальными мотивами обращает на себя внимание светильник с ветвью винограда около заливного отверстия и листьями вокруг него (рис 3, *1*). Орнамент с чередованием ветвей винограда и листьев по краю плечиков указывает на пергамский стиль декоративного оформления[1] — такие светильники датируются последней четвертью II–I вв. до н.э. Кроме того, такой вариант декора характерен и для большой группы ваз[2]. Похожий орнамент есть на светильнике из Поццуоли, представляя переходной тип изделия от эллинистического времени к римскому, что позволяет датировать его I в. до н.э. — I в. н.э.[3]; в Пергаме, где они отнесены к середине II в. до н.э[4]. Учитывая это, можно предположить, что найденный в Ольвии светильник является имитацией этого стиля, однако хорошо отмученная глина без визуальных примесей и следы коричнево-серебристого лакового покрытия свидетельствуют не в пользу его местного производства.

Декорирование светильников прослеживается не только вокруг заливного отверстия, но и на боках. Сероглиняный светильник округлой в разрезе формы с декором дельфинами уже не единичен в ольвийской коллекции (рис 3, *2, 5*)[5]. Подобное украшение также пока не имеет аналогов, однако серая глина с примесью мелких блесток и лощение вместе с декором в виде дельфинов дают возможность предполагать, что данный светильник является ольвийской имитацией эфесского стиля и датируется II–I вв. до н.э.[6] Декор с дельфинами широко распространен на светильниках, однако, как правило, они изображены на рожке, вокруг заливного отверстия, либо сбоку, но без выступа, как на наших экземплярах, и датируются срединой II–I вв. до н.э. Они известны на Кипре (Неа Пафос)[7], в Ионии (Метрополис)[8], в Эфесе[9], в Херсонесе[10]. Все вышеупомянутые аналогии имеют красную, коричневую и розовую глину, несмотря на утверждения авторов об их эфесском производстве.

Другой сероглиняный светильник с украшением по бокам в виде завитков сохранился только нижней частью вместилища (рис 3, *6*). Подобный декор встречается на сероглиняных светильниках из Пергама[11], но, в отличие от нашего изделия, они покрыты черно-серым лаком. Сероглияный светильник с аналогичным украшением найден в одном из погребений на некрополе Ольвии[12]. Аналогии,

[1] Bruneau 1991, 598, fig. 2; Tezgör, Sezer 1995, Nr. 338.
[2] Bruneau 1991, fig. 1, cat. Nr. 8 ff.
[3] Oziol 1977, Pl. 10, Nr. 161.
[4] Schäfer 1968, Taf. 62–63, Q46; Taf. 64, Q49.
[5] Шейко 2013, рис. 5,2; кат. № 11.
[6] Журавлев 2010, 20.
[7] Mlynarczyk 1978, Nr. 41.
[8] Gürler 2002, Abb. 3, Nr. 6–8.
[9] Bailey 1975, Q160, Q173, Q169, Q188; Tezgör, Sezer 1995, Nr. 307, 309; Meriç 2002, Taf. 75, L30.
[10] Вальдгауер 1914, № 90.
[11] Schäfer 1968, Taf. 66.
[12] Журавлев, Ломтадзе 2007, рис. 4, 5.

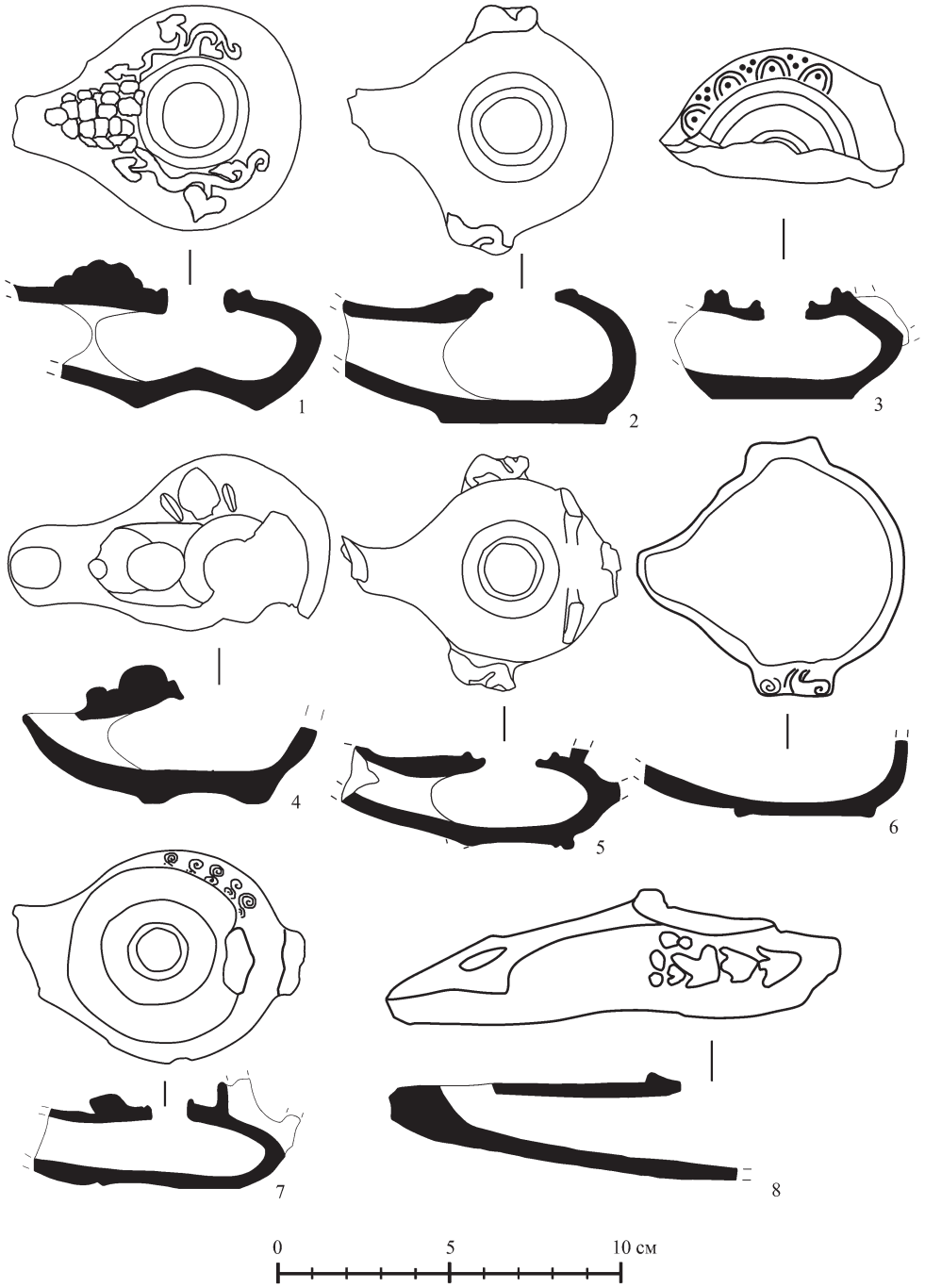


Рис. 3

1 - О-56/4502; 2 - О-61/446; 3 - О-67/1745; 4 - О-59/15; 5 - О-96/Т-3/722; 6 - О-57/427; 7 - О-48/3325; 8 - О-69/659

которые приводит Д. В. Журавлев, а также комплекс в целом позволяют датировать данный светильник второй половиной II — первой половиной I в. до н.э. Автор утверждает, что два таких выступа по бокам с рельефным орнаментом в виде завязанного узла, наравне с вертикальной ручкой, также служили ручками. На примере данного изделия четко прослеживается технология производства. Подобные светильники состояли из двух частей (верхней с плечиками и нижней с дном), а затем склеивались. Однако, в случае плохого качества клейкого материала, в процессе обжига изделия он мог расклеиться.

Еще один светильник с украшением по бокам в виде листьев плюща (рис. 2, *6*) представляет привозной тип по составу глины (без визуальных примесей), а также черно-серому лаковому покрытию. Плющ, так же как и дельфины, изображен преимущественно на рожке, вокруг заливного отверстия, либо сбоку, но без выступа. Все они датируются в пределах середины II в. до н.э. (полные аналогии см.: Кипр[13]; Делос[14]). Светильник с выступом в виде плюща известен и в Пергаме, где такие изделия составляют локальную группу и датируются довольно широко — концом III–I в. до н.э[15].

Следует отметить, что все светильники с орнаментами изготавливались в специальных литейных формах. Частое отливание из формы определенного типа светильников приводило к ее сработанности. Светлоглиняный светильник с насечками по краю плечиков служит показательным примером оттискивания орнамента уже в сработанной форме (рис. 1, *6*). О местном производстве данного светильника, кроме светлой глины с мелкими частицами извести, может свидетельствовать нечеткость орнамента, а также невысокое качество лакового покрытия, что в свою очередь служит доказательством неоднократного снятия из формы привозного типа светильника. Кроме того, имеются два светильника с покрытием красным густым лаком и аналогичным орнаментом (рис. 5, *2, 8*). Аналогии подобного орнамента известны в светильнике из пещеры Вари (Аттика), где они, как считается, составляют орнаментацию светильников уже следующего периода, римского[16]. Кроме того, они засвидетельствованы в Ольвии: М. Парович-Пешикан отнесла их к типу III — «эллинистический тип из Южной России» — и датировала по материалам Афинской агоры II в. до н.э.[17]

Еще одни светильник с довольно нечетким орнаментом из листьев вокруг заливного отверстия и двух массивных, одного маленького, другого вдвое больше, налепов круглой формы около рожка (рис. 3, *4*) представляет, по нашему мнению, местную имитацию привозного типа. Такое предположение оправданно, прежде всего из-за значительной примеси извести в тесте светло-серой глины, а также криволинейных (или искривленных) форм изделия. Обращают на себя внимание и следы темно-серого лощения. Крайне нечеткие линии орнамента усложняют поиск аналогий данного экземпляра, однако схожие мотивы прослеживаются на светильниках, которые происходят из Антиохии[18] и датируются предположитель-

[13] Mlynarczyk 1978, Nr. 34.
[14] Bruneau 1965, Nr. 2894; Pl. 22, Nr. 4210–4216.
[15] Schäfer 1968, Taf. 56–59, Q1–30.
[16] Basset 1903, pl. XII, 7–10.
[17] Парович-Пешикан 1974, 115, рис. 97, 6.
[18] Waagé 1941, fig. 76, type 22b:66.

но первой половиной I в. до н.э. и с Кипра (изделие принадлежит к пергамскому стилю оформления с нечеткой маской перед рожком[19], которое датируется второй половиной II в. до н.э.).

Четыре из пяти двухрожковых светильников имеют красно-оранжевую глину с примесью извести и красное лаковое покрытие (рис 4, *1, 3, 4, 6*), которое, по мнению О. Ф. Вальдгауера, и отличает привозные светильники данного типа[20]. Один светильник имеет светлую глину и представляет местное ольвийское производство (рис. 4, *2*). Данные светильники уже закрытого типа, в отличие от предыдущих, и украшены двумя волютами по бокам; сохранилось также основание от вертикальной ручки. Аналогичные светильники найдены как на многих памятниках Причерноморья (на Боспоре[21], в Ольвии[22]), так и в средиземноморских и малоазийских центрах (в Пергаме, с орнаментом из листьев плюща[23], датируется II–I вв. до н.э.; похожий светильник без волют, но с листком аканфа между рожками[24]; в Коринфе найдено похожее изделие, которое происходит из Книда, где оно имитируют бронзовые формы[25]). Многочисленные находки светильников данного типа позволили проследить технологию их производства. По мнению Д. В. Журавлева, двухрожковые светильники изготавливались путем присоединения второго рожка к готовому однорожковому светильнику, который в результате имел совместное вместилище[26]. Однако в Ольвии на участке НГ в комплексе, который датируется II–I вв. до н. э., была найдена керамическая форма для изготовления такого двухрожкового светильника[27] (рис. 4, *5*). Факт такой находки свидетельствует о том, что двухрожковые светильники данного типа изготавливались именно в форме, а не путем присоединения второго рожка. К тому же светильники имеют четкий шов склейки внутри вместилища.

Также известны металлические реплики керамических двухрожковых светильников, в частности из бронзы, которые принадлежат уже римскому времени[28]. Следует отметить, что вопрос о металлических репликах остается по-прежнему дискуссионным. Согласно Д. В. Журавлеву, именно подобные двухрожковые экземпляры светильников из металла послужили прототипом для производства глиняных[29]. Однако в таком случае следует четко определить датировки как для глиняных, так и для металлических осветительных приборов, поскольку последние датируются уже первыми веками нашей эры, в отличие от глиняных.

В Ольвии найдены также сероглиняные светильники с рядом горизонтальных и вертикальных сигм (S-видных спиралей) вокруг заливного отверстия (рис. 3, *7*; рис. 6, *5*, *16, 17*; рис. 1, *1*; рис. 1, *3*; рис. 5, *4*). Аналогичные орнаменты составляют многочисленную группу и присущи эфесскому производству и стилю оформле-

---

19 Bailey 1975, pl. 27, Q 143.
20 Вальдгауер 1914, 8.
21 Забелина 1992, таб. VII, 5; Журавлев, Хршановски 2000, рис. 1, 9; Журавлев 2001, таб. 1, 1–2.
22 Вальдгауер 1914, кат. № 57; Højte 2010, pl. 326, O-103.
23 Schäfer 1968, Taf. 63, Q47.
24 Pirson 2011, Abb. 46.
25 Broneer 1930, pl. V, № 192.
26 Журавлев 2001, 131; Вальдгауер 1914, 79.
27 Ветштейн 1975, 184, рис. 3.
28 Rosental, Sivan 1978, № 649–650 = Broneer, type XXI.
29 Журавлев, Турова 2012, 350.

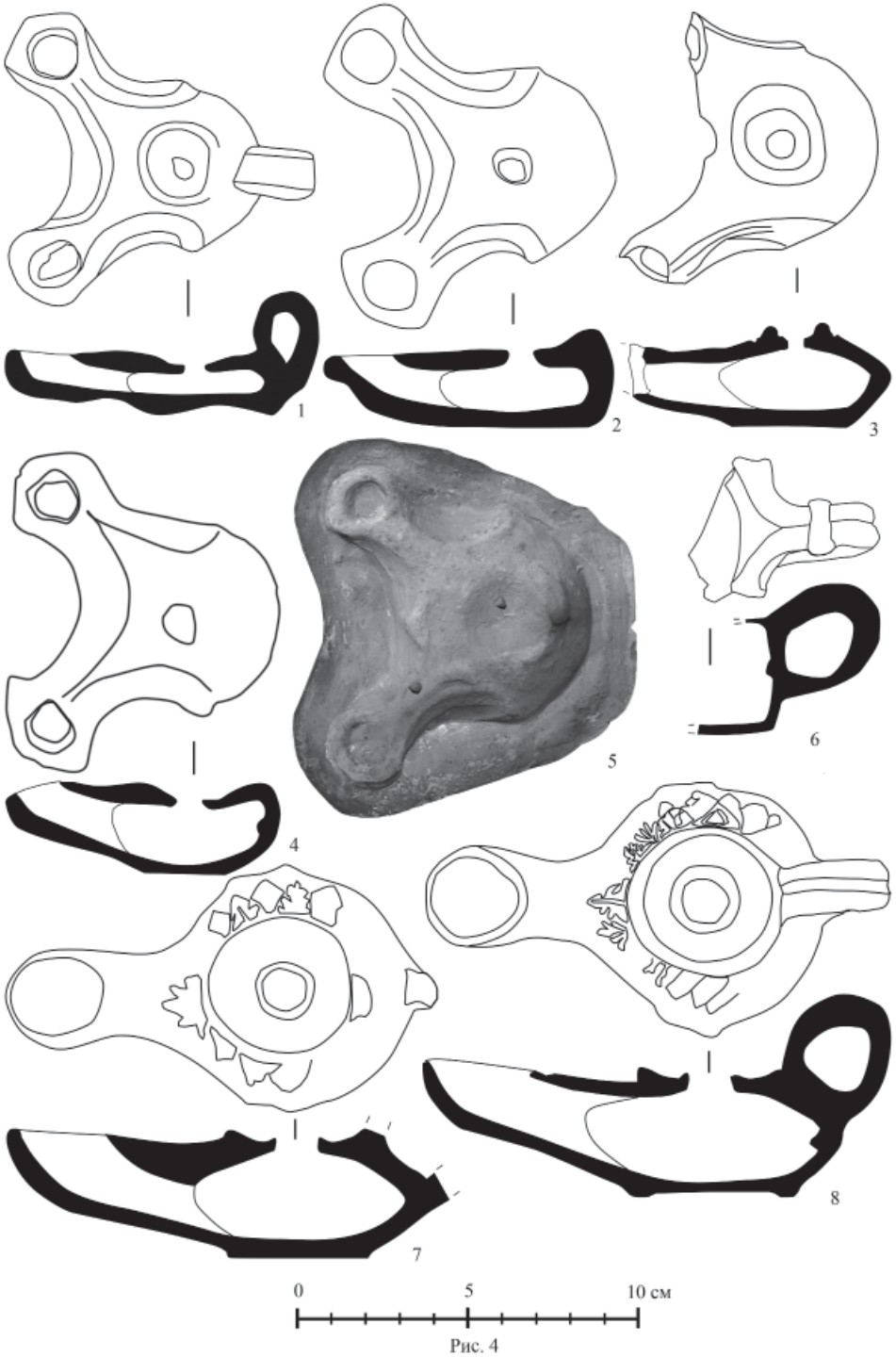


Рис. 4

1 - О-?/А-1253; 2 - О-53/94; 3 - О-64/96; 4 - О-2001/НГС/17; 5 - О-38/НГС/2354; 6 - О-87/НГСС/593; 7 - О-92/НГС/321; 8 - О-?/22305

ния. Известны они в Деметрии, где нижней границей их бытования определен I в. н.э.[30], в Илионе[31], в Эфесе[32], в комплексе кораблекрушения у Антикитеры, I в. до н.э.[33], на Делосе[34], а также на Боспоре — в Пантикапее в слое I в. до н.э., однако с находками III в. до н.э.[35]; в Мирмекии[36]. Основным отличием между нашими экземплярами и привозными типами эфесских светильников является наличие серого или черного лакового покрытия и примеси блесток в глине[37], что позволяет предполагать их местное производство. Кроме орнамента со спиралями, на двух экземплярах еще три отличия: насечки, антропоморфная маска на рожке, а также трезубец (или «корона Изиды») на рожке (рис. 1, *3*; рис. 6, *27*) (аналогичные знаки на эфесских светильниках из Пантикапея[38], Метрополиса[39], а также Эфеса[40] и Леванта, где автор указывает на эфесский стиль декорирования и датирует изделие последней четвертью II–I в. до н. э.[41]). Такой декор рожков сочетается с различными орнаментами вокруг заливного отверстия, но полных аналогий нами пока не найдено.

Не менее редкими являются также другие эфесские светильники со следующими орнаментами: овы, разделенные тремя точками (рис. 3, *3*); овы, разделенные черточками (рис. 5, *3*; рис. 6, *7, 24*); овы с разделительными линиями (рис. 6, *23*); овы с точками в середине (рис. 6, *26*); различные мотивы из листьев (в том числе аканф и тройные листья) (рис. 1, *4*; рис. 2, *4, 5*; рис. 3, *8*; Рис. 4, *7, 8*; рис. 5, *6*; рис. 6, *18, 19, 22, 25*); точечные орнаменты (рис. 2, *1*; рис. 6, *8*, рис. 6, *20*). Полных аналогий первого орнамента пока не найдено, однако все изделия с похожим декором вокруг заливного отверстия, а также полные аналогии орнаментам с овами, разделенными черточками, известны во многих античных центрах (аттические экземпляры, которые датируются III в. до н. э.[42]; некрополь Том, I в. до н. э. — I в. н. э.[43]; Афины[44]; Малая Азия, I в. до н.э. — I в. н. э.[45]; Эфес, конец II в. до н. э. — первая половина I в. до н. э.[46]; середина II–I в. до н. э.[47]; Пантикапей[48]. Такие орнаменты доживают и до позднего римского времени — III–IV вв. н.э. (из коллекции Шлоссингера, неизвестного происхождения[49]).

---

30 Zimmer, Furtwängler 2003, Taf. 5, j.54.
31 Barr 1996, fig. 27, 109.
32 Bailey 1975, pl. 34, Q192.
33 Kaltsas 2012, 167, Nr. 163.
34 Bruneau 1965, pl. 17, Nr. 2991; pl. 19, Nr. 3132.
35 Забелина 1992, таб. VI, 2; Журавлев 2010, кат. № 419, 425.
36 Журавлев 2010, кат. № 420.
37 Основными признаками эфеских светильников является наявность серого или черного лакового покрытия и мелких серебристых блесток в тесте глины (Журавлев 2010, 20).
38 Журавлев 2010, №412.
39 Gürler 2002, Abb. 6, Nr. 14.
40 Meriç 2002, Taf. 72, L13; Bailey 1975, pl. 34, Q194.
41 Tezgör, Sezer 1995, Nr. 316.
42 Howland 1958, Pl. 47, 590, 597, type 46A, 46B.
43 Bucovala 1967, 114, 71d.
44 Thompson, Thompson 1987, fig. 98, E103.
45 Hübinger 1993, Taf. 10, 79; Lyon-Caen 1986, Nr. 122.
46 Журавлев, Турова 2012, кат. № 22, таб. 4.
47 Topoleanu 2012, Kat.Nr. 9.
48 Забелина 1992, Таб. 5, 4.
49 Rosental, Sivan 1978, 100, № 403.

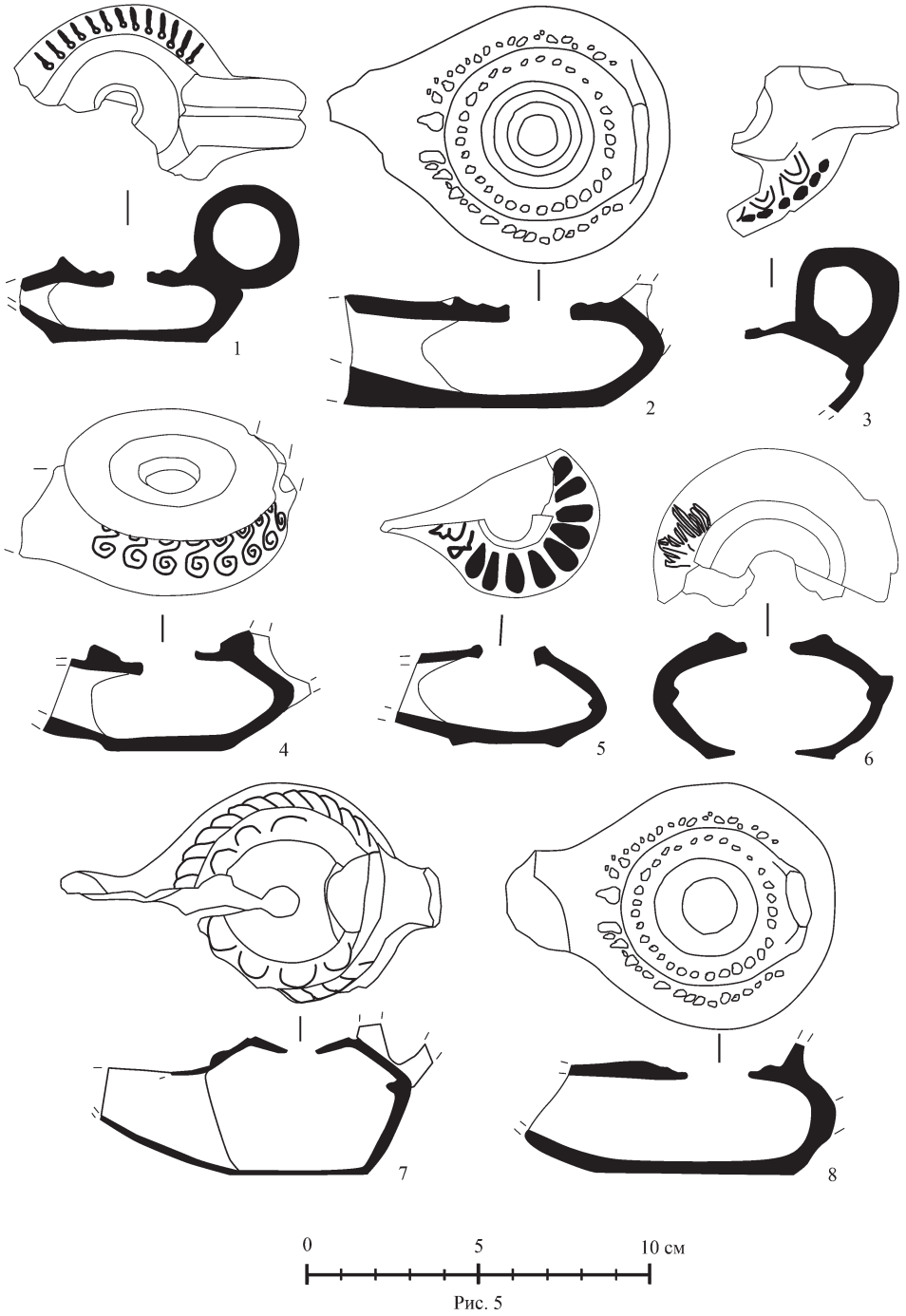


Рис. 5

1 - О-?/А-2495; 2 - О-25/А-1641; 3 - О-86/НГС/13; 4 - О-20/А-3543; 5 - О-2002/НГС/296; 6 - О-2006/НГС/761; 7 - О-20/А-1773; 8 - О-25/А-1641

Похожие мотивы в орнаментике с листьями известны на светильниках из Пантикапея и Парфения[50], а также аналогичный орнамент на светильнике из коллекции Британского музея, который определен также как эфесский[51]. Три светильника (рис. 2, *4*; рис. 4, *7, 8*) местного ольвийского производства имеют светлую глину с примесью извести. Для них характерны смазанный орнамент из листьев и одинаковые параметры, что позволяет предполагать, что изделия были изготовлены из одной формы. Еще один сероглиняный экземпляр (рис. 6, *25*) имеет четкую биконическую форму профиля (несмотря на небольшой сохранившийся фрагмент). К тому же орнамент в виде чередующихся листьев аканфа и листьев ланцетовидной формы известен по аналогиям из Северного Причерноморья — с маской перед рожком, который датируется II в. до н. э. — I в. н. э.[52] Кроме того, светильники с декором из листьев ланцетовидной формы найдены в Пергаме и Приене, где они датируются тем же временем[53]. На малоазийское происхождение светильников с таким орнаментом указывает и Д. В. Журавлев, датируя их последней четвертью II–I вв. до н. э.[54]

Фрагменты с черточками и точечным орнаментом вокруг вместилища имеют близкие аналогии среди находок в Деметрии[55], Абдере[56], в италийских центрах[57], Византии[58], Эфесе — полые аналогии, но чернолаковые[59], а также в Северном Причерноморье — Танаисе[60]. Обращает на себя внимание и привозной тип сероглиняного светильника с покрытием и орнаментом на высокой ножке-подставке (рис. 2, *1*). Серое лощение, точечный орнамент, а также мелкие серебристые включения в составе глины дают нам возможность предполагать его эфесское производство[61] и датировать второй половиной II в. до н. э.[62] В Афинах был найден эфесский светильник на ножке-подставке, с покрытием черным лаком и орнаментированным верхом[63]. Все три фрагмента сероглиняные без лакового покрытия, но с примесью блесток в глине и имеют грубую поверхность, что дает возможность предполагать, что перед нами местные ольвийские реплики эфесских изделий.

К привозным типам из Эфеса следует, по нашему мнению, отнести фрагменты с разделительной стрелкой по рожку и маленькими овами на концах по обеим сторонам стрелки (trident) (рис. 6, *1, 2*), а также с кадуцеем и розеттой (рис. 6, *3*). Светильники сероглиняные, покрыты черным лаком, в тесте глины прослеживается примесь мелких блесток. Аналогии с такими орнаментами известны на Делосе[64] и в Милете[65], где они датируются срединой II–I в. до н. э.

[50] Журавлев 2010, кат. № 414, 416.
[51] Bailey 1975, pl. 32, Q172.
[52] Hübinger 1993, Taf. 8, 71; Taf. 9, 74.
[53] Schäfer 1968, Taf. 57, Q2-Q10.
[54] Журавлев 2010, 42, кат. № 440.
[55] Zimmer, Furtwängler 2003, Taf. 5, i.53.
[56] Samiou 2001, 298, fig. 16.
[57] Hübinger 1993, Taf. 11, 97; Lyon-Caen 1986, 51, 110.
[58] Hayes 1992, pl. 18.
[59] Bailey 1975, pl. 34, Q184; Pl. 36, Q190.
[60] Арсеньева 1988, таб. I, 4.
[61] Журавлев 2010, 20.
[62] Højte 2010, 436.
[63] Thompson 1933, fig. 4, L140.
[64] Bruneau 1965, pl. 19, Nr. 3188; pl. 12, Nr. 2199.
[65] Tuluk, pl. XXIV, Nr. 1.

Рис. 6

1 - О-61/88; 2 - О-2006/НГС/477; 3 - О-91/НГС/345; 4 - О-2013/Р-25/66; 5 - О-66/1677; 6 - О-66/1586; 7 - О-2001/НГС/519; 8 - О-60/469(2); 9 - О-55/503; 10 - О-90/НГС/537; 11 - О-2006/НГС/86; 12 - О-97/НГС/412; 13 - О-2000/Р-25/1601; 14 - О-77/ЮЗА/96; 15 - О-87/АГД/224; 16 - О-38/3525; 17 - О-59/3309;18 - О-47/646; 19 - О-55/1143; 20 - О-77/8; 21 - О-77/81; 22 - О-90/АГД/104; 23 - О-98/Р-25/2031; 24 - О-96/Р-25/1210; 25 - О-72/ЮЗА/275; 26 - О-89/Р-25/384; 27 - О-97/Р-25/1097; 28 - О-2004/Р-25/2010

Среди публикуемых изделий пять небольших фрагментов рожков от светильников с масками (рис. 6, *6, 9–13*). Первый сохранился плохо и имеет очень нечеткие очертания (рис. 6, *6*), что усложняет определение изображения, а на второй очень четкая маска Силена с рогами и бородкой и часть его правого плеча (рис. 6, *9*). Подобное оформление рожков широко известно (Пергам[66], Илион[67]) и датируется не только эллинистическим временем, но и первыми веками нашей эры. Полная аналогия экземпляра (рис. 6, 12) найдена на Боспоре, где принадлежит к эфесскому типу[68], и датируется последней четрвертью II — первой четвертью I в. до н. э. Насыщенность мелкими блестками в тесте серой глины и серое лощение изделий делают правомерным предположение об их импорте из-за пределов Причерноморского ареала. Еще два светильника с масками и рельефным орнаментом (рис. 2, *7*; рис. 5, *5*) с красным лаковым покрытием представляют привозные изделия. Полные аналогии данных экземпляров найдены в Пергаме[69] и датируются серединой II–I в. до н.э.

Довольно частым элементом декорирования рожка эллинистических светильников является изображение пальметты (рис. 1, *4*; рис. 2, *2*; рис. 6, *15*). Аналогии известны из некрополя Том, середина III — середина II в. до н. э.[70]; из Марицинского некрополя; с хоры Ольвии[71]; из Мирмекия[72]. Еще одна пальметта (обратная с декорированной средней частью и точками) (рис. 6, 28) имеет полную аналогию в Эфесе[73].

Часть сероглиняного светильника слишком фрагментирована, но все же позволяет различить часть маски Силена с ветвью винограда сбоку и венком на голове (как ободок плечиков изделия) (рис. 6, *14*). Светильники в виде близких по форме масок широко известны в античном мире и имеют египетское происхождение[74] с датировкой преимущественно II в. до н. э. — I в. н. э. В Пантикапее из слоя II в. до н. э. происходит очень близкий по форме и орнаменту светильник — с головой Силена, также сероглиняный[75]. Полные аналогии (все из коричневой глины) происходят из Египта, где они датируются I в. до н. э.[76]; из Александрии, середина I в. до н. э.[77]; а также из Италии (указано, правда, что это изображение головы негра) с датировкой второй половиной I в. до н. э.[78] Еще одна аналогия с головой негра имеется в коллекции Шлоссингера[79].

Петлевидный орнамент представлен двумя сероглиняными светильниками без покрытия и с примесью извести в глине (рис. 1, *5*; рис. 5, *1*). Полную аналогию с такими светильниками удалось найти только в Пантикапее, но с темным

[66] Schäfer 1968, Taf. 59, Q21.
[67] Barr 1996, fig. 25.
[68] Журавлев 2010, кат. № 429.
[69] Schäfer 1968, Taf. 68, Nr. 52.
[70] Bucovala 1967, fig. 84, a.
[71] Ebert 1913, Abb. 57, b.
[72] Журавлев 2010, кат. № 423.
[73] Giuliani 1983, 1 a-c.
[74] Hübinger 1993, Taf. 57, 314–317; Bailey 1975, pl. 111, Q580.
[75] Забелина 1992, таб. VI, 4.
[76] Bailey 1975, pl. 111, Q578.
[77] Cahn-Klaiber 1977, Taf. 12, Nr. 146.
[78] Bailey 1975, pl. 133, Q719.
[79] Rosental, Sivan 1978, Nr. 600.

лаковым покрытием, которая причислена к эфесскому производству и датируется серединой II–I вв. до н. э[80].

На светильниках из Ольвии также встречаются орнаменты с полосами по плечикам (рис. 1, *2*); с рельефным жгутом по краю заливного отверстия (рис. 5, *7*) и декор с морской волной (рис. 2, *3*). Полные аналогии с данными изделиями найдены на Делосе[81]. Все вышеуказанные изделия датируются в пределах средины II–I в. до н.э. С двумя орнаментами нам так и не удалось подобрать аналогии: рельефные треугольники в два ряда по плечикам (рис. 6, *4*) и удлиненный лист плюща с линиями и точками (рис. 6, *21*). Серая глина с примесью мелких блесток может также указывать на их эфесское производство.

Следует отметить, что, несмотря на цвет глины, составные компоненты теста, такие как известь и песок, а также отсутствие лакового покрытия изделий не характерны для светильников, происходящих, к примеру, из Средиземноморья. Однако утверждать, что данные осветительные приборы принадлежат к ольвийскому производству, можно лишь в предположительной форме, так как на сегодняшний день еще до сих пор отсутствуют системные анализы местных глин.

В целом большую часть светильников с орнаментированным декором, которые происходят из раскопок Ольвии, составляют привозные типы. Декорирование изделий происходило как непосредственно вокруг заливного отверстия, так и на рожке или по бокам туловища светильников. Основными орнаментальными мотивами, представленными в данной публикации, являются разнообразные мотивы из листьев, точечный и спиралевидный орнаменты, овы, насечки, волюты, антропоморфные маски и пальметты. Многочисленные аналогии с такими вариантами декора типичны для светильников, найденных в различных центрах преимущественно Восточного Средиземноморья и в Малой Азии. Они дают возможность с большой долей вероятности предполагать эфесский тип оформления большинства публикуемых ольвийских светильников. Также определяются отдельные привозные экземпляры из Пергама. Кроме того, стилистический анализ декоративных мотивов и наблюдения над визуальными характеристиками глины позволяют предполагать присутствие изделий местного ольвийского производства, которые можно считать репликами вышеназванным типам. Опубликованные светильники дают возможность уточнить импорт этих изделий из средиземноморских центров не только в Ольвию в эллинистическое время, но и в остальные регионы Северного Причерноморья, поскольку на сегодняшний день их найдено сравнительно немного. Поэтому благодаря изучению ольвийской коллекции можно с полным основанием говорить о массовом производстве местных имитаций привозных форм светильников в эллинистическое время.

ЛИТЕРАТУРА

Арсеньева Т. М. 1988: Светильники Танаиса. М.

Вальдгауер О. Ф. 1914: Античные глиняные светильники. СПб.

Ветштейн Р. И. 1975: Местная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Ольвия / С. Н. Бибиков (ред.). К., 164–197.

[80] Журавлев 2010, кат. № 422.

[81] Bruneau 1965, pl. 20, Nr. 3668; Bruneau 1970, pl. 50, D263; pl. 12, Nr. 2252; pl. 16, Nr. 2879.

Журавлев Д. В. 2001: Позднеэллинистические многорожковые светильники Боспора // ДБ. 4, 131–149.

Журавлев Д. В. 2010: Светильники второй половины III в. до н.э. — IV в. н.э. К.

Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2007: Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // Археологія. 1, 78–91.

Журавлев Д. В., Турова Н. П. 2012: Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея // БИ. XXVI, 335–400.

Журавлев Д. В., Хршановски Л. 2000: Коллекция античных светильников Государственного Исторического музея // ВДИ. 3, 159–166.

Забелина В. С. 1992: Античные глиняные светильники из Пантикапея // СГМИИ. 10, 298–328.

Парович-Пешикан М. 1974: Некрополь Ольвии эллинистического времени. К.

Шейко И. Н. 2013: Редкие типы светильников из Ольвии // БИ. 28, 385–398.

Bailey D. M. 1975: A Catalogue of the Lamps in the British Museum. I. London.

Barr R. L. 1996: Greek and Hellenistic Lamps from Ilion // Studia Troica. 6, 159–200.

Basset S. E. 1903: The Cave at Vari. VI. The Terra-Cotta Lamps // AJA. 7, 338–349.

Broneer O. 1930: Terracotta Lamps // Corinth / O. Broneer (ed.). Cambridge.

Bruneau P. 1965: Exploration archeologique de Délos. XXVI.

Bruneau P. 1970: Exploration archeologique de Délos. XXVII.

Bruneau Ph. 1991: La céramique pergaménienne á reliefs appliqués de Délos // BCH. CXV, 597–666.

Bucovala M. 1967: Necropole elenistice la Tomis. Constanta.

Cahn-Klaiber E.-M. 1977: Die Antiken Tonlampen des Archäologischen Instituts der Universität. Tübingen.

Ebert M. 1911: Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland) // Praehistorische Zeitschrift / C. Schuchhardt, K. Schumacher, H. Seger (eds.). Leipzig, 1–79.

Giuliani A. 2004: Lampenmatrizen hellenistischer Zeit aus ephesischer Produktion im Rijksmuseum van Oudheden, Leiden // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Wien, 73–83.

Gürler B. 2002: Ephesos-Lampen aus Metropoli/Ionien // Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien. Wien, 133–147.

Hayes J. W. 1992: Excavations at Sarachane in Istambul. 2. Princeton.

Højte J. M. 2010: Lamps // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD / N. A. Lejpunskaja, P. Guldager Bilde et al. (eds.). Aarchus, 423–437.

Howland R. H. 1958: Greek Lamps and their Survivals // The Athenian Agora. IV. Princeton.

Hübinger U. 1993: Die antiken Lampen des Akademischen Kunstmuseums der Universität Bonn. Berlin.

Kaltsas N., Vlachogianni E., Bouyia P. 2012: The Antikythera shipwreck. The Ship, the Treasures, the Mechanism. Athens.

Lyon-Caen Ch. 1986: Catalogue des lampes en terre cuite grecques et chrétiennes. Paris.

Meriç R. 2002: Späthellenistisch-römische Keramik und Kleinfunde aus einem Schachtbrunnen am Staatsmarkt in Ephesos. Wien.

Mlynarczyk J. 1978: Hellenistic terracotta lamps from Nea Paphos // Report of the Department of antiquities Cyprus. Nicosia, 235–253.

Oziol Th. 1977: Les Lampes du Musée de Chypre // Salamine de Chypre / Cl. Bachasson, O. Callot, A. Gaillard, I. Markou (eds.). VII. Paris.

Pirson F. 2011: Pergamon — Bericht über die Arbeiten in der Kampagne 2010 // AA. München, 81–213.

Rosenthal R., Sivan R. 1978: Ancient Lamps in the Schloessinger Collection. Jerusalem.

Samiou Ch. 2004: Hellenistic Graves in Abdera // Klazomenai, Teos and Abdera: metropoleis and colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera. Thessaloniki, 291–304.

Schäfer J. 1968: Tonlampen // Hellenistische Keramik aus Pergamon. Berlin, 119–153.

Tezgŏr D. K., Sezer T. 1995: Catalogue des lampes en terre cuite du Musée Archeologique d'Istambul. Paris.

Thompson H. A. 1933: Terracotta lamps // Hesperia. 2, 2, 195–215.

Thompson H., *Thompson D.* 1987: Hellenistic Pottery and Terracottas. Princeton.

Topoleanu F. 2013: Consideraţii preliminare privind lămpile greceşti şi elenistice de la Orgame/Argamum (com. Jurilovca, jud. Tulcea) // PEUCE. XI, 43–66.

Tuluk G. G. 2003: Ionia Bölgesi'ndeki Hellenistik Döneme ait Kandiller // Les Ceramiques en Anatolie aux Epoques Hellenistique et Romanie. Paris, 17–25.

Waagé F. O. 1941: Lamps // Antioch on-the-Orontes. The Excavations 1937–1939. III, 55–82.

Zimmer G., Furtwängler A. 2003: Hellenistische Bronzegusswerkstatten, Lampenproduktion und — Importe, Amphorenfunde // Demetrias / G. Zimmer, A. Furtwängler (eds.). 6. Würzburg.

PERGAMUM AND EPHESUS TYPE LAMPS FROM OLBIA (IMPORT AND LOCAL REPLICAS)

N. Sheiko

In the article, series of lamps and their fragments of the 3rd century BC — the 1st century AD with elements of various ornaments, from the excavations in Olbia, are analyzed. The wares are of gray-, yellow- and red clay examples with different covering. The form of the body of lamps is typical for Hellenistic period — biconical and rounded, on the low tray. The vast majority of the fragments are imported types from Ephesus and Pergamum. Moreover, the collection includes local Olbian replicas of lamps, which differ by clay composition and lack of covering. In addition, learning by example of certain forms the question of production technology of these wares is examined.

Key words: lamps, Olbia, Hellenism

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ • 2014 • МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК

Древний Восток

© 2014

Р. А. Орехов

ОБРЕЗАНИЕ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИТУАЛА С ПОЗИЦИЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ И АФРИКАНСКОЙ ТРАДИЦИЙ

Автор ставит своей целью интерпретировать сложный древнеегипетский институт обрезания на основе ближневосточной и африканской культурных традиций. Особенность древнеегипетских текстов состоит в том, что они, как правило, фиксируют данное явление, но никогда не дают ему объяснения. Автор выделяет специфические маркеры, которые отвечают за обрезание в традиционных обществах Ближнего Востока и Африки, и обнаруживает схожие мотивационные признаки в ритуальной практике Древнего Египта. Автор приходит к выводу, что институт обрезания в древнюю эпоху был теснейшим образом связан с культом священной сикоморы и покровительствующей ей богине Хатхор, супруге солнечного бога Ра-Атума

Ключевые слова: Древний Египт, религия, мифология, обрезание и культ

На сегодняшний день исследователи имеют в своем распоряжении чрезвычайно мало текстов, в которых трактуется столь важный для уяснения древнеегипетского мировоззрения институт, как обрезание[1]. Гораздо более правильным будет утверждать, что текстов подобного рода нет вообще. Поэтому цель данной статьи — это попытка осмысления и интерпретации данного феномена с позиций пограничных культурных традиций (преимущественно ближневосточной и африканской). Разумеется, мы отдаем себе отчет, что у данного метода есть определенные ограничения. Тем не менее, мы исходим из убеждения, что данный институт в Египте, на Ближнем Востоке и в Африке весьма консервативен и существует не одно тысячелетие, о чем свидетельствуют классические историографы. Поэтому, прежде чем мы перейдем к древнейшим упоминаниям об обрезании в Египте, мы считаем целесообразным привести свидетельства античных авторов.

Уже Геродот отметил в своем «египетском логосе», что обрезание является исконным обычаем только у трех народов земли — у колхов, египтян и эфиопов. Другие же народы, например финикияне и сирийцы, по его словам, заимствовали этот обычай у египтян. Здесь Геродот делает чрезвычайно важное историческое наблюдение. Говоря, что финикияне и сирийцы переняли этот обычай благодаря

Орехов Роман Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН. E-mail: radamant67@mail.ru

[1] Westendorf 1975, 727–729; De Wit 1972, 41–48.

торговым сношениям с Египтом, он приводит в качестве доказательства следующее: «Все финикияне, которые общаются с Элладой, уже больше не подражают египтянам и не обрезывают своих детей» (Herod. II. 104).

Информацию Геродота существенно уточняет Страбон в своей «Географии». Он, в частности, замечает: «Один из наиболее ревностно соблюдаемых египтянами обычаев следующий: они выкармливают всех новорожденных детей; также подвергают обрезанию мальчиков, а девочек — вырезанию, как это в обычае и у иудеев; ведь эти последние также египетского происхождения» (Strabo XVII. 2. 5).

Итак, в тексте употреблены два субстантивированных инфинитива: τὸ περιτέμνειν (у мальчиков, досл. *обрезывание*) и [τὸ] ἐκτέμνειν (у девочек, досл. *вырезывание* или *подрезывание*). Вообще глагол ἐκτέμνω может иметь разные значения, в том числе *оскоплять* (в частности, именно в этом значении его использует тот же Страбон (VII. 4. 8)). Примечательно, что Страбон, в отличие от Геродота, существенно конкретизирует интересующую нас информацию. В частности, он отдельно отмечает женское «вырезание», что, возможно, говорит об инициационном характере данного явления (по аналогии с традиционными обществами, см. далее).

Геродот же, говоря о египетской богобоязненности, утверждает, что - Τά τε αἰδοῖα περιτάμνονται καθαρειότητοσ εἵνεκεν, προτιμῶντεσ καθαροὶ εἶναι ἢ εὐπρεπέςτεροι - «половые части они обрезают ради чистоты» (Herod. II. 37). При этом интересующее нас слово καθαρειότησ «чистота» может имееть как прямое («чистоплотность»), так и переносное («благопристойность») значения. Однако, учитывая контекст, мы можем предположить, что речь идет о чистоте ритуальной, а не просто о личной гигиене.

Свидетельства этих авторов представляются чрезвычайно важными, ибо они были получены непосредственно от живых носителей традиции, которая уходит своими корнями в далекое прошлое. В то же время отсутствие полноценной мотивации данного явления свидетельствует о том, что во времена персидского и римского владычества в Египте (когда, собственно, жили и творили Геродот и Страбон) сами носители имели о нем весьма поверхностное и расплывчатое представление. Последнее подтверждается характером самих древнеегипетских памятников, к рассмотрению которых мы переходим.

Долгое время считалось и считается, что самое достоверное изображение ритуала мужского обрезания происходит из гробницы верховного сановника Анхмахора в Саккаре (рис. 1, VI династия, Древнее царство, 2345–2181 гг. до н.э.)[2]. На одном из рельефов хорошо видно, как группа молодых людей подвергается странной и малопонятной процедуре. Один человек держит руки другому, в то время как третий производит странные манипуляции с половым органом испытуемого. На соседнем рельефе мы видим почти аналогичный сюжет. Разница только в том, что испытуемый сам терпит малопонятную операцию. Одна его рука расположена вдоль туловища, а другую он положил на голову «хирурга». В правой руке у последнего хорошо просматривается большой нож, левой он держит половой орган. Надпись рядом с первым изображением поясняет, что «хирург» — это жрец за-

[2] Badawy 1978, 42, fig. 60; Kanawati, Hassan 1997, 50.

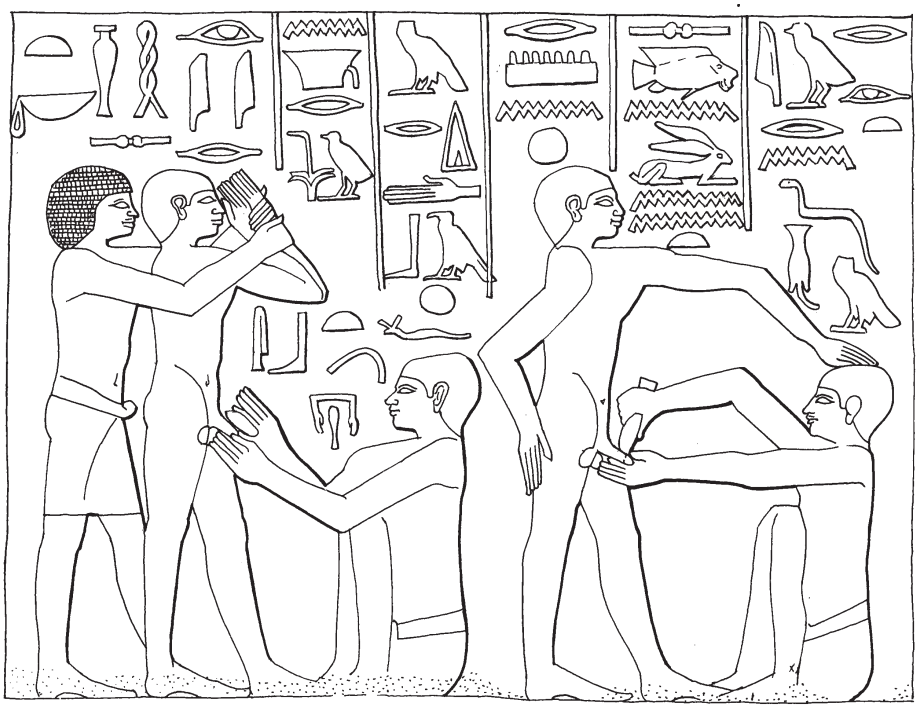


Рис. 1. Прорисовка сцены обрезания (?) из гробницы Анхмахора (по Badawy 1978, fig. 29)

упокойного культа Hm-kA (букв. «слуга ка»)[3]. А характер действия поясняет другая надпись sbt[4].

Как полагает американский египтолог А. Рот, ключом к пониманию сюжетов данных изображений является надпись, сопровождающая доставку в гробницу жертвенного инвентаря (см. рис. 2)[5].

Исследовательница предлагает следующий оригинальный перевод:

[śxpt] mnxt [r] HAb r sabt r tp mr jn Hm-kA

[3] «Жрец ка», жрец заупокойного культа, жрец духовного двойника человека. По поверьям египтян, ка продолжал жить после смерти в гробнице. Его жизнеспособность поддерживалась специальными жертвами.

[4] Обычно трактуется как инфинитивная форма — sbt, «обрезывание» (Edel 1955, 348, §688). В качестве детерминатива мы используем знак N105 по таблице С. Росмордука. На самом деле в гробнице Анхмахора содержится изображение иного знака, некой разновидности изогнутого ножа, предназначенного, вероятно, для кастрации быков, который отсутствует в компьютерной базе. Но ближе всего к нему именно знак N105. Райнер Ханниг толкует знак-определитель в гробнице Анхмахора просто как один из вариантов ритуального ножа и дает однозначный перевод всего слова — «beschneiden» (Hannig 2003, 1076).

[5] По Kanawati, Hassan 1997, 48, pl. 54.

«[Доставка] ткани менехет [к] празднику для[6] *обрезания (совершаемого) на канале жрецом ка»*[7].

По мнению А. Рот, через обрезание должны были пройти, в том числе, близкие Анхмахора (его сын или сыновья), чтобы быть допущенными к жреческому служению. Поэтому совершенно логично предположить, что обрезание способствовало обретению ритуальной чистоты и поэтому может трактоваться как возрастная инициация[8].

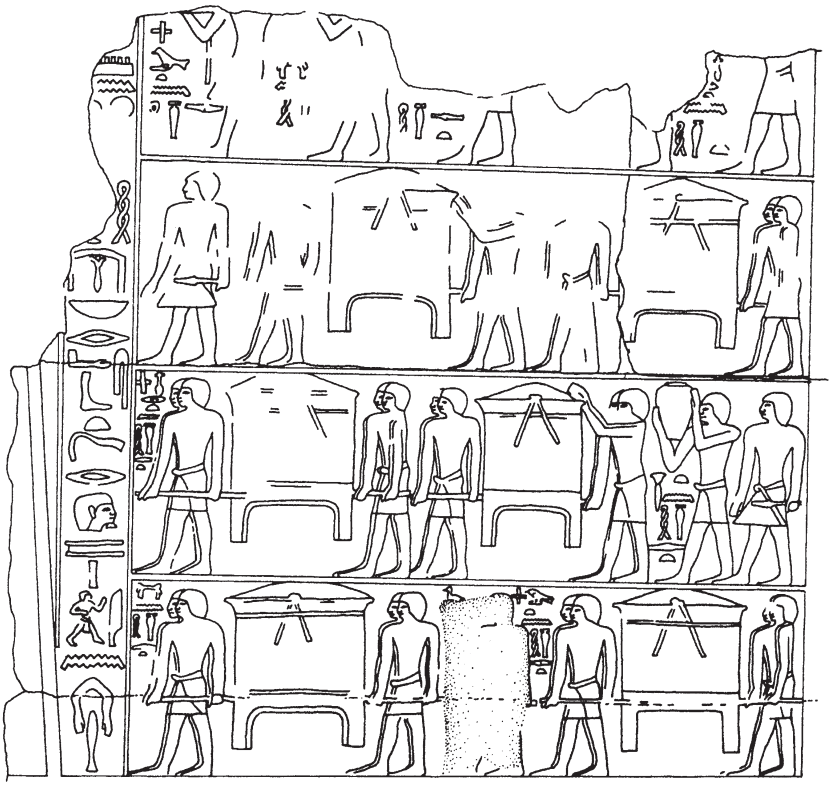


Рис. 2.

Подход А. М. Рот был оспорен в статье Ш. Грунерта, в которой исследователь предположил, что в гробнице Анхмахора изображен вовсе не ритуал обрезания, а достаточно обыденная подготовка «жрецов *ка*» к ритуальному служению. Данная подготовка включала в себя не только эпиляцию, стрижку ногтей, бритье головы, но и … бритье мошонки. Соответственно, слово *sbt* он трактует не как «обрезывание», а как *ś<a>b.t* «приведение в состояние чистоты»[9]. Надпись, сопровожда-

[6] Искомое место в словаре Р. Ханнига переводится вполне однозначно — «beschneiden» (Hannig 2003, 1076). Для передачи детерминатива мы используем знак T16 (таблица А. Гардинера), представляющий разновидность меча. Искомый знак отсутствует в компьютерной базе. Для его передачи Р. Ханниг использует знак ритуального ножа . Представляется, что T16 ближе к оригиналу.

[7] Roth 1991, 64.

[8] Roth 1991, 65–72.

[9] Grunert 2002, 137–151. В этой связи важным представляется наблюдение Геродота, который, в частности, отметил: «Каждые три дня жрецы сбривают волосы на своем теле» (Herod. II. 37).

ющую сцену «обрезания» (sbt Hm-kA), он предлагает читать не как инфинитив, а как каузативную глагольную форму — «Очистите жреца (т.е. жреца ка)».

Принципиально иную позицию по трактовке изображений из гробницы Анхмахора занимает британский антрополог М. Шпигельман[10]. Отталкиваясь от богатого опыта полевой хирургии времен Второй мировой войны, исследователь предполагает, что сцены манипуляций с половыми органами представляют собой операцию для удаления воспаленной части крайней плоти (опухоль парафимоза). При этом на первом рельефе показана подготовка к операции, натирание полового органа анестезирующим средством, на втором показана уже сама операция. Таким образом, ритуальный аспект сцены из гробницы исследователь исключает.

Следующая надпись относится по времени к Гераклеопольскому периоду (2181–2040 гг. до н.э.). Согласно ей, некто Мерери описывает свои благодеяния родному городу Дендере[11]:

jw qrs .n.j 'w .s ś'b .n[.j] nḏsw .s

«Я погребал ее (т.е. города Дендеры[12]) стариков, я обрезал ее молодых».

Крупнейший отечественный египтолог О. Д. Берлев, касаясь содержания данной надписи, отмечает, что обрезание совершалось в подростковом возрасте, поэтому древнеегипетское слово *неджесу* правомерно трактовать именно как «молодежь»[13]. Основываясь на данные надписей из святилища номарха Элефантины Хекаиба (XII династия), ученый уточняет, что данная категория населения, наряду с *хуау* («подростки») и *джаму* («юные»), состовляла социальную прослойку *ашат*, т.е. людей, ожидающих трудового распределения после выхода из детского возраста[14]. Следовательно, обрезание *неджесу* являлось необходимым условием как данного перехода из состояния детскости, так и последующего распределения в трудовые команды. Отметим дополнительно следующее. Слово *неджесу* в контексте древнеегипетских реалий подразумевает молодежь мужского пола, в том числе военных, поэтому Мерери скорее всего заботился только о мужском населении города. Это вполне согласуется с реалиями современных, в частности африканских, инициаций, когда обрезание находится в ведении тайных мужских и женских обществ. Соответственно, Мерери не мог отвечать за женское обрезание.

Древнеегипетские тексты, повествующие о самой процедуре обрезания, не только крайне малочисленны, но и неопределенны. В частности, в надписях почти никогда не говорится о женском обрезании. Однако в нашем распоряжении есть небольшая группа текстов, в которых «необрезанность» (мужская, равно как

---

[10] Spigelman 1997, 91–99.

[11] Fischer 1968, 149–150; Roth 1991, 71.

[12] В древнеегипетском представлении Дендера Иунет являлась своего рода женским двойником Гелиополя Иуну.

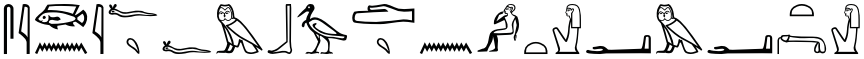
[13] Берлев 1978, 101. Данные древнеегипетской скульптуры убедительно свидетельствуют о том, что, по крайней мере, мужское обрезание совершалось не в младенчестве, а в 12- или 14-летнем возрасте (Берлев, Ходжаш 2004, 57–58).

[14] Шехаб Эль-Дин 1993, 285–286. Как полагает исследователь, данная система трудоустройства по возрастным категориям существовала и в более ранние эпохи.

и женская) с большой долей вероятности может восприниматься и толковаться как социально-возрастной феномен. Этот письменный источник также относится к гераклеопольскому времени и входит в корпус заупокойной литературы; он известен как «Тексты саркофагов»[15]. Эти тексты тематически связаны с более ранними «Текстами пирамид»[16], в которых очень подробно описаны т.н. «ритуалы пробуждения», т.е. обретения новой жизни умершим царем, его соединения с божественными предками. «Тексты саркофагов» в каком-то смысле продолжают эту линию с той лишь разницей, что описывают посмертную участь простого человека. Гераклеопольский период иногда называют периодом «демократизации» заупокойных представлений, когда тексты царского заупокойного культа стали доступны широкому кругу людей. В данных изречениях заметно усиливается магический элемент, что говорит о приходе в заупокойную традицию массы народных верований, в том числе многочисленных суеверий. Поэтому исследователь, читающий данный памятник, даже при знании основных значений слов текста иногда вообще затрудняется понять, что же хотел сказать автор[17]:

jr swt mr s rḫ ś'nḫ ḥr bbwj.f šdj.f s(t) r' nb

«Если желает знать человек, как выжить на своих ногах (т.е. в преисподней, после смерти), он должен читать это (т.е. заклинательную формулу) ежедневно,



sjn f;j-iwf m b;d jdt 'm't

натирая свою плоть истечениями (?) девочки[18], которая не обрезана,

ḥn' šnft nt j;s 'm'

и кусками кожи голого человека (?), который не обрезан».

С большой долей вероятности мы можем предполагать, что женская «необрезанность» соответствует возрасту незамужней девушки, фактически выступает синонимом чистоты и «юности»[19]. А если это так, то обрезание символизирует стадию перехода в брачный возраст, когда эта чистота утрачивается. Однако в таком случае крайне трудно понять ту часть надписи, в которой упоминается «голый человек» (*j;s*).

В следующей надписи «необрезанность» можно трактовать как чуждость египетскому, ее пришлость, или неисконность. Например, надпись времени эфиопского владычества (XXV династия, 746–716 гг. до н.э.):

[15] De Buck 1935–1961.
[16] Sethe 1908–1923.
[17] CT VII — 450, Spell 1117.
[18] В некоторых вариантах текста стоит слово *jdt*, буквально — «вульва».
[19] Hannig 2006, 504.

wn.n .sn m ʿmʿ ḥnʿ qq rm btjn pw nt pr-nswt

«Были они не обрезаны, питались рыбой — мерзость это для дворца» [20].

Так как рыба для некоторых народов была табуированной пищей, мы понимаем смысл надписи как встречу двух разных культур. В самом деле, эфиоп Пианхи после завоевания севера Египта (его дельты) отказывается впустить во дворец местных царьков, мотивируя это тем, что они «не обрезаны» и принимают нечистую пищу. При этом сам Пианхи не отделяет себя от египетской традиции. Его северный поход был «санкционирован» самим богом Амоном в Фивах. В священном городе бога Тота Гермополе он празднует свой юбилей *хеб-сед*. Следовательно, «необрезанность» подразумевает в контексте надписи чуждые египтянам обычаи[21]. Если мы вспомним Геродота (см. выше), то он говорил как раз об исконном распространении обрезания у эфиопов, египтян и колхов. Таким образом, мы подошли к главной идее обрезания как некой социальной и родовой идентификации. Большего, к сожалению, нам не позволяют сказать источники, которыми мы располагаем на данный момент.

«Жених крови»

Совсем по-иному обстоят дела в памятниках «авраамической традиции». Под этим термином мы понимаем традиции, восходящие к эпохе библейских патриархов. Для уяснения сути обрезания имеет смысл обратиться прежде всего к книге Бытия:

«Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан (ḥimmōl) весь мужеский пол. Обрезывайте крайнюю плоть вашу (bĕsar ʿordalĕkāt): и сие будет знамением завета между Мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужеского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени… и будет завет Мой на теле вашем заветом вечным… необрезанный (ʿārēl) же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего; ибо нарушил он завет Мой»[22].

Обратим внимание на следующие знаковые моменты данного текста. Первое и самое важное — Господь никак не мотивирует и не объясняет своего предписания, это просто завет, принадлежность к избранной группе. Второе, при обрезании Аврааму было девяносто девять лет и вместе с ним были обрезаны все домочадцы независимо от возраста и рода-племени. Третье, при обрезании Авраму и Саре были даны новые имена (Аврам→Авраам; Сара→Сарра).

Что нам предлагает мусульманская традиция? Обрезание мальчиков у мусульман относится к категории желательных поступков — *sunna* (обрезанных мальчиков так и называют — *«sunneth»*)[23]. Вместе с тем важным аргументом в пользу того, что обрезание является близким к обязательному поступку (*wāḏjib*),

---

[20] Фрагмент «Стелы Пианхи» приводится по изданию: Schäfer 1905, 54, ст. 150–151.

[21] Примечательно, что в арабской культуре существует аналог данному понятию, преподносимый зачастую в негативном ключе — *aikhan*, *aḳlaf*, *aghlaf* — для мужчин (для женщин в негативном смысле — *lakhnā*, букв. «сын необрезанной женщины» *ibn al-baẓrā ibn al-lakhnā,* т.е. проститутки), евр. *ʿarel* — применительно только к мужчинам (Wensinck 1986, 20; Van Donzel, Lewis, Pellat 1997, 913).

[22] Быт. 17, 10–27. Здесь и далее цитируется канонический перевод с синаидального текста, транслитерация дается по И. Ш. Шифману.

[23] Wensinck 1986, 20.

служит предание о пророке Ибрахиме (Аврааме)[24]. Подавляющее большинство мусульман следуют этому важному правилу.

Однако весьма интересным является тот факт, что в мусульманскую религиозную традицию было инкорпорировано женское обрезание (*khafd*). Сторонники данного ритуала (иногда он относится к категории *sunna*, т.е. желательных поступков) ссылаются на один относительно достоверный хадис, в котором повествуется об обращении Пророка Мухаммеда к своей сподвижнице и знаменитому лекарю Умм Аттийя: «Не отрезай слишком много, потому что так лучше для женщины и более желательно для ее мужа» (*idhā khafaḍti (khafatti) fa-'ashimmī wa-lā tanhakī fa-'innahu adwā' li'l-wadjh wa-aḥẓā 'ind al-zawdj*)[25]. Как полагает имам Ахмад ад-Дин, данный хадис запрещает два наиболее опасных вида обрезания — ампутацию клитора (клиторидектомию) и «фараоново обрезание», т.е. полную ликвидацию наружных половых органов женщины: клитора, малых и больших половых губ[26]. По мнению богослова, данные операции связаны исключительно с местными языческими обычаями, а не с требованиями ислама. Женское обрезание на сегодняшний день практикуется в таких странах, как Египет, Судан, Саудовская Аравия, Южный Йемен, Бахрейн, Оман, Малайзия, Пакистан, Индонезия, Филиппины. Но оно отсутствует в Иране, Ираке, Алжире, Ливии, Марокко, Тунисе. Следовательно, женское обрезание можно с большой долей вероятности отнести к обычаям доисламского времени[27].

Чтобы лучше понять природу авраамического обрезания, необходимо обратиться к тем местам Библии, где оно помещается в определенный историко-религиозный контекст. Таким местом является прежде всего знаменитый пассаж из книги Исхода:

«Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его (т.е. Моисея) Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора (Ṣippora т.е. жена Моисея), взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего ('orlat bĕnah) и, бросив к ногам его, сказала: Ты жених крови (ḥătan damīm) у меня. И отошел от него Господь. Тогда сказала она: жених крови — по обрезанию»[28].

Напомним контекст рассматриваемого сюжета. Изгнанник Моисей получает божественное откровение (явление божественного знака через неопалимую купину) и последующее повеление идти в Египет, чтобы вывести из рабства израильский народ. Во время перехода, на одной из ночных стоянок, и случается столь необычная встреча. Богословы и современные библеисты всегда пытались ответить на вопрос: кого в данном тексте следует понимать под «женихом» Сепфоры? Совсем недавно данный фрагмент стал предметом всестороннего исследования

[24] Согласно мусульманской традиции, Ибрахим был обрезан в восьмилетнем возрасте (Wensinck 1986, 20).

[25] Van Donzel, Lewis, Pellat 1997, 913; Ахмад ад-Дин 2005, 102.

[26] Ахмад ад-Дин 2005, 102–103.

[27] Van Donzel, Lewis, Pellat 1997, 914. Подтверждение данного положения можно наблюдать в Саудовской Аравии, где практикуется именно «фараоново обрезание». Данную операцию проводят исключительно старшие женщины в деревнях. Действо сопровождается ритуальными танцами под аккомпанемент бубнов и совершается примитивным лезвием (Сэссон 2008, 171–172). Каменный нож — важный элемент большинства инициаций в традиционных обществах — постепенно уступает место примитивным бритвенным лезвиям и даже осколкам стекла.

[28] Исх. 4, 24–26.

в монографии А. Десницкого[29]. Ученый собрал все известные редакции данного текста и многочисленные комментарии.

Однако даже в столь фундаментальном исследовании, как «Поэтика библейского параллелизма», не было учтено очень существенное наблюдение отечественного семитолога-энциклопедиста И. Ш. Шифмана. И. Ш. Шифман пишет буквально следующее: «Несоблюдение обряда обрезания в отношении сына влечет, таким образом, гнев Божий против отца. Обрезание и касание стоп Божьих спасает человека от попытки Бога его убить. Особенно важно здесь выражение «зять крови» (вариант прочтения *ḥăṯan damīm*): оно доказывает, что отношения кровного родства между людьми и Богом уже возникли или существовали как следствие брака Бога с представительницей этого общества (ср. схожие представления об угаритской богине Анату, именуемой «невестка Бога» — *ybml l'imm*). Обрезание устанавливает узы кровного родства, делает людей сопричастными в Боге и единосущными с Богом. Нам кажется несомненным, что такие воззрения были общими для всего переднеазиатского Средиземноморья…»[30].

Примечательно, но именно в Египте мы впервые сталкиваемся с различными сюжетами о сакральном браке бога солнца Ра и земной женщины, которая чудесным образом рождает детей, будущих правителей Египта[31]. Как отмечает в этой связи О. Д. Берлев, «новым царям не надо было доказывать свою легитимность, поскольку принципы священного брака, в который Солнце (т.е. бог Солнца) могло вступить в любой семье, не обязательно царской, но им надо было объяснить выбор Солнца его планами свершить через своих сынов, царей Египта, нечто необыкновенное, такое, как новое объединение и успокоение Египта, верховенство над всем окружающим миром и т.п.»[32] По свидетельству Плутарха, чья информация представляется в этой связи крайне важной, египтяне свято верили, что женщине «доступно соединение с духом божества и следствием этого бывает некое первичное зачатие»[33]. Позднее данный сюжет переосмысливается в ритуале сакральной свадьбы, в ходе которой бог Амон («сокровенный») принимает образ царственного супруга и посещает покои царицы[34]. В результате данного союза на свет также появляется будущий наследник престола.

Мы можем с достаточной степенью вероятности допустить, что ритуал обрезания египтяне также могли посвящать богу-создателю, коим и был Амон. В частности, сохранился интересный скорописный текст на остраконе времени XIX династии, в котором обрезание неких людей увязывается с обетом, даваемом богу египетских Фив: *jw rdt š;d p; jsft m b;ḥ Jmn* — «Они пришли, чтобы совершить обрезание перед Амоном»[35].

Рассмотрим еще один интересный сюжет. Речь идет о рельефе из храма богини Мут в Карнаке, на котором изображена процедура обрезания царских детей (см. рис. 3)[36]. К сожалению, мы не можем установить, кто и когда повелел высечь

[29] Десницкий 2007, 356–371.
[30] Шифман 1999, 251–252.
[31] Erman 1890.
[32] Шэхаб Эль-Дин 1993, 110.
[33] Plut. Numa IV.
[34] Brunner 1986.
[35] De Wit 1972, 43.
[36] Bailey 1996, 20–21. Прорисовка: Bailey 1996, fig. 3.

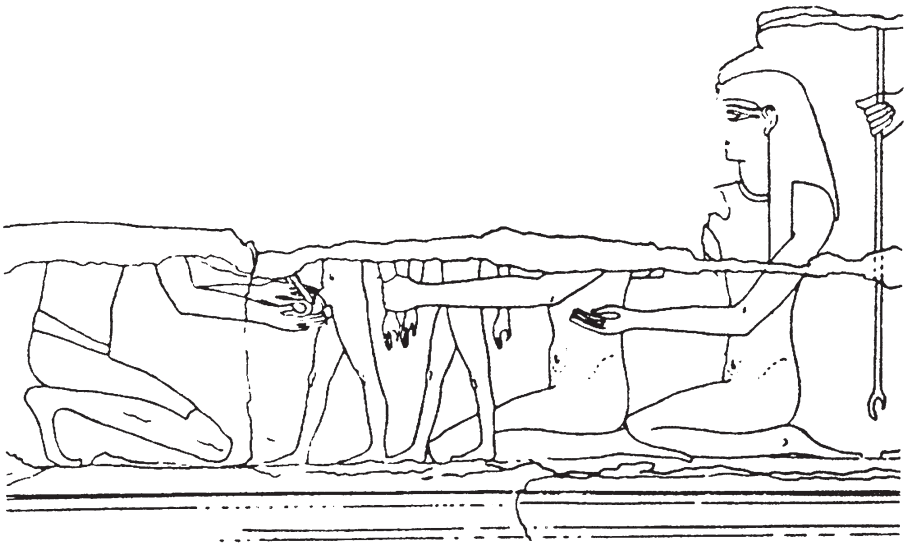


Рис. 3

на стене храма данное изображение. Интенсивная строительная деятельность в храме Мут начиналась царем XVIII династии Аменхотепом III (1386–1349 гг. до н.э.) и была продолжена царями XIX династии. Однако для нас это не представляется принципиально важным. Прежде всего, на фрагменте рельефа отчетливо видно, что обрезание производится жрецом, которому ассистируют две женщины (жрицы?). Одна из женщин сзади заламывает ребенку руки, в то время как жрец совершает обрезание. Примечательно, что как на рельефе из гробницы Анхмахора, так и на рельефе из храма Мут испытуемые стоят[37]. Не менее важным представляется и тот факт, что обрезание совершается в присутствии богов. Мы вправе задать вопрос, почему данный рельеф происходит именно из храма Мут?

Имя этой богини мы условно переводим как «Мать». Но чаще оно бывает табуированным, скрытым за многочисленными второстепенными именами, которые только отражают грани ее сути («Великая», «Могучая», «Великая чарами» и т.д.). К. Зете справедливо замечает, что и «мать» она постольку, поскольку является матерью Амона-Ра, что, впрочем, не мешает ей быть его супругой (вторично порождая своего мужа как бога Хонсу) и даже дочерью[38]. Все это свидетельствует о том, что Мут — это прежде всего «богиня-око», охранительница и защитница своего отца Амона-Ра[39]. Но она также универсальное космическое божество, как мать она обвивает его в виде змеи в первозданном хаосе[40].

[37] Этот момент представляется важным, так как в некоторых современных инициациях испытуемых кладут на землю. Причина этого в том, что ребенок начинает понимать, что процедура будет болезненной и начинает сопротивляться. Поэтому в лежачем положении его держат сразу четыре человека. В Древнем Египте мы наблюдаем иную ситуацию. Ребенок стоит, следовательно, он понимает, что он должен терпеть боль в присутствии богов. Иначе его сочтут слабым и недостойным царского звания (т.е. в будущем).

[38] Sethe 1976, § 47.

[39] Sethe 1976, § 45.

[40] Sethe 1976, § 47.

В комплексе Карнака, откуда происходит рельеф со сценой обрезания царских детей, Мут особенно почиталась в образе Сохмет[41]. При Аменхотепе III на территории храма Мут было воздвигнуто более 600 двухметровых статуй сидящей на троне богини Сохмет, выполненных из гранита и диорита. Сохмет представляет собой женщину-львицу, или гневное проявление богини Хатхор, уничтожившей врагов своего отца Ра, согласно мифу «Книги Коровы». Так как восстание было потоплено в крови, то приношение крови обрезания для богини может восприниматься как акт символический, призванный отвратить ее гнев от ребенка и призвать ее в качестве покровительницы. Но самое главное — обрезанные царские дети посвящались этим актом богу Амону, покровителю Карнака. Это объясняет, почему сцена с обрезанием происходит именно из храма «матери» Мут.

Очевидно, что культ Хатхор-Сохмет проник на территорию Карнака с западного берега Фив, т.е. из зоны некрополя. Первые следы этого культа фиксируются в эпоху Первого переходного периода (2181–2040 гг. до н.э.). Однако культ Хатхор явно не фиванский и пришел туда, скорее всего, с территории Дендер. Об этом свидетельствует как царская, так и жреческая титулатура времени Среднего царства, в которой Хатхор упоминается как «владычица Дендер»[42]. Поэтому случай с Мерери (см. выше) для нас важен особо: *«Я погребал ее (т.е. города Дендеры) стариков, (я) обрезал ее молодых»*[43].

Здесь интересным представляется не столько его руководство этой инициацией, сколько его сакральный статус. Из надписей мы знаем, что должности Мерери указывали на его ведущую роль в организации культа Хатхор в Дендере[44]. Например, он был «пастухом священной коровы» (именно культ Хатхор в виде коровы получил в последующем распространение в фиванском некрополе). Но он также носил уникальный титул –

«Тот, кто над тканями Хатхор, владычицы Дендеры».

Как полагает Ш. Аллам, роль Мерери в данном случае сводилась к облачению статуй в храме Хатхор[45]. Таким образом, изначально обрезание могло быть связано именно с культом Хатхор, покровительницы Дендеры, а уже впоследствии оно стало ассоциироваться с культом Амона и его женского двойника Мут.

И библейский, и египетский варианты по сути подчеркивают то положение, что с женщиной сочетается некая невидимая божественная сила, а не просто земной жених. Таким образом, обрезание как «завет крови» может являться свидетельством того, что в родившемся ребенке признается отцовство божества.

---

[41] Sethe 1976, §44. М.Шпигельман интерпретирует фрагмент рельефа из храма Мут как проведение хирургической операции, а не обрезания (Spigelman 1997, 91–92). Нет ничего удивительного в том, что храм Мут мог выполнять роль своеобразного лазарета, так как «жрецы Сехмет» были в том числе врачами-хирургами. Об этом свидетельствует прежде всего знаменитый хирургический папирус Эдвина Смита (Вассоевич 1995, 100–101). Однако этот факт только доказывает, что ритуал обрезания царских детей мог проводиться именно жрецами Сехмет как первыми профессионалами своего дела. Другими словами, обрезание доверяли преимущественно врачам.

[42] Allam 1963, 57.

[43] Fischer 1968, 149–150; Roth 1991, 71.

[44] Allam 1963, 51–53.

[45] Allam 1963, 126.

Священное дерево

Теперь, чтобы дополнить картину, мы коснемся института обрезания в традиционных африканских обществах. Прежде всего, когда говорится об обрезании в традиционных обществах, оно рассматривается преимущественно в рамках возрастных[46] инициаций. В разных племенах эти ритуалы проводятся по-разному. Тем не менее, всегда наличествуют и общие моменты. Например, инициации совершаются отдельно для каждого пола, при этом подбираются подростки преимущественно одной возрастной[47] группы. Испытуемых поселяют в специальные лагеря на краю деревни, у реки или в лесу. Там, по местным поверьям, юноша или девушка должны принести себя в жертву предкам, пройти через ритуальную смерть, чтобы возродиться для полноценной взрослой жизни.

Поэтому, чтобы четче обозначить грань перехода между беззаботным детством и юностью с ее новыми правами и обязанностями, подростки проходят через символическую смерть. Чтобы преодолеть этот рубеж, они подвергаются различным болезненным испытаниям — ритуальным калечениям. Например, их подвергают порке, им подпиливают или выбивают зубы (гереро, масаи, бакамба), делают татуировки, скарификацию кожи, — в данном случае порезы, разбухая, образуют различные причудливые рисунки (сенуфо, моси, сара). Обрезание, а в ряде случаев и искусственная дефлорация девушек (валенга), совершается на заключительной стадии посвящения. Преобразование личности всегда заканчивается получением нового имени. При этом инициации для девушек существенно отличаются от мужской. Если в ходе инициаций юноши проходят своеобразную закалку тела и духа (в частности, во время обрезания подросток должен терпеть боль и не проронить ни стона), то девушки избавляются от своей природной нечистоты, проходят моральное и духовное совершенствование[48].

Как отмечает Б. Оля, зона распространения подобных инициаций в Африке очень обширна, но не непрерывна. Обрезание и эксцизия — или заменяющие их операции — практикуются, как правило, на суданских равнинах и в лесных массивах. Между этими двумя полосами живут народы, которые не только не прибегают ни к какому калечению, но и запрещают его. Интересная информация касается палеонегритских народов (нуэр, динка, ануаки). Здесь обрезание, как правило, не производится. Зато эксцизия встречается часто. Причиной этого информанты называют именно природную нечистоту женщины. Например, по местным поверьям, от прикосновения женщины, у которой начинаются месячные, сохнут виноградные лозы, вянут овощи, гниет зерно, киснут молоко и вино, буйволы становятся слабосильными и т.д.[49]

Однако некоторые африканские мифы представляют для нас особый интерес. Например, в 1946 г. старейшины Огола решили допустить французского этнолога Марселя Гриоля и его ближайшую сотрудницу Жермену Дьетерлен к посвящению

[46] Данные обряды хорошо известны не только в африканской традиции. Например, в отечественной этнографии данная проблема впервые была поставлена выдающимся русским путешественником и исследователем Н. Н. Миклухо-Маклаем, чрезвычайно подробно описавшим обычаи папуасов Новой Гвинеи (Миклухо-Маклай 1940, 217).

[47] Чрезвычайно подробно «ритуалы перехода» описаны в монографии французского этнолога Богумила Оля (Оля 1976, 116–132).

[48] Ксенофонтова 1999, 109–110.

[49] Ксенофонтова 1999, 110.

в «глубокое знание»[50]. Они поручили это одному из своих членов Оготеммели. Оготеммели не только приобщил этнологов к начальному знанию, но затем смог их ввести в одну из самых совершенных космогонических картин мироздания[51]. Немалое место в ней отводилось обрезанию и эксцизии. Так, Творец Амма создал мужчину и женщину одинаковыми, как двойников. Но затем они были разделены, чтобы дополнять друг друга, взаимодействовать и тем самым участвовать в динамике жизни. Чтобы добиться такого созидательного противоречия, один из предков нарисовал на земле два контура, один мужской, другой женский, так, чтобы один покрывал другой. Затем первый мужчина лег на них и принял за свои собственные. Но то же самое произошло и с женщиной. Поэтому в этот момент каждый человек был наделен одновременно душами разных полов. У мужчины женская душа располагалась в крайней плоти, у женщины мужская душа находилась в клиторе. Чтобы человек не мог нести бремя сразу двух разнополых существ, предок Номмо сделал мужчине обрезание, тем самым удалив женское начало, таившееся в крайней плоти. Мужское начало в женщине было удалено во время совокупления с мужчиной, уже лишенным женских черт. По одной мифологической версии, первая эксцизия была совершена неким Амма (всего их четырнадцать), который пытался совокупиться с землей. На его пути встретился оттопыренный термитник, клитор земли, который был раздавлен[52].

Обратимся непосредственно к тому источнику, который был открыт М. Гриолю и подробно описан в статье «Суданская система Сириуса»[53]. Сириус и его звездная система — центральное ядро всей системы мироздания догонов и родственным им бамбара (оба народа принадлежат к языковой группе манде). Название Сириуса у догонов звучит как Сиги толо, звезда Сиги, или Йазиги Толо, звезда Йазиги. И догоны, и бамбара называют одновременно Сириус «звездой обрезания». В чем тут дело? Как отмечает М. Гриоль, система Сириуса ассоциируется с ритуалом обновления людей и соответственно — в согласии со складом ума африканцев — с церемониями, отмечающими обновление мира[54].

В мифологии бамбара Сириус выступает и как «звезда основания», символизирующая Мусо Корони Кундье, женского двойника демиурга Пембы, мифическую женщину, которую он преследовал и не мог поймать. Мусо Корони во всех отношениях подобна Йазиге догонов. Согласно бамбара, именно она ввела обрезание и эксцизию. В частности, об этом повествует миф о горящем дереве баланза, или acacia alfida[55]. В далекие времена на земле не было смерти, а вся власть принадлежала фаллическому дереву Пемба (Пембеле, баланза) и предку людей, духу воды Фаро (система Сириуса у бамбара представляет на небе невидимое тело Фаро или «две звезды знания»). Стремясь к господству над миром, Пемба не довольствуется больше Мусо Корони, а требует, чтобы все земные женщины принадлежали только ему. Они должны были соединяться с ним, увеличивая его жизненную силу и могущество, т.к. он питался их силой. Баланза всегда требовались

[50] Дэвидсон 1975, 141–142.

[51] Основные космогонические доктрины догонов излагаются в монографии «Бледный лис» (Griaule, Dieterlen 1965).

[52] Котляр 1975, 95.

[53] Griaule, Dieterlen 1950, 273–294.

[54] Griaule, Dieterlen 1950, 280.

[55] Котляр 1975, 86–94; 2009, 79–81.

новые силы для созидания. Однако сил, которые он черпал в семенной жидкости женщин, было недостаточно. Однажды старик женился на девушке, но, т.к. был бессилен, девушка соединилась с деревом. Дерево, дефлорировав ее, покрылось кровью. После этого оно стало горячим. Отныне Пемба требовал большего. Люди должны были приносить ему свою кровь, и все женщины должны были принадлежать только ему. В обмен дерево стало омолаживать людей.

Впоследствии предок человеческого рода Фаро восстал против могущества баланза и победил его. Постепенно отвернулись от дерева и люди, которые перешли под покровительство Фаро, но с этого момента стали смертными. На этом миф подходит к своему логическому завершению. Примечательно, что цикл преданий о Фаро был известен фульбе, сенуфо и туарегам, следовательно, был распространен на значительном пространственном ареале[56]. В. Тэрнер выявил, в частности, во многом схожие представления у ндембу (северо-западная Замбия)[57]. Так, при сооружении травяной хижины для изоляции девушки-неофита во время церемонии совершеннолетия две основные рейки деревянного каркаса символизируют дерево мудьи и мукулы. Для ндембу мукула представляет мужа, за которого девушка выйдет сразу после совершения обрядов инициаций. При этом информанты поясняют, что основное доминантное значение мукулы — это кровь.

В мифе бамбара, в частности, имеется важный фрагмент, когда дерево становится горячим от крови. Кровь — это совокупная жертва людей божеству, благодаря которой оно обновляет мир. Обратим внимание, что с точки зрения данного мифа совсем не играет никакой роли, чья кровь приносится дереву — женская или мужская. Согласно мифу бамбара, женщины могут приносить девственную или менструальную кровь, мужчины — кровь из своих вен. С точки зрения Ветхого завета, младенец при обрезании посвящает свою первую кровь Богу, при этом он становится под его защиту, и в дальнейшем это служит гарантией продолжения его рода[58]. Как в Ветхом Завете (эпизод с Моисеем), так и в мифе бамбара ключевая роль отводится женщинам. Сепфора четко понимает, что нужно сделать, чтобы отвести от Моисея гнев божества. Она действует как профессиональная жрица. Но Сепфора одновременно и «невеста Бога». Невестами баланза были все земные женщины. Не случайно особенно изощренные инициации проходили там, где преобладал материнский счет родства[59]. Суммируя данные наблюдения, мы можем заключить, что обрезание — это один из вариантов жертвы божеству, подчеркнем особо — жертвы кровью. Возникает закономерный вопрос, можно ли вписать в древнеегипетский историко-религиозный контекст нечто общее, что характеризует африканские предания?

Чтобы ответить на него, мы обратимся к анализу одного малопонятного и труднообъяснимого мифологического сюжета, дошедшего от древнеегипетской эпохи, связанного с горящим сикоморовым деревом (Ficus sycomorus). Самые

[56] Котляр 1975, 94.

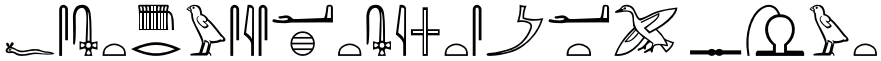
[57] Тэрнер 1983, 33–34, 37.

[58] В частности, А. Десницкий указывает на ряд этимологий к древнееврейскому хатан дамим, т.е. «жених крови». Например, угаритское ḫtn в значении «жениться», арабское ḫatana — «обрезать крайнюю плоть» и аккадское ḫatānu в значении «защищать» (Десницкий 2007, 359). Возможно, отсутствие женского обрезания у израильтян объясняется тем, что женщина посвящает свою кровь Богу в первую брачную ночь, т.е. речь идет о девственной крови.

[59] Ксенофонтова 1999, 116.

ранние упоминания о нем содержатся в «Текстах пирамид» (около 2350 г. до н.э.), едва ли не древнейшем письменном памятнике мировой религиозной литературы:

«Привет тебе, сикомора, обнимающая (вар. «защищающая») бога, под которой стоят боги иного неба,



чья кора сожжена, сердцевина обуглена, которая приносит страдания (?)[60]*;*

собираешь ты жителей Нуна, собираешь ты жителей Луков» [61].

В данном тексте перед нами по сути предстает вселенная древнего египтянина. Луки — это все окружающее пространство с его населением, включая Египет. Жители Нуна — это умершие, равно как и боги другого (т.е. перевернутого) неба — *njwtjw*[62]. Сикомора, расположенная в центре, подобно мировому древу, охватывает собой мир живых и умерших (т.е. предков). Но почему это дерево горящее?

Первым исследователем, кто постарался дать на этот вопрос обстоятельный ответ, был немецкий египтолог Г. Кеес[63]. Г. Кеес не привлекал в своем исследовании данные африканского фольклора, поэтому указал на связь сикоморы с солярным культом[64]. Его объяснение представляется несколько наивным. Так, по его мысли, восходящее солнце просвечивает своими лучами через крону дерева, создавая эффект горения. Однако, касаясь символики цвета, Г. Кеес отмечает, что «красный» соответствует цвету неба в период восхода и заката светила, в восприятии египтянина, — места борьбы солнечного божества и сил мрака. Красный

---

[60] Одно из самых трудных для понимания мест текста. *MAa.t pAzw.t* Г. Кеес предлагает читать «воистину красная» (Kees 1979, 90, 134). Очень интересен детерминатив, представляющий собой стекающую из головы (?) струйку крови (вар.). Поэтому как один из вариантов можно предложить такой — «кровоточащая». Р. Фолкнер предлагает следующее оригинальное чтение: «Которая посылает боли смерти» (Faulkner 1969, 229). В нашем переводе мы больше склоняемся к варианту прочтения К. Зете (Pyr.Texte II. 313), хотя интерпретация Р. Фолкнера представляется не менее интересной.

[61] Pyr. 1485a-1486a. Возможно, некоторая параллель мифу о горящей сикоморе присутствует в другом пирамидном изречении, согласно которому умерший царь должен переправиться на восточную сторону неба, буквально *n nh.t-tf qA.t jAbt.t p.t qrqr.tj Hms.t nTr.w dp .s* — «к той высокой сикоморе на восточной стороне неба, горящей (?), на которой восседают боги» (Pyr. 916 a-b).

[62] В данном случае мы имеем дело с относительным прилагательным, образованным от существительного «небо» (*njw.t*) или (*nn.t*). Поэтому буквальный перевод — *njw.tjw* (*nn.tjw*) «небесные» (Hannig 1995, 392; 2003, 598). Так называемое «противонебо» является в мифологическом сознании египтянина эпохи пирамид женским дополнением к *njw* (Pyr. 546a), т.е. «небу» Нуну, «отцу богов» (Hannig 1995, 595; Sethe 1976, §61).

[63] Kees 1979, 90, 134; 1980, 84.

[64] Г. Кеес усматривает определенную параллель с мифологическим сюжетом, изложенным в 17 главе «Книги мертвых». В ней в частности описывается гелиопольская персея, расколовшаяся рядом с богом Атумом, чтобы из нее могло взойти солнце.

цвет — цвет огня и одновременно цвет крови, который неизбежно сопровождает эту борьбу[65]. Исследователь Э. Хермзен усматривает параллель священной иерофании (букв. ιερός, «священный» + φανός, «свет», термин М. Элиаде) горящей сикоморы в Θεοφανεια (букв. «Богоявление») горящего куста из книги Исхода (3, 2), когда Яхве заключает с Моисеем своеобразный завет[66]. Об этом мы писали выше.

В историческое время культ священной сикоморы был тесно связан с культом богини Хатхор (*Ḥt-ḥr*, буквально «Дом Хора»), той самой Хатхор, которую мы упоминали в связи с Дендерой, богини любви, ритуального опьянения, но в то же время покровительницы института царской власти и одновременно всех территорий, окружающих Египет, включая недра земли и преисподней. Перед нами и уже в достаточно раннее время налицо образ универсального женского божества. Фараоны Древнего царства величали себя *mrj Ḥt-ḥr nbt nht m swt.s nbwt* «Любимыми Хатхор, Владычицей сикоморы в местах ее всяких»[67]. Вместе с этим Хатхор — это супруга солнечного божества (Ра-Атума, позднее Амона-Ра), оказавшая преимущественное влияние на складывание образа фиванской Мут. Жрицами Хатхор, «владычицы сикоморы», в эпоху строителей пирамид были исключительно женщины, игравшие важную роль при царском дворе и составлявшие институт так называемых «царских сокровищ» (прообраз гарема?)[68].

Можно ли утверждать на основании этого, что культ священной сикоморы, богини Хатхор, покровительствующей этому дереву, и является тем архетипом, вокруг которого кристаллизуются древние ритуалы обрезания и эксцизии? На этот вопрос мы склонны ответить скорее положительно. Но важно здесь другое. Древнеегипетские свидетельства об обрезании обладают важной особенностью. Они не раскрывают сущность самого явления, они его просто фиксируют. Наша задача поэтому выглядит куда сложнее: на основе этих разрозненных свидетельств показать более-менее общую картину. В ходе нашего обзора мы смогли показать главное: как в Африке, так и на Ближнем Востоке существовали (и существуют по сей день) культурологические маркеры, которые отвечают за сферу обрезания — культ универсального божества, связь этого божества с земной женщиной и тесно связанный с ними «завет крови». Последний сюжет, в свою очередь, может восходить к культу некоего мифического дерева и покровительствующей ему богини.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмад ад-Дин 2005: Обрезание девочек: требование ислама или дань традиции? // Любовь и секс в Исламе. М.

Берлев О.Д. 1978: Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М.

Берлев О.Д., Ходжаш С.И. 2004: Скульптура Древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог. М.

[65] Kees 1943, 448.
[66] Hermsen 1981, 32.
[67] Begelsbacher-Fischer 1981, 53.
[68] Begelsbacher-Fischer 1981, 74.

Дэвидсон Б. 1975: Африканцы. Введение в историю культуры. М.

Десницкий А. 2007: Поэтика библейского параллелизма. М.

Котляр Е. С. 1975: Миф и сказка Африки. М.

Котляр Е. С. 2009: Указатель африканских мифологических сюжетов и мотивов. М.

Ксенофонтова Н. А. 1999: Африканки. Гендерный аспект общественного развития. М.

Лот А. 1984: К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре. Л.

Миклухо-Маклай Н. Н. 1940: Путешествия. Т. I. М.;Л.

Оля Б. 1976: Боги тропической Африки. М.

Сэссон Д. П. 2008: Мемуары принцессы. СПб.

Тэрнер В. 1983: Символ и ритуал. М.

Шехаб Эль-Дин Т. М. 1993: Автобиография в Древнем Египте в эпоху IV–VIII династий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.

Шифман И. Ш. 1999: Древняя Финикия: мифология и история // Финикийская мифология. СПб.

Badawy A. 1978: The Tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the Tomb of ʿAnkhmʿhor at Saqqara. Berkeley; Los Angeles.

Begelsbacher-Fischer B. 1981: Untersuchungen zur Götterwelt des Alten Reiches. Im Spiegel der Privatgräber der IV. Und V. Dynastie. Göttingen.

Brunner H. 1986: Die Geburt des Gottkönigs. Studien zur Überlieferung eines altägyptischen Mythos. Wiesbaden.

Van Donzel, Lewis B., Pellat Ch. 1997: Khafd (khifăd) // The Encyclopaedia of Islam. T. IV. Leiden, 913–915.

Edel E. 1955: Altägyptische Grammatik I. Roma.

Erman A. 1890: Die Märchen des Papyrus Westcar. Bd. 1–2. Berlin.

Fischer H. G. 1968: Dendera in the Third Millenium B. C. New York.

Griaule M., Dieterlen G. 1950: Un système soudanais de Sirius // Journal de la Société des Africanistes. 20, 273–294.

Griaule M., Dieterlen G. 1965: Le Renard Pâle. T. I. Le mythe cosmogonique. Paris.

Grunert S. 2002: Nicht nur sauber, sondern rein. Rituelle Reinigungsanweisungen aus dem Grab Anchmahor in Saqqara // Studien zur Altägyptischen Kultur. 30, 137–151.

Hannig R. 2006: Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Teil 1. Mainz am Rhein.

Hannig R. 1995: Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v. Chr.). Mainz.

Hermsen E. 1981: Lebensbaumsymbolik im Alten Ägypten. Köln.

Kanawati N., Hassan A. 1997: The Teti Cemetery at Saqqara II: The Tomb of Ankhmahor. Sydney.

Kees H. 1943: Farbensymbolik in ägyptischen religiösen Texten. Göttingen.

Kees H. 1979: Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der Alten Ägypter. Grundlagen und Entwicklungen bis zum Ende des Mittleren Reiches. Darmstadt.

Kees H. 1980: Der Götterglaube im Alten Ägypten. Darmstadt.

Moftah R. 1965: Die uralte Sykomore und andere Erscheinungen der Hathor // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 92, 40–47.

Nunn J. F. 1996: Ancient Egyptian medicine. London.

Roth A. M. 1991: Egyptian Phyles in the Old Kingdom. The Evolution of a System of Social Organization. Chicago.

Schäfer H. 1905: Urkunden der ältesten äthiopenkönige. Leipzig.

Wensinck A. J. 1986: Khităn // The Encyclopaedia of Islam. Leiden, 20–22.

Westendorf W. 1975: Beschneidung. Lexikon der Ägyptologie. Bd. I. Wiesbaden.

De Wit C. 1972: La circoncision chez les anciens Egyptiens // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 99, 41–48.

CIRCUMCISION IN ANCIENT EGYPT — RITUAL INTERPRETATION FROM THE STAND POINT OF MIDDLE EASTERN AND AFRICAN TRADITIONS

R. A. Orekhov

The author aims to interpret the complex ancient Egyptian institution of circumcision on the basis of Middle Eastern and African cultural traditions. The peculiarity of ancient Egyptian texts is that they tend to capture this phenomenon, but never give it an explanation. The author highlights the specific markers that are responsible for circumcision in traditional societies of the Middle East and Africa, and finds similar motivational signs in the ritual practices of ancient Egypt. The author concludes that the institution of circumcision in ancient times was closely connected with the cult of the sacred sycamore and patronizing it goddess Hathor, the wife of the sun-god Ra-Atum.

Key words: Ancient Egypt, religion, mythology, circumcision and the cult

---

© 2014

Г. А. Кошеленко, В. А. Гаибов

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ВОСТОК: КОЛОНИЗАЦИЯ ВЕРХНИХ САТРАПИЙ (МАСШТАБЫ, ДИНАМИКА, ХАРАКТЕР)

Основной задачей данного исследования является выявление особенностей колонизационного процесса в раннеэллинистический период. Обычно в литературе этот процесс рассматривается как нечто единое, что, с точки зрения авторов, не правильно. Авторы выделяют три этапа этого процесса, достаточно резко отличающиеся друг от друга. Первый из них — время Александра Македонского. В это время происходит массовое оседание на данной территории греков и македонян (последних - в гораздо меньших масштабах). Основная часть их — гарнизоны в городах и население вновь основанных городов. Можно говорить о нескольких десятках тысяч греков. Смерть Александра привела к драматическим событиям — восстанию греков и их массовому убийству. Несколько десятилетий «верхние сатрапии» были отрезаны от Средиземноморья, сюда не приходили ни новые люди, ни новые идеи с Запада. Только с того момента, когда Антиох стал соправителем Селевка на Востоке, сюда в массовом порядке хлынули новые поселенцы, среди которых было много специалистов, и большие денежные средства, что обеспечило подъем этого региона.

Ключевые слова: Бактрия, Согд, Маргиана, Арея, Арахосия, Драангиана, Александр Македонский, Селевк, Антиох, колонизация, масштабы колонизации, гарнизон, город, греки, македоняне

Кошеленко Геннадий Андреевич — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. E-mail: koshelenko@mail.ru

Гаибов Васиф Абидович — старший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН, кандидат исторических наук. E-mail: gaibov@mail.ru

Основным объектом исследования в данной работе является обширный регион, расположенный к востоку от Мидии, носивший в эллинистическую эпоху название «верхние сатрапии». Хотя границы его несколько менялись в связи с изменениями политической ситуации, все же в глазах современников он представлялся чем-то более или менее единым. Этот регион включал в себя несколько больших историко-культурных областей: Парфиена, Арея, Маргиана, Бактрия, Согдиана, Паропамисады, Арахосия, Драангиана. Все они были в древности населены близкородственными ираноязычными народами[1], находились примерно на одинаковом уровне социального и культурного развития и у них были сходные исторические судьбы[2].

Весьма короткий исторический период северо-запад Индийского субконтинента был включен в состав державы Александра Македонского и, в силу этого, мы в данной работе будем рассматривать в единой перспективе и этот соседствующий с «верхними сатрапиями» регион.

Хотя в современной научной литературе при рассмотрении проблем эллинистического Востока все больший упор делается на прямую преемственность между эпохой Ахеменидов и последующим временем, все же совершенно невозможно оспорить тот тезис, что сущность эллинизма определялась взаимодействием эллинских и местных, восточных, начал в политике, экономике, культуре. Конечно, сейчас в науке господствует более рафинированный, чем существовавший несколько десятилетий тому назад, подход к проблеме. В частности, исследователи не говорят уже о неких безличных «восточных началах». Сейчас специалисты стремятся учитывать локальный контекст исследуемых феноменов, ибо, например, «восточные начала» в Иране были иными, нежели в Месопотамии[3]. Точно также целый ряд современных исследователей не склонен (особенно для начала эллинистической эпохи) «смешивать» греков и македонян, представляя их как некую единую массу, хотя традиционно многие исследователи пользуются термином «греко-македоняне»[4], хотя во время похода Александра Македонского резкие различия, противоречия, конфликты между греками и македонянами постоянно существовали, и Александру необходимо было постоянно учитывать этот фактор. Сейчас же ряд исследователей достаточно отчетливо осознает наличие различий в языке, условиях существования, культуре, менталитете грека и македонянина, что и предопределяет их различное поведение в аналогичных ситуациях и конфликты между ними[5]. Только постепенно эти различия сгладились и греки и македоняне стали действительно греко-македонянами.

---

[1] Иранисты считают, что иранские языки на древней стадии своего развития были очень близки и, соответственно, носители их достаточно легко понимали друг друга. См. ОИЯ 1979, 83–84, 88–89. Этот вывод находит некоторое подтверждение в китайских письменных источниках первых веков до н.э.: «от Давани (Фергана) на западе до Аньси (Парфия) хотя говорят различными языками; но в обыкновениях весьма сходствуют и в разговорах понимают друг друга» (Бичурин 1950/ II, 161).

[2] Мы не включаем в исследование Хорезм, хотя по ряду параметров он очень близок остальным областям региона, но его историческая судьба несколько отличалась от судеб других областей. Хорезм достаточно рано освободился от власти Ахеменидов и не был завоеван Александром.

[3] См., например, Briant 1978, 60.

[4] Даже в новаторских для своего времени работах П. Бриана (Briant 1978, 57–92; 1982, 83–98) присутствует эта категория.

[5] См., например, Badian 1982, 33–52; Mehl 1991, 107–108. Иногда даже утверждается, что на развитие событий вражда между греками и македонянами оказывала большее влияние, чем сопро-

Исходя из этой принципиальной позиции о сущности эллинизма, мы хотели бы рассмотреть вопрос о колонизации Востока эллинами и македонянами в начале эллинистической эпохи. При этом мы хотели бы особое внимание уделить недостаточно исследованной проблеме количественных показателей, которая, тем не менее, имеет, с нашей точки зрения, большое значение. Для того чтобы происходило какое-либо взаимодействие культур, необходимо, естественно, определенное число участников этого процесса. При минимальном числе участников взаимодействие, если и происходит, то имеет незначительный эффект, не распространяясь дальше очень узкого круга. Точно также важную роль играют и формы организации взаимодействующих этносов в общей структуре общества.

Естественно, что в данной работе мы не собираемся поднимать и, тем более решать, все эти проблемы. Наша задача более узкая – попытаться понять динамику прихода на Восток эллинов и македонян, их примерное количество, характер тех социальных организмов, в которых они существовали на Востоке и, тем самым, понять те рамки, в границах которых происходил процесс взаимодействия культур.

Хронологические границы исследования определяются следующими параметрами: 1) время Александра Македонского, 2) время диадохов, 3) первые годы владычества Селевкидов. В современной литературе устоялась тенденция рассматривать колонизацию данного времени как единый процесс[6]. Однако нам представляется, что подобный подход не верен, во всяком случае, в применении к рассматриваемому региону. Нам кажется, что внутри этого периода четко выделяются те три этапа, на которые мы указали, и каждый из них обладал своей спецификой, что мы и постараемся показать в данной статье.

Время Александра Македонского. Курций Руф, описывая планы Александра Македонского относительно контроля над завоеванной Азией, выделял три инструмента в его системе господства. Первым из них была, естественно, регулярная армия, вторым – гарнизоны, ранее расположенные во многих местах (pluribus locis praesidia disposuiset), наконец, третьим элементом были новые города, заселенные колонистами (urbes, quas colonis replesset). Именно эти три элемента составляли основу власти Александра (Curt. Ruf. X. 2. 8).

Проблема армии имеет особое значение, но она выходит за рамки нашей задачи. В силу этого, мы считаем необходимым рассмотреть, в первую очередь, данные источников, говорящие о втором элементе. Термин *praesidium* достаточно часто встречается в тексте Курция Руфа. Судя по контексту, этот термин обычно употребляется, когда отряд войск занимает уже ранее существовавшее укрепление. В греческих текстах, в частности у Арриана, используется обычно термин φυλάκη. В тех случаях, когда имеется в виду заново создающееся укрепление (предназначенное для его занятия гарнизоном), Курций Руф употребляет термин *oppidum.* Греческие авторы обычно употребляли термин κατοικία (или производные от него) для обозначения как самого поселения воинов, так и их коллектива[7]. Эти вооруженные силы находились обычно под командой сатрапа,

тивление местного населения завоевателям. См. Holt 1988, 77.

[6] Особенно ярко см. Billoows 1995. См. также Briant 1978, 57–92; 1982, 83–98.

[7] Cohen 1978, 4–5; Bar-Kochva 1976, 22–24.

если сатрап был македонянином, или лица, назначенного наблюдать за сатрапом[8]. В рассматриваемом нами регионе впервые эти подразделения упоминаются при завоевании Ареи. Сдавшийся Александру сатрап Сатибарзан сохранил свой пост, но за ним должен был «приглядывать» Анаксипп, один из «друзей» македонского царя, которому он дал около 40 всадников, метателей дротиков, распределенных по отдельным населенным пунктам (ὡς ἔχοι φύλακας καθιστάναι τῶν τόπων). Правда, Арриан утверждает, что эти воины должны были обеспечивать безопасность местного населения от проходящей македонской армии (Arr. III, 25, 1–2), но, думается (исходя из дальнейшего развития событий), что не эта функция была главной[9].

При рассказе о событиях, происходивших в Бактрии, также упоминаются гарнизоны. В частности, говорится о взятии Драпсака и, затем, Аорна и Бактр, которые, по словам Арриана, были крупнейшими городами Бактрии. На акрополе Аорна был оставлен гарнизон (φυλακὴν ἐν τῃ ἄκρᾳ τῆς Ἀόρνου ἀπέλιπε), под командой одного из «друзей» царя – Архелая, сына Андрокла (Arr. III, 29, 1)[10]. Аналогичную информацию передает и Курций Руф. Назначив сатрапом Бактрии Артабаза, Александр двинулся на завоевание Согдианы, оставив здесь «вместе с гарнизоном поклажу и обоз» (sarcinas et impedimenta ibi praesidio reliquit – Curt. Ruf. VII, 5, 1).

Что касается Согдианы, то Курций Руф сообщает о гарнизоне в Маракандах (Curt. Ruf. VII. 6. 10 – praesidio urbe relicto). Восстание в Уструшане привело к гибели гарнизонов, стоящих в городах этой области (τὰ φρούρια ἐν ταῖς πόλεσι), и состоящих из македонских солдат (στρατιώτας τῶν Μακεδόνων), от рук варваров, живущих рядом с рекой (Arr. IV. 1, 4). В Маргиане, по словам Курция Руфа, создаются шесть крепостей (VI oppidis – Curt. Ruf. VII. 8. 15), которые неизбежно должны были быть снабжены гарнизонами[11].

Гарнизоны упоминаются и при описании завоеваний в Индии – в частности, когда рассказ о событиях у Арриана связан с сатрапом Филиппом. Впервые в тексте Арриана он появляется в связи с назначением его сатрапом части индийской территории, с резиденцией в Таксиле. Александр оставил с ним гарнизон (φρουράν τε ἀπολείπει) и небоеспособных воинов (τοὺς ἀπομάχους τῶν στρ ατωτῶν — Arr. V, 8, 3). Затем уточняется состав этого гарнизона: в распоряжении Филиппа находились «все фракийцы, а лучников столько, сколько казалось ему достаточно для охраны страны» (ἐς φυλακὴν τῆς χώρας — Arr. VI. 15. 2). Рассказ о дальнейших событиях добавляет новые краски в понимании характера этого гарнизона. Арриан сообщает, что Филипп был убит воинами-наемниками (τῶν μισθοφόρων), составившими против него заговор. В свою очередь заговорщики погибли от рук его телохранителей — македонян (οἱ Μακεδόνες — Arr. VI.

---

[8] Стандартная практика, которой постоянно следовал Александр. См. Dobbins 1984, 73–108.

[9] Правда, воины, которые были оставлены здесь, вскоре были уничтожены восставшими (Arr. III, 25, 5), однако, нет оснований сомневаться в том, что после подавления восстания гарнизоны здесь появились вновь.

[10] О местоположении Аорна см. Ртвеладзе 1982, 149–152; 2002, 26–28. Другое мнение см. Bernard 1999, 54–55; 1996a, 475–476.

[11] См. Fox 1974, 308. Считается иногда, что он были расположены вдоль реки. См. Шахермайр 1984, 209.

27. 2)[12]. В свое время Р. Биллоуз высказал предположение, что Таксила стала македонской военной колонией[13]. Однако, как мы видим, источники не позволяют сделать этого вывода.

Также в самом начале индийского похода Александр для контроля над завоеванными территориями создал фрурии в Орах и Массагах (τὰ μὲν δὴ Ὥρα καὶ τὰ Μάσσαγα φρούρια ἐποίησεν ἐπὶ τῇ χώρα – Arr. IV. 28. 4)[14]. Определение их как македонских колоний, сделанное Р. Биллоузом[15], не может быть принято, хотя бы потому, что этническая принадлежность воинов, оставленных здесь, источниками не уточняется. Возможно, такую же роль играли и Вазиры и Оробатида, хотя они определяются в тексте как полисы, но сообщается, что в них были оставлены гарнизоны (Arr. IV, 28, 4)[16]. Как и в предыдущем случае, мнение Р. Биллоуза, считающего их македонскими колониями[17], данными источников абсолютно не подтверждается.

Бесспорно гарнизон, оставленный в городе мусиканов, упоминается Арианом (Arr. VII. 15. 7). По поручению Александра Кратер укрепляет акрополь города (τὴν ἄκραν ἐκτείχισθη) и оставляет там гарнизон (φυλακὴ κατέχεσθαι) «для наблюдения над окрестными племенами и удержания их в повиновении». Информацию Арриана подтверждает Курций Руф (Curt. Ruf. IX. 8. 10 – presidium imposuit)[18]. В отношении локализации этого города наблюдается редкостное единодушие – его помещают в район Алора[19]. К проблеме Патал Арриан возвращается несколько раз (Arr. VI. 17. 4; VI. 18. 2; VI. 20. 1; VI. 20. 5). Из этих сообщений становится ясным, что здесь был укреплен акрополь, а позднее была создана и укрепленная гавань, что, естественно, предполагает наличие здесь гарнизона, который также упоминается (φυλακὴν – Arr. VI, 20. 5)[20].

Во время плавания флота Неарха были также созданы опорные пункты на побережье. К числу их относится и Арбис (Арабис), который Плинием определяется как oppidum (Plin. Nat. Hist. VI, 97). Известен этот населенный пункт и Птолемею (Ptol. VI, 21, 5).

Думается, что случаев оставления гарнизонов в различных местных центрах было неизмеримо больше, чем это отмечено источниками. Подобная практика настолько обычна, настолько обыденна, что авторы, как правило, не уделяют особого внимания подобной информации. Они отмечаются только в связи с некоторыми экстраординарными событиями, такими как убийство Анаксиппа и его воинов, заговор против Филиппа и т.д. Практика занятия гарнизонами акрополей важнейших городов уже была хорошо отработана в македонской армии со времен Филиппа.

---

[12] Иногда утверждается, что Филипп был убит местными наемниками (Bosworth 1983, 37; Sherwin-White, Kuhrt 1993, 9), что совершенно не обосновано данными источников.

[13] Billows 1995, 182. № 69.

[14] Другие свидетельства и возможная локализация см. Кошеленко 1979, 158–159; Dani 1994, 77.

[15] Billows 1995, 182. №№ 65, 66.

[16] Возможная локализация см. Кошеленко 1979, 159.

[17] Billows 1995, 182. №№ 67, 68.

[18] После вспыхнувших в стране восстаний гарнизоны были оставлены и в других городах (Arr. VI, 17, 1).

[19] См. Кошеленко 1979, 165.

[20] О возможных локализациях см. Кошеленко 1979, 165; Dani 1994, 85.

Несмотря на скудость информации, мы все же можем сделать некоторые выводы. Прежде всего, цель гарнизонов – контроль над завоеванной территорией[21]. В общем, это настолько элементарно, что специально обосновывать данное явление нет необходимости. Тем не менее, наши источники особо оговаривают это. Так Курций Руф, объясняя планы Александра относительно отправки на родину ветеранов и оставления в Азии только небольшой армии, указывал, как мы отмечали выше, что ему окажут помощь расположенные во многих местах гарнизоны.

Насколько мы можем проследить, командирами таких гарнизонных команд, как правило, являлись люди из непосредственного окружения царя, часто имевшие ранг «друга царя». Состояли эти команды иногда из македонян. Видимо, македонские гарнизоны располагались в наиболее важных пунктах, как, например, в Мараканде (Curt. Ruf. VII, 7, 24 – praesidio macedonum). Точно также, видимо, дело обстояло и в Бактрах[22]. Оба эти города были центрами больших сатрапий, так что повышенное внимание к ним вполне объяснимо. Наличие македонских гарнизонов в Уструшане также совершенно понятно – здесь еще шли военные действия, и эти гарнизоны были подразделениями действующей, а не оккупационной армии.

Чаще гарнизоны составлялись из воинов-наемников, не обязательно греков. В составе команды Филиппа наличествовали, например, фракийцы. Однако, как показывает история с тем же самым Филиппом, помимо обычных воинов-наемников непосредственное окружение такого командира состояло из македонян, выступавших также в роли его телохранителей. Необходимо возразить М. Ольбрыхту, который утверждает, что воинские контингенты, составленные из местных воинов, использовались, главным образом для гарнизонной службы[23]. Он прав, полагая, что армия Александра постепенно наполнялась иранцами, но это верно только в отношении полевых частей. Гарнизонная служба в силу своей специфики – контроля над территорией – требовала, чтобы гарнизоны были чужды основной массе местного населения.

Насколько мы можем судить, общее число воинов, состоявших в таких гарнизонных командах, было достаточно велико, хотя отдельные гарнизоны были и не очень значительны[24]. Во всяком случае, по свидетельству Арриана, Александр Македонский, покидая Бактрию для завоевания Индии, оставил Аминте, назначенному сатрапом, 3500 всадников и 10000 пехотинцев (Arr. IV, 22, 3)[25]. Эта цифра кажется вполне реалистичной, поскольку, по свидетельству Курция Руфа, всю Азию Александр рассчитывал удерживать в повиновении с помощью армии в составе тринадцати тысяч пехоты и двух тысячи конницы (Curt. Ruf. X, 2, 8). Естественно, что эти силы были расквартированы по отдельным городам (занимая, как правило, цитадели) или специально созданные укрепленные поселки. Пред-

[21] См., например, Фор 2001, 392.
[22] См. Goukowsky 1989, 9.
[23] Olbrycht 2007, 311.
[24] Особенно подчеркивает этот момент Ф. Холт. См. Holt 1988, 55.
[25] Обычно считается, что это были греки-наемники. См. Goukowsky 1989, 9. Колонисты из новых городов в их число не входили. См. Holt 1988, 80–81.

ставление о них дает Файлака[26] в Персидском заливе или Елхарас на границах с Хорезмом[27].

В наших источниках гораздо полнее представлена другая форма создания опорных пунктов новой власти – основание городов. Термины, обозначающие этот тип населенного пункта, достаточно обычны: πόλις для греческих авторов и urbs – для римских.

В источниках неоднократно упоминаются основанные в данном регионе города. Юстин, в частности, упоминает семь городов, основанных в Бактрии и Согдиане (Iust. XII, 5, 13)[28]. Первым из городов, созданных в исследуемом нами регионе, называется город Александрия Кавказская (область Паропамисады), который, по всей видимости, был старейшим основанием в данном регионе[29]. Арриан касается его судьбы в двух местах. Сначала говорится о том, что Александр основал город (καὶ πόλιν ἔκτισε), вдобавок сообщается, что сатрапом этой области был назначен перс Проекс, а надзирателем над ним (ἐπίσκοπον)– Нилоксен, сын Сатира, один из царских «друзей». Нилоксену был оставлен отряд воинов (Arr. III, 28, 4). Об основании этого города упоминает и Курций Руф. При этом он сообщает, что жителями города стали 7000 старейших македонян (seniorum Macedonum), кроме того воинам (militibus), уже не годным к военной службе, было также позволено поселиться там (Curt. Ruf. VII, 4, 23). Говорит об этом городе и Диодор (Diod. XVII, 83, 1). Диодор был единственным из древним авторов, кто писал об основании еще одного города в непосредственной близости от Александрии Кавказской («на расстоянии одного дня пути»)[30]. Этот автор также дает суммарную оценку населения двух городов: здесь он [Александр] «поселил 6000 варваров, 3000 из числа людей, сопровождавших войско[31], и тех наемников, которые пожелали» (Diod. XVII, 83, 2). Наконец, Арриан еще раз возвращается к судьбе этого города, описывая начало движения македонской армии из Бактрии в Индию[32]. Прежде всего Александр отстранил от должности правителя города (ὕπαρχον), поскольку счел, что тот плохо руководил им, кроме того, он переселил в город еще

[26] Callot 1989, 127–143; Cohen 1978, 42–44; 68–69. Этот вывод оспаривался С. Шервин-Уайт (в ее рецензии на книгу Коэна – JHS. 100. 1980, 259–260). Ж.-Ф. Салль (Salles 1987, 104) не высказал определенного мнения по поводу этой дискуссии.

[27] Bongard-Levine, Koshelenko 2005,

[28] По подсчетам Ф. Холта в Бактрии и Согдиане Александром было основано от 8 до 12 новых городов. См. Holt 1988, 81.

[29] См. Briant 1978, 83; Bosworth 1995, 247; Fraser 1996, 66; 141–147. Что касается географических координат, то указание на то, что он находился у прохода, ведущего в Мидию, то здесь давно уже принята замена Μηδικήν на Ινδικήν. Подробнее см. Bernard 1982, 217–242. Отождествление этого города с городищем Беграм было сделано еще в первой половине XIX в. См. Masson C. Memoir on the ancient coins found at Beghrām, in the Kohistān of Kābul // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 3. 1834, 153–175. Однако существуют и другие версии локализации. См. Кошеленко 1979, 144–145.

[30] Мнения относительно достоверности традиции см. Кошеленко 1979, 145–146.

[31] О составе этой массы людей см. Engels 1978, 11–16; Billows 1995, 149. Реальную картину обоза, сопровождавшего войска, дает Ксенофонт в «Анабасисе». Здесь обычно находились купцы, ремесленники, жрецы, врачи, глашатаи и т.д. Еще более ярко им нарисована картина обоза в «Киропедии»: в обозе везут продовольствие (хлеб, вино, приправы), одежду, ручные мельницы, все, что может понадобиться больному, ремни, запасы дерева, топоры, лопаты, мотыги, косы; войско сопровождают ремесленники (кузницы, плотники, кожевники) с их инструментом, которые за плату обслуживают всех, в них нуждающихся, купцы и мелкие торговцы. Подробнее см. Маринович 1975, 139–140.

[32] Fraser 1996, 68.

некоторое число местных жителей (τῶν περιοίκων), а также солдат, не годных к воинской службе (τῶν στρατιωτῶν ἀπόμαχοι)[33]. Наконец, он поручил одному из «друзей» – Никанору – заняться благоустройством города (Arr. IV, 22, 4–5).

Очень кратко этот город упоминается Плинием Старшим, отмечающим, что он находится sub ipso Caucaso (Plin. Nat. Hist. VI, 62). Некоторые исследователи предполагают, что Александрия в Опиане, упомянутая Стефаном Византийским, – это та же самая Александрия Кавказская[34]. Если это предположение верно, то Плиний упоминает этот город и в другом месте[35]. Особую проблему представляет вопрос об упоминании этого города в индийской традиции[36]. Высказывалось предположение, что данный город стал чем-то вроде образца для всех последующих городов, создававшихся Александром в данном регионе[37]. Не ясно, почему Р. Биллоуз причислил этот город к македонским колониям[38].

Довольно много внимания уделено в источниках Александрии на Танаисе (Александрии Эсхате)[39]. Арриан сначала говорит о планах Александра. Он отмечает, что место, выбранное для основания города, очень удачно со стратегической точки зрения, поскольку город «будет превосходно защищен от возможного нападения скифов и станет для страны оплотом против набегов живущих за рекой варваров». Александр, по словам Арриана, был убежден, что город будет расти, поскольку «за это ручалось и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени» (Arr. IV, 1, 3–4). Примерно то же самое пишет и Курций Руф, который, однако, отмечает, что этот город будет служить не только базой для предотвращения нападений кочевников, но и для удержания в повиновении уже завоеванного населения (Curt. Ruf. VII, 6, 13). Несколько позднее Арриан говорит о воплощении этих планов в жизнь: «Александр занялся задуманным городом; за 20 дней он обвел его стеной и поселил там эллинских наемников (τῶν τε Ἑλλήνων μισθοφόρων), тех из соседей-варваров (προσοικούντων βαρβάρων), которые пожелали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы (τῶν ἐκ τοῦ στρατοπέδου Μακέδονων ὅσοι ἀπόμαχοι ἤδη ἦσαν)» (Arr. IV, 4, 1). Примерно то же самое пишет и Курций Руф. Он указывает, что город стал носить имя Александрия, что он был отстроен с поразительной быстротой – уже на 17 день были закончены постройкой дома в нем. Стены города имели в длину 60 стадиев. Особенно интересна его информация относительно состава населения: Александр поселил в городе пленников, которых он выкупил у их господ (Curt. Ruf. VII, 7, 24–27). Судя по контексту, пленники – это бывшие жители городов Уструшаны, разрушенных войсками Александра[40]. В информации

[33] Необходимо подчеркнуть, что в данном случае, как и во многих других, невозможно определить, сколько среди этих ἀπόλεμοι и ἀπόμαχοι было македонян, а сколько греков. См. Milns. 1976, 110.

[34] Steph. Byz. s.v.' Αλεξάνδρεια № 5. См. Tarn 1980, 96.

[35] Plin. Nat. Hist. VI, 92 — deinde cujus oppidum Alexandria a conditore dictum.

[36] См. Кошеленко 1979, 142–143.

[37] Fraser 1996, 66.

[38] Billows 1995, 181. № 62.

[39] Briant 1978, 83; Fraser 1996, 67; 151–161.

[40] Э. Босворт (Bosworth 1995, 248) вслед за П. Брианом (Briant 1982, 244–247) полагает, что это местное население предназначалось на роль зависимых крестьян, работающих на горожан, но никаких доказательств этому нет. Иногда в этом видят процесс седентаризации кочевников, что совершенно не верно. См. Briant 1978, 75.

Юстина по этому поводу помимо упоминаний о размерах города и быстроты его постройки (17 дней) важно сообщение о происхождении населения: «сюда были переселены жители из трех городов, основанных Киром» (Iust. XII, 5, 12). Об этом городе вспоминал и Плиний, указывавший, что он находится на самой дальней границе (in ultimus eorum finibus – Plin. Nat. Hist. VI, 49). Другая информация этого автора позволяет связать с этим городом свидетельство Стефана Византийского об Антиохии в Скифии[41]. Большинство современных исследователей полагает, что этот город находился на территории современного Худжанда[42]. Совершенно не ясно, почему Р. Биллоуз называет этот город македонской колонией[43]. Источники с исчерпывающей полнотой указывают на наличие в составе населения различных этнических групп.

Не совсем ясна информация античных источников о колонизации Бактрии. У Стефана Византийского упоминается Александрия κατὰ Βάκτρα[44]. Общепринятым является мнение, что греческий полис был основан на месте древних Бактр (Балха), но новое название не прижилось и в литературе, в том числе греческой, постоянно употреблялось старое наименование[45]. Мы не знаем, как согласуется эта информация с тем, что писал Курций Руф о колонизации Бактрианы – о поселениях в непосредственных окрестностях Бактр. Он пишет о греческих солдатах (Graeci milites), недавно выведенных царем в колонии (nuper in colonias a rege deducti) рядом с Бактрами (Curt. Ruf. IX, 7, 1). Видимо, слово «колония» не означало в данном контексте город (хотя это и не исключено). Вполне возможно (на основании информации о числе греков, участвовавших в последующих событиях), что здесь имелись в виду реальные военные колонии, а не города, но при настоящем состоянии источников точное решение вряд ли возможно.

Хотя ни один из авторов, описывавших поход Александра, не говорит об основании Александрии в Арее, Плиний с полной уверенностью пишет об этом (Plin. Nat. Hist. VI, 61–63). Ему вторит Страбон в нескольких местах (Strab. XI, 10, 1; XI, 8, 9; XV, 2, 8). Известен был этот город Исидору Харакскому (Isid. Char. Mans. Parth. 15). Упоминается он и Аммианом Марцеллином (Amm. Marcell. XXIII, 6, 69). Согласно единодушному мнению исследователей, эта Александрия находилась на месте современного Герата[46]. В зороастрийской традиции его основание приписывается Александру Македонскому[47].

В Драангиане Александр Македонский также основал город, названный Профтасия. Обычно считается, что этот город был основан на месте древнего местного города Фра (или Фрада). Основанием для этого утверждения является сообщение Стефана Византийского (Φράδα πόλις ἐν Δράγγαις ἣν Ἀλεξάνδρος Προφθασίαν μετωνόμασεν)[48]. Старое название встречается также и у Исидора Харакского[49]. Профтасия в Драангиане упоминается Страбоном (Strab. XI, 8, 9; Strab. XV, 2,

[41] Кошеленко 1979, 157.
[42] Кошеленко 1979, 157–158.
[43] Billows 1995, 181. № 63.
[44] См. Steph. Byz. s.v. Ἀλεξάνδρεια № 11.
[45] Tarn 1980, 151; Массон, Ромодин 1964, 91; Кошеленко 1979, 148.
[46] Кошеленко 1979, 137.
[47] Кошеленко 1979, 136.
[48] Steph. Byz. s. v. Προφθασία.
[49] «Затем Анауон, земля ариев, схойн 55, в которой наибольший город (πολίς) Фра» (Isid Char. Mans. Parth. 16).

8) и Плинием (Plin. Nat. Hist. VI, 61). Значение этого города для жителей Дрангианы подчеркивает Аммиан Марцеллин (Amm. Marcell. XXIII, 6, 71). У Плутарха Профтасия сравнивается с Александрией Египетской и Селевкией на Тигре (Plut. De Alex. fort. I, 5)[50]. Видимо, локализовать этот город следует в районе Нади-Али, возле озера Хамун[51].

В Арахосии Александром был основан город, который иногда называют Александрией, а иногда Александрополем. Об этом городе сообщает, в частности, Исидор Харакский (Ἀλεξανδρόπολις μητρόπολις Ἀραχωσίας)[52]. Аммиан Марцеллин упоминает Александрию (Amm. Marcell. XXIII, 6, 72). Стефан Византийский связывает с Арахосией две Александрии[53]. Видимо, первая из них может быть отождествлена с Александрией, упоминаемой Исидором Харакским и Аммианом Марцеллином[54]. Этот же город, по всей видимости, описывается Плинием (Plin. Nat. Hist. VI, 61; VI, 92) как укрепление (oppidum) арахотов, а Страбоном – как город арахотов (Strab. XI, 8, 9). Можно думать, что первоначальными поселенцами города были те 4000 пехотинцев и 600 всадников, которые были даны Менону, назначенному сатрапом этой области, согласно свидетельству Курция Руфа (Curt. Ruf. VII, 3, 5). В настоящее время Старый Кандагар считается руинами именно этого города. Обширный археологический и эпиграфический материал, происходящий из него не оставляет в этом сомнений[55].

Зафиксирована античными авторами Александрия и в Сакастане (Isid Char. Mans. Parth. 18).

Хотя несколько раз в современной литературе отвергалась информация Курция Руфа о создании Александрии в Маргиане, все же видимо, нет оснований сомневаться в основании города в этой области Средней Азии[56].

Особая проблема — Александрия на Оксе. Город упоминается только Птолемеем, правда, называется он им согдийским городом (Ptol. VI, 12, 6). Относительно его местоположения существует несколько гипотез, тем более что текст в данном месте явно испорчен. В. Тарн предлагал поместить его на месте Термеза[57], что весьма сомнительно[58]. Не исключено, что под этим именем скрывается городище Ай Ханум[59].

В античной традиции содержатся сведения еще о нескольких городах, которые, возможно, были созданы в эпоху Александра Македонского: Кадруси, Тетрагонис, Астерусия, Никея (в Паропамисадах). Однако, никакой дополнительной информации о них нет, что заставляет нас отказаться от попыток анализа традиции в этом отношении[60]. Только Астерусия у Стефана Византийского определяется как апойкия критян[61].

[50] При этом, однако, определяет этот город, как согдийский.
[51] Tarn 1980, 14; Массон, Ромодин 1964, 85–86; Кошеленко 1979, 138.
[52] Isid Char. Mans. Parth. 19.
[53] Steph. Byz. s. v. Ἀλεξάνδρεια № 12, № 15. Появление второй Александрии в тексте Исидора Харакского – результат ошибки переписчика. См. Кошеленко 1979, 141–142.
[54] Кошеленко 1979, 138.
[55] Детальная проработка вопроса см. Bernard 2005, 13–34.
[56] Bernard 1982a, 125–138; Кошеленко, Гаибов, Бадер 2000, 3–15; Кошеленко, Гаибов 2006, 18–22.
[57] Tarn 1980, 525.
[58] Кошеленко 1980, 153.
[59] Bernard 1967, 91–92.
[60] Кошеленко 1979, 146–148.
[61] Steph. Byz. s. v. Ἀστέρουσια.

Города создавались и на территории Индии. В безличной форме упоминает об этом Курций Руф (Curt. Ruf. IX, 10, 3). Один из таких городов был основан в самом начале индийского похода – на месте сожженного собственными жителями города Арригея[62]. Арриан сообщает, что город был расположен в очень удобном месте. Александр поручил Кратеру обнести его стеной и «поселить в нем окрестных жителей (τούς τε προσχώρους), кто пожелает, а также солдат, уже не годных к военной службе (τινες ἀπόμαχοι τῆς στρατιᾶς) » (Arr. IV, 24, 7). В другом месте Арриан сообщает о завершении миссии Кратера (Arr. IV, 25, 5). Р. Биллоуз причисляет этот город к македонским колониям[63]. Но Арриан говорит о двух категориях среди его населения: «окрестных жителей» и воинов, «уже не годных к военной службе». При этом этнос этих воинов не уточняется. Они могут быть как македонянами, так и греками. Следовательно, мнение Р. Биллоуза принято быть не может.

Еще один город, локализация которого не очень отчетлива (во всяком случае он располагался на территории, оставив которую Александр вступил в земли мусиканов), был создан во время этого похода (Curt. Ruf. IX, 8, 8).

Но самый известный пример на территории Индии – основание двух городов на месте битвы с царем Пором: «один он назвал Никеей, потому что здесь победил индов, а другой Букефалами, в память своего коня Букефала» (Arr. . V, 19, 4)[64]. То же самое, практически теми же словами рассказывают Курций Руф (Curt. Ruf. IX, 1, 6; Curt. Ruf. IX, 4, 23), Плутарх (Plut. Alex., 61), Диодор (Diod. XVII, 89, 6; Diod. XVII, 95, 5). Позднее Арриан возвращается к проблеме этих городов, сообщая, что оба города пострадали от ливней и восстанавливались по приказу царя (Arr. V, 29, 5)[65].

Также был основан город на берегах Акесина[66]. Город обустраивал по приказу Александра Гефестион. В нем были поселены окрестные жители (τῶν τε προσχώριων), пожелавшие здесь обосноваться, и небоеспособные наемники (τῶν μισθοφόρων ὅ τι περ ἀπόμαχον) (Arr. . V, 29, 2–3). Еще один город появился в месте слияния Акесина и Инда. Александр «велел основать город (он надеялся, что город этот будет велик и славен) и построить верфи» (Arr. VI, 15, 2)[67]. Предположение о том, что данный населенный пункт представлял собой македонскую колонию, высказанное Р. Биллоузом[68], источниками не подтверждается. В Индии также была основана Александрия (столица согдов/содров). Арриан сообщает о том, что Александр укрепил город (πόλιν ἐτειξιζεν) и построил верфь (Arr. VI, 15, 4). Курций Руф уточняет, что город был назван Александрией (Curt. Ruf. IX, 8). Эти авторы племя, в пределах земли которого был построен город называют согдами, а Диодор – содрами. Этот автор также отмечает, что город назывался Александрией, и что Александр набрал для него 10000 жителей (Diod. XVII, 102, 4).

---

62 Briant 1978, 83; Fraser 1996, 69.
63 Billows 1995, 181. № 64.
64 Fraser 1996, 69–70; 161–162; Фор 2001, 399; Bosworth 1995, 248–249.
65 Данные индийской традиции и возможная локализация см. Кошеленко 1979, 162–163.
66 Briant 1978, 83; См. Кошеленко 1979, 164; Fraser 1996, 71.
67 См. Кошеленко 1979, 164; Fraser 1996, 71.
68 Billows 1995, 182. № 70.

О городе Ксиленополь упоминает только Плиний. Он сообщает, что город был основан Александром и именно он был пунктом отправления в плавание флота Неарха (Plin. Nat. Hist. VI, 96). Возможно, что этот же город упоминает Арриан в своей «Индике», как «гавань Александра» (Arr. Ind. 21). Никаких серьезных предположений о его локализации не существует, некоторые исследователи даже считают, что данное место в тексте Плиния – плод ошибки[69].

Еще один город был основан в устье реки Инд. Юстин даже дает его называние – Барка (Iust. XII, 10, 6).

Созданием новых городов Александр занимался и на пути из Индии в центральные части своей державы. Так был основан город (πόλις) в земле оритов на месте их крупнейшей деревни (κώμη) Рамбакия (Arr. VI, 21, 5; Arr. VI, 22, 2–3), куда были поселены арахоты (Curt. Ruf. IX, 10, 7) [70]. Об основании города пишут и Плиний (Plin. Nat. Hist. VI, 97), и Диодор (Diod. XVII, 104, 8), который приводит его название – Александрия[71].

Наконец, кажется, самым поздним деянием Александра в градостроительной деятельности являлось создание нового города где-то в Южной Вавилонии, рассматриваемого им как база для завоевания Аравии (Arr. VII, 21, 7). Арриан сообщает следующие подробности об этом городе: 1) прекрасное местоположение, 2) был заселен «эллинами-наемниками (Ἑλλήνων τινὰς τῶν μισθοφόρων), которые согласились на это», а также теми, «кто по старости лет или увечности не годились для военной службы (καὶ ὅσοι ὑπὸ γήρος ἢ κατὰ πήρωσιν ἀπόλεμος)». Считается, что это – будущий Спасину Харакс[72].

Необходимо указать, что в античной традиции присутствуют еще несколько городов (Византий, Дайдала, Теофила, Пантиполис, Левка), но о них ничего не известно, кроме названия и мы считаем разумным исключить их из рассмотрения[73].

Пытаясь подвести некоторые итоги, мы можем утверждать, что восточная градостроительная политика Александра Македонского определялась, как указывалось выше, задачей контроля над завоеванной территорией[74]. В целом ряде отношений Александр следовал политике Филиппа, хотя и в новых условиях, важнейшим из которых были грандиозные масштабы завоевания[75]. Формы достижения этой цели вдохновлялись некоторым образом его политикой «смешения народов». Практически всегда, когда в источниках говорится о составе населения вновь основанных городов, упоминаются две группы: местное население и греки-наемники. Македоняне в составе населения городов также присутствуют но, кажется, сравнительно реже[76]. Основанием новых городов Александр решал

[69] Например, В. Тарн. См. Tarn 1980, 244.

[70] Hamilton 1972, 603–608; Fraser 1996, 71–72; 164–168.

[71] О некоторых сложностях в интерпретации текстов источников см. Кошеленко 1979, 166–167.

[72] Briant 1978, 83; Fraser 1996, 72; 168–170.

[73] См. Кошеленко 1979, 166–168.

[74] Сейчас уже почти никто из исследователей не утверждает (вслед за Плутархом), что главной задачей Александра Македонского при создании новых городов было стремление распространить эллинскую культуру (исключение – Ф. Шахермайр (Шахермайр 1984, 205). Однако по-прежнему встречаются некоторые достаточно экзотические утверждения. Например, Кл. Прео считает, что одной из главных целей было привлечение кочевников и превращение их в земледельцев (Préaux 1978, 403).

[75] Cohen 1995, 17–18.

[76] Необходимо, однако, отметить, что колонии со смешанным населением создавались еще при Филиппе. Некоторые исследователи считают, что Александр только заимствовал эту практику от отца. См. Фор 2001, 382.

несколько вопросов. Первый из них – создание своего рода «каркаса» для рождающегося государства[77]. Вновь основанные города являлись социальными организмами, чуждыми окружающей среде и поэтому ей враждебными. Тем более что земля для города и земельные наделы для горожан изымались у местного населения. Кроме того, «пристраивались» ветераны и небоеспособные воины[78]. Во вновь основанных городах они получали земельные участки и, возможно, средства для обзаведения хозяйством. Тем самым власть избавлялась от потенциально недовольного элемента, который в противном случае представлял бы серьезную опасность для существующего строя. Таким образом, новые города служили одной из важных опор власти Александра.

В источниках сохранились свидетельства об экономической поддержке населения этих городов со стороны центральной власти. Так, Курций Руф сообщает, что после захвата скалы Аримаза «вся масса сдавшихся в плен вместе с захваченным имуществом была роздана в качестве дара населению новых городов» (Curt. Ruf. VII, 11, 29).

К сожалению, мы не знаем статуса местных жителей, поселяемых во вновь отстроенных городах. Обычно высказывается предположение, что их место в общественной иерархии было много ниже, чем место македонян и греков[79], хотя этот тезис ничем не подтверждается.

Сохранились и некоторые свидетельства пропаганды, идейного обоснования политики строительства новых городов. У Арриана эта программа идейного обоснования была вложена в уста правителя индийского города Ниса Акуфиса: «Дионис, покорив индов, пошел обратно к эллинскому морю, а для своих воинов, которые не могли уже нести военной службы (они же являлись и вакхантами его), основал этот город, чтобы он напоминал грядущим поколениям о его странствиях и его победе. Так ведь и ты основал одну Александрию у горы Кавказ и другую в земле египетской; много и других уже основано тобой и еще будет основано со временем, так как ты совершил дела большие, чем Дионис» (Arr. V, 1, 4). Сравнение Александра с Дионисом и даже утверждение о превосходстве его над божеством – вполне вписывается в общую политику завоевателя[80].

Вместе с тем политика, проводимая Александром, таила в себе зерна недовольства. Видимо, наиболее отрицательно относившимся к данной политике элементом были эллины. Столетиями жившие в условиях полисного строя, греки, естественно, не хотели существования в предлагавшихся Александром обстоятельствах: сосуществование в пределах единого городского организма с варварами, власть назначенного царем руководителя в городе. Источники, описывавшие время Александра, донесли нам сведения об их недовольстве.

На той воинской сходке, где обсуждался вопрос о продолжении похода, Кен произнес знаменательные слова: «Эллины, поселенные в основанных тобой городах, и те остались не совсем добровольно» (V, 27, 5). Юстин пишет, что поселе-

[77] См. Bosworth 1995, 245. Правда, некоторые исследователи, например, Ф. Шахермайр (Шахермайр 1984, 209), видят только одну функцию у этих городов – защищать страну от набегов кочевников.

[78] См. Goukowsky 1989, 9. Александр, естественно, в силу ряда причин предпочитал в качестве жителей новых городов отставных воинов. См. Cohen 1995, 18.

[79] Bosworth 1995, 247; Holt 1988, 58.

[80] Подробнее см. Goukowsky 1981a.

ние (особенно в отдаленных колониях) являлось наказанием для недовольных в армии завоевателя (Iust. XII, 5, 8; Iust. XII, 5, 13)[81]. Современные исследователи, в общем, считают, что греки и македоняне оказывались в роли жителей новых городов далеко не всегда добровольно[82].

Итак, мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что политика колонизации, проводимая Александром на Востоке, имела своей задачей обеспечить контроль над завоеванными территориями, путями сообщения и сформировавшимися границами. Методами достижения ее было основание новых городов, размещение гарнизонов в крупных старых городах, и, видимо, создание военных колоний. Этим действиям придавалось большое значение, судя по тому, какие лица получали от царя подобные поручения. Основание городов в некоторой степени вдохновлялось политикой «смешения народов», проводимой Александром.

Что касается количественных показателей, то, судя по приводимым древними авторами цифрам, гарнизоны были небольшими – несколько десятков, может быть сотен воинов. Иные цифры, как мы видели, приводятся при указаниях на число жителей новых городов, здесь счет идет уже на тысячи. Правда, обычно не указывается, сколько из этих тысяч – эллины. Тем не менее, можно предполагать, что в целом их количество было значительным – несколько десятков тысяч человек.

Таким образом, с количественной точки зрения базис для взаимных контактов и культурных взаимодействий был достаточно значительным. Вопрос же относительно характера этих взаимодействий мы постараемся рассмотреть позднее.

Первые серьезные признаки кризиса системы, создававшейся в этом регионе Александром, обозначились через два года после того как, армия покинула его – в 325 г. до н.э. Ранение и долгая болезнь Александра вызвали распространение слухов о его смерти (Arr. VI, 12–13) и, как следствие, своего рода паралич административной системы государства, что привело к ряду тяжелых инцидентов[83]. Именно тогда Гарпал в Вавилоне повел себя совершенно самовластно[84], стратеги, находившиеся в Мидии, нарушали все правила, установленные Александром[85]. В это же время начались и восстания местного населения. В частности, Атропатом, сатрапом Мидии, был захвачен некий мидиец Бариакс, который «надел прямую кидару и объявил себя царем персов и мидян. Схвачены были с ним и прочие

[81] Не совсем ясно, почему Г. Коэн (Cohen 1995, 17–18) считает, что Александр (в отличие от Филиппа) практически не использовал поселение во вновь основанном городе, как метод наказания.

[82] Billoows 1998, 158. Однако, наиболее впечатляющим свидетельством резкого недовольства греков стали два восстания, вспыхнувшее в Бактрии и Согдиане в 325 г. до н.э. и сразу же после смерти царя (Кошеленко 1972, 59–78). Подробнее см. ниже.

[83] В общей форме об этом писал со ссылкой на Аристобула Страбон (Strab. XV, 3, 7). Подробнее см. Goukowsky 1979, 8–17.

[84] Badian 1961, 14–43.

[85] «Клеандра и Ситалка с их приближенными осыпали обвинениями и туземцы, и само войско: они грабили храмы, разрывали старые могилы и, относясь к подданным дерзко и пренебрежительно, творили всякие несправедливости» (Arr. VI, 27, 4). О них же почти тоже самое писал и Курций Руф: «Но за ними следовали и обвинители их из провинции, во главе которой они стояли; всех совершенных ими преступлений они же не могли искупить услугой в убийстве, столь угодном царю. В самом деле, разграбив все частное имущество, они не воздержались и от грабежа храмов, и девушки и знатные женщины терпели от них насилие и оплакивали оскверненную ими свою чистоту» (Curt. Ruf. X, 1, 1–3).

участники восстания и заговора» (Arr. VI, 29, 3). В это же время нелояльно повели себя и некоторые сатрапы из персов. Наиболее яркий пример этого – Персида, где «много обвинений возвели персы на Орксина, который управлял Персией после смерти Фрасаорта. «Орксина уличили в том, что он грабил храмы и царские гробницы и несправедливо казнил многих персов» (Arr. I, 30, 1–2). Курций Руф, сообщая эти факты, однако, считал его не виновным, а жертвой интриги.

Именно в такой обстановке в Бактрии и Согдиане вспыхнуло восстание греков, оставленных в этом регионе Александром[86]. Поводом для восстания послужил слух о смерти Александра. В действительности же он был ранен, но долго лечился (Diod. XVII, 99, 5). Диодор дает краткое описание событий: «эллины – поселенцы в Бактрии и Согдиане (οἱ κατὰ τὴν Βακτριανήν και Σογδιανὴν κατοικισθέντες Ἕλληνες), уже давно с трудом терпевшие житье среди варваров, теперь, когда до них дошел слух, что царь ранен и умер, восстали. Их собралось до 3000; они понесли много трудов, чтобы вернуться домой. Позднее, уже после смерти Александра, их перебили македоняне» (Diod. XVII, 99, 5–6).

Об этих же событиях рассказывает и Курций Руф, но его рассказ, хотя и основанный на том же источнике, что и рассказ Диодора, много более путанный[87]. Начинает он свое сообщение практически так же, как и Диодор: «Пока это происходило в Индии, греческие солдаты (graeci milites), недавно выведенные царем в колонии близ Бактр (in colonias circa Bactra), восстали (Curt. Ruf. IX, 7, 1). Затем Курций Руф объясняет, что они отпали не столько в результате вражды к Александру (non tam Alexandro infensi), сколько «боясь наказания за начавшиеся между ними распри». Эти воины «убили нескольких влиятельных лиц из своей среды (qui validiores erant)», они с оружием в руках захватили акрополь Бактр (Bactriana arce), который плохо охранялся, поскольку считался находящимся в безопасности[88]. Они также заставили варваров присоединиться к мятежу (barbaros quoque in societatem defectionis impulerant)[89]. Руководителем восстания был некий Афинодор, «присвоивший себе имя царя» (qui regis quoque nomen assumpserat). Но этот титул он присвоил «не столько ради власти (non tam imperii cupidine), как чтобы вернуться на родину (quam in patriam revertendi) с признавшими его». После этого идет рассказ о кознях некоего Бикона, который с помощью Бокса убивает Афинодора, о воинской сходке, на которой Бикона и Бокса в какой-то степени оправдали. Однако, новые интриги Бикона, на этот раз направленные против тех, кто его спас, привели его и Бокса к аресту и решению об их казни. Затем следует описание их чудесного спасения. Бикон, в результате «вернулся на родину вместе с другими, покинувшими колонию, предоставленную им царем (cum ceteris, qui colonias a rege attributas reliquerunt revertit in patriam)» (Curt. Ruf. IX, 7, 2–11).

Сопоставление данных этих двух источников позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего, ясно, что открытому восстанию предшествовали какие-то

[86] Подробнее см. Goukowsky 1979, 8–17; Holt 1988, 82–84; Шахермайр 1984, 213; Schober 1981, 27–37; Bernard 1985, 127–128;

[87] См. Goukowsky 1981, 12.

[88] Высказывалось предположение, кажущееся очень вероятным, что в ходе этих событий погиб сатрап Бактрии Аминта. См. Dobbins 1984, 85; Holt 1988,

[89] Иногда в литературе наблюдается некоторое смещение понятий. Ясное указание источника на то, что варваров «заставили» присоединиться к мятежу, воспринимается как свидетельство добровольного их участия в нем. См., например, Sherwin-White, Kuhrt 1993, 9; Widemann 2009, 39.

распри среди греков. П. Гуковски предполагает, что эти распри касались именно восстания: существовала группа сторонников и группа противников восстания[90]. Не совсем верна информация Курция Руфа относительно позиции восставших по отношению к царю. Сам факт принятия одним из руководителей восстания царского титула свидетельствует о том, что греки полностью отвергали существующий строй. Не вполне ясна и информация Курция Руфа относительно того, что царский титул должен был облегчить дорогу в Элладу. Можно допустить, что эта группа греков-наемников смогла вернуться на родину, хотя это и маловероятно.

Имеется еще одно свидетельство источников, которое, как считается, освещает эти события. Мы имеем в виду краткую информацию, содержащуюся у Дексиппа (FHG, III, C. 668 – Phot. Cod. 82), которая, по общему мнению, основана на тексте Иеронима из Кардии. В ней упоминаются два человека, один из которых имел власть над Согдианой, «не наследственную, но полученную в дар от Александра (οὐ πάτριον ἔχων ἀρχὴν ἀλλὰ δόντος αὐτοῦ Ἀλεξάνδρου)», но затем этот человек, вследствие восстания, вынужден был бежать (ἐπανοστάσεως ἀιτίαν φεύγοντι) и власть перешла к другому. Если эта информация действительно относится к данному событию, то для нас важно то обстоятельство, что это восстание затронуло не только Бактрию (точнее непосредственные окрестности Бактр), но и Согдиану.

Как мы отмечали в самом начале работы, особую важность представляют цифровые данные, поскольку от количества «пришельцев» в значительной мере зависит и степень взаимодействия их с местным населением.

Существует несколько примеров расчетов количественного состава армии Александра Македонского. Современный этап дискуссий по этому вопросу начался в 1986 г. с публикации статьи Э. Б. Босворта, посвященной проблеме потерь народонаселения Македонии за годы правления Александра Македонского[91]. Суть статьи состояла в утверждении, что потери мужского населения Македонии в годы правления Александра македонского были столь велики, что именно они стали главной причиной ослабления страны в течение следующего столетия. Эта статья породила бурную дискуссию. Нам представляется, что наиболее убедительным являются выводы Р. Биллоуза[92].

По его расчетам, всего в Азию и Египет в период царствования Александра и диадохов прибыло примерно 35000–37000 македонян, которые навсегда остались здесь. Общие потери среди них – от 5000 до 7000 воинов. Таким образом, осело на завоеванных территориях примерно 30000 человек. Как отмечает сам Р. Биллоуз, цифра достаточно значительная, но эти тысячи были разбросаны на огромном пространстве от запада Малой Азии до Индии. Сколько македонян осело в рассматриваемом нами регионе, сказать трудно. Но необходимо учитывать,

[90] Goukowsky 1981, 11. Думается, что это мнение справедливо. Наемное войско, лучше всего изученное на основе «Анабасиса» Ксенофонта, всегда демонстрировало отсутствие единства в решении ряда больших вопросов. В частности, не было никакого единства при решении вопроса о том, остаться ли на южном берегу Черного моря и основать здесь полис или продолжить поход и выйти в пределы собственно эллинского мира. Позиции сторон определялись тем, ради чего люди ушли в наемники. См. Маринович 1975, 132–138.

[91] Bosworth 1986, 1–12.

[92] Billows 1995, 151–153. Отметим, что в цифрах расхождения Биллоуза и Босворта не очень значительны, расходятся они только в выводах относительно будущего. См. Bosworth 2002, 64–97.

что основная масса македонян была сконцентрирована в двух областях: на западе Малой Азии и в Сирии. Таким образом, на наш регион приходится довольно незначительная часть этого контингента.

Р. Биллоуз отмечает, что количество жителей в различных «основаниях» было различным: от примерно 5000 в самых крупных, до 1000 или 2000 в обычных и несколько сот (примерно 500) – в малых. Но при таком раскладе, отмечает он, конечные цифры не могут сойтись. Получается своего рода «избыток» населенных пунктов. Македонян не хватает на все населенные пункты. Решение этой проблемы он видит следующее: в целом ряде колоний изначально население было смешанным и постепенно не-македоняне включались в македонские коллективы и их потомки уже искренне считали себя македонянами. Однако эту теорию трудно принять по нескольким основаниям. Прежде всего, как мы показали выше, Р. Биллоуз явно преувеличил число македонских колоний на самом Востоке, в исследуемом нами регионе. Македонских колоний было много меньше, чем он предполагает. Соответственно, и нет нужды в таком искусственном построении. Смешанное население существовало в городах, основанных Александром, но, кажется, эта практика была оставлена диадохами или, в крайнем случае, почти оставлена. Они предпочитали для военных колоний моноэтничные коллективы, что обеспечивало их большую устойчивость.

Что касается количества греков, оказавшихся в данном регионе к моменту смерти Александра, то у нас имеются следующие цифровые данные. Как мы уже указывали, покидая Бактрию для завоевания Индии Александр оставил бактрийскому сатрапу следующие силы (все они, по всей вероятности, наемники-греки): 3500 всадников и 10000 пехотинцев (Arr. IV, 22, 3). Курций Руф сообщает некоторые сведения о войсках, оставляемых в других областях для контроля над территорией. Как правило, это были греки[93]. В Сузах было оставлено 3000 воинов (Curt. Ruf. V, 3, 16), в Арахосии – 4000 пехотинцев и 600 всадников (Curt. Ruf. VII, 2, 5), в Согдиане – 3000 пеших воинов (Curt. Ruf. VII, 10, 10).

Таким образом, в среднем на отдельную сатрапию приходилось примерно 3–4 тысячи воинов-греков. Бактрия, как самая большая и самая сложная сатрапия, естественно, требовала больших сил. Необходимо подчеркнуть, что в состав этих сил явно не включались граждане вновь основанных городов. Исходя из этих данных, мы можем предполагать, что число греков, оставленных Александром в «верхних сатрапиях», исчислялось десятками тысяч – никак не менее 40000.

Период борьбы диадохов. После смерти Александра интерес к данному региону резко падает и, соответственно, информация, зафиксированная в источниках, сокращается. Крайний Восток авторами упоминается, главным образом, только в связи с событиями, происходившими в более западных районах (да и то, далеко не всегда)[94]. Естественно, что мы не будем в данной работе исследовать конкретный ход событий – этому была посвящена одна из наших более ранних работ[95]. Наша

[93] Только в одном случае оставляемые в сатрапии воины были македонянами. Это произошло в Персиде (Curt. Ruf. V, 6, 11). Исключительность этого случая понятна. Можно думать, что в дальнейшем они были заменены греками.

[94] Изложение политической истории региона построено на основе следующих работ: Cloché 1959; Will 1979; Шофман 1984; Schober 1981; Dobbins 1984, 73–108; Will 1984, 23–61.

[95] Кошеленко, Гаибов 2009, 151–169.

задача сейчас – более узкая. Необходимо попытаться понять каким образом происходившие тогда события повлияли на исследуемый нами процесс колонизации.

Основная информация по Востоку, имеющаяся в источниках, первоначально касалась только вопроса о распределении сатрапий между представителями верхушки армии.

К моменту смерти Александра распределение сатрапий на Востоке имело следующий характер[96]. Мидия находилась под управлением перса Атропата, перс же Фратаферн управлял сдвоенной сатрапией Парфия-Гиркания, также сдвоенной сатрапией Ареей и Драангианой правил грек-киприот (из Сол) Стасанор, сдвоенная сатрапия Бактрия-Согдиана находилась под управлением македонянина Аминты. Наконец, тесть Александра Оксиарт помимо своих наследственных владений в Бактрии управлял также Паропамисадами[97]. Первые изменения в административном устройстве Востока произошли сразу же после смерти Александра в 323 г. до н.э.[98]. Мидия была дана Пифону. Об этом сообщают и Курций Руф, и Диодор[99]. Диодор же сообщает о том, что Пердикка позволил восточным сатрапам сохранять свои посты (Diod. XVIII, 3. 2). Однако после этого историк дает более конкретную информацию (Diod. XVIII, 3. 3). Некоторые данные содержатся и в тексте Юстина (Iust. XIII, 4, 13; 21–23). В результате сопоставления этих данных можно прийти к следующим выводам. Мидия была разделена на две сатрапии: Великая Мидия, которой управлял Пифон, и Малая Мидия, находившаяся под властью Атропата. Паропамисады находились под контролем Оксиарта, Сибиртий управлял сдвоенной сатрапией Арахосия и Гедросия. Арея и Драангиана, также представлявшие собой сдвоенную сатрапию, находились под контролем Стасанора, Бактрия была поручена Аминте, Согд – Стаганору**.** Прежде двуединая сатрапия Парфия – Гиркания теперь была разделена на две части: парфянская часть управлялась Филиппом, а гирканская – Фратаферном.

Наблюдения над этим распределением позволяют сделать некоторые выводы. Прежде всего, падало значение сатрапов-персов, отмечалась также тенденция к разделению сатрапий.

С этой первой реорганизацией системы управления совпали события, которые потрясли всю македонскую державу. Началась жестокая борьба преемников-диадохов за власть в ней, а затем и за ее раздел. Но не меньшее значения имели и два мощных восстания греков, которые практически одновременно разразились на двух крайних флангах империи: в Элладе (так называемая Ламийская война) и в Бактрии-Согдиане. Для нашей темы естественно обращение ко второму сюжету.

С нашей точки зрения, это восстание имело фундаментальное значение для всего региона, но ему явно уделялось в научной литературе недостаточное внимание. Целый ряд авторов, исследовавших эллинистическую эпоху (А. Буше-Леклерк, Ф. Альтхайм, И. Кэрст), вообще не упоминают это событие, другие же (А. Б. Ранович, А. Берн, Л. Омо, У. Вилькен, Б. А. Литвинский) его только упоминают, не делая никаких попыток проанализировать, наконец, иногда восстание кратко характеризуется как свидетельство массового недовольства греческих

[96] Кошеленко, Гаибов 2009, 151–152.
[97] О наследственных владениях Оксиарта см. Ртвеладзе 2002, 137–150.
[98] Will 1979, 24–26.
[99] Кошеленко, Гаибов 2009, 152.

гарнизонов, уставших от бесконечных войн и жизни в чужой стране (Г. Глотц, В. М. Массон, К. В. Тревер). Лишь в очень небольшом числе работ это восстание становится объектом специального, хотя, как правило, очень краткого анализа (И. Дройзен, П. Клоше). Однако И. Дройзен ограничивает себя только детальным описанием хода событий, а П. Клоше, хотя и подходит правильно, с нашей точки зрения, к проблеме, но остается в рамках самого общего подхода[100].

Свидетельства о восстании содержатся только в текстах двух авторов. Чрезвычайно краткое сообщение имеется в «Прологе» к книге XIII «Эпитомы сочинения Помпея Трога «Historia Philippicae»: «Как ветераны, которые были отобраны Александром для поселения в колониях, решили, покинув эти колонии, возвратиться в Грецию и были истреблены Пифоном». Отметим, что в самом тексте книги этот раздел отсутствует. Более подробно описание, сделанное Диодором (Diod. XVIII, 7, 1–9). «Эллины, поселенные Александром (κατοικισθέντες Ἕλληνες ὑπ᾽ Ἀλεξάνδρου) в так называемые верхние сатрапии», пока был жив царь держались спокойно из страха перед ним. Когда же царь умер, они восстали (ἀπέστησαν). Собравшись вместе, они избрали стратегом Филона из Эниан». Восставшие представляли серьезную силу. Всего их было двадцать тысяч пехотинцев и три тысячи всадников. Все они были опытными воинами и отличались храбростью. Когда Пердикка узнал о восстании греков, он среди македонян выбрал по жребию три тысячи пехотинцев и восемьсот всадников. Стратегом этого войска он назначил Пифона, бывшего телохранителя Александра, человека храброго и опытного в военном деле. Кроме того, сатрапам было приказано выделить в распоряжение Пифона 10 тысяч пехоты и восемь тысяч кавалерии. Пифон взялся за поручение с радостью. Будучи человеком большой предприимчивости, он рассчитывал войти в соглашение с восставшими, объединить их силы со своими, и стать владыкой верхних сатрапий (τῶν ἄνω σατραπειῶν δυναστεύειν). Однако, Пердикка, подозревая о его намерениях, дал строжайший приказ не щадить восставших, а все их имущество поделить между солдатами.

Когда войска Пифона и повстанцы вошли в соприкосновение, Пифону удалось склонить к измене Летодора, командовавшего у восставших трехтысячным отрядом. Предательство Летодора определило победу македонян в сражении. Разбитые повстанцы бежали. Пифон с помощью глашатаев клятвенно обещал им прощение, с тем, «чтобы они вернулись в свои катойкии (ἐπί τάς ἰδίας κατοικίας)». Греки поверили клятве и собрались вместе, Пифон уже рассчитывал на успех своего предприятия. Однако, македоняне, помня о приказе Пердикки, напали на безоружных повстанцев, перебили их и разделили их имущество.

В рассказе Диодора имеется несколько привлекающих внимание обстоятельств. Во-первых, у него говорится о «верхних сатрапиях», что позволяет предполагать более широкий охват территории, нежели во время восстания 325 г. до н.э. Подтверждением этому служит и значительно большее число восставших по сравнению с тем числом, которое зафиксировано в 325 г. Наконец, центральное правительство придавало очень большое значение этому событию. Именно поэтому привлекались и такие значительные силы, этим определялся и выбор командира карательной армии. Этим же объясняется крайняя жестокость при подавлении восстания.

[100] Более подробное изложение историографии вопроса см. Кошеленко 1972, 59–60.

Соответственно, нам представляется очень важным выяснение причин восстания. Возвращение в Элладу – цель восставших, но что же именно побудило такую массу греков-колонистов подняться ради этой цели. Ответ дает Диодор в одной фразе в самом начале своего рассказа. В ней отмечаются два обстоятельства. Первое состоит в том, что они живут «в крайних пределах царства (ἐν δὲ τα ῖς ἐσχαταὶς τὴς βασιλεὶας)». Второе – они «страстно желали (ποθουῦτες)» жить согласно эллинским (ἀγωγή καὶ δίαιτα).

Соответственно, необходим детальный анализ этих двух терминов. Что касается первого из них, то он встречается в трех лексических группах: среди терминов бытовых, музыкальных и, наконец, в общественно-политической лексике. Бесспорно, что таковым было его значение в данном случае. Этот термин означал, начиная с классической эпохи, понятия «уклад жизни», «образ жизни» и тому подобные значения[101]. Второй термин также имел превалирующее значение «образ жизни», но с упором на материальные условия существования[102]. Таким образом, греки восстали потому, что условия, в которые они были поставлены, не отвечали тому, что они считали эллинским образом жизни. С общественно-политической точки зрения, населенные пункты, в которых они поселялись (далеко не всегда добровольно) совершенно расходились с тем, что было привычным в Элладе: смешанное население (вместо гомогенного гражданства), отсутствие той или иной степени самоуправления и демократии (взамен – поставленный Александром гиппарх), в общем, отсутствие всего того, что у греков связывалось с понятием «полис». Конечно, большая часть этих греков состояла в наемных отрядах (иногда македонских, иногда персидских), в которых не было ничего от полисного устройства, но это свое состояние греки воспринимали как временное и поэтому мирились с ним[103]. Но в данном случае поселение во вновь основанном городе означало, что грек должен был прожить так всю свою оставшуюся жизнь, что, конечно же, не могло им понравиться.

Точно также материальные условия жизни в этих городах были весьма далеки от привычных грекам стандартов. В литературе уже отмечалось, что город, построенный за 20 или 17 дней не мог походить, например, на Ай Ханум. Такие города, как Ай Ханум, – это продукт уже следующего периода. В момент же основания они напоминали, скорее всего, серую азиатскую деревню, что еще больше отвращало от нее грека[104].

Таким образом, самое начало рассматриваемого сейчас периода ознаменовалось катастрофой для греков, находившихся в этом регионе. Вполне возможно, что погибли не все 23 тысячи повстанцев, но то, что греки понесли тяжелейший урон, не подлежит сомнению[105].

Отчасти следствием этих событий, отчасти результатом конфликтов на вершине власти стало новое перераспределение сатрапий, включая самые восточные,

[101] Кошеленко 1972, 62–63.

[102] Кошеленко 1972, 63–64.

[103] В литературе уже отмечалось, что полисная идеология полностью владела греками, даже наемниками. Когда они лишались нанимателя, они самоорганизовывались по полисному принципу, как сделали знаменитые «десять тысяч», когда погиб Кир Младший. Иногда это войско даже называют «полисом без территории». Подробнее см. Маринович 1975, 174–175.

[104] Подробнее см. Кошеленко 1972, 65–78.

[105] Widemann 2009, 39.

происшедшее в 321 г. до н.э., после убийства Пердикки. Не входя во все детали, отметим только самое основное. В результате передела владений из списка сатрапов исчезли оба перса. Тот факт, что Оксиарт сохранил свой пост, не меняет общей картины, так как его место было особым, определявшимся его родственной близостью к умершему царю, престиж которого был в это время еще очень высок. Произошла и некоторая перегруппировка сатрапий[106].

Для исследуемой нами проблемы наиболее важны события, связанные с борьбой Антигона Одноглазого с Евменом[107]. В эту борьбу оказались вовлеченными и сатрапы Востока. В результате долгой борьбы Евмен прорвался сквозь владения Селевка в Вавилонии на восток. Именно тогда он обратился к сатрапам верхних сатрапий с требованием войск и денег (Diod XVIII, 73, 4). Это требование нашло понимание у них, поскольку уже ранее Антигон пообещал своим сторонникам передел владений, включая восточные. Его новый сторонник Пифон, сатрап Мидии, за переход на его сторону получил звание стратега верхних сатрапий и в этом качестве попытался захватить Парфиену. Сатрап этой провинции был убит и на его место Пифон поставил своего брата. Но эта акция привела к объединению всех восточных сатрапов, которые резонно предположили, что за Парфиеной могут последовать и другие области. Их объединенные силы разгромили войска Пифона, в битве погибло большое число его приверженцев, а сам он был изгнан из Парфиены.

Сатрапы Востока понимали, что Пифон не успокоится, и в силу этих обстоятельств призыв Евмена был услышан, и к нему в Сузиану прибыли войска ряда правителей Востока. Настоящим лидером среди них был Певкест, правитель Персиды, и бывший телохранитель Александра. Он привел весьма значительные силы: 10000 персидских лучников и пращников, 3000 человек (различного происхождения), вооруженных и обученных сражаться по-македонски, 600 всадников из греков и фракийцев и 400 всадников-персов. Сатрап Кармании македонец Тлеполем привел с собой 1500 пехотинцев и 700 всадников. Сибиртий, являвшийся сатрапом Арахосии, возглавил отряд, состоявший из 1000 пехотинцев и 610 кавалеристов. Андробаз, посланный Оксиартом, сатрапом Паропамисадов, имел 1200 человек пехоты и 400 всадников. Стасандр, сатрап Арии и Драангианы, приведший также воинов из Бактрии, имел в составе своего отряда 1500 пехотинцев и 1000 конников. Эвдам прибыл из Индии с 500 всадников, 300 пехотинцами и 120 слонами (Diod. XIX, 14, 5–8). Диодор также сообщает о том, что позднее к ним присоединился сатрап Месопотамии Амфимах, в распоряжении которого было 600 конников (Diod. XIX. 27, 4)[108].

Нашей задачей в данном исследовании не является детальное выявление происшедших событий. После нескольких сражений[109], в конечном счете, благодаря предательству аргираспидов, победу одержал Антигон. Результатом этого стало отстранение от власти и даже казнь ряда сатрапов Востока, как бывших противников, так и бывших союзников Антигона. Однако глубоко вмешаться в дела Вос-

[106] Подробнее см. Кошеленко, Гаибов 2009, 151–155-156.

[107] Подробнее см. Will 1979, 39–46; Cloché 1959, 80–135; Кошеленко, Гаибов 2009, 156–160; Bosworth 2002, 89–168.

[108] Подробнее см. Кошеленко, Гаибов 2009, 158.

[109] См. Devine 1985, 75–86; 1985a, 87–96.

тока он не смог, так как развитие политической ситуации потребовало его возвращения на Запад.

Приведенные выше данные о составе коалиционной армии нужны нам для решения более конкретной задачи – определения хотя бы самого приблизительного количества греков и македонян на Востоке.

К сожалению, приведенная выше информация достаточно разрозненна, она не дает надежного критерия для выделения этнического состава тех отрядов, которые пришли в Сузиану[110]. Но из рассказа Диодора о том, какие аргументы выдвигались при обсуждении вопроса о том, кому должно принадлежать верховное командование, когда войска коалиции соединились с армией Евмена, становится ясным, что почти единственные македоняне, которые здесь имелись, это – аргираспиды, присоединившиеся к Евмену в Киликии (Diod. XIX. 15, 2)[111]. Соответственно, в отрядах, приведенных сатрапами, имелись только греки-наемники, воины, поселенные в катойкиях[112] и мобилизованные для настоящей кампании представители местного населения (для каждой сатрапии своего)[113], а также некоторое количество персов (в армии Певкеста – почти исключительно)[114].

Рассмотрим в качестве примера вооруженные силы Певкеста. Пехота практически вся состояла из персов, поскольку 3000 обученных сражаться по-македонски – это явно не македоняне а, вероятнее всего те молодые персы, которые еще при Александре обучались этому и были включены в его армию[115]. В коннице некоторое преимущество было на стороне западных воинов, но здесь нужна поправка: 600 человек включали в себя не только греков, но и фракийцев. Таким образом, армия Певкеста почти целиком состояла из персов[116], греков в ней был ничтожный процент[117]. Конечно, вряд ли можно цифры, полученные при анализе армии Певкеста, распространять на все коалиционные силы, но на тенденцию они указывают. С другой стороны, если мы сосчитаем все цифры, указывающие пехотные подразделения, то у нас получится также достаточно впечатляющая картина: из общего числа 18500 пехотинцев, 13000 явно не греки. Даже если допустить, что 5500 оставшихся пехотинцев – все греки, то все равно подавляющее большинство – персы. Мы, однако, не думаем, что все эти 5500 воинов были греками.

[110] О сложности определения этнического состава этих армий см. Launey 1949, 298–300.

[111] Подробнее см. Кошеленко, Гаибов 2009, 158–159.

[112] Из дальнейшей информации Диодора следует, что в составе армии Евмена имелось 500 фракийцев из катойкий, расположенных в верхних сатрапиях (Diod. XIX, 27, 5). В рассказе Плутарха об этих событиях также появляется воин-фракиец из состава армии Евмена (Plut. Eum. VII, 6).

[113] Помимо прямых указаний в тексте Диодора необходимо учитывать и некоторые другие свидетельства. Детальный и красочный рассказ Диодора о самосожжении вдовы военачальника из отряда Эвдама (Diod. XIX, 33,1 – XIX, 34,6) бесспорно свидетельствует о присутствии в нем индийцев, причем не только среди рядовых воинов. Не подлежит сомнению, что водители слонов также были индийцами. См. подробнее Бонгард-Левин, Кошеленко 2007, 20–31.

[114] Известно, что в последнем сражении рядом с Евменом сражался Митридат, сын Ариобарзана, потомка одного из 7 знатных персов, убивших в свое время Гаумату (Diod. XIX, 40, 2). На более раннем этапе среди соратников Евмена упоминается Фарнабаз, сын Артабаза (Plut. Eum. VII, 1).

[115] Александр Македонский приказал собрать 30000 молодых персов и обучить их сражаться по-македонски. См. Arr. VII, 6, 1, Arr. VII, 23, 34; Plut. Alex. XVII, 1; Curt. Ruf. VII, 5, 1; Diod. XVII, 108, 1–3. См. Milns 1976, 127–128.

[116] Grainger 1990a, 28.

[117] По подсчетам М. Ольбрыхта (Olbrycht 2005, 232) армия Певкеста насчитывала 14000 человек, из них 13000 были персы.

Одним словом, в составе пехотных частей коалиционной армии большинство (может быть даже подавляющее большинство) – представители местных народов. К сожалению, подобного анализа нельзя провести в отношении кавалерии, но учитывая то обстоятельство, что бактрийцы, согдийцы и другие народы Центральноазиатского региона традиционно предоставляли царям конные отряды, у нас есть все основания считать, что и в коалиционной армии большинство в кавалерии составляли представители местных народов. Наконец, еще одно наблюдение над численным составом контингентов, представленных в армии коалиции. Стасандр, приведший в Сузиану войска трех сатрапий (Арии, Драангианы и Бактрии), командовал отрядом, включавшем 1500 пехотинцев и 1000 конников. Этот пример очень показателен: три сатрапии, включая крупнейшую (Бактрию) выставляют отряд, насчитывающий всего 2500 бойцов[118]. Конечно, определенные силы оставались в сатрапиях, обеспечивая безопасность и стабильность власти, но все же мизерность выставляемых сил бросается в глаза.

Таким образом, анализируя информацию об этом этапе в жизни региона мы должны будем прийти к выводу, что число греков (и еще более македонян) резко уменьшилось по сравнению с тем, сколько их было в период Александра Македонского. Помимо потерь во время поражения восстания в 323 г. до н.э. сказывалась убыль и по возрасту, и в результате ранений во всякого рода мелких стычках, от болезней и т.д. Вместе с тем никаких новых «поступлений» с запада не было. Единственное исключение – это 3000 аргираспидов, которых Антигон передал Сибиртию с повелением поручить им такое дело, чтобы они все там и погибли[119]. Однако, какая-то часть воинов из армии Евмена (греки, по всей видимости) была включена в войска Антигона и ушла на запад[120].

Приход к власти в Македонии Кассандра привел к запрещению с 315 г. до н.э. эмиграции из этой страны[121]. Конечно, в Греции такого запрещения не было, но Греция была отсечена от Востока фронтами. Кроме того, никто из сатрапов Востока не мог организовать кампании по привлечению греков на восток. Тем самым, источники пополнения были «перекрыты», а число греков в этот период катастрофически уменьшилось. Необходимо также указать, что в этот период резко уменьшилось и число населенных пунктов, в которых жили греки. У нас имеются прямые указания источников на гибель ряда таких населенных пунктов[122].

Эпоха Селевка I. Таким образом, период после смерти Александра был временем глубокого упадка в процессе эллинизации Востока. К сожалению, мы почти полностью лишены информации относительно того, что происходило на крайнем Востоке в период от описанных выше событий до похода Селевка I на Восток. Да и это событие освещено в источниках всего несколькими словами. Одно обстоя-

[118] Gtainger 1990a, 35.

[119] Об их гибели сообщает Полиэн (Polyaen IV, 6, 15). Однако, вряд ли их судьба была столь печальной. См. Hammond 1984, 60–61; Holt 1988, 95–96; Anson 1981, 117–120; Bosworth 2002, 165.

[120] Grainger 1990a, 54.

[121] В современной литературе полностью принята концепция М. Лонея, который доказывал, что на Восток македоняне пришли только в составе армии Александра и диадохов. Более поздних «поступлений» не было (Launey 1949, 297–365). О признании этой концепции большинством исследователей см. Briant 1982, 89.

[122] Об этом сообщают, в частности, античные авторы: Плиний (Nat. Hist. VI, 47–48 и VI, 93) и Страбон (XI, 10, 1). Упоминаются Мерв и некоторые другие центры.

тельство для нас совершенно несомненно – постоянный недостаток у Селевка человеческих ресурсов[123]. Достаточно напомнить, что вооруженные силы Селевка в момент возвращения из Египта состояли из примерно 3000 человек[124]. Именно с этими силами Селевк разгромил объединенную армию антигоновских сатрапов Мидии, Сузианы и Персиды, которыми руководил Никанор, насчитывавшуюся в своем составе 17000 воинов[125]. Уцелевшие в битве воины, естественно, были включены в армию Селевка. Однако надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, мы не знаем, какой процент среди этих воинов составляли греки и македоняне. Во всяком случае, в описании гибели сатрапа Ареи Евагора он выступает в окружении персидских воинов[126]. Второе обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, – это то, что переход этих воинов на другую сторону не означал изменения соотношения между греками (и македонянами) и местным населением в регионе, в целом. Может быть, некоторое увеличение количества греков (и македонян) произошло благодаря разгрому отряда Архелая – одного из военачальников Деметрия Полиоркета. Отряд Архелая сражался с Селевком в самом Вавилоне и был разбит. По обыкновению того времени, уцелевшие воины-наемники были включены в армию Селевка[127]. Правда, и в этом случае мы не знаем, какой процент в этом отряде составляли греки.

Можно вслед за современными исследователями полагать, что поход на Восток не преследовал по-настоящему завоевательных целей. Он совершался по просьбе сатрапов Востока, обеспокоенных агрессией основателя династии Маурьев Чандрагупты[128]. Для западных наблюдателей ситуация, видимо, выглядела как восстание индийцев против власти македонян. Юстин сообщает о том, что «индийцы сбросили иго» и убили назначенных Александром руководителей (Iust. XV, 4, 12)[129]. Селевк смог заключить взаимовыгодный договор, уступив некоторые области, уже захваченные к тому времени Чандрагуптой, и получив взамен боевых слонов[130]. Власть же Селевка в данном регионе была, в сущности, чисто номинальной[131].

У нас нет никаких сомнений, что в течение долгого времени никаких новых контингентов, состоящих из греков и македонян, сюда не поступало. Одной из причин этого было отсутствие «свободных» резервов людских ресурсов, поскольку Селевкидские владения были отрезаны от Средиземноморья и западных частей Малой Азии. Те немногие ресурсы, которые у него были, использовались на более первоочередные цели, к числу которых относилось укрепление армии, строительство первой столицы – Селевкии на Тигре[132] и т. д. Встречающиеся иногда

[123] Об этом см. Grainger 1990a, 31. В более общем плане о постоянном недостатке человеческих ресурсов (в первую очередь греков и македонян) на Востоке см. Billows 1995, 56.

[124] Grainger 1990a, 74.

[125] Grainger 1990a, 78.

[126] Grainger 1990a, 79.

[127] Grainger 1990a, 90.

[128] Bernard 1985, 85–95; Holt 1998, 99–100; Capdetrey 2007, 43.Наиболее детальный анализ проблемы см. Смирнов 2013, 62–68.

[129] См. Schober 1981, 151–153; Mehl 1986, 158–159; Capdetrey 2007, 44–45.

[130] О деталях см. Musti 1984, 210; Grainger 1990a, 108–109; Capdetrey 2007, 60–61.

[131] Иное понимание событий см. Olbrycht 2005, 232. М. Ольбрыхт предполагает военные действия между Селевком и бактрийцами.

[132] Общая характеристика города см. Invernizzi 1993, 230–250. Вопрос о времени строительства этого города нельзя считать окончательно решенным. Характерно, что одним из самых важных ар-

утверждения о том, что армия Селевка состояла, в основном, из представителей различных азиатских народов[133], не кажутся нам убедительными. Они основаны на общих соображениях, а не на конкретных фактах.

Даже когда Селевк стал владыкой северной Сирии[134] и, тем самым, получил доступ к Средиземному морю и, благодаря этому, к человеческим ресурсам Эллады[135], это не сразу изменило ситуацию[136]. Мы не рассматриваем причины того, почему Селевк начал осуществление грандиозной программы создания в северной Сирии «второй Македонии»[137]. Помимо четырех главных городов этого региона (Селевкии Приморской, Антиохии, Лаодикеи и Апамеи), им было создано большое число более мелких населенных пунктов[138]. Селевк действительно хотел создать здесь «вторую Македонию»[139]. Основная масса населения для этих новых населенных пунктов бралась из упраздняемых селевкидской администрацией городов, основанных Антигоном (Антигония и Пелла), и даже военных колоний, оставленных здесь Александром[140]. Видимо, в состав населения этих городов была включена и часть армии Антигона, сдавшаяся Селевку[141]. Однако, и этих человеческих ресурсов не хватало[142], в силу чего большую роль играла иммиграция из Эллады[143]. Отметим в связи с этим, что само население Антигонии было смешанным: вместе с македонянами там жили и афиняне.

Только около 294 г. до н.э. очередь дошла до Центральноазиатского региона – Верхних сатрапий. Сюда был отправлен наследник престола Антиох, которому был присвоен царский ранг, даны огромные полномочия, финансовые и людские ресурсы. Именно тогда началась вторая волна колонизации данного региона. Это был настоящий процесс освоения обширных территорий. Он сопровождался де-

---

гументов в дискуссии является факт наличия или отсутствия в распоряжении Селевка свободных человеческих ресурсов (греческих или македонских (Hadley 1978, 229). Существуют три основных точки зрения на время строительства города: 1) сразу после возвращения Селевка в Вавилонию из Египта, 2) после победы при Ипсе, то есть одновременно с осуществлением грандиозной урбанистической программы в Северной Сирии, 3) вскоре после принятия Селевком царского титула (подробнее см. Hadley 1978, 228–232; Hopkins 1972, 1–7; Waggoner 1969, 21–30; Capdetrey 2007, 53–54). Нам представляется, что наиболее вероятной является последняя дата (Invernizzi 1993, 242–245; Invernizzi 1994, 115–129). Строительство Селевкии (на Тигре) было своего рода ответом на строительство Кассандрии, Лисимахии, Антигонии (Grainger 1990a, 102; Capdetrey 2007, 53). Селевкия на Тигре, хотя в состав ее населения было включено некоторое количество вавилонян, все же должна была иметь македонское или греческое ядро.

[133] Olbrycht 2005, 232.

[134] После победы при Ипсе в 301 г. до н.э. (о сражении см. Will 1979, 79–83; Mehl 1986. 200–212; Bar-Kochva 1976, 105–110) Селевк приобрел Сирию и восточную часть Каппадокии (см. Mehl 1986, 212–214; Capdetrey 2007, 50; Musti 1966, 73–74).

[135] Об огромном значении этого факта для развития государства Селевка см. Capdetrey 2007, 59.

[136] О постоянной нехватке человеческих ресурсов в эллинистических государствах см. Mehl 1991, 101–102. В применении к Сирии см. Millar 1987, 115.

[137] Об этом подробнее см. Seyrig 1985, 54–63; Capdetrey 2007, 59–75.

[138] Подробнее см. Tscherikower 1927, 51–64; Sartre 2001, 118–152; Cohen 2006, 80–101. 111–116; 126–135; Grainger 1990a, 127–129; Leriche 1987, 57–79.

[139] Balty 1991, 206–208.

[140] Capdetrey 2007, 64–65.

[141] Grainger 1990a, 122–123; Capdetrey 2007, 67.

[142] По подсчетам современных исследователей население каждого из этих четырех крупных городов равнялось примерно 6000 человек (Grainger 1990, 95). При этом данная цифра явно означала только число взрослых полноправных граждан.

[143] На это обстоятельство уже обращалось внимание. См. Grainger 1990a, 60, 129.

тальными исследованиями. Мы знаем, например, об обследовании по поручению царей берегов Каспийского моря Патроклом и описании центральноазиатского региона Демодамом из Милета[144]. Важнейшую роль сыграла в это время и военная экспедиция против кочевников, когда селевкидские войска под командой все того же Демодама перешли Яксарт. В знак своей победы он воздвиг алтари, посвященные Аполлону Дидимейскому, покровителю династии Селевкидов[145].

Аппиан (App. Syr. 57), описывая деятельность Селевка I, особое внимание уделял основанию им новых городов и тем принципам, которыми он руководствовался при выборе названия. К сожалению, только у части, названных им городов имеется точная географическая привязка.

В это время происходит восстановление ряда греческих городов, разрушенных в предшествующее смутное время[146]. Плиний Старший достаточно точно описывает ситуацию в Мервском оазисе: «Здесь Александр основал город Александрию, который был разрушен варварами, но Антиох, сын Селевка, восстановил сирийский город на том же самом месте, пересекаемом рекой Марг, которая впадает в озеро Зотха, но предпочел дать ему имя Антиохия» (Plin. Nat. Hist. VI, 47–48). Эта информация подтверждается и другими античными авторами (в частности, Солином и Марцианом Капеллой)[147]. Насколько мы можем судить, Антиох проводил и другие работы в этом оазисе. Страбон сообщает, что «изумленный плодородием равнины, Антиох Сотер велел обвести ее стеной 1500 стадий в окружности и основал город Антиохию» (Strab. XI, 10, 2). Остатки этой стены были сравнительно недавно зафиксированы археологами[148]. Необходимо также иметь в виду, что именно в это время были созданы укрепления вокруг Гяур-калы (античный Мерв), выполненные в соответствии с раннеэллинистическими принципами[149].

Точно также, видимо, был вторично основан город Александрия Эсхата, получивший новое имя – Антиохия в Скифии[150]. Видимо, в это время также были вторично основаны Артакаона и Гераклея в Ариане[151]. Современный план Герата явно восходит к эллинистической эпохе и, точнее, ко времени Антиоха[152]. По всей видимости, ко времени деятельности Антиоха относится также Сотейра, названная по эпиклезе Антиоха[153].

---

144 Robert 1984, 467–472; Bernard 1994, 95; Nawotka 2008, 135–152.

145 Bernard 1994, 90.

146 Как правило, в это время происходило переименование городов. Из Александрий они превращались в Селевкии и (чаще) в Антиохии. Й. Вольский считал, что в этом проявлялась политика Селевка – в некоторой степени отмежеваться от великого завоевателя, оставившего на иранском востоке негативную память о себе (Wolski 1990, 3–4). Не отвергая «с порога» это объяснение, мы все-таки больше склоняемся к другому объяснению: города были полностью разрушены и Антиох не восстанавливал города, а строил их заново.

147 Подробнее см. Bernard 1982a, 125–130; Кошеленко 2001, 414–418.

148 Bader, Gaibov, Koshelenko 1995, 39–50. Ранее за «стену Антиоха» ошибочно принимали вал, расположенный в северной части оазиса и датируемый, как сейчас стало ясно, сасанидским временем. Видимо, к селевкидскому времени относится и большая стена, охватывающая Балхский оазис. См. Пугаченкова 1976, 137–141.

149 Zavyalov 2007, 325.

150 Bernard 1994, 91.

151 См. Holt 1988, 96–98; Bernard 1994, 91.

152 Lezine 1963/64, 127–148; Bernard 1994, 91–92.

153 Bernard 1994, 91–92.

Археологические материалы, полученные при раскопках в Маракандах[154], заставляют думать об «основании» и здесь греческого города[155].

Естественно, что это воссоздание городов требовало «человеческого материала». К сожалению, наши источники практически молчат по этому поводу, хотя по ряду косвенных указаний можно установить, как это сделал П. Бернар, что одним из важнейших «резервуаров», откуда черпались новые колонисты являлись греческие города западной части Малой Азии[156]. У нас нет прямых свидетельств источников по данному региону, но достаточно свидетельств по другим регионам Востока. Известно, например, что для основания Антиохии в Писидии Магнесия на Меандре посылала своих граждан в качестве колонистов, о чем свидетельствует Страбон[157]. Этот же город посылал новую партию колонистов из состава своих граждан (в «дополнение» к тому, что посылалось первоначально) в Антиохию в Персиде, что подробно освещено в известной надписи[158]. При создании Александрии на Ликосе в состав граждан вновь основанного города были включены не только македоняне, но и греки из некоторых городов Ионии[159]. В Сузах (Селевкия на Эвлае) часть поселенцев – выходцы из Эфеса[160].

В свое время предполагалось, что основное отличие селевкидской колонизации от александровской состоит в том, что Селевкиды, учтя опыт предшествующего времени, сделали основной упор на колонизацию путем основания полисов с гомогенным гражданским коллективом, определенной степенью свободы при верховном контроле со стороны царской власти[161]. Сейчас же более популярны концепции, согласно которым основным типом колонизационного поселения была военная колония[162].

Очевидно, обе концепции страдают известной односторонностью. Видимо, существовали оба типа поселений и, возможно, даже третий тип – гражданская колония. При этом полисы, основанные Селевкидами, видимо, имели значительное сходство с македонскими (менее автономными, нежели собственно эллинские)[163].

Кроме того, перед колониями была обрисована достаточно отчетливая перспектива – превращение со временем в полис. Как справедливо писал Б. Бар-Кохва, катойкия по своему статусу находилась между комой и полисом и, есте-

---

[154] Bernard, Grenet, Isamiddinov 1990, 356–380; 1992, 275–311; Bernard, 1996, 331–365; Rapin, Isamiddinov 1994, 547–565; Chichkina 1986, 71–78.

[155] Bernard 1994, 91.

[156] Briant 1982, 91; Bernard 1987, 103–115.

[157] Strab. XII, 8, 14 – ταύτην δ’ᾤκισαν Μάγνητης.

[158] OGIS 233. См. также Cohen 1978, 4–5; Briant 1982, 91; Bernard 1987, 105.

[159] Briant 1982, 91.

[160] Briant 1982, 91.

[161] Кошеленко 1979.

[162] О селевкидских колониях см. Cohen 1978; Bar-Kochva 1976, 20–48. См. также Mehl 1991, 107; Смирнов 2013, 236–250; Бикерман 1985, 52–54.

[163] Grainger 1990, 65–66; Mehl 1991, 108. Важнейшим доказательством этого является знаменитая надпись из Лаодикеи Приморской, в которой упоминаются пелиганы. Институт пелиганов – типично македонский, как об этом сообщает Гезихий. Эта надпись позволила правильно прочесть испорченный текст Полибия. В результате стало ясно, что здесь также упоминаются пелиганы, функционирующие в Селевкии на Тигре. См. Roussel 1942–1943, 21–32. Сравнительно недавно в самой Македонии была найдена надпись, бесспорно свидетельствующая о наличии этого института в Македонии эллинистического времени. См. Hatzopoulos 1998, 1195–1197.

ственно, стремилась стать им[164]. Кажется, целый ряд полисов начинал свою историю именно как военная колония[165]. Во всяком случае, Дура-Европос[166] и Селевкия на Эвлае (Сузы)[167] служат хорошими примерами такой постепенной трансформации. При анализе характера взаимоотношений царской власти и греческих городов постоянно обращается внимание на то обстоятельство, что на всем протяжении истории существования селевкидского государства ни один из греческих городов, созданных внутри его границ, не поднимал вопрос о своей независимости[168]. Причина этого состояла в том, что города существовали за счет эксплуатации местного крестьянства, а его покорность обеспечивало государство. Полис и государство были естественными союзниками[169].

Кроме того, необходимо различать людей, осевших в колониях (и полисах) при Александре и тех, кто прибывал сейчас при Селевке I. Эти различия проявлялись в трех важнейших аспектах.

Прежде всего, селевкидская колонизация должна была основываться, главным образом, на принципе добровольности. Очень трудно было привлечь греков Балканского полуострова и западной части Малой Азии, не предлагая им «условия, которые невозможно отклонить».

Второе обстоятельство – резкое отличие контингента, предназначенного для поселения: в период Александра Македонского это были, как правило, воины-наемники, воины-профессионалы, практически забывшие мирные профессиональные занятия. В период Селевка I организаторы колонизации могли привлекать профессионалов многих специальностей. В этом отношении нам помогает единственный настоящий греческий город, открытый в этом регионе – Ай Ханум. Для того чтобы его создать, необходимо было привлечение большого числа архитекторов, строителей различных специальностей, художников, скульпторов, преподавателей. Сделанные там находки показывают, что город посещали философы, религиозные деятели и т.д. При этом, все это были не случайные посещения.

Очень важным отличием селевкидской колонизационной политики от александровской было то, что Селевикды стремились создавать моноэтничные коллективы граждан, причем наибольшими преимуществами пользовались отставные и демобилизованные воины[170].

В результате этого степень воздействия на местное население была очень серьезной: в процессе взаимодействия культур принимало участие неизмеримо большее число людей и спектр сфер жизни, где происходило это взаимодействие, был гораздо шире.

Наконец, еще одно обстоятельство, касающееся менталитета греков, которые привлекались к колонизационному процессу. Выше мы уже указывали, как страстно греки-наемники отстаивали в 323 г. до н.э. свою идентичность, проявлявшуюся в желании «жить по-гречески».

---

[164] Bar-Kochva 1976, 23.
[165] Musti 1984, 189–190.
[166] Rostovtzeff 1938, 1–32.
[167] Новиков 1982, 78–89; 1989, 50–70.
[168] Grainger 1990a, 134.
[169] Grainger 1990a, 136–138; Holt 1988, 55.
[170] Cohen 1978, 30–31.

Новые колонисты принадлежали уже другой генерации греков. Целое поколение выросло в мире, где монархия и монарх прямо или косвенно воздействовали на многие основные сферы жизни[171]. Грекам, даже живущим в формально независимом полисе приходилось учиться жить в новых условиях. До каких степеней подобострастия даже наиболее радикальные демократии могли доходить, показывает пример взаимоотношений Афин и Деметрия Полиоркета[172].

Кроме того, на греков обрушивалась в огромных объемах монархическая пропаганда, включая теоретические разработки на тему «царь – одушевленный закон» (νόμος ἔμψυχος). Именно в рамках самого начала эллинистической эпохи была выработана концепция: «то, что постановлено царем, всегда справедливо» (Plut. Demetr. 38). В силу этого, на Восток шли уже не столь непримиримые в отношении монархического строя, а люди, много более терпимо относящиеся к монархической форме правления, как той данности, которую они изменить не могут.

Заключение. Попытаемся подвести некоторые итоги. Первый значительный приход европейцев (македонян и греков) в исследуемый нами регион приходится на время Александра Македонского. Европейское население здесь было представлено в трех типах поселений: 1) гарнизоны в ранее существовавших городах; 2) военные колонии в форме вновь основанных специальных поселений; 3) города.

Гарнизоны, насколько мы можем судить, были относительно небольшими: несколько десятков, может быть сотен человек. Как правило, они состояли из воинов-наемников, как греков, так и представителей других европейских этносов, например, фракийцев. Кажется, в наиболее ответственных пунктах, например, столицах сатрапий, эти гарнизоны были чисто македонскими. Командирами гарнизонов выступали, как правило, доверенные люди царя, часто его «друзья». Видимо, даже в тех случаях, когда гарнизон состоял из греков-наемников, «штаб» командира гарнизона составляли македоняне, выступавшие одновременно и как его телохранители. Командиры крупнейших и важнейших гарнизонов занимали, видимо, иногда должности сатрапов или «епископов», наблюдавших за сатрапами-персами. Военные колонии составлялись, видимо, практически целиком из греков-наемников. Наконец, города, как правило, включали в себя три категории населения: македонян, греков, представителей местного населения. Население городов насчитывало обычно несколько тысяч человек. Во главе городов стояли назначенные царем «гиппархи». Широко распространенное в последние годы мнение (после работ П. Бриана) о том, что местное население включалось в состав жителей города в качестве неполноправной и зависимой массы, ничем, однако, не подкреплено. Нам представляется, что данную практику создания городов надо рассматривать в рамках «политики смешения народов», проводимой Александром Македонским.

В целом, кажется, в данном регионе оказалось несколько тысяч македонян и несколько десятков тысяч греков. Они происходили не только из состава армии, но и из «обозного охлоса», хотя данная категория была явным меньшинством среди поселенцев. Большое число новых поселенцев и объединение части их с местным населением в рамках единого городского коллектива создавало благоприятные условия для культурных контактов. Однако, сферы культуры, в которых проис-

[171] Подробнее см. Walbank 1984, 62–99; Billows 1995, 56–58, 71;
[172] См. Billows 1995, 75–76.

ходило взаимодействие, были достаточно ограничены. Дело в том, что среди и воинов и «обозного люда» практически не было профессионалов высокого уровня. Солдаты в большинстве своем представляли собой или вчерашних крестьян, или воинов, ставших за долгие годы службы в наемниках, профессионалами именно в этой сфере. Ремесленники же представляли собой профессионалов очень узкого спектра профессий, связанных только с бытом армии на походе. Таким образом, культурные импульсы с запада имели очень ограниченную сферу воздействия. Профессионалы высокого уровня, обслуживавшие двор Александра, были крайне малочисленны.

Недовольство политикой Александра в сфере создания городов очень скоро нашло свое выражение в восстаниях греков-колонистов в 325 г. до н.э. и, затем, в 323 г. до н.э. Результатом этого стали огромные потери среди греков. Весь период от 323 до 294 гг. до н.э. знаменуется постепенным, но неуклонным падением числа греков на Востоке и практически полным прекращением притока новых поселенцев с запада в этот регион. Наглядным свидетельством этому может служить состав армий сатрапов Востока, в составе которых греков и македонян очень мало. Естественно, что никаких культурных импульсов с запада в это время не наблюдается, и не могло наблюдаться. Имеются свидетельства о гибели ряда поселений, созданных Александром.

Включение восточных сатрапий в состав державы Селевка I на первых порах не изменило ситуации. У него ощущался постоянный недостаток человеческих ресурсов. Первоначально имевшиеся ресурсы шли для обеспечения людьми новой столицы – Селевкии на Тигре. После 301 г. до н.э., когда Селевк получил доступ к побережью Средиземного моря и, тем самым, к людским ресурсам Эллады (но не Македонии), они шли на освоение северной Сирии, где помимо четырех больших городов было создано много мелких. При осуществлении этой обширной градостроительной программы были выработаны новые ее принципы. Была оставлена практика создания многоэтничных городов. Гражданские коллективы новых городов состояли только из греков (или греков и македонян), хотя допускалось присутствие других этносов, но не в составе гражданского коллектива. Военные колонии также были одноэтничны, хотя допускалось наличие военных колоний, жители которых не были греками. Города имели полисный статус, но не статус полисов Эллады, а полисов Македонии. Кроме того, военные колонии имели перед собой перспективу превращения в полисы. И города и военные колонии существовали за счет эксплуатации местного крестьянства, что делало их зависимыми от центральной власти.

Только в 294 г. до н.э. начался новый период колонизации данного региона. Начало его определяется назначением наследного принца, будущего царя Антиоха I соправителем отца, отвечающего за восточную часть государства. В его распоряжение поступили весьма значительные средства, большие ресурсы, включая человеческие. В это время значительные контингенты прибывали на Восток, как из собственно Эллады, так и из греческих городов западной части Малой Азии. В отличие от времени Александра эта волна колонизации, видимо, была добровольной. Селевкидские власти предлагали такие условия, «от которых было трудно отказаться». В это время помимо простых граждан, которые здесь становились землевладельцами, в данный регион прибыло большое число высокопрофессио-

нальных специалистов. Ай Ханум показывает нам большой набор таких специалистов: архитекторы, мастера по обработке камня, мозаичисты, керамисты, скульпторы, философы и т.д. Они все принесли с собой идеи, которые характеризовали их время, уже достаточно сильно отличающиеся от того, что принесли с собой солдаты Александра. Только начиная с этого времени можно говорить о широком спектре взаимодействий греческой и местных культур.

ЛИТЕРАТУРА

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Бичурин Н.Я. 1950: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.

Бонгард-Левин Г.М., Кошеленко Г.А. 2007: Диодор Сицилийский об одном из индийских обычаев // ВДИ. 1, 20–31.

Грин П. 2003: Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М.

Кошеленко Г.А. 1972: Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты политической мысли IV в. до н.э. // ВДИ. 1, 59–78.

Кошеленко Г.А. 1979: Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.

Кошеленко Г.А. 2001: Антиохия в Маргиане по информации Стефана Византийского // ПИФК. X, 414–418.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2006: В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. XVI/1, 18–22.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. 2009: Сатрапы Востока. Время диадохов // Центральная Азия и Южная Сибирь. I, 151–169.

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н. 2000: Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 1, 3–15.

Маринович Л.П. 1975: Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.

Массон В.М., Ромодин В.А. 1964: История Афганистана. Т. I. С древнейших времен до начала XVI века. М.

Новиков С.В. 1982: Городской строй Суз-Селевкии на Эвлае по данным эпиграфики // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2, 78–89.

Новиков С.В. 1989: Юго-западный Иран в античное время. От Александра Македонского до Ардашира. М.

Пугаченкова Г.А. 1976: К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции. 1969–1973 гг. М., 125–162.

Ртвеладзе Э.В. 1982: местонахождении бактрийского города Аорна // ВДИ. 1, 149–152.

Ртвеладзе Э. 2002: Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Историко-географические очерки. Ташкент.

Смирнов С.В. 2013: Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М.

Фишер-Фабиан С. 1997: Александр Великий. Смоленск.

Фор П. 2001: Александр Македонский. М.

Хабихт Х. 1999: Афины. История города в эллинистическую эпоху. М.

Шахермайр Ф. 1984: Александр Македонский. М.

Шофман А.С. 1984: Распад империи Александра Македонского. Казань.

Anson E.M. 1981: Alexander's Hypaspists and argyraspids // Historia. 30, 117–120.

Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. 1995: Walls of Margiana // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / A. Invernizzi (ed.). Torino, 39–50.

Badian E. 1961: Harpalus // JHS. 81, 14–43.

Badian E. 1982: Greeks and Macedonians // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. National Gallery of Art, Washington .10, 33–52.

Balty J.-Ch. 1986: L'Urbanisme de la tétrapolis syrienne // Ο ελληνισμος στην Ανατολη. International meeting of History and Archaeology. Delphi 6–9 November 1986. Αθηνα // Athens, European cultural centre of Delphi, 99–112.

Bar-Kochva B. 1976: The Seleucid Army. Organisation and tactics in the Great Campaigns. Cambridge.

Bernard P. 1967: Ai-Khanum on the Oxus: a Hellenistic City in Central Asia // Proceedings of the British Academy. Vol. LIII, 71–95.

Bernard P. 1982: Diodore XVII,83,1, Alexandrie du Caucase ou Alexandrie de l'Oxus // Journal des savants, 217–242.

Bernard P. 1982a: Alexandre et Aï-Khanoum // Journal des savants, 125–138.

Bernard P. 1985: Fouilles d'Aï Khanoum IV. Les monnaies hors trésors, questions d'histoire gréco-bactrienne (MDAFA. 28). Paris.

Bernard P. 1987: Le Marsyas d'Apamé, l'Oxus et la colonization séleucide en Bactriane // Studia Iranica. 16. Fasc. 1, 103–115.

Bernard P. 1994: The Seleucid in Central Asia // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250 / J. Harmatta, B.N. Puri, G. F. Etemadi (ed.). Paris, 88–97.

Bernard P. 1996: Maracanda-Afrasiab colonie grecque // La Persia e l'Asia, 331–365.

Bernard P. 1996a: L'Aornos bactrien et Aornos indien. Philostrate et Taxila: géographie, mythe et réalité // TOPOI. Orient-Occident. Vol. 6/2, 475–530.

Bernard P. 1999: Greek Geography and Literary Fiction from Bactria to India: the Case of the Aornoi and Taxila // Coins, Art, and Chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderland / M. Alram, D. Klimburg-Salter (ed.). Wien, 51–98.

Bernard P. 2005: Hellenistic Arachosia. F Greek Melting Pot in Action // East and West. 55, 13–34.

Bernard P., Grenet F., Isamiddinov M. et al. 1990: Fouilles de la mission franco-soviétique à l'ancienne Samarkand (Afrasiab). Première campagne 1989 // CRAI, 356–380.

Bernard P., Grenet F., Isamiddinov M. et al. 1992: Fouilles de la mission franco-ouzbèke à l'ancienne Samarkand (Afrasiab). Deuxième et troisième campagnes 1990–1991 // CRAI, 275–311.

Billoows R.A. 1995: Kings and colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York; Köln.

Bongard-Levine G.M., Koshelenko G.A. 2005: The Puzzle of Elkharas // East and West. Vol. 55. 1–4, 17–25.

Bosworth A.B. 1983: The Indian Satrapies under Alexander the Great // Antichton. Vol. 17, 2, 37–46.

Bosworth A.B. 1986: Alexander the Great and the Decline of Macedonia // JHS. 106, 1–12.

Bosworth A.B. 1995: Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Cambridge.

Bosworth A.B. 2002: The Legacy of Alexander. Politics, Warfare and Propaganda under the Successors. Oxford.

Briant P. 1978: Colonisation hellénistique et populations indigenes. La phase d'instalation // Klio. 60. 1, 57–92.

Briant P. 1982: Rois, tribut et paysans (Centre de Recherches d'histoire Ancienne. 43). Paris.

Briant P. 1982: Colonisation hellénistique et populations indigenes. II. Renforts grecs dans les cites hellénistiques d'Orient // Klio. 64. 1, 83–98.

Callot O. 1989: Failaka à l'époque hellénistique // L'Arabie préislamique et son environnement historique et culnurel. Actes du Colloque de Strasbourg 24–27 juin 1987 / T. Fahd (ed.). Leiden; Brill, 127–143.

Capdetrey L. 2007: Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finance d'un royaume hellénistique (312 – 129 avant J.-C.). Rennes.

Chichkina G. V. 1986: Les remparts de Samarcande à l'époque hellénistique // La fortification dans l'histoire de monde grec. Actes de colloque international La fortification et sa place dans l'histoire politique, culturelle et sociale du monde grec. Valbonne, décembre 1982 / P. Leriche, H. Trézeni (ed.). Paris, 71–78.

Cloché P. 1959: La dislocation d'un empire. Les premiers successeurs d'Alexandre le Grand (323 – 281/280 avant J.-C.). Paris.

Cohen G. M. 1978: The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization (Historia. Einzelschriften. Heft 30). Wiesbaden.

Cohen G. M. 1995: The Hellenistic Settlements in Europe, the Islands, and Asia Minor. Berkley; Los Angeles; Oxford.

Cohen G. M. 2006: The Hellenistic Settlements in Syria, the Red Sea Bassin and North Africa. Berkley; London.

Dani A. H. 1994: Alexander's Campaign in Central Asia // History of Civilizations of Central Asia. Vol. II. The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B. C. to A. D. 250 / J. Harmatta, B. N. Puri, G. F. Etemadi (ed.). Paris, 67–88.

Devine A. M. 1985: Diodorus' account of the Battle of Paraitacene // Ancient World. 12, 75–86.

Devine A. M. 1985a: Diodorus' account of the Battle of Gabiene // Ancient World. 12, 87–96.

Dobbins K. W. 1984: Alexander's Eastern Satrapies // Persica. XI, 73–108.

Engels D. W. 1978: Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkley; Los Angeles; London.

Fox R. L. 1974: Alexander the Great. London.

Fraser P. M. 1996: Cities of Alexander the Great. Oxford.

Goukowsky P. 1981: Un aspect d'administration d'Alexandre dans les Hautes-Satrapies: la premier révolte des colons grecs de Bactriane en 325 // La géographie administrative et politique d'Alexandre à Mahomet. Actes du Colloque de Strasbourg 14–16 juin 1979. Leiden, 8–17.

Goukowsky P. 1981a: Essai sur les origins du mythe d'Alexandre (336 -270 av.J.-C.) II. Alexandre et Dionysos). Nancy.

Grainger J. D. 1990: The Sities of Seleukid Syria. Oxford.

Grainger J. D. 1990a: Seleukos Nikator. Constructing a Hellenistic Kingdom. London; New York; Routledhe.

Hadley R. A. 1978: The Foundation Date of Seleuceia-on-the-Tigris // Historia. 27, 228–232.

Hamilton J. R. 1972: Alexander among the Oreitae // Historia. Band XXI, Heft 4, 603–608.

Hammond N. G. L. 1984: Alexander's Veterans after his death // Greek, Roman and Byzantine Studies. 25, 51–61.

Hatzopoulos M. 1998: Récentes découvertes épigraphiques et gloses macédoniennes d'Hésychius // CRAI, 1189–1207.

Holt F. L. 1988: Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia (Mnemosyne. Supplements 104). Leiden; New York; København; Köln.

Holt F. L. 2005: Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan. Berkley; Los Angeles; London.

Hopkins C. 1972: Topography and Architecture of Seleuceia on the Tigris. Ann Arbor.

Invernizzi A. 1993: Seleucia on the Tigris: Centre and Periphery in the Seleucid Asia // Centre and Periphery in the Hellenistic World / Bilde et al. (ed.). Aarhus, 230–250.

Invernizzi A. 1994: Fra novità e tradizione: la fondazione di Seleucia sul Tigri // Nuove fondazioni nel Vicino Oriente antico: realità ed ideologia. Atti del convegno Pisa 4–6 dicembre 1991. Pisa, 115–129.

Invernizzi A. 1991: Séleucie du Tigre, metropole grecque d'Asie // Ο ελληνισμος στην Ανατολη. International meeting of history and archaeology. Delphi 6–9 november 1986. Αθηνα / Athens, European cultural centre of Delphi, 339–360.

Lezine A. 1963/64: Hérat. Notes de voyage (1) // Bulletin d'études orientale. Vol. 18. 1963/64, 127–145.

Launey M. 1949–1950: Recherches sur les armée hellénistiques. Vol. I-II. Paris.

Leriche P. 1985: Urbanisme defensive et occupation du territoire en Syrie hellénistique // Sociétés urbaines, societies rurales dans l'Asie Mineure et la Syrie hellénistique et romain. Actes du colloque organize à Strsbourg (novembre 1985) par l'Institut et le Groupe de Recherche d'histoire romaine et le Centre de Recherche sur le Proche-Orient et la Gréce antiques / E. Frèzols (ed.). Strasbourg, 57–79.

Masson C. 1984: Memoir on the Ancient Coins found at Beghrām, in the Kohistān of Kābul // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 3, 153–175.

Mehl A. 1986: Seleukos Nikator und sein Reich I. Seleukos' Leben und die Entwikllung seiner Machtposition. Louvain.

Mehl A. 1991: The Seleucid cities in Syria: Development, Population, Constitution // Ο ελληνισμος στην Ανατολη. International meeting of History and Archaeology. Delphi 6–9 November 1986. Αθηνα / Athens, European cultural centre of Delphi, 99–112.

Millar F.T. 1987: The Problems of Hellenistic Syria // Hellenism in the East . The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to the Central Asia after Alexander / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (ed.). London; Duckworth, 110–133.

Milns R.D. 1976: The Army of Alexander the Great // Alexander le Grand. Image et réalité (Entretiens sur l'antiquité classique. T. XXII). Vandœvres; Genève, 87–130.

Musti D. 1966: Lo stato di Seleucidi: dinastia, popoli, città da Seleuco I ad Antiocho III // Studi Classici e Orientali. 15, 61–197.

Musti D. 1984: Syria and the East // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic World / F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (ed.). Cambridge, 175–220.

Nawotka K. 2008: Demodamas of Miletus, Seleucus I and Apollo // Мнемон. 7, 135–152.

Olbrycht M.J. 2007: The Military Reforms of Alexander the Great during his Campaigns in Iran, Afghanistan and Central Asia // Understanding Eurasia. From ancient times to the present day / C. Galewicz, J. Pstrusinska, L. Sudyka (ed.). Krakow, 310 - 321.

Olbrycht M.J. 2005: Creating an Empire: Iran and Middle Asia in the policy of Seleukos I // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года, 231–234.

Préaux Cl. 1978: Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient (323–146 av. J.-C.). T. II. Paris.

Rapin Cl., Isamiddinov M. 1994: Fortifications hellénistiques de Samarcande (Samarkande-Afrasiab) // ΤΟΠΟΙ. Orient. Occident, 547–565.

Robert L. Pline VI, 49, Démodamas et rein Apamè // BCH. 108, 467–472.

Rostovtzeff M. 1938: Dura-Europos and its art. Oxford.

Roussel P. 1942–1943: Décret de Péliganes de Laodicée sur Mer // Syria. 23, 21–32.

Salles J.-F. 1987: The Arab-Persian Gulf under the Seleucides // Hellenism in the East . The Interaction of Greek and non-Greek civilizations from Syria to the Central Asia after Alexander / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (ed.). London; Duckworth, 75–109.

Sartre D'Alexandre 2001: à Zénobie Histoire du Levant antique (IVe siècle av. J.-C. — IIIe siècle apr. J.-C.). Paris.

Schober L. 1981: Untersuchungen zur Geschichte Babyloniens und der oberen Satranien von 323–303 v. Chr. Francfort am Main; Bern.

Seyrig H. 1985: Seleucus I and the Foundation of Hellenistic Syria // Seyrig H. Scripta varia. Mélanges d'archéology et d'histoire. Paris.

Sherwin-White S., Kuhrt A. 1993: From Samarkhand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire. London; Duckworth.

Tarn W. W. 1980: The Greek in Bactria and India. New Delhi.

Tscherikower V. 1927: Die Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit. Leipzig.

Waggoner N. M. 1969: The early Alexander coinage at Seleuceia on the Tigris // ANSMN. 15, 21–30.

Walbank F. W. 1984: Monarchies and Monarchic Ideas // CAH. 2nd ed. Vol. VII. Part I / F. W. Walbank, A. E. Astin, M. W. Friederiksen, R. M. Ogilvie (ed.). Cambridge, 62–99.

Widemann F. 2009: Les successeurs d'Alexandre en Asie Centrale et leur heritage culturel. Essai. Paris.

Will Ed. 1979: Histoire politique du monde hellénistique (323 – 30 av. J.-C.). Tome I. De la mort d'Alexandre aux avènement d'Antiochos III et de Philippe V. Deuxième édition. Nancy.

Will Ed. The Succession to Alexander // CAH. 2nd ed. Vol. VII. Part I, 23–61.

Wolski J. 1990: Alexandre le Grand et Iran // From Alexander the Great to Kül Tegin / J. Harmatta (ed.). Budapest, P. 1–9.

Zavyalov V. A. 2007: The Fortifications of the City of Gyaur kala, Merv // After Alexander. Central Asia before Islam / J. Cribb, G. Herrman (ed.). Oxford, 313–332.

HELLENISTIC EAST: COLONIZATION OF THE UPPER SATRAPIES (SCALES, DYNAMICS, CHARACTER)

G. A. Koshelenko, V. A. Gaibov

The main objective of this study is to determine the peculiarities of the colonization process in early Hellenistic period. Usually in literature, this process is considered as a whole that is not correct from the authors' point of view. The authors identify three stages of this process, which are sharply different from each other. The first one is the time of Alexander the Great. At this time there is a mass settling of the Greeks and Macedonians (latter in less quantity) on the territory. The major part of them — garrisons in the cities and the population of the newly founded cities. We can talk about tens of thousands of Greeks. Alexander's death led to the dramatic events — the revolt of the Greeks and their mass murder. For decades, "the upper satrapies" were cut off from the Mediterranean; no new people or new ideas from the West came there. Only from the moment when Antiochus became joint ruler of Seleucus in the East, new settlers on droves poured there, many of whom were experts, and there was big money, that ensured the rise of the region.

Key words: Bactria, Sogdiana, Margiana, Areia, Arachosia, Drangiana, Alexander the Great , Seleucus, Antiochus, colonization, the extent of colonization, a garrison, a town, Greeks, Macedonians

© 2014

С. В. Сотникова

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ЛОШАДЕЙ В КОЛЕСНИЧНЫХ КУЛЬТУРАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ: РЕКОНСТРУКЦИЯ РИТУАЛОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (по материалам памятников синташтинского и петровского типа)

В статье рассматриваются парные захоронения лошадей на памятниках синташтинского и петровского типа. Эти захоронения представлены в двух вариантах: в виде черепов и костей ног животных на дне погребальной камеры и в виде целых костяков лошадей в верхней части погребальной камеры или на специальной подкурганной площадке. Автор приходит к выводу, что это следы двух самостоятельных ритуалов, различающихся как по сценарию, так и по времени отправления. В работе дается характеристика каждого из ритуалов, предлагается их реконструкция и интерпретация.

Ключевые слова: эпоха бронзы, памятники синташтинского типа, памятники петровского типа, погребение, парные захоронения лошадей, колесницы, ритуал

Погребения с остатками колесниц и другим колесничным инвентарем являются одной из характерных черт памятников синташтинского и петровского типов, получивших распространение на территории Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. Другой яркой чертой погребального ритуала синташтинского и петровского населения являются находки в погребениях с остатками колесниц парных захоронений лошадей. Лошади представлены целыми костяками или в виде ритуальных комплексов, состоящих из черепов и костей ног. Боевые двухколесные колесницы, запряженные конями, играли заметную роль как в жизни, так и в ритуалах и представлениях населения евразийских степей эпохи бронзы. Этническая и языковая атрибуция этих археологических комплексов является достаточно сложной задачей, однако многие исследователи связывают эти культурные образования с индоиранцами. Так, Е. Е. Кузьмина считает, что памятники синташтинского типа, отличительной чертой которых является ярко выраженная колесничная атрибутика, отражают период индоиранского единства, в дальнейшем на их основе происходит сложение андроновской культуры[1]. Это позволяет привлечь для реконструкции ритуалов и представлений степного населения эпохи бронзы письменные источники, прежде всего «Ригведу», созданную индоариями.

Сотникова Светлана Владимировна — доцент кафедры истории, культурологи, философии и методик преподавания исторического факультета ТГСПА. E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

[1] Кузьмина 2008, 200–201.

Вместе с тем следует отметить один важный момент. Несмотря на то, что вопрос о времени существования индоиранской общности и времени ее распада активно изучается не только историками, но и лингвистами, эта проблема пока остается далека от окончательного разрешения.

Наиболее выразительные ритуалы, связанные с захоронением колесничных лошадей, происходят из Синташтинского большого грунтового могильника. Кости коней на дне могильных ям, как правило, были представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног, которые нередко также располагались парами. В ряде случаев на черепах или рядом с ними обнаружены псалии. В некоторых погребениях на дне ямы сохранились также канавки для установки колес от колесницы. Захоронения одной или нескольких пар целых туш лошадей размещались на перекрытии или в верхней части погребальной камеры. В этом могильнике имеются как погребения, в которых зафиксированы следы лишь одного из двух ритуалов, так и погребения, где отмечены следы обоих ритуалов. Так, в погребениях 6, 11, 30 представлены только следы ритуала, включающего установку частей колесницы (колес) и помещение упряжных коней в виде комплексов из черепов и костей ног на дно могильной ямы. В погребениях 2, 3, 10, 26, 29 обнаружены только следы ритуала, связанного с захоронением целых туш лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении ямы. В некоторых погребениях зафиксированы следы обоих ритуалов. Так, в погребении 4 на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы в северной половине обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной — два черепа лошадей. В погребении 5 на перекрытии размещалось попарно шесть туш коней, а на дне в северной половине ямы обнаружены два параллельных углубления для колес, в южной — кости ног и два черепа, на которых сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками[2].

Подобный характер распределения находок позволяет предположить, что, по-видимому, мы имеем дело со следами двух разных ритуалов, которые отличались как по сценарию, так и по времени отправления. В целях реконструкции ритуала и представлений, связанных с парным захоронением лошадей в колесничных культурах, необходимо рассматривать эти два вида ритуала по отдельности.

Парные захоронения расчлененных костяков лошадей: реконструкция ритуала и представлений

Следы этого ритуала фиксируются на дне могильной ямы. Наиболее полный вариант представлен в погребении 30 Синташтинского большого грунтового могильника. На дне ямы у юго-западной стенки находилось два лошадиных черепа (рядом с одним — пара костяных псалиев), и возле каждого из них — кости четырех ног. У северо-восточной стенки зафиксированы два параллельных канавообразных углубления, в которых сохранились отпечатки ободьев и спиц от колес. В юго-западной половине ямы в кучу были сложены кости человека. Такое состояние их было уже во время захоронения: все кости целые, но тазовые отчленены от крестца, нижняя челюсть отделена от черепа и т.д. Череп был уложен в юго-запад-

[2] Генинг, Зданович, Генинг 1992, 125–126, 132–135.

ной стороне скопления. Рядом с черепом человека лежал бронзовый нож. В могиле также были обнаружены бронзовый наконечник копья, колчан с 11 кремневыми и 2 костяными наконечниками стрел, два давильных камня, связанные, по мнению авторов, с культом Сомы[3]. Таким образом, в погребении 30 в наиболее полном виде представлен колесничный комплекс. В других погребениях этого могильника комплект колесничного вооружения представлен как бы в неполном составе. Так, в погребении 6 обнаружены только остатки двух конских черепов и костей конечностей, в погребении 11, помимо двух черепов и костей ног лошадей, находились два псалия. В других погребениях находят лишь углубления от колес, но присутствие коней как бы подразумевается (погребения 12, 19, 28)[4].

Характерной чертой рассматриваемого ритуала являются обрядовые действия, включающие разделение на части и составление из них новой целостности. Такой характер ритуальных действий являются отличительной чертой обряда жертвоприношения индоиранских народов. По одному сценарию разворачиваются индоарийские ритуалы пурушамедха (жертвоприношения человека) и ашвамедха (жертвоприношение коня). Жертва путем ритуального расчленения, отождествления и составления в новом порядке становилась воплощением нового Космоса или новой жизни.

В археологических материалах нашел отражение не весь цикл жертвоприношения, а лишь заключительная фаза — создание «составной» жертвы. Подобные ритуальные действия совершенно очевидны в отношении костяков коней, которые были принесены в жертву, разъяты на части и составлены в новом порядке. Сложнее распространить реконструируемый комплекс ритуальных действий на другой элемент ритуала — колесницу. Погребальные комплексы, содержащие следы колесниц, вызывают немало споров среди исследователей. Прежде всего это вопрос о том, ставились ли в погребения целые экземпляры или только части колесниц, преимущественно колеса. Исследователи Синташтинского могильника, где обнаружено наибольшее число погребений с остатками колесниц, предполагают, что в могилы ставились целые экземпляры[5]. Н. Б. Виноградов считает, что преобладала традиция помещения в погребальные камеры отдельных частей повозки, прежде всего колес[6]. Он обратил внимание на то, что в некоторых погребениях количество углублений для колес не всегда соответствует реконструируемой двухколесной боевой колеснице. По его наблюдениям, на дне ямы 12 Синташтинского большого грунтового могильника находилось по меньшей мере четыре или даже пять углублений, которые возможно трактовать как углубления для колес. Он предполагает, что либо в яме была представлена имитация четырехколесной повозки, либо имитация двух двухколесных, но не исключено, что было вкопано и пять колес[7]. Еще более убедительным является материал могильника Каменный Амбар 5, где в яме 6 кургана 2 расчищено лишь одно колесное углубление[8]. В данном споре предположение Н. Б. Виноградова представляется более обоснованным.

---

[3] Генинг, Зданович, Генинг 1992, 208–214, 218.
[4] Генинг, Зданович, Генинг 1992, 137, 140, 155, 161, 163–167, 180–183, 202–203.
[5] Генинг, Зданович, Генинг 1992, 165–168, 183–185 и т.д.
[6] Виноградов 2003, 265.
[7] Виноградов 2003, 264–266.
[8] Костюков, Епимахов, Нелин 1995, 162.

Исходя из логики ритуала жертвоприношения, характерного для индоиранского населения и включающего разделение жертвы на части и составление новой целостности, можно предполагать, что в жертву полностью приносилась вся боевая колесница, включая лошадей. Но в погребальную камеру помещался составной «образ» жертвы. Наиболее полный вариант этого «образа» представлен в погребении 30 Синташтинского большого грунтового могильника, он составлен из двух параллельно установленных колес со спицами и пары лошадей в виде костей ног и голов с остатками упряжи.

На основании материалов из погребения 30 становится очевидно, что ритуал, связанный с разделением на части и составлением новой целостности, относился не только к коням и колеснице, но и к самому человеку. Состояние и расположение костей умершего в этом погребении ближе к понятию «образа», а не реального захоронения. Кости человека, по мнению исследователей, были очищены от мягких тканей и сложены в виде компактного скопления подпрямоугольной формы, причем череп вместе с бронзовым ножом был положен с юго-западной стороны, как в обычных погребениях с трупоположением[9]. В данном случае мы имеем дело с вторичным захоронением, которому предшествовали какие-то ритуальные действия, связанные с нарушением целостности тела умершего, а затем созданием из разрозненных частей «куклы». Не исключено, что кости человека были во что-то завернуты, например, в одежду умершего. Состоящая из очищенных костей и одежды «кукла» могла использоваться в обряде в качестве «образа» умершего, которого поместили в погребение в сопровождении вооружения, характерного для воина-колесничего — бронзового копья, колчана со стрелами, бронзового ножа, конской узды («кукла» располагалась рядом с костями одного из коней, с которым связана целая серия предметов вооружения). Подобный ритуал, вероятно, имел место и в погребении 12. Таким образом, материалы синташтинских погребений свидетельствуют о совершении грандиозного ритуала жертвоприношения, в ходе которого были разъяты на части, а затем составлены из них в новом порядке колесница, пара запряженных коней и сам воин-колесничий. Создается впечатление, что основной целью ритуала было именно создание «образа» воина-колесничего и колесницы из ритуально значимых частей.

Наиболее ранние письменные свидетельства подобного ритуала зафиксированы в «Ригведе» (далее РВ), где имеется описание жертвоприношения богами первочеловека Пуруши. В. Н. Топоров, анализируя гимн Пуруше (РВ. X. 90), отмечает, что в ходе ритуала жертвоприношения совершается переход от изначальной целостности через множественную расчлененность к вторичной составной целостности[10]. В гимне, во-первых, подчеркивается, что жертва приносится целиком, полностью (РВ. X. 90. 8, 9): «Из этой жертвы, всецело (полностью) принесенной…»[11]. Во-вторых, отмечается, что важнейшей ритуальной операцией при жертвоприношении Пуруши было его расчленение на определенные части (РВ. X. 90. 11): «Когда Пурушу расчленили, / На сколько частей разделили его?»[12]. В-третьих, в ходе ритуала происходит создание новой целостности (РВ. X. 90.

[9] Генинг, Зданович, Генинг 1992, 208–210, рис. 111, 112–1.
[10] Топоров 1979, 217–218.
[11] Ригведа 1999в, 236.
[12] Ригведа 1999в, 236.

14): «Из пупа возникло воздушное пространство, / Из головы развилось небо, / Из ног — земля, стороны света — из уха. / Так они устроили миры»[13]. Здесь речь идет не просто о создании основных элементов космоса, а о творении высшей ценности во Вселенной — мирового (космического) порядка, который строится из трех миров (небо, земля, воздушное пространство) и четырех сторон света. По тому же принципу в этом гимне создается социальный порядок, состоящий из четырех варн (РВ. X. 90. 12): «Его рот стал брахманом, / Его руки сделались раджанья, / Его бедра (стали) вайшья, / Из ног родился шудра»[14].

По тому же сценарию разворачивается обряд жертвоприношение коня — ашвамедха, занимающий одно из центральных мест в ведийской ритуальной практике. Начало древнейшей упанишады Брихадараньяки (1.1.1) содержит знаменитое истолкование ритуала ашвамедхи, где перечислением частей жертвенного коня задается вся Вселенная, как в пространственном, так и во временном аспекте [15].

Вероятно, составная жертва имела определенные преимущества перед изначальной, она становилась ритуальным воплощением упорядоченной Вселенной. Следовательно, основным недостатком изначальной жертвы являлось то, что она несоставна, представляет собой первозданную слитность и, соответственно, непригодна для упорядочения. Только в ходе ритуала она может быть разъята на части, а уже затем построена в новом порядке. Поэтому создание составной целостности являлось главной целью ритуала жертвоприношения. Две формы жертвы — изначальная целостность и составная — были опосредованы действиями, имеющими космогонический характер. Две формы жертвы — это два состояния Вселенной: несозданной/неупорядоченной (до начала творения) и созданной/упорядоченной (в результате творения). В лингвистическом аспекте эта дихотомия была рассмотрена Б. Л. Огибениным, который, в свою очередь, отводит существенную роль в преобразовании неорганизованной Вселенной универсальному космическому принципу рита[16]. В. Н. Топоров отмечает, что посредством рита достигается порядок круговращения Вселенной, кроме того, это слово обозначает и сам ритуал. Рассматривая семантическую мотивировку данного ведийского слова, он возводит его к и.-евр.*ar- со значением «(при)соединять, пригонять (друг к другу), прилаживать, устраивать, связывать». Из того же индоевропейского корня выводимо также др.-греч. αρτύνω, имеющее значение «приводить в порядок, выстраиваться в ряд»[17].

Высказаны различные мнения о назначении и роли колесниц в погребальном обряде. Ряд исследователей считает, что это были боевые колесницы[18]. Н. Бороффка полагает, что конные колесницы «должны рассматриваться в большей степени как предмет роскоши для демонстрации социального статуса определенной группы людей, а не как собственно средство войны или охоты».[19] Н. Б. Виноградов на основании изучения синташтинских комплексов приходит к заключению, что при интерпретации погребений с остатками колесниц необходимо учитывать вы-

[13] Ригведа 1999в, 236.
[14] Ригведа 1999в, 236.
[15] Брихадараньяка упанишада 2003, 70.
[16] Огибенин 1968, 12–16, 47–51.
[17] Топоров 1988, 25–26.
[18] Генинг, Зданович, Генинг 1992, 214–219.
[19] Бороффка 1999, 80.

сокую степень семиотичности погребальной обрядности. На основании изучения синташтинских комплексов он приходит к заключению, что некая престижность помещения определенным персонам в могилу деталей двухколесных повозок может являться «воспроизведением модификации объемного “макета” индоевропейского мифа о путешествии души».[20] Предположение о знаковой роли колесниц или их частей в погребальном обряде населения степных культур эпохи бронзы находит подтверждение и в текстах «Ригведы». Т. Я. Елизаренкова и В. Н. Топоров считают, что в «Ригведе» повозка или колесница — это не столько реалии ведийского быта, сколько сакрализованный и мифологизированный предмет[21].

Для объяснения этого ритуала вполне уместно обратиться к хеттской традиции, так как она сложилась на индоевропейской основе. Вероятно, сакрализовано было само передвижение в двухколесной повозке, запряженной лошадьми. В одном из ритуальных хеттских текстов (512/i Rs. 2–6) противопоставляется два вида повозок — тяжелая четырехколесная повозка, запрягавшаяся быками и предназначавшаяся для перевозки грузов, и легкая двухколесная колесница, запрягавшаяся лошадьми и предназначавшаяся для военных целей, для торжественных церемоний и состязаний. Ритуальное назначение двух типов хеттских повозок проявляется в царских погребальных обрядах. Легкая колесница, которая именуется также «колесницей для сидения», служит для усаживания образа, изображения умершего. Образ умершего подвозят на этой колеснице к «палатке», снимают с колесницы, вносят в «палатку» и усаживают на золотой престол, после чего совершается обряд жертвоприношения. Останки умершего кладут на тяжелую четырехколесную повозку, запрягаемую быками, и везут к месту сжигания трупов[22].

Достаточно четко культовая и мифологическая роль колесницы, запряженной конями, нашла отражение в «Ригведе». Боевая колесница (ratha) именуется божественной, ей приносят жертвенные дары: «Радуясь этому нашему жертвенному приношению, / О, божественная колесница, прими жертвенные дары!» (РВ. VI. 47. 28)[23]. В гимнах «Ригведы» на подобных колесницах разъезжают боги, состязающиеся и воюющие друг с другом. Такой колесницей возничий управлял стоя. Подобная техника езды на боевых колесницах, нашедшая отражение в «Ригведе», является достаточно древней и восходит ко времени индоиранского единства. Об этом свидетельствуют общие индоиранские названия самой колесницы и воина-колесничего — *rathaištar — «стоящий на колеснице»[24]. В реальных военных действиях воин-колесничий управлял ею стоя, а после его смерти эта колесница служила для усаживания «образа» умершего.

Таким образом, в ритуальной практике синташтинского и петровского населения двуконная колесница, составленная из частей, вероятно, предназначалась для «образа» умершего. Новая составная целостность, созданная из ритуально значимых частей, могла быть воплощением представлений о возрождении, переходе умершего к новому жизненному циклу.

---

[20] Виноградов 2003, 264.
[21] Елизаренкова, Топоров 1999, 490, прим. 7.
[22] Гамкрелидзе, Иванов 1984, 724–726.
[23] Ригведа 1999б, 144.
[24] Грантовский 1998, 64; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 728–729.

Парные захоронения полных костяков лошадей: реконструкция ритуала и представлений

В некоторых погребениях синташтинского и петровского типов содержатся парные захоронения полных костяков лошадей, которые размещаются на перекрытии или на специальной подкурганной площадке рядом с могильной ямой. В Синташтинском большом грунтовом могильнике в погребении 2 на перекрытии обнаружены четыре целых костяка лошадей, из них одна туша была положена вдоль продольной стенки, а три — поперек ямы, В погребении 3 на перекрытии камеры вдоль восточной стенки размещались две туши коней. В погребении 4 на перекрытии камеры располагались попарно четыре туши коней. В погребении 5 на перекрытии были размещены попарно туши шести лошадей. В заполнении погребения 10 поперек ямы были захоронены две туши молодых коней. В погребении 12 на перекрытии погребальной камеры были размещены попарно 4 лошади, они располагались мордами друг к другу, ногами в противоположные стороны. В погребении 19 на перекрытии также находилось две пары коней. В заполнении погребения 26 вдоль стенок располагались скелеты двух коней. В погребении 29 на перекрытии размещались две туши коней[25]. В могильнике синташтинского типа Бестамак I два полных костяка лошадей находились в заполнении могил 1, 22, 35 и на перекрытии могилы 140[26].

По-видимому, с тем же ритуалом были связаны парные захоронения целых костяков коней на подкурганной площадке (нередко специально подготовленной) рядом с могильной ямой, что является характерной чертой памятников петровского типа Северного Казахстана (Аксайман, Берлик II, Новоникольский)[27] и нуртайского типа Центрального Казахстана (Аяпберген, Нуртай, Ащису)[28]. Для североказахстанских комплексов характерно расположение пары лошадей вдоль длинных сторон могильной ямы, для центральноказахстанских — возле западной или юго-западной торцовых стенок центрального каменного ящика.

Изучению «колесничных» лошадей, в том числе из синташтинских и петровских погребальных комплексов, посвящена специальная статья П. А. Косинцева. Он относит к этой категории лошадей, которые запрягались или предполагались к запряжке в колесницы, и считает, что в обоих случаях «колесничные» лошади должны были специально готовиться для этого и проходить специальный тренинг. Исследователь рассматривает как те комплексы, где представлены целые костяки, так и те, где помещались черепа и кости конечностей. Он отмечает, что среди погребенных лошадей в синташтинских комплексах преобладают самцы — из 12 особей, у которых определен пол, 10 особей — самцы и только 2 особи — самки. Более половины особей (64%) имели среднюю высоту в холке 136–144 см, 27% имели высоту ниже среднего — 128–136 см и только отдельные особи — выше среднего (144–152 см) и мелкие. По тонконогости половину (49%) составляли полутонконогие особи, значительно количество тонконогих лошадей — 37%, от-

[25] Генинг, Зданович, Генинг 1992, 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207.

[26] Косинцев 2010, 48.

[27] Зданович 1988, 73–76, 78–81; Косинцев 2010, 49.

[28] Ткачев 2002, 158; Кукушкин 2006, 50, 59–65.

дельные особи были крайне тонконогими и среднетонконогими. Исследователь полагает, что это были специально отобранные из табуна особи. Он считает, что «можно говорить о критериях отбора “колесничных лошадей” в синташтинской культуре. Отбирались преимущественно полувзрослые и взрослые самцы, несколько меньших размеров, чем большая часть особей в табуне»[29]. На памятниках петровского типа среди изученных парных захоронений в трех случаях особи заметно отличались по размерам, а в четырех — различались по возрасту. Во всех случаях, где определен пол, в парных захоронениях находились самцы, относившиеся в основном к группе тонконогих. Преобладали особи средней высоты в холке (60%), заметно меньше было особей ниже среднего роста (28%) и немного (12%) выше среднего роста. Все они относились к группам тонконогих (65%) и полутонгоногих (35%). П. А. Косинцев высказывает предположение, что в среде петровского населения преобладал более жесткий отбор по сравнению с синташтинским[30].

Проведя анализ остатков «колесничных» лошадей» в разных археологических культурах (синташтинской, петровской, потаповской, алакульской, срубной), он отмечает, что они обладают сходством по изученным параметрам: половому и возрастному составу, высоте в холке и тонконогости.

По материалам памятников синташтинского типа удалось провести сравнение по этим параметрам с останками лошадей из поселений. Оно показало их значимые различия. Опираясь на полученные результаты, П. А. Косинцев приходит к выводу, что «колесничные» лошади — это реальная своеобразная группа лошадей, которую отличает не только особое положение в пространстве погребального комплекса, но и специфические характеристики, что может быть результатом как целенаправленного отбора из табуна особей с нужными параметрами, так и специального тренинга[31].

В среде индоиранского населения достаточно распространенным явлением были конные состязания на похоронах[32]. Наиболее известным текстом, описывающим похоронный обряд, в состав которого входят колесничные ристалища, является 23 песнь «Илиады». В ней описываются похороны Патрокла, кстати, искусного колесничего. Прежде всего для нас важна последовательность действий в этом погребальном ритуале, которая выглядит следующим образом: сооружение ритуального костра, возложение тела Патрокла, жертвоприношения, возжигание огня и сожжение трупа, собирание кремированных костей, захоронение их в могиле, сооружение кургана, а затем состязания — колесничные ристания, кулачный бой и другие, включая метание и стрельбу из лука. Иначе говоря, состязания следуют за погребением останков. Кроме того, при описании состязаний именно колесничным состязания уделено основное место, другие виды соревнований даны короче и менее конкретно.

Опираясь на данные «Илиады», можно предположить, что синташтинское население также практиковало состязания двуконных колесниц на похоронах воинов. Причем они были именно ритуалом, а не развлечением или спортивным

[29] Косинцев 2010, 30–31.
[30] Косинцев 2010, 31.
[31] Косинцев 2010, 32.
[32] Топоров 1990, 12–47.

соревнованием, и участники состязаний являлись своего рода отправителями культа. Представляется вполне вероятным предположение, что синташтинские и петровские парные захоронения целых костяков лошадей, размещавшихся в верхнем заполнении, на перекрытии могилы или на подкурганной площадке, имели отношение к подобному обряду.

Безусловно, для колесничных ристалищ в упряжку подбирались лошади одного пола с примерно равными характеристиками (возраст, рост, экстерьер). Именно такой принцип отбора нашел отражение в «Илиаде» Гомера. Так, в конных состязаниях на похоронах Патрокла участвуют запряжки, состоящие только из жеребцов или только из кобылиц (Il. XXIII. 376–377): «Легкие вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя. / Вслед кобылиц выносились вперед жеребцы Диомеда…»[33]. В другой песне о кобылицах Эвмела Феретиада говорится (Il. II. 764–765): «Он устремлял кобылиц на бегу, как пернатые, быстрых, / Масти одной, одинаковых лет и хребтом как под меру»[34].

Обращаясь к интерпретации памятников синташтинского и петровского типов, следует учитывать, что, во-первых, согласно определениям П. А. Косинцева, в синташтинских парных захоронениях лошадей преобладали жеребцы (10 из 12), а в петровских представлены только жеребцы, во-вторых, в петровских парных захоронениях особи в ряде случаев различались по размеру и возрасту.

Эти различия можно объяснить тем, что в жертву приносилась не вся парная упряжка, победившая в колесничных гонках, а только один из коней. Подтверждение этому предположению можно найти уже в «Ригведе». Об этом свидетельствуют следующие строки гимна, обращенного к Соме (РВ IX. 87. 1): «Бегай же кругами по сосуду, усаживайся! / Теки к награде, очищаемый мужами! / Тебя начищают, как коня, приносящего награду, / На поводьях ведут к жертвенной соломе»[35]. Другой гимн «Ригведы» позволяет уточнить, по какому принципу отбирали коня для жертвоприношения в победившей упряжке. Безусловно, богам посвящалось самое лучшее. Лучшего коня запрягали в упряжке с правой стороны: «Хороший выбор поистине делают они. / Хорошего коня запрягают справа. Хороший взгляд у сына Вивасвата» (X. 164. 2)[36]. Сыном Вивасвата зовется Яма. Слово «хороший», как отмечает Т. Я. Елизаренкова, выступает здесь в качестве ключевого и магического, с него начинается каждая пада. Правая сторона считалась благоприятной. К тому же употребляемый здесь для правой стороны термин *dàkṣiṇa-* имеет еще одно значение — «южный», а юг является областью, где царил и пировал с питарами-предками на высшем небе Яма[37]. Отношение к питарам в «Ригведе» было двойственным. С одной стороны, их почитали и просили у них поддержки, с другой — в похоронных обрядах отгораживались от них, стараясь себя обезопасить[38]. Принесение в жертву лошади, находящейся в запряжке справа, вероятно, должно было настроить Яму и предков на хорошее отношение к умершему или к жертвователям.

---

[33] Илиада 1996, 383.
[34] Илиада 1996, 57.
[35] Ригведа 1999в, 228.
[36] Ригведа 1999в, 310.
[37] Ригведа 1999в, 542, прим 2b.
[38] Елизаренкова 1999, 463–464.

В ритуалах народов, имеющих индоевропейские корни, достаточно отчетливо прослеживается традиция принесения в жертву коня, находящегося в упряжке с правой стороны. В. В. Иванов, рассматривая древнеиндийский обряд ашвамедхи и римский ритуал *Equus October*, отмечает, что «правая лошадь в упряжи имеет особую ритуальную значимость в … древнеиндийском и римском ритуалах: в Риме и в Индии приносили в жертву правую лошадь в той упряжи, что выходит победительницей на состязаниях»[39].

Кроме того, в этих ритуалах в жертву приносился именно жеребец. При ашвамедхе царь в день солнечного равноденствия выпускал на свободу своего самого сильного белого жеребца. Освобождение коня происходило на берегу пруда. В течение года конь, в сопровождении знатных воинов, свободно двигался в любом направлении, а воины подчиняли власти царя все области, куда ступала нога его коня. Ровно через год в день солнечного равноденствия процессия возвращалась. Тогда в течение двенадцати дней царь подвергался воздержанию и физическим испытаниям. Затем жеребца впервые после года воздержания случали с кобылицей и впрягали с правой стороны вместе с тремя другими жеребцами в колесницу, на которой царь, следуя на восток, приезжал к пруду. Здесь три главные жены царя умащали и украшали коня, затем привязывали его к столбу, над которым иногда устанавливалось колесо, и убивали его.[40] В Риме большой государственный праздник Equus October справлялся, как и индийская ашвамедха, в день равноденствия — 15 октября — в честь бога войны Марса. Правый конь четверки, запряженной в колесницу, победившую на ристалищах, объявлялся священным, и его приносили в жертву[41].

На основании приведенных аналогий можно предположить, что синташтинское и петровское население также, вероятно, приносило в жертву жеребца, запряженного в колесницу с правой стороны. По-видимому, в пару с ним в жертву приносили жеребца из другой запряжки, не обязательно того же возраста и роста. Вероятно, в этом выборе основную роль играло ритуальное противопоставление правый/левый, где правая сторона рассматривалась как наиболее значимая.

Недавно вышла статья Д. Г. Здановича и Е. В. Куприяновой, посвященная ритуалу, связанному с парными захоронениями лошадей в памятниках синташтинского, петровского, потаповского типов, а также алакульских и раннесрубных. В ней содержится определение пола лошадей, сделанное Л. Л. Гайдученко, но пока полностью не опубликованное[42]. Авторы отмечают, что к настоящему времени в могильниках Южного Зауралья и Северо-Западного Казахстана определен пол 14 пар лошадей. Наиболее крупная серия (10 пар) происходит из могильника Бестамак I. Во всех случаях пары лошадей были определены Л. Л. Гайдученко как разнополые — жеребец и кобыла, в большинстве случаев разного возраста и разного роста. На основании этих определений авторы строят свои выводы о связи захоронений таких пар лошадей с образом разнополых близнецов в индоевропейской мифологии[43].

---

[39] Иванов 1997, 196.
[40] Кузьмина 1977, 37–38.
[41] Кузьмина 1977, 38.
[42] Зданович, Куприянова 2010, 130–161.
[43] Зданович, Куприянова 2010, 149–150.

Таким образом, складывается довольно сложная ситуация, так как, используя практически один материал, биологи приходят к разным заключениям относительно пола лошадей в парных захоронениях. У нас нет оснований оспаривать выводы А. П. Косинцева, тем более что они подкреплены добротно опубликованными результатами, представленными в многочисленных таблицах и подробном приложении[44], тогда как определения, сделанные Л. Л. Гайдученко, подкрепляются лишь ссылкой на его рукопись. Однако нельзя полностью игнорировать выводы этого исследователя. Можно допустить как частный случай, что в паре с жеребцом, который находился в победившей упряжке с правой стороны, в жертвенный комплекс помещали иногда кобылу, причем необязательно того же возраста и роста.

Возвращаясь к описаниям ритуалов, в ходе которых происходило жертвоприношение коня, следует отметить, что они, как правило, были связаны с состязаниями. В римском ритуале *Equus October* состязания имели место как до, так и после принесения коня в жертву. До жертвоприношения проходили колесничные ристалища, после — разыгрывалось ритуальное соревнование между двумя группами за голову коня[45]. Затем эту голову, украшенную венком, прикрепляли к стене царского дворца, а хвост коня несли к Региа, где кровь стекала на алтарь[46]. Подобные состязания устраивались также на стыке Старого и Нового года. Например, у ведийских ариев существовал обряд обновления царской власти ваджапея, который представлял собой воинский ритуал, одним из центральных моментов которого являлось состязание 17 колесниц, в котором непременно побеждала колесница царя[47].

Отличительной чертой синташтинских парных захоронений лошадей является помещение их непосредственно в могильную яму. Различные исследователи неоднократно сравнивали котлован могильной ямы в таких погребальных комплексах с кузовом колесницы, запряженной парой коней, которая движется вверх, чтобы достичь неба[48].

Особого рассмотрения требуют синташтинские погребения, на дне которых размещалась полная упряжка, составленная из частей, а в верхнем заполнении — парное захоронение целых костяков коней. Такую традицию можно определить как «колесница в колеснице», причем аналогичная ситуация отмечена для катакомбных памятников, где встречаются находки «повозка в повозке». Возникновение подобной ситуации А. Н. Гей определяет как «ритуальный алогизм» и предлагает объяснение, обращаясь прежде всего к хеттской традиции. На похоронах хеттского царя особая роль принадлежала двум повозкам, на одной из которых транспортировали к месту погребения тело умершего, а на другой везли его изображение. Опираясь на эту аналогию, исследователь приходит к выводу, что лиц наивысшего социального ранга в катакомбном обществе также хоронили с двумя повозками — символической и реальной[49]. Подобное объяснение в определенной

---

[44] Косинцев 2010, 21–5.
[45] Иванов 1997, 193.
[46] Кузьмина 1977, 38.
[47] Альбедиль 2005, 68; Васильков 1996, 105.
[48] Кукушкин 2006, 61, 63, 65; Зданович, Куприянова 2010, 148.
[49] Гей 1999, 102.

степени можно распространить и на синташтинские захоронения. Реальная колесница, составленная из частей (кости умершего в виде «куклы», пара лошадей в виде черепа и костей ног, колесница в виде пары колес), помещалась на дно могилы. В свою очередь, дно ямы воспринималось как кузов символической колесницы, упряжкой для которой служила пара целых костяков лошадей, которые располагались в верхнем заполнении ямы (синташтинский тип) или на специально подготовленной подкурганной площадке рядом с могильной ямой (петровский тип). Подобный образ колесницы вполне мог рассматриваться как вариант мировой оси, где могильная яма соотносится с нижним миром, дневная поверхность — со средним, площадка и насыпь — с верхним. По этой оси душа умершего, дары и просьбы жертвователей достигали обители богов и предков.

По-видимому, со временем у индоиранских групп населения образ колесницы в ритуале становится все более символичным. Постепенно он утрачивает сходство с первоначальным реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого нередко укрепляется колесо. Например, в ведийском ритуале ваджапея во время гонки колесниц жрец-брахман вращал по ходу солнца колесо, насаженное на вкопанный в землю шест. Другим значимым моментом этого ритуала было восхождение царя по ступенькам на жертвенный столп-юпа. Рукой он должен был коснуться его навершия в форме колеса и провозгласить: «Мы достигли неба»[50]. В «Ригведе» имеется следующее описание жертвенных столбов (РВ III, 8, 10): «Они выглядят, как рога рогатых (животных), / Столбы с навершиями, (стоящие) на земле. / Прислушиваясь к перекличке жрецов, / пусть помогут они нам в состязаниях!»[51]. Б. Л. Огибенин в комментарии к этому тексту отмечает, что на вершину жертвенного столпа насаживалась круглая капитель[52]. Следовательно, нельзя исключать предположения, что в индийских ритуалах жертвенный столб с укрепленным на вершине колесом когда-то служил для передачи образа символической колесницы, которая, соответственно, выполняла функции мировой оси. В дополнении к этому следует отметить, что В. В. Иванов, рассмотрев ряд индоевропейских по своим истокам ритуалов, приходит к выводу, что в ашвамедхе жертвенный столб и сам конь, а в римском Equus October царский дворец и голова лошади являются ритуальными символами эквивалентными мировому дереву[53].

Некоторые исследователи рассматривают парные захоронения разнополых лошадей на памятниках степной бронзы как отражение культа плодородия[54]. С этим можно согласиться лишь отчасти. Представляется, что синташтинские и петровские могилы, в верхнем заполнении, на перекрытии или рядом с которыми помещались парные полные костяки лошадей, имели отношение к обряду, связанному с гонками на колесницах и созданием символической колесницы, которая воспринималась как вариант мировой оси, помогающий достичь неба.

---

[50] Альбедиль 2005, 168; Васильков 1996, 105.
[51] Ригведа 1999а, 299.
[52] Огибенин 1968, 83.
[53] Иванов 1997, 186.
[54] Зданович, Куприянова 2010, 149–150.

Заключение

Таким образом, в ритуальной практике синташтинского и петровского населения двуконная колесница, составленная из частей, вероятно, предназначалась для «образа» умершего. Новая составная целостность, созданная из ритуально значимых частей, могла быть воплощением представлений о возрождении, переходе умершего к новому жизненному циклу. Синташтинские и петровские могилы, в верхнем заполнении, на перекрытии или рядом с которыми (на подкурганной площадке) помещались парные полные костяки лошадей, по-видимому, имели отношение к обряду, связанному с гонками на колесницах и созданием символической колесницы, которая воспринималась как вариант мировой оси, помогающий достичь неба. Победа была даром богам, от которых ждали ответного дара — возрождения жизни или обретения новой жизни на небе среди предков-питаров либо восстановления космического порядка, нарушенного вторжением сил хаоса и смерти.

ЛИТЕРАТУРА

Альбедиль М. Ф. 2005: Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира / Г. Н. Симакова (ред.). СПб., 155–170.

Бороффка Н. 1999: Некоторые культурные и социальные взаимосвязи в бронзовом веке Евразии // Комплексные общества Центральной Евразии в III–II тыс. до н.э. / Д. Г. Зданович, Н. О. Иванова, И. В. Предеина (ред.). Челябинск; Аркаим, 80–81.

Васильков Я. В. 1996: Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь / М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянский (ред.). М., 105.

Виноградов Н. Б. 2003: Могильник бронзового века Кривое озеро в Южном Зауралье. Челябинск.

Гамкрелидзе В., Иванов В. В. 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси.

Гей А. Н. 1999: О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский (ред). М., 78–113.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. 1992: Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

Грантовский Э. А. 1998: Иран и иранцы до Ахеменидов. М.

Елизаренкова Т. Я. 1999: Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII / П. А. Гринцер (ред.). М., 452–486.

Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. 1999: Мир вещей по данным Ригведы // *Зданович Г. Б.* 1988: Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск.

Зданович Д. Г. Куприянова Е. В. 2010: Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим-Синташта: древнее население Южного Урала. Челябинск: к 70-летию Г. Б. Здановича. Ч. 1 / Д. Г. Зданович (ред). Челябинск, 130–161.

Иванов В. В. 1997: Опыт истолкования ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* ‘конь’ (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в древней Индии) // Из работ московского семиотического круга / Т. М. Николаева (ред.). М., 171–220.

Косинцев П. А. 2010: «Колесничные» лошади // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Бочкарев В. С., Бужилова А. П., Епимахов А. В., Клейн Л. С., Косинцев А. П. и др. (ред.). Екатеринбург; Самара; Донецк, 21–79.

Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В. 1995: Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.) / И. Б. Васильев., О. В. Кузьмина (ред.). Самара, 156–207.

Кузьмина Е. Е. 1977: Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье / Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский (ред.). М., 28–52.

Кузьмина Е. Е. 2008: Арии — путь на юг. М.

Кукушкин А. И. 2006: Могильник Аяпберген — раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2 / В. К. Мерц (ред.). Павлодар, 50–69.

Огибенин Б. Л. 1968: Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). М.

Ригведа 1999а: Мандалы I–IV / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М.

Ригведа 1999б: Мандалы V–VIII / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М.

Ригведа 1999в: Мандалы IX–X / Пер. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М.

Ткачев А. А. 2002: Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень.

Топоров В. Н. 1979: О двух типах древнеиндийских текстов, трактующих отношение целостности-расчлененности и спасения // Переднеазиатский сборник. Вып. III / М.А.-К. Дандамаев, И. М. Дьконов (ред.). М., 215–228.

Топоров В. Н. 1988: О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках / Е. М. Мелетинский (ред.). М., 7–60.

Топоров В. Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд / В. В. Иванов, Л. Г. Невская (ред.). М., 12–47.

Брихадараньяка упанишада 2003: Упанишады / Пер. с санскрита и коммент. А. Я. Сыркина. М.

ON THE QUESTION OF PAIR HORSES BURIALS IN THE BRONZE AGE CHARIOT CULTURES: THE RECONSTRUCTION OF RITUALS AND PERFORMANCES (EVIDANCES OF MONUMENTS OF SINTASHTA AND PETROVKA TYPES)

S. V. Sotnikova

The article discusses the paired burial horses in settlements of the Sintashta and Petrovka types. These burials are presented in two ways: in the form of skulls and leg bones of animals at the bottom of the burial chamber and in the form of whole skeletons of horses at the top of the burial chamber or beneath barrows of a special platform. The author concludes these traces to be of two independent rituals different in scenario and in time of performance. The paper presents the characteristic of each of the rituals; their reconstruction and interpretation areoffered.

Key words: the Bronze Age, Sintashta type monuments, Petrovka type monuments, burial, paired burial horses, chariots, ritual

МЕЗОАМЕРИКА

© 2014

И. А. Савченко

К ВОПРОСУ О ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ДРЕВНИХ МАЙЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПЕТЕНА (ГВАТЕМАЛА) В VII–IX ВВ. Н.Э.*

Статья посвящена проблеме поселенческой структуры юго-восточного Петена, Гватемала, у древних майя классического периода (III–IX вв. н.э.). В фокусе нашего внимания будет находиться небольшой район площадью в несколько сотен квадратных километров, объединяющий бассейн р. Поште, верхнее течение р. Мопан и области к востоку от верхнего течения р. Сан-Хуан. Выбор данного региона обусловлен двумя принципиальными факторами: степенью его исследованности и высокой концентрацией поселенческих единиц различного ранга и статуса. По мнению автора, призванная объяснить поселенческую структуру, её внутреннюю иерархию и происходившие в ней изменения на протяжении классического периода истории майя модель, предложенная известным гватемальским археологом Х. Лапорте, не вполне релевантна и требует некоторых концептуальных замечаний и комментариев, что и является целью настоящей работы. Хочется верить, что в перспективе они позволят прийти к принципиально новому пониманию означенной проблемы.

Ключевые слова: Мезоамерика, древние майя, Гватемала, поселенческая структура, иерархия поселений, урбанизм

В I тыс. н.э. на территории, ныне входящей в состав государств Мексика, Гватемала, Белиз и Гондурас, Сальвадор, достигла своего наивысшего расцвета культура индейцев майя. Данная культура, наравне с ольмекской, сапотекской, тольтекской, астекской и другими культурами региона, входила в состав единой Мезоамериканской цивилизации, причисляемой к древним цивилизациям восточного типа. Вместе с тем она выделялась на фоне других культур Мезоамерики уровнем социально-экономических отношений, развитием государственности, а также научными и культурными достижениями. Впрочем, говорить об однородности и синхронности развития всей области майя, безусловно, не приходится. Крупные политические образования классического периода с центрами в Тикале, Калакмуле, Пьедрас-Неграс, Йашчилане, Паленке, Наранхо, контролировавшие

Савченко Иван Антонович — аспирант Института археологии РАН. E-mail: komodovych@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научно-исследовательского проекта на тему ««Территориально-политическая организация древних майя в области Центральных низменностей (ГИС-моделирование)» (грант РФФИ № 14-06-00372; 2014–2015 гг.)

основные торговые пути, располагавшиеся в густонаселенных районах с огромными человеческими и материальными ресурсами, имели намного более позитивную динамику развития, нежели регионы периферийные.

В настоящей работе речь пойдет об одном из таких регионов, природные факторы и геополитическое расположение которого, его известная изолированность и удаленность от основных торговых путей и политических центров обусловили его превращение в своего рода сельскохозяйственный придаток, в котором такие явления, как подлинный урбанизм, экономическая специализация, вертикализация политических институтов не получили должного развития — о юго-восточном Петене (Гватемала). В фокусе нашего внимания будет находиться небольшой его район площадью в несколько сотен квадратных километров, объединяющий бассейн р. Поште, верхнее течение р. Мопан и области к востоку от верхнего течения р. Сан-Хуан (рис. 1). Выбор данного региона обусловлен двумя принципиальными факторами: степенью его исследованности и высокой концентрацией поселенческих единиц различного ранга и статуса. Несколько лет назад в рамках проекта по созданию Археологического атласа Гватемалы (*Atlas arqueologico de Guatemala*) под редакцией Х. Лапорте была издана серия монографий, посвященных исследованиям в данном регионе, проводимым с начала 1980-х гг.[1] Эти археологические работы представляют особую ценность в связи со средоточием здесь как достаточно крупных по меркам юго-восточного Петена городских центров (Иштонтон, Сакуль, Ишкун, Курукуиц), так и множества мелких ритуальных комплексов, а также хорошо фиксируемой сельскохозяйственной округой и высоким числом жилых групп. В связи с этим центры с монументальной архитектурой в регионе были разделены сначала на два[2], а затем и на три ранга. Основным критерием подобного деления была провозглашена площадь поселения и число возведенных зданий: к центрам первого порядка были отнесены поселения площадью ок. 8 км^2 и числом зданий в диапазоне от 400 до 700 (ок. 100 архитектурных групп), к центрам второго ранга — площадью ок. 3 км^2 и количеством сооружений, не превышающим цифру в 260 (20–50 групп), к центрам третьего — поселения, имеющие меньше 20 групп[3]. На наш взгляд, призванная объяснить поселенческую структуру, её внутреннюю иерархию и происходившие в ней изменения на протяжении классического периода истории майя (III–IX вв. н.э.) модель не вполне релевантна и требует некоторых концептуальных замечаний и комментариев, что и является целью настоящей работы. Хочется верить, что в перспективе они позволят прийти к принципиально новому пониманию означенной проблемы.

Бассейн верхнего течения р. Мопан обычно связывают с пятью предполагаемыми политическими образованиями, центры которых, как полагают, находились в Ишкуне (куда, помимо него, входят Мопан 3-Эсте, Эль-Цик, Мопан-3-Сурэсте, Мопан-3-Оэсте, Эль-Манантиаль, Ла-Хутера, Эль-Педеграл-1, Эль-Педеграль-2, Эль-Педеграл-3, Ша'ан-Абахо, Куэва-Актун-Ак'аб), Сакуле (Сакуль (1), Сакуль-2, Сакуль-3, Сакуль-4, Сакуль-5, Ла-Глория/Сакуль, Лимонес, Эль-Хуталито, Куэва-эль-Торонхо), К'аш-Бе (К'аш-Ба, Ша'ан-Арриба, Канауи, Сукульте), Иштонтоне (Иштонтон, Мокена, Иш-Ак, Мопан-2-Оэсте) и Иш-Коле (Иш-Коль, Сук-Че,

[1] Laporte, Mejía 2005, 2006, 2007a, 2007b; Laporte 2009.
[2] Laporte 1992, 438–439; Laporte, Mejía 2005, 5.
[3] Laporte 1992, 438–439; Laporte, Mejía 2005, 5.

Уициль-Ош, Ишчеу)[4]. В верхнем течении р. Поште расположились две агломерации, сосредоточенные вокруг Курукуица (Ишкошоль-1, Ишкошоль-2, Ишкошоль-3, Чакуиуш, Ноксос) и Иштуца (Поште-1, Поште-2, Эль-Чапайяль, Эль-Тинталь-1, Эль-Тинталь-2, Куэва-Балам-На)[5], в то время как ещё одна, с центром в Иш-Эке (Йалтуту, Тесик, Ла-Пимьента), занимает восточные области верхнего течения р. Сан-Хуан[6].

В юго-восточном Петене используется маркирование культурного слоя по тем же керамическим горизонтам, по которым определяется хронология в областях к северу от региона, в районе Наранхо, Накума и Йашхи; последние в свою очередь заимствованы из топографии культурного слоя Вашактуна (Таблица 1)[7]. Все крупные центры, за исключением, пожалуй, Сакуля, имеют стойкую связь с поздним формативным периодом (350 гг. до н.э. — 250 гг. н.э.), выражающуюся в обильном присутствии керамики типа Чиканель, синхронной данному этапу; однако обширное монументальное строительство связано с ранней классикой. В раннеклассический период доминирующую позицию в регионе занимает имеющий доклассические происхождение Иштонтон[8]. Учитывая крайне высокую плодородность региона[9], а также залежи редких минералов, ценившихся у майя и как первичный материал, и как конечный продукт[10], юго-восточный Петен должен был представлять интерес для таких игроков, как Тикаль или Цибанче, поэтому возвышение Иштонтона, вероятно, следует связывать с включением его в орбиту влияния, скорее всего, именно Тикаля, располагавшегося значительно ближе к последнему. Одновременно по соседству возникают такие центры, как Ишкун[11], Иштуц[12] и Курукуиц[13], имевшие в этот период статус второстепенных ритуальных и административных единиц. Наконец, поздняя классика связана с периодом их наивысшего расцвета; в то же время по всей области возникает множество ритуальных центров, большая часть которых является расположенными в радиусе нескольких километров от крупных центров региона Е-группами[14].

В чем же кроется причина их повсеместного возникновения в позднеклассический период? Х. Лапорте — крупнейший исследователь данного региона — не дает ответа на этот вопрос, лишь риторически вопрошая: зачем создавать столь сложную иерархию ритуальных и административных центров в условиях единовластия? [15] По всей видимости, ответ на загадку выдающегося гватемальского археолога кроется в самой формулировке вопроса, поскольку, по всей видимости, с VIII в., а может быть и раньше, со второй половины VI в., геополитическая ситуация в регионе должна была претерпеть сильные изменения и лишиться политической целостности. Общая картина развития событий в регионе реконструируется

[4] Laporte, Mejía 2005, 4.
[5] Laporte 2009, 1–43.
[6] Laporte, Mejía 2008, 3–26.
[7] Smith 1955.
[8] Laporte 1992, 428–429.
[9] Laporte 1992, 415.
[10] Laporte 1992, 437; Graham 1987, 753–767.
[11] Laporte, Mejía 2005, 6.
[12] Laporte 2009, 2–3.
[13] Laporte 2009, 3–4.
[14] Laporte 2001, 141–143. Подробнее о Е-группах см. здесь: Ricketson 1928; Aimers, Rice 2006.
[15] Laporte 2001, 156.

на основании эпиграфических данных: в 562 г. Тикаль терпит сокрушительное поражение от своего главного врага — Цибанче[16], после чего возможными становятся два сценария дальнейшего развития событий: либо политической зависимости Иштонтона и других центров юго-востока Петена пришел конец вместе с падением Тикаля, либо власть над регионом по праву победителя перешла к Цибанче, а затем Калакмулю[17] (при таком сюжетном повороте регион должен был освободиться от пут любого рода зависимости, будь то политическая или экономическая, на рубеже VII-VIII вв. с падением Канульской державы и политической фрагментацией центральных низменностей майя[18]). Так или иначе, ресурсов Иштонтона было явно не достаточно, чтобы удерживать под контролем даже регион в пределах слияния трех рек — Мопан, Сан-Хуан и Поште, — не говоря уже обо всем юго-восточном Петене. На фоне лишившегося поддержки Иштонтона политический вес стали приобретать такие бывшие некогда второстепенными центры, как Ишкун, Иштуц, Курукуиц, а также стремительно разраставшийся Сакуль на восточном берегу р. Мопан. Об их политической независимости, в частности, свидетельствует возникновение практики установления царских монументов в крупнейших городских центрах[19].

В то же время на происходившие геополитические и структурные изменения указывает и новая конфигурация в поселенческой организации. Помимо своих прямых функций в качестве комплекса, фиксирующего смену сельскохозяйственных циклов[20], Е-группа, особенно находящаяся далеко за пределами городского центра, должна была являться важным инструментом воздействия на социум, позволявшим влиять на широкие слои населения путем включения их в церемониальную жизнь политии. Нечто подобное нам известно по долине Оахаки (штат Оахака, Мексика), где в позднеформативный период в контексте усиления напряженности между разрастающимися сложными вождествами и фрагментированности региона последние создавали вдоль условных границ для упрочения своего влияния (в первую очередь идеологического) форпосты, ключевым элементом которых являлись стадионы для игры в мяч. Стадионы являлись инструментами воздействия, исходившего из центра в окраины, позволяя первому упрочнять свое влияние в регионе за счет включение периферийных районов в активную церемониальную жизнь[21]. Затем, в период гегемонии Монте-Альбана, стадионы возникают исключительно в крупных центрах[22], а после его заката с новой волной политической фрагментации стадионы вновь строятся на периферии политических образований[23]. Аналогичные примеры известны по центральной Мексике[24].

---

[16] Martin 2005, 1–9.

[17] Главным антагонистом Кукульского царства с центром в Тикале являлось царство Кануль, столица которого вплоть до 30-х гг. VII вв. н.э. находилась в Цибанче, а затем была перенесена в Калакмуль.

[18] Беляев 2002.

[19] Laporte, Escobedo, Wanyerka 2005, 156; Laporte, Escobedo, Wanyerka 2006, 220–223; Laporte, Escobedo, Wanyerka 2009, 117.

[20] Aimers 2006, 88–89.

[21] Kowalewski, Feinman, Finsten, Blanton 1991, 42.

[22] Kowalewski, Feinman, Finsten, Blanton 1991, 43.

[23] Feinman, Nicholas 2011, 102–103.

[24] Santley, Berman, Alexander 1991, 3–24.

Помимо глубокой символической связи[25], стадионы и Е-группы объединяет их предназначение как пространства для различного рода ритуалов. Любопытным моментом является тот факт, что в некоторых случаях вынесенные Е-группы в Петене дополнены именно стадионами для игры в мяч при отсутствии акрополей, храмовых сооружений и иных архитектурных комплексов (Ла-Глория, Эль-Цик и др.).

В условиях практически стопроцентной аграрной ориентации региона, при отсутствии подлинного урбанизма, где крупные поселения с монументальной архитектурой являлись лишь центрами широкой сельскохозяйственной округи, нежели полноценной социально-экономической единицей, Е-группы, преимущественно связанные с сельскохозяйственными ритуалами и культом плодородия, должны были позволить правящей верхушке небольших, независимых политических образований позднеклассического периода идеологически воздействовать на население приграничных территорий за счет включениях их в ритуальную жизнь данной политии в качестве пространства для проведения различного рода церемоний. Безусловно, ни о какой автономии данных комплексов, как и о создании ещё более мелких политических единиц, не может быть и речи — в нашем распоряжении нет никаких данных, фиксирующих любого рода административную активность в этих центрах, ничто не указывает и на наличие особого жилого комплекса, где мог бы проживать правитель. Крайне интересным в этой связи представляется замечание Д. Томасика, который, проводя исследования в северо-восточном Петене, сравнил подобные комплексы (в частности Пьементаль и Сайт-5 в Холмульском регионе) с греческими загородными санктуариями[26], неразрывно связанными с городом, к которому они относятся. Увеличение же концентрации жилых групп — и в том числе элитных — вокруг данных центров указывает лишь на хорошо объяснимое стремление позднеклассического населения региона селиться в престижной близости от сакрального пространства, создаваемого ритуальным комплексом.

Что же касается модели, градирующей центры в регионе на три ранга, то не вполне понятны критерии градации, особенно касающиеся второго и третьего рангов. На наш взгляд, поселенческая структура юго-восточного Петена вообще и рассматриваемого региона в частности позволяет выделить два условных уровня поселений с монументальной архитектурой, коррелирующиеся с их политическим статусом: обладающие политической властью и не обладающие таковой; являющиеся местом проживания правителя политического образования, к которому они относятся, и не являющиеся таковыми. В раннюю классику мы, пожалуй, имеем лишь один центр, относящийся к первой группе — Иштонтон, в то время как в классику позднюю к нему присоединяются Иштуц, Курукуиц, Ишкун и Сакуль.

Подобное объяснение поселенческой структуры юго-восточного Петена, безусловно, нуждающееся в дальнейшем обосновании за счет новых данных, которые не должны ограничиваться небольшим участком этого региона, представляется довольно перспективным, поскольку учитывает как микро-, так и макрорегиональный контекст, а также происходившие в нем изменения. В то же время такого

[25] Савченко 2013, 319–321.
[26] Tomasic 2009, 43–44.

рода исследования, имеющие особую важность в связи с уникальностью социально-экономического и политического развития региона, необходимы для дальнейшего осмысления общей модели поселенческой организации у древних майя, её возможных вариаций и поиска единого вектора.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Д.Д. 2002: Древние майя (III–IX вв. н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза / Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев (ред.). М., 148–176.

Савченко И.А. 2013: На стыке миров, циклов и ритуала: стадионы для игры в мяч у древних майя // Олимпийские игры в политике и культуре. М., 311–321.

Aimers J., Rice P. 2006: Astronomy, Ritual, and the Interpretation of Maya «E-Group» Architectural Assemblages // Ancient Mesoamerica. 17, 79–96.

Feinman G., Nicholas L. 2011: The Ballcourt at El Palmillo: Implications for Late Classic Oaxaca, Mexico // Mexicon. 33,102–103.

Graham E. 1987: Resource Diversity in Belize and Its Implications for Models of Lowland Trade // American Antiquity. 4 (52), 753–767.

Kowalewski S., Feinman G., Finsten L., Blanton R. 1991: Pre-Hispanic Ballcourts from the Valley of Oaxaca, Mexico // The Mesoamerican Ballgame, 25–46.

Laporte J. 1992: Los sitios arqueológicos del valle de Dolores en las montañas mayas de Guatemala // Mesoamerica. 13 (24), 438–439.

Laporte J. 2001: Dispersión y estructura de las ciudades del sureste de Petén, Guatemala // Reconstruyendo la ciudad maya: el urbanismo en las sociedades antiguas. Madrid, 137–161.

Laporte J. (ed.) 2009: Ixtutz y Curucuitz: Entidades políticas de la cuenca alta del río Poxte, Dolores y Poptun, Petén. Atlas Arqueológico de Guatemala, Guatemala.

Laporte J., Mejía H. (eds.) 2005: Ixkun, Petén, Guatemala: Exploraciones en una ciudad del alto Mopan, 1985–2005. Atlas Arqueológico de Guatemala. Guatemala.

Laporte J., Mejía H. (eds.) 2006: Sacul, Petén, Guatemala: Exploraciones en una entidad política de las Montañas Mayas, 1985–2006. Atlas Arqueológico de Guatemala. Guatemala.

Laporte J., Mejía H. (eds.) 2007: El asentamiento prehispánico en el área de la población de Dolores, Petén: Exploraciones arqueológicas en Ix Kol 1985–1999. Atlas Arqueológico de Guatemala. Guatemala.

Laporte J., Mejía H. (eds.) 2007: Ix Ek´: Entidad política del parte aguas de los ríos Mopan, San Juan y Poxte, 1990–1997. Atlas Arqueológico de Guatemala. Guatemala.

Laporte J., Escobedo H., Wanyerka P. 2005: Los monumentos esculpidos de Ixkun y algunos aspectos históricos del sitio // Ixkun, Petén, Guatemala: Exploraciones en una ciudad del alto Mopan, 1985–2005 / Laporte J., Mejía H. (eds.). Atlas Arqueológico de Guatemala. Guatemala, 156–217.

Laporte J., Escobedo H., Wanyerka P. 2006: Los monumentos esculpidos de Sacul y algunos aspectos históricos del sitio // Sacul, Petén, Guatemala: Exploraciones en una entidad política de las Montañas Mayas, 1985–2006 / Laporte J., Mejía H. (eds.). Atlas Arqueológico de Guatemala. Guatemala, 220–275.

Laporte J., Escobedo H., Wanyerka P. 2009: Los monumentos esculpidos de Ixtutz y algunos aspectos históricos del sitio // Ixtutz y Curucuitz: Entidades políticas de la cuenca alta del río Poxte, Dolores y Poptun, Petén / Laporte J. (ed.). Atlas Arqueológico de Guatemala. Guatemala, 116–163.

Martin S. 2005: Caracol Altar 21 Revisited: More Data on Double Bird and Tikal's Wars of the Mid-Sixth Century // The Pari Journal. Vol.VI. 1, 1–9.

Ricketson O. Jr. 1928: Astronomical observatories in the Maya area // Geographical review. 18, 215–225.

Santley R., Berman M., Alexander R. 1991: The Politicization of the Mesoamerican Ballgame and Its Implications for the Interpretation of the Distribution of Ballcourts in Central Mexico // The Mesoamerican Ballgame, 3–24.

Smith R. 1955: Ceramic Sequence at Uaxactun, Guatemala. New Orleans.

Tomasic J. 2009: Investigating Terminal Preclassic and Classic Period Power and Wealth at the K'o. Guatemala.

ON THE ISSUE OF THE STRUCTURE OF THE ANCIENT MAYAN SETTLEMENT IN SOUTHEASTERN PETÉN (GUATEMALA), 7th — 9th centuries AD

I. A. Savchenko

The paper deals with the problem of settlement structure in southeastern Petén, Guatemala, the ancient Maya Classical period (the 7th — 9th centuries AD). In our attention there will be a small area of several hundred square kilometers, combining the basin of the Poshte River, the upper stream of the Mopan River and the area to the east of the upper stream of the San Juan River. The choice of this region is conditioned due to two principal factors: the extent of its research and high concentration of settlement units of different rank and status. According to the author, the model which explains the settlement structure, its internal hierarchy and the changes occurred during the classical period of Maya history was suggested by a famous Guatemalan archaeologist H. la Porte, is not quite relevant and requires some conceptual criticism and comments, and that is the aim of this work. Hopefully, in the future they will allow coming to a fundamentally new understanding of the aforesaid problem.

Key words: Mesoamerica, the ancient Maya, Guatemala, settlement structure, the hierarchy of settlements, urbanism

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

© 2014

К. Ю. Могаричев

МАРСЕЛЬСКОЕ УБИЙСТВО (1934 г.) В ВОСПРИЯТИИ УКРАИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПОЛЬШИ И США (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТ «ДІЛО» И «СВОБОДА»)

В статье рассматривается реакция украинцев, проживавших на территории Польши и США, на убийство террористами в 1934 г. югославского короля Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Для анализа выбраны две наиболее популярные украинские газеты: «Діло» (печатный орган украинцев Польши) и «Свобода» (печатный орган украинцев США).

Ключевые слова: терроризм, Марсельское убийство, усташи, Украина

«Марсельское убийство» — покушение на короля Югославии Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту, состоявшееся в Марселе 9 октября 1934 года[1]. Оно было совершено хорватскими «усташами»[2] и Внутренней Македонской революционной организацией[3] при поддержке спецслужб Германии, Италии и Венгрии. Событие имело широкий резонанс во всем мире и в итоге привело к ухудшению отношений между европейскими странами и краху надежд на формировавшуюся в то время систему сдерживания Германии[4].

«Марсельскому убийству» посвящена обширная историография. Однако до сих пор малоизученным остается вопрос о реакции на него украинцев, проживавших за пределами УССР, в частности на западноукраинских землях, входивших тогда в состав Польши и украинской диаспоры США.

В настоящей работе мы попытаемся восполнить указанный историографический пробел. Для анализа нами выбраны две наиболее популярные украинские ежедневные газеты — «Діло» и «Свобода».

Могаричев Константин Юрьевич — бакалавр Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. E-mail: snowstalker@bigmir.net

[1] См. напр. Волков 1966; Марков 1987; Стаменов 1993; Drapac 2005 и др.

[2] Усташи (основана в 1929 г.) — хорватская террористическая организация, боровшаяся против власти Югославии на территории Хорватии. После оккупации Югославии странами «Оси» усташи провозгласили союзное Германии Независимое Государство Хорватия, которое прекратило существование после освобождения страны Советской Армией и югославскими партизанами в 1945 г.

[3] Внутренняя Македонская Революционная Организация (ВМРО) — террористическая организация, созданная в 1893 г. для борьбы против турецкого, югославского и греческого владычеств в Македонии. Сначала члены ВМРО добивались присоединения к Болгарии на правах автономии. После Первой мировой войны организация перешла на позиции независимости Македонии.

[4] Drapac 2005, 224.

Газета «Діло» (с 1888 г. — ежедневное издание) издавалась во Львове с 1880 по 1939 гг. и являлась наиболее популярной среди украинцев Галичины и Волыни[5]. В 1914–1915 гг., когда Львов был занят русскими войсками редакция переехала в Вену. В 1918–1923 гг. газета была временно закрыта польскими властями. В 1939 г., после присоединения Западной Украины к СССР, издание данного печатного органа было прекращено. «Свобода» — старейшая из ныне существующих украиноязычных газет. Начала издаваться в США в 1893 г. С 1921 г. выходит ежедневно. С 1908 г. является официальным органом Украинского народного союза (объединение взаимопомощи украинцев США и Канады)[6].

Первое упоминание о трагедии в Марселе в газете «Діло» датируется 12 октября. Передовая статья освещает подробности произошедшего события[7]. В аналитическом материале «Стрельба и кровь в Марселе» анонимный автор (о нем известно только то, что в то время он проживал во Львове) сопоставляет его с неудачной попыткой нацистского путча в Австрии. Причину террористического акта он видит в особенностях внутренней и внешней политики Югославии, акцентируя внимание на проблеме хорватов и македонцев. Истоки же кризиса внутренней жизни Югославии лежат в убийстве в 1929 г. хорватского лидера Степана Радича. Основная проблема Югославии, по мнению журналиста, неспособность югославского правительства порвать с централизаторскими и ассимиляторскими традициями сербской элиты. Отметим, что автор позиционирует себя как противник политики покойного Луи Барту, направленной на союз с СССР[8].

В статье «Источники террора», опубликованной в номере за 13 октября, «Марсельское убийство» рассматривается с трех позиций: 1) стремления полиции Европы узнать мотивы, подробности и личность убийцы; 2) особенности внутренней жизни Югославии, и в этой связи отмечается антагонизм сербов и других южнославянских народов; 3) проблемы террора и насилия в Европе в 1934 г. В итоге следует вывод: утверждения немецкой прессы о том, что в волне насилия и нестабильности в Европе виновата Версальская система, не лишены основания[9].

В номере за 14 октября рассматриваются подробности события. В этой связи в одном из материалов повествуется о трагической судьбе сербских правителей, многие из которых в XIX — начале XX в. умерли насильственной смертью[10].

15 октября газета раскрывает новые аспекты расследования, в частности, что покушение организовано хорватскими террористами при содействии Италии и Венгрии[11].

В номере за 16 октября редакционная статья озаглавлена «Убийца Александра — болгарин»[12]. Там же помещен материал некого М-н[13], в котором представлен обзор чехословацкой прессы по Марсельскому убийству. Авторы публикаций пытаются просчитать возможные негативные последствия рассматриваемого

[5] Шаповал 2009.
[6] Мишуга 1936, 41.
[7] Діло 12.10.1934а.
[8] Діло 12.10.1934б.
[9] Діло 13.10.1934.
[10] Діло 14.10.1934.
[11] Діло 15.10.1934.
[12] Діло 16.10.1934а.
[13] К сожалению, нам не удалось идентифицировать его личность, но известно, что в то время он проживал в Праге.

террористического акта для Югославии, Чехословакии и всей Европы. Отдельно акцентируется внимание на личности Луи Барту — политика, много сделавшего для укрепления взаимопонимания между европейскими странами[14].

17 октября газета публикует лишь краткие материалы по данной теме[15], но уже 18 октября, на первых двух страницах представлена обширная аналитическая статья «Политические последствия Марсельского убийства». По мнению автора, несмотря на всю масштабность террористического акта, он не приведет к мировой войне, как Сараевское убийство, ибо в Европе не существует структурированных антагонистических военных блоков, желавших вооруженной развязки конфликта. Причины трагедии кроются в борьбе Италии, Венгрии и Югославии (Германии отводится второстепенные позиции) за Дунайский регион. Это противостояние, к 1934 г. почти замороженное, проявилось с новой силой и нанесло чудовищный удар по французской сфере влияния на Балканах. Отдельно акцентируется внимание на проблемах новой власти в Югославии, которой безотлагательно необходимо разрешить множество внутренних и внешних противоречий[16]. В этом же номере опубликован обзорный материал «Политические убийства после войны», где перечисляются все политические убийства и покушения в Европе в период с 1918 по 1934 гг.[17]

19 октября «Діло» публикует заметки о дипломатическом и информационном противостоянии государств в связи с «Марсельским убийством», в частности, отмечается тенденция к обвинению венгров в организации покушения[18].

20 октября в газете представлена статья некого Ю.А. «К чему идет Германия», в которой анализируются изменения во внешней политике Германии после 1933 г. и утверждается, что ситуация, сложившаяся в Европе после покушения, очень выгодна немцам[19].

В номере за 21 октября сообщается о пребывании министра иностранных дел Чехословакии Эдварда Бенеша в Париже, где обсуждались вопросы межгосударственных отношений в Европе после Марсельского убийства. Также газета акцентирует внимание, что югославская пресса в помощи террористам обвиняет Венгрию, а французская — Германию[20].

22 октября газета характеризует реакцию государств Малой Антанты. В частности, уже упоминавшийся М-н представил обзор французской прессы: газеты этой страны скрупулёзно собирали малейшую информацию о теракте, а подавляющее большинство изданий считает убийцами хорватских усташей и Венгрию, как их пособника[21]. В этом же номере краковский митрополит Сапига (так указано в источнике, скорее всего — Сапега — *К.М.*) пишет о притеснении православными сербами католиков-хорватов. В этом он видит опасность для будущего Югославии[22].

---

[14] Діло 16.10.1934б.
[15] Діло 17.10.1934.
[16] Діло 18.10.1934.
[17] Діло 19.10.1934а.
[18] Діло 19.10.1934б.
[19] Діло 20.10.1934.
[20] Діло 21.10.1934.
[21] Діло 22.10.1934а.
[22] Діло 22.10.1934б.

23 октября все тот же М-н публикует обзор прессы Греции, из чего делает вывод: сближение Болгарии и Югославии несет в себе угрозу безопасности Королевству Греция. Следовательно, противостояние Греции, Югославии и Болгарии вполне возможно и есть вероятность, что Греция может быть причастна к организации теракта[23].

24 числа газета помещает высказывание министра иностранных дел Франции Лаваля, который полагал, что противостояние Италии и Югославии выгодно только Германии. При этом автор публикации замечает, что в самой Франции продолжаются аресты хорватов по обвинению в причастности к движению «усташей»[24].

26 октября была опубликована биография Анте Павелича — лидера «усташей», при этом автор публикации (его имя неизвестно) уверен, что действия Павелича не находят широкой поддержки среди хорватского населения[25]. В том же номере представлена и биография убийцы югославского короля — Владо Георгиева[26].

В номере за 29 октября представлено журналистское расследование функционирования лагерей «усташей» в Венгрии и Италии, проведенное работниками белградской газетой «Политика»[27].

2 ноября М-н публикует статью «После перерыва», где повествует, что после паузы, вызванной шоком Марсельского убийства, дипломатические игры в Европе продолжаются. В частности, новый министр иностранных дел Франции Лаваль, желая не допустить прорыва изоляции Германии, хочет укрепить сотрудничество с Италией, Югославией и Великобританией. По мнению автора, Европу ждут судьбоносные изменения в мировой политике[28].

Упоминания о Марсельском убийстве заканчиваются в газете «Діло» 9 ноября 1934 г. Таким образом, это событие практически непрерывно обсуждалось в рассматриваемом печатном издании около 4 недель.

В «Свободе» первая информация о теракте в Марселе появляется 11 октября. Событию было посвящено два материала. В специальной статье «Хорватский революционер убил Александра, короля Югославии» указывается, что во время помпезного приезда короля в Марсель некий человек прорвался сквозь толпу с криком «Да здравствует король», выстрелил в министра иностранных дел Франции и югославского короля, после чего был растерзан толпой. Убийцей газета называет Петра Калемана, который, по данным французской полиции, являлся членом «хорватской террористической партии»[29]. В аналитической статье «За что был убит король» дается в целом позитивная оценка деятельности убитого монарха, но при этом акцентируется внимание на авторитарном характере его правления. Затрагиваются также проблемы хорватско-сербского противостояния и анализируются его причины[30].

---

[23] Діло 23.10.1934.
[24] Діло 24.10.1934.
[25] Діло 26.10.1934.
[26] Его настоящее имя — Величко Керин. Владо Георгиев, Петр Келеман, Владо Черноземский — псевдонимы.
[27] Діло 29.10.1934.
[28] Діло 02.11.1934.
[29] Свобода 11.10.1934а.
[30] Свобода 11.10.1934б.

В номере за 12 октября представлен обзор европейской прессы, посвященной рассматриваемому событию. В частности, упоминаются аресты югославов в Париже, рассказывается о новом наследнике престола. Террористический акт анализируется сквозь призму политических убийств, совершенных после Первой мировой войны[31]. Обращает на себя внимание статья «Сараево-Марсель», где предпринята попытка сопоставить убийства 1914 и 1934 гг. По мнению анонимного автора, причина террористического акта кроется в сербском режиме и превращении короля в тирана, неспособного урегулировать ситуацию, возникшую после убийства С. Радича. Автор прогнозирует пессимистический сценарий развития событий: «Ситуация последних дней не предвещает ничего хорошего»[32].

Номер за 13 октября акцентирует внимание на антиитальянских и антисемитских (в то время стали появляться слухи о еврейском происхождении убийцы) настроениях, распространившихся в Югославии[33].

В материалах за 16 октября говорится о том, что монархи Румынии и Болгарии боятся ехать на похороны короля Александра из-за страха перед возможным терактом. Наконец, газета объявляет, что убийцей был болгарин Владо Георгиев, член ВМРО. Отмечается, что арестованные сообщники террористов заявляют, что их заставили помогать убийцам под угрозой физического уничтожения[34].

В полосе под названием «Трагедия с соборностью» (номер за 19 ноября) журналисты пытаются проанализировать, почему хорватские крестьяне скорбели по убитому монарху, ведь хорватам он запомнился в основном плохим и активно эксплуатировал село. Такая ситуация сравнивается со схожей на Украине: «У нас плакали по Францу-Иосифу, когда его портреты снимали при украинской власти»[35]. Анонимный журналист призывает изменить национальную политику Югославии, в противном случае он предрекает ей судьбу Австро-Венгрии[36].

В последующих нескольких номерах присутствуют небольшие заметки, освещающие реакцию в мире на «марсельское убийство»[37]. В этой связи интересна позиция югославской греко-католической церкви, которая устами епископа Дионисия заявила, что король «работал для добра Югославии и мира в Европе»[38].

Обращает на себя внимание и мнение О. Сновыда (под данным псевдонимом скрывался один из идеологов украинского национализма Дмитрий Донцов[39]), который пытается показать, что ситуация с сербами и хорватами, представляющими, по его мнению, один народ, должна напомнить украинцам Галичины и Надднепрянщины, что они также единый народ, несмотря на их конфессиональные отличия[40].

---

[31] Свобода 12.10.1934а.

[32] Свобода 12.10.1934б.

[33] Свобода 13.10.1934.

[34] Свобода 14.10.1934.

[35] Видимо, автор имеет в виду события «Ноябрьского срыва», когда в ночь на 1 ноября Украинские Сечевые Стрельцы совершили государственный переворот и установили в Галичине (а позже — в Закарпатье и Буковине) свою власть. В июле 1919 г. территория была оккупирована Польшей, Чехословакией и Румынией, а украинские войска перешли за р. Збруч.

[36] Свобода 19.10.1934.

[37] Свобода 23.10. 1934; 24.10.1934.

[38] Свобода 29.10.1934.

[39] Краців 1973, 140.

[40] Свобода 30.10.1934.

После 12 ноября издателям газеты «Свобода» события на Балканах представляются неактуальными и неинтересными. Последним и итоговым материалом стала статья «Опрышки[41] или патриоты», где бойцы ВМРО описываются как борцы за свободу против завоевателей, а их террористичнеские методы объясняются безвыходностью положения[42].

Таким образом, проанализировав публикации, связанные с Марсельским убийством в газетах «Діло» и «Свобода», можем прийти к следующему выводу. В газете «Діло» этот вопрос анализируется более обстоятельно. Ее читателей интересовали актуальные европейские события. Украинскую диаспору Америки данные проблемы затрагивали гораздо меньше. Соответственно, это нашло отражение и в информировании «Свободой» своих читателей. При этом обе газеты видят причину убийства югославского короля в этническом противостоянии сербов и хорватов. Отметим стремление авторов публикаций газеты «Діло» предсказать последствия теракта для хозяйственной и политической жизни украинских земель, находившихся в составе Польши и Чехословакии. Кроме того, газетой «Діло» была предпринята попытка охарактеризовать геополитический аспект происшествия.

ЛИТЕРАТУРА

Волков В.К. 1966: Операция «Тевтонский Меч». М.

Марков Г. 1987: Марсилският атентат през 1934 год. София.

Мишуга Л. 1936: Пропамятна книга. Нью-Йорк.

Стаменов М. 1993: Атентатът в Марсилия: Владо Черноземски : живот отдаден на Македония. София.

Шаповал Ю.І. 2009: Діло [Электроный ресурс]. — Режим доступа: http://history.org.ua/?termin=Dilo.

Drapac V. 2005: A king killed in Marseilles: France and Yugoslavia // French history and civilization / I. Coller, H. Davies, J. Kalman (eds.). Melburn, 224–233.

MARSEILLES ASSASSINATION (1934) IN PERCEPTION OF UKRAINIAN PUBLIC IN POLAND AND USA (ON MATERIAL OF NEWSPAPERS “DILO” AND “SVOBODA”)

K. Y. Mogarychev

This article is devoted to reaction of Ukrainians, who lived at that time in Poland and USA on the Marseilles assassination 1934 of the King of Yugoslavia Alexander I Unifer and French Minister of Foreign Affairs Louis Barthou. We selected two newspapers, which were the most popular among Ukrainians: “Dilo” (organ of Ukrainians in Poland) and “Svoboda” (organ of Ukrainian Diaspora of USA).

Key words: Terrorism, Marseilles assassination, Ustasa, Ukraine

[41] Опрышки — участники антифеодального движения в украинских Карпатах в XVI-XIX вв. Боролись, как правило, против польского и венгерского дворянства. Их предводитель Олекса Довбуш считается «украинским Робин Гудом».

[42] Свобода 12.11.1934.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2014

Э. Д. Зиливинская, А. С. Смирнов

ПЕРВЫЕ РАСКОПКИ В СЕЛЕНИИ СЕЛИТРЕННОМ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье на основании архивных материалов освещаются первые раскопки в 1837 г. Селитренного городища, известного золотоордынского города Сарай-Бату. Полученные в результате раскопок членом Астраханского статистического комитета М. С. Рыбушкиным материалы заинтересовали местного губернатора С. И. Тимирязева, который вознамерился финансировать дальнейшие исследования. Однако обращения астраханского губернатора к министру внутренних дел Д. Н. Блудову не нашли поддержки в министерстве. Д. Н. Блудов постарался переложить бремя финансирования раскопок на министерство народного просвещения, которым руководил С. С. Уваров. Последний путем традиционных бюрократических приемов дезавуировал просьбу Д. Н. Блудова. Высказывается предположение, что негативная реакция высших чиновников империи на просьбу о выделении средств для раскопок золотоордынской столицы объясняется сдержанной реакцией императора Николая I на известия об исследованиях этого восточного города. Подобные обстоятельства позволяют предполагать, что главные причины отказа в поддержке дальнейших раскопок Селитренного городища со стороны государственной власти лежат в области, далекой от науки. Личные мотивы, сложности чиновных взаимоотношений, карьерные соображения, отношение императора — все это могло быть причиной подобного решения.

Ключевые слова: археология, раскопки, Селитренное городище, М. С. Рыбушкин, С. И. Тимирязев, Д. Н. Блудов, С. С. Уваров, Николай I

Первые раскопки на территории Селитренного городища были инициированы весной 1837 г. предписанием министра внутренних дел Д. Н. Блудова к гражданским губернаторам «о содействии к собиранию сведений относительно существующих в России курганов»[1].

Дмитрий Николаевич Блудов, дальний родственник Г. Р. Державина, с молодых лет вращался в среде писателей и поэтов, был дружен с П. А. Вяземским, Д. В. Давыдовым, А. И. Тургеневым, знаком с К. Н. Батюшковым, В. А. Жуковским, Н. М. Карамзиным. Являлся одним из учредителей и активных участников (прозвище «Кассандра») кружка «Арзамас», которому он и дал это имя. Был на

Зиливинская Эмма Давидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. E-mail: eziliv@mail.ru

Смирнов Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН. E-mail: assmirnov@mail.ru

[1] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

дружеской ноге с А. С. Пушкиным, которому в 1832 г. выхлопотал разрешение на издание газеты «Дневник». После смерти Н. М. Карамзина занимался подготовкой к изданию последнего тома «Истории государства российского», принимал деятельное участие в издании Академией наук сочинений В. А. Жуковского. В 1828–1831 гг. руководил просмотром документов по истории России и организацией их хранения в государственном архиве. Его перу принадлежит ряд исторических трудов. Д. Н. Блудов являлся почетным членом Общества российской словесности при Московском университете. Вершиной его научной и просветительской деятельности было назначение в 1855 г. президентом императорской Академии наук, почетным членом которой он являлся с 1826 г.[2] Как архивист он пользовался уважением Николая I, которого не раз консультировал при работе с историческими документами[3].

Д. Н. Блудов в 1834 г. учредил при совете министра внутренних дел специальное Статистическое отделение, которое возглавлял заместитель министра[4]. Именно Статистическое отделение МВД и его подразделения до образования в 1859 г. императорской Археологической комиссии было единственной государственной структурой, официально занимавшейся сбором информации о древностях империи. Это соответствовало тогдашним представлениям о задачах статистики как науки о достопримечательностях государства, непосредственно связанной с вопросами истории, географии, политической экономии. «История и статистика не без основания считаются тождественными по предмету занятий (история — движущаяся статистика; статистика — приостановившаяся история)»[5].

Образование специального Статистического отделения МВД породило создание в провинциях империи губернских статистических комитетов. В 1836 г. статистический комитет был учрежден в Астраханской губернии. По долгу службы его возглавил губернатор И. С. Тимирязев, занимавший этот пост десять лет — с 1834 по 1844 г.

Астраханской губернии повезло с начальником. Иван Семенович Тимирязев был личностью незаурядной. Генерал-лейтенант, боевой офицер, участник Отечественной войны и усмирения Польши, происходил из семьи, связанной тесными отношениями с литературным и научным миром. Дом Тимирязевых посещали В. А. Жуковский и П. А. Вяземский. Частым гостем был и А. С. Пушкин, который с симпатией относился к жене И. С. Тимирязева, Софье Федоровне, урожденной Вадковской, сестре декабриста Ф. Ф. Вадковского. Племянником И. С. Тимирязева был известный ученый и естествоиспытатель К. А. Тимирязев[6].

В бытность свою в Астрахани Иван Семенович в 1837 г. организовал в городе губернский «музеум», заложив основу местного краеведения. Благодаря его инициативе в том же году начали выходить «Астраханские губернские ведомости».

[2] Шилов 2001, 81-85; Нижник 2002, 72-85.

[3] Выскочков 2001, 274.

[4] Ранее Статистическое отделение существовало в составе Департамента полиции исполнительной МВД. Д. Н. Блудов резко повысил статус отделения, сделав его подразделением центрального аппарат министерства.

[5] Венюков 2002, 226.

[6] Мурзанов 2011, 425; Пушкин 1979, 371.

Неудивительно, что И. С. Тимирязев с пониманием воспринял предписание министра МВД о составлении реестра древностей губернии, направленное к нему из Статистического отделения министерства отношением № 176 от 9 марта 1837 г[7]. И. С. Тимирязев в 1830-е годы был одним из влиятельнейших чиновников империи, что объяснялось его близостью с императором Николаем I, с которым он общался напрямую, обходя официальные инстанции. Пользуясь привилегированным положением, он мог бы отнестись к поручению министра МВД формально, как поступали многие его коллеги. Но он искренне заинтересовался этим поручением.

Об этом свидетельствует то обстоятельство, что он назначил исполнителем этого предписания Михаила Самсоновича Рыбушкина, директора училищ Астраханской губернии[8]. М. С. Рыбушкин в силу служебных обязанностей много ездил по губернии и мог попутно заниматься фиксацией древностей. Но губернатор учел и то, что директор училищ был выпускником Казанского университета, преподавал историю в Казанской гимназии, затем получил должность адъюнкта Казанского университета, а позднее стал секретарем Отделения словесных наук.

Дослужившись в Казанской губернии до исправляющего должность директора казанских училищ, в 1835 г. М. С. Рыбушкин переводится на аналогичную должность в Астраханскую губернию.

В бытность свою в Казани М. С. Рыбушкин участвовал в создании первого казанского частного периодического журнала «Заволжский Муравей», на страницах которого печатались статьи по истории, археологии и этнографии. М. С. Рыбушкин был автором многих исторических статей журнала, в которых уделял внимание и археологическим памятникам[9]. Его перу принадлежит книга «История Казани», вышедшая в 1834 г. и переизданная в 1848 и 1859 гг.

Надо думать, астраханский губернатор учел склонность М. С. Рыбушкина к занятиям историей и археологией, поручая ему «заняться описанием и разрытием известнейших курганов при поездках его для обозрения училищ»[10], тем более что директор училищ был членом Астраханского губернского статистического комитета.

В конце апреля 1837 г. М. С. Рыбушкин отправился в поездку для ревизии училищ, во время которой «в виде опыта… произвел осмотр и разрытие некоторых замечательных бугров, развалин и могил в 80 верстах от Астрахани вверх по Волге на берегу Ахтубы в селении Селитренном, где, как должно полагать, был знаменитый в наших летописях Сарай, столица Золотой Орды»[11]. Работы эти продолжались три дня и были «прекращены за сильными дождями»[12].

В официальных бумагах результаты «осмотра и разрытия» были представлены достаточно лапидарно.

---

[7] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 3.
[8] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.
[9] Рыбушкин 1833а, 63-92; 1833б, 1169 - 1189.
[10] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 1-1об.
[11] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 1об.
[12] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 4.

«Первоначально приступлено было к разрытию возвышенностей на месте бывшего Селитреннаго завода. При раскапывании земли, во многих местах встречались стены, выложенные четвероугольными каменными плитами, — плотно соединенными известью; местами попадались целые полы, устланные такими же плитами, что служит несомненным доказательством существовавших там каменных строений. В земле найдены серебрянныя и медныя монеты, из которых многия оказываются чеканенными в Казани — открытие, уничтожающее все бывшия досель сомнения о чеканении монеты в Казани, отломок наружной изразцовой стены с мозаическими украшениями разных цветов, окаменелые раковины, кости отломки мрамора, служивший вероятно убранством жилища знатных, кувшины или урны с пеплом, превратившимся в землю.

В пяти верстах от означенной возвышенности, на протоке Ашулук, произведено было раскрытие бугра, в котором найдены груды камней и остатки стен, сходные с отрытыми в селении Селитренном; а в четырех верстах от сего бугра отыскано древнейшее кладбище, где однакож при отрытии одного остова не оказалось ни лоскута одежды, ни металлической вещи и самый гроб найден истлевшим».

На основании этих находок М. С. Рыбушкин предположил существование здесь в прошлом «обширного города». По его мнению, на месте селитренного завода находился ханский дворец, «доказательством служат остатки мрамора и гранита, посреди улицы в земле лежащие, на протоке Ашулук были увеселительные домы и кладбище»[13].

Эти краткие сведения не дают достаточного представления ни об археологическом памятнике, ни о его состоянии на момент раскопок. Тем не менее, современные данные о Селитренном городище позволяют прокомментировать результаты исследований директора Астраханских училищ.

Селитренный завод, существовавший в XVIII в., находился на месте Больничного бугра, расположенного на северо-западной окраине современного с. Селитренного. М. С. Рыбушкин пишет о постройках, стены и полы которых сложены из «четвероугольных каменных плит» на известковом растворе. Без сомнения, имеется в виду квадратный золотоордынский обожженный кирпич. В окрестностях Селитренного месторождений камня нет, зато «бугры Бэра», характерные для Прикаспийской низменности, в обилии имеются близ села. Они сложены из глины с примесью песка, которая является прекрасным сырьем для производства керамики и обожженных кирпичей. Практически все постройки Селитренного городища возводились из подобных кирпичей, как сырцовых, так и обожженных. Как показали раскопки 2000-х гг., большое число монументальных построек было расположено на «Больничном бугре». Стены этих зданий часто были украшены изразцами. Участок такой стены и удалось найти М. С. Рыбушкину.

Исследователь пишет об обломках мраморных деталей убранства жилищ, принадлежавших зажиточным жителям древнего города. Мрамор на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья мог быть только привозным, что делает его редкой находкой. На Селитренном городище в 1981 г. при раскопках небогатого жилого дома найдена мраморная чаша тошны, которая была принесена,

[13] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 7-8.

вероятно, из дворцового здания, расположенного неподалеку и пришедшего в запустение[14]. При раскопках мечети на Водянском городище в Волгоградской области была обнаружена часть круглой мраморной колонны с канелюрами, вкопанная перед михрабом и использовавшаяся как подставка для ляуха с кораном. В качестве упора под нее была положена мраморная ранневизантийская капитель. Колонна и капитель, скорее всего, были привезены из Крыма[15].

Среди своих находок М. С. Рыбушкин упоминает серебряные и медные монеты, местом чеканки которых он определил Казань. Это утверждение ошибочно. Монеты являются наиболее частой находкой на всех золотоордынских городищах, и в первую очередь на Селитренном. Но к Казани они не имеют никакого отношения. Это золотоордынские монеты, чеканенные на различных монетных дворах. Как показали современные исследования, на Селитренном городище наиболее распространены монеты чекана Сарая, Сарая аль-Махруса, Сарая ал-Джедид и Гюлистана[16]. Такие же или сходные монеты находились и на территории бывшей Волжской Болгарии, вошедшей в состав Золотой Орды, что позволило дилетантам XVIII–XIX вв. утверждать, что они чеканились в Казани.

Также можно усомниться в том, что найденные керамические сосуды являлись «урнами с пеплом». Скорее всего, это обычные бытовые сосуды, найденные в помойных ямах, основным заполнением которых является зола из печей.

К сожалению, в документах не указано, в каком направлении от Селитренного находятся два бугра, обследованные М. С. Рыбушкиным. Можно предположить, что бугор на протоке Ашулук — это Каменный бугор, находящийся в 5-6 км к юго-востоку от села. На нем в большом количестве встречаются остатки погребальных построек, в том числе и из обожженного кирпича. Вероятно, именно они были атрибутированы М. С. Рыбушкиным как «увеселительные дома». В 3 км от него находится бугор «Татарское кладбище», на котором расположен крупный некрополь золотоордынского времени[17].

Результаты раскопок М. С. Рыбушкина чрезвычайно заинтересовали астраханского губернатора, который вознамерился в ближайшее время продолжить исследования «столицы Золотой Орды… в большем объеме, причем оказано будет с моей стороны возможное пособие». Но для этого были нужны средства.

Посему 13 мая 1837 г. И. С. Тимирязев обратился с письмом в Статистическое отделение МВД, в котором стремился показать, «сколь важны для истории открытия, произведенные г. Рыбушкиным в малом виде и единственно для опыта». Письмо заканчивалось просьбой к министру внутренних дел: «Предполагая поручить г. Рыбушкину в июле месяце продолжение исследований развалин, бугров и могил в селении Селитренном и других местах в более обширном виде, я испрашиваю покорнейше на это соизволения Вашего высокопревосходительства и с тем вместе прошу не оставить разрешением меня об употреблении некоторых сумм на необходимыя при работах издержки, с пополнением оных суммами под-

[14] Федоров-Давыдов 1981.
[15] Егоров 1976, 128.
[16] Рудаков 2000, 316-321.
[17] Гончаров 2004, 289.

лежащими ведению высочайше вверенного Вашему высокопревосходительству министерства, или министерства народного просвещения»[18].

Отношение Астраханского губернатора поступило на рассмотрение министра внутренних дел, который не посчитал возможным решить его без высочайшего соизволения Николая I. На имя императора была подготовлена докладная записка «Об открытиях, сделанных в селении Селитренном Астраханской губернии». В первоначальном варианте записки Д. Н. Блудов после изложения результатов раскопок сообщает, что «дальнейшие исследования Рыбушкина будут продолжаться в следующем месяце и что мною дозволено Астраханскому военному губернатору ассигновать, заимообразно, из городских доходов Астрахани 1000 рублей на издержки, необходимые для производства работ»[19]. Сумма, которую министр внутренних дел предполагал выделить на раскопки М. С. Рыбушкина, была весьма значительной для того времени. Да и в последующие годы трудно найти свидетельства о столь щедром финансировании археологических исследований. Императорская Археологическая комиссия в подобных случаях обычно выделяла средства в размере 150-200 руб.

Но в окончательном варианте записки на высочайшее имя, поданной 12 июня 1837 г., фраза о разрешении использовать 1000 рублей исчезла[20]. По какой-то причине министр отказался от первоначального намерения. Император, будучи в Петергофе, 14 июня соизволил рассмотреть эту записку, но никакого решения не принял[21]. По всей видимости, Николая I, активно утверждавшего великорусскую доминанту в национальной политике империи, не привлекала перспектива раскопок «Сарая, столицы Золотой Орды». А Д. Н. Блудов, прекрасно зная симпатии самодержца в области истории, почувствовал или предугадал мнение императора.

Одновременно с отношением на высочайшее имя, 12 июня, министр внутренних дел обращается с просьбой о выделении денег к министру народного просвещения, своему товарищу по кружку «Арзамас», С. С. Уварову. Подробно изложив в письме сведения о раскопках М. С. Рыбушкина, Д. Н. Блудов пишет: «… для производства работ требуются известные издержки, то я покорнейше прошу Ваше превосходительство почтить меня уведомлением, не признаете ли Вы возможным покрыть оныя из сумм вверенного Вашему превосходительству министерства». Д. Н. Блудов дипломатично не указывает требуемую сумму, оставляя этот вопрос на рассмотрение главы просветительского ведомства. Дабы придать своей просьбе больший вес, министр внутренних дел закончил письмо словами: «вместе с сим нужным считаю известить Вас, милостивый государь, что я почел возможным довести об открытиях г. Рыбушкина до сведения государя императора»[22].

С. С. Уваров не нашел ничего лучшего, как передать решение этого вопроса на усмотрение Археографической комиссии. Затем, опираясь на решение комиссии, 9 июля ответил Д. Н. Блудову традиционной для его министерства отпиской: «Комиссия, рассмотрев сведения об открытиях, изъясненных в Вашем отношении, донесла мне, что розыскания г. Рыбушкина она признает любопытными, но

[18] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 2.
[19] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 5-6.
[20] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 7-8.
[21] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 11.
[22] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 9-10.

не имеет в виду суммы, потребной на покрытие необходимых для того расходов, тем более, что сего рода розыскания собственно к занятиям ея не относятся. Соглашаясь с заключением Археографической комиссии, честь имею Вас, милостивый государь, о том уведомить»[23]. Так казенно ответил арзамасец «Старушка» арзамасцу «Кассандре».

То, что раскопки не входят в круг интересов Археографической комиссии, С. С. Уварову, неплохо разбиравшемуся в проблемах археологии, было хорошо известно. Это был чисто бюрократический ход, дабы вежливо отказать просителю, обычная чиновничья хитрость. К тому же министру просвещения наверняка стало известно, что Николай I оставил записку Д. Н. Блудова без последствий. А посему С. С. Уваров мог смело отказать в финансировании, не опасаясь навлечь на себя монарший гнев.

По итогам министерской переписки Д. Н. Блудов 24 июля 1847 г. сообщил астраханскому губернатору И. С. Тимирязеву лишь то, что он «имел счастие доводить о сделанных им (Рыбушкиным — А.С.) открытиях до сведения государя императора», а также что он, «желая содействовать успехам изысканий г. Рыбушкина, снесся с г. министром народного просвещения о том, найдет ли он возможным назначить какую либо сумму на издержки, необходимые для дальнейшего исследования курганов». Письмо министра заканчивалось сожалением, что С. С. Уваров отказал в просьбе. Причины, по которым намного более богатое, нежели МНП, министерство внутренних дел не смогло найти средств на продолжение раскопок, в письме не упоминаются. Но Д. Н. Блудов не преминул высказать губернатору свою искреннюю признательность «за деятельное участие, которое Вы приняли в исполнении поручения»[24]. Участие, которое не нашло поддержки в Петербурге.

Первые раскопки на Селитренном городище, сулившие столь радужные перспективы для исследований М. С. Рыбушкина, продолжения не получили. Все надежды оказались похороненными в стенах министерств.

Результаты раскопок опубликованы не были. Лишь саратовский чиновник А. Ф. Леопольдов в своем описании древностей нижней Волги «Актубинские развалины», напечатанном в журнале министерства внутренних дел в разделе «Смесь», на последней странице, в сноске, со ссылкой на сведения, полученные от астраханского губернатора, упоминает о раскопках директора училищ Астраханской губернии[25].

Единственным утешением для М. С. Рыбушкина, имя которого стало известно императору, был высочайший указ в июле 1837 г. о награждении орденом св. Владимира 4-й степени[26].

Как это ни покажется удивительным, но три просвещенных государственных мужа — С. И. Тимирязев, Д. Н. Блудов и С. С. Уваров — не смогли или не пожелали оказать реальное содействие исследованию золотоордынских древностей. Все трое понимали значение открытия М. С. Рыбушкина, а первые два даже первоначально продемонстрировали желание способствовать дальнейшим исследованиям. Но все благие пожелания ушли в песок.

---

[23] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 12.
[24] РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 113. Л. 13.
[25] ЖМВД 1837. Ч. XXIV. Кн. IV, 123-132.
[26] ЖМНП 1837, июль, XII.

При этом следует признать, что и астраханский губернатор, и министр внутренних дел вполне могли найти средства на продолжение раскопок «столицы Золотой Орды». Не обязательно столь значительные, как первоначально предполагал С. И. Тимирязев, но несколько сот рублей в год не отяготили бы казны ни губернии, ни министерства.

Все эти обстоятельства позволяют предполагать, что главные причины отказа в поддержке дальнейших раскопок Селитренного городища со стороны государственной власти лежат в области, далекой от науки. Личные мотивы, сложности чиновных взаимоотношений, карьерные соображения, отношение императора — пока мы можем только предполагать, что повлияло на подобное решение.

В пользу нашего предположения может свидетельствовать и то, что в высочайше утвержденном 3 июня 1837 г. «Общем наказе Министерства внутренних дел гражданским губернаторам», в § 98, вменяется в обязанность губернаторам «иметь попечение и о сбережении по возможности от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности»[27]. Но о «собирании сведений, относительно существующих в России курганов», как это было в предписании Статистического отделения гражданским губернаторам от 9 марта 1837 г., также подписанном министром внутренних дел, не упоминается. Общий наказ МВД гражданским губернаторам, который не мог увидеть свет без одобрения Николая I, готовился в те же дни, что и докладная записка Д. Н. Блудова императору «Об открытиях, сделанных в селении Селитренном Астраханской губернии». Равнодушие самодержца к результатам «разрытий курганов» М. С. Рыбушкиным могло отразиться и в формулировках циркулярных документов министерства внутренних дел.

Но возможно и наоборот. Мнение императора о формулировках готовящегося Общего наказа гражданским губернаторам могло послужить причиной отказа Д. Н. Блудова от выделения средств на раскопки М. С. Рыбушкина.

ЛИТЕРАТУРА

Венюков М. И. 2002: Приложение к моим воспоминаниям // Есаков В. А. Михаил Иванович Венюков. М., 179–235.

Выскочков Л. В. 2001: Император Николай I и русские древности // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова / В. В. Пузанов (ред.). СПб.; Ижевск, 267–276.

Гончаров Е. Ю. 2004: Некрополи Селитренного городища и его округи (предварительные итоги исследования) // Проблемы археологии Поволжья. I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград.

Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. 1976: Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья / А. П. Смирнов (ред.). М., 108–167.

Мурзанов Н. А. 2011: Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг. Материалы для биографий. СПб.

Нижник Н. С., Сальников В. П., Мушкет И. И. 2002: Министры внутренних дел Российского государства (1802–2002). Биобиблиографический справочник. СПб.

Пушкин А. С. 1979: Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. X. Л.

[27] ПСЗРИ 1837, Собр. 2. Т. XII. Отд. I. № 10303, 385-386.

Рудаков В. Г. 2000: К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Труды ГИМ. Вып.122 / И. В. Белоцерковская (ред.). М., 305–323.

Рыбушкин М. С. 1833а: Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский муравей. Ч. 1. 2. Казань.

Рыбушкин М. С. 1833б: Поездка в Старую Казань // Заволжский Муравей. Ч. 3. 21. Казань.

Федоров-Давыдов Г. А., Егоров В. Л., Булатов Н. М. 1981: Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9677.

Шилов Д. Н. 2001: Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический словарь. СПб.

THE FIRST EXCAVATIONS IN THE CITY-SITE SELITRENNOYE IN ASTRAKHAN PROVINCE

E. D. Zilivinskaya, A. S. Smirnov

The article basing on archival material, highlights the first excavations in 1837 in the City-Site Selitrennoye known as Saray-Batu, the capital of Golden Horde. In the result of excavations by Astrakhan Statistical Committee member M. S. Rybushkin, the local governor S. I. Timirjazev was interested in the materials and wanted to finance further researches. However, his applications to the Minister of Inner Affairs D. N. Bludov found no support in the Ministry. D. N. Bludov tried to shift the burden of financing the excavations to the Ministry of Education, which was headed by S. S. Uvarov. The latter, by the traditional bureaucratic methods disavowed the request of D. N. Bludov. The article suggests that the negative reaction of top officials of empire to the request for allocation of funds for the excavation of the Golden Horde capital due to restrained reaction of Emperor Nicolai I on the news of the investigations of this eastern city. These circumstances suggest that the main reasons for refusing to support further excavations of Selitrennoye City-Site from the government are far from science. Personal motives, bureaucratic complexity of relationships, career considerations, the relationship of the emperor — all these could be the reason for such a decision.

Key words: archaeology, excavations, Selitrennoye City-Site, M. S. Rybushkin, S. I. Timiryazev, D. N. Bludov, S. S. Uvarov, Nicolai I

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

© 2014

М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова

АНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ СИЦИЛИИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ*

В статье впервые публикуются греческие монеты Сицилии из коллекции Государственного исторического музея. Это небольшое, но достаточно представительное собрание, включает много редких экземпляров, в том числе, раннее серебро сицилийских полисов, сиракузскую декадрахму евэнетовского типа, золотые монеты династии Дионисия I, Тимолеона, Гелона II, Гиеронима и т.д.

Ключевые слова: античная нумизматика, греческие монеты, Сицилия, Государственный исторический музей.

Нумизматическое собрание Государственного исторического музея располагает сравнительно небольшой, но достаточно представительной и тщательно подобранной коллекцией монет античных городов Сицилии[1], насчитывающей 183 экземпляра. До сих пор эта коллекция оставалась не изданной. Между тем к настоящему моменту опубликованы *Silloge Nummorum Graecorum* всех крупнейших европейских музеев — Германии, Швеции, Дании, Финляндии, Великобритании, Греции, Турции и т.д. Будучи одной из самых крупных и интересных, коллекция греческих монет (в том числе италийских и сицилийских) ГИМ, включающая множество редких и уникальных экземпляров, также нуждается во введении в научный оборот.

Чеканка Акраганта (Агригента)[2] представлена в коллекции ГИМ 26 экз. (табл. 1, *1–15*; 2, *16–26*). Самые ранние монеты относятся к периоду процветания города (до 406 г. до н.э.): серебряные дидрахмы (№ 1–11) и гемидрахмы (№12–13), а также бронзовые номиналы (№ 14–17). В 406 г. до н.э. Акрагант был полностью разрушен карфагенянами, и его чеканка надолго прервалась. Около 340 г. до н.э. город был основан заново Тимолеоном (Plut. Tim. 35) и постепенно возродился,

---

Абрамзон Михаил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, директор института истории и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: abramzon-m@mail.ru.

Фролова Нина Андреевна — доктор исторических наук, главный специалист Государственного исторического музея, хранитель коллекции античных монет Отдела нумизматики. E-mail: nina-frolova@yandex.ru.

* Статья написана в рамках проекта «Создание электронной базы каталога греческих монет в собрании Государственного исторического музея», поддержанного РФФИ. Код проекта 13–06-00602.

[1] См. Hill 1903; BMC 2.

[2] См. Head 1911, 104–109.

однако после перенесенной катастрофы он так никогда и не смог восстановить былого величия. К периоду около 340–287 гг. до н.э. относится бронзовый гемилитрон типа «голова Акраганта/орел на колонне» (№18). В 287 г. до н.э. городом правил тиран Финтий (287–279), чеканка которого представлена в коллекции ГИМ пятью бронзовыми монетами с типом дикого кабана на реверсе (№ 19–23). В период 279–241 гг. до н.э. Акрагант оставался союзником карфагенян в борьбе с римлянами; от этого времени в коллекции имеются два номинала бронзы — «голова Аполлона/два орла на зайце» и «голова Аполлона/треножник» (№ 24–25). В 241 г. до н.э. город перешел под владычество римлян; к периоду 241–210 гг. до н.э. относится тип «голова Персефоны/Асклепий» (№ 26).

Обе бронзовые монеты Агирия (№ 27–28) типов «орел/колесо» и голова юноши/протома быка с мужской головой» принадлежат первому периоду чеканки (420–353 гг. до н.э.).

Коллекция ГИМ включает девять серебряных монет Гелы[3] — богатейшего города Сицилии после Сиракуз и Акраганта (табл. 2, *29–31*; 3, *32–37*), самые ранние из которых — дидрахмы типа «всадник/протома быка с мужской головой» относятся к 490–480 гг. до н.э. (№ 29–31). Среди последних редкий экземпляр с изображением всадника, скачущего влево (№ 31) (табл. 2, *31*). Остальные — тетрадрахмы и литры — датируются 480–470 гг. до н.э.

Чеканка Гимеры представлена 5 экз. Дидрахмы аттического стандарта типа «петух/краб» (табл. 3, *38–39*) относятся к 482–472 гг. до н.э. В это время городом правил Ферон из Агригента, из типологии которого был заимствован тип краба. Спустя некоторое время после разрушения города карфагенянами в 408 г. до н.э. уцелевшие жители основали на территории Гимеры новый город — Фермы. В коллекции ГИМ представлена редко встречающаяся тетрадрахма типа «голова Геры/Геракл»[4] с этниконом ΘΕΡΜΙΤΑΝ (табл. 3, *40*). Еще две монеты с таким этниконом относятся к периоду римского владычества, установившегося с 241 г. до н.э. (табл. 3, *41–42*).

Чеканка Калакты, начавшаяся только в III в. до н.э., представлена с коллекции ГИМ единичным экземпляром меди (табл. 4, *43*). Имеется в собрании и серебряный триас Камарины последней четверти V в. до н.э. со знаменитым типом реверса — совой, поймавшей ящерицу (табл. 3, *44*).

Ранняя чеканка Катаны[5] (461–413 гг. до н.э.) представлена тетрадрахмой типа «квадрига/голова Аполлона» (табл. 3, *45*). Со времен Первой Пунической войны (264–241 гг. до н.э.) город перешел по власть римлян, при которых достиг процветания. К III-II вв. до н.э. относятся два типа меди — «речной бог/шапки Диоскуров» (табл. 3, *46*) и «Зевс-Аммон/Эквитас» (табл. 3, *47*).

Кентурипы выпускали только бронзовые монеты с 339 г. до н.э., когда Тимолеон избавил город от тирании, но затем чеканка прервалась до начала Первой Пунической войны. Коллекция ГИМ включает медные номиналы, выпущенные после 241 г. до н.э. (табл. 4, *48–55*).

Собрание включает серебряные монеты Леонтин, в том числе самые ранние — тетрадрахму и драхму 500–466 гг. до н.э. аттического веса (табл. 4, *56–57*),

[3] О чеканке Гелы см. Jenkins 1970.
[4] Head 1887, 128.
[5] О чеканке Катаны см. Boehringer 2008, 5–18.

а также тетрадрахмы (табл. 4, *58–59*), отчеканенные между 466 г. до н.э., когда город восстановил свою независимость от власти Гелона и Гиерона, и 422 г. до н.э., в котором Леонтины подчинились Сиракузам[6].

Ранние серебряные монеты Занклы-Данклы-Мессаны[7] типа «дельфин/раковина-гребешок» выпущены по халкидскому стандарту до 493 г. до н.э. (табл. 4, *60–61*). Кроме драхмы представлен обол. Периодом около 480–461 гг. до н.э. датируется тетрадрахма типа «бига, запряженная мулами/заяц» (табл. 4, *62*). Около 288 г. до н.э. город был захвачен мамертинами, а его жители перебиты. Мамертины выпускали только бронзовые монеты; их чеканка представлена в коллекции пятью типами (табл. 4, *63*; 5, *64–67*).

Собрание ГИМ располагает единственной монетой Мотии — серебряным оболом типа «Горгона/пальма», выпущенным около 413–397 гг. до н.э. (табл. 5, *68*).

Монеты Сегесты также представлены единственным экземпляром — дидрахмой типа «собака/голова нимфы», отчеканенным около 461–415 гг. до н.э. (табл. 5, *69–70*).

Ранняя чеканка Селинунта представлена дидрахмой 480–466 гг. до н.э. с изображением листа петрушки на аверс; на реверсе — вдавленный квадрат (табл. 5, *71*). Оболы типа «нимфа/бык с человеческой головой» относятся к следующему периоду чеканки — 466–415 гг. до н.э. (табл. 5, *72–73*). Тетрадрахма типа «квадрига/речной бог Селин»[8] (табл. 5, *74*) принадлежит к последнему периоду чеканки — с 415 по 409 гг. до н.э., после чего город был разрушен карфагенянами, и его чеканка прекратилась.

Наиболее полно представлена в коллекции ГИМ чеканка Сиракуз[9] — 102 экз. (№ 75–176). Здесь и ранние серебряные тетрадрахмы типа «квадрига/голова Аретусы-Артемиды» (табл. 5, *75–77*; 6, *78–83*), обол (табл. 6, *84*) и драхма (табл. 6, *85*), выпущенные около 485–479 гг. до н.э., литры 474–450 гг. до н.э. (табл. 6, *86–96*), выпуски Второй республики (465–425 гг. до н.э.) (табл. 6, *97–98*; 7, *99–109*; 8, *110*), Третьей республики (345–317 гг. до н.э.) (табл. 8, *112–121*), Агафокла (317–289 гг. до н.э.) (табл. 9, *122–136*; 10, *137–138*); Четвертой республики (289–287 гг. до н.э.) (табл. 10, *139–140*), времен Гикета (табл. 10, *141–142*) и Пирра в Сицилии (табл. 10, *143–144*), Гиерона II (табл. 10, *145–150*; 11, *151–163*) и т.д., вплоть до Пятой республики (215–212 гг. до н.э.) (табл. 12, *174*) серии периода римского владычества (табл. 12, *175–176*). Украшением собрания является декадрахма конца V — начала IV в. до н.э. евэнетовского типа[10] (табл. 8, *110*), редкие золотые монеты династии Дионисия I (табл. 8, *111*), Тимолеона (табл. 8, *112*), Гелона II (табл. 11, *152*), Гиеронима (216–215 гг. до н.э.) (табл. 12, *172*).

Все монеты Тавромения из коллекции ГИМ относятся ко второму периоду чеканки (275–210 гг. до н.э.) (табл. 12, *177–178*; 13, *179–180*).

Наконец, ранний чекан Эрикса (480–400 гг. до н.э.) представлен единственным серебряным оболом типа «женская голова/собака» (табл. 13, *183*).

---

[6] См. Chantraine 1957, 7–19.
[7] О серебряной чекнке Данлы-Мессаны см. Gielow 1930.
[8] О тетрадрахмах Селинунта см. Schwabacher 1925.
[9] См. Tudeer 1913; Christ 1957, 21–29.
[10] См. Gallatine 1930.

ЛИТЕРАТУРА

Boehringer C. 2008:Űber die Münzen von Katana im letzten Jahrzehnt des V. Jahrhunderts v. Chr. // Schweizerische Numismatische Rundschau. 87, 5–18.

Chantraine H. 1957: Syrakus und Leontinoi: ein numismatisch-historischer Beitrag zur älteren westgriechischen Tyrannis // JNG. 8, 7–19.

Christ K. 1957: Zur Chronologie der syrakusanischen Münzprägung des 4. Jahrhunderts v. Chr. // JNG. 8, 21–29.

Förschner G. 1986: Die Münzen der Griechen in Italien und Sizilien. Die Bestände des Münzkabinetts (Kleine Schriften des Historischen Museums Frankfurt am Main. Bd. 27). Frankfurt am Main.

Gallatin A. 1930: Syracusan dekadrachms of the Euanetos Type. Cambrige.

Gielow H. 1930: Die Silberprägung von Dankle-Messana // MBNG.

Head B. 1887: Historia Nummorum. A Manual of Greek Numismatics. Oxford.

Hill G. F. 1903: Coins of Ancient Sicily. 1903.

Jenkins G. K. 1970: The Coinage of Gela // Antike Münzen und geschnittene Steine. Bd II. Berlin.

Kraay C. 1976: Archaic and Classical Greek Coins. London.

Schwabacher W. 1925: Die Tetradrachmenprägung von Selinunt // MBNG.

Tudeer L. O. Th. 1913: Die Tetradrachmenprägung von Syrakus in der Periode der signierenden Künstler. Berlin.

Приложение

КАТАЛОГ

АКРАГАНТ

510–413 гг. до н.э.

Л.с. Орел со сложенными крыльями влево.
О.с. Краб. Дидрахма.

1.	AR	A. 9121; СУС 421.	8.67.	*Л.с.* Вокруг АКРАГАНТОΣ. SNG Cop. 22.
2.	AR	A. 9122; СУС 436.	8.43.	*Л.с.* Вверху АКРА. SNG Cop. 24–26; SNG München 40; Förschner 1986, 140, nr. 378.
3.	AR	A. 9126; СУС 439.	8.29.	То же.
4.	AR	A. 9123; СУС 435.	8.67.	*Л.с.* Вокруг АКРА/ГАN. SNG Cop. 27.
5.	AR	A. 9125; СУС 438.	6.59.	*Л.с.* КА/РА.
6.	AR	A. 9127; СУС 441.	8.13.	*Л.с.* АК/РА.
7.	AR	A. 9128; СУС 442.	8.48.	То же.
8.	AR	A. 9130; СУС 444.	8.62.	То же.
9.	AR	A. 9129; СУС 443.	8.23.	*Л.с.* Орел вправо; вокруг в зеркальном порядке АК/РА. SNG Cop. 29.
10.	AR	A. 9124; СУС 437.	8.55.	*Л.с.* АК/РА. *О.с.* Внизу женская голова вправо. SNG Cop. 37.
11.	AR	A. 9131; СУС 445.	8.26.	*Л.с.* Орел влево; АК/РА. *О.с.* Внизу зерно. SNG Cop. 40.

413–406 гг. до н.э.

Л.с. Орел, терзающий зайца, влево.
О.с. Краб; внизу тунец влево; вокруг АКРА. Гемидрахма.

12.	AR	A. 9132; СУС 433.	1.90.	SNG Cop. 57; Förschner 1986, 140, nr. 381.
13.	AR	A. 9133; СУС 434.	1.65.	То же.

415–406 гг. до н.э.

Л.с. Орел, терзающий зайца, вправо; слева АКРА.
О.с. Краб; вокруг шесть шариков. Гемилитра.

14.	AE	A. 9135.	17.00.	*О.с.* Вверху лист; внизу лангуст. SNG Cop. 67.
15.	AE	A. 9134.	16.22.	*О.с.* Вверху лист; внизу осьминог. SNG Cop. 72–73.

Л.с. Орел, терзающий зайца, влево.
О.с. Краб; вокруг три шарика. Триантес.

16.	AE	A. 9136.	10.17.	*О.с.* Внизу лангуст. Ср. SNG Cop. 74.

Л.с. Орел на рыбе, вправо; слева АКРА. Точечный ободок.
О.с. Краб; внизу две рыбы; два шарика. Гексантес.

17.	AE	A. 9137.	7.17.	SNG Cop. 79–82; SNG München 141; Förschner 1986, 142, nr. 388–389.

338–287 гг. до н.э.

Л.с. Голова речного бога Акраганта влево; впереди АКРАГАN. Точечный ободок.
О.с. Орел со сложенными крыльями сидит на ионийской капители влево; голова повернута назад; слева краб, справа шесть шариков, расположенных в два ряда. Гемилитрон.

18.	AE	A. 9138.	16.10.	SNG Cop. 93; SNG München 156; Förschner 1986, 142–143, nr. 391–392.

Тирания Финтия (287–279 гг. до н.э.)

Л.с. Голова Персефоны в венке из колосьев ячменя влево. Точечный ободок.
О.с. Кабан бежит влево; ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΦΙΝΤΙΑ.

19.	AE	A. 9141.	7.12.	SNG Cop. 101–103; SNG München 106; Förschner 1986, 143, nr. 393.
20.	AE	A. 9142.	6.07.	То же.
21	AE	A. 9140.	5.87.	То же.

Л.с. Голова Артемиды влево; на плече колчан; сзади. Точечный ободок.
О.с. Кабан бежит влево; ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΦΙΝΤΙΑ.

22.	AE	A. 9139.	6.13.	*Л.с.* Справа монограмма из букв N и E. SNG Cop. 104.
23.	AE	A. 9143.	7.48.	То же.

279–241 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. Точечный ободок.
О.с. Два орла на зайце влево. Точечный ободок.

24.	AE	A. 9144.	7.83.	*О.с.* Справа H. Ср. SNG Cop. 114–117

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. Точечный ободок.
О.с. Треножник; ΑΚΡΑΓΑΝΤΙΝΩΝ.

25.	AE	A. 9145.	6.86.

241–210 гг. до н.э.

Л.с. Голова Персефоны в венке из ячменных колосьев вправо; слева CΩCIOC, справа ΑCΚΛΑΠ
О.с. Асклепий стоит прямо; в вытянутой правой руке держит патеру; ΑΚΡΑΓΑΝΤΙΝΩΝ.

26.	AE	A. 9146.	6.36.	SNG Cop. 121–123; SNG München 201; Förschner 1986, 144, nr. 399.

АГИРИЙ

420–353 гг. до н.э.

Л.с. Орел со сложенными крыльями вправо; сзади две оливковые ветви.
О.с. Колесо с четырьмя спицами, между которыми ΑΓΥΡΙΝΑ.

27.	AE	A. 9147.	16.51.	SNG Cop. 126.

Л.с. Голова молодого человека вправо; ΑΓΥΡΙΝΑΙΩΝ.
О.с. Протома быка с человеческой головой вправо; вверху трезубец.

28.	AE	A. 9148.	5.66.	*О.с.* Слева A. SNG Cop. 128.

ГЕЛА

490–480 гг. до н.э.

Л.с. Обнаженный всадник в шлеме скачет вправо, замахиваясь копьем, которое держит в правой руке.
О.с. Протома быка с человеческой головой вправо; справа СЕΛА. Дидрахма.

29.	AR	A. 9149; CYC 450.	8.59.	SNG Cop. 256.
30.	AR	A. 9151; CYC 451.	8.00.	*О.с.* СЕΛАΣ. SNG Cop. 257–258.
31.	AR	A. 9150; CYC 449.	8.16.	*Л.с.* Обнаженный всадник в шлеме скачет влево. *О.с.* СЕΛАΣ.

480–470 гг. до н.э.

Л.с. Квадрига, которой правит возничий, вправо; вверху Ника, венчающая лошадей, вправо. Точечный ободок.
О.с. Протома быка с человеческой головой вправо; вверху СЕΛАΣ. Тетрадрахма.

32.	AR	A. 9152; CYC 448.	12.93.	SNG Cop. 253–254.
33.	AR	A. 9153; CYC 447.	17.54.	*Л.с.* Под обрезом орнамент с пальметтой. SNG Cop. 263.

Л.с. Конь вправо; вверху венок. Точечный ободок.
О.с. Протома быка с человеческой головой вправо; вверху СЕΛА. Литра.

34.	AR	A. 9154; CYC 452.	0.57.	SNG Cop. 272.
35.	AR	A. 9156; CYC 454.	0.62.	То же.
36.	AR	A. 9157; CYC 455.	0.69.	То же.

Л.с. Всадник в шлеме влево; в правой руке держит копье, в левой щит.
О.с. Протома быка с человеческой головой вправо; вверху СЕΛАΣ. Литра.

37.	AR	A. 9155; CYC 453.	0.39.	SNG Cop. 275.

ГИМЕРА

482–472 гг. до н.э.

Л.с. Петух влево; ΗΙΜΕΡΑ.
О.с. Краб. Дидрахма.

38.	AR	A. 9175; CYC 460.	8.28.	SNG Cop. 302–303; Förschner 1986, 154, nr. 449.
39.	AR	A. 9176; CYC 461.	8.14.	То же.

ГИМЕРА КАК ФЕРМЫ

405–350 гг. до н.э. (?)

Л.с. Голова Геры вправо; справа ΘΕΡΜΙΤΑΝ.
О.с. Геракл, обнаженный, сидит на скале, покрытой львиной шкурой, влево; в правой руке держит палицу. Тетрадрахма.

40.	AR	A. 9179; CYC 462.	17.14.	Head 1887, 128.

Под римским владычеством. После 241 г. до н.э.

Л.с. Голова бородатого Геракла в львиной шкуре вправо; на плече палица. Точечный ободок.
О.с. Три нимфы стоят прямо; ΘΕΡΜΙΤΑΝ.

41.	AE	A. 9177.	8.74.	SNG Cop. 322–323; SNG München 370; Förschner 1986, 154, nr. 451.
42.	AE	A. 9178.	8.01.	То же.

КАЛАКТА

241–210 гг. до н.э.

Л.с. Голова Диониса вправо; сзади тирс.
О.с. Виноградная гроздь; вокруг ΚΑΛΑΚΤΙΝΩΝ.

43.	AR	A. 9158.	2.19.	SNG Cop. 153.

КАМАРИНА

425–405 гг. до н.э.

Л.с. Голова Афины влево.
О.с. Сова, поймавшая ящерицу, влево; справа ΚΑΜΑ. Триас.

44.	AE	A. 9159.	3.34.	SNG Cop. 169; SNG München 415; Förschner 1986, 146, nr. 412.

КАТАНА

461–413 гг. до н.э.

Л.с. Квадрига, управляемая возницей, вправо.
О.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо; впереди KATANAION. Тетрадрахма.

45.	AR	A. 9160; CYC 446.	16.52.	*Л.с.* SNG Cop. 178. *О.с.* SNG Cop. 177.

III–II вв. до н.э.

Л.с. Речной бог полулежит влево; в правой руке держит ритон, локтем левой руки опирается на амфору; над левым плечом ветвь.
О.с. Шапки Диоскуров, увенчанные звездами; внизу KATANAIΩN.

46.	AE	A. 9161.	4.63.	*О.с.* Между звездами сова стоит на Σ. SNG Cop. 186.

Л.с. Голова Зевса Аммона вправо; справа KATANAIΩN. Точечный ободок.
О.с. Эквитас стоит прямо; голова повернута влево; в правой руке держит весы, в левой рог изобилия.

47.	AE	A. 9162.	7.75.	*О.с.* Слева Σ; справа ⌧ и Φ. SNG Cop. 203–204.

КЕНТУРИПЫ

После 241 г. до н.э.

Л.с. Голова Зевса в лавровом венке вправо.
О.с. Крылатые молнии; KENTORIΠINΩN. Деконкия.

48.	AE	A. 9163.	9.18.	SNG Cop. 212; SNG München 508; Förschner 1986, 150, nr. 431.
49.	AE	A. 9164.	11.75.	То же.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. Точечный ободок.
О.с. Лира; KENTORIΠINΩN; слева и справа по три шарика. Гемилитрон.

50.	AE	A. 9165.	7.54.	SNG Cop. 213.
51.	AE	A. 9166.	8.54.	То же.
52.	AE	A. 9167.	9.04.	То же.

Л.с. Голова Артемиды вправо; на плече лук и колчан. Точечный ободок.
О.с. Лира; ΚΕΝΤΟΡΙΠΙΝΩΝ; слева три шарика. Триант.

53.	AE	A. 9168.	4.10.	SNG Cop. 214–215; SNG München 514; Förschner 1986, 151, nr. 433.
54.	AE	A. 9169.	3.92.	То же.

Л.с. Бюст Деметры вправо; сзади колос. Точечный ободок.
О.с. Плуг; на лемехе сидит птица; ΚΕΝΤΟΡΙΠΙΝΩΝ; слева два шарика. Гексант.

55.	AE	A. 9170.	3.38.	SNG Cop. 216–217; SNG München 517; Förschner 1986, 151, nr. 434.

ЛЕОНТИНЫ

500–466 гг. до н.э.

Л.с. Квадрига, управляемая возничим, вправо; вверху Ника венчает коней.
О.с. Голова льва вправо; вокруг четыре ячменных зерна; ΛΕΟΝΤΙΝΟΝ. Тетрадрахма.

56.	AR	A. 9183; CYC 466.	16.45.	SNG Cop. 334–337.

Л.с. Всадник вправо.
О.с. Голова льва вправо; вокруг четыре ячменных зерна; ΛΕΟΝΤΙΝΟΝ. Драхма.

57.	AR	A. 9182; CYC 465.	8.27.	SNG Cop. 338–340.

466–422 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона вправо.
О.с. Голова льва вправо; вокруг четыре ячменных зерна и ΛΕΟΝΤΙΝΟΝ. Тетрадрахма.

58.	AR	A. 9180; CYC 463.	17.46.	SNG Cop. 346–348; SNG München 551; Förschner 1986, 155, nr. 452–453.
59.	AR	A. 9181; CYC 464.	17.37.	То же.

МЕССАНА-ДАНКЛА-ЗАНКЛА

КАК ЗАНКЛА

515–493 гг. до н.э.

Л.с. Дельфин влево внутри серпа; внизу ΔΑΝΚΛΕ.
О.с. Раковина-гребешок в центре вдавленного квадрата, разделенного на сектора. Драхма халкидского стандарта.

60.	AR	A. 9184; СУС 467.	4.90.	SNG Cop. 387–388; SNG München 625; Förschner 1986, 156, nr. 458.

Тот же тип. Обол.

61.	AR	A. 9185; СУС 468.	1.06.	Head 1887, 133.

КАК МЕССЕНА-МЕССАНА

480–460 гг. до н.э.

Л.с. Бига, запряженная мулами, вправо; в ней бородатый возница; под обрезом лавровый лист.
О.с. Заяц скачет вправо; вокруг ΜΕΣΣΕΝΙΟΝ. Тетрадрахма.

62.	AR	A. 9186; СУС 469.	17.02.	SNG Cop. 390; SNG München 628; Förschner 1986, 156, nr. 459–460.

МАМЕРТИНЫ

После 288 г. до н.э.

Л.с. Голова Ареса в лавровом венке вправо; впереди ΑΡΕΟΣ. Точечный ободок.
О.с. Бодающийся бык влево; вверху ΜΑΜΕΡΤΙΝΩΝ.

63.	AE	A. 9187.	8.87.	SNG Cop. 429.

Л.с. Голова Ареса в лавровом венке вправо.
О.с. Афина в коринфском шлеме идет вправо; в правой руке держит копье, левой опирается о щит; слева ΜΑΜΕΡΤΙΝΩΝ.

64.	AE	A. 9189.	13.47.	*О.с.* Слева Η. SNG Cop. 444.

220–216 гг. до н.э.

Л.с. Голова Ареса в лавровом венке влево; сзади шлем. Точечный ободок.
О.с. Воин в хламиде стоит влево; правой рукой держит лошадь за гриву, в левой — копье; справа ΜΑΜΕΡΤΙΝΩΝ. Пентокия.

65.	AE	A. 9188.	10.76.	*О.с.* Слева П. SNG Cop. 446; SNG München 698; Förschner 1986, 160–161, nr. 474–476.

216–212 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо; сзади неопределенный символ.
О.с. Воин идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой — круглый щит; слева ΜΑΜΕΡΤΙΝΩΝ.

66.	AE	A. 9191.	7.34.	*О.с.* Справа Ρ. SNG Cop. 456; SNG München 713; Förschner 1986, 161, nr. 481.

212–200 гг. до н.э.

Л.с. Голова Зевса в лавровом венке вправо; сзади наконечник копья. Точечный ободок.
О.с. Воин в шлеме идет вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой круглый щит; справа П; слева ΜΑΜΕΡΤΙΝΩΝ. Пентокия.

67.	AE	A. 9190.	13.14.	*О.с.* Справа П. SNG Cop. 460.

МОТИЯ

413–397 гг. до н.э.

Л.с. Голова Медузы Горгоны в фас. Точечная рамка.
О.с. Пальма с плодами; внизу пуническая надпись M T Y A. Обол.

68.	AR	A. 9192; CYC 470.	0.72.	SNG Cop. 483–484.

СЕГЕСТА

461 гг. до н.э.

Л.с. Охотничья собака влево. Точечный ободок.
О.с. Голова нимфы Сегесты вправо; вокруг ΣΕΓΕΣΤΑΞΙΒ. Линейный ободок. Дидрахма.

69.	AR	A. 9193; CYC 483.	7.84.	SNG Cop. 575.
70.	AR	A. 9215; CYC 484.	8.05.	*О.с.* Слева свастика. Без надписи.

СЕЛИНУНТ

480–466 гг. до н.э.

Л.с. Лист петрушки.
О.с. Вдавленный квадрат, разделенный на десять треугольников: семь вдавленных, три выпуклых. Дидрахма.

71.	AR	A. 9171; СУС 516.	8.38.	SNG Cop. 593.

466–415 гг. до н.э.

Л.с. Нимфа сидит на скале, влево; в правой руке держит змею, левой поднимает покрывало; вверху лист петрушки.
О.с. Бык с человеческой головой идет вправо; под обрезом рыба; вверху ΣΕΛΙΝΟΕΣ. Литра.

72.	AR	A. 9173; СУС 457.	0.72.	SNG Cop. 602–603.
73.	AR	КП 455771.		То же.

415–409 гг. до н.э.

Л.с. Ника правит квадригой вправо; вверху венок; под обрезом зерно.
О.с. Речной бог Селин, обнаженный, стоит влево; в правой руке держит патеру, совершая возлияние на алтарь; слева внизу петух, справа лист петрушки и статуя быка на пьедестале; вокруг ΣΕΛΙΝΟΥΤΙΟΣ. Тетрадрахма.

74.	AR	A. 9172.	17.09.	SNG Cop. 604 (вариант).

СИРАКУЗЫ

Гелон I, Гиерон I и другие. 485–479 гг. до н.э.

Л.с. Квадрига вправо; вверху Ника венчает лошадей.
О.с. Голова Аретусы-Артемиды вправо; вокруг четыре дельфина и ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Тетрадрахма.

75.	AR	A. 9228; СУС 515.	17.23.	SNG Cop. 620–626; 628–630.
76.	AR	A. 9229; СУС 516.	17.26.	
77.	AR	A. 9231; СУС 517.	17.19.	
78.	AR	A. 9232; СУС 519.	17.13.	
79.	AR	A. 9233; СУС 520.	17.42.	
80.	AR	A. 9234; СУС 521.	17.22.	
81.	AR	A. 9242; СУС 529.	17.30.	

82.	AR	A. 9243; СУС 530.	17.25.	
83.	AR	A. 9244; СУС 531.	16.84.	

Л.с. Голова Аретусы-Артемиды вправо. Точечный ободок.
О.с. Колесо с четырьмя спицами. Обол.

84.	AR	A. 9216; СУС 500.	0.60.	SNG Cop. 627.

Л.с. Всадник вправо.
О.с. Голова Аретусы-Артемиды; ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Драхма.

85.	AR	A. 9227; СУС 512.	3.12.	SNG Cop. 631.

474–450 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аретусы-Артемиды в диадеме вправо; справа ΣΥRA. Точечная рамка.
О.с. Каракатица. Литра.

86.	AR	A. 9217; СУС 502.	0.71.	SNG Cop. 636, 641; SNG München 993; Förschner 1986, 170, nr. 518.
87.	AR	A. 9218; СУС 501.	0.67.	То же.
88.	AR	A. 9219; СУС 503.	0.66.	То же
89.	AR	A. 9220; СУС 504.	0.71.	То же
90.	AR	A. 9222; СУС 506.	0.68.	То же
91.	AR	A. 9223; СУС 507.	0.63.	То же
92.	AR	A. 9225; СУС 510.	0.60.	То же
93.	AR	A. 9226; СУС 511.	0.49.	То же
94.	AR	A. 9316.	0.60.	То же
95.	AR	A. 9221; СУС 505.	0.83.	*О.с.* Внизу ΣΥRA. SNG Cop. 637–638; SNG München 996; Förschner 1986, 170, nr. 519–521.
96.	AR	A. 9224; СУС 508.	0.63.	То же.

Вторая республика. 465–425 гг. до н.э.

Л.с. Квадрига вправо; вверху Ника венчает лошадей; под обрезом морское чудовище (pistrix).
О.с. Голова Аретусы-Артемиды вправо; вокруг четыре дельфина и ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Тетрадрахма.

97.	AR	A. 9230; СУС 517.	17.13.	SNG Cop. 643.
98.	AR	A. 9238; СУС 525.	16.34.	SNG Cop. 635; 641–644, 646–651.
99.	AR	A. 9246; СУС 533.	16.66.	SNG Cop. 649.

100.	AR	A. 9240; CYC 527.	16.59.	*Л.с.* Квадрига влево; вверху Ника венчает возничего. SNG Cop. 652.
101.	AR	A. 9241; CYC 528.	16.88.	То же.
102.	AR	A. 9245; CYC 532.	16.71.	*О.с.* Голова Аретусы-Артемиды в ампиксе и оливковом венк. SNG Cop. 658.
103.	AR	A. 9235; CYC 522.	17.45.	SNG Cop. 662.
104.	AR	A. 9236; CYC 523.	17.07.	*Л.с.* SNG Cop. 662. Ос. SNG Cop. 660.
105.	AR	A. 9237; CYC 524.	16.85.	*Л.с.* SNG Cop. 662. Ос. SNG Cop. 661.

Вторая республика — династия Дионисия. 425 г. до н.э. — IV в. до н.э.

Л.с. Квадрига влево; вверху Ника венчает возничего.
О.с. Голова Аретусы-Артемиды влево; вокруг четыре дельфина; сверху ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ; сзади ΕΥΜΕΝΟΥ. Тетрадрахма.

106.	AR	A. 923; CYC 526.	14.50.	SNG Cop. 666.

Л.с. Квадрига влево; два ближних коня смотрят вперед; третий конь смотрит на них; конь на заднем плане смотрит вперед; вверху Ника венчает возничего; под обрезом дельфин.
О.с. Голова Аретусы-Артемиды влево; вокруг четыре дельфина; сверху ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Тетрадрахма.

107.	AR	A. 9312; CYC 535.	16.25.	SNG Cop. 672.
108.	AR	A. 9313; CYC 538.	16.44.	То же.

Л.с. Квадрига влево; вверху Ника венчает возничего; под обрезом дельфин.
О.с. Голова Аретусы-Артемиды влево; вокруг четыре дельфина; сверху ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Тетрадрахма.

109.	AR	A. 9314; CYC 537.	15.20.	SNG Cop. 682.

Л.с. Квадрига влево; вверху Ника венчает возничего; под обрезом панцирь, наголенники, щит и шлем.
О.с. Голова Аретусы-Артемиды в венке из тростника влево; вокруг четыре-дельфина и ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ; [под нижним дельфином ΕΥΑΙΝΕ]. Декадрахма

110.	AR	A. 9254; CYC 451.	40.12.	SNG Cop. 689–690.

Дионисий I, Дионисий II и другие. 375–345 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. Точечный ободок.

О.с. Треножник; вокруг ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Эквивалент пяти серебряным дидрахмам или 50 литрам.

111.	AV	A. 13.	2.70.	SNG Cop. 702–707; Фролова 2009, табл. I, 13.

Третья республика. 345–317 гг. до н.э.

Тимолеон (345–336)

Л.с. Голова Зевса Элевтериоса в лавровом венке влево; вокруг ΕΛΕΥ[ΘΕΡΙΟΣ].
О.с. Пегас влево; впереди A; внизу три шарика; вокруг ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Гемидрахма.

112.	AV	A. 10.	2.04.	SNG Cop. 710; Фролова 2009, табл. I, 10.

344–336 г. до н.э.

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме, украшенном оливковой ветвью, влево; впереди ΣΥΡΑ.
О.с. Звезда между двух дельфинов. Литра.

113.	AE	A. 9247.	29.30.	SNG Cop. 720; SNG München 1133; Förschner 1986, 175–176, nr. 545–550.
114.	AE	A. 9248.	31.97.	То же.
115.	AE	A. 9249.	35.62.	То же.
116.	AE	A. 9250.	32.71.	То же.

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме, украшенном оливковой ветвью, влево; впереди вверху ΣΥΡΑ.
О.с. Гиппокамп влево. Тетрас.

117.	AE	A. 9251.	7.58.	SNG Cop. 721; SNG München 1138; Förschner 1986, 176, nr. 551.
118.	AE	A. 9252.	4.82.	То же.
119.	AE	A. 9253.	6.73.	То же.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке влево; сзади виноградная гроздь; впереди ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ.
О.с. Пегас влево.

120.	AE	A. 9256.	4.80.	SNG Cop. 736.
121.	AE	A. 9257.	4.65.	*О.с.* Внизу H. SNG Cop. 739.

Агафокл (317–289). Период I. 317–310 гг. до н.э.

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо; на шлеме изображение грифона.
О.с. Пегас влево; внизу трискелис; вокруг ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Статер.

122.	AR	A. 9255; CYC 499.	8.35.	Ср. SNG Cop. 750–751.

Л.с. Голова Аретусы-Артемиды влево.
О.с. Бык влево; вокруг ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Обол (?).

123.	AR	CYC 414.	0.55.	SNG Cop. 752.

Л.с. Голова Аретусы-Артемиды вправо; вокруг три дельфина;
О.с. Квадрига влево; вверху трискелис; под обрезом ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ. Точечный ободок. Тетрадрахма.

124.	AR	A. 9258; CYC 497.	17.15.	*Л.с.* Внизу монограмма или буквы N K. *О.с.* Под обрезом . SNG Cop. 753–754.
125.	AR	A. 9259; CYC 498.	17.02.	То же.
126.	AR	CYC 536.		Сомнительная (фальшивая?).

Тот же тип. Обол (?)

127.	AR	A. 9315; CYC 513.		*Л.с.* Внизу монограмма или буквы N K. *О.с.* Под обрезом . Редкая.

Период II. 310–304 гг. до н.э.

Л.с. Голова Персефоны в венке из колосьев вправо; сзади ΚΟΡΑΣ. Точечный ободок.
О.с. Ника стоит вправо и сооружает трофей; слева трискелис и ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΣ. Точечный ободок. Тетрадрахма.

128.	AR	A. 9260.	16.73.	SNG Cop. 766.
129.	AR	A. 9261; CYC 495.	16.81.	
130.	AR	A. 9262; CYC 496.	16.57.	

Л.с. Голова молодого человека в повязке влево; впереди ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.
О.с. Лев вправо; вверху палица.

131.	AE	A. 9263.	8.26.	*О.с.* Внизу монограмма. SNG Cop. 767.

Период III. 304–289 гг. до н.э.

Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо; на шлеме изображение грифона.
О.с. Крылатые молнии; ΑΓΑΘΟΚΕΣ / ΒΑΣΙΛΕΟΣ. Октобол.

132.	AR	СУС 539.	1.59.	Фальшивая. Для золота ср. SNG Cop. 778.
133.	AR	СУС 540.	6.22.	Фальшивая.

Л.с. Бюст Артемиды вправо; на плече колчан; впереди ΣΩΤΕΡΑ.
О.с. Крылатые молнии; ΑΓΑΘΟΚΕΣ / ΒΑΣΙΛΕΟΣ.

134.	AE	A. 9264.	8.37.	SNG Cop. 779; SNG München 1268; Förschner 1986, 189–191, nr. 613–521.
135.	AE	A. 9265.	9.42.	То же.
136.	AE	A. 9266.	9.03.	То же.
137.	AE	A. 9267.	8.31.	То же.
138.	AE	A. 9268.	8.86.	То же.

Четвертая республика. 289–287 гг. до н.э.

Л.с. Голова Зевса в лавровом венке влево; впереди ΔΙΟΣ ΕΛΛΑΝΙΟΥ.
О.с. Орел на молниях влево; вокруг ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.

139.	AE	A. 9272.	8.91.	SNG Cop. 785–786.
140.	AE	A. 9271.	6.32.	*О.с.* Слева A. SNG Cop. 788.

Гикет. 288–279 гг. до н.э.

Л.с. Голова Персефоны влево; впереди ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.
О.с. Бига вправо; в ней возничий; в левой руке держит поводья, в правой длинный кнут; вверху звезда.

141.	AE	A. 9269.	7.46.	SNG Cop. 800–804.

Л.с. Голова Персефоны вправо; сзади факел; впереди ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.
О.с. Бига вправо; в ней возничий; в левой руке держит поводья, в правой длинный кнут; вверху звезда.

142.	AE	A. 9291.	12.75.	*О.с.* Под обрезом Ε. и Χ. SNG Cop. 806.

Пирр в Сицилии. 278–276 гг. до н.э.

Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре влево.

О.с. Афина стоит вправо; в правой поднятой руке держит копье, в левой щит; вокруг ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.

143.	AE	A. 9292.	10.67.	SNG Cop. 813; SNG München 1337; Förschner 1986, 194, nr. 639.
144.	AE	A. 9293.	10.83.	То же.

Гиерон II. 275–216 гг. до н.э.

Л.с. Голова Филистиды в диадеме и покрывале влево. Точечный ободок.
О.с. Ника правит бигой вправо; ΒΑΣΙΛΙΣΣΑΣ ΦΙΛΙΣΤΙΔΟΣ. 16 литр

145.	AR	A. 9300; CYC 492.	12.88.	*О.с.* Внизу E. SNG Cop. 823.
146.	AR	A. 9295; CYC 487.	13.47.	*Л.с.* Справа хлебный колос. *О.с.* Вверху месяц; внизу хлебный колос; справа ΚΙΣ. SNG Cop. 824; SNG München 1350; Förschner 1986, 195, nr. 641.
147.	AR	A. 9297; CYC 489.	13.46.	То же.
148.	AR	A. 9298; CYC 490.	13.55.	*Л.с.* Справа звезда. *О.с.* Вверху звезда; справа K. Линейный ободок. SNG Cop. 825; SNG München 1355; Förschner 1986, 195, nr. 642.
149.	AR	A. 9299; CYC 491.	13.40.	То же.
150.	AR	A. 9296; CYC 488.	13.56.	*Л.с.* Справа ΚΙΣ. *О.с.* Вверху звезда; справа I (?)

Л.с. Голова Гелона II в диадеме влево.
О.с. Ника правит бигой вправо; ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΙ / ΓΕΛΩΝΟΣ. 8 литр.

151.	AR	A. 9270; CYC 493.	6.35.	SNG Cop. 829; SNG München 1361; Förschner 1986, 195, nr. 643.

Л.с. Голова Персефоны в венке из колосьев влево; сзади рог изобилия. Точечный ободок.
О.с. Бига, управляемая возничим, влево; внизу ΙΕΡΩΝΟΣ. Драхма.

152.	AV	A. 11.	3.95.	Ср. SNG Cop. 816–819; Фролова 2009, табл. I, 11.

Л.с. Голова Гиерона II в диадеме влево.
О.с. Всадник в плаще скачет вправо, держа копье наперевес; под обрезом ΙΕΡΩΝΟΣ.

153.	AE	A. 9280.	18.29.	SNG Cop. 833.
154.	AE	A. 9284.	16.57.	То же.
155.	AE	A. 9285.	18.80.	То же.

156.	AE	A. 9282.	18.71.	*О.с.* Внизу N. SNG Cop. 838; SNG München 1382; Förschner 1986, 197, nr. 648–650.
157.	AE	A. 9283.	15.80.	
158.	AE	A. 9281.	16.83.	*Л.с.* На голове лавровый венок. SNG Cop. 843.
159.	AE	A. 9286.	17.52.	*Л.с.* На голове лавровый венок; справа кадуцей. SNG Cop. 843.

Л.с. Голова Посейдона в повязке влево. Точечный ободок.
О.с. Трезубец; с каждой стороны по дельфину; внизу ΙΕΡΩΝΟΣ.

160.	AE	A. 9287.	8.48.	*О.с.* Слева внизу M. SNG Cop. 853.
161.	AE	A. 9288.	6.21.	*О.с.* Внизу буквы и монограммы не различимы. SNG Cop. 844–855.
162.	AE	A. 9289.	6.87.	То же.
163.	AE	A. 9289.	6.52.	То же.

Л.с. Голова Персефоны в венке из колосьев влево; справа коробочка мака; слева ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ. Точечный ободок.
О.с. Бодающий бык влево; вверху палица.

164.	AE	A. 9273.	5.17.	*О.с.* Под палицей ΙΑ; под обрезом ΙΕ. SNG Cop. 865.
165.	AE	A. 9274.	6.13.	*О.с.* Под палицей Φ.
166.	AE	A. 9275.	5.88.	*О.с.* Под палицей Γ.
167.	AE	A. 9276.	5.44.	То же.
168.	AE	A. 9279.	6.02.	*О.с.* Под палицей ΙΑ. SNG Cop. 865.
169.	AE	A. 9277.	4.77.	*О.с.* Под палицей M. SNG Cop. 866.
170.	AE	A. 9278.	6.13.	*О.с.* Буква или монограмма не видна.
171.	AE	A. 9311.	4.36.	*О.с.* Буква или монограмма не видна. SNG Cop. 868–871.

Гиероним. 216–215 гг. до н.э.

Л.с. Голова Персефоны в венке из ячменных колосьев влево; в ушах серьги; на шее украшение.
О.с. Крылатые молнии; ΒΑΣΙΛΕΟΣ / ΙΕΡΩΝΥΜΟΥ.

172.	AV	A. 12.	1.30.	*О.с.* Над молниями ΛΑ. BMC 2 636; Фролова 2009, табл. I, 12.

Л.с. Голова Гиеронима в диадеме влево.
О.с. Крылатые молнии; ΒΑΣΙΛΕΟΣ / ΙΕΡΩΝΥΜΟΥ. 10 литр.

173.	AR	A. 9294; CYC 486.	8.04.	*О.с.* Над молниями MI. SNG Cop. 872; SNG München 1422; Förschner 1986, 201, nr. 672.

Пятая республика. 215–212 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона влево.
О.с. Диоскуры верхом на конях вправо; внизу ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.

174.	AE	A. 9309.	11.26.	SNG Cop. 888–889.

Римское владычество. После 212 гг. до н.э.

Л.с. Голова Зевса влево.
О.с. Ника правит бигой влево; внизу ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.

175.	AE	A. 9308.	5.62.	*Л.с.* Сзади колос. SNG Cop. 899.

Л.с. Голова Зевса влево. Точечный ободок.
О.с. Ника правит бигой вправо; внизу ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ.

176.	AE	A. 9307.	9.47.	*О.с.* Вверху месяц. SNG Cop. 900.

ТАВРОМЕНИЙ

275–210 гг. до н.э.

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке влево. Точечный ободок.
О.с. Треножник; TAYPOMENITAN. Линейный ободок. 2 литры

177.	AR	A. 9301; СУС 485.	1.94.	Ср. SNG Cop. 929 (золотой гемиобол).

Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке влево.
О.с. Треножник; TAYPOMENITAN.

178.	AE	A. 9304.	6.46.	SNG Cop. 936–937.
179.	AE	A. 9303.	6.06.	*Л.с.* Голова Аполлона вправо. SNG Cop. 938; SNG München 1551; Förschner 1986, 205, nr. 688–689.

Л.с. Голова Диониса в плющевом венке влево.
О.с. Треножник; ΑΠΟΛΛΩΝΟΣ.

180.	AE	A. 9305.	6.51.	SNG Cop. 939.

Л.с. Голова Афины вправо.

О.с. Сова вправо; вокруг TAYPOMENITAN.

181. AE A. 9302. 3.61. SNG Cop. 945.

Л.с. Голова Диониса вправо. Точечный ободок
О.с. Бык вправо; вокруг TAYPOMENITAN. Точечный ободок.

182. AE A. 9306. 2.64. SNG Cop. 947.

ЭРИКС

480–400 гг. до н.э.

Л.с. Женская голова в фас; волосы завиты; с каждой стороны по локоны. Точечный ободок.
О.с. Собака в ошейнике стоит вправо, обернувшись; EPYKINON. Обол.

183. AR A. 9174. 0.60. BMC 2, 62, no.4–5

COINS OF ANCIENT SICILY IN THE STATE HISTORICAL MUSEUM

M. G. Abramzon, N. A. Frolova

The paper is the first publication of Greek coins of Sicily in the State Historical Museum (Moscow). The small but rather representative collection includes a lot of rare specimens, i.a. earlier silver, Syracusan dekadrachm of the Euanetos Type, gold coins of Dionisius I, Timoleon, Gelon II, Hieronymus, etc.

Key words: classic numismatics, Greek coins, Sicily, the State Historical Museum

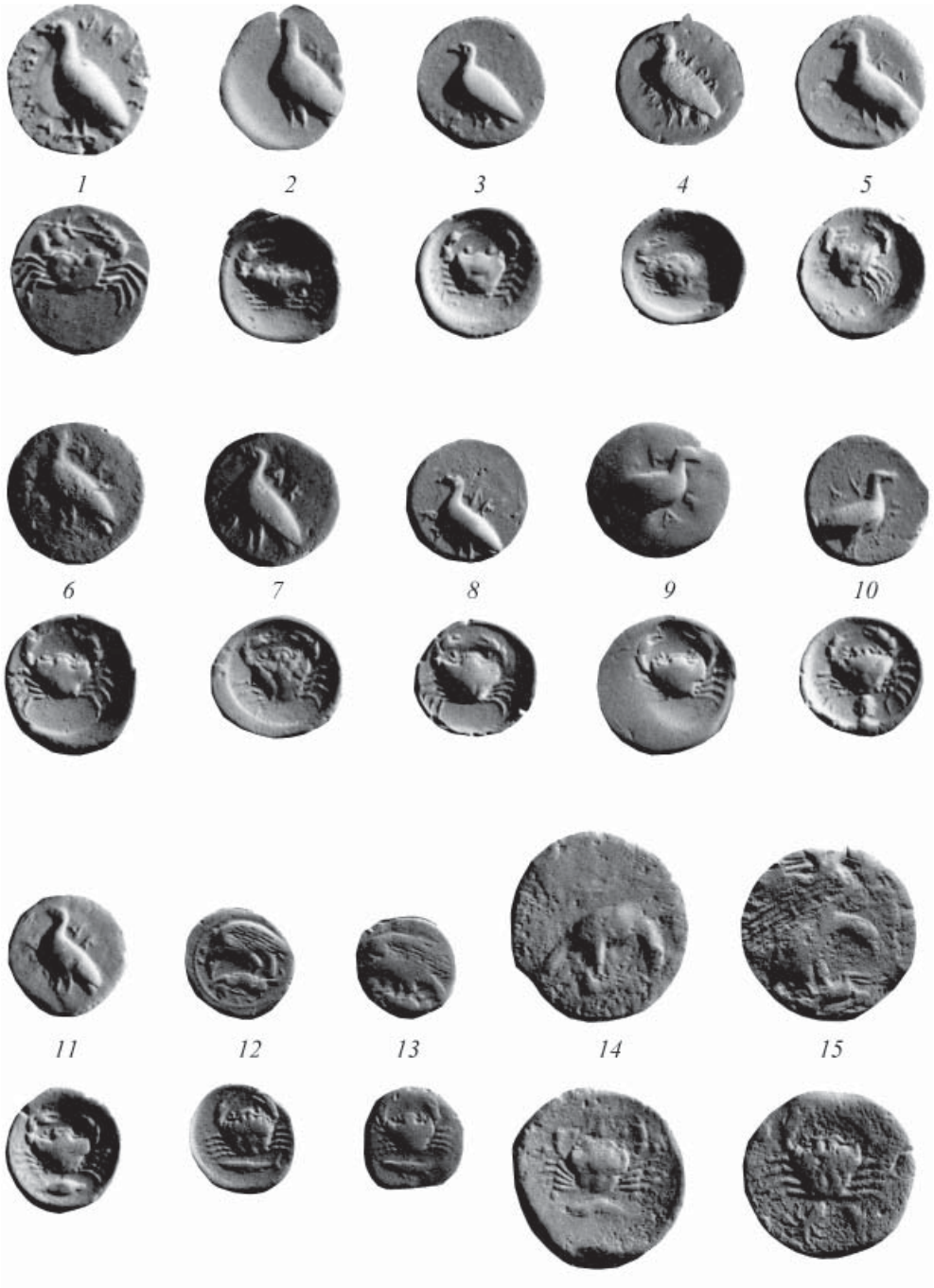


Таблица 1

Таблица 2

Таблица 3

Таблица 4

Таблица 5

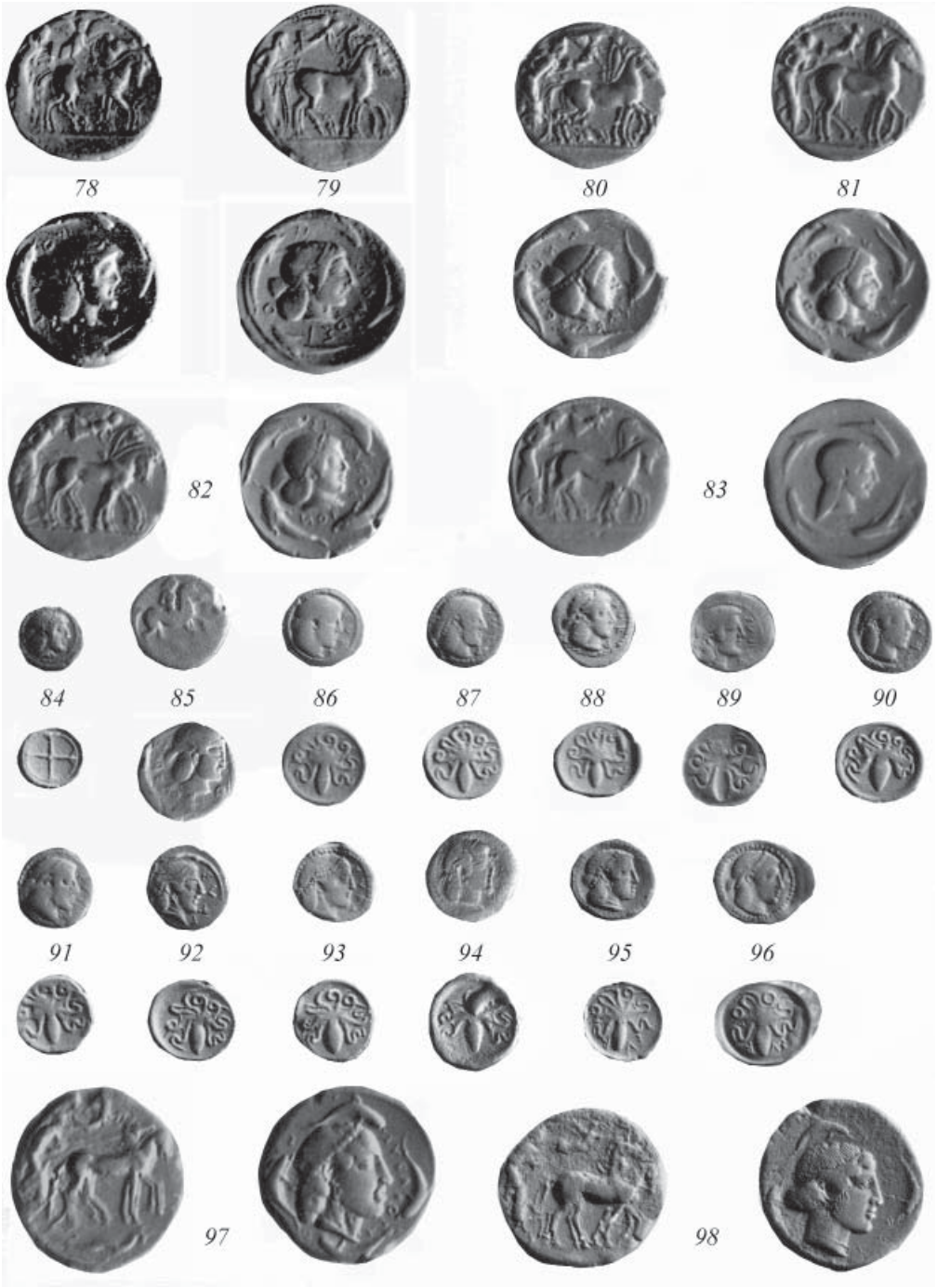


Таблица 6

Таблица 7

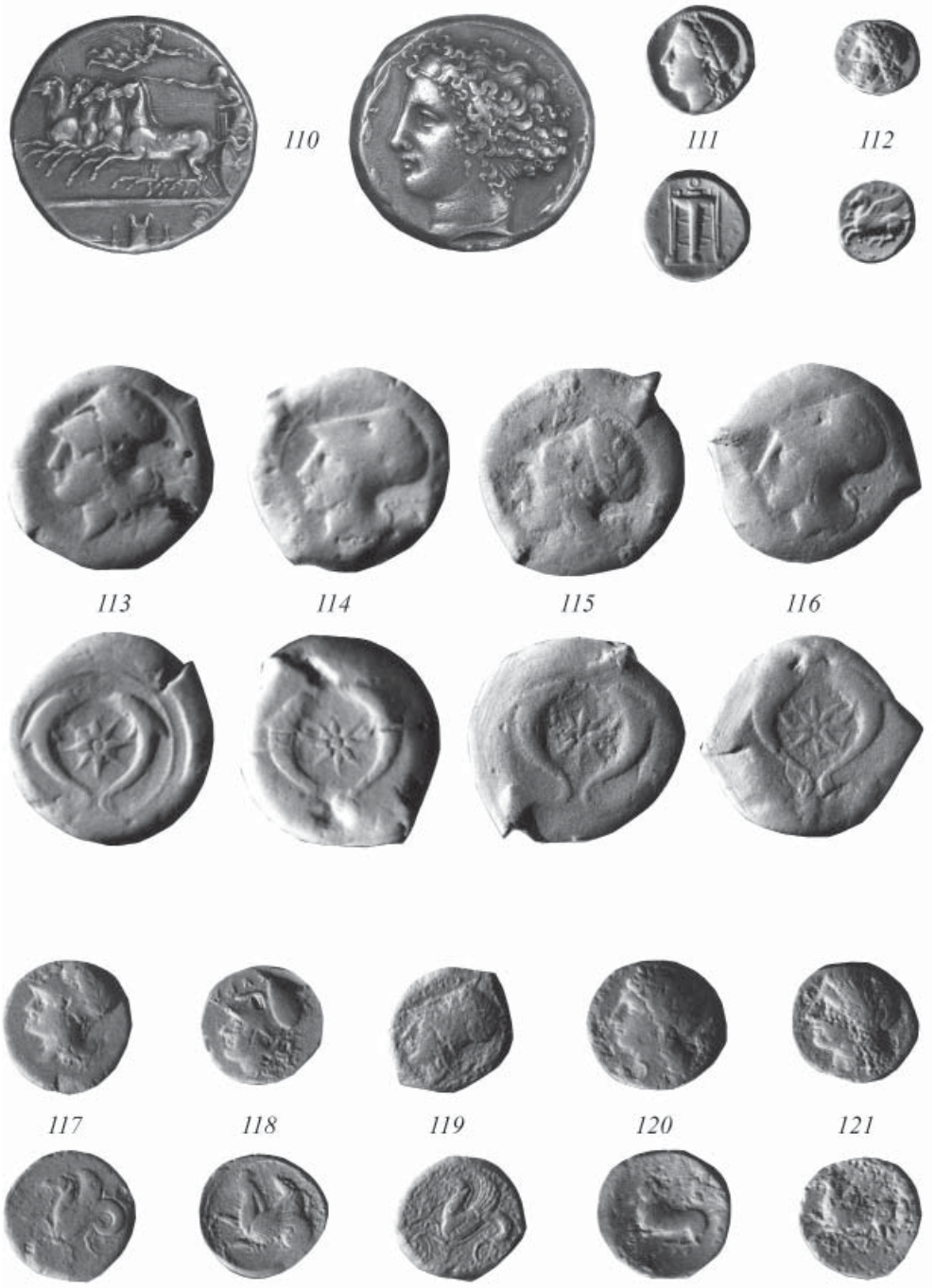


Таблица 8

Таблица 9

Таблица 10

Таблица 11

164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
183

Таблица 12

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2014

Т. А. Алферьева

«ПЕРСОНА» КАК КАТЕГОРИЯ ЖЕНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII СТОЛЕТИЯ

В условиях Нового времени, в конце XVII — начале XVIII века, возникает новая литературная культура, в результате которой появляется новый герой. Мы считаем, что новый литературный герой (героиня) петровской эпохи, с точки зрения концепции самопознания своего «Я» Г. В. Вдовина, попадает под определение «персоны».

Ключевые слова: XVIII век, русская проза, «персона», женский образ

Проблема проявления женской индивидуальности в культуре и литературе была актуальна всегда. Культуролог Г. В. Вдовин[1] считает, что развитие познания своего «*Я*» в искусстве российской портретописи XVIII века проходит три этапа-категории: «персона» — «индивидуальность» — «личность». Мы считаем, что в истории развития русской литературы XVIII столетия эта концептуальная триада тоже может быть применима: «персона» — конец XVII — начало XVIII века (петровский период), «личность» — эпоха классицизма и сентиментализм, «индивидуальность» — предромантизм.

Исследователь Г. В. Вдовин полагает, петровская эпоха — это благоприятное время для культурного «делания» и прославления активного положительного героя-«деятеля»[2]. Своеобразным «деланием» в области светской литературы пришлось заниматься и писателям новой культурной формации. В. И. Тюпа утверждает, что писатели Нового времени активно создавали новую словесную культуру и читателей, которым литературные тексты будут понятны и которыми они будут востребованы[3]. Для понимания ситуации начала XVIII века целесообразно ввести определение литературной культуры. В качестве рабочего можно воспользоваться определением С. И. Николаева, для которого это сумма всех проявлений *литературности*, а также литература в социокультурных контекстах, включая представления всех актантов литературного процесса о литературе[4].

Алферьева Татьяна Александровна — учитель Березовской БМКОУ ООШ № 8. E-mail: alferyeva11@yandex.ru

[1] Вдовин 2005.

[2] Вдовин 2005, 28.

[3] Тюпа 2007, 11.

[4] Николаев 1996, 8.

Относительно сроков возникновения новой литературной культуры в России Нового времени интересна точка зрения Л. И. Сазоновой, которая считает, что вторая половина XVII века является своеобразным «переходным периодом» между литературой эпохи Средневековья и светской литературой XVIII столетия[5]. Исследователь Д. С. Лихачев утверждает, что именно в «переходном периоде», или в русском барокко, начались те преобразовательные процессы в области культуры, которые предвосхитили коренные изменения в петровскую эпоху[6]. Д. С. Лихачев подчеркивает своеобразность русского барокко, которое проявило интенции ренессанса, чем объясняется «жизнерадостный, человекоутверждающий и просветительский характер барокко»[7]. О влиянии первого общеевропейского стиля — барокко — на русскую культуру «переходного периода» хорошо сказано в монографии Л. И. Сазоновой «Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени»[8]. В частности, в главе «Освоение языка куртуазности и науки галантного поведения» исследователь подчеркивает прогрессивное влияние французских любовных романов на дворянское культурное общество того времени. Романы буквально давали «уроки воспитания чувств и галантного поведения»[9] молодым людям, — к примеру, модный в то время текст Мадлен де Скюдери “Carte du Tendre” («Карта Нежной Любви»), который послужил своеобразным клише для перевода романа П. Тальмана «Езда в остров Любви» В. К. Тредиаковским. Средневековая словесность не знала «языка куртуазности», который на протяжении всего XVIII — начала XIX столетия бытовал в обиходе разговорной речи, любовных письмах, в любовных романах, создававшихся национальной культурой. Как отмечает Э. Фукс, XVIII столетие — это век галантности, рафинированности, кокетства, откровенного либертинажа и сентиментальности[10].

Петровская эпоха, вобравшая в себя культурное наследие предыдущих столетий, бесспорно, стала переломным моментом в истории русской словесности Нового времени. Эпохальным событием стала официальная секуляризация русской культуры, то есть литературный процесс стал носить светский частный характер, независимый от церкви. Как отмечает исследователь А. М. Панченко, в связи с «обмирщением культуры» снимается средневековый запрет «на смех и любовь»[11]. В свете культурных реформ появляется новая художественная литература, в функции которой входит не только развлекать читателя, но и создавать новый тип личности писателя, героя и читателя одновременно. По мнению А. М. Панченко, «писатель стал частным человеком, а частный человек стал писателем»[12], и в этом заключается глубокий смысл революционного переворота в литературной культуре петровской эпохи.

Новые культурные веяния меняют ранее доминантное религиозное мировоззрение человека на светское, при котором центром внимания становится человек

[5] Сазонова 2006.
[6] Лихачев 1969.
[7] Лихачев 1969, 42.
[8] Сазонова 2012.
[9] Сазонова 2012, 243.
[10] Фукс 1994.
[11] Панченко 1974.
[12] Панченко 1974.

в своем полноценном «естестве» через призму общественной и частной жизни нового героя. А. И. Рогов отмечает характерную черту нового героя — раздвоение между духовным и плотским началами, которое стало основным лейтмотивом барочного искусства[13]. Герой, вплетаясь в ткань литературной психологии барокко, все время находился между «адом» и раем».

А. С. Демин подчеркивает активность, «живость» нового героя[14]. Безусловно, развитие личного начала в искусстве, внимание к личности персонажа — вот основополагающий принцип барокко, который унаследует литература петровского времени и литература последующих эпох.

В целом эстетика барокко послужила одним из важных толчков к обмирщению литературы, вследствие этого появилась новая система жанров и новый герой. Так, М. И. Бельская выделяет любовно-авантюрную повесть как ведущий жанр русской словесности начала XVIII столетия[15]. Исследователь представляет единую классификацию «новых» героев литературы «переходного периода». В частности, М. И. Бельская подразделяет героев с точки зрения этической значимости на положительных и отрицательных, по степени активности — на активных и пассивных, по степени зависимости от локуса — на зависимых и независимых.

Мы считаем, что новый литературный герой петровской эпохи с точки зрения концепции самопознания своего «*Я*» Г. В. Вдовина попадает под определение «персоны». Филологический термин «персона» в переводе с латинского языка означает «маска, роль актера»[16], то есть маска скрывает лицо героя, только поступок-действие характеризует его.

Исследователь Д. С. Лихачев в монографии «Человек в литературе Древней Руси»[17], анализируя древнерусскую словесность, отмечает характерную особенность развития культуры второй половины XVII века и петровского периода: «В изобразительном искусстве открытие ценности человеческой личности проявляется весьма разнообразно: появляются парсуны (портреты), развивается линейная перспектива, предусматривающая единую индивидуальную точку зрения на изображение, появляются иллюстрации к произведениям демократической литературы с изображением «среднего» человека, зарождается лубок»[18].

Исследователь Г. В. Вдовин классифицирует понятие «персона» как отражение некоего социального типа, где «я» личное ещё не выделяется из «мы» общественного. «Персона» тяготеет к «внешнему миру». Ее «*Я*» еще цельно и отделено от «мы», характеризуясь как «идеальная деятельность». «Персона» достойна изображения «самим фактом своего существования»[19].

Исследователь Н. И. Николаев в монографии «Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века»[20] разработал принцип анализа образа «персоны» в драматургии. Так, исходя из концепции Н. И. Николаева, появлению нового активного типа личности способствует «случай» извне, то есть «слу-

[13] Рогов 1978, 6.
[14] Демин 1977, 281.
[15] Бельская 2013.
[16] Губский 1997, 244.
[17] Лихачев 1970.
[18] Лихачев 1970, 146.
[19] Вдовин 2005, 27 - 28.
[20] Николаев 1997.

чай» — это конструкт «внешнего мира», это обстоятельство является своего рода толчком к проявлению «внутреннего мира» человека петровской эпохи. «Человек случая», человек новой формации, почувствовав ощущение свободы, стремился к взаимодействию с «миром внешним», чья деятельность направлена на успех. Как утверждает Н. И. Николаев, ценностная позиция нового героя «в настоящем, в мгновении, в случае»[21], так как «попасть в случай» — это прекрасная возможность для героя петровской эпохи отличиться, выделиться, преуспеть. Итак, по Н. И. Николаеву, «внутренний мир человека» — это еще один аспект человеческого пребывания в мире, по природе своей он самоценен и самодостаточен, органичен миру, но характер его зависит от ценностных установок и этических приоритетов человека в отношениях «Человек — Мир — Бог».

Следует отметить важную характеристику петровского героя, которая будет определяющей для дальнейшего исследования. Так, герой-«персона» ещё не имеет ярко выраженного психологического содержания своего поведения, то есть его действия психологически не мотивированы. Особенно отчетливо это проявляется в русской прозе на примере жанра повести XVII — начала XVIII века.

Для анализа психологического содержания поведения героя-«персоны» важна работа А. Б. Есина «Психологизм русской классической литературы»[22]. А. Б. Есин, основываясь на работах многих исследователей[23], предлагает комплексный метод художественного психологизма[24]. Он выделяет три основные формы художественного психологизма: «прямой» психологизм, «косвенный» психологизм и так называемый «суммарно-обозначающий» психологизм.

Для нашей статьи актуальны форма «косвенного» психологизма, в которой персонаж раскрывается через внешние проявления психологического состояния и «суммарно-обозначающую» форму, для которой характерен прием: чувство названо, но не показано. Форма «прямого» психологизма только начинает прослеживаться через отдельные элементы, например, внутренний монолог героя или письмо, то есть такой психологизм не является доминантным в повестях начала XVIII века.

Агиографические жанры постепенно уступают место светской повествовательной литературе. Жанр повести позволяет наиболее полно репрезентовать новый активный, «живой»[25] тип героя, показать его в действии. Агиографическая литература тоже эволюционировала, например, «Житие Юлиании Лазоревской» для своей эпохи, начала XVII века, — повествование с очень «живой» героиней. По меткому определению Л. А. Черной, «новый герой — светский герой»[26]. Образ нового светского героя, его «внутренний мир» характеризуется внешней активной жизнедеятельностью, которая проявляется в деятельном труде, в стремлении к науке, образованию (Василий в «Гистории о российском матросе Василии Кориотском…»), к богатству (Татьяна Сутулова из «Повести о Карпе Сутулове»), развлечениям, путешествиям (кавалер Александр в «Гистории о храбром российском ковалере Александре…»).

[21] Николаев 1997, 13.
[22] Есин 2003.
[23] Выготский 1968; Гинзбург 1977; Страхов 1973 и др.
[24] Есин 2003.
[25] Демин 1977, 281.
[26] Курилов 1982, 110.

Конечно же, меняется и взгляд на женское «естество» в философии Нового времени. Если ранее, в религиозном христианском мировоззрении, женская природа часто отождествлялась с греховностью, но были и святые жены Древней Руси, то в «светском» контексте красота женщины, ее место и роль в жизни органичны Природе. Новый подход к женской сущности отразился уже в литературе второй половины XVII века. Так, показателен в этом отношении многогранный образ Аннушки из «Истории о российском дворянине Фроле Скобееве». В силу обстоятельств в своих действиях и поступках героиня раскрывает свою сущность. С одной стороны, обманом соблазненной Аннушке все-таки удается спасти свою честь и создать семейный очаг. В этом отношении образ Аннушки можно маркировать как образ устроительницы и созидательницы. С другой стороны, если учесть, что Аннушка соглашается пойти обманным путем, став женой Флора Скобеева, то не чужда ей и личина «жены лихой». Но также нельзя не обратить внимания на христианское смирение Аннушки: когда судьба толкнула ее в руки плута Скобеева, она решила нести этот крест до конца, так как он «вложил жалость в сердце ее»[27]. Для презентации психологического состояния героини автор называет чувство, которое охватило Аннушку, то есть «работает» прием «суммарно-обозначающей» формы художественного психологизма. Имя *Анна* от древнееврейского имени חָנָּה (Ханна) означает «милость, благодать», которую Аннушка подарила Фролу Скобееву. Безусловно, образ Аннушки идеально подходит под категорию «персоны», так как героиня очень «живая», ее действия-поступки направлены на достижение успеха.

Итак, писателей во второй половине XVII — начале XVIII столетия будет интересовать частная жизнь героини.

В русской повествовательной литературе «переходного периода», или барокко, главным героем становится не святой, а светский частный человек. Примечательна в этом отношении «Повесть об Юлиании Лазаревской, или Муромской», которая принадлежит перу ее сына Калистрата Осорьина. Героиня — мирянка, женщина дворянского происхождения, которая своим праведным образом жизни означилась в истории, по словам Ф. Буслаева[28], как идеал матери, достойный литературного жизнеописания.

В результате секуляризации литературного процесса в литературе появляется тема любви между мужчиной и женщиной. Как мы уже говорили выше, в Средневековье женщина в основном воспринималась как родительница. Любовные утехи, не связанные с рождением детей, считались блудом, женщина в таком восприятии рассматривалась как «сосуд греха»[29]. В начале Нового времени любовь между мужчиной и женщиной воспринималась как физиологическое проявление чувства, так как о духовном проявлении любовного чувства говорить пока рано. Но любовные отношения между мужчиной и женщиной грехом уже не считались. В словесной культуре закреплена типичная ситуация таких отношений. Так, герой XVIII столетия пленяется красотой полуобнаженной груди женщины и понимает, что он влюбился, далее, как правило, героиня отвечает на чувство мужчины, они становятся любовниками, — например, в «Гистории о российском матросе

[27] Скрипиль 1948, 236.
[28] Буслаев 1990.
[29] Кузьмина 1941, 134.

Василии Кариотском…» или «Гистории о храбром российском ковалере Александре…». По мнению Л. А. Черной, именно любовь заставляла героев совершать поступки, тем самым формируя новый активный тип героя[30]. Н. И. Николаев утверждает, что появлению нового активного типа способствует «случай» извне: это обстоятельство является своего рода толчком к проявлению «внутреннего мира» человека петровской эпохи[31]. Возникает вопрос, можно ли любовь рассматривать как «случай» извне. Эту ситуацию мы попытаемся проанализировать на материале повести «Гистория о храбром российском ковалере Александре…» любовно-авантюрного характера. Вообще, жанр повести — оптимальная форма для словесного выражения образа нового героя, так как она давала возможность показать его в действии. Более того, О. Л. Калашникова смотрит на «Гисторию об Александре» как на произведение с традициями романной полифонии[32].

Герою повести (гистории) Александру, российскому дворянину, представился «случай» побывать в Европе, чтобы ума-разума набраться и тем самым пополнить ряд людей «новой породы», но женщины сыграли роковую роль в его судьбе. Этот факт подчеркивает значимость женщины в жизни мужчины. Неслучайно и то, что все возлюбленные русского дворянина Александра были иностранками, так как в петровскую эпоху тайное увлечение женщиной-иностранкой было нормальным явлением, не обошло оно и самого Петра I. Объясняется это тем, что европейские женщины уже были свободны в праве выбора возлюбленного, что позволяло им полноценно раскрыть женский потенциал или свою «самость», чего, соответственно, еще не могли дать русские женщины столь передовым и энергичным типам мужчин петровского времени. Следует отметить, что русская «теремная» женщина XVII столетия была «закрыта» для любви.

К слову, образ Александра идеально встраивается в понятие «персона» как категория мужского самосознания в литературе петровского периода. На протяжении всей повести его образ динамичен, его действия-поступки мотивированы чувством долга перед монархом и любовным чувством к женщинам, — последнее оказалось доминирующим. Александр отличается сообразительностью, решительностью, практичностью ума, то есть перед нами типичный представитель передовой молодежи эпохи Петра I. Для презентации психологического состояния героя автор называет чувства, которые охватили Александра, то есть «работает» прием «суммарно-обозначающей» формы художественного психологизма. Действия Александра показывают эмоциональное состояние героя, а также напрямую влияют на судьбу самого Александра и его возлюбленных.

Очень колоритно изображены три героини-иностранки: каждая проявила себя сообразно своему «внутреннему миру». Все герои тайно переживают различные эмоциональные оттенки чувств, действия-поступки приоткрывают «внутренний мир» героя. Как справедливо утверждает Г. Н. Моисеева, писатели Нового времени стремились «правдиво показать любовные чувства героев и героинь, их взаимоотношения и тонкие психологические переживания»[33]. Так, Александр, удивившись красоте лица Элеоноры, на следующий день пишет ей страстное письмо,

[30] Курилов 1982.
[31] Николаев 1997.
[32] Калашникова 2000.
[33] Моисеева 1965, 171.

так как Элеонора разожгла «пламя горячности»[34] в его сердце. После отказа возлюбленной Александр понимает, что безнадежно влюблен, и даже «жесткая горячка»[35] охватила его несколько дней. Итак, любовное чувство можно воспринимать как «случай» извне, который чуть не погубил нашего героя. Александр, получив благоволение Элеоноры, после своей болезни «рече в себе: «Безумен аз естмь! Колико дней проводил втуне ради негодной любви женской, и ни с чем возвращуся в дом отца моего. Не знав поля, не видав неприятеля, и не слышав оружейного стуку, како приближуся монарху моему и коим достоинством пожаловать повелит мя»[36]. Внутренний монолог-рефлексия Александра показывает духовное прозрение, то есть наш герой осознает, что личные заслуги перед Отечеством и государем для него все же важнее, нежели любовь красавицы-«кокетки».

Образ красавицы Элеоноры, олицетворяющей собой модницу-«кокетку» начала XVIII столетия, слегка видоизменяясь, послужит прообразом «щеголихи», «метрессы» в середине XVIII века. Элеонора, оставаясь верной Александру, умирает от этой роковой любви.

Опять же «случай» заставляет Александра спознаться с Гедвиг-Доротеей, которая хотела себя заколоть, если Александр не ответить на ее любовь. Александр, удовлетворив похоть Гедвиг-Доротеи, оставляет ее.

В Париже наш герой-любовник влюбляется в красавицу Тиру, которая посредством своих поступков проявила смелость, решительность, преданность характера. Не будучи женой Александра, Тира отправляется с ним в Россию. Во время путешествия роковой «случай» губит Александра. Увидев Александра мертвым, Тира, не раздумывая, убивает себя, чтобы быть вместе с возлюбленным. Автор сочувственно описывает мятущийся «духовный мир» героини:

Умри, бесщастнейшая Тира, зря на любезнаго.
Се твоя едина утеха и радость полезна
А житии будет на свете жизнь слезна[37].

Далее автор подробно описывает кончину Тиры: «И изрече сие, пад на мечь, сама себя поразила, и тело Александрово кровию своею обагрила. И купно прекрасная Тира с любезным ляже, ныне в землю имут общую ложу».[38] Итак, любовь подтолкнула к смерти сильную духом героиню. Образ преданной Тиры находит свое отражение в древнерусских образах «добрых» жен. В контексте данной повести образ Тиры можно охарактеризовать как верную спутницу жизни; позднее, в эпоху сентиментализма, он трансформируется в образ жены-подруги, например, образ Лизы в стихотворении «Лилея» (1795) Н. М. Карамзина.

Любовь к Александру заставляет уже замужнюю Гедвиг-Доротею совершать мерзкие поступки, от которых она сама и погибает. Автор очень лаконично передает эмоции Гедвиг-Доротеи, когда она увидела мертвых Тиру и Александра вместе: «…Гедвиг-Доротея, взирая на Александра, сице рече: С кем, любезный Александре, почиваеш? Надеюс, что и сам не знаеш! О непотребный, что еси учинил, францускую девицу, блять, с собою положил! Верная Гедвиг-Доротея могла

[34] Моисеева 1965, 217.
[35] Моисеева 1965, 219.
[36] Моисеева 1965, 221.
[37] Моисеева 1965, 292.
[38] Моисеева 1965, 292.

бы быть с тобою, которую ты обленился взяти с собою”»[39]. «Ядовитый» монолог Гедвиг-Доротеи показывает «черную» душу героини. Страшный и трагический конец, который передает негативное отношение автора, уготован злой героине: «Тогда знатно, что великая в ней была злоба, ибо взяла Тиру за власы, и извлекла из гроба на край горы яростно. И абие сама споткнувся с высоты, низу падши, главу свою сломила. И в той злости жизнь свою окончила»[40]. Образ Гедвиг-Доротеи восходит к образу «злой жены» в древнерусской словесности и предвещает, по терминологии Ю. М. Лотмана, «демонический» образ женщины конца XVIII — начала XIX века.

Итак, формула петровского времени «попасть в случай» определяла судьбу героя, давала возможность выделиться, продвинуться в передовые ряды новых героев эпохи. В контексте данной повести «случай» — это любовное чувство, которое охватило наших героинь, толкнуло их на поступки, тем самым раскрывая «внутренний мир» каждой. Для презентации психологического содержания поведения героев в повести использованы форма «косвенного» психологизма, то есть герой являет себя через действие по преимуществу, «суммарно-обозначающая», в рамках которой автор постоянно констатирует чувства, которые охватили героев повести, и элементы «прямого» психологизма.

С точки зрения концепции самопознания своего «*Я*» Г. В. Вдовина наши героини попадают в категорию «персоны», которая достойна изображения «самим фактом своего существования»[41]. Автор представил нам три женских образа начала XVIII века, генетически восходящих к образам древнерусской словесности, прежде всего к образам «доброй» и «злой» жены. Образ Элеоноры-«кокетки» не имеет корней в древнерусской словесности, так как этот тип был рожден петровской эпохой по преимуществу.

Грядет эпоха Просвещения, сентиментализм с культом «чувствительности» Н. М. Карамзина. Женский образ «кокетки» постепенно трансформируется в образ «модной жены». А вот образ «доброй жены» трансформируется впоследствии в образ «разумной россиянки» и в образ «женщины-друга».

ЛИТЕРАТУРА

Бельская М. И. 2013: Русская любовно-авантюрная повесть конца XVII–XVIII вв: проблемы поэтики: автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. Орел.

Буслаев Ф. 1990: О литературе: Исследования; Статьи. М.

Вдовин В. Г. 2005: Персона — Индивидуальность — Личность: Опыт самосознания в искусстве русского портрета XVIII века. М.

Выготский Л. С. 1968: Психология искусства. М.

Гинзбург Л. Я. 1977: О психологической прозе. М.

Губский Е. Ф. (ред.) 1997: Философский энциклопедический словарь. М.

Демин А. С. 1977: Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М.

Есин А. Б. 2003: Психологизм русской классической литературы. М.

[39] Моисеева 1965, 293.
[40] Моисеева 1965, 293.
[41] Вдовин 2005, 27–28.

Калашникова О. Л. 2000: Русская повесть первой половины XVIII века и западноевропейская литературная традиция. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.library.by

Кузьмина В. Д. 1941–1956: Повести Петровского времени // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.

Курилов А. С. (ред.) 1982: Русский и западно-европейский классицизм. М.

Лихачев Д. С. 1970: Человек в литературе Древней Руси. М.

Моисеева Г. Н. 1965: Русские повести первой трети XVIII века. Л.

Николаев Н. И. 1997: Внутренний мир человека в русском литературном сознании XVIII века. Архангельск.

Панченко А. М. 1974: О смене писательского типа в Петровскую эпоху. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://panchenko.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2334

Рогов А. И. (ред.) 1978: Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М.

Сазонова Л. И. 2006: Литературная культура России. Раннее Новое время. М.

Сазонова Л. И. 2012: Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М.

Скрипиль М. О. 1948: Сатирико-бытовые повести // История русской литературы: в 10 т. М.; Л. 228-239.

Страхов И. В. 1973: Психологический анализ в литературном творчестве: в 2 ч. Саратов.

Тюпа В. И. 2007: Классическая парадигма и любовный дискурс (начальный этап творчества Тредиаковского) // Вестник РРГУ. 7, 9–27.

Фукс Э. 1994: Иллюстрированная история нравов: Галантный век. М.

«PERSON» AS A CATEGORY OF WOMEN'S SELFCONSCIOUSNESS IN RUSSIAN PROSE AT THE END OF THE 17th — THE EARLY 18th CENTURY

T. A. Alfer'eva

In the context of modern times, the end of the 17th — the beginning of the 18th century, a new literary culture, which resulted in a new hero appears. We believe that a new literary hero (heroine) Petrine era in terms of self-concept of the «I» G. V. Vdovin falls under the definition of «person.»

Key words: The 18th century, Russian prose, «person», female image

© 2014

О. В. Тимашова

КОМЕДИЯ «РАЗДЕЛ» (1853) В ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РАННЕГО А. Ф. ПИСЕМСКОГО И В КОНТЕКСТЕ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННИК»

Статья содержит целостный внутренний, сопоставительный и историко-сопоставительный анализ одной из наименее изученных комедий А. Ф. Писемского — «Раздел» — и касается вопросов концептуального характера в области индивидуальной поэтики раннего творчества драматурга и истории русской журналистики середины 1850-х гг.: законов построения, проблематики, предмета сатирического разоблачения в ранней драматургии Писемского; а также места пьесы «Раздел» на страницах журнала «Современник», хроники и характера сотрудничества писателя в журнале, причин идейно-художественных расхождений между ним и редакцией

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, пьеса «Раздел», жанр комедии в творчестве Писемского, И. С. Тургенев, пьеса «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ», журнал «Современник», Н. А. Некрасов, тема тяжбы за наследство в русской драматургии XVIII-XIX вв.

Изучение пьес как важнейшей части творческого наследия писателя и драматурга середины XIX века Алексея Феофилактовича Писемского (1821–1881) велось в трудах Б. Н. Алмазова[1], И. Анненского[2], В. Я. Лакшина[3], А. И. Журавлевой[4], М. П. Еремина[5] и др. Защищена посвященная вопросу диссертация Л. В. Маньковой[6]. На сегодняшний день исследованы индивидуально-поэтические и постановочные аспекты драмы «Горькая судьбина» (1859), являющейся венцом драматургической деятельности Писемского; изучена поэтика поздних драм исторического («Самоуправцы», «Поручик Гладков») и обличительного («Ваал», «Просвещенное время», «Финансовый гений») характера. Менее привлекали интерес исследователей ранние комедии: «Ипохондрик» (1852) и «Раздел» (1853).

Причиной мы считаем невысокое значение, которое придавалось проблематике ранних пьес. Л. В. Манькова делит драматургическое наследие Писемского на три временных «цикла», из которых о первом говорится как о сугубо «бытовом»: «…В пятидесятые годы он <Писемский> пишет пьесы из быта поместного дворянства и крестьянского быта…»[7]

Тимашова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного классического университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: kirlif@info.sgu.ru

[1] Алмазов 1875, 455–456.
[2] Анненский 1979, 46–59.
[3] Лакшин 1959, 94–97.
[4] Журавлева 1988.
[5] Еремин 1958, 5–35.
[6] Манькова 1986.
[7] Манькова 1986, 10.

Современные ученые заявляют о преобладании в его драме социального конфликта: «Причину… зла он <Писемский> видел не в естественной природе человека, а в социальной структуре общества…»[8]. Конфликт в их трактовке близок просветительскому, поскольку строится на столкновении «природных *(по логике исследовательницы, положительных — О.Т.)* и социальных *(отрицательных — О.Т.)* сил, их борьба и образует психологические сюжеты его пьес»[9]. Однако писатели, обратившиеся к исследованию творчества Писемского на рубеже XIX-XX вв., усматривали индивидуальность его пьес в интересе к внутренней борьбе роковых «страстей» («верное воспроизведение темных сторон человеческой природы»[10]), в условиях их приятия либо неприятия современным автору обществом.

Таким образом, до сих пор сохранили актуальность вопросы, касающиеся типологических аспектов драматургии Писемского в ранних его пьесах. В связи с этим представляется необходимым выявить генетические основы творчества и учителей Писемского.

С другой стороны, появление комедии знаменовало начало сотрудничества Писемского с «Современником», спровоцированное его редактором, Н. А. Некрасовым. Как вспоминал Алексей Феофилактович, «по литер.<атурным> делам… сходился… с “Современником”, который *сам… предложил мне…» (Курсив мой — О.Т)*[11]. Наш анализ призван подтвердить предположение, что сближение Писемского и Некрасова в середине 1850-х гг. явилось актом программным и питалось взаимным ощущением необходимости перемен, вызванным творческим и идейным кризисом автора и журнала.

Писемский заинтересовал редакцию «Современника» тотчас после появления в «Москвитянине» его первой острозлободневной повести «Тюфяк», и в «Обозрении русской литературы за 1850 год» он, несмотря на то что публиковался к тому времени только раз, «исчисляется» В. П. Гаевским в ряду «лучших наших повествователей и романистов действующих»: «Гончаров, Григорович, Дружинин, *Островский, Писемский* …, Соллогуб, Тургенев» *(Курсив автора — О.Т.)*[12]. Имена Островского и Писемского как многообещающих дебютантов даны курсивом («только в прошлом году появились»)[13].

На протяжении 1850–1853 гг. не было ни одного произведения Писемского, которое не удостоилось бы благосклонного отзыва «Современника». Анализ этой и позднейших рецензий «Современника» позволяет также доказать, что, усмотрев в идеях и образах Писемского близость своим взглядам, петербургский журнал давно вел искусную кампанию по отторжению его от «московского издания». Так можно думать, отмечая постоянные противопоставления Писемского Островскому как более даровитого, но недооцененного писателя. Так, например, рассуждая о верности вкуса публики, Новый поэт (И. И. Панаев) приводил следующий пример: «С какою радостию она встречает произведения автора “Тюфяка”, воз-

[8] Манькова 1986, 14.
[9] Манькова 1986, 14.
[10] Анненский 1979, 49.
[11] Писемский 1936,111.
[12] Панаев 1851, 34.
[13] Панаев 1851, 34.

буждающего в ней сильное участие к своему таланту — и ей неприятно, если ея ожидания и надежды… не осуществляются людьми, которых она встретила с… одобрением, как, например, *автора одной известной комедии…»*[14] *(Курсив автора — О.Т.)*. Это, в свою очередь, не могло не льстить Писемскому, обиженному вторым местом, которое «закрепил» за ним в «Москвитянине» его ведущий критик Ап. Григорьев.

Н. А. Некрасов возлагал надежды на нового автора как возможного ведущего беллетриста. Из пяти его произведений три открывали новогодние выпуски журнала («Богатый жених» в 1852 г. (№№1–4, вторая часть), «Раздел» в 1853 г. и «Виновата ли она?» — в 1855 г.). В сближении с «Современником» и Писемский искал выход из кризиса, сложившегося в его отношениях с «Москвитянином». Об этом свидетельствует письмо, написанное Алексеем Феофилактовичем по итогам первой личной встречи. «В отношении Петербургских Литтераторов… скажу откровенно, что они… понравились мне лучше Московских, не тартюфят..., тогда как там *(в «Москвитянине» — О.Т.)* встречаешь лицемерие, ханжество и… бессмысленное славянофильство …»[15], — делился Писемский впечатлениями от первой встречи с А. Майковым. Но многообещающие литературные отношения обернулись взаимным разочарованием. Из послания А.Н.Островскому от 1857 г. узнаем об окончательном разрыве: Писемский «…сам… отказался <от сотрудничества>, и… вышло лучше, потому что вместо жулика Некрасова буду иметь дело с … Печаткиным» *(издатель “Библиотеки для чтения” — О.Т.)*[16]. Из этого же письма становится ясно, что причиной отторжения стали не одни денежные разногласия, но принципиальные расхождения в оценках человеческой природы и возможности ее исправления.

«Раздел», «комедия в четырех действиях», открывшая собой январский номер «Современника» за 1853г., — первая драма писателя, опубликованная в этом журнале и одно из первых созданий, над которым начал работать Писемский, вступив в состав его редакции. Молодой автор понимал, что именно со сцены будут услышаны публикой его идеи: «Писатель без сцены не может сделаться популярен…»[17].

Свои программные взгляды на драматургию Писемский сформулировал в письме А. Н. Островскому, передавая, «что чувствовал и мыслил» при знакомстве с «Банкрутом» (1850). В его формулировке «основной идеи» сюжетного развития драмы Островского повторяется ключевое для Писемского понятие «эгоизма» как одного из вариантов личных страстей, не ограниченных рамками образования и существующих законов: «Необразованность, а вследствие ее совершенное отсутствие … нравственных правил и грубый *эгоизм* … обнаруживается в каждом лице и все события пиэсы уславливаются тем же бесчестным *эгоизмом*, т.<о> е.<сть> замыслом и исполнением ложного банкрутства» *(Курсив мой — О.Т.)*[18]. В ряду основных приемов создания характеров он выделяет бытовые поступки и речевые характеристики — скупые, однозначные, но и всеобъемлющие: «В том месте, где

[14] Панаев 1851, 145.
[15] Писемский 1936, 62.
[16] Писемский 1936, 111.
[17] Писемский 1936, 547.
[18] Писемский 1936, 25.

Расположенский отказывается пить вино и просит заменить его водкою, он обрисовывает всю… грязную жизнь». Писемский ратует за быстрое развитие действия и проникновение зрителей в намерения действующего лица: «У вас был монолог Большова, в котором высказывал он свой план <«ложного банкрутства»>, … он еще яснее мог бы обозначить личность Банкрута... и, кроме того, уяснил бы… события пьесы»[19].

В развитии драматического действия его привлекают эффектные явления, как, например, «драматическая сцена посаженного в яму банкрута в доме его детей, которые… отказываются платить за него…». В их создании драматург должен ориентироваться на широкие круги «театральной публики», постоянное взаимодействие сцены и зала: «Зачем Вы мать заставили бегать за танцующей дочкою <…>. Вы, конечно, имели в виду театральную сцену и зрящий на нее партер»[20].

После выхода «Москвитянина» с его первой комедией «Ипохондрик» (1852) — о мнительном помещике, вообразившем себя умирающим, — журналы поместили разбор пьесы на своих страницах. Однако дельных указаний, по мнению автора, почти не последовало: «…“Библиотека для чтения” наговорила вздор…; “Отеч.<ественные> записки” отозвались желчно …»[21]. «Отечественные записки» перевели разговор в моральную плоскость, поставив проблему изображения нездорового человека в литературе: «...Искать сюжет комедии в физической болезни человека — потому что ипохондрия есть болезнь... — мысль, ... более странная, ... нежели смешная»[22].

Указание на значительный, «уважаемый им» талант, но ничтожный сюжет отличало отзыв Нового Поэта (И.И.Панаева). Он отказывался видеть завязку в изображении человеческой причуды и интерес — в исследовании этой причуды и реакции на нее: «Лишенная живого и занимательного действия, из которого вытекала бы ... завязка, — пишет он, — комедия г. Писемского в частностях имеет, однако, большие достоинства»[23]. Рецензент «Современника» указывает, что все ее лица имеют значительный драматический потенциал: «Прохор в силе, Ваничка в богатстве, … сестрица… с более честолюбивыми видами, заставили бы нас смеяться иным смехом»[24].

Замечание Нового поэта, очевидно, уязвило драматурга еще и потому, что он был отчасти с ним согласен. Писемский вспоминал о нем, перечисляя «вздорные» и «желчные» отзывы остальных органов о его пьесе: «Современник» «сказал, что в Комедии <”Ипохондрик”>, нет… завязки, из которой бы все вытекало, может быть, это и справедливо…»[25].

Стремление реабилитироваться звучит в постскриптуме послания Некрасову с предложением к печати новой драмы (12 августа 1852г.): «В последней моей комедии <”Раздел”> я избежал недостатка 1-й <”Ипохондрика”>, т.<о> е.<сть> отсутствия анекдота…»[26]. Основная работа пришлась, очевидно, на весну-лето

[19] Писемский 1936, 26.
[20] Писемский 1936, 26.
[21] Писемский 1936, 545.
[22] Писемский 1853, 3.
[23] Панаев 1855, 191.
[24] Панаев 1855, 192.
[25] Писемский 1936, 545.
[26] Писемский 1936, 53.

1852 г. В послании Островскому от 20 марта 1852 г. писатель заявляет: «Задумываю… большую комедию: сюжет, или анекдот готов, а это для меня самое трудное…, в характерах не затруднюсь»[27].

«Трудность» выбора «анекдота» состояла, очевидно, в желании представить общественный, социально заостренный сюжет, за отсутствие которого в «Ипохондрике» и критиковал его И. И. Панаев. К 20 июня того же года «анекдот» был найден, и автор сообщил М. П. Погодину: «…Есть в голове моей план комедии под названием “Раздел наследства”, где хочется выразить жадность… наследников, прикрытую обычной фразой: “мне ничего не надобно”…»[28]. Позднее, 12 августа, в послании Некрасову Писемский смог уже изложить «подробности содержания»: «Опасаюсь только цензуры…: осмеяна <в пьесе>… мелочная жадность, которая так ярко и… комически высказывается при подобных случаях… После смерти старого холостяка… съезжаются делить имение его родные…»[29]. Хотя теперь конфликт носит характер коллективного и общественно обусловленного, Писемский не отступил во второй пьесе от законов собственной драматургической поэтики. Писатель вновь ищет ситуацию неизбежного и «яркого» столкновения личных амбиций, при которой проявляются, как сказано в послании М. П. Погодину, вечные «страсти человеческие». Об этом стремлении отыскать универсальную для современного обывателя «лакмусовую бумажку», разоблачающую благопристойных в чужих (и своих) глазах господ, говорит начало эпиграфа журнальной редакции: «Немногое так неприятно видеть в человеке, как мелкую корысть, и нигде она так… не выказывается, как при разделах наследства…»[30].

Во второй пьесе конфликт провоцирует не причуда индивидуального характера (Дурнопечин с его мнительностью), а распространенное и законное с точки зрения государства стремление — получить часть имущества умершего родственника. Никто не замечает уродства ситуации, при которой наследники должны радоваться смерти близкого. Уверенность в том, что новая комедия «придется ко двору» в «Современнике», вкупе с преждевременными опасениями о ее цензурной судьбе, могла объясняться еще одним обстоятельством, на которое не обратили внимание исследователи. Хотя тема тяжб, раздела наследства достаточно распространена в русской драматургии XVIII–XIX вв. (вспомним «Бригадира» Д. И. Фонвизина (история Добролюбова), «Ябеду» В. В. Капниста) — наиболее близкой по времени и тематике является одноактная комедия И. С. Тургенева «Завтрак у предводителя» (опубл. 1856 г.). В журнальной редакции 1849 г. она носила название «Завтрак у предводителя, или Полюбовный дележ» (ср.: «Раздел наследства»). Пьеса эта, несмотря на запрет ее печатания в «Современнике», с успехом шла на сценах Петербурга и Москвы в 1849–1850-х гг., и в частности в бенефис знаменитых драматических актеров, гордости московской сцены И. Самарина и В. Живокини зимой 1850г. И в дальнейшем в ней блистали близкие «Москвитянину» актеры Щепкин, Садовский, в Петербурге — Мартынов. Кроме того, как отмечают исследователи, «несмотря на цензурный запрет, “Завтрак у предводи-

[27] Писемский 1936, 49.
[28] Писемский 1936, 543–544.
[29] Писемский 1936, 52.
[30] Панаев 1853.

теля”, … театральная… редакция… распространялась в нелегальных копиях...»[31]. Таким образом, Писемский мог увидеть пьесу еще незнакомого ему писателя в один из своих регулярных визитов в Москву из Костромы, где тогда служил, либо получить из литературных и театральных кругов, близких «Москвитянину», ее рукописную копию.

Тургеневская бытоописательная сценка, «характернейшая для мелкопоместной дворянской среды»[32] не могла не привлечь Писемского как изображенным в ней обществом, так и конфликтом. В отзывах на «Завтрак…» достоинства пьесы характеризуются определениями, которые кажутся взятыми из статей, посвященных социально-бытовому мастерству Писемского: умение набросать яркую картину быта и уловить распространенные в обществе лица («Все это типы… достойные карандаша Гогарта и кисти Каллота»)[33].

В обеих пьесах грязные страсти разгораются при дележе между близкими людьми после смерти бездетной тетушки (у Писемского — дяди). Везде наследники стремятся вовлечь в свои интриги окружающих (у Тургенева — кучера Кауровой и «кружевниц» Беспаднина, у Писемского — лакеев и ключницы покойного барина, его воспитанника). В той и другой усилия примирить враждебные интересы оказываются тщетными, и тем мотивируется минорный финал.

Писемский делает ряд существенных переакцентировок. С фактической стороны он увеличивает куш, достающийся небогатым наследникам: «сто тысяч рублей», несколько крупных имений, — что делает их спор объяснимым и мотивированным в своей беспощадности. Он усложняет интригу за счет увеличения числа наследников «мужеска пола» («брат Кирило Прокофьич», «брат Иван Прокофьич», «племянник Сергей Васильич») и дам («сестра Анна Прокофьевна, убеждающая… в своей доброте и родственной любви», «племянница Амалия Петровна … с очень беспокойным характером»)[34]. Одновременно Писемский исключает побочную интригу: соперничество нынешнего предводителя, Балагалаева, и старого, Пехтерьева, которое стало одной из причин неудавшегося раздела у Тургенева.

Но главным полемическим мотивом, подвигшим Писемского в пику теперь уже коллеге по журналу создать *свою* пьесу, мог быть вопрос, вынесенный в название и продублированный в финальной реплике судьи Суслова: «Вот тебе и полюбовный дележ!»[35]. Это вопрос о пределах и путях обуздания «страстей человеческих».

Наследники, как стая хищных зверей, могут на время примириться, пока вместе «разыскивают пропавшие после покойника деньги, нападают на воспитанника»:

Анна Ефремовна. Это превышает всякое вероятие. Братец Иван Прокофьич, что вы намерены предпринять?

Иван Прокофьич. Отберем-с…показания и, сообразно с ним, будем разыскивать.

---

[31] Тургенев 1979/3, 395.
[32] Тургенев 1979/3, 388.
[33] Кони 1850, 26–27.
[34] Писемский 1936, 52–53.
[35] Тургенев 1979/3, 39.

Кирило Семеныч. Непременно надобно этак сделать!

Эмилия Петровна. Если бы я предполагала, что тут так будут воровать…[36]

Но, когда «приступают к разделу», как отмечает автор в письме-заявке Некрасову, «за каждую… чашку шум, спор»[37]. Алчность разделяет людей, не отличая пола, возраста, образования. В борьбе за наследство обнажают неприглядное психологическое нутро и Иван Прокофьич, «умный, хитрый, с железным характером», и Кирило Прокофьич, «смирный и глуповатый, но инстинктивно *своего не упустит*»[38] *(Курсив мой — О.Т.)*, и просвещенный «московский хват», и пожилая вдова, и молодая дама. Таким образом, интерес пьесы сосредотачивается на внешних, но оригинальных и многообразных проявлениях одной «страсти».

Напротив, у Тургенева «сумасбродство» наследников, мешающее разделиться, очевидно окружающим. В нем обвиняются оба полуграмотных помещика, брат и сестра («Это у них в роду, Николай Иваныч…»). Но именно претензии «бестолковой» Кауровой, предшественницы «забитых существ» Чехова, делаются причиной очередного неудачного собрания. Ее вина очевидна даже для постороннего свидетеля, Алупкина: «Слушай, баба!... Эй, не дурачься! опомнись!»[39].

В веселой тургеневской сценке оказалось достаточно припугнуть глупую вдову, и, не вмешайся хитрый Пехтерьев, раздел состоялся бы: «Каурова *(трепетным голосом).* Согласна, отцы мои, на все согласна…. Все, что угодно, подпишу…»[40]. Со своей стороны, у Беспандина в решающий момент просыпаются родственные чувства; он готов поддержать Анну Ильиничну, хоть и оговаривается, что вступается «вовсе не за сестру… а за честь фамилии»[41].

Писемский, в согласии с программой журнала, усложняет сюжетную линию «бедных людей», невольных жертв разгоревшейся битвы человеческого эгоизма. Тургенев ограничивается комической сценой допроса госпожой туповатого кучера, который и не понимает, какого доноса на ее «братца» от него требуют. «Раздел» начинается с диалога барыни с ее воспитанницей Катенькой (она же «Катишь»), в которой благодетельница требует от девушки снисходительно принимать ухаживания молодого франта-племянника, который в «стачке» с нею. Эгоизм, подобно прилипчивой болезни, развращает окружающих. Челядь: лакеи, кучера, ключница — принимают деятельное участие в «разделе» на стороне своего претендента в надежде на награду, шпионят, наушничают, посылают доносы. Таким образом, название «Раздел», а не «Раздел наследства, или Дележ» приобретает у Писемского обобщенно-символическое значение, указывая, как в «Ипохондрике», на силу низменных страстей, делающих человека эгоистом.

В дальнейшем это убеждение, отличавшее Писемского от писателей-просветителей, найдет отражение в его программной статье о втором томе «Мертвых душ» (1857): «Если б Недорослей, Бригадиров, Фамусовых… поучить и пообразовать, то… авторы и читатели помирились бы с ними». К другому типу писателей он относит Гоголя и себя, говоря о врожденных «болезнях души» своих

[36] Писемский 1958, 157.
[37] Писемский 1936, 53.
[38] Писемский 1936, 52–53 .
[39] Тургенев 1979/3, 319.
[40] Тургенев 1979/3, 319.
[41] Тургенев 1979/3, 319.

персонажей: «…Ноздрев, Подколесин … и *другие* страдают не отсутствием образования, не предрассудочными понятиями, а … посерьезнее, и для исправления их мало школы и цивилизации»[42] *(Курсив мой — О.Т.).*

Вопрос о путях «исправления» драматург выносит в эпиграф пьесы (в дальнейшем он будет снят): «Но, благодаря Бога, ее <“мелкую корысть”>, с одной стороны, ограничивают… законы, с другой — искореняет истинное образование»[43]. В первых двух своих драмах Писемский сосредотачивается на «законных» путях обуздания себялюбия. В «Ипохондрике» «законы» здравого смысла персонифицированы в образе доброй тетушки, в «Разделе» речь идет о законах государственных. В обеих пьесах влияние «внешних» факторов на человеческую натуру кажется автору слабым и неубедительным. С этим связаны и колебания в разработке финалов. В «Ипохондрике», при всех вариантах действий Соломониды Платоновны и ее первоначальном успехе, для зрителя очевидно, что Дурнопечин рано или поздно вернется к своей мании.

Аналогичные варианты, означавшие открытый финал и отсутствие нравственного катарсиса персонажей, Писемский перебирал, завершая «Раздел». В первоначальном замысле, о котором автор сообщал Погодину, «…конец ее <пьесы>… в том, что покойник сам всех разделил и все останутся видимым образом довольны в силу того, что *страсти человеческие при необходимости унимаются…*»[44] *(Курсив мой — О.Т.).* Так уже при первых набросках обдумывался вопрос, вынесенный впоследствии в эпиграф.

В послании Некрасову конкретизируется первый вариант: «… Неудовольствия <между наследниками> идут crescendo… Вдруг известие, что покойник … оставил им по… равной и *небольшой* части…, лица всех вытягиваются, но делать нечего, — и… все мирятся»[45]*(Курсив мой — О.Т.).* В журнальном варианте, возможно под влиянием советов редактора, акцентирован триумф «униженных и оскорбленных»: имение завещано бедному воспитаннику, почти уже обреченному на тюремное заключение за якобы кражу библиотеки (никому из остальных наследников не нужной). Можно догадываться, что Богданов, получив наследство, предложит руку бедной Катеньке и тем спасет еще одну жертву.

Но самого Писемского не удовлетворил и это финал. В 1874 г., готовя к печати новое издание своих сочинений, он снова обращается к произведению двадцатиоднолетней давности. Драматург снимает внешнюю благополучную развязку и рассматривает обратную сторону разворачивающегося конфликта, показывая, к чему приводят «страсти», не стесняемые ни внешней волей, ни внутренней культурой.

Если у Тургенева несогласие наследников разрешается временным изнеможением предводителя (реплика Суслова: «…Вот погоди, он *(Балагалаев — О.Т.)* оправится, мы засядем в преферанс» [46], — у Писемского столкновение человеческих эгоизмов неизбежно ведет к трагедии. Действие 5 явл. XVI заканчивается, как в античной драме, неизбежной гибелью одного из героев «за сценой»:

---

[42] Писемский 1959, 9, 526.
[43] Писемский 1853, 19.
[44] Писемский 1936, 543–544.
[45] Писемский 1936, 53.
[46] Тургенев 1979/3, 390.

Матвеевна *(вбегая)*: Отцы мои, что творится! Сергей Васильич… с кольями и дрекольями пошел на Ивана Прокофьича. Тот на скотном дворе заперся и скотинку начал колоть, а тот с ружьем на него идет…

Раздается ружейный выстрел.

Все женщины и Кирило Семеныч. Ай!..[47]

Некрасов принял ее благосклонно, как выражение позиции «Современника», но только на фоне слабых творений переживавшего в кризис журнала, о которых «не стоит говорить»[48]. Сам тон редактора доказывает, что Писемский принципиально не изменил свои драматургические принципы.

В начале 1850-х гг., в «Ипохондрике» и «Разделе», начинает складываться драматургическая система Писемского, которая затем, с подачи П. В. Анненкова, получит тонкое определение «социального памфлета». Современники противопоставляли «Раздел» «Ипохондрику», в котором проявилось, по его собственным словам, «отсутствие анекдота». На самом деле мы имеем дело с единством завязки, заключающейся, как во всех последующих пьесах Писемского, кроме «Ветерана и новобранца» и «Горькой судьбины», в проявлении человеком некоей физической или нравственной слабости. В «Ипохондрике» такой слабостью, завязывающей действие, становится мнительность персонажа, в «Разделе» — смерть. И в том, и в другом случае перед окружающими неожиданно открывается возможность поживиться на чужой счет благами цивилизации, как перед стаей зверей — жирным куском дичины.

В дальнейшем драматург усложнит мотивировки действий толпы, выдвинув в качестве всеобщего искушения — «Ваала, или Поклонение золотому тельцу». Эта всеобщая погоня поколения шестидесятых-семидесятых за мгновенным обогащением, хотя и спровоцированная социальными условиями пореформенного времени: свободой биржевых махинаций и легкостью афер, — затрагивает в душе те же вечные низменные «страсти». Не случайно характеристика, данная П.В.Анненковым поздней драматургии Писемского, вполне распространяется на исследованные нами ранние пьесы: «Цели и приемы литературного памфлета... состоят в том, чтобы довести лицо или событие до высшей степени безобразия <...>. Комедия его “Ваал” рисует оргию современного хищничества почти без литературного прикрытия, с грубостью народного фарса, называющего все предметы по их именам»[49].

Можно утверждать, что пьесы Писемского составляют особую линию в развитии русской драматургии середины XIX века, неразрывно связанную с магистральной, но оригинальную.

ЛИТЕРАТУРА

Алмазов Б. Н. 1875: Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность // Русский архив. 1, 455–456.

Анненков П. В. 1988: Литературные воспоминания. М.

[47] Писемский 1958, 114.

[48] Из письма И. С. Тургеневу: «Получил ты 1 № «Современника» и верно им недоволен, а я … очень <…>. Что ты думаешь о комедии Писемского (“Раздел” — О.Т.)? Об остальном не стоит ни спрашивать, ни говорить» // Некрасов 1987, 402.

[49] Анненков 1988, 487–488.

Анненский И. 1979: Три социальных драмы. «Горькая судьбина». «Власть тьмы». «На дне» // Анненский И. Книги отражений. М.
Еремин М. П. 1958: Писемский — драматург // Писемский А. Ф. Пьесы. М., 5–35.
Журавлева А. И. 1988: Русская драма и литературный процесс. М.
Кони А. Ф. 1850: Рецензия // Репертуар и пантеон. 1850. 1, 26–27.
Лакшин В. Я. 1959: Спор о Писемском-драматурге // Театр. 4, 94–97.
Манькова Л. В. 1986: А. Ф. Писемский — драматург. М.
Некрасов Н. А. 1987: Переписка: в 2т. М.
Панаев И. 1851: Обозрение русской литературы за 1850 год (Романы, повести, драматические произведения, стихотворения) // Современник. 25, 17–18.
Писемский А. Ф. 1959: Собр. соч.: в 9 т. М.
Писемский А. Ф. 1936: Письма. М.; Л.
Писемский А. Ф. 1958: Пьесы. М.
Тургенев И.С. 1978–1983: Собр. соч.: в 12 т. Т. 3. М.

COMEDY “THE DIVIDE” (1853) IN AN EARLY DRAMATIC SYSTEM BY A. F. PISEMSKY AND IN THE CONTEXT OF THE JOURNAL “SOVREMENNIK”

O. V. Timashova

The article contains a holistic internal, comparative and historical and comparative analysis of one of the least studied comedies by A. F. Pisemsky “The Divide” and touches upon the issues of conceptual nature in the sphere of the individual poetics of early work of the playwright and the history of Russian journalism in mid 1850s: laws of imagery, range of problems, the subject to satirical disclosures in early drama works by Pisemsky; and place of the play “The Divide” in the journal “Sovremennik”, chronicle and character of cooperation by the author in the magazine, the reasons of ideological and artistic differences between him and the editors.

Key words: A.F.Pisemsky , the play “The Divide” , the genre of comedy, I. S. Turgenev, the play “Breakfast with the leader, or Amicable Agreement“, magazine “Sovremennik”, N. A. Nekrasov

---

© 2014

О. В. Ахмадрахимова

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ВАРИАНТЫ БАШКИРСКОГО ЭПОСА «ЗАЯТУЛЯК И ХЫУХЫЛУ»

В статье рассмотрены варианты эпоса «Заятуляк и Хыухылу», опубликованные в русских изданиях. Автор делает попытку выявить отличия и общие места в текстах. Особое внимание уделяется изображению главных героев и форме повествования.

Ключевые слова: башкирский фольклор, эпос, вариант, текст, герой

Ахмадрахимова Олеся Вакильевна — аспирантка Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. E-mail: olesyaahmadrahimova@mail.ru

Разные версии башкирского эпоса «Заятуляк и Хыухылу» неоднократно публиковались на русском языке. В свое время к его сюжету обращались такие ученые-краеведы, как В. Даль, Л. Суходольский, Г. Потанин, Р. Игнатьев, Х. Султанов и др. Сохранив основу произведения, они в то же время литературно обработали его. Об этом писали в своих работах М. М. Сагитов, А. Н. Киреев, С. А. Галин, М. Г. Рахимкулов, Ф. А. Надршина, А. М. Сулейманов, Р. А. Султангареева и др.

В статье рассматриваются версии эпоса, опубликованные в русских изданиях в разные годы. Наша задача — выявить отличия и общие места в текстах, прежде всего ориентируясь на сюжетную линию произведения и изображение главных героев.

Впервые сказание о Зая-Туляке, который спустился в подводный мир за прекрасной русалкой, было записано В. И. Далем и опубликовано в журнале «Москвитянин» в 1843 году под названием «Башкирская русалка». В предисловии автор дает информацию о башкирах, их быте, традициях, описывает природу Урала. Также здесь говорится о персонажах башкирских преданий и легенд[1].

Своеобразная версия эпоса была рассмотрена Г. Потаниным в статье «Дочь моря в степном эпосе». Текст интересовал автора лишь в качестве сравнительного материала. Он находит в нем общие черты с западным, монгольским, бурятским эпосом и сказками, останавливается на сюжете об Аполлонии, проводит параллели с «Гэсэр», «Ер туген», «Жиртюшлек». Так- же автор отмечает сходство сказания о Туляке с русской былиной «Садко»[2].

Р. Игнатьев записал версию эпоса от «одного тептяра, в верхнеуральском уезде Оренбургской губернии, который пропел большую часть этой сказки»[3]. Его запись привлекает внимание тем, что называется «Сказка о Сари-Сагибе, сыне Абдрахманове». Автор отмечает, что такая же сказка, с некоторыми отличиями, существует и у уфимских башкир, но только героя там зовут Туляком, сыном Сари-Маркаса.

Интересен текст, записанный и обработанный Х. Султановым, который был опубликован под названием «Зоя-Туляк и Су-Сулу. Башкирское предание». В нем неоднократно упоминается имя Аллаха, а герой представляется религиозным, верующим.

Во всех версиях эпоса в той или иной степени упоминается о детстве главного героя, о его родителях. У версии Х. Султанова уже из названия произведения становится известным имя отца героя — Абдрахман.

В версии В. Даля отец Зая-Туляка — прославленный хан Самар, один из сыновей Чингиса. Это грозный, жесткий человек. Не зная о подлинных причинах бегства Зая-Туляка, он велит выколоть ему глаза.

В тексте С. Султанова отца Заятуляка зовут Сарымаркас и он «богатый скотовод». Последний текст примечателен еще и тем, что здесь даются имена не только главных героев, но и второстепенных персонажей: мать героя звали Гюльзугура, мачеху — Бану, завистливых братьев — Малик и Абуталип.

---

[1] Даль 1981, 21.
[2] Потанин 1892, 2.
[3] Игнатьев 1875, 211.

Во всех рассматриваемых версиях подробно описана охота на диких зверей и птиц. Герой отправляется туда либо со своими братьями[4], либо с товарищами[5], либо с подчиненными своего отца[6]. Заятуляку всегда достаются плохой конь и птица, которые впоследствии превращаются в самых лучших и даже заговаривают человеческим языком[7].

Скрываясь от погони, Заятуляк оказывается на берегу озера Аслыкуль (В. Даль, Х. Султанов) или моря (Г. Потанин, Р. Игнатьев). Здесь он встречает прекрасную деву вод. В записи В. Даля в это время «заря занималась, восток алел, утренние туманы развивались на поверхности Ачулы-куля»[8], тогда как в башкирских вариантах эпоса молодые встречаются темной ночью (ҡараңғы төн)[9].

Во время спора девушка обещает Заятуляку различные подарки: кольцо, гребешок, зеркальце. В записи Г. Потанина имеют место еще два шарфа, в варианте Султанова — драгоценные бусы. Г. Потанин в своей статье обращает внимание на гребешок и зеркало. Он отмечает, что данные подарки бессмыслены, что они никакие услуги герою не оказывают. Автор полагает, что зеркало и гребень предназначались для спасения героя во время бегства от погони. По его мнению, зеркало, будучи брошено, должно было превратиться в море, брошенный гребень — в лес. «Является подозрение, — пишет Г. Потанин, — отъезд Туляка не имел ли вид бегства с похищением, и Чачдархан, отец девицы, не преследовал ли похитителя»[10]. Нужно отметить, что ни одна из рассмотренных версий не подтверждает его предположения. Герой всегда отказывается от подарков, он не похищает подводную деву.

Эпизод с подарком можно назвать одним из устойчивых в эпосе, т.к. о нем говорится во всех рассматриваемых текстах. В версии Х. Султанова упоминается и о подарках Заятуляка. Во время прощания он преподносит тестю сделанные своими руками курай и золотоглавого барана Уртака. Выход из воды многочисленного скота так же представляется как дар. Их дарит молодым повелитель подводного царства, но для получения подарка герой не должен нарушать запрет: ему нельзя поворачиваться назад. Но, услышав за спиной топот, ржание лошадей, он невольно оглядывается и тем самым нарушает запрет. Впоследствии часть скота, еще не ступившая на землю, ныряет обратно в воду.

Интересна запись Х. Султанова, где запрет нарушает Су-Сулу, что отличает данную версию от других. Это не традиционный эпизод: перед выходом скота из воды Су-Сулу несколько раз просит Зая-Тюляка обернуться на шум. Узнав о ее ослушании и нарушении запрета отца, герой так расстраивается, что начинает плакать со словами: «Ведь их бы вышло несметное число до тех пор, пока мы доехали бы до Балкан-тау, а тогда мы были-бы так богаты, что на земле больше не было бы ни одного бедного башкурта»[11]. Отметим также, что в данной версии

---

[4] Султанов 1902, 3.
[5] Потанин 1892, 3; Игнатьев 1875, 207.
[6] Даль 1981, 23.
[7] Игнатьев 1875, 24; Султанов 1902, 4.
[8] Даль 1981, 142.
[9] Башкорт халык ижады 1998, 183.
[10] Потанин 1892, 3.
[11] Султанов 1902, 4.

многократно упоминается национальность героя, говорится, что его родная земля — Башкирия, чего нет в других версиях.

Главное отличие русских версий эпоса заключается в том, что повествование в них идет прозой. В башкирских же записях самые драматические, эмоциональные моменты, диалоги героев даются в поэтической форме. В тексте Х. Султанова имеет место упоминание о песне — восхвалении горе Балкантау. Автор отмечает, что мелодия ее очень трогательна, в ней воспевается тоска юноши по родине. «Глухие звуки курая этой песне придают неимоверную скорбь», — добавляет Х. Султанов[12].

В версии В. Даля привлекает внимание песня русалки, построенная на былинном слоге. Она исполняется в то время, когда Зая-Туляк зовет девушку жить на Балкантау. Песня передает сомнения, тоску русалки. Девушка прощается с родными местами, просит прощения: «Прости, говорит свободнорожденная дочь Ачулы-куля родному озеру, Карагачу лесистому, Ташбуруну каменному, Тирень-колу холмистому! прости, говорит она родным берегам, колыбели своей, Ачулы озеру!»[13]. Здесь невольно вспоминается песня Хыухылу из башкирского текста[14]. Там воспеваются чувства героини, ее любовь. В далевской интерпретации большое место отводится социальным мотивам, делается акцент на любви к малой Родине, русалка просит не доверять людям, любоваться лишь «на свою зорюшку утреннюю, дабы не воротить ее, не любоваться ею в другожды»[15].

В русских версиях значительное место занимают религиозные мотивы. В основном они показаны через образ пророка Хызыра, который появляется в тот момент, когда герою грозит опасность, и учит его волшебной молитве, которая способна защитить «и от оружия, и от огня, и от воды, и от зверя, и от человека»[16]. В статье Г. Потанина уточняется название молитвы — исьми эгзамъ. Впоследствии эта молитва не раз выручает главного героя. Но Хызыр предупреждает: «Ни кому ее не пересказывай, иначе вся сила перейдет от тебя к тому, кто узнает эту молитву, и ты пропал!»[17].

Таким образом, в версиях русских исследователей сюжет башкирского эпоса сохранен относительно полно, а публикация сопровождается небольшими комментариями. Как уже было отмечено, главной отличительной особенностью русских текстов следует назвать то, что они излагаются в прозаической форме и в них неоднократно упоминается о национальности, религии главного героя, описывается его Родина.

ЛИТЕРАТУРА

Башкорт халык ижады 1998: Эпос. Өфө.

Даль В.И. 1981: Повести и рассказы. Уфа.

Игнатьев Р. 1875: Сказка о Сари-Сагибе, сыне Абдрахманове // Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 3, 207–211.

[12] Султанов 1902, 4.
[13] Даль 1981, 29.
[14] Башкорт халык ижады 1998,186.
[15] Даль 1981, 29.
[16] Игнатьев 1875, 210.
[17] Игнатьев 1875, 210.

Потанин Г. И. 1892: Дочь моря в степном эпосе // Этнографическое обозрение. 1–4.
Султанов Х. С. 1902: Зоя-Тулякъ и Су-сулу. Башкирское предание // Самарская газета. 83, 3–4.

RUSSIAN LANGUAGE ALTERNATIVES OF BASHKIR FOLK EPIC "ZAYATULYAK AND HYUHYLU"

O. V. Akhmadrakhimova

The article discloses the alternatives of folk epic "Zayatulyak and Hyuhylu" published in Russian publications. The author makes an attempt to reveal the differences and find common things in the texts. Special attention is paid to the depicting of the main characters and the way of narration.

Key words: Bashkir folk epic, epos, alternative, text, main character

ЛИНГВИСТИКА

© 2014

А. А. Елистратов

КОНТРАСТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ (на английском и русском языковом материале)*

Статья посвящена сопоставительному исследованию некоторых особенностей языковой игры в английском и русском молодежном жаргоне. Сопоставление осуществляется по трем параметрам: по языку-источнику, по моделям создания и по сопровождающую жаргонную языковую игру процессам. Установлено, что в указанных жаргонах наблюдается больше сходств, чем различий.

Ключевые слова: игра слов, языковая игра, каламбур, молодежный жаргон, сленг

Современная социолингвистика уделяет пристальное внимание социальной дифференциации и связанной с ней проблеме социально обусловленных вариантов национального языка. К таковым, безусловно, относится и молодежный жаргон, который отделяется от других языковых форм на основании возраста его носителей. Несмотря на то, что возрастной (социальный) признак является ведущим при определении молодежных жаргонизмов, в языковом отношении существенное значение имеют их внутренние признаки: структурно-семантические, лингвокультурные, ономасиологические, психолингвистические, социолингвистические и пр. Выявлению этих и прочих черт и характеристик молодежных жаргонизмов посвящено огромное количество исследований в русистике последних десятилетий. Перспективность исследований молодежного жаргона во многом обусловлена рядом обстоятельств, среди которых следует назвать насыщенность современной речи жаргонизмами, в том числе молодежными. Это связано с тем, что молодежный жаргон представляет собой особую «кузницу» новых слов и выражений, часть которых со временем проникает в общее употребление, включая литературный язык. Привлекательность жаргонизмов не в последнюю очередь заключается в их структурно-семантической специфике, нередко строящейся на словесной игре, что позволяет жаргонизирующим кратко, точно и эмоционально выразить мысль, вовлечь собеседника в особое игровое пространство, побудить его к участию в нестандартном словотворчестве. В центре настоящей статьи — изучение ряда общих и различительных особенностей языковой игры в жаргоне русско- и англоязычной молодежи. Достижение этой цели

Елистратов Алексей Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Челябинского государственного университета. E-mail: asha91@rambler.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12–04-00045, проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире».

предполагает решение следующих задач: рассмотрение определений языковой игры для выявления ее сути и сути сопровождающих ее языковых процессов; отбор языкового материала из английских и русских источников на основании выделенных признаков языковой игры; контрастивный анализ жаргонизмов на предмет языков-источников, структурных особенностей и сопровождающих языковую игру процессов.

Материал исследования был извлечен из словаря русского молодежного жаргона Т. Г. Никитиной[1] и английских словарей общего сленга[2] посредством сплошной выборки. При работе с языковым материалом отбор был ограничен теми жаргонными единицами, которые формально совпадают с другими словами и словосочетаниями русского и английского языков, вступая с ними в омонимические отношения. Такой подход, в частности, означает игнорирование жаргонизмов, образованных с помощью телескопии и контаминации и представляющих собой новую для данного языка лексему (типа *дурмахорка, дирекрот, underfug*). Исследованию подобных лексических единиц должна быть посвящена отдельная статья.

Выбранные из словарей жаргонизмы были подвергнуты контрастированию по следующим параметрам: 1) по языкам-источникам; 2) по моделям создания; 3) по сопровождающим языковую игру процессам.

Краткий анализ некоторых лингвистических работ показывает, что термин «языковая игра» и аналогичные ей языковые явления претерпели формальную и содержательную эволюцию. Так, О. С. Ахманова описывает только «игру слов», которую уравнивает с каламбуром: «то же, что каламбур»[3]. Под каламбуром понимается «фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов»[4]. Сходные определения каламбура приводятся в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой[5] и в энциклопедии «Русский язык»[6].

А. А. Реформатский затрагивает проблематику каламбура и игры слов только в критическом комментарии о роли омонимии. Ученый утверждает, что «омонимы во всех случаях — это досадное неразличение того, что должно различаться. Поэтому положительную роль омонимы играют только в каламбурах и анекдотах, где как раз нужна “игра слов”, в прочих же случаях омонимы только помеха пониманию»[7]. Игра слов тем самым может порождаться омонимией, то есть совпадением звуковой оболочки лексических единиц при несовпадении их семантики.

Ю. С. Маслов, уточняя значение каламбура, добавляет в него признак намеренности создания, поэтому каламбур — это «сознательная игра слов, построенная на возможности их двоякого понимания»[8].

---

[1] Никитина 2009.
[2] Ayto 1998; Spiers 2000; 2007; Dalzell 2009; Thorne 2007.
[3] Ахманова 1966, 165.
[4] Ахманова 1966, 188.
[5] Розенталь, Теленкова 1985.
[6] Ходакова 1997, 174–175.
[7] Реформатский 1967, 89.
[8] Маслов 1987, 106.

В словаре Т. В. Матвеевой термин «игра слов» отсутствует. Его неполным аналогом приходится считать термин «языковая игра», который далее будет использоваться в этой работе. Автор словаря рассматривает каламбур как разновидность языковой игры, превращая его, таким образом, в видовой термин. Каламбур проявляется в намеренно созданном семантически неожиданном созвучии единиц одного контекста. Значение каламбура осложнено за счет двусмысленности, дополнительной эстетической нагрузки и т.д. Он создается посредством созвучных единиц, подменой одной такой единицы другим словом, что в итоге приводит к изменению смысла и сознательному созданию комизма (*роман-опупея*, *трёхтонный словарь*). Каламбур тесно связан с омонимами, паронимами, полисемией, переразложением, намеренно ложной этимологизацией, окказионализмами. Он часто используется в разговорной речи и в рекламе, в сатирических и юмористических произведениях[9]. Сама языковая игра трактуется гораздо шире и по преимуществу с точки зрения прагматики как «речевое поведение с установкой на достижение дополнительных эффектов воздействия, обычно с целью развлечения, забавы, отдыха»[10]. Реализация языковой игры происходит за счет необычных преобразований традиционной звуковой или словообразовательной формы знака для воздействия на партнера по общению. Подвергшаяся модификации лексическая единица включается в новый ассоциативный контекст. Оболочка исходной лексемы трансформируется с помощью изменения сочетаемости и последовательности составляющих ее звуковых элементов, посредством звукосимволизма и звукоподражания, фоносемантических сближений и расхождений, переосмысления, необычных словообразовательных моделей и т.д.[11]

В подробном аналитическом обзоре Е. М. Александровой содержится терминологическое разграничение понятий лингвистической игры, языковой игры, игры слов, каламбура и словообразовательной игры. Лингвистическую игру следует трактовать как совокупность вербальных и невербальных, в том числе паралингвистических средств общения (фонационных, кинетических, графических), используемых для передачи смысловой информации. Языковая же игра ограничена языковой системой и создается с помощью только элементов всех языковых ярусов, чтобы специально породить комический эффект и оказать эмоционально-интеллектуальное воздействие. Английским аналогом термина «языковая игра» признается термин ‘play on words’, или ‘wordplay’. Игра слов относится к разновидности языковой игры, но ограничивается только семантическим ярусом языка. Она не выделяется в особую категорию языковой игры в английском языке за неимением специального термина для ее номинации и, судя по всему, включается в термин ‘play on words’ (‘wordplay’)[12]. Разновидностью игры слов является каламбур (англ. ‘pun’), который базируется на омонимии, паронимии и полисемии, в то время как для игры слов привлекаются все элементы семантического яруса языковой системы[13].

Особое место среди видов языковой игры занимает игра словообразователь-

[9] Матвеева 2010, 138–139.
[10] Матвеева 2010, 551.
[11] Матвеева 2010, 551.
[12] Александрова 2012, 12–13.
[13] Александрова 2012, 18.

ная. Е. М. Александрова указывает, что во всех штудиях по языковой игре наибольшее внимание уделяется словообразованию — разнообразным способам и приемам словообразовательной игры как особым выразительно-изобразительным средствам[14].

Поскольку словообразование составляет основу или, по крайней мере, существенную часть языковой игры, то имеет смысл обратиться к работам по деривации в сфере внелитературных языковых форм. Например, наблюдения Е. А. Земской показывают, что специфика жаргонного словообразования кроется в более частой по сравнению с другими сферами языка реализации игровой, экспрессивной функции. Поэтому многие жаргонизмы являются яркими, образными и выразительными словами, нередко — модифицированными вариантами нейтральных слов литературного языка[15]. Она также отмечает, что в создании жаргонной лексики особое место отводится не только словообразовательным средствам (приставкам и суффиксам), но и разнообразным нетрадиционным способам, основанным на игре слов (каламбуре) и нерегулярных фонетических преобразованиях (ср.: *памятник* ‘член общества «Память»’; *шпора* ‘шпаргалка’; *Горбушка* ‘Дом культуры имени Горбунова’ и др.)[16].

Согласно другим исследователям, для современного словообразования характерны функциональный динамизм, активизация определенных словообразовательных моделей, рост именной префиксации, композитный “взрыв”, широкое использование аббревиации и усечений, обнажение установки на языковую игру[17]. К числу средств создания языковой игры исследователи относят контаминацию, субституцию, ложную мотивацию и дезаббревиацию (ср.: *Азиопа*, *сапогетти*, *йогурт* ‘из йогов, приготовленных гуртом’; *БМВ* ‘бандитская машина воров’; и др.)[18].

Среди формально-семантических особенностей русских и английских жаргонов (прежде всего военного) В. П. Коровушкин отмечает структурную отмеченность (маркированность) жаргонизмов (сленгизмов), которая проявляется в несвойственных литературному языку моделях словообразования. Одной из таких нестандартных моделей является ремотивантная декомпозиция (разложение). В основе образования ремотивантных декомпозитов находятся нарушения стандартной структуры слов или словосочетаний как исконных, так и заимствованных. При этом структура «разрушенного» слова или словосочетания подвергается переосмыслению с привлечением народной или ложной этимологии с возможным участием преднамеренной этимологической игры[19]. Единицы, подвергшиеся переосмыслению, могут принадлежать как к родному, так и к иностранному языку. При этом переосмысление слова или словосочетания сопровождается разнообразными семантическими процессами: метафоризацией, метонимией, эвфемизацией, дисфемизацией, расширением или сужением значения и пр. Большое значение в этом процессе имеет парономазия, которая заключается в полном или частичном

[14] Александрова 2012, 74.
[15] Земская 1999, XVIII.
[16] Земская 1999, XXIII-XIV.
[17] Николина, Фролова, Литвинова 2005, 125–126.
[18] Николина, Фролова, Литвинова 2005, 129.
[19] Коровушкин 2008, 141–142.

фонетическом или морфемном сходстве между изначальной лексемой и пришедшем ей на смену субститутом, как правило, широко известным словом или словосочетанием. Структурная трансформация и переосмысление лексических единиц приводят к обретению ими особой внелитературной маркированности.

Таким образом, игра слов представляет собой комплексное вербальное явление, основанное на сознательной трансформации звуковой оболочки лексических единиц для их полного или частичного уподобления другим словам и выражениям. Созданная подобным образом лексическая единица подвергается переосмыслению, порождая у слушателя новые, чаще всего комические ассоциации. Так как подобное словотворчество возникает, как правило, в неформальных ситуациях общения, то языковая игра обычно реализуется во внелитературных формах существования языка, включая разговорную речь и жаргоны.

Языки-источники игры слов

1. В русском молодежном жаргоне в словесную игру оказались вовлеченными слова и словосочетания из следующих языков[20]:

— русского: *ботва* < ботаника; *комок* < комиссионный магазин; *перепел* < похмелье (< ‘перепил’). В эту группу попали лексические единицы русского языка, намеренно имитирующие слова и словосочетания из других языков: *арбайтен унд копайнен* ‘много работать’; *о’кей* ‘хоккей’;

— английского: *пинки* < группа Pink Floyd; *сенька* < thank you; *чинарик* < китаец (англ. ‘China’);

— французского: *пижон* < автомобиль марки Peugeot; *дрожит бедро* < французская киноактриса Бриджит Бардо;

— грузинского: *Вася из бани* < вино «Вазисубани»;

— испанского: *корвалол* < футболист Д. Карвальо; *Федя Костров*, *Федя Касторкин* < Фидель Кастро; *лосось в Рио*, *лысый в Рио* < испанский музыкальный дуэт «Лос Дель Рио»;

— итальянского: *вырос в мазуте* < итальянский певец Эрос Рамазотти;

— эстонского: *пенис мягкий* < эстонский певец Тынис Мяги;

— иврита: *ноль и фаза* < израильская певица и актриса Офра Хаза.

В английском молодежном сленге игра слов затронула лексические единицы из следующих языков:

— английского: *fig* ‘женственный мужчина’ (букв. *шиш*, *фига, женские половые органы*) < fag ‘гомосексуалист’; *click* ‘небольшая группа друзей или соратников’ (букв. *щелчок*) < clique ‘клика’. В эту группу подпадают лексические единицы английского языка, намеренно имитирующие слова и словосочетания из других языков: *(le) chat* ‘лесть, речь с целью соблазнить’ (фр. *le chat* ‘кот’) < chatting up ‘убалтывание, флирт’;

— французского: *toot sweet* ‘немедленно’ (букв. ‘сладкий кутеж’) < фр. *tout de suite* ‘немедленно’;

[20] Здесь и далее приводятся наиболее вероятные, на наш взгляд, значения лексической единицы, послужившие основой для создания жаргонизма. Мы также отталкиваемся от этимологии жаргонизма, предлагаемой авторами или редакторами словарей.

— немецкого: *Audi!* ‘до свидания’ (букв. *автомобиль марки «Ауди»*) < I am out of here (букв. *я ухожу отсюда*);

— испанского: *Nava-Joe* ‘индеец племени навахо’ (букв. *нава-Джо*) < Navajo ‘навахо’;

— хинди: *charge* ‘гашиш, марихуана’ (букв. *заряд*) < charas ‘марихуана’.

Таким образом, контрастивный анализ модифицированных лексем в жаргоне русской и английской молодежи показывает наличие заимствований из европейских языков — немецкого, испанского, французского. Специфика игры слов русского молодежного жаргона состоит в использовании единиц из итальянского, эстонского, грузинского языков и иврита. В английском молодежном сленге специфика игры слов реализуется в лексеме из хинди.

Модели создания игры слов

1. *Субституция «слово* (стрелка) *слово*», при которой осуществляется цельнолексемная замена переосмысляемого слова с помощью паронимического смещения созвучных самостоятельных слов: *ornamental* (*англ.* ‘декоративный’) [<*англ.* Oriental ‘выходец с Востока’]; *женьшень* [< *рус.* ‘женщина’]; *еловый* [< *англ.* yellow ‘желтый’];

2. *Субституция «словосочетание* (стрелка) *слово»*, при которой изначальное словосочетание меняет свою структуру и превращается в цельное слово: *props* (*англ.* имущество; подпорки) [< *англ.* proper respect ‘должное уважение; доверие’]; *bennies* (*англ.* ‘таблетки амфетамина’) [< *англ.* beneficial rays ‘полезные лучи’] ‘лучи солнца’; *парикмахер* [< *англ.* page maker] ‘программа Page Maker’; *Япония* [< рус. ‘я понял’];

3. *Субституция «слово* (стрелка) *словосочетание»*, при которой происходит разложение переосмысляемого слова на части, каждая из которых паронимически уподобляется самостоятельному слову, в результате чего возникает словосочетание: *geni-ass* [< *англ.* genius ‘гений’] ‘умный и усердный студент’; *Mayor Hunna* (*англ.* мэр Ханна) [< *англ.* marijuana ‘марихуана’]; *березовый сок* [< *рус.* Березовский] ‘олигарх Б. А. Березовский’; *эй, рожа!* [< англ. ‘erasure’] ‘музыкальная группа Erasure’;

4. *Субституция «словосочетание* (стрелка) *словосочетание»*, в результате которой замещению может подвергаться как всё словосочетание с изменением границ слов, так и те части словосочетания, которые воспринимаются как отдельные слова: *furry muff!* (*англ.* меховая муфта; женские половые органы, покрытые большим количеством волос) [< *англ.* fair enough ‘достаточно справедливо’]; *кинь бабе лом* [< англ. can’t buy me love] ‘песня “Can’t Buy Me Love’; *Гриша Старый* [< *англ.* ‘Ringo Star’] ‘музыкант Ринго Стар’; *нортон гад* [< *англ.* Norton Guide] ‘компьютерная программа Norton Guide’.

Словообразовательные и семантические процессы, сопровождающие игру слов

1. Эвфемизация: *hector* (< *англ.* ‘задира, грубиян’) < heck ‘ад’ < hell ‘ад’; *fig* (*англ.* ‘шиш, фига’) < *fag* ‘гомосексуалист’. Однако если при создании этого слова учитывалось табуированное значение ‘внешние половые органы женщины’, то это дисфемизм. Примеры эвфемизмов из русского молодежного жаргона: *педагог* < педераст; *харитон* < харя; *шлюпка* < шлюха.

2. Дисфемизация: *excrement* (*англ.* ‘экскременты’) < excellent ‘отличный’; *сплюнь* < группа «Сплин»; *мерзавец* < автомобиль «Мерседес»; *кал* < г. Калининград.

3. Речевая экономия, в виде усечений и аббревиаций: *cell* (*англ.* ‘клетка’) < cell phone ‘сотовый телефон’; *fiji* (*англ.* ‘Фиджи; фиджиец’) < a member of the Phi Delta Gamma college fraternity ‘член университетского братства «Фита — Дельта — Гамма»’; *cream* (англ. ‘сливки, крем’) < cash rules everything around me ‘деньги правят всем вокруг меня’; *Бес* < футболист В. Бесчастных; *негр* < негражданин (в Латвии); *СПИД* < учебный предмет «Социально-политическая история двадцатого века».

Встречаются усечения начала, середины, одновременно начала и конца слова: *pits* (*англ.* ‘ямы’) ‘самое дно; самое худшее’ < armpits ‘подмышки’; *scream* (*англ.* ‘визг’) ‘мороженое’ < ice-cream; *throat* (*англ.* глотка) ‘прилежный студент’ < cut-throat student; *век* < человек; *Кома* < Кострома; *Катер* < Екатеринбург.

Для создания игры слов к сокращениям часто добавляются различные словообразовательные элементы. Это могут быть регулярные средства словообразования (окончания, суффиксы, приставки), использованные для превращения исходной лексемы в нужное слово: *barbie* (*англ.* ‘Барби’) < barbecue ‘барбекю’; *bessie* (*англ.* ‘Бесси’) < best friend ‘лучшая подруга’; *beamer* (*англ.* сияющий, испускающий свет) < BMW ‘автомобиль марки BMW’; *федя* < эфедрон; *барсики* < футбольный клуб «Барселона» (Испания), *экскурсант* < отчисленный курсант. Но нередко жаргонизмы образуются посредством добавления к сокращениям практически любых языковых формантов для создания нужного слова: *hawkins* (*англ.* Хокинс) < hawk ‘холодная погода’; *армада* < армия; *бабуин* < женщина, баба; *мопеды* < футбольный клуб «Торпедо»; *репей* < репетиция.

4. На создание некоторых жаргонизмов оказала воздействие метафоризация: *Joe* (*англ.* Джо) [< *англ.* Nava-Joe < *исп.* Navajo ‘навахо’] ‘индеец племени навахо’. Слово *Joe* обозначает обыкновенного, среднего мужчину, особенно в сочетании *average Joe* ‘простой, обычный человек’, что явилось мотивацией создания сленгизма.

Charge (*англ.* ‘заряд, заправка’) [< *хинди.* charas ‘конопля’] ‘гашиш, марихуана’. Значение сленгизма подкрепляется значением слова *charge*, которое сближает действие наркотика и разряд электричества.

Mine (*англ.* ‘мина; шахта’) [< *англ.* minus ‘минус’] ‘минус, сопровождающий оценку’. Здесь возможна коннотация опасности (мины), угрозы провала (в шахту).

Метафоризация сопровождает игру слов и в русском молодежном жаргоне: *мерин* ‘автомобиль «Мерседес»’, видимо, по уподоблению автомобиля лошади, а автомобильного гудка — громкому лошадиному ржанию; *Моська-комсомолец* ‘газета «Московский комсомолец»’ — по причине скандальности этого издания, часто «лающего» на официальную власть; *МИМО* ‘МГИМО’ — по причине трудности поступления в этот вуз абитуриента из обычной семьи.

5. В русском молодежном жаргоне ряд слов образован посредством анаграммы: *Макар* ‘футбольный клуб «Амкар» (Пермь)’; *ликер* ‘киллер’; *Баба* ‘группа «Абба»’; *фаршик* ‘шарфик’.

6. Словесной игре часто способствуют нерегулярные, спонтанные и семантически немотивированные звуковые преобразования базовой основы, вызванные

всего лишь звуковыми ассоциациями или рифмой: *george* [< *англ*. gorgeous ‘первоклассный; великолепный’]; *help cat* [< *англ*. hep cat ‘поклонник джаза или свинга; стильный мужчина’] ‘наставник студента’; *plough* [< pluck ‘провалить на экзамене’]; *duke* [< *англ*. puke ‘опорожнять желудок’]; *могила* ‘мобильный телефон, «мобила»’; *эклер* ‘склероз’; *пентиум* ‘оценка «пять»’.

7. Некоторые жаргонизмы, в ходе языковой игры испытавшие структурные трансформации, приобрели особую, вторичную маркированность. Вторично маркированными жаргонизмами мы называем слова и выражения, образованные от изначально жаргонных слов: *боинг* ‘шприц’ < *баян* ‘шприц’; *бухарин* ‘пьяница’ < *бухать* ‘пить спиртное’; *голый Вася* ‘об отсутствии чего-л.’ < *голый вассер* ‘об отсутствии чего-л.’. Обладает вторичной отмеченностью и сленгизм *fig* ‘женственный мужчина’ в изначально табуированном значении ‘женские половые органы’. К этой группе также относятся уже упомянутые сленгизмы *hector*, *hawkins*, *Joe*.

Контрастивный анализ, таким образом, показал однотипность четырех моделей создания новых слов и выражений в жаргоне молодежи, выявил общие (немецкий, испанский, французский) и уникальные (грузинский, иврит, итальянский, хинди, эстонский) языки-источники заимствований, установил, что жаргонная игра в изученном материале сопровождается такими едиными словообразовательными и семантическими процессами, как эвфемизация, дисфемизация, речевая экономия, метафоризация, вторичная маркированность, спонтанные звуковые трансформации и анаграмма. Последняя является уникальной чертой русского молодежного жаргона.

Сопоставительное исследование игры слов молодежного жаргона можно расширить за счет материала из других источников, которые, возможно, предоставят новые, дополнительные данные по всем трем аспектам контрастирования.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Е. М. 2012: Языковая игра в оригинале и переводе (на материале английских анекдотов): учебное пособие. М.

Ахманова О. С. 1966: Словарь лингвистических терминов. М.

Земская Е. А. 1999: Словообразование // Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Около 4500 слов. М.

Коровушкин В. П. 2008: Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолектологического анализа): Монография. Череповец.

Маслов Ю. С. 1987: Введение в языкознание. М.

Матвеева Т. В. 2010: Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону.

Никитина Т. Г. 2009: Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов. М.

Николина Н. А., Фролова Е. А., Литвинова М. М. 2005: Словообразование современного русского языка. М.

Реформатский А. А. 1967: Введение в языковедение. М.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1985: Словарь-справочник лингвистических терминов. М.

Ходакова Е. П. 1997: Каламбур // Русский язык. Энциклопедия / Ю. Н. Караулов (ред). М., 174–175.

Ayto J. 1998: The Oxford Dictionary of Slang. Oxford.

Spiers R. 2000: NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions. New York.

*Spiers R.*2007: McGraw-Hill's Super-Mini American Slang Dictionary. New York.

Dalzell T. (ed.) 2009: The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English. New York; L.

Thorne T. 2007: Dictionary of Contemporary Slang. L.

CONTRASTIVE STUDY OF SOME FEATURES OF THE LANGUAGE GAME IN YOUTH JARGON (ON ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE MATERIAL)

A. A. Yelistratov

The article is devoted to a comparative study of some features of the language game in English and Russian youth jargon. Comparison is based on three parameters: the source language, creating models and processes coming along with jargon language game. It is proved that in these jargons one observes more similarities than differences.

Key words: linguistics, game of words, language game, pun, youth jargon, slang

---

© 2014

В. Ю. Стешевич

СПОСОБЫ ПОБУЖДЕНИЯ 3-ГО ЛИЦА В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы выражения императивной семантики по отношению к 3-му лицу, их сходство и различие с формами 2-го лица и оптативом. Цель статьи — выявление семантической и грамматической неоднородности в двух сравниваемых языках.

Ключевые слова: 3-е лицо, императив, побуждение, русский язык, сербский язык

В отличие от индикатива, где категория лица является согласовательной, в императиве она является семантически значимой, и вопрос о грамматическом и семантическом статусе юссива — форм 3-го л. *(пусть ждут, пускай он войдет)* — остается одним из наиболее дискуссионных вопросов в области исследования императива. Категория лица в императиве несет информацию об Исполнителе или составе Исполнителей прескрипции. Прототипичным Исполнителем является Слушающий, т.е. центром императивной парадигмы являются формы 2-го л. С семантической точки зрения спецификой форм 3-го л. является несовпадение Исполнителя прескрипции (3-е л.) и Получателя прескрипции (который всегда ра-

Стешевич Варвара Юрьевна — аспирантка Института славяноведения РАН. E-mail: mutacumliquida@mail.ru

вен Слушающему, т.е. 2-е л.). С грамматической точки зрения они не однородны формам 2-го л. и в высказывании могут иметь подлежащие.

Детальный обзор существующих точек зрения на проблему 3-го л. императива дан в работе «Семантика и типология императива»[1]. Отметим вкратце, что формы 3-го л. рядом исследователей включаются в парадигму императива (напр., А. А. Шахматовым), либо исключаются из нее (напр., Р. В. Пазухин[2]), либо исследователи считают, что рассматриваемые формы семантически могут быть отнесены к формам императива, но грамматически — нет, поскольку не имеют специфического показателя и являются транспонированными формами изъявительного наклонения (В. В. Виноградов).

В «Русской грамматике»[3] сочетания с *пусть, пускай* рассматриваются внутри раздела о повелительном наклонении и характеризуются как имеющие оттенок пожелания, долженствования или допущения. Точки зрения на то, что формы 3-го л. включены в состав грамматического ядра императива, придерживается ряд современных отечественных ученых[4].

В сербском языкознании также нет единого понимания статуса форм 3-го л. императива и выделяются несколько основных направлений. Михайло Стеванович в грамматике «Савремени српскохрватски језик»[5] пишет, что формы 3-го л. с «союзом» (в терминологии автора) *neka* (prezent s veznikom neka) переносят повеления или пожелания на определенные отсутствующие лица, чтобы те совершили некоторое действие. Также в качестве перезентных подобные формы рассматривает М. Минович[6].

Авторы «Этюдов по типологии грамматических категорий славянских языков»[7] рассматривают формы *neka + 3-е л.* в рамках императива. Точно так же в коллективной работе сербских лингвистов «Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije»[8] формы с 3-м л. причисляются к императивным. Императивные высказывания с формами 3-го л. рассматриваются двояко — по отношению к Слушающему они являются непосредственно императивными (direkto imperativne rečenice), а по отношению к 3-му л. (sagovornik sogovornika kojem treba preneti zapovest) они являются опосредованно императивными (indirektno imperativne rečenice). Эгон Фекете[9] описывает формы 3-го л. как перифрастические конструкции с частицей *neka + презент*.

Отдельно стоит концепция А. В. Исаченко[10], который разграничивает понятия «повелительное наклонении» (императив) и «побудительная модальность» и считает, что в императиве по семантическим причинам 3-е лицо невозможно, а формы с *пусть, пускай* являются свободными синтаксическими конструкциями в индикативе. Рассматриваемые формы не могут быть вовлечены в императивную

---

1 Храковский, Володин 2001, 113-115.
2 Пазухин 1975, 85-89.
3 Шведова 1980/1, 625.
4 Иосифова 2011.
5 Стевановић 1964.
6 Minović 1987, 177.
7 Иванов, Молошная и др. 1995, 79.
8 Piper 2009, 505.
9 Фекете 2008.
10 Исаченко 1960, 477-478.

парадигму, поскольку императив предполагает ситуацию, в которой задействованы только Говорящий и Слушающий: «А «возлагает» действие на В»[11]. В целом мы разделяем мнение А. В. Исаченко о необходимости разграничения понятий «императивность» и «побуждение», считая «императивность» более узким и специфическим, имеющим в основе определенную речевую ситуацию, а «побуждение» — более общим, объединяющим различные речевые цели и интенции Говорящего. Однако в случае юссива имеет место ситуация «А «возлагает» действие на В», где А — Говорящий, а В — Слушающий, действие же, которое Говорящий возлагает на Слушающего, — это побуждение 3-го л. Ситуация косвенного побуждения, когда субъект каузируемой пропозиции не совпадает со Слушающим, может быть описана как ситуация двойного каузирования (или «делегированного побуждения»[12]) — «я каузирую (ты каузируешь Р)». Таким образом, ситуация юссива распадается на две: первая, эксплицитно не выраженная, удовлетворяет всем требованиям императива, включая апеллятивность, вторая — удовлетворяет лишь частично.

Основным признаком императива является речевая каузация действий Слушающего, т.е. ситуация типа «каузирую Р». Наряду со значением каузации необходимыми признаками императива являются апеллятивность и контролируемость действия. Необходимым признаком императивного высказывания является отсутствие дескриптивной функции и ассерции. Точно так же, как и все императивные высказывания, высказывания с *пусть, пускай* не могут быть охарактеризованы по истинности/ложности — это наиболее очевидный признак, объединяющий т.н. «императив 3-го л.» с собственно императивом. Юссив, в качестве разновидности императива, предполагает, что действие осмысляется Говорящим как контролируемое, в отличие от оптатива, который формально может быть схож с императивом, но отличается от него неконтролируемостью действия. Однако семантика юссива занимает промежуточное положение между императивом и оптативом, следствием чего является возможность образовывать формы юссива от глаголов, обозначающих неконтролируемое действие, формы императива которых невозможны или окказиональны (*цвети, пахни* встречаются только в поэтическом тексте, *пусть цветет, пусть пахнет* — регулярные формы).

Рассмотрим подробнее формы юссива, а также схожие с ними, в русском и сербском языке.

1. Формы побуждения 3-го л. в русском языке

1. *пусть + 3-е л. ед. ч. наст. вр.* (контролируемое действие, юссив)

Кому нравится огонь, ***пусть переносит*** на свой участок и ***платит*** за газ, дрова, бензин или чем там его питают.

- *Второй обед для дамы, — произнес он в пространство. — И* ***пусть*** *здесь* ***уберут***.

Пускай *они* ***пьют*** *воду из-под крана.*

Различие между *пусть* и *пускай* незначительное, в толковых словарях они значатся как синонимы, *пускай* имеет стилистическую метку разговорности. Хотя В. В. Виноградов считал, что «пусть выражает волю более решительную… Пу-

[11] Исаченко 1960, 477-478.
[12] Касевич 1990, 89.

скай обозначает скорее допущение, позволение…»[13] Просторечной частицей является *пущай*, диалектной — *нехай*. Обе используются в литературных текстах в качестве художественного приема:

Скажи им, Митрий, на Руси-де едят толстотрапезно, а так, что ж, — насмешка одна. ***Пущай принесут*** *щей, головизны какой, тельное там, другое что...*

Нехай *он сперва* ***взойдёт*** *на этих солонцах, ваш подсолнух.*

Отметим, что диалектная частица *нехай* этимологически родственна сербской частице *neka*, имеющей аналогичное значение.

Референтом данных высказываний является каузируемое действие агенса, который либо эксплицитно выражен, либо известен из контекста.

Н. Р. Добрушина предлагает считать подобные случаи побудительными, хотя, побуждение как таковое здесь отсутствует. «Высказывание с *пусть* является в этом случае не актом каузации конкретного лица, а актом каузации, так сказать, вообще мира»[14].

Подчеркнем еще раз, что в приведенных выше примерах действие 3-го л. рассматривается Говорящим как желательное и контролируемое. Наличие или отсутствие контроля обычно очевидно как для Говорящего, так и для Слушающего, что позволяет использовать одну и ту же грамматическую форму как для императива, так и для оптатива[15].

2. *пусть + 3-е л. ед. ч. наст. вр.* (неконтролируемое действие, оптатив)

Пусть *фантазия* ***не подводит*** *вас.*

Пусть *вас* ***не пугает*** *количество ингредиентов, так как это блюдо очень легко готовится!*

Референтом оптативных высказываний является некое желаемое состояние субъекта или положение вещей. В подобных случаях чаще всего в высказывании имеется поверхностное подлежащее, заполненное абстрактным существительным, не обладающим агентивностью. Говорящий оценивает действие как желаемое, но не зависящее от его усилий, и значение и императивности уступает место оптативности.

Отметим также, что для выражения желательного, неконтролируемого действия есть форма оптатива (т.н. фактитивный оптатив, выражающий пожелание) да + 3-е л. наст. вр., которая в настоящее время является непродуктивной и используется либо в качестве речевой формулы, либо в качестве художественного приема

Да услышит *тебя Господь в день печали и* ***да пошлёт*** *тебе* ***помощь****.*

Да пошлёт *нам* ***небо*** *путь с луной и звёздами!*

3. *пусть + 3-е л. ед. ч. наст. вр.* (контролируемое действие, пермиссив)

При помощи пермиссива Говорящий выражает разрешение на совершение действия 3-м лицом. Желательность действия для 3-го л. подразумевается.

— Слышь, ***пусть*** *пацан* ***подойдет поест****, у меня полный стол.*

— Ну ты нагрузил, в натуре, — сказал Шурик. — Сейчас крыша поедет.

— А ***пусть поедет****, пусть, — нежно сказал Володин. — Зачем тебе эта крыша нужна?*

---

[13] Виноградов 1986, 485.

[14] Добрушина 2008.

[15] Гусев 2005, 244.

Каузироваться при помощи пермиссива может не только действие, но и состояние.

И первые грибы тут как тут — маслята, прямо по пригорку у реки, целыми кустами, и не червивые. Ладно, ***пусть стоят****, сначала за белыми.*

Частица *нехай* в этом же значении*:*

Другой нерешительно протянул: ***—*** *Чёрт с ним* ***— нехай идёт****! Третий, уже снявший винтовку, закинул её опять за спину.*

В целом пермиссив близок юссиву, отличием является то, что каузируемое действие мыслится Говорящим как желаемое 3-м лицом (юссив же может каузировать и нежелаемое действие)

4. *пусть + 3-е л. ед. ч. наст. вр.* (неконтролируемое действие, нонкуратив)

При помощи нонкуративного высказывания Говорящий выражает безразличие, незаинтересованную позицию. Некуратив отличается от пермиссива тем, что Говорящий не считает себя способным активно изменить ситуацию.

Пермиссив: *Она пришла к старейшине, объяснила ему, что ей нужно, старейшина расхохотался и сказал: — Ладно,* ***пусть приходит*** *твой сын.* (Говорящий может высказать разрешение или запрет).

Некуратив: *Ладно,* ***пусть приходят****, у нашей 3-й еще осталось 26 снарядов, а у ее командира — игрушка калибра 0,8 с шестью свинцовыми пилюлями.* (Говорящий не может повлиять на ситуацию).

Зеленая стрелка пошла описывать круги. Что-то попискивало. Черт с ним, ***пусть попискивает****, но вот не мешало бы знать, что, собственно, показывает эта зеленая стрелка?*

Очевидно, что различие между пермиссивом и нонкуративом проявляется только в широком контексте, одного изолированного высказывания бывает не достаточно, чтобы его классифицировать. В отличие от пермиссива, некуратив не соответствует требованиям побуждения (которое включает три обязательных компонента[16]), поскольку действие уже совершается, а Говорящий лишь выражает свое отношение.

5. *побуждение 2-го л. в форме 3-го*

Прошу вас, товарищ, избавьте меня от лошадиной головы. Я терпеть не могу лошадей! ***Пусть*** *мне* ***приставят*** *голову товарища Ворошилова, или на худой конец, товарища Бишкека.*

В данной фразе Говорящий обращается к Слушающему, который вместе с соагенсом является множественным участником ситуации и множественным адресатом коммуникативного акта. Использование Говорящим 3-го лица вместо ожидаемого 2-го свидетельствует о том, что Говорящий оценивает ситуацию как слабо контролируемую и собственное участие в ней воспринимает как незначительное.

Только ***пусть пан*** *никому* ***не говорит****, это мой воз — я везу всякий нужный товар...*

В данном примере употребление 3-го л. является довольно редкой для современного русского языка формулой вежливости, которая опять-таки связана с контролируемость и вовлеченностью в действие. Говорящий дистанцируется от

[16] «1. Г считает, что С в состоянии совершить Д; 2. Ни для Г, ни для С не очевидно, что С, при нормальном ходе событий сам по себе совершит Д; 3. Состояние, которое является результатом Д, не имеет места». Падучева 1985, 25.

Слушающего, отказываясь от прямой каузации его действий и тем самым подчеркивая социальную дистанцию.

6. пусть + будет (ут) + предикатив (оптатив)

Пусть будет *больше теплоты, Пусть день начнётся с красоты!*

Пускай он будет сном *нежданным,* ***Пускай он будет другом*** *званым.*

Ладно*, — соглашается водитель, —* ***пусть будет четырнадцатый****. И открывает двери.*

Обычно исследователи не уделяют особого внимания подобным конструкциям. Нами они выделены исключительно по формальному признаку. Значение подобных конструкций чаще всего оптативное, за исключением последнего примера, где нам встретился пермиссив.

7. *чтобы + л-форма*

А игуменья […] встала и прошла в кабинет. Сняла трубку и набрала номер на аппарате.

— Позови Якова! — велела ответившему абоненту. — Кто? Тетка его! ***Чтоб*** *немедленно* ***перезвонил****!*

Данные примеры полностью соответствуют требованиям императива 3-го л. — непрямая каузация действий 3-го л. и контролируемость ситуации, хотя подобные формы редко рассматриваются в составе императива из-за их формальной неоднородности формам с частицей *пусть*. Основным ее отличием от форм с частицей *пусть* является то, что конструкция *чтобы + л-форма* не имеет значения лица. Дополнительным значением конструкции со *чтобы* является «категоричность» и повышенная экспрессивность. В сербском языке есть аналогичная конструкция *da + л-форма* для 2-го лица (*Da si smesta ustao!)*. В русском языке значение категоричности и требовательности может быть усилено личным местоимением «мне» — *Чтобы мне Ваня немедленно сел за уроки!*

Конструкция *пусть + 3-е л. ед. ч. наст. вр.* может использоваться в уступительных и условно-уступительных придаточных. Эти конструкции не будут нами рассматриваться, так как высказывания с ними не являются побудительными.

2. Формы побуждения 3-го л. в сербском языке

В целом семантико-грамматическая ситуация с побуждением 3-го л. в сербском языке схожа с русской, но при этом имеет свою специфику.

1. *neka + 3-е л. наст вр.* (юссив)

Ako neko vidi Zorana Djindjića, ***neka*** *mu* ***kaže*** *da je i Tito pre smrti ostao bez noge.*

Daj Boze da obe doguraju do finala pa ***neka*** *bolja* ***pobedi****.*

Neka *ga Nole* ***klepi*** *u prvom setu i to je to pošto ovaj prsne kad ga ne ide.*

Как уже отмечалось ранее, подобные формы рассматриваются в сербском языкознании то как презентные, то как императивные.

Кроме формы с *neka* ряд исследователей выделяет в качестве императивной форму *da + prezent (da dođe)* [17]. Однако подобные формы весьма многозначны и их значение определяется контекстом, в целом мы склонны их расценивать как оптатив.

2. *neka + 3-е л. наст вр.* (оптатив)

Neka poćiva *u miru.*

Ako već odlaziš ***neka*** *ti* ***je sreća*** *sva.*

[17] Напр., Fekete 2008 или Barić 1979

Как уже отмечалось ранее, оптатив отличается от юссива признаком контролируемости/неконтролируемости действия.

2.1. *daj Bože/Gospode da + 3-е л. наст. вр.* (оптатив)

Daj Bože da *obe* ***doguraju*** *do finala pa neka bolja pobedi.*

Этимологически родственной конструкции *daj Bože da* является частица *dabogda* или *dabog + л-форма*, которая весьма частотна в сербской разговорной речи и употребляется намного чаще по сравнению с аналогичными средствами русского языка.

Dabogda ti kuća *gorjela, a vatrogasci oko nje uzičko kolo igrali.*

Dabog ti *djeca kupovala čunga lungu* na *kredit.*

Dabogda *te keva našla u kinder jajetu, a nemala sličicu da te sastavi.*

2.2. *форма 2-го л. в значении 3-го* (оптатив)

В оптативном значении в сербском языке может употребляться форма 2-го л. вместе с субъектом в 3-м. В современной разговорной речи они встречаются довольно редко, поэтому примеры заимствованы из работы Р. Катичича[18], посвященной хорватскому языку, в которой подобные формы атрибутируются как императивные.

Svaka žena ***budi*** *mu mati, svaki čovek otac.* (Пусть каждая женщина будет ему матерью, каждый человек — отцом.)

Ako načelnik voli da je nakladna maškara pred čitavim selom, ***budi*** *mu na veselje.*

В подобных случаях форма императива употреблена в оптативном значении.

3. *neka + 3-е л. наст вр.* (пермиссив)

Insistirao je tatica da dođe, da me vidi, i da vidi kako sam namestila sobu za bebu. Reko, ,ajde dobro, ***neka dođe****, iako mi nije uopšte bila želja da dođe kod mene.*

Ne treba mi više samo malo mira, na radiju nešto dobro ***neka svira****.*

Выражение разрешения.

4. neka + 3-е л. наст вр. (нонкуратив)

Zoveš me na greh i baš me briga za svet što gleda nas, ***neka*** *nam* ***zavide****!*

Drugi kradu direktno od države...u lepim odelima, ali kradu da bi kupili auto, oni kradu svaki dan i za to ne odgovaraju, pa ***neka*** *i ovi malo* ***kradu****, nemaju priliku kao ovi drugi za svaki dan.*

Выражение безразличной позиции. Частица *neka* сама по себе, без глагольной формы, может означать нонкуратив (сродни русскому *ну и пусть*, *да ладно*).

— Jesi čuo da je Seka Aleksić izgubila bebu?

— ***Neka****, naći će je.*

5. *hajde + da + 3-е л. наст. вр.*

Hajde *kerovi, mačke, zmajevi i ostala bića koja prave prečudne zvukove* ***da se odesele*** *negde u roku od sad!*

Hajde *cela gimnazija sad* ***da kupi*** *iPad.*

Hajde *neko* ***da*** *me* ***usvoji.***

Для 3-го лица более принятым является употребление частицы *neka*, а не *hajde*, с помощью которой образуется императив 1-го лица. Подобные конструкции не отмечаются в известных нам грамматиках. Однако по нашим наблюдениям частица *hajde* в составе конструкции *hajde da + prezent* завоевывает новые позиции

[18] «Posebna je stilska vijednost kad se upotrijebi stari oblik za 3. lice singulara imperativa. Češće se taj imperativni oblik javlja u starinskim formulama». Katičić 1986, 65.

в рамках сербского императива. Она ощутимо потеснила синтетическую форму императива 1-го л мн. ч. и, как мы можем видеть в данных примерах, становится синонимичной форме 3-го л.

6. *neka + безличная форма (или hajde + da + безличная форма)*

I ***neka*** pisma ***čuje*** **se** *sa levanta, za tvoje oči najlipša dva dijamanta.*

Nek' se ori *pesma naša, neka peva svaki Grobar sad, u venama tvojih huligana, teče samo ime Partizan!*

Drugovi, ***hajde da se leže****.*

I moram još da dodam, da kad se već postavljaju u novine primjeri neuspješnih liječenja koji su se nažalost tragično završili, ***hajde*** *onda* ***da se piše*** *o svim liječenjima, pa da uporedimo broj onih uspješnih, sa onim nazalost neuspješnim.*

Hajde *sad nešto lepo* ***da se*** *desi.*

Снятие лица возвратной частицей при образовании форм побуждения соответствует русским конструкциям с пусть + будет + предикатив (neka pesma se čuje, пусть песня будет слышна), однако это общее направление для проведения аналогии, из которого возможны исключения. В примере *Drugovi,* ***hajde da se leže*** побуждается 1-е л. (*Друзья, давайте полежим* или, учитывая, что используется форма безличного побуждения, *Друзья, а не прилечь ли нам?)* В другом примере (***hajde*** *onda* ***da se piše***) также используется безличное побуждение, которое в русском языке не имеет однозначного эквивалента (*давайте уж тогда писать/пусть тогда уж пишут)*.

Несмотря на то, что формы 3-го л. некоторыми исследователями считаются императивными и причисляются к ядру категории императивности[19], окончательное решение данного дискуссионного вопроса еще не найдено, поскольку данные формы могут иметь различные значения, зависящие от контекста. Их отнесение то к формам настоящего времени индикатива, то к императиву вполне обосновано неоднородностью их семантики. В некоторых контекстах они имеют значение побуждения и каузации, в других — нет. Условно-уступительные, оптативные и некуративные высказывания не удовлетворяют требованиям побудительной семантики и, следовательно, формы 3-го л. в их составе не могут быть атрибутированы как императивные.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. 1986: Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.

Гусев В. Ю. 2005: «Типология специализированных глагольных форм императива»: дисс. … канд. филол. наук. М.

Добрушина Н. Р. 2001: Проблема контролируемости побудительной ситуации в типологическом аспекте // Труды Международного семинара «Диалог 2001» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Теоретические проблемы. Т. I. Аксаков, 77–83.

Добрушина Н.Р. 2008: Наклонения и дискурсивный режим текста: на примере употреблений частицы пусть // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. / Плунгян В. А. (отв. ред.). М.

Иванов В. В., Молошная Т. Н. и др. (ред.) 1995: Этюды по типологии грамматических категорий славянских языков.М.

[19] Иосифова 2011, 11. В составе грамматического ядра перечисляются формы 2-го л, 3-го л и 1-го л. мн. ч. Под периферией подразумеваются «все другие средства повеления: инфинитив, наречие, существительное, междометие».

Иосифова В. Е. 2011: Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: дисс. … д. филол. наук. М.

Исаченко А. В. 1960: Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч.2. Братислава.

Ким И. Е. 1999: Контролируемость действия: сущность и структура // ЛЕС. 1, 19-31.

Падучева Е. В. 1985: Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.

Пазухин Р. В. 1975: Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма // Studia Rossica Posnaniensia. VI, 85-95.

Плунгян В. А. 2000: Общая морфология. М.

Храковский В. С., Володин А. П. 2001: Семантика и типология императива. Русский императив. М.

Шведова Н. Ю. (ред.) 1980: Русская грамматика. Т. 1. М.

Barić E 1979: Priručna gramatika hrvatskog književnog jezika. Zagreb.

Fekete E. 2008: Morfološki i semantiko-sintaksički modeli u imperativnom značenju // Južnoslovenski filolog. LXIV, 517-530.

Katičić R. 1986: Sintaksa hrvatskog književnog jezika. Nacrt za gramatiku. Zagreb.

Minović M. 1987: Sintakse srpskohrvatskog — hrvatskog književnog jezika. Sarajevo.

Piper P. (red.) 2009: Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije. Beograd.

THE 3rd PERSON IMPERATIVES IN RUSSIAN AND SERBIAN LANGUAGES

V. Yu. Steshevich

The paper explores the grammar forms to express imperative semantics in the third person (a statement that something should exist, or an action should be taken), their differences from the 2nd person imperatives and likeness with optative mood. The aim is to compare two related languages and to find out the inner dissimilarity of grammar forms and semantic meanings.

Key words: the 3rd person, imperative, Russian, Serbian

© 2014

Д. Д. Сулейманова

О ФОНЕМЕ [R] В ТЮРКСКО-БАСКСКИХ СООТВЕТСТВИЯХ

Статья посвящена проблеме эволюции тюркской фонемы [r] (на материале татарского и башкирского языков) в сравнении с историческим развитием баскской фонемы [r]. В результате структурно-типологического и сравнительно-исторического анализа с привлечением праязыковых реконструкций выявляются регулярные фонетические соответствия в базисной лексике и аффиксальных морфемах.

Ключевые слова: лингвистическая типология, сравнительно-историческая фонетика, тюркские языки, баскский язык, фонема r

Сулейманова Дильбар Данисовна — соискатель кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования Башкирского государственного университета, редактор отдела журнала «Тулпар». E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru

Для восстановления этапов возникновения и установления тех или иных фонетических закономерностей в тюркских языках целесообразно обратиться к внешнему материалу, прежде всего к данным агглютинативных языков. Несмотря на широкий ареал распространения тюркских языков, тюркологи традиционно ограничиваются внутренней реконструкцией или внешними связями, ограничивающимися ареалом Алтая-Саян. В связи с этим возрастает значимость исследований, рассматривающих проблему внешних контактов, учитывающих достижения естественнонаучных исследований, в частности генеалогов, выдвигающих гипотезу о передвижении предков басков с Алтая в Иберию[1]. Носители баскского языка проживают на территории Франции, Испании. Вопрос о принадлежности баскского языка к определенной языковой семье остается спорным. Географическая и историческая изолированность баскских территорий, информационный и языковой барьер не способствовали появлению исследований по тюркско-баскским языковым отношениям.

Нами было проанализировано историческое развитие татарской, башкирской и баскской фонемы (точнее — архифонемы) *r* с привлечением пратюркских и прабаскских реконструкций. По своим артикуляционно-акустическим свойствам звук *r* неоднороден в тюркских языках, в руническом алфавите фиксируются твердый и мягкий варианты[2]. По единодушному мнению тюркологов, переднеязычный твердонебный звонкий дрожащий сонант *r* не встречается в анлауте тюркской лексики. Как и в тюркских языках, фонема *r* не характерна для анлаута исконных баскских слов. Для прабаскского языка реконструируются сильный **R* и слабый **r*. Все современные диалекты баскского языка имеют одноударный и грассирующий альвеолярный *r* (последний обозначается *rr* между гласными). В северных говорах один или оба звука стали увулярными[3].

Приведем ряд характерных татарских, башкирских, общетюркских и баскских соответствий для фонемы *r* в середине слова. Тюркские примеры даются в латинской транслитерации. Использованы примеры из древнетюркского материала (ДТ) по «Древнетюркскому словарю» (1969), реконструкции под знаком /*/ из «Этимологического словаря тюркских языков» (1974–2003), под знаком /**/ — по публикации О.А Мудрака[4] пратюркских (ПТ) и праалтайских (ПА) форм — по «An Etymological Dictionary of Altaic Languages» (2003) (авторы — С.А. Старостин, А.В. Дыбо, О.А. Мудрак). Баскские реконструкции под знаком /*/ извлечены из «Etymological Dictionary of Basque» (2008) (автор — R.L. Trask), под знаком /**/ — из электронной этимологической базы данных С. А. Старостина[5].

Заметим, что для тюркских языков характерна «проблема фонетического варьирования гласных»[6]. К. Мичелена констатирует множественные междиа-

---

Сулейманова Дильбар Данисовна — соискатель кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования Башкирского государственного университета, редактор отдела журнала «Тулпар». E-mail: dilbar.bulatova@yandex.ru

[1] Клесов 2010, 34.
[2] Тенишев 1984, 360-361.
[3] Trask 2008, 12.
[4] Мудрак, www.altaica.narod.ru/texts/prototurk.pdf.
[5] http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.
[6] Тенишев 1984, 17.

лектные случаи чередования гласных в баскском языке[7]. При этом тюркские и баскские гласные обнаруживают устойчивость в структуре слова, не подвержены полной редукции и отражают распределение по ряду.

Ср. т/б *arïq, *a:rïq* ‘арык, канал’, ср. *jïrïn, jïrmaq, *jïrmaq* ‘река’ ~ баск. *-*ario[n]-*, *jario, jarion* ‘поток’;

т/б *eren* ‘гной’, *čere-/sere-, *iri-* ‘гнить’ ~ баск. ***hiro, iro, zorne* ‘гной’;

т/б *sari/harï, *sa:rï, *siāriɣ* ‘желтый, седой, желток’ ~ баск. **[h]ori II, ho(r)i, ori, hólli* ‘желтый’, **zuri, txuri, xú(r)i* ‘белый’;

т/б *ürče-/ürse-, **ürći-/**örći-* ‘плодиться, размножаться’ ~ баск. **errun, érrün* ‘класть (яйца)’;

т/б *urïn, **ŏr(u)n* ‘место’ ~ баск. **eaRi, jarri, xarri, jesarri* ‘сесть’, *jarleku* ‘сиденье, место’.

Анализ тюркско-баскских соответствий выявляет морфонологическую (возможно, классоразличительную) роль анлаутных согласных в ряде тюркских корней, инкорпорированных в анлаут реликтовых основ. При этом мы придерживаемся определения Х. Улашина (1927), по которому морфофонема — фонема в семасиолого-морфологической функции. Способ корнеобразования в тюркских языках путем редукции, замещения или выпадения начального согласного[8], парные слова с редупликатом, рассматриваемые М. Морваном (M. Morvan) как аргумент в пользу гипотезы генетической связи между баскским и урало-алтайскими языками[9], также синтетическое спряжение старых глаголов в баскском языке указывают на возможность префиксального словообразования и в пратюркском или допратюркском языке. Ср. общетюркское **erkek, **erŋek*, ДТ *ernek* ‘большой палец’, **barmaq*, ***biarŋaq* ‘палец’, *qazïq/qaδïq*, ПТ **K[a]ŕguk* ‘палка, колышек’, ПА **k'[ú]ŕa* ‘палец’, *qarma-*, ПТ **K(i)arba-* ‘нащупывать, хватать (руками или зубами)’, *särmä-/härmä-*, **serme-* ‘схватить, искать’ ~ **eri II, érhi, éhi* ‘палец’.

Фонема *r* в середине тюркского слова подвержена различным изменениям. Соответствие *r* ~ *l* — «широко распространенное явление ассимилятивного происхождения в говорах тюркских языков»; переход *r* > *l* отмечен еще М. Кашгарским, реже наблюдаются переходы *r* ~ *n*, *ñ, j*, *ğ*, *ž/ʒ*, *z* или *r* > *d/t* (под влиянием следующих за *r* звуков *d, t)*; большинство указанных соответствий происходит на стыке морфем, в соседстве со звуками, которые ассимилируют *r*», но в целом «в середине слова пратюркский *r* сохранился в современных языках, несмотря на многочисленные переходы»[10]. В баскском языке имеются спорадические чередования *d* ~ *r* в интервокальной позиции в диалектах[11]: *edan* ~ *eran* ‘пить’, ср. ***eSene, ezne, esene* ‘молоко, сок’ (ср. тат. *ečles*, ***ić* ‘пить’). Имеет место переход интервокального *l* > *r (*gali, gari* ‘пшеница’), но этимологический *r,* как правило, не подвержен альтернации[12].

Тенденция к спирантизации интервокального согласного более выражена в тюркских языках. Ср. башк. диал. *taran* ‘лещ’, т/б *sazan/haδan, *sazan* ‘сазан’,

[7] Michelena 1959, 60.
[8] Баскаков 1988, 35.
[9] Luis 2003, 170-177.
[10] Тенишев 1984, 364-373.
[11] Trask 2008, 28-29.
[12] Trask 2008, 41.

***ṣiārỹan* ‘сазан, рыба-змей, червь’ ~ баск. **aRani, arrain* ‘рыба, форель’; баш. *šaran* ‘плетневые заграждения на реке, поставленные для задержания косяка рыб у морды’, т/б *sar-/har-, *sara-* ‘завертывать, обматывать’, *söz-/höδ-*, чув. *sər-* ‘цедить’, *tozaq/toδaq,* ДТ *tor* ‘тенета, сети’ ~ **sare, sare* ‘сеть’, ср. ***saħarde, saharde, saarde, sarde, sardei* ‘вилы с двумя зубьями, грабли’.

Комплексный анализ тюркско-баскских соответствий показывает, что в обеих системах выявляется диахроническое изменение *-r ~ -l ~ -d (s)*. Заметим, что регулярными чувашскими рефлексами ПТ **-ł-* являются *-l-* и *-š*[13] .

*ör-, *ür-*, ПТ **üv(ü)r-* ‘дуть, веять’, *öše-,* ПТ **üĺi-* замерзать, дуть’ ~ **erur, elur, élhür, edur* ‘снег, метель’;

ср. *öše-, *üši:-, -is/-iθ, *ös-* ‘замерзать, дуть, дрожать’, *ïʒγïr-, ïʒïlda-* ‘веять’, *bĭzgäk/bĭδgäk, *bizge* ‘лихорадочный озноб’ ~ **izu, uzu* ‘страх, дрожь’, *izugarri, izigarri* ‘дрожащий’, *hotz*, *otzautsi, otzasi* ‘холодный’;

ср. чув. *jor*, ПТ **q’i̯ār* ‘снег’, *qïrau,*qïraw*, башк. *qïlau, *qïlawo* ‘снежинки, иней’, *qïš*, чув. *xĕl*, **qïš* ‘зима, снег’ ~ ***kain* ‘туман, дымка, грозовое облако’, **karrone, k(h)arru, karroĩ, kharroin* ‘лед, мороз’;

баш. *qïrsïn* ‘1) отлогий берег (усыпанный песком или галькой), 2) пляж’, **qorum (qojam)* ‘мелкие камни’, *qaja/qïja, *qa:ja* ‘скала’, *čar/sar,* ПТ **čar,* ПА *č’àro* ‘точильный камень’, *taš*, ПТ **diāĺ,* пракорейское **tōrh*, ПА **tiõĺ ì* ‘камень’, ДТ *ir* ‘камень’ ~ баск. **[h]aRi, harri, kharri, *haitz, *[h]anetz, aitz, atx* ‘камень’.

Таким образом, можно говорить об исторических изменениях переднеязычных согласных внутри группы в середине слова в обеих системах. Большинство изменений имеют морфонологический характер и отражают ассимилятивные процессы на стыке морфем.

Ср. т/б *ber,* чувашское *pər̊, *bir* ‘один, единый бог, некто, один и тот же’, *berämsäräm* ‘в одиночку’ ~ баск. **ber-, bera, berau* ‘сам, тот самый, одинаковый’, *barīdin, berdin* ‘тот самый, одинаковый; ровный’;

ср. т/б *buj*, **boj* (уйг. *boṛ*, ДТ *bod*, *boδ*), ***bŏδ* ‘рост, длина, полоса, мера, тело, сам, лицо, один, народ’ ~ баск. **bade, bat* ‘один’;

т/б *bar, barï* употребляется в разных грамматических функциях[14], **ba:r* ‘все, весь, каждый, всякий’ ~ баск. **oro,oro,* ‘все’, *-ero* ‘каждый’;

ср. т/б *bürt-*, **börüt-* ‘пухнуть’, **bürtäj-* ‘иметь вид раздувшегося’ ~ баск. ***marīdo*, ***marīdul* ‘сильный, пухлый, гладкий’; ***iphete* ‘жирный’;

ср. т/б *böten/bötön*, **bŭ’tün* ‘весь, целый, все’ ~ баск. **bete, bethe* ‘полный’, **beti, bethi* ‘всегда’.

Характерное соответствие *j ~ d ~ t ~ z ~ δ ~ r* в тюркских языках, в котором признается первичность *d*[15], может рассматриваться как более позднее отражение архаичных изменений *-r ~ -l ~ -d(s)*. При этом в ряде слов отражаются следы архифонемы **n* (ср. т/б *bajtaq* ‘много’, диал. *mantï-* ‘улучшаться’). Для ранних этапов развития тюркских языков необходимо реконструировать сонорные фонемы в C_2. Данное утверждение основывается на глубинных структурно-типологических особенностях тюркских фонологических систем. Пратюркские согласные имеют сильные ограничения на встречаемость (возможность употребления в анлауте

[13] Мудрак, www.altaica.narod.ru/texts/prototurk.pdf.
[14] Зәйнуллин 2013, 281.
[15] Тенишев 1984, 287

только глухих смычных и спиранта *s*, возможность употребления в ауслауте сонантов, глухих спирантов, только слабых смычных и *-γ, -δ* и др.)[16]. Для прабаскского языка также характерны позиционные разграничения: к примеру, в анлауте установились слабые **b, *g, *z [s̻], *s[s̻], *l, *n,* также **h-*. Для остальных позиций восстанавливаются **tz, *ts, *L, *R, *N, *k, *t*.

Соответствию дрожащего небно-альвеолярного сонанта *r* звонкому щелевому *z* уделялось много внимания в тюркологии. В баскском языке при утрате *r* перед *z* последний качественно меняется: *rz > s (*urzo > uso* ‘голубь’). Сочетание *-ari* изменяется в *-ai* (*ari izan > ai izan* ‘быть занятым’)[17]. Аналогичная фонетическая закономерность присуща тюркским языкам: «выпадение *r* перед согласными является одной из древних черт тюркских языков». Например, *er-* ‘быть’: «*er + sä > esä*, *er + kän > eken*, *er + di > edi*, *er + miš > emiš*»[18]. Ср. баскский показатель каузатива **-ra-,* вспомогательные глаголы **-izan-*, *egon* ‘быть’, **egin* ‘делать’, ***eukan*, *ükhen*, ***edun* ‘иметь’. Как отмечают А. В. Дыбо и О. А. Мудрак, пратюркский вариант **-r̃s-* довольно рано совпал со стандартно-тюркским **-z-* < ПТ **-r̃* через ступень *«-zs-*, а в чувашском какое-то время сохранялся, но впоследствии дал *s*»[19]. Тюркско-баскские соответствия в болшинстве случаев указывают на ассимиляцию *r* перед фрикативными звуками на стыке морфем. Следует отметить, что в тюркских языках обнаруживаются параллельные формы с гласными заднего ряда.

Ср. т/б *kür-, qara-, **kŏr̃* ‘смотреть’, *küz/küδ, *köz* ‘глаз’ ~ баск. *igurika* ‘смотреть’, **-kus-, ikusi* ‘видеть’;

т/б *ïrʒaj-/ïrʒaj-, *ïrʒaj-, *ïrtaj-* ‘осклабиться, улыбаться’ ~ баск. **[h]ortz, hortz, ortz* ‘зуб-резец’, ***auśi-ki, ausiki, usiki* ‘кусать’;

т/б *iz-/iδ-*, чув. *ir-*, ***ĕr̃-* ‘мять, сжимать, давить’, *qïs-/qïθ-* ‘сжимать’ ~ баск. **hertsi*, *ertxi*, *hetsi*, *hesi*, *itsi*, *itxi* ‘сжимать, узкий, закрыть, цепкий’;

чувашское *pirʒъ* ‘кишка’, т/б *ač/es, *ič*, ***ĭ’ć* ‘живот, внутренность, нутро, начинка’, *ečäk(ečäge)/esäk* ‘кишки’, *qorsaq/qorhaq* ‘живот’ ~ баск. **[h]ertze, **heste, ertze, herze, este, érxe* ‘кишки, внутренности’.

Фонема *r* в конце слова широко употребляется как в древнетюркских источниках, так и в современных тюркских языках и «проявляет удивительную устойчивость», фиксируются редкие переходы в сонанты *l, j, n* и смычные звонкие *ž, z;* в ряде случаев выпадает с образованием заместительной долготы[20]. В баскском языке конечный *r* утрачивается в сложносоставных словах *(adar* ‘ветка’, *begi* ‘глаз’, *adabegi* ‘узел, нарост’)[21]. В целом фиксируется устойчивость сонанта *r* в конечной позиции.

Ср. т/б *ir*, чувашское *ar*, ***ēr* ‘мужчина’ ~ баск. **ar, ar* ‘мужчина’;

т/б *irkäk*, ПТ **ẹr-kek*, ПА **i̯òre* ‘самец, баран’ ~ баск. ***erḡi, ergi* ‘молодое животное (бык)’;

общетюркское **sar, *sari* ‘хищная птица семейства соколиных’, чувашское *śerźi, **serće-* ‘воробей’ ~ баск. **zori, txori, **čo[l]i* ‘птица’;

---

16 Тенишев, Дыбо 2006, 62-66.
17 Trask 2008, 28-31.
18 Тенишев 1984, 372.
19 Тенишев, Дыбо 2006, 36.
20 Тенишев 1984, 373-379.
21 Trask 2008, 41.

*serkä/herkä, *sĭr'ke* M 45 'гнида' ~ **zoRi, zorri* 'вошь'.

Звук *r* характерен для словообразовательных и словоизменительных аффиксов: постфикс множественного числа *-tar/-dar/-lar/-nar* ~ баск. гипотетический постфикс **-ar* собирательного значения; т/б *-lar/-lär, -lï* (принадлежность к определенному классу) *Ufa/Öfö* 'Уфа', *ufalar/öfölär* 'уфимцы' ~ баск. *-(l)ari* (профессия): *bertso* стихи, *bertsolari* 'бард', *-tar* (происхождение): *Bilbao* (город), *bilbotar* 'житель Бильбао'; т/б аффиксы *-qar/-kär, -ğar/-gär,* образующие переходные глаголы от ограниченного количества существительных: *jel* 'ветер', *jelgär-* 'вей, овевай' ~ баск. *-(k)era, -(k)ara* (способ): *ibili* 'ходить', *ibilkera* 'походка'; т/б *ğïr/-ger, -qïr/-ker, -kör* (в отглагольных именах): *ot* 'уловить', *otqïr/otqor* 'сметливый' ~ баск. *-gura, -kiro* (характеризующее): *lo* 'спать, *logura* 'сонный'.

Анализ тюркско-баскских соответствий выявляет устойчивость архифонемы *r* в группе слов, относящихся к исконной лексике, а также в аффиксах. Выявляются регулярные фонетические соответствия в середине и конце слова. Обнаруживаются аналогии как по типологическим признакам (отсутствие в анлауте), так и в фонетических (*r* ~ *l/d*) и морфонологических чередованиях (в пратюркском **-r̃s- > *-z-,* в баскском **rz > s*) на стыке морфем. Для тюркских языков характерно сохранение лексики разновременных уровней и промежуточных форм (особенно в семантических деривациях). В целом архифонема *r* реконструируется для глубинных пластов пратюркского и прабаскского языков. Баскский язык предоставляет интереснейший материал для тюркологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Баскаков Н. А. 1988: Историко-типологическая фонология тюркских языков. М.

Зәйнуллин М. В. 2013: Хәҙерге башҡорт әҙәби теле. Морфология: Монография. Өфө.

Клёсов А. А. 2010: Основная загадка во взаимоотношениях индоевропейской и тюркской языковых семей и попытка её решения с помощью ДНК-генеалогии: соображения нелингвиста. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.umk.virmk.ru/NEW-FAKT/klesov.pdf.

Тенишев Э. Р. (ред.) 1984: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.

Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. (ред.) 2006 : Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.

Щербак А. М. 1970: Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.

Luis Núŋez Astrain 2003*:* El euskera arcaico. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http:// www.errenteria.net/es/ficheros/40_2717es.pdf.

Michelena L. 1959: Fonetica historica vasca. San Sebastian.

Trask R. L. 2008: Etymological Dictionary of Basque. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.fichier-pdf.fr/2012/01/04/larry-trask-etymological-dictionary-of-basque/larry-trask-etymological-dictionary-of-basque.pdf.

ABOUT THE PHONEME [R] IN TURKIC-BASQUE CORRESPONDENCES

D. D. Suleymanova

The paper examines the evolution of the phoneme [r] in the Turkic languages (Tatar, Bashkir) in comparison with historical development of the Basque phoneme [r]. As a result of the structural-typological and comparative historical analysis with involvement of pra-Turkic and pra-Basque reconstructions there are regular phonetic correspondences in the native lexicon and affixed morphemes.

Key words: linguistic typology, comparative and historical phonetics, Turkic languages, the Basque language, the phoneme [r]

© 2014

Ма Цин

АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА МУДРОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются взгляды ученых на методику концептуального анализа, анализируются структурные признаки концепта мудрость в русском языке на базе данных лексикографических источников.

Ключевые слова: концептуальный анализ, концепт мудрость, структурные признаки, русский язык

Существуют два направления анализа концепта: 1) от концепта к способам его репрезентации в языке; 2) от языковых средств к выявлению ментальных структур, репрезентируемых данными средствами.

В связи с этим ученые отмечают целесообразность выработки единого метода анализа концепта, который позволит выявить, какая структура знания репрезентируется в лексической единице, фразеологизме, лексико-семантической парадигме и каково представление носителей языка о стоящем за абстрактными именами идеальном объекте. Концептуальный анализ преследует герменевтическую цель: познание и понимание стоящего за абстрактным именем фрагмента идеальной действительности и в конечном итоге — самого языкового сознания[1].

Описание концепта, по В.И. Карасику, это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений: 1) дефинирование (выделение смысловых признаков); 2) контекстуальный анализ (выделение ассоциативно связанных смысловых признаков); 3) этимологический анализ;

Ма Цин — аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. E-mail: maqing913@gmail.com

[1] Чернейко 1997, 285.

4) паремиологический анализ; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование[2].

Возможно проведение экспериментального исследования концепта: испытуемые реагируют на слова-стимулы любой словесной реакцией, приходящей в голову, и в результате обработки данных производится интерпретация полученных ассоциатов как отражения концептуальных признаков исследуемого концепта[3].

Для выявления набора концептуальных признаков, формирующих структуры рассматриваемого концепта, необходимо выявление максимально широкого круга репрезентантов.

Рассмотрим на материале контекстов Национального корпуса русского языка более подробно те признаки концепта *мудрость*, вербализация которых отмечена в современной русской языковой картине мира.

В представлении русского человека мудрость сопряжена с интеллектом (*Мудрость там, интеллект!* Дежнев. В концертном исполнении; *Связать эту мудрость с интеллектом невозможно, невозможно и интеллект вывести из нее*. Вересаев. «Да здравствует весь мир!»). Мудрость обладает умом (*Мудрость умна и знает, что желудка не перекричишь.* Дорошевич. Сказки и легенды) и разумом (*Разумная мудрость подсказывает, что*... Рытхэу. Когда киты уходят). В фактическом материале были обнаружены примеры, в которых мудрость метафорически обозначается как дитя разума (..*рожденная разумом мудрость*... Шестов. На весах Иова; ... *разум родил мудрость*... Шестов. На весах Иова). Мудрость и разум, таким образом, понятия неразделимые, они всегда идут рука об руку (*Мудрость, как видите, все время идет рука об руку с разумом.* Шестов. На весах Иова).

Мудрый человек обладает большими знаниями, его не нужно ничему учить (...*потому что король был настолько мудр ... что его нечему было учить.* Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца), его познания глубоки, он знает ответы на все вопросы (… *самый мудрый человек на земле, для которого нет вопросов, на которые нельзя ответить*. Фадин. Соломон — пращур любви), он сам является источником человеческих знаний (*Из каких источников черпает она это знание? Кто ее мудрый собеседник*? Викулов. Проступают граниты...).

Мудрости как ценным знаниям можно научить (...*и я должен учить тебя мудрости*. Ян. Финикийский корабль; ...*прося поучить их мудрости*... Пришвин. Серая сова; *Чему научили прошедшие годы: житейской мудрости или еще большей правовой твердости?* Фролов. О запрете референдума; ...*обучавшийся житейской мудрости в школе великого комбинатора*... Ильф, Петров. Двенадцать стульев; ...*стали учиться мудрости все страны мира*... Бальмонт. Волга); ее можно преподать (*Но жизнь быстро преподала ей мудрость оптовых закупок*... Евтушенко. «Волчий паспорт»).

Среди других лексических единиц, посредством которых осуществляется вербализация рассматриваемого признака, высокочастотными являются глаголы *понимать* и *постигать*. Так, мудрость описывается как объект понимания (*Всю мудрость его слов я понял очень скоро*. Подполковник милиции «Гром». Кадры решают все (2003) // «Завтра», 2003.07.25) и постижения (*Целенаправленно постигая мудрость Востока*... Ключников. Провозвестница Эры Огня), более того,

[2] Карасик 2002, 131.
[3] Попова 2001, 191.

мудрость требует глубокого понимания (*Но глубоко если понимать эту мудрость народную*... Гачев. Жизнемысли), которое сродни прозрению (*Прозрела я, понявши мудрость света*... Ростопчина. Кто виноват?).

Для актуализации признака «стремление к знаниям» используются глаголы, семантически связанные с понятием знания. К ним относятся: **знать** (*...знать все гражданские премудрости*... Коковцов. Из моего прошлого); **ведать** (*...человек, изведавший эллинскую премудрость*... Ковалевский. Петр Великий и его гений); **познавать** (*В полете он познал всю мудрость мира*. Попов. «Пять песен о водке»); **узнавать** (*Откуда узнать истинную мудрость, владыка?* Садовской. Пшеница и плевелы).

Как видно из приведенных примеров, при реализации обозначенного признака *мудрость* выступает в качестве объекта, на который направлена познавательная деятельность человека. Мудрость — это знание, к которому стремится человек. Она состоит в познании сути различных реалий окружающего мира (*Вся мудрость в том, чтобы познать*, Что тот свободы с жизнью лишь достоин… Мечников. Этюды оптимизма). Кроме того, сама мудрость состоит в знании (*...и это знала истинная мудрость всех времен и народов*. Франк. Смысл жизни; «*С Тобою премудрость, которая знает дела Твои ...и ведает, что*... Булгаков. Философия хозяйства (мир как хозяйство)).

Мудрость осознается как нечто сложное и непонятное (*Мудрость. Очень сложно.* Клейн. Мы состоит из «я» — и это очень важный факт!). Проанализированный в данной статье языковой материал демонстрирует, что в русской концептуальной картине мира заложена градация мудрости: особой трудностью характеризуется именно высшая мудрость, ее смысл неоднозначен (*...высшая мудрость должна быть выражена обязательно такими словами, смысл которых не может быть определен однозначно*. Горбачев. Концепции современного естествознания) и порой недоступен для понимания (*Какая-то высшая мудрость в этом есть, нам недоступная*... Белозеров. Чайка).

Ассоциация мудрости с хитростью и лукавством обусловлена тем, что мудрость воспринимается как нечто скрытое и непонятное, она присуща не каждому человеку и требует особого понимания и постижения, а значит, может таить в себе некий скрытый умысел и намерение: *У нас вся мудрость в том, чтобы и самому не очень ясно понимать и другим не объяснять ничего резко*… Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника»; *Дружбы нет, есть общие интересы. Лукавая мудрость.* Магомаев. Любовь моя — мелодия; *Хитрость — мудрость природная*... Шергин. Изящные мастера.

Итак, в структуру анализируемого концепта *мудрость* в его осмыслении носителями современного русского языка вошли три признака: ‘стремление к знаниям’, ‘трудность понимания’ и ‘хитрость’. Это говорит о том, что в своем большинстве исходные представления о феномене мудрости не утратили своей значимости и на сегодняшний день являются актуальными для сознания носителей русского языка. Исходя из проанализированных данных, можно сделать вывод, что признак ‘стремление к знаниям’ является самым частотным из всех признаков, представленных в структуре исследуемого концепта. Иными словами, мудрость прежде всего связывается с познавательной и интеллектуальной деятельностью человека, а значит, воспринимается как ментальная сущность.

ЛИТЕРАТУРА

Горянова Л. Н. 2011: К вопросу о символическом восприятии мудрости (на материале концептов мудрость и wisdom) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 1, 132–136.

Карасик В. И. 2002: Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград.

Попова З. Д., Стернин И. А. 2001: Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж.

Чернейко Л. О. 1997: Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Москва.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru

ANALYSIS OF REPRESENTATIVE OF CONCEPT WISDOM IN RUSSIAN LANGUAGE

Ma Tsin

This article discusses the views of scientists on the methodology of conceptual analysis, structural features of the concept of *wisdom* in the Russian language on database of lexicographical sources are analyzed.

Key words: conceptual analysis, the concept of *wisdom,* structural features, the Russian language

---

© 2014

М. О. Ижик

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИКИ МАЛАГАСИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье отражена часть результатов проведенного автором исследования лексики малагасийского языка, являющегося западным ответвлением географически отдаленных малайско-полинезийских языков. Обнаружены конкретные этноязыковые составляющие основного словарного состава малагасийского языка, а также наличие заметных пластов заимствований из санскрита, арабского и языков банту. Автор показал, что в середине XX в. представление ученых о степени родства языка Мадагаскара с малайским стало более детализированным и исследователи обнаружили доказательства генеалогических связей малагасийского с языком ма'аньян, распространенным на острове Борнео. Особое значение отведено заимствованиям из санскрита, которые могли появиться в малагасийском только после появления в языках Борнео. Влияние арабских переселенцев было значительным: названия месяцев, дней, времен года имеют арабское происхождение. После заселения острова австронезийцами имели

Ижик Михаил Олегович — соискатель Института востоковедения имени А. Ю. Крымского НАН Украины. E-mail: yoj-zver@ukr.net

место и заметные культурно-языковые контакты с племенами восточного берега Африки.

Ключевые слова: малагасийский язык, австронезийские языки, санскрит, арабский язык, языки банту

Родство малагасийского с языками Малайского архипелага было впервые замечено известным арабским географом Аль-Идриси. В середине XX в. представление ученых о степени родства языка Мадагаскара с малай-ским стало более детализированным. Исследования норвежского лингвиста О.Даля[1] и голландского языковеда К. Аделара[2] обнаружили доказательства генеалогических связей малагасийского с языком ма'аньян, распространенным на острове Борнео. Эти открытия обусловили качественно новый уровень последующих исследований, в которых достигается все большая конкретизация языкового материала.

Исторические аналогии лексики малагасийского языка с малайским очевидны в отдельных тематических группах[3]. Прежде всего это касается лексики, связанной с мореплаванием:

Малагасийский	**Малайский**
varatra "север"	*barat* "запад"
varatraza "южный ветер"	*barat daya* "юго-запад"
tsimilotru "северный ветер"	*timur laut* "северо-восточный"
rivotra "ветер"	*(angin) ribut* "штормовой ветер"
tanjona "мыс"	*tanjung*
fasika "песок"	*pasir*
truzuna "кит"	*duyung* "морская корова"
lamboara "вид рыбы"	*lembuara* "гигантская рыба"
harana "коралловый риф"	*karang*
hara "перламутр"	*karah* "раковина черепахи"
sambo "лодка, судно"	*samvaw* "судно"
tona " угорь"	*tuna* "угорь"
fanohara "вид черепахи"	*penyu karah* "черепаха"
vatoharanana "кварц"	*batu karang* "коралл"
hoala "залив, бухта"	*kuala* "устье реки"
an-drefana "запад"	*depan* "перед"
nosy "остров"	*nusa*
fano "черепаха"	*penyu*
vontana "вид рыбы"	*buntal* "морской еж"
vidy "малая рыба"	*bilis* "анчоус"
horita " спрут"	*gurita*

Ижик Михаил Олегович — соискатель Института востоковедения имени А. Ю. Крымского НАН Украины. E-mail: yoj-zver@ukr.net

[1] Dahl 1951.
[2] Adelaar 1989, 28.
[3] Adelaar 1989, 28.

Малайская по происхождению лексика встречается также в металлургии:

Малагасийский	Малайский
harafesina “ржавчина”	*karat besi*
firaka “свинец”	*perak*
landaizana “кувалда”	*landasan*

и в названиях частей тела:

Малагасийский	Малайский
hihy “десна”	*gigi* “зуб”
fify “щека”	*pipi*
molotra “губа”	*mulut* “рот”
voavitsy “икры”	*buah betis*
sofina “внешнее ухо”	*cupi* “мочка вуха”
tratra “грудь”	*dada*
lamosina, lambosy “поясница”	*lambosi* (диал. Минангкабау)
valahana “спина”	*belakang*

Особое значение для реконструкции путей и времени основной волны миграции первых австронезийских переселенцев имеют заимствования из санскрита. Именно на них опираются теории переселения индонезийцев. О.Даль считает, что заимствования из санскрита могли появиться в малагасийском только после их появления в языках Борнео, а учитывая тот факт, что малагасийский имеет относительно небольшое количество заимствований из санскрита (по сравнению с малайским и яванским), переселенцы с Борнео должны были отправиться в плавание на Запад в начальный период индийского влияния на язык и культуру Борнео, — очевидно, в V в. н.э.

Несмотря на то что в языках Индонезии санскритская лексика является без сомнения заимствованной, в малагасийском картина выглядит несколько иначе. Очевидно, что санскритизмы проникли в малагасийский в составе исходного австронезийского словаря, а значит, имеются основания рассматривать их как часть исконной малагасийской лексики. Из парадоксальности такого утверждения следует еще дальше идущий вывод о том, что в кругу австронезийских языков малагасийский представляет собой сложное вторичное (хронологически позднейшее) образование, со всей очевидностью не связанное напрямую с генеалогическими процессами дифференциации австронезийских языков на их родине.

Санскрит	Малайский/Яванский	Малагасийский
cukra “уксус”	малай.,яванс. *cuka*	*tsuha* “лимон”
koti “10000”	малай.,яванс. *keti* “100000”	*hetsi* “100000”
cesa “остаток”	малай. *sisa*	*sisa*

jagara “проснуться; охранять”	малай.,яванс. *jaga*	*zaha* “исследовать; следить”
ayasa “работа”	яванс. *yasa*	*mi-yasa* “делать, работать”
acvayuja/asudyi “название месяца в индуистском календаре ”	яванс. *Asuji* “сентябрь-октябрь”	малаг. *asotri* “зима”

Важную роль в малагасийской лексике играют заимствования из арабского языка. Несмотря на то что численность арабских переселенцев была относительно невелика, их влияние было значительным: названия месяцев, дней, а также времен года имеют арабское происхождение. Широко распространены арабские типы приветствий.

До появления арабов малагасийцы не имели собственной письменности. Первые тексты на малагасийским языке написаны при момощи арабского письма, называемого в местной традиции Sorabe («Большое письмо»). В частности, на крайнем юге Мадагаскара сохранились записанные арабским письмом легенды и предания. Малагасийцы приспособили арабский алфавит для передачи звуков своего языка и на его основе создали собственную письменность, то есть поступили так же, как, например, персы, турки и африканские народы, принявшие ислам[4].

В качестве яркого примера арабизмов в малагасийском языке можно привести названия дней недели:

Арабский	Малагасийский	Перевод
al-aḥad	alahàdy	воскресенье
al-ithnayn	alatsinàiny	понедельник
ath-thulāthā’	talàta	вторник
al-arbaʿā’	alarobìa	среда
al-khamīs	alakamìsy	четверг
al-jumʿa	zomà	пятница
as-sabt	asabòtsy	суббота

Вместе с тем существует немало языковых доказательств того, что после заселения острова австронезийцами имели место и заметные культурно-языковые контакты с племенами восточного берега Африки. Малагасийский словарь содержит многочисленные доказательства воздействия культуры банту[5]. Прибывшие группы австронезийских предков малагасийцев застали на острове население с развитым животноводством. Это видно, в частности, из названий большинства животных. В малагасийском языке они — африканского происхождения:

Малагасийский	Банту	Перевод
òmby	*mbe*	бык

[4] Ferrand 1905.
[5] Толстов 1954.

òndry	*gondzi*	овца
ampòndra	*m-pundra*	осел
papàngo	**-pungu*	ястреб
ambùa	*mbwa*	собака
kòngona	*kuŋguni*	клещ
lòlo	*m-lulu, ki-lulu*	бабочка
màmba	*mamba*	крокодил

Помимо заимствований названий животных, в малагасийском языке также можно выделить следующие слова африканского происхождения[6]:

Малагасийский	Банту	Перевод
akòndro	*kondo*	банан
ampèmba	*-pemba*	пшено
làsa	*latsa*	оставлять
làsa	*latsa*	пропадать
vahìny	*wa-geni*	незнакомец
vahìny	*wa-geni*	гость

Таким образом, в результате исследования лексики малагасийского языка уже можно различить основные контуры ее этимологических составляющих. Кроме базовой лексики малагасийского языка, общей с австронезийскими языками, в нем просматриваются пласты заимствований из санскрита, арабского, а также из языков банту.

ЛИТЕРАТУРА

Толстов С. П. 1954: Этнографические очерки. Москва.

Dahl O. Ch. 1951: Malgache et Maanyan. Une comparaison linguistique. Oslo.

Adelaar K. A. 1989: Malay Influence om Malagasy: Linguistic and Culture-historical Implications // Oceanic Linguistics. 1, 28.

Ferrand G. 1905: Les migrations musulmanes et juives à Madagascar. Paris.

Vocabulary Malagasy 2014: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wold.livingsources.org/vocabulary/28

[6] Vocabulary Malagasy 2014.

ETYMOLOGICAL COMPONENTS OF MALAGASY NATIVE LANGUAGE

M. O. Izhyk

The article covers some of the results of Malagasy dictionary research made by the author. This language is a western branch of geographically distant Malayo-Polynesian languages. In the middle of XX century the understanding of the scientists about kinship of Madagascar with the Malay language has become more detailed and the researchers found evidence of genealogical ties between Malagasy language and ma'anyan one, prevalent on the island of Borneo. These discoveries have led to a qualitatively new level of subsequent research where a great specification of language material has been achieved. Analogy of the Malagasy language with the lexicon of Malay evident in lexicon related to seafaring. The Malay vocabulary occurs also in metallurgy and in the names of body parts. Special importance for the reconstruction routes and time the main wave of migration the first of the Austronesian immigrants are borrowing from Sanskrit, which could appear in Malagasy only after their appearance in the languages of Borneo. At the same time there are many linguistic evidence that the after colonization of the island by Austronesians have taken place and notable cultural and linguistic contacts with the tribes of the eastern coast of Africa.

Key words: Malagasy language, Austronesian languages, Bantu languages, Sanskrit language, Arabic languages

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2014

В. В. Медведев

МОСТ В ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ ЧУВАШЕЙ

В статье речь пойдет о семантике моста в традиционной культуре чувашей. Помимо описания форм, особенностей строительства и назначения, проанализированы сакральные представления, связанные с постройкой. Мост рассматривается также как место переправы души умершего в загробный мир. Праведники проходили мост, грешникам он был недоступен. Представлены этнокультурные параллели с разными народами.

Ключевые слова: мост, традиционная культура, обряд, переправа, чуваши

Традиционная культура регламентировала расположение поселений, что отвечало повседневным потребностям и мировоззрению людей. В представлениях чувашей сёла и деревни должны были находиться в укромных местах, подальше от любопытных взглядов. Об этом во время похода на столицу Казанского ханства князь А. М. Курбский писал: «А сел со живущими зело мало: понеже у них (чувашей. — *В.М.*) села при великих крепостях ставлены и незримы, аще и по близку ходящим»[1].

Одним из условий развития поселения было наличие водоема — реки, озера, родника, ключа и т.д. Воду использовали для приготовления пищи, питья, ухода за домашними животными, омовения. При занятии огородничеством и садоводством брали воду для полива растений. Нередко разные концы поселения находились на двух берегах одной реки, в таком случае их соединял крепкий мост.

Помимо водоемов мосты проходили через овраги и иные естественные препятствия, встречавшиеся на пути в селение и внутри него (рис. 1). Например, через высохшее русло реки. Деревни по склонам оврагов, как и по берегам рек и озер, отвечали требованиям традиционного мировоззрения чувашей.

Происхождение слова *кĕпер* «мост» связывают с греческим языком[2]. Однако, Р. Г. Ахметьянов считает такое предположение ошибочным и проводит языковую

Медведев Владислав Валентинович — кандидат исторических наук, заведующий учебно-методическим кабинетом исторического факультета Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: vlad.etno@mail.ru

[1] Курбский 1902, 12.

[2] Егоров 1964, 106.

Рис. 1. Деревня Александровская (Казанская губерния, Ядринский уезд)
Для переправы построен деревянный мост. Фото И. К. Зеленова // МАЭ РАН.
Фонд Отдела Европы. Инв. № 1700-67

связь со словом *köпур* «кожаный мешок, набитый соломой», применявшийся при водных переправах. Подтверждают это алтайский и хакасский термины *когäр* «кожаный турсук», кабардино-балкарский *кюбюр*, *кöбур*, *кöмур* «сундук», киргизский *кöмуркöй* «сундучок из верблюжьей кожи» и т.д. Слово с таким значением, помимо чувашского, встречается в башкирском, татарском, марийском, тувинском, хакасском и других языках[3].

Две теории происхождения и развития слова *köpür* «мост», объединяет И. Н. Шервашидзе. Термин известен в древнетюркском языке предположительно с VIII в., а в XI в. он окончательно закрепился. По мнению ученого «немногие общетюркские грецизмы проникли в тюркскую языковую среду через какой-то, пока еще не идентифицированный промежуточный источник». Возможно, существовал язык-посредник[4].

Под мостом подразумевается сплошной настил из досок, бревен, брусьев для конного и пешего перехода. Постройку ставили поперек реки, оврага (рис. 2). Поэтому чуваши термином *кĕпер* одновременно обозначали «мост», «помост», «мостки»[5].

Мосты можно разделить на две категории: строившиеся основательно, крепко, и самыми примитивными способами. Крупные мосты возводили из добротного, прочного дерева. По словам поэтессы Эмине, «мост подпирают дубовые сваи»[6]. Дорога в село Чувашская Сорма, расположенное на берегу реки Сорма, проходила через «довольно большой мост»[7]. Такой мост состоял из *кĕпер кашти*

[3] Ахметьянов 1988, 134–135.
[4] Шервашидзе 1989, 79.
[5] Федотов 1996, 275.
[6] Арутюнов 1977, 597.
[7] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л. 51.

Рис. 2. Мост через реку
(РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, 2010 г., фото автора)

«продольных бревен, на которые настилали мост» и *кĕпер карлăкĕ*, *кĕпер решетки* «перил»[8]. Мост с перилами на фотографии (рис. 1).

Для небольших топких мест и расстояний делали некапитальные мосты. Например, из некачественных пород дерева, старого теса. На воде укладывали большие камни, по которым переходили реку. Наиболее простым типом моста был *хуп кĕпер*, *хоп кĕпер* «лубяной мост». Для проезда через препятствие использовали кору, оставшуюся при снятии мочала с луба. Корой плотно заваливали топь[9].

В традиционных представлениях многих народов присутствует образ моста или переправы в целом, как связующего звена между миром живых и мертвых. Сюжет моста мы находим в чувашском фольклоре. Переправы созданы природой, герои проходят через реку, океан. Нередко переправой служит мост, протянутый над водой. Для перехода в иной мир необходимо построить новый мост или просто проехать по нему[10]. В сказках он находится рядом с морем, домом на лугу, жилищем без крыши или протянут через водное пространство[11].

Образ моста представлен сказками «Мост Азамата» («узорчатый, сверкающий семью цветами»), «Эдикан и Удикан» («у этого моста доски были серебряными,

[8] Ашмарин 1999, 263.
[9] Ашмарин 2000а, 169.
[10] Салмин 1994, 226–227.
[11] Салмин 1994, 251.

Рис. 3. Обрядовый мост (*Хупраххан*, *Чинави*, *Шинави*, *Çинави*). Фото А. К. Салмина (Куйбышевская обл., Шенталинский р-н, д. Старое Афонькино, 1990 г.)

перила — золотыми»), «Иван-батыр» и др.[12]. Аналогично и в русских волшебных сказках. Например, в повествовании «Царь-медведь» Марья-царевна бросает полотенце над озером и создает высокий мост[13]. Герой «Калевалы» Лемминкейнен волшебством возводит ледяной мост, преодолевая преграды на своем пути[14].

Мотив перехода из одного состояния в другое отчетливо прослеживается в похоронно-поминальной обрядности чувашей. Поминая усопшего на сороковой день и установив надмогильный памятник *юпа*, покойного приглашали домой. Неподалеку в овраге собирали импровизированный мостик (рис. 3–4). Укладывали две или три доски, по углам ставили палки (по одной на каждой стороне), к ним крепили длинные жерди, символизировавшие перила. Рядом с мостом устанавливали два стола. В середине доски выбивали проем и продевали в него заготовленную палку — ножку. Закончив мост и столы, чуваши отправлялись домой поминать покойного. Возвращались перед рассветом с музыкантом, танцевали, пели, продолжали совместную трапезу. Каждый из присутствующих приплясывал с метлой на мосту. Сначала мели перед собой, возвращаясь, следы заметали. На столе раскладывали посуду и еду для покойного, перед отъездом разбивали и сбрасывали в овражек[15]. Н. Я. Золотов, рассматривая представления чувашей, отметил существование веры в жизнь в загробном мире. Для создания дома и

[12] Димитриев 1984, 3, 23, 28–41.
[13] Круглова 1989, 273.
[14] Лённрот 1915, 211–212.
[15] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 171–174.

Рис. 4. Переход через мост в день *юпа* «день окончательных проводов души умершего» (РТ, Лениногорский р-н, д. Новое Сережкино)
Фото А. А. Трофимова // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 958. № 7

домашнего быта покойному были необходимы надмогильные сооружения *юпа* и *чартак*, стол, небольшой стульчик, мост[16].

Чуваши, проходя по мосту, облегчали движение души покойного из мира живых, т.е. деревни, в мир умерших — кладбище (рис. 4). Мост устанавливали через овраги, ложбины, преграды с водой, при входе на сельское кладбище. Закончив обрядовые действия, пищу, стол и стул сбрасывали в овраг, а мост оставляли нетронутым для пользования в дальнейшем[17].

Деревянный мост устанавливали в определённом для каждого поселения месте. «Эти доски, по верованию чуваш, служат для покойника мостом, по которому он переходит в светлые обители рая»[18].

Уничтожение предметов, связанных с покойником или их изоляция от людей и прочих вещей была распространена у удмуртов. «Нечистые» вещи сжигали или выбрасывали в овраги за границей поселения. Относили под ель, растущую у дороги. Выбрасывали постель, одежду и обувь усопшего, стружки от гроба, луб на котором мыли тело. Специальные овраги, ложбины и пустыри, куда относили предметы, удмурты называли *кыр куян*[19]. Сочетание означало «луба выбрасывания (место)»[20]. Чуваши верили, что выброшенный луб послужит покойному саня-

[16] РАН. Ф. 77. Оп. 1.30. Л. 140.
[17] Салмин 2007, 343–345.
[18] Прокопьев 1903, 31–32.
[19] Емельянов 1921, 11.
[20] Садиков 2001, 133.

ми, на которых он будет навещать своих родных[21]. Локус, служивший для нахождения вещей и мусора от похорон, удмурты именовали и *куяськон*[22].

Чуваши собирали во дворе мусор, оставшийся от изготовления гроба, увозили вслед за покойником. Мусор выбрасывали в овраге или по дороге на кладбище[23]. Помимо сора и одежды, завершив похоронную процессию, уносили и другие предметы, которыми пользовался усопший, «чтобы покойник по привычке к этим вещам не воротился за ними в свой дом». Места, где выбрасывали бытовые предметы, любили посещать умершие, поэтому для них приносили еду и пиво[24]. Овраги имели собственные имена. Например, *Чанака* и *Хĕл каççи*[25]. Некрещеные чуваши д. Старое Афонькино Шенталинского района Самарской области овраг, куда бросают луб, на котором мыли умершего, называют *Хупраххан* «(овраг, куда) выбрасывают лубья»[26].

Мероприятия, проводимые родными покойного, были направлены на очищение, защиту дома и его обитателей от вредоносных духов и нежелательных последствий общения с ними. Жители Западного Памира с этой целью организовывали комплекс обрядовых действий, предотвращавших распространение «нечистоты», связанной с умершим, и, одновременно, очищавших «пространство нечистоты»[27].

Мост, по которому проходили души усопших, чуваши выкладывали из половин трех расколотых бревен. Нижней частью служила округлая сторона[28] (рис. 5). Смысл этого моста в том, что при переходе по нему бревна раскачивались. Полагали, если человек грешный, он может упасть с моста в овраг, т.е. бездну (= ад). Безгрешные могут переходить беспрепятственно. В традиционной религии чувашей такой мост называли *Чинави*, *Шинави*, *Çинави*. Мост у чувашей перекликается с мостом *Чинват* в зороастризме[29].

Мост Чинват «разделяющий», «разлучающий» или «собирающий», «строящий» был предназначен для переправы душ в загробный мир[30].

Так мерзавец ошибется
в Вере правильной взаправду
И душою содрогнётся
на Мосту Чинват за злое,
Что творил и говорил он,
Сбившись с Истины пути[31].

По учению Заратуштры люди, почитавшие *Ахура-Мазда* и жившие в согласии, преодолевали мост *Чинват* и попадали в *Дом Хвалы* «рай», в отличие от греш-

[21] Прокопьев 1903, 19.
[22] Верещагин 2006, 139.
[23] НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. Л. 694.
[24] Сбоев 1856, 133.
[25] Ашмарин 2000а, 142; 2000б, 17.
[26] ПМ Салмин А.К. 1990, Куйбышевская обл., Шенталинский р-н, д. Старое Афонькино.
[27] Шоинбеков 2007, 12.
[28] Трофимов 2009, 143.
[29] Трофимов 1993, 66–67.
[30] Стеблин-Каменский 2000, 299.
[31] Стеблин-Каменский 2000, 295.

Рис. 5. Мост для перехода души в иной мир. Фото А. К. Салмина
(Куйбышевская обл., Шенталинский р-н, д. Старое Афонькино, 1990 г.)

ников, отправлявшихся в *Обитель Лжи* «ад»[32]. Перед мостом поступки человека взвешивали на весах и определяли его дальнейшую судьбу[33]. Совершенное и не искупленное преступление, обрекало душу человека и девять его поколений на страдания. Мост для них был непроходим[34].

На «страшный высокий мост Чандвар» (*Чинват*. — *В.М.*) приходили «и праведный, и грешный», т.е. все души умерших[35]. Чистые души без труда преодолевали мост, а грешники с моста, который суживался до ширины волоса и становился острым как лезвие, попадали в ад. Чтобы помочь грешной душе и её потомкам пройти мост, совершали жертвоприношения, проводили очистительные обряды[36]. Для облегчения перехода души по мосту исмаилиты Западного Памира резали барана. Грехи усопшего переходили животному, что способствовало легкой переправе через мост[37].

Мост *Чинват* — это путь по водному пространству, разделяющему царства живых и мертвых. Если грешный не мог его преодолеть, то для праведной души ширина моста была «в девять копий или двадцать семь стрел»[38].

Мост *Чинави* в религии чувашей и мост *Чинват* в зороастрийской традиции по своему назначению близки к мосту *Сират* в исламе. Например, чепецкие татары верили, что мост был испытанием для верующих. Праведники пересекали *Сират* вслед за овцой, коровой и верблюдом, принесенных в жертву при жизни, грешники падали в пропасть. Мостом служила радуга — *салават күпер*[39]. Радуга

[32] Стеблин-Каменский 2009, 121–122, 152.
[33] Чунакова 1997, 12.
[34] Рак 1997, 113.
[35] Чунакова 1997, 84.
[36] Периханян 1983, 81.
[37] Шоинбеков 2007, 13.
[38] Петрухин 2010, 284.
[39] Касимова 2003, 151, 288.

олицетворяла мост и у чувашей, что видим из названий *аслати кĕперри*, *асамат кĕперри*, *сĕвек кĕперри* и др.[40].

В поминальных текстах башкир говорится:

Ножки мои пусть не скользят,
Когда придется пройти Сират.
Гайшу и Фатиму — святых
Пошли мне спутницами ты[41].

Спутницы моста *Сират* аналогичны прекрасной деве с двумя собаками, встречавшей души усопших перед *Чинватом*, провожавшей праведников[42]. «Младшая Эдда» повествует о деве Модгуд, охранявшей «выстланный светящимся золотом» мост через реку, ведущий в страну мертвых[43].

Обрядовый мост через овраг на кладбище в традиции чувашей, как и зороастризме, определял судьбу покойного, направляя его в рай или ад. Души пользовались мостом при посещении своих родных, во время поминания[44]. Марийцы для перехода души через реку, ближайшую к деревне, перекидывали доску (бревно), называемую «мост покойников»[45].

Возможно, округлые стороны расколотых бревен, качавшиеся при переходе, должны были напоминать живым, что после смерти они будут пересекать мост *Чинави*, на котором взвесят их прижизненные поступки. От принятого решения и будет выбрано место пребывания и состояния души.

Добавим, что под деревенским мостом чуваши могли держать кузовок с *Йĕрĕхом*[46].

Таким образом, мост представлял переход, переправу. Он соединял два берега реки, две стороны оврага, два мира. Живых людей и их предков связывал обрядовый мост *Чинави*, *Шинави*, *Çинави*. Согласно верованию чувашей, преодолевая препятствия в виде опасного моста, души умерших одновременно, переходили из одного мира в другой.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнов Л. Н. (сост.) 1977: Поэзия народов СССР XIX — начала XX века. М.

Ахметьянов Р. Г. 1988: Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.

Ашмарин Н. И. 1999: Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 7–8. Чебоксары.

Ашмарин Н. И. 2000а: Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 15–16. Чебоксары.

Ашмарин Н. И. 2000б: Словарь чувашского языка: в 17 т. Т. 17. Чебоксары.

Верещагин Г. Е. 2006: Собрание сочинений. Вотско-русский словарь: в 6 т. Т. 6. Кн. 2. Ижевск.

Димитриев П. Е. (ред.) 1984: Чувашские сказки. Чебоксары.

40 Ашмарин 1999, 263.
41 Зарипов, Юсупов 2010, 336.
42 Мейтарчиян 2001, 42–43.
43 Смирницкая, Стеблин-Каменский 2006, 49.
44 Салмин 2007, 345.
45 Яковлев 1887, 72.
46 Салмин 2007, 422.

Егоров В. Г. 1964: Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары.

Емельянов А. И. 1921: Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Вып. III. Казань.

Зарипов Н. Т., *Юсупов Р. М.* (ред.) 2010: Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Т. 12. Уфа.

Касимова Д. Г. 2003: Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX — XX вв.). Ижевск.

Круглова Ю. Г. 1989: Сказки. М.

Курбский А. М. 1902: А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. СПб.

Лённрот Э. 1915: Калевала. Финский народный эпос. М.

Мейтарчиян М. Б. 2001: Погребальные обряды зороастрийцев. М., СПб.

Периханян А. Г. 1983: Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.

Петрухин В. Я. 2010: Загробный мир. Мифы о загробном мире: мифы разных народов. М.

Прокопьев К. П. 1903: Похороны и поминки у чуваш. Казань.

Рак И. В. (ред.) 1997: Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб.

Садиков Р. Р. 2001: Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). Уфа.

Салмин А. К. 1994: Народная обрядность чувашей. Чебоксары.

Салмин А. К. 2007: Система религии чувашей. СПб.

Сбоев В. А. 1856: Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань.

Смирницкая О. А., *Стеблин-Каменский М. И.* (ред.) 2006: Младшая Эдда. СПб.

Стеблин-Каменский М. И. (ред.) 2000: Гаты Заратуштры // ВДИ. 2, 290–300.

Стеблин-Каменский М. И. (ред.) 2009: Гаты Заратуштры. СПб.

Трофимов А. А. 1993: Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары.

Трофимов А. А. 2009: Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура. Чебоксары.

Федотов М. Р. 1996: Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х тт. Т. 1. А–Р. Чебоксары.

Чунакова О. М. (ред.) 1997: Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. М.

Шервашидзе И.Н 1989: Фрагмент общетюркской лексики: Заимствованный фонд // Вопросы языкознания. 2. 54–92.

Шоинбеков А. А. 2007: Традиционная погребально-поминальная обрядность исмаилитов Западного Памира (конец XIX — начало XXI вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб.

Яковлев Г. 1887: Религиозные обряды черемис. Казань.

A BRIDGE IN TRADITIONAL LIFE OF THE CHUVASHI

V. V. Medvedev

The article deals with the semantics of the bridge in the traditional culture of the Chuvash people. In addition to describing the forms of construction features and the purpose, sacred notions associated with construction are being analyzed. The bridge is also examined as the place of crossing the soul of the deceased in the afterworld. Righteous could go across the bridge, for sinners it was unavailable. Ethno-cultural parallels with different nations are represented.

Key words: bridge, traditional culture, ritual, crossing, Chuvashi

© 2014

И. Р. Атнагулов

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ И ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАГАЙБАКОВ

Представленный сюжет посвящён вопросу формирования и основных этапов этнической истории нагайбаков — изначально сословной группы в составе кряшен Восточного Закамья, а к началу XX в. — вполне самостоятельной группой в среде казачьего населения Оренбургской губернии, имеющей признаки этноса. В статье также рассматриваются вопросы, связанные с христианизацией нагайбаков и других народов Среднего Поволжья, демографической ситуацией и некоторыми особенностями этнической культуры исследуемой группы.

Ключевые слова: нагайбаки, кряшены, татары, оренбургские казаки

Со времени формирования нагайбаков — первой трети XVIII в. и до настоящего времени исследуемая группа сменила две этнических территории: с 1736 до 1842 г. — Восточное Закамье и с 1842 г. — Южное Зауралье.

Среди исследователей XIX–XX вв. встречаются различные точки зрения относительно проблемы этногенеза нагайбаков, которые можно свести к двум основным версиям. Согласно одной из них, происхождение нагайбаков связано почти исключительно с казанскими татарами. В. Н. Витевский, ссылаясь на документальное подтверждение, предоставленное ему нагайбакским урядником п. Фершампенуаз С. И. Никитиным, пишет что основу нагайбаков составили казанские крещёные татары[1]. Доказательством того В. Н. Витевский считает сходство языка и этнографических особенностей тех и других. Особенно в указанном документе подчёркивается добровольность крещения предков нагайбаков, вопреки широко распространённому мнению. Версия о казанско-татарском происхождении нагайбаков не исключается Е. А. Бектеевой[2]. Здесь наиболее достоверным является факт о происхождении их от так называемых арских татар, которые упоминаются в вышеназванных исследованиях. Арскими татары назывались по месту жительства. Город Арск расположен восточнее Казани на правом берегу реки Казанки. Впервые т.н. арские князья упоминаются в русских летописях конца XV в[3]. Возможно, что название города связано с восточно-финскими племенами, на землях которых он находился. Казанские татары до сих пор удмуртов называют «ар, арлар»[4]. Поскольку этот город являлся административным центром, то в нём наверняка должно было находиться сравнительно многочисленное войско[5]. После взятия Казани Иваном Грозным арские служилые татары, как и большинство выс-

Атнагулов Ирек Равильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

[1] Витевский 1891, 258.
[2] Бектеева 1902, 165.
[3] Исхаков 1998, 31.
[4] Токарев 1958, 150.
[5] Исхаков 1998, 32.

шей феодальной знати Казанского ханства, довольно быстро приняли крещение[6] и сохранили тем самым свой социальный статус.

Об арском происхождении сохранилось предание и среди самих нагайбаков. В. Н. Витевский, ссылаясь на документ, подтверждающий татарское происхождение нагайбаков, тут же упоминает о том, что среди них было много татарских мурз[7]. Этот факт был замечен Д. М. Исхаковым и нашёл своё место в его интерпретации предания о происхождении нагайбаков от арских татар. Он отмечает что, во-первых, крещёные татары села Карабаян (Богородицкое) Лаишевского уезда Казанской губернии рассказывают об одном из их родоначальников — Исхаке, бывшем княжеского рода и при взятии Казани командовавшем арскими наездниками[8]. Д. М. Исхаков предполагает существование возможной связи между этими арскими наездниками и одними из предков нагайбаков — арских татар[9]. Далее он продолжает, что, во-вторых, в Казанском ханстве арские князья владели Арской даругой и в XVI–XVII вв. назывались служилыми татарами[10]. В подтверждение своей версии он приводит топонимические материалы: номенклатура части названий кряшенских деревень Казанского, Лаишевского и Мамадышского уездов Казанской губернии обнаруживает параллели с нагайбакскими селениями Восточного Закамья, куда они были переселены позже. Эта версия выглядит вполне убедительной, к тому же нам известно о передвижениях топонимов у нагайбаков. Следует сказать, что эта точка зрения и близкие к ней на сегодняшний день являются наиболее распространёнными и общепринятыми. Да и среди самих нагайбаков, по нашим полевым данным, бытует мнение о происхождении их из татар[11].

Согласно другой версии, этнический субстрат нагайбаков составили в основном выходцы из Ногайской Орды. В прошлом такой точки зрения придерживался П. И. Небольсин. Он пишет, что от юртовских и кундровских татар услышал предание, что несколько семей ногайцев белой кости, поссорившись со своими родичами, откочевали от устьев Волги в Нарын-Пески, оттуда степями левого берега Волги достигли до Кинели и потом перешли на реку Ик. Село их стало называться Нагайбаком[12]. В пользу ногайского происхождения свидетельствует некий документ, представленный Е. А. Бектеевой, которая сама, как известно, была из нагайбаков. В частности она передаёт: «Казань взята царём Иоанном Васильевичем Грозным 1-го октября 1552 года, тогда и ногаи окрестились, записались в подушный оклад и переселились на свободные башкирские земли»[13].

Помимо двух основных предположений, существует ещё одна, так называемая народная версия, которая в некоторой степени объединяет предыдущие гипотезы. Нам удалось её услышать со слов директора Нагайбакского историко-краеведческого музея А. М. Маметьева. Согласно преданию, в 1533 г. 18-летняя дочь Ногайского мурзы Юсуфа по имени Сеюмбеке стала женой Казанского хана

[6] Исхаков 1998, 233
[7] Витевский 1891, 258.
[8] Исхаков 1995, 11.
[9] Исхаков 1995, 11.
[10] Исхаков 1995, 11.
[11] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Фершампенуаз, 1998.
[12] Небольсин 1852, 21–22.
[13] Бектеева 1902, 165.

Жангарея. Вместе с дочерью, в качестве личной охраны, было отправлено 600 холостых джигитов из состоятельных семей. В результате ряда дворцовых переворотов они были вынуждены остаться в Казани и жили на Арской заставе. После взятия Казанского ханства Иваном Грозным они были крещены[14].

До сих пор остаётся дискуссионным вопрос о добровольном или насильственном крещении предков нагайбаков. Разные источники дают противоречивые ответы. О принудительном крещении казанских татар после 1552 г. известно хорошо. Вместе с тем, в литературе не раз упоминалось о добровольном принятии христианства частью татарских мурз. Например, В. Н. Витевский, согласно предоставленному ему документу, пишет о добровольном принятии христианства предками нагайбаков при Иване Грозном[15]. Известно также о бытовании несторианского христианства в ногайско-кыпчакской среде эпохи Золотой Орды[16]. Трудно установить, какое количество христиан осталось после исламизации населения этого государства. Возможно, что какая-то часть населения сохраняла приверженность несторианству. На основе этого свою версию строит М. С. Глухов, считающий, что значительная часть кряшен имеет несторианское прошлое. Таким образом, при Иване Грозном произошло их вторичное крещение, которое не могло носить принудительного характера[17]. Согласно гипотезе М. С. Глухова, происхождение нагайбаков следует увязывать в основном с выходцами из Ногайской Орды.

Не вызывает сомнения и тот факт, что среди предков нагайбаков было немало мусульман и поклонников родовых верований. В пользу первых говорит заметный пласт пережитков в культуре. Пережитки позднеродовых элементов в культуре указывают на их возможную генетическую связь с восточными финнами. П. И. Рычков, описывая население Нагайбакской крепости, отмечает следующее: «В здешней округе издавна проживали новокрещёные и иноверцы. Первых, в отличие от нынешних новокрещёных, правильнее старокрещёными называть, поскольку они, как сами о себе говорят, да и по документам известно, ещё во времена Иоанна Грозного из мусульман, и даже из идолопоклонников, приняли святое крещение»[18].

Некоторую сложность и запутанность в изучение проблемы происхождения нагайбаков привносит свободное обращение с терминами *ногаи* и *татары* в разных источниках. В одних случаях оба этнонима противопоставляются друг другу, разделяя ногайских татар (ногаев) и казанских татар (казанцев); в других случаях обозначения *ногаи* и *татары* выступают как тождественные. По нашим полевым данным, в культуре нагайбаков поволжско-татарский компонент доминирует. Однако не следует отрицать участия ногайско-кыпчакских и восточнофинских элементов в этногенезе нагайбаков. В этом точка зрения автора близка к предположениям Д. М. Исхакова[19].

Трудностью в исследовании проблемы происхождения нагайбаков является также сравнительно позднее появление данного этнонима в литературе. Впервые *нагайбаки* как название этнической группы было зафиксировано в 1852 г.

[14] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Фершампенуаз, 1998.
[15] Витевский 1891, 258.
[16] Глухов 1997, 372.
[17] Глухов 1993, 135.
[18] Рычков 1999, 269–270.
[19] Атнагулов 2007, 50.

П. И. Небольсиным[20]. До этого времени они фигурировали под названиями «новокрещёные», «старокрещёные», «старокрещёные татары-казаки», «крещёные казаки» и др[21]. Известно, что обозначения «новокрещёные» и «старокрещёные» распространялись на все группы инородческого христианского населения Волго-Камья[22]. По материалам конца XVIII — начала XIX вв. видно, что среди сословных групп казачьих поселений Белебеевского уезда Уфимской губернии особо выделяются «казаки», «старокрещёные татары-казаки», «крещёные казаки» и «татары-казаки»[23]. Скорее всего, именно они и явились ядром формирования татар-казаков, объединившихся впоследствии под общим этнонимом — нагайбаки. Помимо перечисленных сословных групп, рядом с татарами-казаками в тех же населённых пунктах проживали ясачные новокрещёные татары, ясачные новокрещёные тептяри, ясачные старокрещёные тептяри и др. Между этими группами и казаками существовали брачные связи[24].

В середине XVIII в. в число казаков Нагайбакской крепости и близлежащих населённых пунктов было включено шестьдесят восемь человек, выбежавших в Оренбург из казахского плена[25]. Все они были выходцами из государств Центральной и Западной Азии. П. И. Рычков пишет, что, приняв крещение, они были поселены около Нагайбакской крепости вместе с местными новокрещёными. В число этих людей входило: персов — 45, арабов — 12, бухарцев — 3, каракалпаков — 2 человека[26]. Е. А. Бектеева к этому добавляет, что позже, во времена царствования императрицы Екатерины II, сюда были включены пленные турки и арабы. По её мнению, нагайбакские фамилии Аюбашевы, Карабашевы и Араповы от них и происходят[27].

Наконец, ещё одним, правда, небольшим иноэтничным вливанием в состав нагайбаков были крещёные калмыки, переселённые в Верхнеуральский уезд из упразднённого Ставропольского казачьего войска. Их селили не отдельными станицами, а среди русских и нагайбаков. Часть этих калмыков со временем полностью перешла на язык нагайбаков и восприняла их культуру.

Таким образом, в этногенезе нагайбаков следует выделить три основных этапа. Точкой отсчёта целесообразно выбрать середину 50-х годов XVI в., поскольку с этого времени началась массовая христианизация населения бывшего Казанского ханства. О выделении каких-либо сообществ в качестве предков нагайбаков в период Казанского ханства говорить сложно. Противоположная точка зрения уже высказывалась М. С. Глуховым, с которым отчасти можно согласиться в том смысле, что так называемые служилые татары (казаки) как сословие были известны гораздо раньше завоевания Казани, но самостоятельного этнического самосознания они не имели. После падения ханства в 1552 г. эти служилые татары, в число которых, видимо, входили и выходцы из Ногайской орды, были выселены восточнее, в Заказанье (район города Арска). Главным событием первого этапа

[20] Небольсин 1852, 21–22.
[21] Исхаков 1995, 9.
[22] Глухов 1997, 378, 428.
[23] Исхаков 1995, 9.
[24] Исхаков 1993, 131.
[25] Рычков 1887, 136.
[26] Рычков 1887, 136–137.
[27] Бектеева 1902, 166.

можно считать акт христианизации предков нагайбаков. Возможно, что уже в этот период в их состав влилась какая-то часть христианизированных финнов. Родовое качество этих татар как людей умелых в военном деле и способных к службе использовалось в государственных интересах.

В начале XVIII в. новокрещены упоминаются в Восточном Закамье. Д. М. Исхаков считает, что среди них находились и будущие нагайбаки[28]. Видимо, переселение крещёных татар с Арской Заставы в Восточное Закамье было связано со строительством новых укреплений по Закамской линии. Строительство их было начато в 1732 г., протяжённость линии проектировалась от устья р. Кинель до устья р. Ик, но завершения этот проект не получил в связи с созданием Оренбургской экспедиции и строительством новых линий[29]. Тем не менее, в 1736 г. на предполагаемой линии продолжения новых Закамских укреплений, в районе р. Ик, была заложена Нагайбакская крепость, где и были расселены старокрещёные[30]. По мнению П. И. Рычкова, название крепости происходит от имени жившего здесь башкира Нагайбака. В том же году они по именному указу императрицы Анны Иоанновны за неучастие в башкирских бунтах и активную помощь в их подавлении были освобождены от ясака и определены в Оренбургское казачье войско.

Тридцатые годы XVIII в. можно считать началом второго этапа формирования нагайбаков. В литературе отмечались миграции кряшен из других уездов в Восточное Закамье уже во второй половине XVII в[31]. Однако рубежным этапом в истории нагайбаков является 1736 г., после которого они были переведены в казачье сословие, что явилось вторым после крещения актом, повлиявшим на их дальнейшую судьбу. Д. М. Исхаков считает, что переселение предков нагайбаков в Уфимский уезд могло быть не ранее 1652–1656 гг. — времени проведения Закамской линии, но не позднее 1726 гг. — времени первого упоминания о них в здешних местах[32].

Итак, с 1736 по 1842 г. нагайбаки были расселены сначала в пределах Уфимской провинции, а с 1780-х гг. территория их расселения входит в состав Белебеевского уезда Оренбургской губернии. Центром их расселения было бывшее село Нагайбаково, ставшее теперь Нагайбакской крепостью. По состоянию на середину XVIII в. П. И. Рычков так описывает эту крепость: «Укрепление сего места состоит в том, что всё жило обнесено оплотом, а к одной стороне сделан рубленый замок, где канцелярия, воеводский дом, цейхгауз, соляные и провиантские магазины. Жительства в нём до 120 дворов. Церковь во имя Живоначальной Троицы построена в 1746 году». Далее П. И. Рычков сообщает об остальных населённых пунктах нагайбаков[33]. Согласно Ф. М. Старикову[34], и по данным V ревизии (1795 г.)[35], татары-казаки населяли следующие деревни: Бакалы, Большие и Малые Усы, Дияшево, Новое Юзеево, Балыклы, Акманово, Сарашлы, Килеево,

[28] Исхаков 1995, 5.
[29] Рычков 1999, 218–219.
[30] Рычков 1999, 268.
[31] Исхаков 1993, 130–131.
[32] Исхаков 1995, 5.
[33] Рычков 1999, 269–270.
[34] Стариков 1881, 85.
[35] Исхаков 1995, 9, 13.

Илеково, Маты, Костеево. Хотя казачье население этих деревень и вступало в контакты с другими сословиями крещёных татар (см. выше), но социальное обособление их уже наблюдалось, что и было зафиксировано указанным документом. Вместе с тем в этот период ещё нет свидетельств появления у них собственного этнического самосознания.

Решающую роль в обособлении нагайбаков как самостоятельной этнической единицы сыграло переселение их в 1842 г. на территорию Южного Зауралья. С этого времени начинается третий этап в формировании нагайбаков. Весной 1842 г., ввиду усиления района по крепостям Новой линии, из станиц Бакалинской и Нагайбакской Белебеевского уезда Уфимской губернии были переселены казаки III и V кантонов в количестве 2877 человек мужского пола. Из них 1250 нагайбаков мужского пола основали посёлки Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия, носивших в то время ещё номерные наименования[36]. Другая часть казаков-нагайбаков поселилась в станицах Оренбургского и Троицкого уездов. Они заняли географически обособленное положение по отношению к нагайбакам Верхнеуральского уезда, и в дальнейшем их судьбы складывались по-разному. Другие группы кряшен, жившие с ними в одних и тех же деревнях, остались в Белебеевском уезде. На прежней родине нагайбаков все населённые пункты сохранились, но уже без казачьего населения. Местная подгруппа кряшен получила название бакалинской. Она, хотя и поддерживала некоторое время родственные связи с нагайбаками, всё же является самостоятельной этнокультурной единицей[37].

По нашим полевым данным, со слов информаторов, переселение нагайбаков на новое место носило характер быстрой и масштабной акции. Срок для сборов был определён в 24 часа. Из необходимых вещей казакам разрешалось брать с собой рабочий скот и хозяйственный инвентарь (орудия для обработки земли и инструмент для рубки леса и строительства домов)[38]. Каждая переселенческая семья получала от 50 до 75 стволов строевого леса[39]. На каждую мужскую душу полагалось по тридцать десятин земли[40].

Как уже отмечалось, в Оренбургской губернии казаки-нагайбаки создали три относительно самостоятельных территориальных подгруппы — чебаркульскую (троицко-бакалинскую), оренбургскую и верхнеуральскую. Е. А. Бектеева пишет, что, переселяя нагайбаков из Белебеевского уезда, правительство предоставило им самим право выбирать местожительство в крае. Бóльшая часть нагайбаков основала моноэтничные посёлки Кассель, Остроленку, Фершампенуаз, Париж, Требию и др. на территории Верхнеуральского и Троицкого уездов, а остальная часть расселялась по русским казачьим селениям, ближе к Оренбургу[41].

Вот как выглядел этнический состав населения вновь образованных посёлков[42]:

---

36 Правила о переселении 1843, 34.
37 Исхаков 1993, 10.
38 ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Фершампенуаз, 1998.
39 Маметьев 1997, 14.
40 Бектеева 1902, 169;
41 Бектеева 1902
42 Правила о переселении 1843, 34.

№ посёлка	Название посёлка	калмыков	нагайбаков	всего
№ 1	Кассель	29	200	229
№ 2	Остроленка	19	200	219
№ 3	Фершампенуаз	—	350	350
№ 4	Париж	32	300	332
№ 8	Требия	—	200	200

О том, что казаки-нагайбаки вполне хорошо устроились на новых землях, говорят некоторые данные по динамике численности этой группы на протяжении середины XIX в.:

Число жителей мужского и женского пола в Остроленке, Фершампенуазе, Требии и Париже в 1844 г[43]

Название посёлка	Кол-во душ муж. пола	Кол-во душ жен. пола
Остроленка	257	283
Фершампенуаз	464	457
Требия	269	399
Париж	372	399

Число дворов и душ мужского пола в Касселе, Остроленке, Требии, Фершампенуазе и Париже в 1853 г[44]

Название посёлка	Кол-во дворов	Число душ муж. пола
Кассель	69	241
Остроленка	93	283
Требия	93	293
Фершампенуаз	156	493
Париж	145	316

Уникальность верхнеуральской подгруппы состояла в том, что они, расселившись компактно, в основном в моноэтничной среде, смогли тем самым максимально сохранить присущие им культурные черты, а также создать комплекс новых, подчёркивающих их своеобразие и неповторимость, в то время как нагайбаки Оренбургского уезда, поселившись рядом с русскими, вступили, кроме того, в контакты с татарами-мусульманами, что и привело их к ассимиляции последними. Вот что об этом процессе пишет Е. А. Бектеева: нагайбаки, поселившись в русских посёлках, совершенно утратили свои этнические черты, и, общаясь с оренбургскими татарами, они отчасти, тайно предались магометанству. «Так как в этих посёлках русских больше, то и богослужение в церквях совершается на славянском языке. Большинство здешних нагайбаков — христиане только номинально, но старательно скрывают это от русских. Священникам местные казаки оказывают почтение, но если пристальнее всмотреться в отношение их к своему иерею, то под маской угодливости нельзя не заметить в них холодно-жестокую

[43] ГАОО.Ф. 6. Оп. 11. Д. 1793. ЛЛ. 19 об. — 20.
[44] ГАОО.Ф. 6. Оп. 11. Д. 1993. ЛЛ. об. — 65.

уступчивость необходимости и совершенное отсутствие искренности. Они склонны к магометанству, а сами ровно ничего не понимают в этой религии, и не пристали, как говорится, ни к вашим, ни к нашим… Недавно жители Неженского посёлка подали прошение, из которого видно, что они не желают иметь в своём обществе христиан, никогда не посещающих церкви. Нагайбаки всполошились и не пропускают теперь ни одной церковной службы. Но как далеки они от того чувства, каким переполнены сердца их же собратьев остроленцев, фершампенуазцев, парижан и др.»[45].

Соседство с русскими, как это ни парадоксально, не склонило нагайбаков к упрочению в христианской вере, а скорее наоборот, привело к обратному эффекту. Как видно из приведённой цитаты, этому способствовало незнание нагайбаками русской речи и отсутствие для них проповеди на родном языке, в то время как верхнеуральские нагайбаки уже давно имели священников из числа крещёных татар. Другим важным фактором, содействующим смене религиозной принадлежности, было близкое соседство татар и активность мусульманского духовенства. Это широко наблюдалось во второй половине XIX — начале XX вв. в Поволжье и на Урале в связи с изданием правительством ряда законодательных актов о свободе вероисповедания[46].

Акция переселения нагайбаков в Новолинейный район, видимо, встретила отдельные проявления неповиновения казаков. Один пример был сообщён А. М. Маметьевым (п. Фершампенуаз). Согласно рассказу, его предок, сотник Нагайбакской станицы П. С. Маметьев, отказался переехать на Новую линию. По приказу генерал-губернатора Перовского сотник был доставлен в Оренбург для объяснения. Несмотря на строгий тон при разговоре, Пётр Семёнович не изменил своё решение. Сотник Пётр Маметьев был разжалован в чине, закован в кандалы и под конвоем доставлен в посёлок №3 (Фершампенуаз), который заселялся его станичниками. Оставшись под наблюдением трёх уважаемых казаков, Пётр Семёнович с семьёй проживал здесь до конца жизни, похоже, так и оставшись непокорным. Земли, принадлежавшие ему, он продал, а деньги, вырученные от продажи, разделил между сыновьями. Среди современных старожилов нагайбакских посёлков сохранились предания ностальгического содержания, услышанные ими в своё время от родителей, где рассказывается о природе покинутых мест[47].

Тем не менее, во второй половине XIX в. казаки-нагайбаки вполне освоились на новом месте. В 1866 г. в станицах Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Требия, Арси и Куликовский в 859 дворах проживало 5949 человек. А в 1877 г. в тех же населённых пунктах зафиксировано в 1038 дворах 7268 человек. По переписи 1897 г., население нагайбакских посёлков распределялось следующим образом[48]:

Название населённого пункта	Количество дворов	Количество жителей
Кассель	139	927
Остроленка	196	1394

[45] Бектеева 1902, 180–181.
[46] Брайан-Беннигсен 1994, 110.
[47] ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, п. Фершампенуаз.
[48] Маметьев 1997, 226.

Название населённого пункта	Количество дворов	Количество жителей
Фершампенуаз	243	1844
Париж	268	1909
Требия	189	1124
Куликовский	260	1532
Астафьевский	83	457
Всего:	1118	9187

По данным переписи, в Оренбургской епархии числилось 12 000 нагайбаков[49]. Таким образом, к началу XX в. нагайбакское население Верхнеуральского уезда сформировалось во вполне определённое сообщество, хотя и имеющее исторические и культурные связи с татарами, но вместе с тем выработавшее особое самосознание с этносословной окраской.

ЛИТЕРАТУРА

Атнагулов И. Р. 2007: Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск.

Бектеева Е. А. 1902: Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества. Вып. II. / В. И. Ламанский (ред.). СПб., 165–181.

Брайан-Беннигсен Ф. 1994: Миссионерская деятельность в Поволжье // Татарстан. 1–2, 110–113.

Витевский В. Н. 1882: Нагайбаки Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Волжско-Камское слово. 72, 74, 80, 138, 144.

Витевский В. Н. 1891: Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды IV Археологического Съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. II. Казань.

Глухов М. С. 1997: Tatarica. Энциклопедия. Казань.

Глухов М. С. 1993: Судьба гвардейцев Сеюмбеки. (Неформальный подход к ещё ненаписанным страницам истории). Казань.

Исхаков Д. М. 1993: Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань.

Исхаков Д. М. 1998: От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю татар XV — XVII вв.). Казань.

Маметьев А. М. Край нагайбакский. Челябинск.

Мухаметшин Ю. Г. 1992: Этнографический обзор поселений, усадеб и построек татар Астраханской области // Астраханские татары. Казань, 48–73.

Исхаков Д. М. 1995: Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). Казань, 4–18.

Небольсин П. И. 1852: Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник ИРГО. Ч. IV. Кн. I. / В. А. Милютин (ред.). СПб, 1–34.

Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. 1843. СПб.

[49] Маметьев 1997, 226.

Рычков П. И. 1887: Топография Оренбургской губернии. Сочинение П. И. Рычкова 1762 года. Оренбург.

Рычков П. И. 1999: Топография Оренбургской губернии. Уфа.

Стариков Ф. М. 1881: Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург.

Токарев С. А. 1958: Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.

Уерт П. 1995: Отпадение крещёных татар // Татарстан. 1–2, 106–112.

TO THE ISSUE OF ETHNOGENESES AND PERIODIZATION OF THE NAGAIBAKS HISTORY

I. R. Atnagulov

The article is focused on the issue of formation and the main stages of the ethnic history of the Nagaibaks — originally the estate of a group of the Kryashens of East Kama, and in the beginning of the 20th century — a fully independent group among the Cossack population of the Orenburg province, having features of an ethnic group. The article also discusses issues related to the Christianization of the Nagaibaks and other peoples of the Middle Volga region, demographic situation and some features of the ethnic culture of the group under research.

Key words: nagaibaks, kryashens, tatars, Orenburg cossacks

© 2014

И. Р. Атнагулов

ЖИВОТНОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАГАЙБАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье содержится этнографический материал о животноводческой деятельности нагайбаков Верхнеуральского уезда во второй половине XIX — начале XX в. Данная группа сформировалась в XVIII в. на базе крещёных татар и других народов Среднего Поволжья и Прикамья в. в условиях, где господствовало земледельческое хозяйство. Переселение в Южное Зауралье в 1842 г., где нагайбаки оказались в условиях засушливого степного климата, а также соседство с кочевниками-казахами привнесли некоторые изменения как в саму систему животноводства, так и в её относительную долю в общем хозяйственном комплексе нагайбаков.

Ключевые слова: животноводство, нагайбаки, казахи, башкиры, оренбургские казаки

Животноводство в изучаемый период являлось вторым по значению, после земледелия, в хозяйственной деятельности казаков-нагайбаков. Как и у подавля-

Атнагулов Ирек Равильевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова. E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ющего большинства волго-уральских татар, у нагайбаков животноводство носило пастбищно-стойловый характер, однако некоторая специфика в этой отрасли исследуемой группы всё же существовала. По сравнению с другими группами татар и кряшен, у нагайбаков животноводство в системе жизнеобеспечения играло более важную роль, но, тем не менее, занимало подчинённое место по отношению к земледелию.

Начнём с того, что содержание и разведение домашних животных и птиц всегда было традиционной и важнейшей отраслью сельского хозяйства татарских крестьян. В середине XIX — начала XX в. животноводство у большинства поволжско-татарского населения имело в основном натуральный, потребительский характер. Тем не менее, животноводство означало очень много для крестьянского хозяйства. Лошади и волы были единственной тягловой силой для земледельческой техники того времени. Животноводство было источником навоза — важнейшего средства поддержания плодородия почвы. Домашний скот и птица предоставляли продукты питания (мясо, молоко, яйца) и сырьё (кожу, шерсть, кость, пух) для кустарной промышленности и нужд домашнего хозяйства. И, наконец, наличие строевой лошади являлось необходимым условием в обеспечении казака.

Большинство татар Поволжья и Приуралья не только в описываемое время, но и много раньше относилось к хозяйственно-культурному типу оседлых земледельцев. Специфике образа жизни и хозяйства отвечал и состав стада, характерный для оседлого животноводства: значительное место в нём занимал крупный рогатый скот. Среди оседлоземледельческого населения Поволжья и Приуралья татары отличались наибольшей приверженностью к скотоводству вообще и овцеводству в частности.

После падения крепостного права развитие капитализма в России вызвало разложение натурального потребительского животноводства, складывание специализации на местах, формирование элементов, направлений, а затем и целых районов торгового, капиталистического производства. В особо значительных размерах получает развитие товарное производство в Оренбургской губернии. Одна из основных причин этого — значительно лучшая обеспеченность сенокосами и пастбищами. Даже в начале XX в. у казаков-татар станицы Мухраново на двор приходилось более двадцати десятин сенокосов в пойме р. Урал[1]. Роль животноводства в хозяйстве нагайбаков неуклонно возрастала и по причине соседства со скотоводами. В начале XX в. у казака Танаева в п. Кассель Верхнеуральского уезда насчитывалось около 1500 овец[2]. В среднем по состоянию на конце XIX в. в Оренбургской губернии на 100 жителей приходилось примерно 200 голов скота, при этом до 50% удельного веса приходилось на мелкий рогатый скот[3].

Породы домашнего скота у нагайбаков, в целом, мало чем отличались от тех животных, что содержали соседние народы. Лошади *(ат)* в табунах нагайбаков преобладали монгольской или азиатской породы, в Европейской России известные как башкирские, киргизские или калмыцкие. Н. А. Халиков, опираясь на документы XIX в., писал, что основной породой лошадей в Оренбургской губернии

[1] Халиков 1995б, 124.
[2] Халиков 1995б, 124.
[3] Халиков 1995б, 124.

была башкирская — низкорослая, но мускулистая крепкая и быстрая[4]. От башкирских лошадей особой рьяностью и дикостью отличались киргизские[5]. Уступая силой и ростом русской лошади, степные ценились за выносливость, поскольку могли пройти без отдыха и корма до 100 км. Использовались они для верховой езды, но мало подходили для тяжёлой земледельческой работы, вследствие чего они обычно заменялись быками или волами[6]. Поэтому башкирскую и киргизскую лошадь в Оренбургской губернии можно было увидеть часто.

Отношение к лошадям у нагайбаков было особое. Каждый казак обязан был иметь строевую лошадь. Их содержали лучше, редко использовали в работе, держа почти всё время в конюшне, и старались кормить только отборным овсом, смешивая его с ржаной мукой. Лошадей ежедневно чистили, купали не реже двух раз в неделю. Каждое лето проводились лагерные сборы, на которых устраивались скачки с джигитовкой. Казакам, вырастившим лучших скакунов, выдавали денежные премии. В июне 1909 г. казак станицы Фершампенуаз Иван Дмитриевич Ерёмин, представивший на выставку одну матку с тремя приплодами (двух-, трёх- и четырёхлеток) с производителем тёмно-гнедой масти, получил первую премию — 175 руб.[7].

Крупный рогатый скот *(сыер, угез)* в Верхнеуральском уезде, как и в других районах Южного Зауралья, был в основном калмыцкой или киргизской породы мясного направления. Поскольку эту породу чаще всего держали не крестьяне, а казаки, то её называли ещё и «линейной», так как владельцы подобного скота расселялись по сторожевой линии. Скот киргизской породы был довольно крупным: обычно весил 18-25 пудов, против 12-18 пудов у крестьянской коровы, и к тому же давал прекрасное мясо[8]. Верблюдов *(дөя)* нагайбаки, в отличие от южных соседей, татар-казаков Оренбургского и Орского уездов, в хозяйстве не использовали.

Овцы *(сарык)* были распространены как русской, или «волотской», породы, отличавшейся небольшим живым весом (1-1,8 пуд.) и выходом шерсти не более 1-1,5 кг в год, так и ордынской или башкирской курдючных пород *(куй)*. Их отличало наличие курдюка — жирового отложения у хвоста. Вес последнего достигал 4-10 кг[9]. Нагайбаки среди мясной пищи предпочитали баранину, поэтому поголовье овец в их хозяйствах было несколько бóльшим, чем у других оседло-земледельческих этносов, обитавших по соседству, например, у русских казаков. В небольшом количестве разводили коз *(кәҗә),* в основном малоимущие казаки для молока, мяса и шерсти. О том, что татары Оренбургской губернии охотно разводили коз, сообщают П. Н. Распопов[10] и В. М. Черемшанский[11].

Разведение свиней *(дуңгыз)* у нагайбаков в прошлом широко распространено не было. По свидетельству наших современников из числа старшего поколения, свиньи в хозяйствах нагайбаков в большом количестве начали появляться только

---

[4] Халиков 1978, 82.
[5] Халиков 1978, 83.
[6] Халиков 1995б, 125.
[7] Байтеряков (рукопись), 19.
[8] Халиков 1995б, 126.
[9] Халиков 1995б, 126.
[10] Халиков 1978, 83.
[11] Черемшанский 1859, 366.

в 40-50-е гг. XX в. Их в основном откармливали на продажу[12]. Употребление в пищу свинины не запрещалось, но и не предпочиталось. Люди преклонного возраста вообще отказывались от этого продукта. Свинина также отсутствует в обрядовой пище нагайбаков, как и у других групп крещёных татар[13]. По-видимому, это связано с мусульманским прошлым.

В целом на рубеже XIX-XX вв. животноводство у нагайбаков носило пастбищно-стойловый характер: с весны до осени скот у хозяев выпасался под присмотром пастухов (поэтому поля и деревни, кроме специальных выгонов, не огораживались); на зиму помещался в хлева и иные животноводческие постройки. Землянки для скота встречались редко, и в них содержали только овец. Как и кряшены Среднего Поволжья и Прикамья[14], отелившуюся корову и телёнка в зимние холода нагайбаки содержали дома, там же корову и доили.

Иными были способы содержания скота у зажиточных нагайбаков, державших многочисленные стада. Классических летовок *(җәйләү)* или зимовок *(кышлау)* кочевого или полукочевого скотоводства, как у соседних казахов, башкир или оренбургских татар-казаков, у нагайбаков не было[15]. Состоятельные хозяева при удалённости наделов и пастбищ от населённого пункта, достигавшей 25-30 вёрст, часто выезжали на всё лето с домочадцами и всем скотом на хутор *(кырга чыгу, заимка)*. Осенью, нередко и зимой, там оставались со скотом взрослые сыновья и наёмные рабочие, поскольку корма на зиму для многочисленного скота везти на усадьбу было накладно. Поэтому на хуторе была земляная или срубная изба с хлебопекарной печью, клетью и другими постройками. Широко практиковалась и отдача своего скота на лето в стада соседних казахов, а молодняк и непродуктивный скот содержались кочевниками по договору круглый год. Не держали дома и дойных кобылиц; сами нагайбаки кумыс не делали, но охотно пили его у казахов и башкир. В начале XX в. кредитные товарищества, помимо земледельческого инвентаря, выдавали казакам с выплатой в рассрочку рабочий скот — лошадей и волов[16].

У нагайбаков сохранились и некоторые животноводческие обряды, возможно имеющие древние дохристианские корни: вывешивали на усадьбе череп лошади в качестве оберега; павшее от болезни домашнее животное непременно закапывали на месте, где его застала смерть — в хлеву, на дворе, на выгоне и т.д. После поминального обеда *(аш биру)* тазовую кость *(янбаш)* жертвенного животного (обычно корова или овца) родственники умершего охраняли всю ночь до утра, а затем вывешивали на чердаке в доме покойного, где она должна была находиться постоянно. Подобный обычай в нагйбакских селениях сохраняется по сегодняшний день и был зафиксирован нами в ходе полевых исследований.

Прибыльной отраслью хозяйства нагайбаков было птицеводство: «Откармливание домашней птицы для продажи особенно развито в Верхнеуральском уезде у нагайбаков…»[17]. На Верхнеуральском рынке в 70-е гг. XIX в. гусь стоил 20-30

[12] ПМА, 1998. Фершампенуаз.
[13] Мухаметшин 1977, 47.
[14] Мухаметшин 1977, 47.
[15] Халиков 1995а, 24.
[16] Байтеряков (рукопись), 33.
[17] ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 54 об.

коп., курица — 15-25 коп., сотня яиц — 30-70 коп.[18] Поэтому почти каждая семья держала кур *(тавык),* часто гусей *(каз),* несколько реже — уток *(урдәк)* и ещё реже — индеек *(куркә).* У нагайбаков сохранился обычай так называемой «гусиной помощи» *(каз өмәсе)*: во время массового забоя гусей в ноябре со всей деревни в дом приглашаются женщины для помощи в ощипывании птицы, после чего следовал коллективный ужин. Гуси и утки с весны до осени все дни, а порой и ночи проводили на близлежащих водоёмах. Зимовала птица, точнее оставленные на племя производители, в хлевах вместе со скотом или в жилых избах.

Таким образом, животноводство в хозяйственной деятельности верхнеуральских казаков-нагайбаков играло одну из важнейших ролей. Безусловно, что в прошлом животноводство у предков нагайбаков играло ещё более важную роль. Особое внимание к лошадям у нагайбаков отмечалось многими наблюдателями в XIX в. В хозяйствах зажиточных казаков скот был породистый и всегда ухоженный.

Подобное отношение к животным, и к лошадям в частности, принято связывать с глубокими кочевническо-скотоводческими традициями предков татар. С этим нельзя не согласиться. Однако определённую роль в регенерации подобных традиций сыграло общение с башкирами и казахами[19]. Не следует забывать и о том, что в число казанских татар влилось немало ногайско-кыпчакских элементов. Последние, возможно, сыграли решающую роль в этногенезе нагайбаков.

Нагайбакские казачьи станицы, как и вообще российская деревня второй половины XIX в., переживали социально-классовое расслоение. Некоторые из казаков, получая кредиты на приобретение рабочего скота, использовали их не по назначению, занимаясь покупкой и сбытом товаров. Однако подобные действия осуждались со стороны правления кредитных товариществ[20].

В начале XX в. капиталистические отношения начали складываться и в нагайбакских селениях. Нами уже отмечалось большое товарное значение земледелия и скотоводства среди верхнеуральских нагайбаков. К этому следует добавить, что в селениях оренбургских казаков устраивались мини-заводы по производству молочной продукции. До начала XX в. производство молочных продуктов носило кустарный характер и сбыт их был весьма ограниченным. Обычно молоко перерабатывалось на масло, а потом в топлёном виде оно продавалось. Крупный рынок находился далеко от населённых пунктов — в Верхнеуральске. Небольшое количество масла сбывали на субботней ярмарке Балканского золотого прииска, а по воскресеньям — в посёлке Требия, находящемся в трёх верстах от прииска. Кроме того, покупали топлёное масло заезжие перекупщики в обмен на другие промышленные товары. Иногда скупщикам помогал кто-либо из местных жителей, собирая всё масло от односельчан у себя в доме. По свидетельству Н. В. Байтерякова, цены на нагайбакское масло были низкие и продавали его исключительно из-за того, что больше некуда было девать[21].

Первым, кто наладил промышленное производство масла, был подъесаул Пётр Альметьев, открывший маслодельный завод в п. Фершампенуаз, в доме

[18] ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 55.
[19] Халиков 1995б, 132.
[20] Байтеряков (рукопись), 33.
[21] Байтеряков (рукопись), 20.

своей сестры — вдовы Пелагеи Игошевой. Она имела большой крестовый дом, достаточный для вмещения небольшого маслодельного завода. С открытием маслодельного завода Альметьев обеспечил своих и близких и односельчан постоянным заработком. Сбывал всю продукцию он по договорённости казачьим гарнизонам г. Верхнеуральска, Троицка и Оренбурга, а также на Курганский завод. Вскоре Петром Альметьевым были пущены подобные заводы ещё в трёх селениях — Остроленке, Куликовке и Красненском. К концу первого десятилетия XX в. промышленные маслобойки и сепараторы имелись во многих хозяйствах нагайбаков.

Таким образом, животноводческое хозяйство нагайбаков второй половины XIX — начала XX в. отличали ряд особенностей. Степной характер местности обусловил иные правила содержания скота. Увеличилось поголовье, стал практиковаться длительный выпас в летнее время, но отсутствовало летне-зимнее кочевание. Эти особенности хозяйственной деятельности несколько сблизили нагайбаков с соседями — кочевниками-казахами и полукочевниками-башкирами — и заметно дистанцировали нагайбаков от их ближайших родственников — кряшен и татар волго-камского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Мухаметшин Ю. Г. 1977: Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX — начало XX вв. М.

Халиков А. Х. 1978: Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань.

Халиков Н. А. 1995: Хозяйственная культура нагайбаков // Нагайбаки. (Комплексное исследование группы крещёных татар-казаков) / Д. М. Исхаков (отв. ред.). Казань, 19–29.

Халиков Н. А. 1995: Хозяйство татар Поволжья и Урала. Казань.

Черемшанский В. М. 1859: Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа.

CATTLE BREEDING OF THE NAGAIBAKS IN THE SECOND PART OF THE 19th — THE EARLY 20th CENTURY

I. R. Atnagulov

This article provides an ethnographic material on pastoral activities of the Nagaibaks in Verkhneuralskiy province in the second half of the 19th — the early 20th century. This group was formed in the 18th century on the basis of baptized Tatars and other peoples of the Middle Volga and Kama region, in circumstances of collective farmers. Relocation in the Southern Urals in 1842, where the Nagaibaks were in the dry steppe climate, and neighbouring to the nomad Kazakhs have brought some changes in the system itself, cattle breeding, and in its relative share of the total economic complex of the Nagaibaks.

Key words: cattle breeding, the Nagaibaks, the Kazakhs, the Bashkirs, Orenburg cossacs

© 2014

А. А. Ярзуткина

ТОРГОВЦЫ-ЛАВОЧНИКИ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЧУКОТКИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: МИКРОИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье на основе ранее не привлекавшихся документов и устной истории реконструируются факты жизни и деятельности в конце XIX — начале XX в. торговцев из числа коренных жителей Чукотки, владеющих торговыми лавками. Рассматривается вопрос об их месте в традиционном социуме, взаимоотношениях с американскими предпринимателями и особенности организации ими торгового процесса.

Ключевые слова: микроистория, традиционная культура, Чукотка, торговля, торговые посредники

В конце XIX — начале XX в. Чукотский полуостров являлся местом активных торговых контактов между коренными жителями — чукчами и эскимосами — и американскими предпринимателями-европейцами. Процесс их торговых взаимодействий подчинялся сезонности: длительность навигационного периода в акваториях Чукотского и Берингова морей составляла четыре месяца в году. В остальное время морское сообщение между Чукоткой и американским побережьем было невозможным. Одним из способов поддержания непрерывности торгового процесса в течение года было открытие торговых лавок в поселениях коренных жителей и выделение торговых посредников, содержавших эти лавки.

В отечественной научной литературе вопрос о торговом посредничестве среди чукчей и эскимосов рассматривался в основном с позиции перехода их общества на новый уровень социально-экономических отношений[1]. Большинство исследователей склонялось к мнению, что выделившиеся торговые посредники быстро отходили от занятия торговлей и не сформировали отдельный класс, а потому в отечественных работах многие вопросы деятельности коренных торговцев остались неизученными. Среди зарубежных исследователей вопрос об аборигенном посредничестве на Чукотке изучался историком Дж. Бокстоком. Среди коренных жителей, занимавшихся меновой торговле, он выделял «торгующих вождей» — лидеров поселений, взявших на себя роль посредников в торговле и владевших определенным запасом товаров[2]. В работе Дж. Бокстока имеются описания деятельности отдельных «торгующих вождей», однако основным источником для него в этом вопросе явились труды В. Г. Богораза.

В настоящей работе на основе ранее не привлекавшихся архивных документов, текстов воспоминаний, описаний, отчетов, записок различных людей, посещавших Чукотку либо проживавших на полуострове в середине XIX — начале

Ярзуткина Анастасия Алексеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения РАН. E-mail: jarzut@yandex.ru

[1] Архинчеев 1957, 43–98; Вдовин 1965, 270; Диков 1989, 119; Куликов 2002, 99–123.

[2] Bockstoce 2010, 339–346.

XX века, будут реконструированы факты жизни и деятельности торговцев-лавочников из числа коренных жителей Чукотки и рассмотрен вопрос об их месте в традиционном социуме. Для воссоздания более полной картины будет привлечена устная история, полученная в ходе интервью у потомков отдельных коренных торговцев[3].

В поселениях по побережью Чукотского полуострова по мере активизации иностранной торговли, увеличения ввоза морем промышленных товаров, а также с появлением у коренного населения возможности получать дополнительный доход за пределами своего натурального хозяйства, нанимаясь матросами на китобойные шхуны, возникает группа торговцев-лавочников. Мы определили данную категорию коренных торговцев именно как «лавочники» по причине их отличия от остальных торговых посредников наличием стационарной торговой точки — постройки, служащей складом и магазином промышленных товаров и продуктов традиционного промысла. Численность торговцев-лавочников по побережью Чукотского полуострова не была стабильной и ежегодно незначительно варьировала. В 1898 году иеромонах Венедикт, путешествующий с миссионерской целью по побережью, насчитал 13 лавок[4]. В 1900 году, по сведению В. Г. Богораза, лавок было 14, причем располагались они, по его словам, в основном на Восточном мысу и мысу Чаплина, где море благодаря сильному течению освобождается ото льда уже в середине апреля[5]. В 1902 году начальник Анадырской округи Н. Сокольников писал о 12 деревянных складах, владельцами которых были эскимосы[6]. В 1905–1906 годах доктор Кириллов насчитал не менее 15 домиков-амбаров из американского леса, используемых как торговые лавки[7]. В 1909 году, по данным Н. Ф. Калиникова, таких лавок было уже несколько десятков[8].

Лавки располагались в наиболее крупных населенных пунктах, причем, как свидетельствуют современники, в одном населенном пункте их могло быть несколько. Например, в 1902 году в Унныне[9] (мыс Чаплина) было 3 склада товаров, в Наукане (мыс Дежнева) — 4, в Имтуне и Эунмуне (близ бухты Провидения) по 2, на острове Ыттыгран и в селе Уэлен — по одному[10].

Имеются сведения о персоналиях эскимосских и чукотских торговцев-лавочников. По ряду сообщений 1894–1901 гг., несколько лавок было у чукчи Кувара на мысе Чаплина[11]. Одну из них горный инженер К. И. Богданович запечатлел на фотографии[12]. Помимо Кувара, в селении Уннын жили еще двое торговцев — Нэкэчик и Элэхты, — которые, как и Кувар, имели склады товаров, привозимых по их

[3] Из этических соображений и по просьбе опрашиваемых мы не приводим ссылки на фамилии и имена информантов. При этом даются указания на пол, год рождения, национальность, место жительства и дату записи интервью. Ссылка на человека, сообщившего информацию, дается следующим образом: заглавные буквы Ф.И.О., пол, год рождения, национальность, место рождения (место жительства), род занятий, дата записи интервью.

[4] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 3.

[5] Богораз 2011, 86.

[6] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 30.

[7] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 206. Л. 46.

[8] Калинников 1912, 178–179.

[9] Другие названия: Уназик, Индиан Пойнт (Indian Point), Старое Чаплино.

[10] РГИА ДВ. Ф. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 30.

[11] Богораз 2011, 86; Забытая окраина 1902, 41 и др.

[12] Богданович 1901, 20–21.

заказу с середины 80-х гг. XIX в.[13] В селе Рыркайпий за мысом Северный располагались торговые лавки Алитета. В селе Наукан П. Ф. Унтербергер, К. И. Богданович и Ч. Мэдсон застали два деревянных домика американской постройки. Там торговым агентом был Напасак[14]. В селе Нунямо располагался деревянный склад торгующего инородца; одна лавка была в Нешкане[15]. В 1905 году К. Н. Тульчинский сделал фото торгующего чукчи Вайслергина, или, как его называли, «Чарли», жившего в с. Нунямо[16]. У торгующего в Энмелене чукчи был построен из желобчатого железа склад для товаров, доставленных из Америки[17]. В селении Чечен деревянный склад имел чукча Чарли, являющийся торговым агентом американца Олафа Свенсона[18]. В Уэлене посреднической торговлей занимался Тнэскын (чукча/эскимос — в разных источниках — *А.Я.*), имевший склад, магазин и собственную шхуну[19]. По сведению наших информантов, в селе Уннын во втором десятилетии XX века торговый склад имел эскимос Уытак[20]. В селе Уэлен лавки имели два человека — чукчи Оой и Гемаугье[21]: «*Вот Гемаугье у нас* (в Уэлене — *А.Я.*) *был. Ему построили домик американский. Там у него был свой магазин, завешанный шкурьем, и с ним вели торг. Только с ним вели торг, потому что он знал и понимал, и знал цену, и мог договориться. И он работал на благо своего рода, своей общины*»[22].

Появление лавок было результатом взаимоотношений с американцами, и именно последние привнесли в местную среду факториальную форму торговли. Лавки приобретались коренными жителями двумя путями. В одном случае деревянный склад с товарами был формой оплаты за успешную работу на китобойной шхуне. В последние годы XIX века и первые годы XX века цена китового уса была очень высокой, и заработная плата китобоев коренной национальности была достаточно большой[23]. Как сообщал бывший торговец А. И. Караев, число деревянных построек, служивших у эскимосов лавками, стало заметно увеличиваться именно в те годы, когда китовый ус ценился особенно высоко и была большая добыча китов[24]. Через несколько лет работы на судне коренной житель мог приобрести деревянный домик и товары, чтобы открыть свою лавку. О том, что лавки коренные жители получали в результате работы на американских китобойных шхунах, свидетельствовали наши информанты. Коренной торговец Кувар, по сведению В. Г. Богораза, именно так заработал свой первый деревянный склад. Одна из наших информантов рассказывала: «*Мужчины, кто на китобойных судах работали, получали, как заканчивали <…> им выплачивали <…> Ну, например, наш дед получил деревянный домик. Но они в нем не жили, а его приспособили*

[13] Гондатти 1898, 12–13.
[14] Богданович 1901, 63; Унтербергер 1912, 287; Madsen 1957, 49.
[15] СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 116. Л. 2; Богданович 1901, 47.
[16] Архив РГО. Р. 112. Оп. 1. Д. 793. Л. 59.
[17] Унтербергер 1912, 280.
[18] Архив МАЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 123. Л. 21.
[19] Диков 1989, 119; Гондатти 1898, 12–13; Куликов 2002, 121.
[20] ПМА: ТРА/ж-1943/эскимоска/Кивак (Новое Чаплино)/пенсионерка/11.09.2012.
[21] ПМА: ГВВ/ж-1966/чукчанка/Уэлен (Анадырь)/служащая/10.12.2012; ПМА: ПТА/ж-1945/чукчанка/пенсионерка/Уэлен/08.02.2013.
[22] ПМА: ПТА/ж-1945/чукчанка/пенсионерка/Уэлен/08.02.2013.
[23] Bockstoce 2010, 344.
[24] Караев 1926, 147–148.

как склад, потому что деду еще выплатили несколько мешков муки, сахару, там сладости <…> Деда Уытак звали, материн отец <…> Его часто на китобойное судно брали. Как охотничий сезон весной начинался и до осени <…> Этот домик был в Старом Чаплино»[25].

В другом случае лавку приобретали за пушнину, клыки моржа, шкуры медведя и китовый ус. Н. Ф. Калинников писал, что американские торговцы и отдельные китобои всегда имели «*лес для построек, потому что первое, что спрашивает убивший кита и потому сразу обогатившийся чукча или айван (эскимос — А.Я.), это лавку, а затем товару в нее настолько, насколько хватит у него покупных средств*»[26]. В перечнях товаров, ввозимых американцами на территорию Чукотки, действительно имелись материалы для постройки деревянных домиков американского образца.

По сведению Н. Ф. Калинникова, торговые лавки представляли собой небольшие амбарчики около 33 м², сколоченные по американскому образцу из брусьев и досок, с 1–2 окнами, полом и потолком[27]. Н. Гондатти так описывал торговые точки в Уэлене (1894 г.): «*В Уэлене два склада и один сарайчик, сколоченный из американского леса, сравнительно, довольно плохо. Видно, что склады привезены не готовыми, как в Уннын и Эунмун, а только доставлен лес, и то не особенно хороший, сарайчик же поставлен, лет 15 тому назад, из досок с выкинутой шхуны, а склады лет 11–12. При осмотре складов, товаров в них никаких уже не оказалось, все распроданы, а была только пушнина, шкуры и жир морских животных, моржовые зубы и разные домашние изделия*»[28].

У В. Г. Богораза имеется рисунок оленного чукчи Амулина, родом из глубины Телькепской тундры на устье реки Анадыря, сделанный на стойбище Чечен во время этнографических исследований ученого в 1899–1900 гг., который представляет стойбище богатого чукотского торговца мехами. На веревках развешаны вверху песцы, пониже наискось росомахи и далее лисицы. Внизу две перекрещивающиеся линии волчьих шкур. В различных местах на стоячих платформах уложены тюки товаров. Обращают на себя внимание значки, которыми помечены различные склады. Эти значки сделаны самим рисовальщиком. Один означает оленьи шкуры, другой — ремни и т.д.[29]

Деревянный домик в социуме коренных жителей представлял элемент престижа и символически приобщал его владельца к американской культуре. О возможности хранить товары в традиционном жилище коренных жителей свидетельствует тот факт, что один из торговцев в селе Наукан организовал торговый склад не в домике, а в яранге[30]. Н. Ф. Калинников писал: *«Мечта каждого жителя восточного побережья выстроить деревянную лавку… Лавка, продукт позднейшего нововведения, действительно очень полезна для берегового жителя, имеющего постоянную оседлость, так как не только выполняет свое прямое назначение, но и служит в то же время и мастерской и складом для всей его рухляди»*[31]. Нали-

[25] ПМА: ТРА/ж-1943/эскимоска/Кивак (Новое Чаплино)/пенсионерка/11.09.2012.
[26] Калинников 1912, 69.
[27] Калинников 1912, 178.
[28] Гондатти 1898, XV.
[29] Богораз 1913, 412.
[30] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 30.
[31] Калинников 1912, 178–179.

чие у коренного жителя деревянного склада с товарами также свидетельствовало об особых торговых способностях его владельца, возможности дополнительно обеспечить продуктами своих родственников и в случае необходимости соплеменников. Щедрость в культуре чукчей и эскимосов была основой престижного поведения. По мнению наших информантов, торговцем мог стать не каждый житель, а только тот, кто имел для этого способности, широкие связи и кто пользовался авторитетом среди соплеменников. Приведем цитату из одного интервью: «*Те, кто торговали раньше, это не просто так, как вот сейчас <…> Он должен был быть умным и еще экономистом, сообразительным. Он должен иметь связи хорошие, уметь торговать <…> Чутье какое-то иметь должен. Это надо быть уважаемым, чтобы и на той стороне* (имеется в виду на Аляске — *А.Я.*) *и тут. Чтобы конфликтов у него не было. Обычный человек не мог стать торговцем*»[32].

С появлением торговых лавок коренные жители стали накапливать опыт торговли и в результате, познакомились с деньгами, могли отличить качественный товар от некачественного и владели информацией о спросе иностранцев на виды местной продукции и спросе своих соплеменников на промышленные товары. Американский исследователь Б. Барбоур, характеризуя влияние европейских маклеров на индейцев, привел следующее высказывание одного из торгующих, уместное также для характеристики взаимоотношений американцев и коренных посредников: «*Разговор и инструкции, полученные [индейцами] от торговцев, повысили их знания, увеличили их желания и стимулировали их хозяйство*»[33].

Знания английского языка, цен и товарного ассортимента, опыт посреднической торговли, связи, навыки делового общения, возможность делиться с соплеменниками и делать подарки продуктами, пользующимися наибольшим спросом, повышали статус торговца-лавочника в среде коренных жителей. Многие из них приобретали лидерские позиции. Например, современники, встречавшие торгового агента Кувара[34], писали о нем в основном как о главе (старосте, хозяине) села Уннын. Вопрос о традиционной власти у чукчей и азиатских эскимосов еще не изучен до конца. По нашему мнению, лидерство у этих народов было индивидуализировано и имело специализацию. В прибрежных поселениях жители не обязательно объединялись вокруг одного и того же человека на охоте, в торговле, при решении важных вопросов. Принималось лидерство того, кто в тот или иной отрезок времени имел успех в определенном виде деятельности, и соответственно таких лидеров могло быть одновременно несколько. Кувара можно назвать торговым лидером, влияние которого имело как экономическое, так и политическое основание. Он вел переговоры с должностными лицами и путешественниками, посещавшими селение Уннын[35]. Экономическое положение позволяло ему иметь трех жен, которые связывали Кувара с другими родами-кланами, населявшими

[32] ПМА: ГВВ/ж-1966/чукчанка/Уэлен (Анадырь)/служащая/10.12.2012.

[33] Barbour 2001, 9.

[34] Богданович 1901, 20; Богораз 2011, 85–86; Забытая окраина 1902, 41; Олсуфьев 1896, 177; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 529 Л. 19; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 2; Тульчинский 1906, 36; Унтербергер 1912, 297.

[35] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 2; Тульчинский 1906, 36; Унтербергер 1912, 297 и др.

Уннын[36]. Также Кувар был удачливым охотником[37], что было значимым для поддержания имиджа лидера.

Аккумулирование в лавке товаров, принадлежащих антагонистам в обмене, было одним из закономерных этапов процесса торговли в условиях Чукотки. Коренные владельцы деревянных домиков-складов выступали торговыми агентами американцев и были посредниками в торговле между своими соплеменниками и американскими предпринимателями и китобоями. Посредством этой торговой точки они имели возможность предоставлять промышленные товары на реализацию разъездным торговцам либо сами выезжали для обмена в соседние поселения и стойбища оленеводов, а также торговали в розницу на месте. К ним же стекалась пушнина, китовый ус, изделия традиционных промыслов, предназначенные для обмена с американскими предпринимателями; товары, полученные у русских (котлы, черкасский табак) — для обмена с коренными жителями Аляски.

В 1906 году П. Ф. Унтербергер описывал содержимое лавки в селе Наукан: *«Зайдя в один из таких складов, чукчи Напасака, застали там сложенными различные товары для торговли, а именно разную пушнину, китовый ус, сахар, чай, табак, фаянсовую посуду, мануфактурный товар и др. Были даже американские кресла. Селение это ведет самые оживленные сношения с американцами, и шхуны последних постоянно появляются здесь»*[38]. Чарли Мэдсон, также побывавший в лавке Напасака, описывал ее следующим образом: «*Китобойные снасти, гарпуны, копья, винтовки и ряды мехов висели на стенах. На полках были коробки с амуницией, табаком, напильниками, коробки сахара в кусках, несколько кружек, блюдца и рулоны ситца. Ниже полок были составлены бочки с мукой. Несколько закрытых ящиков и ящиков с моржовыми костями стояли вдоль одной стены. Как оказалось, у Напасака на его посту было больше товаров для торговли, чем мы привезли на [шхуне] «Immaculate». Однако многих товаров у него не хватало, и он стремился пополнить свои запасы на своих собственных условиях»*[39].

По сведению Н.Гондатти, в 1894 году на склад в селе Уэлен ее владельцем от американцев было взято 6 винчестеров, 35 пачек (по пятидесяти штук в каждой) патронов, 12 банок пороха, 60 прутов свинца, 3 банки пистонов, 10 капканов, фунтов двадцать прядева, 26 кульков муки, 10 ящиков табаку, два куска дрели и кусок ситца, немного патоки, галет и разных мелочей. За это передано из хранившихся на складе вещей 9 шкур белых медведей, 45 песцов, 1 шкура черного медведя, 40 взрослых пыжиков, 35 пар моржовых зубов, 4 кухлянки и 20 пар торбасов. Также Н. Гондатти перечисляет товары, полученные на склад от оленных чукчей и коренного населения островов Берингова пролива и Аляски[40].

Н. Сокольников сообщал, что большая часть товаров сосредоточена у некоторых богатых чукчей, имеющих для них деревянные американские постройки. Из товаров он перечислял пшеничную муку в кульках, бумажные материи, вин-

[36] ПМА: ЯАВ/ж-1960/эскимоска/Новое Чаплино/учитель/15.09.2012; ПМА: ПСВ/ж-1964/эскимоска/Новое Чаплино/15.09.2012; ПМА: ПТВ/ж-1971/эскимоска/Новое Чаплино/15.09.2012 (Торговец (Кувар (1841 - ~ 1906), по их сообщению, являлся братом Пангауи (1873 — 1945), сын которого Апа приходился дедушкой информантам).

[37] Богораз 2011, 86.

[38] Унтербергер 1912, 287.

[39] Madsen 1957, 49.

[40] Гондатти 1898, XV.

честеры, сахар к кусках пиленый, мелиссу (худший сорт патоки), чай, кофе, табак, керосин, разные консервы в жестянках, спиртные напитки[41].

Склады торговца Кувара, по сведению проспектора Билла Джонса, были заполнены виски, огнестрельным оружием, амуницией и разнообразными промышленными товарами, а также китовыми костями, мехами и декоративными костями. С такими большими запасами иностранных товаров он мог торговать всю зиму, приобретая товары по выгодным ценам[42]. В. Г. Богораз в своем дневнике писал: «*У Кувара есть все, даже сапоги, даже книги, и бумага, и фонограф, на который он записывает айванские, чукотские и иные песни, очищает их и записывает новые… У Кувара лодки, доски, бочки, сотни кульков муки, керосин, патроны*»[43]. В численном выражении в 1891 году на складах Кувара было 200 мешков муки, 80 коробок табака, а так же китовые и декоративные кости общей стоимостью 5–8 тыс. долларов. Одновременно у него были запасы китовых костей на сумму 75 тыс. долларов. Также он продавал подержанные китовые лодки, которые покупал на китобойных кораблях по пути на юг[44].

Технологический процесс взаимодействия торговцев-лавочников со своими поставщиками и клиентами был следующим: в навигацию американцы выгружали на склады промышленный товар и забирали собранную за зиму и хранимую на складе пушнину и другие продукты, подготовленные агентом. *«Каждый из торгующих чукчей ежегодно снабжался товарами своими поставщиками, кредитующими каждый своего торговца*»[45]. Н. Шнакенбург описывал взаимоотношения коренных торговцев-лавочников с американским предпринимателем Олафом Свенсоном: «*Свенсон давал в кредит товар на известную сумму. Закупленное сырье и пушнину он принимал на следующий год. Если не было пушнины, то Свенсон в кредите отказывал. У Свенсона со временем выработался твердый штат торговых агентов, которые вели дела лишь с ним…*»[46]. П. Ф. Унтербергер в 1906 году стал свидетелем того, как американец Талентайер на трехмачтовой шхуне «Martha Wilks» доставил из Нома товар на склад одного из чукчей, торгующего в Энмелене[47]. В 1922 году американская компания «Феникс» (Phoenix Northern Trading Co) оставила чукче Инке партию товаров для продажи, в том числе 1000 фунтов сахара, муку, галеты, табак, порох[48]. По вопросу организации торговли лавочниками один из потомков коренного торговца рассказывал следующее: «*Прадедушка Оой, он имел специальную царскую грамоту на право торговли <…> Он до Якутска доезжал на собачьих упряжках. И на Аляску ездил. Ну, с товаром <…> Ему приносили [пушнину], он знал цену. Все это у него оставалось. Как приходит шхуна или что <…> торговцы и он знал, что сколько стоит, и торговал. И не меньше*»[49].

---

41 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 3.
42 Jones 1927, 115–125.
43 СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Д. 116. Л. 35.
44 Bockstoce 2010, 342.
45 Богданович 1901, 20.
46 Архив МАЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 123. Л. 14.
47 Унтербергер 1912, 280–281.
48 РГИА ДВ. Ф. 2422. Оп. 1. Д. 1636. Л. 66.
49 ПМА: ПТА/ж-1945/чукчанка/пенсионерка/Уэлен/08.02.2013.

Кредитные отношения строились таким образом, чтобы количество собранной лавочниками в течение зимы и до начала навигации пушнины оправдало полученный американский товар. Это было также гарантией получения в кредит промышленных товаров от американцев на следующий год. Соответственно, в течение зимы лавочники совершали поездки по побережью и вглубь полуострова с целью обмена американского товара на пушнину[50]. Другим способом получения пушнины и продуктов промысла было взаимодействие с разъездными торговцами из числа коренных жителей. В этом случае лавочник сам выступал кредитором, предоставляя товар разъездному торговцу с условием возвращения его пушниной.

Торговля получила такое развитие, что лавочники стали сами приобретать шхуны и ездить на них в г. Ном (Аляска) за американским товаром либо организовывали на них китобойный промысел[51].

Быт и повседневная жизнь торговцев-лавочников отличалась от жизни рядовых жителей поселений. Кроме зажиточности, выделяющей торговца из среды его соплеменников, современники отмечали подражание американскому как в одежде, так и в поведении, и большую открытость к новому и посторонним людям. Есть сведения, что они отправляли своих детей учиться в Соединенные Штаты[52].

Вместе с тем торговцы-лавочники продолжали жить в системе традиционного хозяйства, сохраняя экономические ценности своей культуры. Об этом свидетельствует то, что прибыль от торговли они использовали для приобретения (путем дарообмена) оленей. Несмотря на то что олени оставались в стаде и продолжали выпасаться оленеводами, они являлись капиталом торговца.

В целом само существование лавочников было не типичным явлением для обществ с таким уровнем социальной и экономической организации, как у чукчей и эскимосов. Эгалитаризм, существовавший в их обществах, лишал местных торговцев каких-либо особых привилегий. Это были мужчины, которые выступали экспертами в переговорах, и в традиционном обществе им отводилась роль межродовых, межплеменных и межкультурных связных. Они организовывали сложный процесс торговли, распределяя различные товары в соответствии со спросом. Торговцы-лавочники представляли интересы своих соплеменников в контексте новых экономических условий, в которых рациональность являлась необходимым качеством. На них же возлагалась задача преодоления расхождений между различающимися культурами с целью достижения взаимовыгодных условий обмена.

ЛИТЕРАТУРА

Архинчеев И. С. 1957: Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Сибирский этнографический сборник. II, 43–98.

Богданович К. И. 1901: Очерки Чукотского полуострова. СПб.

Богораз В. Г. 1913: Чукотские рисунки // Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина / В.Г. Богораз (ред.). М., 397–419.

Богораз В. Г. 2011: Чукчи: Социальная организация. М.

Вдовин И. С. 1965: Очерки истории и этнографии чукчей. М.

[50] Богораз 2011, 86; Калинников 1912, 179–180.
[51] Богораз 2011, 85–86; Унтербергер 1912, 283.
[52] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 313. Л. 3 и др.

Гондатти Н. Л. 1898: Поездка из села Марково на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки Приамурского отдела ИРГО. Т. 4. Вып. 1, 1–42

Диков Н. Н. (ред.) 1989: История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.

Калинников Н. Ф. 1912: Наш Крайний Северо-Восток. СПб.

Забытая окраина 1902: Результаты двух экспедиций на Чукотский полуостров (1900–1901 гг.), снаряженных В. М. Вонлярлярским. СПб.

Караев А. И. 1926: Чукотско-Анадырский край // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 5, 137–148.

Куликов М. И. 2002: Чукотка. Зигзаги истории малых народов Севера. Великий Новгород.

Олсуфьев А. В. 1896: Общий очерк Анадырской округи, ея экономическое состояние и быта населения. СПб.

Тульчинский К. Н. 1906: Отчет о командировке на Чукотский п-ов. СПб.

Унтербергер П. Ф. 1912: Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк. СПб.

Barbour B. H. 2001: Fort Union and the Upper Missouri fur trade. Norman. Oklahoma.

Bockstoce J. 2010: Furs and Frontiers In The Far North: The contest among native and foreign nations the intercontinental Bering Strait fur trade. New Haven.

Madsen Ch., Douglas J. S. 1957: Arctic Trader. Brattleboro.

Jones W. B. 1927: The Argonauts of Siberia (The Diary of a Prospector). Philadelphia.

SHOPKEEPERS FROM A NUMBER OF NATIVE INHABITANTS OF CHUKOTKA IN THE END OF THE 19th — THE EARLY 20th CENTURY: MICRO-HISTORICAL RECONSTRUCTIONS

A. A. Yarzutkina

Basing on the documents which have not been studied till now, the author reconstructs some facts of the live and activity of native inhabitants of Chukotka owning shops in the end of the 19th — the beginning of the 20th century. The question about their place in traditional society, relationships with American entrepreneurs and finer details of the trading process arranged by them are investigated.

Key words: micro-history, traditional culture, Chukotka, trade, bargaining agents

© 2014

В. С. Ефимов, А. В. Лаптева, У. С. Борисова

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА САХА
(по материалам этно-социологического исследования)

В статье представлены результаты этно-социологического исследования якутов (саха), проживающих в Республике Саха (Якутия). Результаты исследования показывают, что со сменой поколений происходит определенное «размывание» этнической идентичности якутов. Из поколения в поколение снижается доля самоопределившихся как саха по национальности, это свидетельствует о риске «диссипации» народа через отказ молодых поколений «наследовать» национальность родителей. Показано, что в последние десятилетия происходит формирование сложной идентичности, включающей этническую и гражданскую компоненты — человек определяет себя как саха (якутянин) и россиянин одновременно. Во всех возрастных группах преобладает позитивный характер этнической идентификации (гордость, радость при осознании себя якутом); однако среди молодых поколений сравнительно выше доля тех, чья идентичность «амбивалентна» (испытывают противоречивые чувства).Показаны представления якутов об основах (критериях) этнической принадлежности. Обсуждаются особенности самоидентификации якутов с разным уровнем образования, включенных в традиционное хозяйство, в индустриальные и постиндустриальные виды деятельности.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, северные этносы

В современном мире действуют мощные факторы унификации культуры и «стирания» этнической и национальной специфики народов; в первую очередь — процессы экономической и культурной глобализации, проникновение стандартов, ценностей и стилей жизни, задаваемых лидирующими индустриальными и постиндустриальными странами, во все уголки планеты. Тем не менее, в последние десятилетия XX и в первом десятилетии XXI столетия отмечается значительный рост национального самосознания и активизация деятельности, направленной на сохранение национальной самобытности различных народов. Парадоксальным образом экономическая и культурная глобализация обнаружили ценность культурного своеобразия как специфического «ресурса» каждого народа, позволяющего ему найти и занять свое место в глобальном экономическом и культурном пространстве. Значимость национальной культуры не сводится к возможности ее «коммерциализации» — использования ее как ресурса экономической деятельности (индустрии туризма, «креативной индустрии» и т.п.); культура имеет

Ефимов Валерий Сергеевич — кандидат физико-математических наук, доцент Сибирского федерального университета, директор Центра стратегических исследований и разработок. E-mail: efimov.val@gmail.com

Лаптева Алла Владимировна — сотрудник Центра стратегических исследований и разработок Сибирского федерального университета. E-mail: avlapteva@yandex.ru

Борисова Ульяна Семеновна — доктор социологических наук, профессор Северо-Восточного федерального университеа им. М.К. Аммосова, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом. E-mail: ulsem2012@mail.ru

свою собственную непреходящую ценность. Выявилось значение ценностей национальной культуры как «экзистенциальной» основы существования человека и человеческих сообществ, как условия благополучного существования народа в виде последовательности сменяющих друг друга поколений. По утверждению философа и антрополога О. И. Генисаретского, «нерв этнокультурной проблематики — в соотношении модернизации, обновления и перестройки образа жизни, с одной стороны, и его преемственности, ценностной непрерывности — с другой»[1].

В ближайшие 10–20 лет зона Арктики и циркумполярные территории станут местом экономической, политической и социально-культурной экспансии крупнейших мировых держав (России, Китая, США, Канады, Норвегии и др.). Это будет связано с необходимостью расширения доступа к природным ресурсам северных территорий, обусловленной продолжающимся индустриальным развитием стран Азии (Китая, Индии и др.). Одновременно усилится «западное» цивилизационное давление по информационным каналам (телевидение, Интернет и др.), включающее трансляцию ценностей, стилей жизни и норм потребления, направленное на формирование ценностей «общества потребления», особенно у молодого поколения. Все это может привести к существенному сужению «жизненного пространства» северных народов, поставить их в ситуацию культурно-ценностной «оккупации» и на грань разрушения, которое может произойти на масштабе 2–3 поколений.

В этих условиях актуальным становится изучение процессов воспроизводства идентичности, культуры и языков коренных народов северных регионов России, разворачивание культурных и образовательных практик, поддерживающих эти процессы. Особый интерес представляет якутский народ — саха; в отличие от коренных малочисленных народов Севера, он является весьма многочисленным — 478,1 тыс. человек в России, из них 466,5 тыс. в Республике Саха (Якутия); его воспроизводство как этнокультурной общности поддерживаются такими значимыми социальными институтами, как национальная республика, развитая система учреждений образования и культуры, СМИ, общественные организации и др. Таким образом, есть значимые предпосылки и факторы для сохранения идентичности якутского народа в долгосрочной перспективе. Можно ожидать, что якутский народ будет играть роль лидера в деле сохранения северных народов. Перспективной представляется идея укрепления идентичности и культурного своеобразия северных народов за счет их консолидации и оформления в качестве «северной цивилизации», для которой характерен особый уклад жизни, особое отношение к природной и социальной среде, система ценностей и культурно-антропологический тип «человека Севера»[2].

В 2012 г. Институтом социологии РАН было проведено социологическое исследование гражданской, региональной и этнической идентичности жителей Республики Саха (Якутия), широты распространения российской, этнической и республиканской идентичностей. Исследование показало, что этническое самосознание саха-якутов актуализировано сильнее, чем у русских — «и эта тенденция сохраняется на протяжении 90-х гг. прошлого века и первого десятилетия 2000-х гг.»: «Никогда не забывают о своей национальности» 68,3 % саха-якутов и лишь

[1] Генисаретский 2002, 58–63.
[2] Новиков, Пудов 2005, 64–165.

29,3 % русских. Этническая солидарность как потребность в принадлежности к своей этнической группе также сильнее выражена среди саха-якутов — 56,6 % полагают, что «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы», в то время как среди русских в республике эту позицию поддерживают лишь 24,0 %. В исследовании показано, что среди опрошенных саха-якутов 45,8 % «чувствуют себя скорее человеком своей национальности»; 15,6 % — «скорее россиянином», 33,9 % — «и тем и другим в равной мере» [3].

В 2010–2013 гг. исследователями Северо-Восточного и Сибирского федеральных университетов было проведено комплексное исследование «Форсайт Республики Саха (Якутия) до 2050 г.». В рамках проекта в соответствии с технологией форсайта[4] были выполнены следующие работы: 1) проведен анализ глобальных трендов, задающих определенные внешние ограничения и новые возможности для Республики Саха (Якутия); 2) проведено этно-социологическое исследование[5] и определены внутренние изменения в процессах сохранения этнической идентичности, культуры и языков народов республики; 3) определены вероятные критические ситуации, связанные с внешними воздействиями и изменением установок якутского народа (особенно среди молодых поколений); 4) определено поле возможных сценариев будущего республики и выделен базовый сценарий, в рамках которого предполагается преодоление негативных тенденций «размывания» идентичности якутского народа; 5) разработаны стратегическая и дорожная карта, которые показывают возможность соорганизации деятельности различных субъектов для реализации базового сценария; 6) подготовлен перечень управленческих действий, целевых исследований и разработок, необходимых для запуска базового сценария и движения в «привлекательное будущее» Республики Саха (Якутия)[6].

Концепция форсайт-исследования, базовые модели, методы и основные результаты представлены в опубликованных ранее работах[7]. В данной статье представлены результаты этно-социологического исследования, включающего экспертные интервью и масштабный опрос представителей саха в республике. Исследование позволило описать в целом ситуацию и получить количественные данные о процессах сохранения и трансформации идентичности якутов.

1. Задачи и методы исследования

В рамках проведенного этно-социологического исследования решались, в частности[8], следующие задачи:

[3] Дробижева и др. 2012, 51.

[4] United Nations Industrial Development Organization 2005а, 45–94, 115–234; United Nations Industrial Development Organization 2005б, 151–216.

[5] В данном этно-социологическом исследовании для изучения процессов воспроизводства этнической идентичности использовались социологические методы — беседы, интервью, анкетный опрос.

[6] При выполнении работ использовались традиционные методы концептуального анализа, социологических и экономических исследований, математико-статистического анализа данных и ряд методов характерных для технологии форсайта — глубинные интервью, экспертные сессии, Делфи-опрос экспертов, методы сценирования и картирования (построения «дорожных карт»).

[7] Михайлова, Ефимов 2012, 9–41; Yefimov 2012, 116–122; Борисова, Попова, Ефимов 2013а, 40–50; 2013б, 4–23; Ефимов, Лаптева 2014а, 48–102; 2014б, 198–224; 2012, 105–123.

[8] Результаты, относящиеся к другим задачам, например, исследование процессов воспроизводства якутского языка и культуры, освещены в публикациях: Ефимов, Лаптева 2014а, 58–79; Ефимов, Лаптева 2014б, 203–209.

— исследование представлений якутов о тех критериях, на основании которых они относят себя к якутскому народу (саха);
— исследование формирующейся сложной идентичности якутов, включающей этническую и гражданскую компоненты;
— исследование поколенческих различий идентичности якутов;
— исследование характера (эмоционально-оценочной окраски) этнической идентичности якутов.

При анализе данных исследования было проведено сравнение самоидентификации якутов, относящихся к разным возрастным группам (18–19 лет, 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60 лет и старше), с различным уровнем образования, занятых в разных видах деятельности — аграрных, индустриальных постиндустриальных. Это дает возможность сформулировать суждения о поколенческой динамике этнической самоидентификации якутов, о влиянии на нее образования и «перетока» якутов из традиционного уклада в индустриальный и постиндустриальный.

На основании серии глубинных интервью и экспертных семинаров была подготовлена стартовая версия анкеты, апробированная на локальной выборке (150 респондентов). Доработанный вариант анкеты использовался для проведения социологического опроса в сентябре-ноябре 2011 г. на территории Республики Саха (Якутия) — опрошены 1800 респондентов, представителей коренных национальностей[9]. Анкетирование проводилось по репрезентативной (по возрасту, полу и территориальному расселению) выборке респондентов. Для анализа процессов воспроизводства этнической идентичности народа саха использовались анкеты респондентов, указавших в качестве своей национальности «саха» или «сахаляр»[10]. Половозрастная и территориальная структура этой выборки (1600 респондентов) соответствует структуре генеральной совокупности — якутов, проживающих в республике.

2. Результаты исследования

2.1. Представления якутов о том, что определяет их собственную национальную принадлежность

Представления респондентов о собственной идентичности в большинстве случаев имеет нерефлексивный характер и требует специальных усилий по осмыслению и словесному выражению содержания своей идентичности. Отвечая на вопрос, что именно определяет их принадлежность к определенному народу, в ряде случаев респонденты указывают на «натуральные» (формально определенные) признаки национальности (идентичности): национальность родителей, внешний облик, место проживания. В то же время часть респондентов выделяет в качестве основных критериев идентичности культурные признаки (культурные

[9] Полевая часть исследований и формирование базы данных опроса проведены коллективом социологов Северо-Восточного федерального университета под руководством У. С. Борисовой. Обработка и интерпретация данных проведены коллективом исследователей Сибирского федерального университета под руководством В. С. Ефимова.

[10] Сахаляр — это представитель народа саха, один из родителей которого по национальности саха (якут), а второй относится к другой национальности (русский, представитель коренных малочисленных народностей Севера или др.).

характеристики активности): владение языком народа; близость к его культуре и традициям; национальное самосознание.

В настоящем исследовании не рассматривался вопрос о том, действительно ли респонденты используют основания (критерии), которые указывают в своих ответах, для отнесения себя к определенной национальности; или они «уже знают» о своей этнической принадлежности, используя какие-то другие основания (скорее всего, нерефлексивным образом, например, опираясь на невербализованные образно-символические компоненты идентичности), и в ответах только обосновывают это знание предложенными критериями.

При проведении опроса респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Что определяет Вашу принадлежность к Вашему народу?», при этом выбрав не более 5 вариантов из 12, представленных в анкете[11]; также респондент мог выбрать вариант «другое». Ответы на данный вопрос важны, поскольку указывают на содержание этнической идентичности, как его осознают респонденты.

На рис. 1 отражены доли представителей саха, отметивших различные критерии для определения своей принадлежности к народу.

Рис. 1 — Частоты выбора вариантов ответа — что определяет принадлежность респондентов к якутскому народу, с их точки зрения

В среднем по выборке 88 % якутов отметили, что их собственную принадлежность к якутскому народу определяет родной язык, 55 % — национальность родителей, 54 % — внешний облик, 48 % — место проживания, 39 % — воспитание, которое дали родители, 31 % — национальное самосознание, 27 % — близость к традициям культуры якутского народа, 16 % — проживание в национальной ре-

[11] В качестве ответов на данный вопрос были предложены следующие варианты: 1) родной язык; 2) внешний облик; 3) место проживания; 4) национальность родителей; 5) воспитание, которое дали родители; 6) близость к традициям культуры моего народа; 7) особенности бытовой культуры и поведения; 8) национальное самосознание; 9) проживание в национальной республике, округе и др.; 10) что-то неуловимое; 11) религия; 12) общая судьба с моим народом; 13) другое.

спублике, 10 % — общая судьба с якутским народом, 9 % — особенности бытовой культуры и поведения, 7 % — религия, 2 % — что-то неуловимое.

Во всех выделенных возрастных группах четыре наиболее часто выбираемых основания, определяющих принадлежность к народу, совпадают — это родной язык, национальность родителей, внешний облик и место проживания. Частота указания данных признаков в разных возрастных группах варьирует, однако наиболее часто респонденты во всех возрастных группах считают, что их собственную принадлежность к народу саха определяет родной язык. Почти устойчивая зависимость от возраста наблюдается только для варианта ответа: «общая судьба с моим народом». Чем старше респонденты, тем чаще они выбирали данный вариант ответа: 18–19 лет — 3 %, 20–29 лет — 6 %, 30–39 лет — 10 %, 40–49 лет — 9 %, 50–59 лет — 16 %, 60 лет и старше — 18 %.

Самые молодые респонденты (18–19 лет) чаще, в сравнении с респондентами из других возрастных групп, выбирали варианты ответов «место проживания» (68 %, ранг 2; другие группы — 45–52 %, ранг 4), «воспитание, которое дали родители» (49 %; другие группы — 36–40 %), «проживание в национальной республике, округе и др.» (27 %; другие группы — 12–19 %). С другой стороны, они значительно реже, в сравнении с респондентами других возрастных групп, указывали вариант ответа «национальное самосознание» (11 %, ранг 8; другие группы — 29–34 %, ранг 6).

Возрастная группа 20–29-летних выделяется тем, что чаще, в сравнении с другими группами, выбирала варианты «внешний облик» (58 %; группа 60 лет и старше — также 58 %; остальные группы — 51–53 %) и «религия» (11 %; другие группы — 3–8 %).

Возрастная группа 30–39-летних реже, в сравнении с другими группами, отмечала вариант «проживание в национальной республике, округе и др.» (12 %; группа 60 лет и старше — 13 %; остальные группы — 17–27 %).

Ответы 40–49-летних не имеют выраженных отличий от ответов остальных возрастных групп, распределение частот вариантов ответов в данной группе очень близко к распределению по всей выборке.

50–59-летние реже, в сравнении с респондентами из других возрастных групп, выбирали варианты ответа «национальность родителей» (52 %; другие группы — 55–57 %) и «религия» (3 %; группа 60 лет и старше — 4 %; остальные группы — 6–11 %).

Наконец, самая старшая группа (60 лет и старше) чаще, в сравнении с другими возрастными группами, указывала вариант «внешний облик» (58 %; группа 20–29 лет — также 58 %; остальные группы — 51–53 %). С другой стороны, реже выбирались варианты ответа «проживание в национальной республике, округе и др.» (13 %; группа 30–39 лет — 12 %; остальные группы — 17–27 %) и «религия» (4 %; группа 50–59 лет — 3 %; остальные группы — 6–11 %).

Пять наиболее часто используемых «оснований»: родной язык, национальность родителей, внешний облик, место проживания, воспитание, которое дали родители. Дальнейшее сопоставление возрастных групп респондентов, групп с разным уровнем образования и включенных в разные типы деятельности (аграрные, индустриальные, постиндустриальные) проводилось по частоте использования данных пяти критериев.

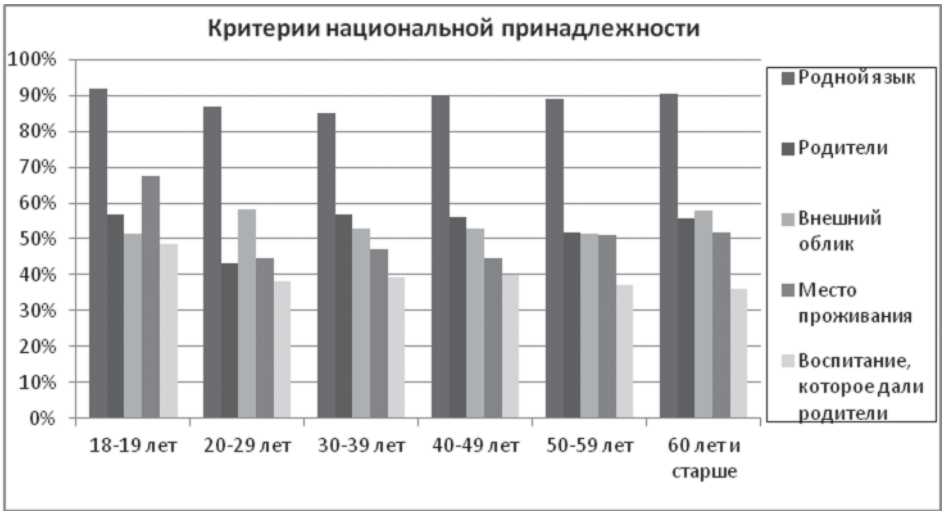


Рис. 2 — Основания для определения своей национальности с точки зрения респондентов разных возрастов

Во всех возрастных группах наибольшая доля респондентов определяет собственную национальность, указывая на признак — «родной язык», от 85 % до 92 % в разных возрастных группах опирается на данный критерий (рис. 2). Самые молодые респонденты (18–19 лет) чаще других используют критерий «место проживания» (68 %). Для респондентов в возрасте 20–29 лет, а также 60 лет и старше важен «внешний облик» (58 % выборов в каждой из групп). Для респондентов 30–49 лет второй по частоте использования критерий — национальность родителей. В группе 50–59-летних примерно одинаковое количество ответов по трем признакам «родители» — 52 %, «внешний облик» — 51 %, «место проживания» — 51 %.

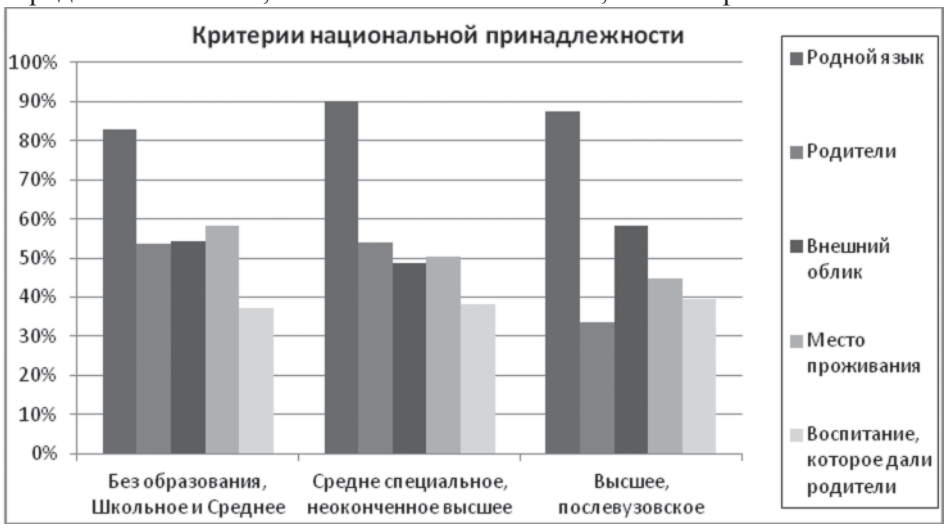


Рис. 3 — Основания для определения своей национальности с точки зрения респондентов с разным уровнем образования

Использование разных оснований для определения собственной национальности якутами с разным уровнем образования отражено на рис. 3. Вне зависимости от уровня образования большинство респондентов (от 83 % до 90 %) указывают на родной язык, как критерий принадлежность к своему народу. На втором месте по частоте выбора для респондентов с высшим и послевузовским образованием — «внешний облик» (58 %), для респондентов, имеющих образование не выше «школьного» — «место проживания» (58 %), для респондентов со средним специальным и неоконченным высшим образованием — национальность родителей (54 %).

Можно отметить, что респонденты с более высоким уровнем образования чаще указывают на воспитание, которое дали родители, как критерий принадлежности к своему народу, и реже указывают на свое место проживания и национальность родителей.

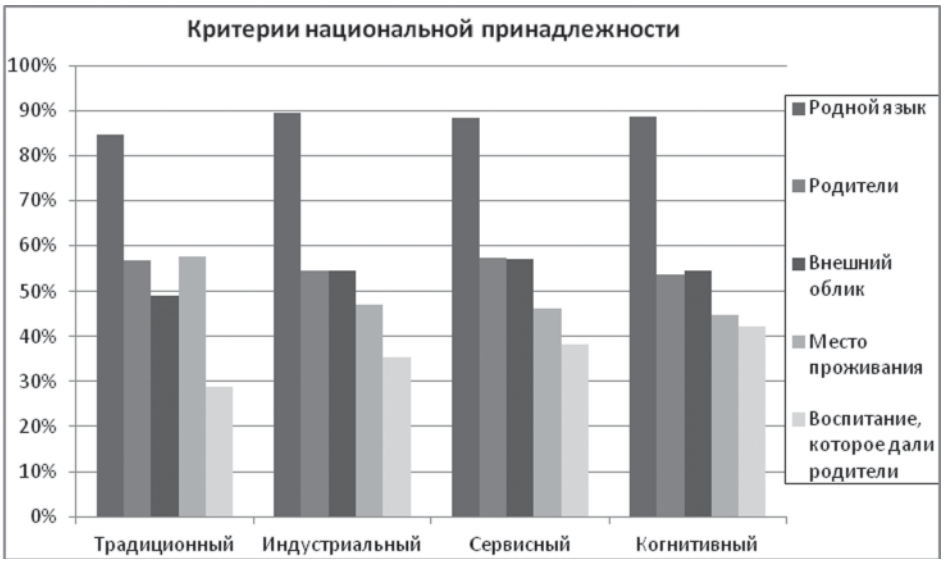


Рис. 4 — Критерии для определения национальности с точки зрения респондентов, включенных в разные уклады

Распределения частот выбора критериев собственной принадлежности к якутскому народу респондентами, включенными в разные экономические уклады, представлены на рис. 4. Включенность в экономические уклады определялись на основе сферы трудовой деятельности респондента; постиндустриальный уклад в данном исследовании разделен на «сервисный» и «когнитивный», так как соответствующие деятельности и связанные с ними образ жизни и «культурный тип человека» заметно различаются[12].

[12] Традиционный уклад — традиционные промыслы, сельское хозяйство, животноводство; индустриальный уклад — строительство, ЖКХ, промышленность; сервисный уклад — бытовое обслуживание, здравоохранение, транспорт, торговля, информационно-вычислительное обслуживание; когнитивный уклад — финансы, кредит, страхование, аппарат органов управления, образование, культура, наука и научное обслуживание).

Во всех группах респондентов наиболее часто отмечаемый критерий — родной язык. Далее, респонденты, включенные в традиционный уклад, наиболее часто выбирали «место проживания» и «национальность родителей»; включенные в индустриальный, сервисный и когнитивный уклады — внешний облик и национальность родителей. Сравнивая ответы групп, мы видим, что по линии «от традиционного уклада, к индустриальному, далее к сервисному и когнитивному» снижается частота выбора критерия «место проживания» и возрастает частота выбора критерия «воспитание, которое дали родители». Для других оснований принадлежности к народу нет выраженной тенденции.

Таким образом, по мере вовлечения народа саха в постиндустриальный переход, будет снижаться роль «естественных» слагаемых этнической идентичности, в первую очередь, идентификации по месту проживания (в связи с растущей мобильностью населения), далее, возможно, национальности родителей; но одновременно будет возрастать роль якутского языка и воспитания в семье как основы культурной преемственности. По-видимому, приоритетами политики, нацеленной на сохранение идентичности народа саха, должны стать сохранение якутского языка, оформление и передача следующим поколениям культурного наследия народа, поддержка семейного воспитания.

2.2. Соотношение этнической и гражданской идентификации якутов Республики Саха (Якутия)

В современном сложном мире у людей формируется сложная идентичность, различными компонентами которой являются этническая, гражданская, культурная, социальная, профессиональная и другие идентичности. Другими словами, человек выстраивает собственный самообраз через идентификацию с целым рядом человеческих общностей разного типа и масштаба. Для народов Российской Федерации характерно сочетание этнической (например, якутской) и гражданской (общероссийской) идентичности. Данные идентичности могут сосуществовать и поддерживать друг друга, а могут конкурировать (одна из этих идентичностей начинает вытеснять другую). Также и культурная идентичность сочетает этнокультурную (якутскую) и более широкую российскую культурную идентичность. Сохранение и развитие народов России предполагает поиск такой культурной и образовательной политики, таких культурных и образовательных практик, которые позволяют развивать сложную идентичность при сохранении ее различных компонентов. В том числе должна сохраняться этническая и этнокультурная идентичность представителей коренных народов.

В рамках проведенного этно-социологического исследования был проведен анализ самоидентификации якутов в качестве «якутян» и «россиян». Как сказано ранее, выборку составляли жители республики, которые обозначили в анкете свою национальность — якут (саха или сахаляр). Далее респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Кем Вы себя больше чувствуете или ощущаете?» Возможные варианты ответа: 1) больше якутянином, 2) больше россиянином, 3) и якутянином, и россиянином, 4) затрудняюсь ответить. Представляется, что ответы на данный вопрос отражают ситуацию «сдвига» идентичности — формирования сложной идентичности либо «размывания» якутской идентичности и вытеснения ее российской. При анализе данных исследования были сопоставлены распреде-

ления ответов респондентов в различных возрастных группах, с различным уровнем образования, включенных в различные экономические уклады.

В среднем по выборке 53,2 % опрошенных «чувствуют или ощущают себя больше якутянами», 41,1 % — «чувствуют или ощущают себя и якутянами и россиянами», 3,6 % — «чувствуют или ощущают себя больше россиянами», 2,2 % — затруднились ответить. Полученная структура ответов согласуется с результатами исследования Института социологии РАН[13] с учетом особенностей используемого инструментария.

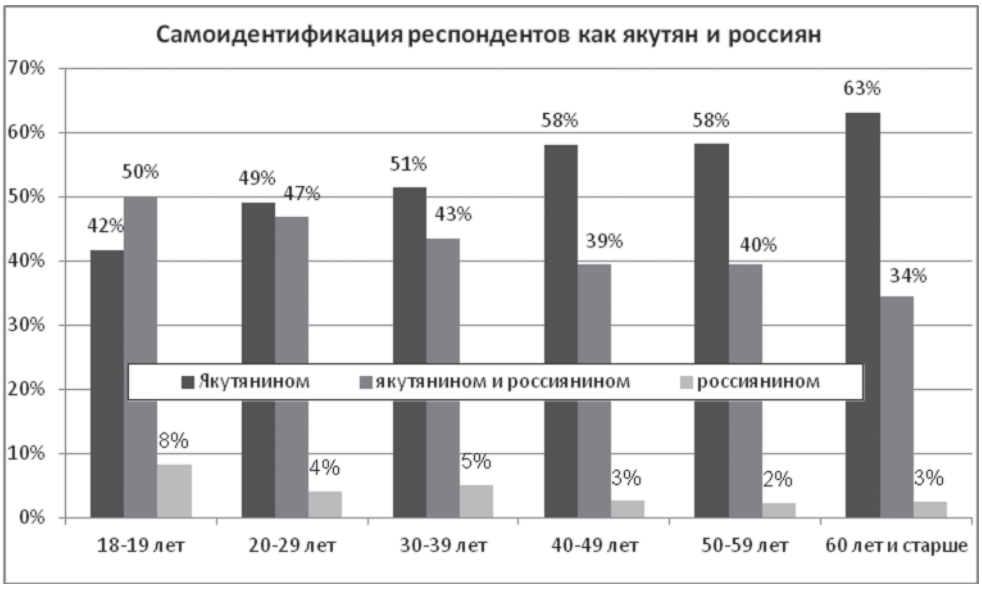


Рис. 5 — Самоидентификация респондентов различных возрастов как якутян и россиян

На рис. 5, отражены распределения самоидентификации респондентов (саха) как якутян и как россиян в различных возрастных группах. Прослеживается тренд: более молодые респонденты все больше ощущают себя и якутянами, и одновременно россиянами; чем моложе респонденты, тем меньше среди них тех, кто считает себя больше якутянами. Также, чем моложе респонденты, тем больше среди них доля считающих себя россиянами.

Приведенные данные отражают формирование сложной идентичности, сочетающей этническую и этнокультурную с общероссийской гражданской и культурной идентичностью. Однако данный процесс содержит и риски утраты этнической идентичности все большей, со временем, долей молодежи народа саха: среди самых молодых респондентов доля тех, кто отказывается идентифицировать себя как якутян (пусть даже в сочетании с общероссийской идентичностью), достигает 8 %.

На рис. 6 представлено распределение ответов респондентов с разным уровнем образования об их самоидентификации как якутян и россиян. Обнаруживается тренд: с ростом уровня образования все больше респондентов считают себя

[13] Дробижева и др. 2012, 51.

Рис. 6 — Самоидентификация респондентов с различным уровнем образования как якутян и россиян

одновременно и якутянами, и россиянами — это позволяет говорить о том, что в народе саха происходит формирование сложной многокомпонентной идентичности, сочетающая этническую и гражданскую идентичности. Обратим внимание, что респонденты с более высоким уровнем образования (среднее специальное, неоконченное высшее, высшее и послевузовское) несколько реже дистанцируются от якутского народа и считают себя «больше россиянами», по сравнению с респондентами, образование которых ограничивается общим (школьным). Таким образом, высокий уровень образованности не только не угрожает вытеснением этнической идентичности, но, более того, способствует более осознанному и заинтересованному отношению к своей этнической принадлежности. Однако, повторим, при этом этническая идентичность входит в сложную по составу идентичность — доля респондентов, которые считают себя только якутянами, среди более образованных респондентов ниже.

На рис. 7 представлено распределение ответов респондентов об их самоидентификации, при этом респонденты разделены на группы, принадлежащие к различным экономическим укладам (что в рамках данного анализа определялось по сфере их трудовой деятельности, см. выше). В группе респондентов, включенных в доиндустриальный (аграрный, традиционный) уклад, резко преобладает доля тех, кто «чувствует себя больше якутянами», более чем в два раза меньше тех, кто «чувствует себя» одновременно якутянами и россиянами, минимальна доля тех, кто себя считает «больше россиянами». В группах респондентов, включенных в индустриальный, сервисный, когнитивный уклады, доли тех, кто считает себя якутянами и одновременно якутянами и россиянами — сопоставимы. Таким образом, переход представителей народа саха из традиционного уклада в индустриальный приводит к изменению идентичности значительной доли популяции —

Рис. 7 — Самоидентификация респондентов, включенных в различные социально-экономические уклады, как якутян и россиян

этническая идентичность становится аспектом или компонентом более сложной идентичности, сочетается с гражданской, общенациональной. Переход части людей в сервисный и когнитивный уклады не привел к радикальному изменению данной ситуации. Мы видим, что среди людей, включенных в сервисный уклад, доля чувствующих себя якутянами несколько выше, чем среди включенных в индустриальный уклад, но различие составляет лишь 6 %.

Доля представителей саха, которые считают себя скорее россиянами, несколько выше среди включенных в индустриальный, сервисный и когнитивный уклады, чем среди включенных в традиционный уклад. Однако это различие мало (в пределах 1–2 %), и доля саха, которые определяются как россияне, во всех группах очень мала — не превышает 4 %. Вероятно, имеет место большая «инерция», способствующая сохранению этнической идентичности (в том числе через ее интеграцию в состав сложной идентичности) при изменении уклада жизни и деятельности; оценить ее «запас» не представляется возможным.

Если учесть приведенные выше данные о том, что среди самых молодых респондентов доля тех, кто считает себя «больше россиянами», достигает 8 %, то можно сказать, что риск утраты этнической идентичности порождается соединением двух процессов — смены поколений и перехода от традиционного к индустриальному и постиндустриальному укладам.

2.3. Характер этнической идентичности респондентов (позитивный, негативный, амбивалентный) в зависимости от возраста, уровня образования, включенности в социально-экономические уклады

Этническая идентичность человека может иметь позитивную «окраску» — быть связанной с чувством радости, гордости, уверенности, родственности и при-

частности к народу, может быть негативной — вызывать чувство тревоги и неуверенности, неловкости, может быть амбивалентной — вызывать противоречивые чувства. В зависимости от того, какая по характеру этническая идентичность преобладает, необходимы разные стратегии поддержки этнической идентичности. Результаты этно-социологического исследования позволили выявить преобладающий характер этнической идентичности, определить особенности характера этнической идентичности респондентов в зависимости от возраста, уровня образования, включенности в разные экономические уклады.

Характер этнической идентичности определялся по ответам респондента на вопрос «Какие чувства Вы испытываете при осознании себя представителем своего народа?». Позитивный выражался ответами: чувства гордости, радости; достоинства и уверенности; родственности и причастности; амбивалентный выражался ответами: противоречивые чувства; ничего не испытываю; негативный выражался ответами: иногда стесняюсь; чувства тревоги и неуверенности.

Зависимость характера этнической идентичности от возраста респондента прослеживается на диаграмме, рис. 8.

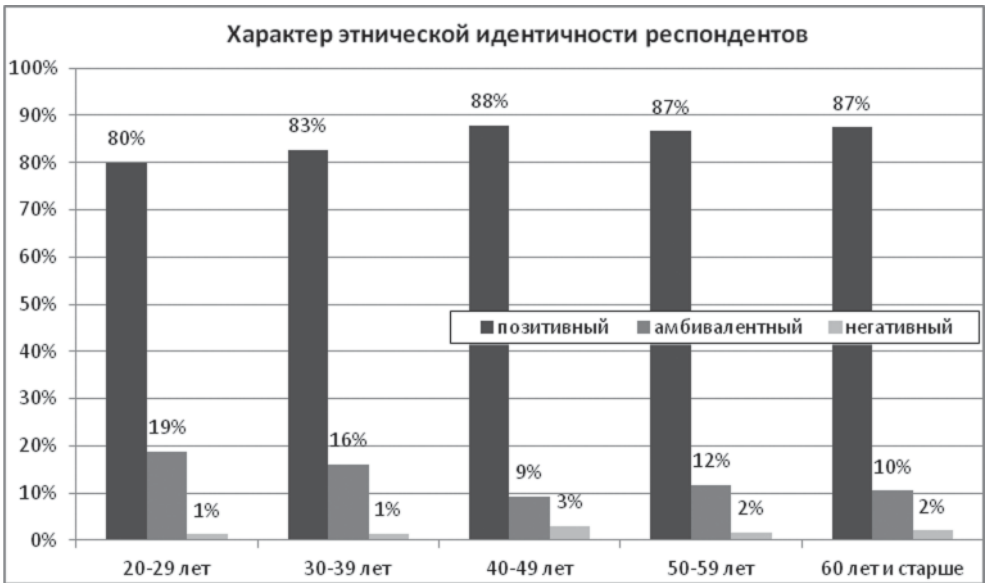


Рис. 8 — Характер этнической идентичности респондентов разных возрастов

Во всех возрастных группах преобладает (более 80 %) «позитивный» характер этнической идентичности. При этом частота позитивной идентичности максимальна в возрастах старше 40 лет и несколько ниже у более молодых респондентов. «Амбивалентный» характер идентичности, судя по данным исследования, встречается значительно реже, от 9 % до 19 % выборки, в зависимости от возраста. Важно отметить, что амбивалентная идентичность обнаруживается в группах более молодых респондентов (20–29 лет и 30–39 лет) примерно вдвое чаще, чем в группах респондентов старше 40 лет. «Негативный» характер идентичности присущ очень малой доле выборки — от 1 % до 3 %.

Таким образом, ситуация выглядит в целом достаточно благополучной, однако нужно обратить внимание на повышенную долю респондентов, этническая идентичность которых амбивалентна, в молодых возрастных группах.

Рис. 9 — Характер этнической идентичности респондентов с разным уровнем образования

Диаграмма на рис. 9 отражает особенности характера этнической идентичности в группах якутов с разным уровнем образования. Выраженной зависимости частоты обнаружения позитивной, негативной и амбивалентной идентичности от уровня образованности респондентов не прослеживается.

Особенности характера этнической идентичности якутов, включенных в различные социально-экономические уклады (что определялось по сферам деятельности респондентов) отражаются на рис. 10. Во всех группах преобладает «позитивный» характер этнической идентичности; сравнительно меньше доля респондентов, высказывающих позитивное отношение к своей национальной принадлежности, в группе включенных в сервисный уклад — 79 %. Соответственно, в этой группе больше, чем в других группах, респондентов с «амбивалентной» этнической идентичностью — 18 % (в других группах 12–13%).

Таким образом, трансформация укладов жизни может вызвать некоторое «напряжение» и рост доли представителей народа саха, «амбивалентно» относящихся к своей национальной принадлежности, в молодом поколении и в особенности среди тех саха, которые включены в сервисные сферы деятельности.

Суммируем обнаруженные тенденции, касающиеся этнической идентичности представителей якутского народа. Эти тенденции связаны с происходящими в Республике Саха (Якутия) социально-экономическими трансформациями, вовлечением саха в индустриальный, сервисный и когнитивный уклады, ростом уровня образованности на фоне смены поколений.

Рис. 10 — Характер этнической идентичности респондентов, включенных в различные уклады

1. При определении своей принадлежности к народу саха респонденты наиболее часто используют в качестве критериев родной язык (88 % респондентов), национальность родителей (55 %), внешний облик (54 %), место проживания (48 %), близость к традициям, культуре народа (39 %).

Чем выше уровень образования, тем чаще респонденты указывают на близость к традициям и культуре народа, как основание для определения своей национальности, и реже указывают на место проживания и национальность родителей. По линии — от традиционного уклада, к индустриальному и далее к сервисному и когнитивному –снижается частота выбора критерия «место проживания» и возрастает частота выбора критерия «близость к традициям культуры моего народа». Для других критериев принадлежности к народу нет выраженной тенденции.

Таким образом, по мере вовлечения якутского народа в постиндустриальный переход будет снижаться роль «естественных» слагаемых этнической идентичности, в первую очередь, места проживания (в связи с растущей мобильностью населения), далее, возможно, национальности родителей; но одновременно будет возрастать роль якутского языка и культурных традиций. По-видимому, приоритетами политики, нацеленной на сохранение идентичности народа саха, должны стать сохранение якутского языка, оформление и передача следующим поколениям культурного наследия народа, его традиций.

2. Формирование сложной идентичности

В последние 50 лет происходит глубинная трансформация типа идентичности представителей народа саха — переход от моноидентичности (я — якут, и чувствую себя якутянином), к сложной многокомпонентной идентичности, сочетающей этническую и гражданскую: саха, якутянин и одновременно россиянин (я — якут, чувствую себя якутянином и россиянином).

На протяжении двух поколений наблюдается изменение идентичности: чувствуют себя якутянами 63 % респондентов в возрасте 60 лет и старше, лишь 34 % якутов этого возраста чувствуют себя якутянами и россиянами; среди респондентов 18–19 лет якутянами чувствуют себя 42 %, якутянами и россиянами — 50 % респондентов.

3. Характер этнической идентичности представителей саха — позитивный, амбивалентный, негативный

Ситуация в целом достаточно благополучная — подавляющее большинство якутов позитивно относятся к своей национальной принадлежности, испытывают радость, гордость, уверенность, родственность со своим народом (80–87 % респондентов). Однако нужно обратить внимание на повышенную долю респондентов в молодых возрастных группах, этническая идентичность которых амбивалентна (16–19 %). Выраженной зависимости частоты обнаружения позитивной, негативной и амбивалентной идентичности от уровня образованности респондентов не прослеживается. Сравнительно реже позитивный характер этнической идентичности (и чаще амбивалентный) обнаруживается у респондентов, включенных в сервисный уклад. Таким образом, трансформация укладов жизни может вызвать некоторое «напряжение» и рост доли представителей народа саха, «амбивалентно» относящихся к своей национальной принадлежности, в молодом поколении и в особенности среди тех саха, которые включены в сервисные сферы деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова У. С., Попова Л. Н., Ефимов В. С. 2013а: Критические ситуации будущего Республики Саха (Якутия): результаты Делфи-опроса // Экономические и гуманитарные науки. 9(260), 40–50.

Борисова У. С., Попова Л. Н., Ефимов В. С. 2013б: Сценарные варианты будущего Республики Саха (Якутия) в сфере экономики: по результатам Делфи-опроса // Социосфера. 4, 14–23.

Генисаретский О.И. 2002: Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.

Дробижева Л. М. и др. 2012: Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.isras.ru/inab_2012_04.html.

Ефимов В. С., Лаптева А. В. 2014а: Будущее циркумполярных территорий: проблемы воспроизводства северных этносов // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития. М.; Красноярск, 48–102.

Ефимов В. С., Лаптева А. В. 2014б: Будущее коренных народов Республики Саха (Якутия) (по материалам форсайт-исследования) // 55 и выше: Международный этноантропологический конгресс / С. А. Смирнов, И. В. Октябрьская (ред.). Новосибирск, 198–224.

Ефимов В. С., Лаптева А. В. 2012: Форсайт Республики Саха (Якутия): концепция и базовые модели проекта // Вестник НГУЭУ. 1, 105–123.

Михайлова Е.И., Ефимов В.С. (ред.) 2012: Форсайт Республики Саха (Якутия) — 2050: Концепция проекта и карта работ. Красноярск; Якутск.

Новиков А.Г., Пудов А.Г. 2005: Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации. Якутск.

Yefimov V. 2012: Preserving Linguistic and Cultural Diversity in the Republic of Sakha (Yakutia): Foresight Project // Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the 2nd International Conference (Yakutsk, Russian Federation, 12–14 July, 2011). Moscow, 116–122.

United Nations Industrial Development Organization (eds.) 2005a: Technology Foresight Manual. 2005: Vol. 1. Organization and Methods. Vienna.

United Nations Industrial Development Organization (eds.) 2005б: Technology Foresight Manual. 2005: Vol. 2. Technology Foresight in Action. Vienna.

PROBLEMS OF THE SAKHA PEOPLE ETHNIC IDENTITY REPRODUCTION (on the ethno-sociological research materials in Sakha Yakutia Republic)

V.S. Efimov, A.V. Lapteva, U.S. Borisova

The article presents the results of an ethno-sociological study of Yakut (Sakha), residing in the Sakha (Yakutia) Republic. The results show that ethnic identity of the Yakuts partly "diffuse" as the generations change. From generation to generation the self-determining as Yakuts (Sakha) percentage is decreasing since part of younger generations refuses to "inherit" the nationality of their parents thus risk of the ethnos "dissipation" obtains.The study shows that in the last decade the formation of a complex identity, including ethnic and civic components occur — a man identifies himself as Sakha (Yakutian) and Russian at the same time. Positive ethnic identity (pride and joy when be conscious of himself as Yakut) prevails in all age groups, but there is relatively higher proportion of those whose identity is "ambivalent" (experiencing conflicting feelings) with the younger generations.The Yakuts' views of the basics (criteria) of ethnicity are shown. The peculiarities of the Yakuts' identity relating to educational differences, traditional agrarian or industrial or postindustrial employment are discussed.

Key words: ethnic identity, civic identity, the northern ethnic groups

---

© 2014

И.В. Октябрьская, Е.В. Антропов

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ НОВОСИБИРСКА И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИИ*

В статье дается характеристика этнодемографических и этносоцальных процессов в г. Новосибирске и в Новосибирской области в динамике в связи с растущей миграцией. Подчеркивается, что показатели развития Новосибирска — столицы фе-

Октябрьская Ирина Вячеславовна — доктор исторических наук, зав. отделением этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail: siem405@yandex.ru

Антропов Евгений Владимирович — руководитель Центра устной истории Музея г. Новосибирска. E-mail: evantropov@yandex.ru

* Работа выполнена в рамках исследовательских программ при финансовой поддержке проекта РГНФ № 12-03-00205а

дерального округа и крупнейшей агломерации за Уралом, интенсивно стягивающей экономически активное население, — во многом аккумулируют макрорегиональные тенденции. При этом миграционный прирост по Новосибирской области не только компенсирует естественную убыль, но и увеличивает число жителей. При анализе структуры миграций и городского народонаселения делается вывод об этнодемографических трансформациях при сохранении «западного тренда» эмиграции и усиливающейся «ориентализации» иммиграции. Констатируются усиление этнической мозаичности в городе и области; вариативность этнокультурных стандартов, растущая конкуренция на рынке труда и в социокультурной сфере, в том числе и по этническому признаку; политизация этнической сферы в контексте растущей миграции и актуализация интолерантных моделей поведения. Делается вывод о том, что миграция и ее этносоциальные последствия формируют зоны риска для сибирского мегаполиса и региона в целом.

Ключевые слова: человеческий потенциал, Новосибирск, Новосибирская область, этнодемографическая структура, миграциии, этносоциальные риски

В начале XXI в. миграция формирует круг перспектив и проблем Сибирского федерального округа (СФО); определяет усиление этнической мозаичности его народонаселения при большой вариативности и конкуренции социо- и этнокультурных, языковых и конфессиональных стандартов. Значительная трансформация сложившихся этнодемографических структур и этносоциального воспроизводства в связи с миграцией становится одной из значимых тенденций развития региона.

Показатели этнодемографического развития Новосибирской обл. и г. Новосибирска — столицы федерального округа и крупнейшей агломерации за Уралом, интенсивно стягивающей экономически активное население, — во многом аккумулируют макрорегиональные тенденции. Население Новосибирской обл. в 2013 г. составило 2 709 461 чел.; в 2014 г. — 2 731 176 чел. По показателям миграционного прироста Новосибирская область является абсолютным лидером на фоне остальных регионов СФО, привлекая почти три четверти миграционного потока. При этом масштаб, интенсивность, социальная структура и демографические показатели иммиграции, коренным образом изменившиеся с распадом СССР, существенно отличаются от аналогичных показателей принимающего сибирского сообщества.

Общие итоги миграции населения г. Новосибирска в 2012-2013 гг.

	2013			**2012**		
	Число		**Миграционный прирост (убыль)**	**Число**		**Миграционный прирост (убыль)**
	Прибывших	**Выбывших**		**Прибывших**	**Выбывших**	
Миграция — всего	52910	31210	21700	50603	27298	23305
в пределах России	43548	28411	15137	40758	25303	15455
внутрирегиональная	14943	11347	3596	14236	10736	3500
межрегиональная	28605	17064	11541	26522	14567	11955
международная	9362	2799	6563	9845	1995	7850

	2013			2012		
	Число		Миграционный прирост (убыль)	Число		Миграционный прирост (убыль)
	Прибывших	Выбывших		Прибывших	Выбывших	
со странами СНГ	8186	1526	6660	8429	1518	6911
с другими странами	1176	1273	-97	1416	477	939
Внешняя миграция	37967	19863	18104	36367	16562	19805

Источник: Миграция населения Новосибирской области в 2013 году: Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2014. 122 с. — С. 8.

По данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по Новосибирской обл., в 2008-2011 гг. миграционный прирост не только компенсировал естественную убыль, но и увеличил число жителей, являясь основной причиной роста численности населения области. В 2011 г. положительное сальдо миграции в Новосибирской обл. обеспечивалось за счет внутрироссийского обмена (58%) и притока мигрантов из стран СНГ (42%)[1].

За 2013 г. общий объем миграции увеличился на 6 тыс. чел., или на 3,7% (за 2012 рост составлял 25,2 тыс. чел., или 18%); 51% от общего объема миграции совершали перемещения со сменой места жительства внутри области. За 2013 г. внутриобластные переезды увеличились на 1,3 тыс. человек (на 1,5%).

Внутрироссийская миграция населения г. Новосибирска по территориям прибытия/выбытия

	2013			2012		
	Прибывших	Выбывших	Миграц. прирост (убыль)	Прибывших	Выбывших	Миграц. прирост (убыль)
Российская Федерация	43548	28411	15137	40758	25303	15455
Центральный федеральный округ	1561	3308	-1747	1312	3008	-1696
Северо-Западный федеральный округ	711	1237	-526	532	1052	-520
Южный федеральный округ	721	1368	-647	851	1162	-311
Северо-Кавказский федеральный округ	274	232	42	352	229	123
Приволжский федеральный округ	979	747	232	966	777	189
Уральский федеральный округ	1727	1271	456	1719	1026	693
Сибирский федеральный округ	34195	18845	15350	31657	16790	14867
Дальневосточный федеральный округ	3380	1403	1977	3369	1259	2110

[1] Кисельников 2012, 5-7.

Источник: Миграция населения Новосибирской области в 2013 году: Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2014. 122 с. — С. 19.

В 2013 г. среди прибывших в Новосибирскую обл. 29% прибыли из Алтайского края, 22% — из Кемеровской, 12% — из Иркутской обл., 8% — из Красноярского края, 7% — из Омской, 6% — из Томской обл., 5% — из Забайкальского края; среди выбывших: 25% — в Алтайский край, 22% — в Кемеровскую, 11% — в Омскую, 10% — в Томскую обл. и 10% — в Красноярский край. Увеличение произошло по всем потокам миграции, кроме прибывших из Республики Бурятия[2].

Внутрисибирская миграция населения г. Новосибирска по территориям прибытия/выбытия

	2013			**2012**		
	Прибывших	**Выбывших**	**Миграционный прирост (убыль)**	**Прибывших**	**Выбывших**	**Миграционный прирост (убыль)**
Сибирский федеральный округ	34195	18845	15350	31657	16790	14867
Республика Алтай	492	247	245	463	214	249
Республика Бурятия	905	339	566	953	242	711
Республика Тыва	608	228	380	575	127	448
Республика Хакасия	567	230	337	510	178	332
Алтайский край	5288	1901	3387	4742	1588	3154
Забайкальский край	1068	237	831	855	179	676
Красноярский край	1426	780	646	1198	653	545
Иркутская область	2612	814	1798	2394	593	1801
Кемеровская область	4402	1642	2760	4155	1338	2817
Новосибирская область	14943	11347	3596	14236	10736	3500
Омская область	923	387	536	789	396	393
Томская область	961	693	268	787	546	241

Источник: Миграция населения Новосибирской области в 2013 году: Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2014. 122 с. — С. 19.

В 2013 г. соотношение в структуре миграции изменилось в пользу увеличения доли стран СНГ на 2%. При этом за 2012 г. миграционный прирост незначительно сократился (на 0,1 тыс. человек, или на 0,5%). За 2013 год прирост сократился уже на 1,7 тыс. человек (7,8%). В 2013 г. 49% общего объема миграции приходились на внешнюю миграцию, включающую переезды между областью и другими регионами России (39%) и международную миграцию (10%). Приток внешних мигрантов возрос на 3% (на 1,5 тыс. человек), а отток — на 11%. Вследствие этого величина сальдо миграции сократилась на 8%[3].

[2] Кисельников 2014, 5-6.
[3] Кисельников 2014, 4.

Международная миграция населения г. Новосибирска по территориям прибытия/выбытия со странами СНГ

	2013			2012		
	Прибывших	**Выбывших**	**Миграционный прирост (убыль)**	**Прибывших**	**Выбывших**	**Миграционный прирост (убыль)**
Страны СНГ	8186	1526	6660	8429	1518	6911
Азербайджан	241	33	208	254	52	202
Армения	375	34	341	365	21	344
Беларусь	30	15	15	30	24	6
Казахстан	3464	550	2914	3954	357	3597
Киргизия	2007	443	1564	1992	548	1444
Молдавия	38	12	26	52	5	47
Таджикистан	1091	182	909	874	123	751
Туркменистан	7	3	4	14	2	12
Узбекистан	718	206	512	705	349	356
Украина	215	48	167	189	37	152

Источник: Миграция населения Новосибирской области в 2013 году: Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2014. 122 с. — С. 23.

Среди всех иммигрантов около 86% составляли бывшие жители стран-участников СНГ, 88% из них — выходцы из Казахстана и Средней Азии. Основными странами эмиграции в дальнее зарубежье оставались Германия, США, Канада и Израиль.

Высокий уровень миграции в г. Новосибирске связан с благоприятной транспортной и промышленной инфраструктурой, широким рынком труда и образования. В 2013 г. в Новосибирской обл. сложился один из самых высоких в регионе уровень занятости населения — 64,7%, тогда как в среднем по СФО — 62%. Уровень безработицы в Новосибирске в 2012 г. составил 5,6%. По России этот показатель был немного ниже — в пределах 5,5%, а в СФО в целом он составляет 7,1%.

Согласно «РИА-Рейтинг», по уровню качества жизни НСО находится на 16-м месте из 82 регионов страны и на 1-м среди регионов Сибири. По уровню доходов НСО занимает в стране 31-е место, уступая, в том числе, и соседней Кемеровской обл. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума — 17%[4].

Неофициальные экспертные оценки акцентируют значительную роль неформального сектора в экономике, что искажает официальные показатели занятости и доходов, а также поляризацию доходов и повышенный уровень бедности из-за более высокого по сравнению с соседними регионами прожиточного минимума[5].

Однако основные социально-экономические показатели развития города и области определяют в целом высокую привлекательность региона. Это в определенной степени делает эффективной программу «Оказание содействия добровольному переселению в Новосибирскую область соотечественников, проживающих

[4] Рейтинг 2013.
[5] Зубаревич 2008.

за рубежом, на 2013–2020 гг.». По численности прибывших среди 40 субъектов Российской Федерации, участвовавших в реализации Государственной программы в 2007–2012 гг., Новосибирская обл. заняла 6-е место в стране и 2-е место в СФО. Из 27 тыс. соотечественников, вернувшихся в регионы Сибири, на учете в УФМС России по Новосибирской обл. состоит 6179 соотечественников, из них 3293 участника Государственной программы и 2886 членов их семей. В их число входят представители 30 народов, в частности русские (80%), украинцы (4,1%), армяне (2,9%), татары (2,8%), немцы (2,6%) и другие. Наибольший интерес для переселения Новосибирская обл. представляет для жителей Казахстана (66,1% от общего количества поступивших анкет), Узбекистана (11,2%), Киргизии (7,4%), Украины (4,7%), Армении (3,7%)[6].

В результате растущей миграции в последние десятилетия активно менялась этнодемографическая структура города. С 1970-х гг. в городе началось формирование сообществ азербайджанцев и армян. В период 1979–2010 гг. в первую по численности десятку этнического состава Новосибирской обл. вошли сообщества Средней Азии и Закавказья. Эта группа народов наращивала численность, начиная с 1989 г. Другие народы первой десятки существенно или значительно снизили свое представительство в Новосибирской обл. и в Сибири в целом, что в значительной степени было связано с миграцией.

В 2000-е гг. в городе и области продолжалось снижение численности евреев, белорусов, украинцев, чувашей и немцев. В последний межпереписной период численность каждой из этих этнических групп сократилась на треть. Немцы, сохранившие за собой второе место в этническом составе области, сократили абсолютную численность с 2002 г. на 35%. Столь же значительно, на 35%, претерпела сокращение численность украинцев, в результате чего эта группа переместилась с третьего места на четвертое, уступив татарам, количество которых также существенно уменьшилось (на 13,3%). Далее, на 8,4% уменьшилось число казахов, которые уступили пятое место узбекам, увеличившим численность за прошедшие 8 лет в 6 раз. Седьмое место за счет увеличения численности в 3,6 раза заняли таджики. Помимо этого, существенно возрос численный состав тувинцев, бурят, корейцев, китайцев и езидов.

Трансформация структуры народонаселения в целом была связана с усложнением структуры иммиграции и увеличения объема ее отдельных направлений. При этом доля русских в структуре населения Новосибирской обл. на протяжении последнего межпереписного периода оставалась в целом стабильной, составляя более 93% населения[7].

Этническая динамика Новосибирской области с 2002 г. по 2010 г., тыс. чел.

Этнические группы, уменьшившие численность			**Этнические группы, увеличившие численность**		
Этническая группа	**2002**	**2010**	**Этническая группа**	**2002**	**2010**
Русские	2504,1	2365,8	Узбеки	2,0	12,6
Немцы	47,3	30,9	Таджики	2,8	10,0

[6] Решетко 2013.
[7] Кисельников 2013, 5-6.

Этнические группы, уменьшившие численность			Этнические группы, увеличившие численность		
Этническая группа	**2002**	**2010**	**Этническая группа**	**2002**	**2010**
Украинцы	33,8	22,1	Армяне	7,8	9,5
Татары	27,9	24,1	Азербайджанцы	7,4	8,0
Казахи	11,7	10,7	Киргизы	1,4	6,5
Белорусы	8,4	5,4	Цыгане	2,8	2,8
Чуваши	4,1	2,7	Корейцы	2,1	3,2
Евреи	3,3	2,2			
Мордва	2,6	1,5			
Эстонцы	1,4	0,9			
Поляки	1,3	0,8			
Латыши	0,8	0,5			

Таблица составлена по: Национальный состав населения Новосибирской области: Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. — Н., 2013. — 96с. — С. 9.

В 2012 г. впервые численность жителей г. Новосибирска достигла полутора-миллионного рубежа и на 1 января 2014 г. составила 1547,9 тыс. чел., или 56,7% от населения Новосибирской обл. Население Новосибирской агломерации (по разным оценкам) составляет от 72% до 80% населения области. Сохранение демографического баланса города и области во многом определяется масштабами миграции. Но перспективы в развитии этих процессов неоднозначны.

Многие эксперты сходятся во мнении о недостоверности статистических данных, поскольку существенными характеристиками миграции остается сезонность и нелегальность. Кроме того, для значительной части мигрантов пребывание в регионе является адаптационным периодом и имеет транзитный характер.

Косвенные данные для оценки реальной численности городских этнических сообществ можно получить на основе оценок руководителей НКА и лидеров этнических общин. Эти оценки существенно отличаются от данных переписи 2010 г. Так, например, численность азербайджанцев декларируется в 70 тыс. чел.[8], что превышает официальные параметры в 9 раз; численность армян якобы превышает 40 тыс. чел. (что выше официальной численности почти в 4 раза)[9]; постоянная численность таджиков оценивается в 15 тыс. чел. при 30-35 тыс. временных рабочих (превышение в 5 раз)[10]; лидеры киргизской общины называют число в 50 тыс. чел. для НСО[11], что превышает официальные показатели в 8 раз; численность езидов оценивается более чем в 10 тыс. чел.[12], что в 4 раза выше официальной статистики.

Неофициальные оценки учитывают, как правило, сезонных и нелегальных мигрантов. Однако в большинстве случаев эти цифры сильно завышены, что, однако, может свидетельствовать об укреплении диаспоральных инфраструктур. По оценкам экспертов, число всех диаспор в г. Новосибирске держится на уровне 80-100 тыс. чел.

[8] Бабаев 2013.
[9] Хачатрян 2013.
[10] Каримов 2013.
[11] Мырзакматов 2013.
[12] Хатоян 2012.

Распределение мигрантов Новосибирской области в возрасте 14 лет и старше по странам прибытия и гражданству

	Прибывшие, всего	в том числе				
		граждане России	из них имеют второе гражданство	Иностранные граждане	лица без гражданства	не указано
Всего мигрантов	95334	87172	40	7974	38	150
в пределах РФ	82295	82101	9	83	7	104
международная миграция	13039	5071	31	7891	31	46
В т.ч. страны СНГ:	11222	4754	13	6414	21	33
Азербайджан	356	64	-	289	2	1
Армения	589	132	-	452	4	1
Беларусь	50	28	-	22	-	-
Казахстан	4585	2083	2	2481	8	13
Киргизия	2320	1636	1	676	-	8
Молдавия	52	15	-	33	-	4
Таджикистан	1587	464	9	1118	2	3
Туркменистан	17	8	-	9	-	-
Узбекистан	1345	234	1	1106	4	1
Украина	321	90	-	228	1	2
другие страны	1817	317	18	1477	10	13

Источник: Миграция населения Новосибирской области в 2013 году: Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2014. 122 с. — С. 116.

Высокая миграционная активность препятствует стабилизации постоянного населения и формированию единого городского сообщества. Показательно, что при высокой численности народонаселения Новосибирской обл. за период 1989-2010 гг. численность уроженцев уменьшилась здесь на 114,2 тыс. чел. (5,2%). Уроженцами Новосибирской обл. в 2010 г. являлись 1854,6 тыс. чел. — 72,8% населения[13].

Преобладающую часть переселенцев (39%) составили уроженцы других регионов СФО. Из них наибольшая часть родилась в Алтайском крае (93,8 тыс. чел.) и Кемеровской обл. (61,9 тыс. чел.). Что касается уроженцев зарубежных стран, всего в Новосибирской обл. в 2010 г. их проживало 227,0 тыс. чел., в том числе — выходцы из Казахстана (95,6 тыс. чел.), Украины (29,9 тыс. чел.), Узбекистана (23,9 тыс. чел.), Киргизии (19,9 тыс. чел.), Таджикистана (13,6 тыс. чел.), Армении (8,7 тыс.), Беларуси (8,4 тыс.) и Азербайджана (7,5 тыс.)[14].

Соотношение мигрантов и немигрантов достигло в 2010 г. максимального значения с 1979 г. При этом в г. Новосибирске с рождения проживала лишь половина населения (50,1%) — в расчете на 1000 чел. с рождения здесь проживал 501 горожанин; значительная часть (256 чел.) поменяла постоянное место жительство

[13] Кисельников 2013, 4-7.
[14] Кисельников 2013, 154-157.

в 1991 г. и ранее; 134 чел. переехали в 2003-2010 гг.; 73 чел. — в 1996-2002 гг. и 36 — в 1992-1995 гг.[15]

С начала XXI в. г. Новосибирск оставался одним из крупнейших миграционных узлов России. Его повседневные практики отличали усиление этнической мозаичности и вариативность этнокультурных стандартов. Согласно данным переписи населения 2002 г., в г. Новосибирске проживали представители 129 народов (этнических групп); из них русские составляли 93,8% населения.

На 2012 г. в г. Новосибирске было зарегистрировано 57 общественных национальных объединений, из них 24 имели статус национально-культурной автономии различного территориального уровня. В городе активно действует Ассоциация национально-культурных автономий и организаций, которая объединяет более 20 структур. Значимую роль в жизни города играют Новосибирский областной российско-немецкий дом, Еврейский лицей и Еврейский культурный центр, бизнес-центр «Якутия», Белорусский культурный центр и др. В городе действуют 5 консульств и посольств.

Его этнокультурное многообразие характеризуют такие символы, как Собор во имя Александра Невского, Никольский храм во имя святителя Николая Чудотворца, Католический кафедральный собор Преображения Господня, историческая мечеть Новониколаевского Магометанского общества. Центр г. Новосибирска, кроме таких меморатов, как часовня св. Николая — «Центр державы» и композиция «Сибирские просторы», украшают памятный камень на территории Татарского городища, ритуальный светильник минора (в дни праздника Хануки), армянский Хачкар («крест-камень») к 2000-летию Рождества Христова и т.д.

В городе проходит около 30 ежегодных этнических фольклорных фестивалей, работает около 25 магазинов этнической направленности, около 10 танцевальных и спортивных школ, ориентированных на этнику, около 10 этнических и фольклорных музыкальных коллективов и т.д.

Этника во многом определяет потребительские стандарты г. Новосибирска. Популярными среди горожан являются этнические кафе и рестораны: сеть «Дядя-Донер» (турецкая и среднеазиатская кухня), «Шинок у Вакулы» (украинская кухня), «Русское застолье» (славянская кухня), «Эсторо» (китайская кухня), «Кардамон» (восточноазиатская кухня), «Корея» (корейская кухня), «Мураками» (японская кухня), «Алтан» (бурятская кухня), «Грузинская кухня», «ПаЧа» (уйгурская кухня), «Солнце» (езидская кухня) и т.д. — всего более семидесяти кафе, ресторанов и павильонов, ориентированных на этнику.

На данный момент социокультурная среда г. Новосибирска имеет полиэтничный характер. Но, наряду с позитивной динамикой в жизни города, имеет место ряд проблем, связанных с миграционным давлением. Мнения экспертов о развитии г. Новосибирска свидетельствует о формировании в его черте этнических анклавов: «Процесс формирования национальных анклавов в сибирских городах необратим… Получится так, что один из самых больших районов города — Кировский — станет мусульманским. В районе площади Станиславского закрепляется азербайджанская диаспора, на Западном — киргизская, в Новом поселке — армянская. Это реальность, с которой нужно считаться»[16].

[15] Кисельников 2013, 12, 142.
[16] Воронов 2013.

На территории города существуют места компактного проживания мигрантов в 5–7 локусах восточной и юго-западной зон, на окраинах и в местах расположения рынков. В настоящее время на территории области работают 94 рынка: в том числе в г. Новосибирске 54, в районах — 40. Наиболее плотно заселенными мигрантами территориями являются районы рынков. К числу мест интенсивного вселения мигрантов относятся районы частного сектора вдоль железной дороги и малых городских рек (Ельцовка, Каменка, Плющиха, Тула и др.). Эти и ряд других районов города населены азербайджанцами, узбеками, таджиками, киргизами, армянами, грузинами, езидами, цыганами и некоторыми другими этническими группами. Но специфика ситуации такова, что локальные мигрантские сообщества являются неоднородными и непостоянными по своему составу, т.к. г. Новосибирск в миграционных стратегиях играет роль транзитного пункта.

Это подтверждают данные о совершении сделок по недвижимости. Риэлтор агентства «Сибакадемстрой-Недвижимость», комментируя ситуацию, поясняет: «Узбеки и таджики расценивают город как перевалочный пункт — звонят с вопросами по аренде комнат. Все больше русских семей выставляют на продажу квартиры в районе Хилокского рынка и не могут уехать отсюда годами — их квартиры никто не хочет покупать»[17].

Распределение мигрантов г. Новосибирска в возрасте 14 лет и старше по наличию родственников по новому месту жительства

	Прибывшие, всего	**В том числе**	
		имеют родственников по новому месту жительства	**не имеют родственников по новому месту жительства**
Миграция — всего	52910	10335	25885
в пределах России	43548	9623	24409
В т.ч. внутрирегиональная	14943	3433	7705
В т.ч. межрегиональная	28605	6190	16704
международная	9362	712	1476
В т.ч. со странами СНГ	8186	650	1416
В т.ч. с другими странами	1176	62	60
внешняя миграция	37967	6902	18180

Источник: Миграция населения Новосибирской области в 2013 году: Стат. сб. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2014. 122 с. — С. 82-83.

При недостаточной эффективности декларированных Концепцией государственной миграционной политикой на период до 2025 г. легитимных практик интеграции мигрантов происходит стихийная сепарация и «капсулирование» населения по этническому признаку. При всей неоднозначности стихийно формирующегося этнического районирования г. Новосибирска можно предполагать, что уже в ближайшее время при стратегическом планировании его развития возник-

[17] Староверова 2014.

нет необходимость интеграции и согласования интересов локальных сообществ, формирующихся в отдельных районах. Характер их расселения выражает потенциал самоопределения городского сообщества на перспективу на фоне усиления миграции в условиях необходимости сохранения и наращивания человеческого ресурса. Это формирует этносоциальные и этнокультурные риски, связанные с развитием г. Новосибирска, как и ряда других городов Сибири, для которых характерна подобная ситуация.

В принимающем сообществе, остро реагирующем на рост миграции и формулирующем все новые и новые угрозы, мигрантам предъявляют претензии не только в том, что они меняют привычный облик городских районов, но и в том, что они усиливают конкуренцию на рынке труда, тормозят рост зарплат и развитие производства.

При этом известно, что экономическая специализация мигрантов связана прежде всего с низкоквалифицированной и низкооплачиваемой, непрестижными, сферами деятельности. В СФО, в том числе в НСО и в г. Новосибирске, мигрантов заняты прежде всего в торговле продовольствием и прочими товарами, в малом бизнесе, в сфере услуг (общепит, ремонт жилья и дорог, ремонт и мойка автомобилей, ремонт одежды, торгово-посредническая деятельность) и пр.

Как социальный феномен этническая специализация зависит от стажа миграции и укорененности сообщества в городской среде. Неквалифицированным трудом занимаются недавние приезжие, которые ориентируются на сетевые (этнические/земляческие) связи как форму и механизм адаптации. Большей части (при известных исключениях) таджиков, узбеков, киргизов свойственна специализация с низкой квалификацией.

Этническая ориентированность бизнеса снижается по мере интеграции мигрантов в социально-экономическую инфраструктуру города. Традиционные для Новосибирска азербайджанская и армянская диаспоры, которые формировались на протяжении последних 40 лет, эффективно вовлечены в социально-экономическую структуру города. При этом на фоне интенсивной миграции исторически сложившиеся в городе и регионе этнические общности оказываются в равных условиях с новыми, активно формирующимися в последние годы, что создает между ними поле напряженности. Возникает проблема конкуренции «старых» и «новых» диаспор.

Риски, формулируемые принимающим сообществом относительно социально-экономической сферы, имеют гипотетический характер. Но нельзя исключить роста конфликтности в этой области по мере развития миграции и усиления конкуренции за доступ к ресурсам и сфере занятости. Этнический фактор в этой ситуации может выступать катализатором социально-экономических противоречий[18].

Не менее острые проблемы стоят перед сферой образования. С развитием миграционных процессов интенсивно меняется состав учащихся школ и вузов г. Новосибирска. Полиэтничный характер имеют школы ряда районов города. Наибольшее количество детей из семей мигрантов учатся в образовательных учреждениях Железнодорожного, Центрального, Советского, Дзержинского, Ленинского и Кировского р-нов; школы, расположенные в районах рынков г. Новосибирска, принимают значительную их долю; в ряде таких школ более чем на 50% обучают

[18] Кулешов 2014, 310-311.

детей мигрантов, например, МКОУ СОШ №66 (Ленинский р.), МБОУ СОШ №77 (Заельцовский р.), МБОУ СОШ №71 (Дзержинский р.), МБОУ СОШ №194 (Октябрьский р.)[19]. При этом, если в 2005 г. классы состояли из представителей 2–3 народов, то в 2011 г. появились классы, где учатся дети 4–8 разных этнических групп[20].

По заказу Управления общественных связей и Управления образования Мэрии г. Новосибирска в 2011 г. сотрудниками ИФП СО РАН было проведено социологическое исследование, посвященное изучению межэтнических и конфессиональных взаимоотношений в подобных школах. Опросы учителей и школьников показали относительно благоприятную ситуацию: «Межнациональные отношения как дружеские оценили 48% экспертов, как благожелательные — 19%. Если сложить эти оценки, то они, являясь в целом положительными, несомненно, составляют подавляющее большинство (67%). Значительное количество экспертов оценили их как нейтральные, ровные — 23%. Отрицательные оценки оказались незначительными: как терпимые их оценили только 9% классных руководителей и как враждебные — 1%. И все же негативные оценки показывают, что фактически в 10% классов с межнациональным составом отношения сложились непростые»[21].

Полиэтничные школы г. Новосибирска испытывают множество проблем, решать которые они вынуждены самостоятельно по причине отсутствия в России опыта подобной работы; это крайне слабое знание русского языка, сезонный характер посещения школы детьми, включенными в миграцию родителей, встраивание в учебный процесс религиозных обрядов и проч. Преподаватели этих школ пытаются корректировать программы с учетом этнокультурной специфики учащихся, но их деятельность носит характер инициативных экспериментов[22].

В последние годы в школах г. Новосибирска увеличивается число учащихся, оторванных от привычной культурно-языковой среды, но не интегрированных в принимающее сообщество. Таким образом, связанный с ростом миграции конфликтный потенциал в сфере образования также имеет тенденцию к росту. Для нейтрализации рисков требуется (на государственном уровне) разработка специальных образовательных программ, ориентированных на мигрантов. Потребность в них возрастает в связи новыми законодательными инициативами, вводящими знание языка в качестве условия трудовой интеграции[23].

При всех противоречиях в сфере образования нельзя не признать, что именно образовательная инфраструктура является одним из мощных и перспективных факторов привлечения мигрантов. Колледжи и вузы г. Новосибирска становятся каналами закрепления и адаптации иммигрантов на территории Сибири.

На сегодняшний день город является высоко рейтинговым образовательным центром для молодежи Алтая, Тувы, Хакассии, Бурятии и Якутии. Важным каналом ее коммуникации и закрепления становятся землячества. Большой активностью в г. Новосибирске отличаются якутское и бурятское студенческие землячества, начало формирования которых восходит к 1970-м гг. Характерная для

---

[19] Черкашина, Терентьева, Ушаков, Костюк 2010, 44-58.
[20] Ушаков 2012, 65.
[21] Ушаков 2012, 65.
[22] Программа 2013.
[23] Кулешов 2014, 312.

города в целом и для индивидуальных жизненных стратегий горожан ориентация на перспективу формируют особый механизм социо- и этнокультурных процессов в молодежной среде.

Не менее значимым показателем этнокультурной ситуации (в связи с развитием миграции) в г. Новосибирске является конфессиональная динамика[24].

В городе по состоянию на конец 2012 г. действовали около 130 религиозных объединений и организаций; 13 конфессий имели собственные храмы, здания или помещения: Русская Православная Церковь (17), Римско-католическая церковь (5), ислам (3), Евангельские Христиане-баптисты (6) Евангелическо-лютеранская Церковь (5), Адвентисты Седьмого Дня (2) и по одному зданию (помещению) Русская Православная Старообрядческая Церковь, Армянская Апостольская Церковь, иудаизм ортодоксальный, лютеране, меннониты, Церковь Ингрии[25].

В городе традиционно сложилась дифференцированная конфессиональное пространство. Но вслед за постепенным увеличением доли численности среднеазиатских и закавказских диаспор неуклонно растет число мечетей и молельных домов мусульман. В г. Новосибирске существуют реконструируемая историческая мечеть 1916 г. в Центральном р., Соборная мечеть (400 чел.) в Дзержинском р., мечеть возле Хилокского рынка в Ленинском р. (400 чел.), мечеть в Кировском р. (3500 чел.), проектируемая мечеть в Калинском р. (500 чел.), а также молельный зал на Левобережном рынке в Кировском р.; таким образом, в ближайшие 1-2 года в г. Новосибирске будут действовать 5 мечетей, без учета молельных комнат.

По данным имам-хатыба Соборной мечети г. Новосибирска Н. Шакирзянова, в 2010 г. отпраздновать окончание Рамадана на ее территории собрались около 4 тыс. мусульман[26], в 2012 г — около 5 тыс.[27] Что касается общих данных, то наиб-имам Новосибирской мусульманской общины А. Шакирзянов оценивает количество мусульман в Новосибирской обл. в 200-300 тыс. чел.[28] Председатель Новосибирского магометанского общества Р. Сулейманов уточняет оценку до 100 тыс. верующих[29]. Эксперты, высказывающиеся в СМИ, считают эту цифру завышенной. Тем не менее, религиозная консолидация, являясь одной из форм самоорганизации миграционного сообщества, актуализирует групповые формы идентичности и предопределяет возможность развития этнических рисков.

В 2012 г. в одной из новосибирских мечетей было обнаружено самодельное взрывное устройство. Муфтий А. Шакирзянов предположил, что его могли заложить представители радикальных исламистских кругов, которые стали заметны в г. Новосибирске с 2011 г. В том же году была обезврежена экстремистская организация, дело по которой в 2013 г. было передано в суд. Это было первое за Уралом уголовное дело о создании незаконного вооруженного формирования («Новосибирский джамаат»), десять участников которого исповедовали ваххабизм. Тогда же было возбуждено уголовное дело по факту организации ячейки запрещенной экстремистской организации «Таблиги Джамаат».

---

[24] Кулешов 2014, 313.
[25] Статистические сведения 2012.
[26] Информационный портал НГС 2011.
[27] Информационный портал НГС 2013.
[28] Жукова 2008.
[29] Информационный портал НГС 2013.

В 2013 г. впервые в г. Новосибирске была констатирована активность экстремистских групп. Новосибирский митрополит Тихон признал, что в Сибири имеет место распространение ислама среди русских, в частности среди подростков: «В паспортах нет графы «Национальность». Русские дети стесняются называть себя русскими, православными... уничтожается национальное самосознания народа, теряется генофонд страны… На их пути зачастую непреодолимыми препятствиями встают невероятно распространившиеся в нашей стране оккультизм и сектантство. Или еще одна проблема — радикальный ислам. Все больше становится русских подростков-ваххабитов. В Сибири!»[30].

Обращения к этноконфессиональным сюжетам в прессе г. Новосибирска отражают реалии дня сегодняшнего. Однако если обратиться к контент-анализу прессы, то следует заметить, что частота появления материалов, связанных с межэтническими столкновениями, в последние годы увеличилась незначительно. Хотя при этом можно констатировать увеличение читательской и комментаторской активности в обсуждении проблематики.

Широкий резонанс за последние два года приобрели освещаемые прессой такие события, как избиение тувинца, который скончался в больнице; конфликт между студентами вуза — дагестанцем и русской девушкой, вылившийся в ее избиение; протест жителей микрорайона «Родники» против выделения земли под строительство пятой мечети и т.д.

СМИ освещали также ряд событий, не имевших серьезного общественного отклика, но, тем не менее, нагнетающих антимиграционные настроения. Среди них пикет против «неконтролируемой миграции и этнического криминала»; несколько крупных полицейских рейдов по задержке нелегальных мигрантов; драка иностранных рабочих на строительном объекте; случаи незаконной прописки; кризисная нехватка мест в детских садах из-за миграции; пресечение ряда нелегальных производств мигрантами, в том числе алкоголя и наркотиков; суд над азербайджанской этнической преступной группой и т.д.

В контексте растущей миграции в годе отмечалась актуализация интолерантных моделей поведения. По данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 2012 г. среди 500 жителей Новосибирской обл., более половины из них нетерпимо относились к приезжим. Ультимативную формулировку «Россия — для русских» поддержали 15%; 53% согласились с утверждением, что Россия — «многонациональная страна, но русские должны пользоваться определенными преимуществами». Относительно толерантными можно назвать каждого пятого жителя региона. Именно столько сторонников нашлось у утверждения «Россия — многонациональная страна, и все национальности должны пользоваться равными правами»[31].

По данным ФОМ, рейтинг самых нежелательных мигрантов для новосибирцев возглавляют выходцы с Северного Кавказа (дагестанцы, чеченцы, черкесы и др.). Второе место делят мигранты из Азии (узбеки, киргизы, таджики, китайцы, вьетнамцы, корейцы); на третьем месте — азербайджанцы, армяне, грузины. Меньше негативного настроя вызывает перспектива соседства с украинцами и молдаванами.

[30] Кокоулин 2013.
[31] Кулешов 2014, 314.

Анализ материалов опроса 2012 г. показал, что Новосибирская обл. (вместе с Кемеровской обл. и Республикой Хакасия) в оценке миграционной ситуации занимала срединную позицию между толерантными Омской и Иркутской обл. и более нетерпимым Красноярским краем. В целом по России самая высокая нетерпимость по отношению к мигрантам была характерна для городов Москвы, Оренбурга и Калуги[32].

Но, тем не менее, при сохраняющейся в регионе стабильности в контексте растущей миграции происходила актуализация интолерантных моделей поведения в среде народонаселения. Последний российский рейтинг межэтнической напряженности Центра исследования национальных конфликтов совместно с экспертами «Клуба Регионов» дал региону среднюю степень межэтнической напряженности: «Общий прогноз — неустойчивая ситуация. Регион уже покинул стабильную зону, но еще не перешел в зону риска». Эксперты отметили актуальность националистической повестки дня для Новосибирской области в связи с выборами мэра Новосибирска, прошедшими 6 апреля 2014 г., в которых принимали участие трое кандидатов, обозначивших националистические позиции. При этом «проблему мигрантов» в своих предвыборных программах акцентировали большинство из 11 кандидатов[33].

В последние годы в г. Новосибирске и Новосибирской обл. антимиграционная риторика стала ресурсом воздействия и управления в рамках общественно-политических процессов. В связи с этим возросли риски манипулирования общественным мнением, увеличилась эскалация общественно-политической напряженности. Подобная тенденция стала общей для многих российских и сибирских городов. Но при пристальном изучении настроений и оценок на региональном уровне этнические фобии жителей г. Новосибирска могут быть поставлены под сомнение — образ «этнического мигранта» на поверку оказывается обобщенным образом «чужого», аккумулирующего социальное недовольство. Однако нельзя не учитывать риски и большой конфликтогенный потенциал этнических миграций[34].

В настоящий момент нейтрализация рисков соответствует государственной стратегии России перехода к единому гражданскому обществу с уважением этноконфессиональных и других различий. Формирование «российского многонационального народа» обозначает задачи и перспективы интеграции мигрантов в принимающие сообщества. Предпосылками этого могут служить общее политическое прошлое, получившее продолжение на уровне СНГ; сложившиеся практики социально-экономического и культурного взаимодействия; относительно незначительная культурная дистанция между странами выезда и прибытия; наличие в России уже существующих диаспор и институтов их национально-культурного самоутверждения.

Современное российское общество в условиях очень напряженного дискурса формирует свое отношение к национальному фактору вообще и к миграции в частности. Официальная политика в этой области на уровне г. Новосибирска и Новосибирской обл. основывается на государственной поддержке социально значимой деятельности национально-культурных организаций и поддержке обще-

[32] Маковеев 2012.
[33] Рейтинг 2014.
[34] Кулешов 2014, 314.

ственных инициатив, направленных на формирование единого этнокультурного пространства и межнационального диалога[35].

В 2013 г. разработана Концепция реализации национальной политики в г. Новосибирске, представляющая «систему положений, конкретизирующих Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в интересах устойчивого развития городского сообщества на основе ценностей свободы и безопасности, справедливости, благосостояния и здоровья, гармоничного сочетания высокой гражданственности, позитивной сибирской и этнической идентичности городских жителей»[36].

На уровне города региона Концепция подтверждает такие проблемы в области межэтнических отношений, как увеличение численности «коренных народов Средней Азии, Кавказа, Азиатско-Тихоокеанского региона, увеличение числа прибывающих в Новосибирск на работу и обучение из других регионов России»; «вопросы их социокультурной адаптации в городском сообществе, земляческой и этнической самоорганизации»; «занятие определенных ниш на рынке труда города, особенно заметных в сферах услуг, строительства, торговли, транспорта и связи, ЖКХ»; «влияние на социокультурный ландшафт Новосибирска»; «образовались заселенных по этническому признаку мест компактного проживания» отдельных этнических групп; «нарушения миграционного законодательства со стороны отдельных иностранных граждан»; «инциденты на национальной и религиозной почве и точечная межэтническая напряженность»; «серьезные сложности в организации образовательного процесса в начальных классах школ, расположенных вблизи мест компактного проживания представителей различных национальностей»[37].

Будучи центром СФО и одним из крупнейших в России полиэтничных городов, г. Новосибирск становится пилотным центром по разработке долгосрочной программы гармонизации национальных отношений. В качестве возможных рекомендаций в этой области можно назвать:

— необходимость стабилизации социально-экономической сферы в целом через целенаправленную адаптацию мигрантов и формирование интеркультурных ценностей на основе признания историко-культурных ценностей принимающего и миграционного сообществ;

— усиление уровня социально-экономической и политической ответственности региона с передачей б*о*льших полномочий в сфере управления и национальной политики с федерального уровня на региональный;

— развитие местных инициативных программ и практик в сфере межэтнического диалога;

— развитие социально-культурной сферы при поддержке инициатив, связанных со стратегическими планами развития города и региона по формированию историко-культурной среды, локальной модели локального патриотизма как части патриотизма российского.

---

[35] Кулешов 2014, 315.
[36] Концепция 2013.
[37] Концепция 2013.

Формирование общего коммуникационного пространства, ориентированного на надэтнические ценности (при признании ценности различных культур), может стать гарантией стабильности и устойчивого развития города и региона.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаев Р. 2013: Интервью с руководителем азербайджанской национально-культурной автономии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nsknews.info/news/126315.

Воронов Ю. 2013: «Процесс формирования национальных анклавов необратим» // АиФ. 42, 15.

Зубаревич Н. В. (ред.) 2008: Новосибирская область. Социальный атлас российских регионов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://atlas.socpol.ru/portraits/novsib.shtml.

Информационный портал НГС 2011: Новосибирские мусульмане завершили священный пост [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.ngs.ru/more/98267/.

Информационный портал НГС 2012: Полумесяц над «Родниками». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.ngs.ru/more/677477/

Жукова Е. 2008: Мусульманам в Новосибирске пост дается легче, чем в Арабских Эмиратах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sibkray.ru/news/2011-8-27/17584/

Каримов М. 2013: Интервью с руководителем национально-культурной автономии таджиков Новосибирска [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nsknews.info/news/127337

Кисельников А. А. (ред.) 2012: Миграция населения Новосибирской области в 2011 году. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск.

Кисельников А. А. (ред.) 2014: Миграция населения Новосибирской области в 2013 году. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск.

Кисельников А. А. (ред.) 2013: Национальный состав населения Новосибирской области. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск.

Кисельников А. А. (ред.) 2013: Продолжительность проживания населения Новосибирской области в месте постоянного жительства (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.). Статистический сборник. Новосибирск.

Кокоулин Д. 2013: Бездуховность открывает двери пороку. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.orthedu.ru/eparh/8904-bezduhovnost-otkryvaet-dveri-poroku.html

Концепция 2013: Концепция реализации национальной политики в г. Новосибирске. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.uos.novo-sibirsk.ru/pravo/municipal/koncepciya-nac-polit

Кулешов В. В. (ред.) 2014: Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири. Новосибирск.

Маковеев К. 2012: Мигрантофобия. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.ngs.ru/more/538457.

Мырзакматов М. 2013: Интервью с мэром г. Ош. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/07/04/reg-sibfo/melisbek.html

Программа опытно-экспериментальной деятельности МКОУ СОШ №66. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.s_66.edu54.ru/p59aa1.html

Рейтинг 2013: РИА-Рейтинг. Рейтинг регионов по качеству жизни. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2013.pdf.

Рейтинг 2014: ЦИНК. Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/index.html

Решетко Т. 2013: Новосибирская область: новые возможности (Интервью с начальником отдела трудовой миграции Новосибирской области Татьяной Решетко // «Русский век». 1, 10-18.

Староверова Д. 2014: Смотрят на тебя и — гыр-гыр-гыр! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://news.ngs.ru/more/1779791/

Статистические сведения о религиозных объединениях (по данным управления юстиции по состоянию на 31 декабря 2012 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://kalin-nsk.ru/public/religious-organizations

Ушаков Д. В. 2012: Возможности и перспективы гармонизации межэтнических отношений учащейся молодежи (по результатам социологического исследования в Новосибирске) // Россия — глазами народов Сибири. Новосибирск.

Черкашина Л. А., Терентьева М. Н., Ушаков Д. В., Костюк В. Г. (ред.) 2010: Межнациональные отношения в школьной среде // Материалы научно-практического семинара. Новосибирск, 27 ноября 2009 года. Новосибирск.

Хатоян К. 2012: Интервью с главой национально-культурного езидского центра. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nsktv.ru/vesti_nsk/2012/03/21/8680.html

Хачатрян Ф. 2013: Интервью с руководителем армянской национально-культурной автономии. [Электронный ресурс]. –http://vn.ru/index.php?id=24355

MODERN ETHNO-SOCIAL PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF NOVOSIBIRSK AND NOVOSIBIRSK REGION IN THE CONTEXT OF MIGRATION

I. V. Octyabrskaya, E. V. Antropov

The article describes ethno-demographic and ethno-social processes in Novosibirsk and Novosibirsk region in the dynamics due to the increasing migration. It emphasizes that indicators of development of Novosibirsk — the capital of the Federal District and the largest metropolitan area beyond the Urals, intensely gathers economically active population, largely accumulates macro-regional unification tendencies. Migratory inflow in Novosibirsk region does not only compensate the natural loss, but also increases the number of inhabitants. Analyzing the structure of migration and urban population we draw out a conclusion that ethno-demographic transformations while maintaining the “Western trend” of emigration and increasing “orientalization” immigration. Stated: the increased ethnic diversity in the city and region; variability of ethno-cultural standards, growing competition in the labour market and in the socio-cultural sphere, including ethnic indication; politicization of ethnic sphere in the context of increasing migration and updating of intolerant behavior. The conclusion is given that migration and its consequences form ethno-social risk zone for Siberian metropolis and the region as a whole.

Key words: human potential, Novosibirsk and Novosibirsk region, ethno-demographic structure, migration, ethno-social risks

© 2014

М. В. Борисова

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

В статье рассматривается процесс формирования концепции интеркультурализма и ее основные положения. Автор обращается к реалиям современного мира, анализируя процесс смены парадигм его этносоциального развития. Подчеркивается, что в конце 2000-х — начале 2010-х гг. европейским политическим сообществом было сделано заявление о крахе мультикультурализма, являвшегося господствующим подходом управления культурным многообразием. По единодушному мнению глав европейских стран, политика мультикультурализма привела к сегрегированности общества по этническому принципу. Необходимость поиска новой модели управления этносоциальными процессами привела к формированию концепции интеркультурализма, базирующейся на принципах межкультурного диалога. Усложнение культурного многообразия государств мира, вызванное диверсификацией миграционных потоков и профилей мигрантов, заставило сместить акцент политики на уровень местного самоуправления. В ходе анализа интеркультурализма автор приходит к выводу, что эта концепция на уровне теории и практики является новым подходом государственной политики управления динамикой культурного многообразия современных полиэтничных городов мира.

Ключевые слова: мировое сообщество, мультикультурализм, миграции, проблемы управления культурным многообразием, интеркультурализм — теория и современные практики

Вторая половина XX века, получившая название эпохи постмодерна, характеризуется сменой мировоззренческих ценностей и отказом от господствующих ранее иерархий. Со времен Великой французской революции идеалом модели интеграции разнородного в культурном плане населения государств-наций являлась ассимиляция, предполагавшая культурную гомогенизацию общества. В 1970-е гг., на волне небывалого ранее развития законодательства в области защиты прав и свобод, мировым сообществом на уровне общественного дискурса была принята концепция мультикультурализма — идеология и практика признания и поощрения культурного многообразия. До недавнего времени мультикультурализм являлся общепринятой моделью регулирования отношений в полиэтнических средах. Однако реалии начала XXI в. обнаружили несостоятельность этого подхода. Поиск новых моделей управления культурным многообразием привел к формированию концепции интеркультурализма, основывающейся на принципах межкультурного диалога.

Дискуссии о несоответствии мультикультурализма современному развитию общества развернулись в европейском международном сообществе в начале 2000-х гг. при ведущей роли Великобритании, в ряде городов которой ле-

Борисова Мария Владимировна — аспирантка отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН. E-mail:ponomarenko.mari@hotmail.com

Работа выполнена в рамках исследовательских программ при финансовой поддержке проекта РГНФ № 12–03-00205а

том 2001 г. вспыхнули беспорядки на расовой почве. В экспертном отчете Тэда Кэнтла, бывшего главы городского совета города Ноттингема, опубликованном в августе 2001 г., основной причиной произошедшего была названа низкая степень «сплоченности общин»[1]. В этом отчете была обозначена проблема сегрегированности общества, явившейся следствием мультикультурализма. Мультикультурный подход, направленный на защиту интересов этнических групп, сформировавшихся в европейском обществе в результате массовой иммиграции в послевоенный период, подвергся критике за акцент, сделанный на культурных различиях. Придание большего значения сохранению отличий разных этнических групп, нежели выработке объединяющих ценностей, обеспечивающих чувство общей принадлежности, привело к геттоизации различных этнических групп и фрагментаризации общества.

Для преодоления негативных последствий мультикультурной политики и развития взаимодействия между различными этническими группами Т. Кэнтлом была предложена концепция «сплоченности общин» («community cohesion»), сопровождавшая критику мультикультурализма рядом мер, направленных на «укрепление у жителей чувства гражданственности»[2]. Так, помимо прочего, был введен экзамен на гражданство, сделана попытка установления доминирующего положения британских ценностей в обществе и преобразования социальных служб в более инклюзивные для всех членов общества[3]. Однако эти меры все еще основывались на мультикультурных принципах, таких как представление о фиксированной и статичной идентичности или культуре «с ограниченными возможностями межкультурного диалога более прогрессивного типа»[4]. Концепция «сплоченности общин», пишет Т. Кэнтл в своей книге «Интеркультурализм: Новая эра сплоченности и многообразия», явилась переходным этапом от мультикультурализма к интеркультурализму. Она возникла как «ответ на слабости мультикультурной модели, выстроив при этом основу программ, направленных на защиту прав и равенства, развивая более амбициозный подход, стремящийся изменить отношения и поведение, способствуя продвижению взаимодействия и развивая чувство принадлежности, особенно на местном уровне, создавая более положительную картину природы и ценности культурного многообразия»[5].

Принципы интеркультурализма стали разрабатываться в 2006 г. британскими исследователями Филом Вудом, Шарлем Ландри и Джудом Блумфилдом в рамках исследовательского проекта, финансируемого Фондом Джозефа Роунтри. Результаты этого исследования нашли свое отражение в работе «Культурное многообразие в Великобритании: Методическое руководство по кросс-культурному сотрудничеству». Во введении к этой работе было сказано: «В свете развернувшихся дебатов о «мультикультурализме» это исследование предлагает новый подход управления культурным многообразием. Оно посвящено обнаружению способов раскрытия потенциала культурного многообразия и определению стратегий максимально эффективного обмена между различными культурными группами. Авторы

[1] Cantle 2012, 88.
[2] Theguardian, 11.12.2001.
[3] Warmington 2012, 26.
[4] Warmington 2012a, 18.
[5] Cantle 2012, 90.

исследуют связь между культурным многообразием, инновациями и успешно развивающимися и процветающими городскими сообществами с точки зрения экономического, социального и культурного смешения населения Великобритании». Центральное место в исследовании отводилось городу как площадке межкультурных взаимодействий и межкультурного диалога. При этом «созданный общими усилиями всех жителей интеркультурный город, извлекающий максимум пользы из своего культурного многообразия», противопоставлялся «мультикультурному городу фрагментированных различий»[6]. Восприятие коллективным сознанием культурного многообразия не как проблемы, которую необходимо решать, а как преимущества, которое необходимо использовать для развития общества, было обозначено в качестве основополагающего условия создания интеркультурного города[7].

В настоящее время стратегия, основанная на продвижении взаимодействия и межкультурного диалога, широко признается международным европейским сообществом. В 2005 г. Советом Европы совместно с ЮНЕСКО была учреждена «Открытая платформа» содействия сотрудничеству международных организаций в области межкультурного диалога[8]. В 2006 г. Совет Европы начал работу над «Белой книгой по межкультурному диалогу», изданной в 2008 г. В этой книге, подготовленной «на базе длительных и масштабных консультаций представителей государств-членов Совета Европы»[9], содержалось единогласное мнение этих государств о том, что «мультикультурализм перестал быть адекватной политикой». В документе утверждалось, что сегодня концепция мультикультурализма «воспринимается как причина развития сегрегации и взаимного непонимания между общинами, а также как подход, потворствующий подавлению прав индивидов»[10]. Но наибольший общественный резонанс эта констатация получила после публичных заявлений о крахе мультикультурализма, сделанных ключевыми европейскими политиками — Ангелой Меркель, Дэвидом Кэмероном и Николя Саркози, — в конце 2010 — начале 2011 г. В качестве альтернативы мультикультурализму в «Белой книге по межкультурному диалогу» рассматривался переход к новой «межкультурной системе»[11]. Или, в английском варианте текста, переход к «новой интеркультуралистской парадигме» («emerging interculturalist paradigm»)[12]. 2008 г. был объявлен Европейским Союзом Европейским годом Межкультурного диалога, что, по мнению экспертов, явилось значительным шагом на пути превращения «идеи межкультурного диалога в важный элемент национальных подходов к интеграции, мобилизации культурного сообщества для разработки инновационных и стабильных моделей развития диалога»[13].

В 2009 г. ЮНЕСКО был опубликован доклад «Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами». О мультикультурализме в нем говорилось как о тупике, выйти из которого помогает межкультурный диалог и

[6] Wood 2006, viii.
[7] Wood 2006, vii.
[8] Declaration 2005.
[9] БК, 1.
[10] БК, 20.
[11] БК, 20.
[12] White Paper 2008, 19.
[13] Вуд 2010, 20.

более широкое признание множественности форм идентичности. В докладе отмечалось: «Сложилась тенденция приравнивать культурное разнообразие к разнообразию национальных культур… Культурная идентичность, со своей стороны, скорее является процессом, который постоянно меняется под своим собственным воздействием и который следует рассматривать не с точки зрения наследия прошлого, а как проект, обращенный в будущее. В охваченном глобализацией мире истоки культурной идентичности часто носят множественный характер; растущая пластичность культурной идентичности отражает растущую усложненность глобализированных потоков людей, товаров и информации»[14].

Уилл Кимлика, один из наиболее влиятельных теоретиков мультикультурализма, оценивает заявленную в документах Совета Европы и ЮНЕСКО необходимость преодоления мультикультурализма как нецелесообразную ввиду отсутствия эмпирических доказательств неэффективности мультикультурного подхода. В то же время он признает необходимость принятия новой концепции управления культурным многообразием, объясняя это тем, что «в условиях повсеместного недовольства культурным многообразием миф о крахе мультикультурализма внушает населению, что они недовольны не многообразием как таковым, а ошибочным и наивным мультикультурализмом…». Кимлика добавляет, что, по мнению авторов «Белой книги по межкультурному диалогу» Совета Европы и доклада ЮНЕСКО «Инвестирование в культурное разнообразие», такой нарратив будет способствовать поддержке населением новых прогрессивных политических мер по управлению культурным многообразием»[15]. Точку зрения У. Кимлики об отсутствии доказательств неэффективности мультикультурной политики разделяют, помимо прочих, такие ученые, как Назар Меер, Тарик Модуд и Мишель Вьеворка[16]. Так, Н. Меер и Т. Модуд последовательно опровергают обвинения в адрес мультикультурализма, доказывая, что поощрение культурного диалога, признание подвижности идентичностей, продвижение идеи социальной сплоченности и отрицание замкнутости культур было изначально присуще концепции мультикультурализма[17] и не является изобретением интеркультурализма. В ответ на эти оценки Т. Кэнтл, один из теоретиков интеркультурализма, замечает: «Мультикультурная чуткость Меера и Модуда заслуживает одобрения, но [в настоящее время] существует очевидная и настоятельная необходимость в новых и прогрессивных концептуальных рамках, основанных на интеркультурализме»[18]. Во все более глобализирующемся мире, добавляет он, «интеркультурализм является единственным эффективным подходом управления культурным многообразием»[19]. Авторы идеи межкультурного города также не отрицают «ценности мультикультурализма как ведущей модели, много лет определявшей политику управления культурным многообразием», однако настаивают на необходимости появления в настоящее время в области управления культурным многообразием «свежей мысли», которой и является интеркультурализм[20].

[14] Всемирный доклад 2010, 9.
[15] Kymlicka 2012, 214.
[16] Wieviorka 2012, 225 — 231.
[17] Борисова 2013, 125 — 126.
[18] Cantle 2012a, 39.
[19] Cantle 2012a, 39.
[20] Wood 2006, viii.

Для реализации на практике идей межкультурного диалога, открытости и взаимодействия Советом Европы и Европейской Комиссией в 2008 г. был запущен проект «Межкультурные города». В «Белой книге по межкультурному диалогу», предваряющей начало этой программы, сказано, что города, участвующие в проекте, «будут разрабатывать межкультурные стратегии для использования многообразия в качестве ресурса… Успешные города будущего будут межкультурными центрами, способными анализировать и управлять потенциалом своего культурного многообразия, стимулировать творчество и инновации, генерируя с их помощью экономическое процветание, сплоченность общества и более высокое качество жизни»[21]. Ключевая роль в реализации интеркультурных и интеграционных программ в рамках проекта отводится местным властям. Заключительная декларация Конференции министров по вопросам Интеграции, проходившая в апреле 2010 в Сарагосе, в очередной раз подчеркнула, что, «приминая во внимание, что города и их районы являются основными пространствами, содействующими культурному диалогу и поощряющими культурное многообразие и общественное сплочение, для местных властей особую важность имеет развитие и достижение способностей лучшего управления многообразием и борьбы с расизмом, ксенофобией и всеми формами дискриминации»[22].

В основе программы «Межкультурных городов» лежат разработки британских исследователей Ф. Вуда, Ш. Ландри и Дж. Блумфилда, сделанные в 2006 г. (включая идеи «межкультурных линз», «аналитической таблицы межкультурного города из 10 шагов» и «показателей интеркультурализма»)[23]. В презентации программы «Межкультурных городов» на сайте Совета Европы отмечается, что, в отличие от старых подходов к управлению культурным многообразием, в которых речь шла об интеграции мигрантов в принимающее сообщество, цель нового подхода «интеркультурной интеграции» состоит в «совместном создании нового общества иммигрантами и местным населением». В качестве средств достижения этой цели обозначены «признание уникальной значимости каждой культуры при подчеркивании значения общих ценностей и множественной идентичности; адаптация управления, учреждений и услуг к культурному многообразию населения; десегрегация (культурное смешение) в учреждениях и местах общественного пользования, являющихся площадками для налаживания сотрудничества и доверия между этническими общинами; урегулирование этнических конфликтов путем посредничества и открытого общественного обсуждения»[24]. Главным принципом для понимания программы «Межкультурные города», по мнению ее организаторов, является коллективное формирование базовых ценностей с использованием «новой и особой методики — через межкультурные линзы»: «Жизненно важными в межкультурной стратегии города, — отмечается в обосновании проекта, — будут базовые видение и ценности. Поскольку целью является трансформация взаимоотношений и взаимодействия во всем городе, видение и ценности не могут принадлежать исключительно городским властям, а должны быть

[21] БК, 49.
[22] Declaration 2010.
[23] Вуд 2010, 20.
[24] Intercultural cities presentation 2014.

коллективными — совместно созданными и поддерживаемыми разными людьми, организациями, группами и сообществами в городе»[25].

В рамках пилотного проекта «межкультурных городов», стартовавшего в 2008 г., была создана сеть из 12 городов: Берлин-Нойкельн (Германия), Ижевск (Россия), Лион (Франция), Люблин (Польша), Мелитополь (Украина), Нюшатель (Швейцария), Патрас (Патры) (Греция), Осло (Норвегия), Реджио Эмилия (Италия), Суботица (Сербия), Тилбург (Нидерланды). Основная цель проекта заключалась в обмене между городами опытом управления культурным многообразием для формирования между ними «активной среды стимулирования и поддержки взаимного обучения». Первым этапом проекта стало проведение рабочей группой «диагностических визитов» в города для создания «межкультурной характеристики городов как опорной и отправной точки деятельности в рамках программы» [26]. В ходе этих визитов проводились встречи и дискуссии с различными заинтересованными сторонами — властями, представителями гражданского общества, государственными служащими, работниками культуры, СМИ, — направленные на «повышение понимания и формирование видения межкультурного развития городов». На втором этапе проекта осуществлялась оценка политики городов с межкультурной точки зрения с использованием специально разработанных показателей. По результатам оценок межкультурности городов были составлены отчеты, содержащие рекомендации городам по улучшению реализуемых ими мер по управлению культурным многообразием. Наконец, в ходе реализации программы в различных городах-участниках проекта проводились круглые столы по актуальным темам проекта, таким как «Межкультурное управление и гражданство» (Реджио Эмилия), «Роль СМИ в межкультурном городе» (Патрас), «Разнообразие как двигатель развития в прошлом и настоящем: мобилизация гражданского общества» (Люблин, Мелитополь), «Формирование публичной политики в поддержку разнообразия» (Нюшатель) и др.

Главными результатами проекта его организаторы называют разработку концепции, объясняющей понятие межкультурного города; разработку таблицы оценки политики из 10 показателей, являющихся ориентиром для городских властей в проведении межкультурной политики; разработку показателей интеркультурализма и двух анкет (одна из которых заполняется городскими властями, другая — населением), служащих для оценки городскими властями проводимой ими межкультурной политики; разработку пакета для развития разнообразия СМИ[27].

Впоследствии сеть городов-участников была расширена (на сегодняшний день она включает в себя 24 города[28]), что позволило усилить обмен между городами опытом и знаниями по межкультурному управлению. На основе разработанных ранее показателей интеркультурализма был составлен индекс межкультурных городов. Оценка политики городов осуществляется по 14 индикаторам: интеркультурные обязательства городских властей, система образования,

[25] Вуд 2010, 36.
[26] Вуд 2010, 131 — 133.
[27] Вуд 2010, 129.
[28] Intercultural cities 2014.

жилые районы, социальные службы, бизнес и рынок труда, культура, публичное пространство, посредничество и разрешение конфликтов, язык, СМИ, открытый и международный подход, межкультурные сведения и знания, гостеприимный прием приезжих и управление. Максимальный балл, присваиваемый по каждому показателю, равен 100. За референтные значения взяты средние показатели индексирования 12 первых городов, участвующих в проекте. На сегодняшний день составлен индекс оценки интеркультурности 52 городов[29].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что интеркультурализм, формируясь в контексте современных этнодемографических процессов городских пространств как антитеза мультикультурализму, приобрел сегодня завершенный и самостоятельный характер, являясь новым подходом государственной политики управления динамикой культурного многообразия современных полиэтничных городов.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова М. В. 2013: Город и проблема культурного многообразия: от мультикультурализма к интеркультурализму // Вестник Российской нации. 6 (32), 119–129.

Всемирный доклад ЮНЕСКО 2010: Инвестирование в культурное разнообразие и диалог между культурами. Париж.

Вуд Ф. 2010: Межкультурные города. К модели межкультурной интеграции. Под редакцией Фила Вуда. Киев.

Cantle T. 2012: Interculturalism. The new era of cohesion and diversity. London.

Cantle T. 2012a: Interculturalism — a rejoinder to Modood and Meer // Political Insight. Vol. 3, 38–41.

Declaration of Intent on the setting up of an open platform of inter-institutional cooperation for intercultural dialogue. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/culturalconvention/source/faro_platform_en.pdf

Declaration of the European Ministerial Conference on Integration Zaragoza, 15–16.04.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ec.europa.eu/ewsi/en/resources/detail.cfm?ID_ITEMS=13055

Intercultural cities 2014: governance and policies for diverse communities. Council of Europe. [Электронный ресурс]. — Режим доступа:http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/Default_en.asp

Intercultural City Index 2014: Council of Europe/ERICarts, “Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe”. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.culturalpolicies.net/web/intercultural-cities-charts.php

Intercultural cities presentation 2014: Council of Europe. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/tools_en.asp

Key points of the Cantle report. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.theguardian.com/uk/2001/dec/11/race.world5

Kymlicka W. 2012: Comment on Meer and Modood // Journal of Intercultural Studies.Vol. 33. 2, 211 - 216.

Meer N., Modood T. 2012 : How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // Journal of Intercultural Studies, Vol. 33. 2, 175 — 196.

Warmington J. 2012: Interculturalism. A Handbook for critical integration. Birmingham.

Warmington J. 2012a: Interculturalisme. A breakdown of thinking and practice: Lessons from the field. Birmingham.

[29] Intercultural City Index 2014.

White Paper on intercultural dialogue “Living Together as Equals in Dignity”. 2008. Strasbourg.

Wieviorka M. 2012: Multiculturalism: A Concept to be Redefined and Certainly Not Replaced by the Extremely Vague Term of Interculturalism // Journal of Intercultural Studies, Vol. 33. 2, 225–231.

Wood Ph., Landry Ch., Bloomfield J. 2006: Cultural diversity in Britain, A toolkit for cross-cultural co-operation. York.

THEORY AND PRACTICE OF INTERCULTURALISM IN THE MODERN WORLD

M. V. Borisova

This article discusses the process of forming the concept of interculturalism and its main provisions. The author appeals to the modern world realities, analyzing the process of paradigms changes its ethno-social development. It is emphasized that in the late 2000s — early 2010s European political community announced multiculturalism crash, which was the predominant approach of the management of cultural diversity. According to the unanimous opinion of the Heads of European countries, the policy of multiculturalism has led to segregated societyon ethnic lines. The need to find a new model of ruling ethno processes led to the formation of the concept of interculturalism, based on the principles of intercultural dialogue. Complicating cultural diversity of the world, caused by the diversification of migration flows and profiles of migrants made shift the focus of policy on the level of the local government. Analyzing interculturalism, the author concludes that this concept at the level of theory and practice is a new approach of public policy management dynamics of cultural diversity of modern multi-ethnic cities in the world .

Key words: world community, multiculturalism, migration, cultural diversity management problems, interculturalism — the theory andmodernpractices

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Т. БОНДАРЕНКО. Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. Тула, 2013. 339 с.

Кто? — Дед Пихто!
Где? — У тебя на бороде!
Откуда? — От верблюда!
Есть? — Есть, да не про твою честь!

Друзья, ученики Виктора Терентьевича Бондаренко давно ждали выхода в свет этого словаря. Работал он над ним долго, с большим увлечением. Словарь опубликован, читатели могут насладиться уникальной работой замечательного учёного, но сам автор за несколько месяцев до издания книги неожиданно для всех ушёл из жизни. Из всех трудов профессора Бондаренко этот, пожалуй, можно признать самым оригинальным. Словарей, подобных рецензируемому, до сих пор в отечественной лексикографии не было. Правда, ответные реплики спорадически попадали во фразеологические, диалектные, жаргонные справочники, в словари крылатых слов и выражений, в толковые словари живой народной речи. См., например, характеристику фразеологизмов *Поднимай выше*, *За каким чёртом!*, *После дождичка в четверг* во «Фразеологическом словаре русского языка»[1]; *Бог простит, На кудыкину гору* — во «Фразеологическом словаре русского литературного языка»[2]*; Дай бог (мне) провалиться!, А (*или *да*) *то* (*ра́зе*) (1. Употребляется в значении утвердительной частицы да, конечно) — в «Словаре современного русского народного говора»[3]; *Закрой рот, кишки простудишь!* (*Груб.-ирон.* Требование замолчать) — в «Словаре московского арго»[4]; *А клавиатуру пожевать не хочешь?* (*Комп. Шутл.-ирон*. Отрицательный ответ на чью-л. просьбу) — в «Большом словаре русского жаргона»[5]; *Разговор на эту тему портит нервную систему* (Просьба сменить тему разговора) — в работе «Крылатые слова нашего времени»[6]; примеры обмена репликами (*– Спасибо! — За спасибо и прыщ не вскочит!; — Спасибо! — Спасибо на хлеб не намажешь!* и др.) — в словаре «Живая речь»[7] и т.д.

Как указывает В. Т. Бондаренко, ответные реплики в научной литературе именовались поразному. *Контекстуальными устойчивыми фразами* называл их учитель Виктора Терентьевича В. Л. Архангельский, стоявший у истоков отечественной фразеологии; *контекстуальными пословицами и поговорками* — другой известный учёный-фразеолог, В. П. Жуков, создатель первого словаря русских пословиц и поговорок; *фразеорефлексами* — В. Г. Гак, крупнейший романист, один из составителей «Нового большого французско-русского фразеологического словаря». *Идиомами-перформативами* в своей работе «Речевые формулы в диалоге» называют такие реплики современные исследователи А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский. Однако В. Т. Бондаренко намеренно избегает не только перечисленных выше терминов, но и терминов *формулы речевого этикета* и *устойчивые этикетные формулы*, используемых автором «Словаря русского речевого этикета» А. Г. Балакаем[8],

[1] Молотков 1987, 330, 526, 527.
[2] Фёдоров1991/1, 28, 124.
[3] Осовецкий 1969, 59, 558.
[4] Елистратов 1994, 196.
[5] Мокиенко, Никитина 2001, 258.
[6] Дядечко 2008, 588–589.
[7] Белянин, Бутейко 1994, 146.
[8] Балакай 2007.

казалось бы, наиболее близкого по теоретическим подходам к представляемому здесь словарю. И этому есть своё объяснение. В. Т. Бондаренко сумел абсолютно точно назвать описываемые единицы *ответными репликами*. «Ответными реплики называются потому, что их общее иллокутивное назначение заключается в том, чтобы быть ответами, реагирующими в структуре диалога на “чужое” слово или фразу коммуниканта: *Куда? — На кудыкину гору*; *Думал — Индюк тоже думал*»[9].

В. Т. Бондаренко не мог в качестве общего наименования объектов своего изучения избрать термины типа *речевые формулы*, *устойчивые фразы* или *контекстуальные пословицы и поговорки*, хотя есть среди его ответных реплик и те, и другие, и третьи. Дело в том, что «в структурно-формальном отношении ответными репликами являются как однословные (лексические), так и неоднословные (фразеологические) образования. Ср. ответы на вопросы: *Как жизнь? Как живёшь? (живёте)? — Терпимо; Старым способом; Живём: не плачем, а ревём*»[10]. По нашим подсчётам, из всех ответных реплик, вошедших в Словарь Бондаренко, к однословным относится лишь 10 единиц, то есть примерно 0,017%, а остальные представляют собой ответные *фразореплики* (фраземы и (преимущественно) устойчивые фразы из числа пословиц, поговорок, крылатых выражений и др.). Таким образом, «ответные реплики принадлежат лексико-фразеологической системе, им присущи такие свойства языковых знаков, как устойчивость в языке и воспроизводимость в речи»[11].

Следует особо подчеркнуть своеобразие проанализированного в Словаре В. Т. Бондаренко материала сравнительно с материалом «Словаря русского речевого этикета» А. Г. Балакая. Этикетные формулы, включённые в книгу Балакая, тоже представляют собой определённую лексико-фразеологическую систему, элементы которой функционируют в условиях диалога, где обязательны *реплика-стимул* и следующая за ней *реплика-ответ*. Но это слова и устойчивые формулы, «традиционно употребляемые или употреблявшиеся ранее в типовых ситуациях *вежливого, дружески-доброжелательного или официального общения*»[12] (Выделено нами. — *С. Ш.*). А. Г. Балакай понимает речевой этикет как «систему специфичных языковых знаков и правил их употребления, принятых в данном обществе в данное время с целью осуществления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией»[13]. Часть описанных В. Т. Бондаренко ответных реплик также выполняет этикетную функцию. Ср. *Как дела? Как живёте? Как здоровье? Как ты (вы)? — Бог милует; Бог грехам терпит; Бога гневить нечего*[14]. Но «основное назначение ответных реплик, вызванных прямыми житейскими вопросами, желанием и намерением партнёра по коммуникации узнать что-либо, заключается в отведении вопросной реплики как неуместной, нежелательной, в уклонении от ответа или в том, чтобы дать неопределённый ответ, ответ не по существу»[15]. Например: — *Кто? — Конь в пальто; Почему? — Потому что кончается на «у»; — Далеко ли идёшь? — Отсюда не видать; — Ты меня любишь? — Люблю и уважаю, беру за хвост и провожаю; — Надолго? — Как только, так сразу* и т.д.

Помимо уклонения от ответа по существу, ответные реплики, описанные В. Т. Бондаренко, могут выполнять ещё одну существенную функцию — «дать оценочный комментарий “чужому” слову». Таково назначение ответов-откликов на невопросительные реплики. «При этом чаще всего оценка выражает негативно-неодобрительное отношение (несогласие, возражение, нежелание, отказ, осуждение и др.): *Авось. — Авось да как-нибудь до добра не доведут; Кажется. — Креститься надо, если кажется*»[16].

Бондаренко точно подметил характернейшую особенность ответных реплик, которые имеют широкое хождение в современной русской непринуждённой диалогической речи, — их направленность в мир смеха за счёт языковой игры, основанный на известных приёмах контраста, противо-

[9] Бондаренко 2013, 4.
[10] Бондаренко 2013, 4.
[11] Бондаренко 2013, 4.
[12] Балакай 2007, 3.
[13] Балакай 2007, 3.
[14] Бондаренко 2014, 117–118.
[15] Бондаренко 2014, 5.
[16] Бондаренко 2014, 5.

речия, нелепицы, парадокса: — *Бывает.* — *Бывает, <что> и у девушки муж умирает;* — *Ехать.* — *Ехать так ехать, сказал попугай, когда кот Васька тащил его за хвост из клетки*. Это может быть безобидная шутка, вызывающая у собеседника улыбку и создающая непринуждённую атмосферу общения: — *Большое спасибо!* — *Большое пожалуйста!;* — *Сколько лет!* — *Столько же, сколько и зим*. Но часто ответная реплика может носить характер осмеяния речевого действия собеседника. Так, на возмущённое требование прекратить что-либо в форме «*Хватит!*» можно услышать в ответ: «*Понос прохватит*».

Ответные реплики, по мнению В. Т. Бондаренко, «имеют «большую этнокультурную познавательную ценность»; они позволяют «объяснить и понять особенности менталитета, коммуникативного поведения русских людей, культуры их речевого поведения»[17]. В них проявляется живой русский ум народа-«языкотворца». Анонимные авторы свободно владеют приёмами рифмовки, метафорики, ритмики; обладают завидной способностью «играть» омонимами, паронимами; используют фольклорные приёмы повторов, синтаксического параллелизма и т.д.

В Словарь включено 600 единиц, которые автор расценивает как базовый фонд ответных реплик. Поскольку ответная реплика всегда связана с репликой-стимулом, объектом анализа является «комплексная структура — диалогическое единство как единое и целое семантико-грамматическое образование»[18]. И все же центральная позиция принадлежит ответной реплике.

Структура Словаря и сами принципы описания диалогических единств свидетельствуют о высокой лексикографической культуре составителя. Словарная статья состоит из трёх зон: зоны слова/фразы-стимула, зоны ответной (ответных) реплики (реплик) и иллюстративной зоны.

Зона слова/фразы-стимула (все они расположены в алфавитном порядке) открывается заглавной единицей в исходной форме. Если таких слов-стимулов несколько, то первым называется наиболее употребительное. При необходимости указывается частеречная принадлежность слова-стимула. Здесь же даётся семантическая характеристика, приводится типовой контекст или описывается ситуация, в которой уместно употребление слова/фразы-стимула; иногда слова-стимулы сопровождаются функционально-стилистическими пометами: **Встать ♦ Встань ♦ Встаньте**. Употр. как форма требования; **В чём дело?** Что случилось? Говорится при выяснении каких-л. обстоятельств; **Баба**. *Прост*.

Зона ответной (ответных) реплики (реплик) содержит в большинстве случаев фразеорефлексы. Автор пытался показать в каждой словарной статье оптимальный набор бытующих в народной речи фразеологических единиц, пословиц, поговорок, крылатых выражений, используемых в качестве ответных реплик на определённые слова-стимулы. Они представлены во всех своих возможных вариантах, а при наличии синонимических фразеорефлексов к одному и тому же слову-стимулу зона ответных реплик состоит из нескольких блоков, внутри которых собраны ответные реплики, объединённые общими сигнализаторами. Ответные реплики сопровождаются семантическими и ситуативными комментариями, а в случае необходимости имеют стилистические (указания на отнесённость к просторечию, к сниженной экспрессивной речи, к нецензурным выражениям, к жаргонным) и эмоционально-оценочные пометы (шутл., ирон., насмешл., презрит., одобр., неодобр.). В качестве примера приведём лишь некоторые ответные реплики на этикетные вопросительные обращения общего характера **Как дела? Как живёте? Как здоровье? Как ты (вы)?** и т. п., помещённые в Словаре:

ВАШИМИ (ТВОИМИ) <СВЯТЫМИ> МОЛИТВАМИ. Учтивый или шутл.-ирон. ответ на этикетный вопрос.

ВСЁ ТИП-ТОП. *Жарг.* **♦ ВСЁ В ПОРЯДКЕ. ♦ ВСЁ ПУТЁМ.** *Жарг.* **♦ ВСЁ ПУЧКОМ (ПУЧОК).** *Жарг.* **♦ ВСЁ СУПЕРФОСФАТ.** *Жарг.* **♦ ВСЁ ХОККЕЙ.** *Жарг.* **♦ ВСЁ ШОКИН-БЛЮ.** *Жарг.* всё хорошо, благополучно, так, как нужно.

В ПОЛОСКУ. *Жарг. Неодобр.* или *шутл.* То хорошо, то не очень.

КАК В ЛУЧШИХ ДОМАХ ЛОНДО́НА И ПАРИЖА (ФИЛАДЕЛЬФИИ…) *Шутл.-ирон.* О приличных, хороших условиях, о высоком уровне чего-л.

---

[17] Бондаренко 2013, 9.
[18] Бондаренко 2014, 9.

ЛУЧШЕ ВСЕХ <ДА ТОЛЬКО НИКТО НЕ ЗАВИДУЕТ>. ♦ ЛУЧШЕ НЕКУДА. НАДО БЫ ЛУЧШЕ, ДА НЕКУДА. ♦ ЛУЧШЕ НЕ БЫВАЕТ. ♦ ЛУЧШЕ НЕ ПРИДУМАЕШЬ (И ПРИДУМАТЬ НЕЛЬЗЯ). Шутл.-ирон. ответы, обычно означающие наигранное довольство чем-л.[19]

Иллюстративная зона, непременная составляющая каждой словарной статьи, заслуживает особого внимания читателя. Фрагменты из произведений классической русской литературы, из современных романов, повестей, рассказов, детективов; отрывки из публицистических текстов; диалоги из СМИ, записи непринуждённой разговорной речи подтверждают теоретические положения автора, превращают знакомство со Словарём в увлекательное чтение.

Завершается Словарь «Списком ответных реплик», позволяющим русскоязычному читателю в целом обозреть внушительный набор возможных лаконичных остроумных вербальных реакций на любые, «удобные» и «неудобные», вопросы собеседника

В. Т. Бондаренко выбрал единственно верный для данного типа словаря принцип трактовки ответных реплик. Он отказался от оценок типа «правильно» или «неправильно» и не даёт рекомендаций «так надо говорить» или «так не надо говорить». Он считал своей главной задачей дать объективную картину того, что сам наблюдал в реальной жизни («Главное — дать читателю информацию: так принято реагировать на “чужое” слово в такой-то речевой ситуации»[20]), и прекрасно с этой задачей справился.

ЛИТЕРАТУРА

Балакай А. Г. 2007: Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений. М.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. 2000: Речевые формулы в диалоге. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/25.htm

Бондаренко В. Т. 2013: Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. Тула.

Дядечко Л. П. 2008: Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц. М.

Елистратов В. С. 1994: Словарь московского арго. М.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. 2001: Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний. СПб.

Молотков А. И. (ред.) 1987: Фразеологический словарь русского языка. М.

Осовецкий И. А. (ред.) 1969: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области) / Г. А. Баранова, Т.С. Коготкова, Е. А. Некрасова и др.; И. А. Осовецкий (ред.). М.

Фёдоров А. И. (ред.) 1991: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / А. И. Фёдоров (ред.). Новосибирск.

С. Г. Шулежкова
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания
Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова

[19] Бондаренко 2014, 117–121
[20] Бондаренко 2014, 11.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© 2014

И. Р. Атнагулов

«ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ»: по материалам региональной научно-практической конференции

Региональная научно-практическая Конференция «Этнические процессы на Южном Урале» была организована Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г. И. Носова и проходила 30 апреля 2014 г. на базе лаборатории археологических и этнографических исследований. В докладах были подняты актуальные проблемы истории, археологии и этнографии народов региона. Главными темами конференции была этническая история и межэтнические контакты народов Южного Урала.

Несомненный научный интерес представляет материал, озвученный в докладе *А. В. Безрукова*. Здесь представлены все имеющиеся на сегодняшний день в наличии письменные источники и указания древних авторов о народах Урала и характере взаимоотношений племен, обитавших на дальней периферии ойкумены, с античными городами и государствами. Согласно античной письменной традиции, восточными соседями скифов были кочевые племена, близкие скифам по образу жизни и известных грекам под именем «савроматов», а затем «сарматов», упоминаемые уже в «Истории» Геродота. Обращение к Геродоту не случайно, так как вся последующая античная историография, греческие и римские авторы, так или иначе обращаются к информации Геродота, касающейся племен и народов, населявших степи и леса вплоть до Южного Урала. Интерес античных авторов к региону обусловили исключительно выгодное географическое и стратегическое положение района, богатство природных ресурсов (медь, золото, драгоценные камни), наличие высокоценной пушнины.

Материалы *Г. К. Валеева* посвящены периоду вхождения северо-восточных башкир в состав Российского государства. История башкир Челябинской области восточнее р. Ай (Аргаяшский, Кунашакский, Сосновский, Чебаркульский, Нязепетровский, Каслинский районы), Свердловской, Курганской областей до присоединения к России была связана с историей Сибирского ханства. Зауральские башкиры вместе с некоторой частью населения Сибирского ханства: хантами, манси, татарами – начали принимать русское подданство с 1582 г. До 1585 г. основная часть башкир, живших в верховьях рек Миасс, Исеть, Ай, Уфа (племена кудей, ай, катай и др.), вероятно, приняли русское подданство. Это подтверждается тем, что в нач. 1590-х гг. они подверглись нападениям кучумовичей, обвинявших их в измене. Они начали платить ясак с 1586 г., местом сбора ясака были назначены Уфа, Верхотурье, позднее также Тобольск и Чердынь. Кучума и его сыновей поддерживали татары Тайбугина рода, ногайцы, часть башкир – табынцев, сынрянцев и мякотинцев. Так, в 1600 г. в верховьях Ишима с сыновьями Кучума было «с женами и с детьми человек 300» тыбынцев и сынрянцев. В 1601 г. уфимский воевода М. Нагой отправил послов «уфимца сына боярского Гаврила Артемьева, новокрещена Рудака Федорова и татар в Сибирь и к царевичам» на встречу с государственным жалованным словом. Послы вначале прибыли в Каратабынскую волость к старосте Утямышу Анбарову, где были кучумовичи – аталык царевича Азима – Казанбердей, абыз Алебай и другие. Послы, отправившись из Каратабынской волости, нашли царевичей Каная и Азима между реками Ишимом и Обаги, где они обосновались на зиму. Людей с ними было «человек с 150, а все табынцы». Али с ними не было, он находился «от них в 5 днищах к Тобольску, а с ним де кочуют

братья их меньшие и сынрянцы и мякотинцы, а сказывают де с ними человек 300 и больше, а зимуют де они в разни для того, что им, живучи вместе, прокормить нечем». После разгрома Али в 1608 г. в стане кучумовичей башкир не осталось. Последними отошли сынрянцы, но они не сразу приняли русское подданство, вначале платили ясак ногайским мурзам и кочевали в ишимских степях. В 1623 г. на сынрянцев наехал калмыцкий тайша Уруслан с требованием дани, но те отказали, говоря, «что дают оне государю ясак по вся годы». По этому случаю тюменский воевода Ф. Ф. Бобрищев-Пушкин писал в январе 1623 г. тобольскому воеводе М. М. Годунову, что «катайские де волости татарове и сынрянцы калмыцкому тайше Уруслану ясак давать не хотят, и с теми де вестями послали оне на Уфу катайские волости татарина, а сами де они откочевали к Каменю». Сынрянцы переселились в Верхотурский уезд. Так завершается история Сибирского ханства и вхождение зауральских башкир в состав Русского государства.

Материал *С. У. Таймасова* касается ногайско-русско-башкирских отношений в период вхождения Башкирии в состав Русского государства. До начала 1610-х гг. в Башкирии мирно сосуществовали башкиры, ногайцы и русские. Русские власти, очевидно, терпели ногайцев «по старой дружбе», а башкиры – по родству. Выражение «по сполу», видимо, означает – «по согласию». Исход ногайцев из Башкирии произошел в период междуцарствия (1610-1613 гг.). Смена династий неблагоприятно отразилась на ногайцах. Ведь с новой династией у потомков Едигея не было близких отношений. Этот факт в определенной степени объясняет безучастность русского правительства к судьбе ногайцев в последующие годы, когда они, теснимые калмыками, оставили берега Яика, потом Волги, и в 1630-х годах ушли на Кубань и в Крым. Некогда могущественная Ногайская Орда прекратила существование, а Башкортостан продолжил свой путь уже в составе Русского государства. Шежере сообщают об условиях, на которых башкиры «приклонились к Белому царю». Царь гарантировал своим новым подданным вотчинное право на земли, внутреннюю автономию, свободу вероисповедания и исполнения своих обрядов и обычаев. Они, как и казаки, были причислены в военное сословие и верно служили своей новой отчизне на протяжении многих лет.

Этнодемографическая характеристика башкир Челябинской области на рубеже XX–XXI вв. по материалам переписей представлена челябинскими исследователями *А. А. Рыбалко* и *О.* В. *Новиковой.* Наиболее компактно, образуя единый массив, башкиры проживают в Аргаяшском, Кунашакском, а также на части Сосновского и Каслинского районов области. В Аргаяшском районе удельный вес башкир составляет 64%, в Кунашакском 49,2%, в Сосновском 14%. Удельный вес башкир в Аргаяшском районе вырос на 6%, в Кунашакском на 1,8%, в Сосновском сократился на 0,41%. На эти территории приходится 31,9% всех башкир области. Кроме того, традиционно высокий удельный вес башкиры имеют в Уйском районе (9,2%) и в самом юго-западном районе области – Кизильском (12%). Продолжился процесс урбанизации у башкир Челябинской области. Удельный вес городского населения превысил удельный вес сельского в 80-е годы XX века. В 1979 г. на сельское население приходилось 55,9%, в 1989 году доля городского составила 51,9%. Городское население в 80-е годы выросло на 41,9%, сельское на +3,7%. Сейчас доля городского населения у башкир области составляет 53,6%. К 2002 году численность городского населения данной национальности возросла на 6,6%, а сельское незначительно сократилось (на 0,42%). Средний возраст этноса в области – 33,4 года. Этот же показатель, к примеру, у русских составляет 36,0 лет, у татар – 40,3 лет, украинцев – 50,5 лет; «моложе» башкир только казахи: 30,8 лет. Доля лиц моложе трудоспособного возраст у башкир составляет 21,72%, трудового – 64,87%, нетрудового – 13,38%. Из негативных тенденций следует отметить устойчивое снижение лиц данной национальности, считающих башкирский язык родным. В 1979 г. башкирский считали родным 88,2%, в 1989 году – 84,3%, в 2002 г. – 61,4%. Среди городского населения темпы заметно выше: 1979 г. – 79,3%, 1989 г. – 76,4%, 2002 г. – 47,05%, у сельского ниже: 1979 г. – 95,2%, 1989 г. – 92,7%, 2002 г. – 77,95%.

Свой материал о русско-башкирских взаимодействиях представила *И. В. Лосеева.* Известно, что появление русских на своих землях башкиры встретили настороженно. Начавшаяся колонизация Урала русскими в корне изменила обстановку на башкирских землях. Анализ архивных, экспедиционных материалов свидетельствует о том, что понимание между русскими и башкирами наблюдалось далеко не всегда. Дальнейшая история башкир в составе России отмечается тенденциями к сближению народов, что наблюдалось постоянно. Революция 1917 г., голод 1920-х гг., Великая От-

ечественная война и послевоенные годы естественным образом заставили объединиться всех людей в регионе. Процесс освоения русскими обозначенных территорий имел глубокие социально-экономические последствия для народов Южного Урала: значительная часть башкирского населения под влиянием русского крестьянства переходила к оседлости и земледелию. Оседание кочевников-башкир на земле приводило к росту их материальной обеспеченности, что отразилось на естественном приросте местного населения края. Русские и башкиры принимали совместное участие в выполнении различных повинностей, вместе боролись против иноземных захватчиков. Все это не могло не способствовать установлению тесных хозяйственных и культурно-бытовых контактов между ними, которые приводили к передаче друг другу наиболее целесообразных хозяйственных навыков, некоторых элементов материальной, а иногда и духовной культуры.

И. Р. Атнагуловым был зачитан доклад по теме «Формирование нагайбаков во второй половине XVIII – первой половине XIX в.». В этом сообщении представлены этнические процессы в Южном Приуралье данного периода, связанные главным образом с возникновением такой этносословной группы, как нагайбаки. Особенность этих процессов состояла в том, что они происходили под воздействием государственной политики по военному обустройству края. Нагайбаки складывались, с одной стороны, в результате межэтнических контактов между группами крещёных татар Уфимской провинции, чувашей и, возможно, каких-то групп восточно-финского населения, с другой – явились результатом энергичных действий государства по рекрутированию населения в казачьи подразделения.

Если этническим субстратом нагайбаков являлись вышеперечисленные этнические группы, то в течение дальнейшего развития нагайбаков на них оказывали воздействие другие народы. Например, во второй половине XVIII в. в состав нагайбаков вошли группы среднеазиатского происхождения (персы, арабы, ташкентцы, каракалпаки и др.). Переселение в 1842 г. в Южное Зауралье изменило не только природно-географические условия обитания, но и окружающую этническую среду нагайбаков. Если в Белебеевском уезде они были расселены в окружении родственных им групп кряшенского населения, то на новой этнической территории они оказались в плотном окружении русских казаков и, кроме того, вступили в контакты с казахами. Всё это заметным образом повлияло на дальнейшую судьбу нагайбаков и формирование их этнической культуры.

Содержание материалов конференции позволяет сделать выводы о том, что этнические процессы на Южном Урале с древнейших времён происходили в русле взаимовлияний различных этнических массивов – иранского, тюркского и в новое и новейшее время – тюркского и славянского. Характер этих процессов менялся в зависимости от исторических эпох и влияний общественно-политических факторов. Центральное место в этих взаимоотношениях за последние примерно 400 лет занимают русско-башкирские, которым посвящена большая часть сообщений. Контакты между русскими и башкирами имели различный характер, как мирный, так и военный. Кроме того, Южное Приуралье XVIII в. было ареной более широкомасштабных славяно-тюркских отношений, связанных в основном с общественным строительством в Оренбургской губернии. Одним из таких моментов было формирование подразделений Оренбургского казачьего войска, в результате чего возникла этносословная группа нагайбаков, вобравшая в себя различные этнические компоненты.

К середине XIX в. на этнографической карте Южного Приуралья в основном сформировалась современная картина расселения народов, особенностью которой является сложный этнический состав большинства территорий, дисперсность расселения многих этносов и появление новых этносословных групп, возникших в результате межэтнических контактов.

И. Р. Атнагулов
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории древнего мира и средних веков
Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив МАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург
Архив РГО — Архив Русского географического общества. Санкт-Петербург
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БК — Белая книга по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве». Страсбург, 2008.
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ДБ — Древности Боспора. Москва
ЖМВД — Журнал министерства внутренних дел. Санкт-Петербург
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
ЛЕС — Лингвистический ежегодник Сибири. Красноярск
МАЭ РАН — фонды и коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
НА ЧГИГН — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук.
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Санкт-Петербург
РАН — архив Российской академии наук
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский архив Российской академии наук
AA — Archäologischer Anzeiger. Berlin
AJA — American Journal of Archaeology
AJPh — American Journal of Philology
ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin; New York
ARG — Archiv für Religionsgeschichte
BJ — Bonner Jahrbücher. Bonn, 1842-
BSA — The Annual of the British School at Athens. Athens
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CA — Classical Antiquity. Berkeley
CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Vol. I–XVI. Berlin, 1863–1959
CJ — The Classical Journal.
Collectio Avellana I — Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab a. CCCLXVII usque ad DLIII datae Avellana quae dicitur collection. Pars I. / O. Guenther (ed.). Vindobonnae, 1895.
CPh — Classical Philology. Chicago, 1906-
CT — De Buck A. 1935–1961: The Egyptian Coffin Texts. Vol. I-VII. Chicago
De Bell. Poll. — Claudian with an English translation by M. Platnauer. Vol. 2. London; New York, 1922
Fast. Cap. Degrassi — Degrassi A. Fasti Consulares et Triumphales. In: Inscriptiones Italiae, XIII, I. Roma, 1943
GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies
ILCV — Diehl E. Inscriptiones Latinae Christianae Veteres. Bd. I-IV. Berlin, 1925-1967
ILS — Inscriptiones Latinae Selectae. Rome; Berlin
In Eutr. II — Claudian with an English translation by M. Platnauer. Vol. 1. London; New York, 1922
JHS — The Journal of Hellenic Studies. Cambridge
JQR — Jewish Quarterly Review
JR — Journal of Religion
JRS — Journal of Roman Studies. London
MGH. Scr. rer. Mer. — Momumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingarum. Tomus III. / B. Krusch. Hannoverae (ed.), 1896

ND. Or/Occ.	—	Notitia Dignitatum accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi provinciarum. / O. Seeck (ed.). Berolini, 1876
NNDI	—	Novissimo Digesto Italiano. Torino
P.Flor I	—	Papiri greco-egizii, Papiri Fiorentini. Vol. I. Documenti pubblici e privati dell'età romana e bizantina. / G. Vitelli (ed.).. Milano, 1906.
PL	—	Patrologia cursus completus. Series Latina. Vol. 1–217. Paris, 1844–1865
PRLE I	—	Jones A.H.M., Martindale J.R, Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I: A.D. 260-395. Cambridge, 1971
Pyr.	—	Sethe K. 1908–1923: Die altägyptischen Pyramidentexte**.** Bd. 1–4. Leipzig
Pyr. Texte	—	Sethe K. 1935–1962: Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten. Glückstadt
RE	—	Paulus Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. / G.Wissowa, W. Kroll (Hrsg.). Bd. 1-83. Stuttgart, 1893-1975.
REA	—	Revue des études anciennes. Bordeaux, 1899-
REByz	—	Revue des études byzantines. Paris, 1943-
SP	—	Studia Patristica
SSAR	—	Social Struggles in Archaic Rome. New Perspectives on the Conflict of Orders
TPAPA	—	Transactions and Proceedings of the American Philological Association
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1967-

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

Востриков И. В. (Казань) — Афинский патриотизм и функционирование института эфебии ... 3
Васильев А. В. (Санкт-Петербург) — Деформации в системе римских магистратур в период Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) ... 10
Циркин Ю. Б. (Санкт-Петербург) — Гай Фламиний ... 21
Павлов А. А. (Сыктывкар) — Плебейские трибуны в «римских вопросах» Плутарха ... 42
Каргальцев А. В. (Санкт-Петербург) — Жизнь и экклезиологические взгляды Тертуллиана ... 48
Мехамадиев Е. А. (Санкт-Петербург) — Войсковое подразделение Angrivarii, «Веронский список» (Laterculus Veronensis) и вторжение Алариха в Италию: к вопросу о датировке позднеримской надписи из Аугсбурга ... 57

Круглый стол «Христианство в античности и раннем средневековье: проблемы изучения источников»

Пантелеев А. Д. (Санкт-Петербург) — Христианское мученичество в контексте римских зрелищ ... 75
Карасева А. В. (Иваново) — Отравленный источник или о старом и «новом» переводе Арнобия ... 89
Болгова А. М. (Белгород) — Прокопий Газский: Ритор и Богослов ... 101

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Шейко И. Н. (Киев) — Пергамские и Эфесские светильники из Ольвии (импорт и местные имитации) ... 108

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Орехов Р. А. (Москва) — Обрезание в Древнем Египте — интерпретация ритуала с позиций ближневосточной и африканской традиций ... 124
Кошеленко Г. А., Гаибов В. А. (Москва) — Эллинистический Восток: колонизация верхних сатрапий (масштабы, динамика, характер) ... 141

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Сотникова С. В. (Тобольск) — К вопросу о парных захоронениях лошадей в колесничных культурах эпохи бронзы: реконструкция ритуалов и представлений (по материалам памятников синташтинского и петровского типа) ... 176

МЕЗОАМЕРИКА

Савченко И. А. (Москва) — К вопросу о поселенческой структуре древних майя юго-восточного Петена (Гватемала) в VII–IX вв. н.э. 190

ИСТОРИЯ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

Могаричев К. Ю. (Симферополь) — Марсельское убийство (1934 г.) в восприятии украинской общественности Польши и США (по материалам газет «Діло» и «Свобода») 197

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Зиливинская Э. Д., Смирнов А. С. (Москва) — Первые раскопки в селении Селитренном Астраханской губернии 203

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Абрамзон М. Г. (Магнитогорск), *Фролова Н. А.* (Москва) — Античные монеты Сицилии из собрания Государственного исторического музея 212

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алферьева Т. А. (Екатеринбург) — «Персона» как категория женского самосознании в русской прозе конца XVII — начала XVIII столетия 246
Тимашова О. В. (Саратов) — Комедия «Раздел» (1853) в драматургической системе раннего А. Ф. Писемского и в контексте журнала «Современник» 255
Ахмадрахимова О. В. (Уфа) — Русскоязычные варианты башкирского эпоса «Заятуляк и Хыухылу» 264

ЛИНГВИСТИКА

Елистратов А. А. (Челябинск) — Контрастивное исследование некоторых особенностей языковой игры в молодежном жаргоне (на английском и русском языковом материале) 269
Стешевич В. Ю. (Москва) — Способы побуждения 3-го лица в русском и сербском языке бесп из РАН просили 277
Сулейманова Д. Д. (Уфа) — О фонеме [R] в тюркско-баскских соответствиях 285
Ма Цин (Москва) — Анализ репрезентантов концепта мудрость в русском языке 291
Ижик М. О. (Киев) — Этимологические компоненты лексики малагасийского языка 294

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Медведев В. В. (Магнитогорск) — Мост в традиционной жизни чувашей 300

Атнагулов И. Р. (Магнитогорск) — К вопросу об этногенезе и периодизации этнической истории нагайбаков 309
Атнагулов И. Р. (Магнитогорск) — Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX — начале XX в. 318
Ярзуткина А. А. (Анадырь) — Торговцы-лавочники из числа коренных жителей Чукотки в конце XIX — начале XX вв.: микроисторические реконструкции 324
Ефимов В. С., Лаптева А. В. (Новосибирск) — Проблемы воспроизводства этнической идентичности народа саха (по материалам этно-социологического исследования в Республике Саха-Якутия) 333
Октябрьская И. В., Антропов Е. В. (Новосибирск) — Современные этно-социальные процессы в развитии Новосибирска и Новосибирской области в контексте миграции 349
Борисова М. В. (Новосибирск) — Теория и практики интеркультурализма в современном мире 367

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Шулежкова С. Г. (Магнитогорск) — В. Т. Бондаренко. Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. Тула, 2013. 339 с. 375

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Атнагулов И. Р. (Магнитогорск) — Региональная научно-практическая конференция «Этнические процессы на Южном Урале» (Магнитогорск, 30 апреля 2014 г.) 379

CONTENTS

HISTORY

ANCIENT HISTORY

ANCIENT GREECE AND ROME

I. V. Vostrikov (Kazan) — Athenian Patriotism and Functioning of Ephebeia's Institution... 3
A. V. Vasilyev (St. Petersburg) — Deformations in the System of the Roman Magistracies in Time of the Second Punic War (218–201 BC) 10
U. B. Tsirkin (St. Petersburg) — Gaius Flaminius 21
A. A. Pavlov (Syktyvkar) — Plebeian Tribunes in the "Roman Questions" by Plutarch..... 42
A. V. Kargaltsev (St. Peterburg) — The Life of Tertullian and His Ecclesiological Views.... 48
E. A. Mekhamadiev (St. Petersburg) — Military unit of the Angrivarii, the "Veronese manuscript" (Laterculus Veronensis) and the invasion of Alaric in Italy: on the Question of the Date of the Late Roman Inscription from Augsburg 57

Round table "Cristianity in the Antiquity and Early Middle Ages: Problems of Study of Sources"

A. D. Panteleev (St. Petersburg) — Christian Martyrdom in the Context of the Roman Spectacles 75

A. V. Karaseva (Ivanovo) — Poisoned Spring or On Earlier and "New" Translation of Arnobius 89
A. M. Bolgova (Belgorod) — Procopius of Gaza: Rhetorician and Theologian 101

THE BLACK SEA REGION

N. Sheiko (Kiev) — Pergamum and Ephesus Type Lamps from Olbia (Import and Local Replicas) 108

THE ANCIENT ORIENT

R. A. Orekhov (Moscow) — Circumcision in Ancient Egypt — Ritual Interpretation from the Stand Point of Middle Eastern and African Traditions 124
G. A. Koshelenko, V. A. Gaibov (Moscow) — Hellenistic East: Colonization of the Upper Satrapies (Scales, Dynamics, Character) 141

PREHISTORY

S. V. Sotnikova (Tobolsk) — On the Question of Pair Horses Burials in the Bronze Age Chariot Cultures: the Reconstruction of Rituals and Performances (Evidances of Monuments of Sintashta and Petrovka Types) 176

MESOAMERICA

I. A. Savchenko (Moscow) — On the Issue of the Structure of the Ancient Mayan Settlement in Southeastern Petén (Guatemala), the 7th — 9th centuries AD 190

MODERN HISTORY

K. Y. Mogarychev (Simpheropol) — Marseilles Assassination (1934) in Perception of Ukrainian Public in Poland and USA (on Material of Newspapers "Dilo" and "Svoboda") 197

HISTORY OF SCIENCE

E. D. Zilivinskaya, A. S. Smirnov (Moscow) — The First Excavations in the City-Site Selitrennoye in Astrakhan Province 203

IN WORLD MUSEUMS

M. G. Abramzon (Magnitogorsk), *N. A. Frolova* (Moscow) — Coins of Ancient Sicily in the State Historical Museum 212

PHILOLOGY

LITERARY CRITICISM

T. A. Alfer'eva (Berezovsky) — «Person» as a Category of Women's Selfconsciousness in Russian Prose at the end of the 17th — the early 18th century 246
O. V. Timashova (Saratov) — Comedy "The Divide" (1853) in an Early Dramatic System by A. F. Pisemsky and in the Context of the Journal "Sovremennik" 255
O. V. Akhmadrakhimova (Ufa) — Russian Language Alternatives of Bashkir Folk Epic "Zayatulyak and Hyuhylu"..... 264

LINGUISTICS

A. A. Yelistratov (Chelyabinsk) — Contrastive Study of Some Features of the Language Game in Youth Jargon (on English and Russian Language Material)..... 269
V. Yu. Steshevich (Moscow) — The 3rd Person Imperatives in Russian and Serbian Languages..... 277
D. D. Suleymanova (Ufa) — About the Phoneme [R] in Turkic-Basque Correspondences .. 285
Ma Tsin (Moscow) — Analysis of Representative of Concept Wisdom in Russian Language 291
M. O. Izhyk (Kiev) — Etymological Components of Malagasy Native Language..... 294

CULTURE

ETHNOLOGY

V. V. Medvedev (Magnitogorsk) — A Bridge in Traditional Life of the Chuvashi 300
I. R. Atnagulov (Magnitogorsk) — To the Issue of Ethnogeneses and Periodization of the Nagaibaks History..... 309
I. R. Atnagulov (Magnitogorsk) — Cattle Breeding of the Nagaibaks in the Second Part of the 19th — the early 20th century 318
A. A. Yarzutkina (Anadyr) — Shopkeepers From a Number of Native Inhabitants of Chukotka in the End of the 19th — the early 20th century: Micro-Historical Reconstructions..... 324
V. S. Efimov, A. V. Lapteva, U. S. Borisova (Novosibirsk) Problems of the Sakha People Ethnic Identity Reproduction (on the Ethno-Sociological Research Materials in Sakha Yakutia Republic)..... 333
I. V. Octyabrskaya, E. V. Antropov (Novosibirsk) — Modern Ethno-Social Processes in the Development of Novosibirsk and Novosibirsk Region in the Context of Migration..... 349
M. V. Borisova (Novosibirsk) Theory and practice of interculturalism in the Modern World.. 367

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

S. G. Shulezhkova (Magnitogorsk) — VT. Bondarenko. Reply Replicas in Russian Dialogical Speech: Vocabulary. Tula, 2013 375

SCIENTIFIC EVENTS

I. R. Atnagulov (Magnitogorsk) — Regional Scientific-Practical Conference "Ethnic Processes in the South Ural" (Magnitogorsk, April 30, 2014) 379

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по правилам:

Статьи представляются в 1 экземпляре в электронной форме на CD или другом носителе (присылаются на e-mail: history@masu.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии – 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме на русском и английском языках (один абзац и список ключевых слов (не более восьми)), а также почтовый и электронные адреса авторов, место работы и должность.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Литература

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L.; New York.

Для литературных произведений:

Толстой Л.Н. 1980-1982: Полное собрание сочинений. М.

Пушкин А.С. 1960-1968: Собр.соч.: в 10 т. М.

Пушкин А.С. 1978: Избранное: в 3 т. М.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК. 63, 106-108.

Аннинский А.П. 2008: Беседа о странностях истории // Родина. 2, 18-26.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97 – 145.

Для книг/статей без авторов:

Сайко Э.В. (ред.) 2001: Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.

Волина С.Л., Ромаскевич А.А., Якобовский А.Я. (ред.) 1938: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Арабские и персидские источники. М.; Л.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18-19 об.

Для электронных документов:

Городецкий С. 2011: Письма с фронта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.simonov.co.uk/biography.htm.

Brooke R. 2010: His actual reaction to war. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed). Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

+16

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2014

Сдано в набор 23.06.2014. Подписано в печать 2.07.2014. Дата выхода 2.07.2014
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 11-0868 от 25.09.2006 в Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому Федеральному округу.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Редакция: 455038, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 114, каб. 514.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.